Г. Б. Іоллосъ.

Письма изъ Берлина

Библіотека „Общественной Пользы“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39.
1904.

Большинство писемъ, вошедшихъ въ настоящій сборникъ, написаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій политической и культурной жизни Германіи, свидѣтелемъ которыхъ автору пришлось быть въ продолженіе многихъ лѣтъ. Обладая всѣми недостатками спѣшной газетной работы, «Письма изъ Берлина», быть можетъ, имѣютъ то небольшое достоинство, что отражаютъ въ себѣ общественный интересъ переживаемой эпохи и проникнуты стремленіемъ уяснить себѣ и другимъ смыслъ наблюдаемыхъ явленій. Этимъ только и можетъ быть мотивировано появленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльномъ сборникѣ.

Величайшій русскій публицистъ замѣтилъ 55 лѣтъ тому назадъ «съ того берега»: «Здѣсь страданія болѣе ужасны, жгучи, ядовитая злоба примѣшивается къ любви, желчь и слеза, но—несмотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, борьба открытая, никто не прячется». Какъ ни измѣнились съ тѣхъ поръ условія политической и соціальной жизни запада, отмѣченное въ приведенныхъ словахъ различіе остается въ силѣ и заставляетъ удѣлять формамъ общественной борьбы столько же вниманія, сколько ея содержанію. Чѣмъ больше вѣра «въ кучку людей и въ небольшое число мыслей» смѣняется убѣжденіемъ, что прогрессъ человѣчества достигается просвѣщеніемъ, организаціей, соединеніемъ силъ, тѣмъ яснѣе становятся достоинства состязательнаго процесса въ обсужденіи государственныхъ нуждъ, основаннаго на гласности и законности. Опытъ Германіи показываетъ, что даже государственные люди, девизомъ которыхъ былъ авторитетъ, а не майоритетъ, должны были придти къ заключенію, что величіе страны, ея благосостояніе и значеніе

въ мірѣ зависятъ отъ степени участія населенія въ рѣшеніи собственныхъ судебъ, отъ сознанія своихъ правъ и своей отвѣтственности у гражданъ. Нѣкоторыя доказательства читатели найдутъ главнымъ образомъ въ статьѣ о Бисмаркѣ, написанной вскорѣ послѣ смерти объединителя Германіи. «Нѣтъ хуже врага государству и порядку, писалъ еще 100 лѣтъ тому назадъ реформаторъ Пруссіи Штейнъ, какъ апатія населенія: если отношенія между государствомъ и населеніемъ сводятся къ тому, что первое всѣми управляетъ, а послѣднее только подчиняется, то у людей не развивается истиннаго, сознательнаго патріотизма и пониманія, что страна—это они сами».

Журналистъ, конечно, не объективный историкъ. Присматриваясь къ политической борьбѣ Германіи, авторъ имѣлъ, однако, то преимущество предъ нѣмецкими ея наблюдателями, что, не отождествляя себя ни съ одной изъ существующихъ здѣсь партій, могъ безпристрастно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отмѣчать въ людяхъ и событіяхъ ихъ положительныя и отрицательныя стороны. Внѣ политической жизни, но очень часто въ зависимости отъ нея, для иностранца въ Германіи открывается широкая область культурныхъ и экономическихъ интересовъ, изученіе которыхъ не только доставляетъ личное удовольствіе, но также даетъ указанія для практической работы въ собственномъ отечествѣ. Въ этихъ письмахъ читатели поэтому часто найдутъ сообщенія о народномъ образованіи и рабочемъ законодательствѣ, продиктованныя желаніемъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ тому, чтобы участь трудящихся пользовалась вниманіемъ и чтобы исчезла пропасть между образованностью меньшинства и невѣжествомъ массъ, которая раздѣляетъ страну на два народа, говорящихъ разнымъ языкомъ и живущихъ въ разныхъ эпохахъ цивилизаціи.

Г. І.

Берлинъ,
$^{10}/_{23}$ апрѣля.

Отъ Фридриха-Вильгельма IV до Вильгельма II.

1795—1895 гг.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, 15-го октября нов. ст., исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія прусскаго короля, котораго называютъ романтикомъ на тронѣ Гогенцоллерновъ. Безъ горечи и ненависти, потомки людей 48-го года отдаютъ теперь дань справедливости дарованіямъ и намѣреніямъ несчастнаго Фридриха-Вильгельма IV. Самый суровый отзывъ заканчивается признаніемъ, что если онъ глубоко заблуждался, то страданіями души искупилъ свои ошибки. Во многихъ статьяхъ, однако, бросается въ глаза одна интересная особенность: прощая давно сошедшему со сцены, современники предупреждаютъ его близкаго потомка отъ ошибокъ и увлеченій, основывающихся на наслѣдственности характера. И не въ первый разъ въ Германіи замѣчаютъ, что у Вильгельма II есть черты, сходныя съ личностью Фридриха-Вильгельма IV. Параллель невольно напрашивается даже при чтеніи исторіи Трейчке, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прусскій исторіографъ, конечно, безъ всякаго умысла характеризуетъ короля-оратора, увлекавшагося собственнымъ краснорѣчіемъ, или когда онъ говоритъ о любви Фридриха-Вильгельма IV къ пышной внѣшности, объ его художественныхъ вкусахъ, страсти къ постройкамъ и „безпокойной жаждѣ къ перемѣнѣ мѣста, выражавшейся въ частыхъ поѣздкахъ, насколько ихъ допускало несовершенство путей сообщенія того времени“ [1]).

---

[1]) Heinrich Treitschke, Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert. Bd. V (1894), p. 168. Чтобы не испещрять статьи цитатами, замѣтимъ, что главнымъ ея источникомъ, кромѣ „Исторіи“ Трейчке, была біографія D. Friedemann'a: „Friedrich-Wilhelm IV“.

Безъ сомнѣнія, въ такихъ параллеляхъ много заманчиваго, но мы впали бы въ большую ошибку, если-бы не замѣтили за внѣшнимъ сходствомъ и очень крупнаго различія. Это лучше всего можно выразить, если напомнить въ главныхъ чертахъ исторію Фридриха-Вильгельма и первыхъ лѣтъ его царствованія.

Рѣдкому наслѣднику судьба посылала тронъ при столь благопріятныхъ условіяхъ, при такомъ расположеніи народа, какъ то было съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Не зная еще его, общество надѣляло молодого короля всѣми добродѣтелями, которыхъ не было у его предшественника. Страшнымъ, „оловяннымъ“, какъ выражаются нѣмцы, гнетомъ давила Пруссію рука ограниченнаго Фридриха-Вильгельма III, къ которому больше, чѣмъ къ кому-либо изъ Гогенцоллерновъ, подходила жестокая, несправедливая въ своемъ обобщеніи, характеристика Гейне:

Das Brutale in der Rede;
Das Gelächter ein Gewieh'r;
Stallgedanken und das öde
Fressen – jeder Zoll ein Thier!

Надъ германскимъ союзомъ царилъ Меттернихъ, и нигдѣ его распоряженія не исполнялись съ большей готовностью, чѣмъ въ Пруссіи. Наука считалась подозрительной, печать находилась въ такомъ униженіи, что даже передовыя статьи распространеннѣйшей тогда въ Берлинѣ газеты, „Spener'sche Zeitung“, посвященныя вопросамъ о мостовыхъ и фонаряхъ, возбуждали подозрѣніе цензуры. Не только патріотическое мечтаніе буршей, но и физическія упражненія гимнастическихъ обществъ признаны были опасными и возмутительными. Контрастъ съ недавнимъ прошлымъ, когда униженная Наполеономъ Пруссія искала выхода изъ государственнаго бѣдствія въ либеральныхъ реформахъ Штейна, былъ поразительный. На Рейнѣ, гдѣ еще жило воспоминаніе о французскомъ завоеваніи, съ чѣмъ связано было знакомство съ новыми идеями Франціи, протестъ не прекращался; однако и въ остальной Пруссіи тюрьмы переполнены были „демагогами“. Идеалъ германскаго единства сочетался въ просвѣщенной части населенія съ требованіями свободы, оправившимися на собственныхъ обѣщаніяхъ короля. Въ рескриптѣ, отъ 22-го мая 1815 г., Фридрихъ-Вильгельмъ III торжественно обѣщалъ своему народу конституцію. „Дабы, — сказано въ рескриптѣ, — благодѣтельное состояніе гражданской свободы

покоилось на прочныхъ основаніяхъ. Мы постановили образовать представительство народа, которое должно обсуждать всѣ предметы законодательства, включая и податные". Когда опасность для Пруссіи миновала, король забылъ о своемъ обѣщаніи, но „демагоги" не переставали о немъ напоминать.

Королева Луиза, умственно и нравственно стоявшая неизмѣримо выше мужа, такъ характеризуетъ въ письмахъ своихъ сыновей: „Нашъ сынъ Вильгельмъ (впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I) простъ, честенъ и благоразуменъ... Кронпринцъ же (Фридрихъ-Вильгельмъ IV) полонъ жизни и ума. У него выдающіеся таланты, развиваемые счастливымъ воспитаніемъ. Во всѣхъ его чувствахъ и словахъ нѣтъ лжи, и его живость не допускаетъ притворства. Онъ охотно изучаетъ исторію, въ которой все благородное и великое привлекаетъ его идеальную душу. При этомъ у него много остроумія". Матери, конечно, не безпристрастные судьи, но послушаемъ отзывъ учителя кронпринца, знаменитаго Нибура: „Я никогда не видалъ,—пишетъ онъ, —болѣе благородной юношеской натуры. Давать ему уроки—наслажденіе; онъ внимателенъ, пытливъ, полонъ интереса; глубокая серьезность не мѣшаетъ жизнерадостности; сердце воспріимчиво, фантазія широкаго полета; ища поученія, онъ никогда слѣпо не подчиняется авторитету". Десять лѣтъ спустя, когда Фридрихъ-Вильгельмъ уже былъ вполнѣ взрослымъ человѣкомъ, Нибуръ ожидаетъ отъ него „исправленія того, что̀ еще не удовлетворительно (въ государствѣ). Все въ немъ чисто и благородно,—такъ что Пруссія и Германія могутъ ожидать великихъ дѣяній". Благопріятное мнѣніе о кронпринцѣ распространено было и внѣ Пруссіи, такъ что Гёте въ разговорахъ съ Экерманомъ замѣчаетъ: „я возлагаю большія надежды на прусскаго наслѣдника. Это, должно быть, очень выдающійся человѣкъ, а (въ его будущемъ положеніи) нужно быть выдающимся человѣкомъ, чтобы выбрать себѣ талантливыхъ и честныхъ помощниковъ".

Мистическія наклонности будущаго короля, правда, еще задолго до его вступленія на престолъ внушали сомнѣнія дальновиднымъ наблюдателямъ изъ его приближенныхъ, но до публики это доходило въ слабыхъ откликахъ, смѣшивавшихся съ другими, въ которыхъ выражалось искреннее уваженіе кронпринца къ наукѣ, его терпимость, художественные вкусы. Казалось, что въ этомъ талантливомъ человѣкѣ заключалось нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ обычный „либерализмъ наслѣдниковъ".

Гробовое молчаніе толпы, стоявшей Подъ-Липами въ ночь на

11 іюня 1840 г., когда изъ замка перевозили въ Шарлоттенбургскій мавзолей прахъ Фридриха-Вильгельма III, на слѣдующій день смѣнилось всенароднымъ ликованіемъ. Наступаетъ давно жданная весна для Германіи, кончилась суровая зима. Король обнародовалъ завѣщаніе отца, которое только ярче освѣщало въ глазахъ современниковъ контрастъ между только-что пережитымъ и грядущимъ. „На тебя, мой любезный Фрицъ, переходитъ бремя правленія со всею тяжестью его отвѣтственности. Берегись распространеннаго теперь новаторства, берегись непрактичныхъ теорій, которыхъ столько въ оборотѣ!“ Граждане видѣли въ этихъ словахъ тщетное желаніе стараго короля и за гробомъ еще распространить свой гнетъ на подчиненную страну. Тѣнь не была опасна, тѣмъ болѣе, что поступки новаго короля очевидно противорѣчили всему, что происходило до сихъ поръ. Депутаціи, являвшіяся въ дворецъ, выносили впечатлѣніе, что нѣтъ ничего свѣтлаго и просвѣщеннаго, что не было бы близко королю. Генералъ Бойенъ, попавшій въ опалу за свой либерализмъ, назначенъ былъ военнымъ министромъ. Одинъ изъ первыхъ истинныхъ и мужественныхъ голосовъ, раздавшихся при дворѣ, былъ голосъ этого стараго солдата, говорившаго королю: „мы стоимъ предъ Рубикономъ, но переходъ не имѣетъ цѣлью разрушеніе, какъ у Цезаря, нѣтъ: цѣль состоитъ въ развитіи учрежденій въ духѣ новаго времени, это задача —указанная Промысломъ вашему величеству! Вмѣсто того, чтобы дать себя толкать, пусть правительство само лучше возьметъ на себя инціативу“.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти стараго короля, какъ изъ тюремъ выпущены были всѣ политическіе узники; эмигрантамъ, желающимъ вернуться на родину, дано обѣщаніе, что ихъ не станутъ преслѣдовать; братьямъ Гриммъ открылись двери академіи; Эрнсту Морицу Арендту возвращена профессура въ Боннѣ, гдѣ университетъ встрѣтилъ пѣвца освобожденія съ распростертыми объятіями и тотчасъ же выбралъ его своимъ ректоромъ. Съ возвращеніемъ къ свободѣ научнаго изслѣдованія, по идеямъ Фридриха-Вильгельма, должно было сочетаться и освобожденіе печати отъ гнета цензуры. На поляхъ одного изъ представленныхъ ему докладовъ король написалъ: высшая задача печати состоитъ въ раскрытіи злоупотребленій, о которыхъ я другимъ путемъ не могу быть освѣдомленъ; но для этого печать должна быть свободна“. Если уже въ первый годъ новаго царствованія не послѣдовало полной отмѣны цензуры, то современники объясняли это „политическими соображеніями по отношенію къ союзному законодательству и карлсбадскимъ постановленіямъ въ особенности“.

Для насъ, обозрѣвающихъ теперь эти событія на разстояніи болѣе 50 лѣтъ, вполнѣ очевидно, что какъ относительно отмѣны цензуры, такъ и всѣхъ другихъ благихъ начинаній, король былъ связанъ не только Меттернихомъ, но и внутренней прусской кликой, благополучіе которой зависѣло отъ сохраненія стараго режима. Леопольдъ Герлахъ записалъ въ своихъ мемуарахъ: „король желаетъ полной свободы печати, представительства сословій, конституціи: исполненію его идей мѣшаетъ только механическое противодѣйствіе министерства". Когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV замѣтилъ, что пора, по крайней мѣрѣ, освободить отъ цензуры писанія профессоровъ, Тиле (Thile) возразилъ: „среди ученыхъ именно всего больше атеистовъ и радикаловъ". И со свойственной людямъ слабой воли манерой король обдумывалъ, соображалъ и откладывалъ свои намѣренія. Серьезнѣе еще, чѣмъ „frommer Höflingstross, der Stolberg, Gerlach, Thile, der Radovitz und Voss", была оппозиція его брата, принца Вильгельма (I). Въ глазахъ принца, взявшаго на себя роль хранителя завѣтовъ отца, поступокъ оберъ-президента Шёна (Schön) въ Кёнигсбергѣ, воспользовавшагося коронаціей, чтобы отъ имени сословнаго ландтага напомнить королю объ обѣщаніяхъ отца, былъ „верхомъ иллойальности". Съ чувствомъ истиннаго патріота несоединимо —требовать гарантій. Покойный король замѣтилъ, что вездѣ „за границей подобныя репрезентативныя учрежденія создаютъ только смуту и раздраженіе".

Общество думало, однако, иначе, какъ это яснѣе всего выражало постановленіе восточно-прусскаго провинціальнаго собранія. Большинствомъ 89 голосовъ противъ 5 принято было постановленіе просить короля при коронаціи въ Кёнигсбергѣ о „довершеніи дѣла отца установленіемъ представительнаго порядка". Нужно замѣтить, что преобладающее большинство, принявшее резолюцію купца Гейнриха (фамилія), было „юнкерское", но „юнкеры", какъ братья Ауэрсвальдъ или Заукенъ-Тарпученъ, имѣли мало сходства со своими потомками. Кантіанецъ Шёнъ, одинъ изъ довѣренныхъ лицъ новаго короля, стоялъ во главѣ либеральнаго движенія. Будучи оберъ-президентомъ, онъ не стѣснялся высказывать свое рѣшительное сочувствіе новымъ идеямъ. Когда стала надвигаться туча реакціи, Шёнъ не побоялся выразить свои взгляды въ знаменитой брошюрѣ: „Woher und Wohin?", и теперь еще принадлежащей къ интереснѣйшимъ историческимъ документамъ. Шёнъ доказывалъ королю (которому онъ прислалъ свой трудъ), что Фридрихъ Великій исполнилъ свое назначеніе, состоявшее въ томъ, чтобы воспитать народъ, едва еще

начинавшій мыслить почеловѣчески. „Прислуга“, черезъ которую Фридриху приходилось дѣйствовать, постепенно, однако, превратилась въ бюрократическую касту, потерявшую всякую культурную миссію и тяжело давящую всѣ сословія своимъ хищничествомъ, надменностью и произволомъ. Единственный выводъ изъ несноснаго положенія представляетъ обращеніе короля къ довѣреннымъ лицамъ народа и назначеніе контроля постояннаго представительства надъ дѣйствіями „прислуги“. Послѣдняя не только задерживаетъ прогрессъ, но и „обманываетъ своего господина, скрывая отъ него все то, что не въ ея интересахъ“.

Слабая, колеблющаяся личность Фридриха-Вильгельма IV уже начинаетъ выясняться въ шатаніяхъ между этими идеями и нашептываніями придворной камарильи. Во время коронаціи въ Кенигсбергѣ онъ возмущается, что отъ него требуютъ гарантіи, когда онъ хочетъ довѣрія. Шенъ его убѣждаетъ, что народъ ему довѣряетъ и требуетъ гарантій только отъ произвола „лакеевъ“. Король успокоивается и увѣряетъ, что хочетъ того же, начинаетъ даже излагать свои планы относительно соединеннаго ландтага, такъ что Шенъ, выходя отъ него, радостно говоритъ Александру Гумбольдту: „der König ist noch liberaler als wir“. Является его братъ, принцъ Вильгельмъ, съ Роховымъ и начинаетъ доказывать, что исполненіе желаній либерализма было бы измѣною традиціямъ отца, и только-что выраженныя королемъ намѣренія поколеблены. На слѣдующій день онъ уже отвѣчаетъ депутаціи, что намѣренъ не отступать отъ предначертаній Фридриха-Вильгельма III, не поддаваясь иллюзіямъ „такъ называемыхъ представительствъ“.

Исторія царствованія Фридриха-Вильгельма IV до 48-го года ознаменована постепеннымъ паденіемъ довѣрія народа къ королю: мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходитъ въ ожиданіяхъ, что наконецъ наступятъ рѣшительныя реформы, и параллельно съ этимъ распространяется и обостряется оппозиція правительству. Отдѣльныя мѣры возбуждаютъ угасающую надежду, но за ними тотчасъ же слѣдуютъ другія, столь противорѣчивыя, что довѣріе исчезаетъ въ самыхъ преданныхъ кругахъ. Король краснорѣчиво говоритъ, путешествуетъ, вездѣ изливаетъ свои благородныя чувства, но въ обществѣ убѣждаются, что „Camarilla“ сильнѣе слабаго монарха. Прежніе друзья мистическихъ собесѣдованій въ Шарлоттенгофѣ превращаются въ ловкихъ временщиковъ, пользующихся неустой-

чивостью властелина, чтобы внушить ему подозрѣніе къ новымъ идеямъ. Въ мистическихъ и художественныхъ представленіяхъ Фридриха-Вильгельма, когда онъ еще былъ кронпринцемъ, грубо прозаическая государственная теорія Галлера превратилась, по выраженію Трейчке, въ картину, полную красокъ и національныхъ костюмовъ, исключавшую даже идею государственнаго единства и ставившую на ея мѣсто историческое раздѣленіе сословій: представительство только тогда законно, когда оно основывается на старинномъ совѣщаніи властелина съ вассалами. Отклики мистицизма подъ руками временщиковъ сгущаются въ піетистическія убѣжденія, становящіяся уже не выраженіемъ мнѣнія, а мотивомъ притѣсненій. Кронпринцъ не любилъ новыхъ философовъ, о которыхъ при его дворѣ говорили, что они „die Bibel hegelten und den Hegel bibelten“. Реакціонная камарилья теперь старалась убѣдить короля, что злой духъ Гегеля и французской революціи лежитъ во всѣхъ практическихъ требованіяхъ либерализма. Чѣмъ радикальнѣе становилась оппозиція, тѣмъ больше клика забирала въ руки власть. Процессъ Іоганна Якоби, оправданнаго верховнымъ судомъ за брошюру: „Die vier Fragen“, послужилъ поводомъ къ стѣсненію печати. Ученому, какъ Дальманъ, давали выговоръ за близость со студентами; начиналось вмѣшательство въ независимость суда, клерикализація школы.

Александръ фонъ-Гумбольдтъ, къ которому Фридрихъ-Вильгельмъ IV питалъ глубокое уваженіе, какъ къ одному изъ величайшихъ представителей человѣческаго генія, у постели котораго онъ могъ сидѣть часами, читая ему вслухъ и ловя его замѣчанія, писалъ въ 1844 г.: „Въ Сансуси, я, къ сожалѣнію, встрѣчалъ свой 75-й годъ, — говорю: къ сожалѣнію, потому что въ 1789 г. я думалъ, что міръ разрѣшитъ еще нѣсколько вопросовъ, я многое видѣлъ, но слишкомъ оно мало отвѣчало моимъ требованіямъ“. Узнавъ о запрещеніи Бруно Бауэру читать лекціи, Гумбольдтъ замѣчаетъ: „мы возвращаемся къ до-адамовскимъ временамъ! Въ моей молодости такъ, какъ мыслитъ Бруно, думали даже придворные проповѣдники“.

„Ваше превосходительство часто посѣщаете церковь“? спросилъ однажды во дворцѣ Герлахъ этого великаго ученаго. „Съ вашей стороны, — отвѣтилъ Гумбольдтъ, — это очень мило: вы указываете мнѣ путь, на которомъ теперь можно сдѣлать карьеру“.

Вновь стѣсненная и измученная цензурой, печать пользовалась небольшимъ вліяніемъ въ обществѣ, но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сплетня, эпиграмма и карикатура, въ которыхъ фигурировала личность короля, переходили изъ рукъ въ руки и изъ

устъ въ уста. Наиболѣе характерная карикатура изображала Фридриха-Вильгельма въ одной рукѣ державшимъ ordre, въ другой — contre-ordre; на лицѣ написано было: Désordre.

Когда, наконецъ, послѣ долгихъ потугъ, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился обнародывать декретъ о созывѣ „соединеннаго ландтага", представлявшаго комбинацію провинціальнаго самоуправленія съ общегосударственнымъ представительствомъ, но безъ самостоятельной законодательной инціативы и рѣшающаго голоса, въ обществѣ, вмѣсто благодарности, только усилилось негодованіе. Отвѣтомъ умѣренной оппозиціи была книга судьи Генриха Симона (Simon): „Annehmen oder Ablehnen?", имѣвшая колоссальный успѣхъ. Смыслъ ея заключался въ словахъ: „мы просимъ у тебя хлѣба, а ты даешь намъ камень". Болѣе радикальные критики выражались еще рѣзче и прямо ставили вопросъ о необходимости коренной перемѣны уже вовсе не въ монархическомъ смыслѣ. Всѣ надежды были обмануты, всѣ иллюзіи изчезли, но единственный человѣкъ, который ничего не видѣлъ и не терялъ иллюзій, былъ король. При открытіи соединаго ландтага въ бѣлой залѣ дворца, происходившемъ съ чрезвычайной пышностью, король, окруженный всѣми принцами, произнесъ историческія слова: „Никакой силѣ на землѣ никогда не удастся побудить меня замѣнить естественное, столь сильное своею очевидной правдою, отношеніе между княземъ и народомъ, условнымъ, конституціоннымъ, дѣланнымъ. Никогда не допущу, чтобы между нашимъ Создателемъ на небѣ и этой страной сталъ листъ неписаной бумаги, чтобы старая вѣрность замѣнена была параграфомъ договора". Увлекаясь собственнымъ краснорѣчіемъ, ораторъ взывалъ къ своему народу, который „пусть судитъ, заслужилъ ли онъ всѣ низкія оскорбленія, которымъ онъ и его нравственность подвергаются уже въ теченіе семи лѣтъ".

Не прошло и года послѣ этихъ словъ, какъ мартовскіе дни опрокинули все ветхое зданіе стараго порядка. Принцъ Вильгельмъ, на котораго обрушилась народная ненависть, считавшая его злымъ демономъ слабохарактернаго брата, долженъ былъ бѣжать переодѣтымъ, подъ именемъ купца Лемана, въ Англію; король же не только подчинился и созвалъ національное собраніе, но съ непокрытой головой вышелъ къ народу, внесшему во дворецъ трупы убитыхъ на баррикадѣ.

Насъ завлекло бы слишкомъ далеко, еслибы мы захотѣли набросать здѣсь исторію 48-го года и реакціи, временно наступившей послѣ пораженія демократіи. Къ характеристикѣ личности Фридриха-Вильгельма IV они ничего больше не прибавляютъ. Для него „infâme Revolte“, какъ онъ выражался, было болѣзнью, „противъ которой есть только одно средство: знаменіе животворящаго креста“. Но его правительство думало иначе и предпочитало бороться съ болѣзнью гоненіями, наказаніями, стѣсненіемъ науки, преслѣдованіемъ независимыхъ судей. Несчастный король въ душѣ одинаково перестрадалъ и свое малодушіе въ отношеніи къ побѣдителю-народу, и свою роль куклы въ рукахъ торжествующихъ реакціонеровъ, которымъ не было дѣла ни до науки, ни до мистическихъ идеаловъ короля. Порою онъ находилъ утѣшеніе въ надеждѣ на осуществленіе христіанско-германскаго государства, составлявшаго мечту его юности, но люди новаго времени отталкивали его своею суровостью и нетерпимостью. Баварскій еврей, профессоръ Шталь, ставшій проповѣдникомъ консерватизма и лютеранскаго піетизма и до сихъ поръ еще считающійся духовнымъ отцомъ консервативной партіи въ Германіи, тяготѣлъ надъ помрачившимся умомъ, но ничего не говорилъ сердцу короля. Тщетно старый другъ Бунзенъ еще старался поднять Фридриха-Вильгельма на высоту, указывая ему на возможность плодотворной дѣятельности: „Ваше величество — писалъ Бунзенъ изъ Лондона — были призваны стать посредникомъ между старой и новой эпохой. Старое исчезло, такъ какъ въ его формахъ не было содержанія, а для новаго содержанія нужны другія формы. Слезы и жалобы не вернутъ прошлаго. Новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ; что въ старомъ было хорошаго, останется и въ новыхъ формахъ. Ваше величество, берегитесь, чтобы на васъ не смотрѣли какъ на любителя художественной старины, тогда какъ ваша задача — быть законодателемъ, понимающимъ идеи и языкъ своего столѣтія“...

Бунзенъ тогда взывалъ уже къ угасавшему духу. Окружающіе еще въ 1848 г. стали замѣчать, что король теряетъ представленіе о дѣйствительности, впадаетъ въ безпамятство и порою страдаетъ маніей преслѣдованія. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось его понимать; онъ проявлялъ порою жестокость, которая прежде вовсе чужда была его натурѣ; вездѣ ему видѣлись враги, отъ малѣйшаго шороха онъ въ состояніи былъ упасть въ обморокъ. Послѣ удара, случившагося съ нимъ въ Дрезденѣ, состояніе короля нельзя было скрыть отъ народа. Въ свѣтлые проблески

Фридрихъ-Вильгельмъ цѣпко хватался за корону; мысль о регентствѣ брата, принца Вильгельма, приводила его въ ужасъ и заставляла проливать горькія слезы. Тѣмъ не менѣе, регентство стало необходимо. Больной впадалъ въ полный идіотизмъ. „Armer, armer Mann!!“ говорилъ онъ самъ про себя въ рѣдкіе проблески яснаго сознанія.

Когда 2-го января 1861 г. колокольный звонъ далъ знать жителямъ Берлина, что скончался король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, населеніе отнеслось къ этой вѣсти безъ всякаго участія. Преемникъ уже давно былъ регентомъ, и если его формальное воцареніе на престолъ и не вызывало восторга, то и не возбуждало опасеній. Опытъ жизни уже успѣлъ убѣдить принца, считавшагося сильнымъ, крѣпкимъ оплотомъ реакціи, что тщетно, безумно бороться съ идеями времени, являющимися могущественнымъ двигателемъ политической силы и матеріальнаго развитія. Одинъ изъ интереснѣйшихъ уроковъ исторіи заключается въ этомъ превращеніи Вильгельма I изъ поклонника патріархальнаго строя въ конституціоннаго короля.

Выраженіе: „романтикъ на тронѣ Гогенцоллерновъ“, которое мы привели въ началѣ письма, какъ извѣстно, принадлежитъ Давиду-Фридриху Штраусу. При общественныхъ условіяхъ Германіи въ 40-хъ годахъ было вполнѣ естественно, что великому мыслителю, желавшему высказаться о щекотливыхъ вопросахъ современности, стоялъ открытымъ не прямой путь критики, не честный языкъ трибуна, а эзоповская манера басни или историческая параллель, не выраженная expressis verbis, хотя и сама напрашивавшаяся на мысль читателю. Въ публичной лекціи Штрауса объ Юліанѣ Отступникѣ, или „Романтикѣ на тронѣ Цезарей“, общество поняло истинный смыслъ характеристики римскаго императора и смѣлое намѣреніе философа.

Пусть характеристика прошлаго — односторонняя, но не въ исторической правдѣ лежитъ достоинство такихъ параллелей. Личность Юліана можетъ быть иначе понята; въ ней скорѣе преобладаетъ желѣзная воля, пытавшаяся остановить колесо человѣчества, сила воли, которой было такъ мало у Фридриха-Вильгельма, что даже преданный Герлахъ съ горечью говорилъ: „мы никогда не знаемъ въ засѣданіи кабинета,—не будетъ ли король защищать то, что онъ только-что опровергалъ“. Что однако гораздо болѣе цѣнно и оправдываетъ такія параллели, это вѣрное освѣщеніе эпохи и противопоставленіе личности задачамъ ея времени. Нашумѣвшая въ

прошломъ году брошюра проф. Квидде была подражаніемъ „Юліану“ Штрауса, но оригиналъ отличается отъ копіи не столько черезчуръ уже лубочною густотой красокъ, сколько отсутствіемъ перспективы и философской мысли. Вслѣдствіе этого въ новомъ памфлетѣ не столько выясняется смыслъ эпохи, сколько недостатки личности, тогда какъ въ лекціи Штрауса еще теперь находятся идеи, освѣщающія болѣе продолжительный періодъ, чѣмъ время Фридриха-Вильгельма IV.

„Историческія эпохи, благопріятныя для появленія романтизма и романтиковъ, писалъ Штраусъ,—это тѣ, въ которыхъ на смѣну дряхлѣющей цивилизаціи идетъ новая, но послѣдняя еще не готова и не вполнѣ выражена, а потому въ сравненіи съ развитыми положеніями своей предшественницы, она кажется только отрицаніемъ. Въ такіе поворотные пункты исторіи, люди, у которыхъ чувство и фантазія преобладаютъ надъ яснымъ мышленіемъ,—Seelen von mehr Wärme als Helle,—всегда обращаются назадъ къ старому. Не находя удовлетворенія въ окружающей прозѣ, они тоскуютъ по старинѣ, рвутся къ старымъ традиціямъ, къ міру, полному образовъ и мягкихъ чувствъ, пытаясь возстановить его для себя и для другихъ. Такъ какъ они, однако, все же дѣти своего времени и больше проникнуты новыми принципами, чѣмъ сами это сознаютъ, то старое въ ихъ представленіи въ сущности уже не чистая старина, а смѣсь стараго съ духомъ новаго, и вслѣдствіе этого дѣлается вѣрнѣе побѣда новаго принципа, которому они сами выдаютъ себя головою. Заключающееся въ такихъ натурахъ противорѣчіе обыкновенно закутано фантастическими сумерками. Романтизмъ въ сущности мистицизмъ, и только мистическія души могутъ быть романтиками“.

Если мы отъ далекаго прусскаго прошлаго обратимся къ современнымъ условіямъ Германіи и спросимъ: что въ этой характеристикѣ напоминаетъ Вильгельма II?—то отвѣтъ будетъ въ существеннѣйшемъ пунктѣ вполнѣ отрицательный. Это не исключаетъ внѣшнихъ формъ наслѣдственности, сходства во второстепенныхъ чертахъ, но не ими опредѣляется содержаніе личности. Вильгельмъ II меньше всего романтикъ. Въ его рѣчахъ и изреченіяхъ часто встрѣчаются обороты и мысли, проникнутые сознаніемъ высокой миссіи германскаго императора, убѣжденіемъ въ великой силѣ традиціонной власти прусскаго короля. Приемотритесь, однако, къ содержанію самаго

слова, и вы замѣтите, что предъ вами сынъ своего вѣка, для котораго средневѣковая форма—только одинъ изъ способовъ воздѣйствія на современниковъ. Во всѣхъ поступкахъ сказывается человѣкъ, котораго стѣна не отдѣляетъ больше отъ идей своего поколѣнія. Вильгельмъ II выросъ въ эпоху опьяненія германскими побѣдами, и потому въ его характерѣ, отъ природы, вѣроятно, болѣе склоннымъ къ художественности, выдѣляются черты солдата и патріота. Судьба поставила и его во главѣ страны въ переходную эпоху исторіи, когда новыя идеи только пробиваютъ себѣ путь и еще ищутъ себѣ выраженія, а старое уже поколеблено. Очень естественно, что у него нѣтъ того уваженія къ общественному мнѣнію, которое возможно только при единствѣ общественныхъ стремленій, и въ его словахъ звучитъ иногда старое положеніе Шталя: „авторитетъ, а не майоритетъ"! Склонный къ преувеличенію собственныхъ силъ, Вильгельмъ II готовъ думать, что ему одному скорѣе удастся удовлетворить запросамъ своего времени, не замѣчая, конечно, что въ силу своего положенія онъ вынужденъ стремиться къ гармоніи интересовъ всѣхъ классовъ въ то время, какъ сущность переживаемаго періода выражается въ ихъ антагонизмѣ.

Что, однако, еще рѣзче отдѣляетъ время Вильгельма II отъ эпохи Фридриха-Вильгельма IV, это—среда, milieu sociale, въ которой обоимъ пришлось выступить въ исторіи. Фридриху-Вильгельму пришлось занять тронъ въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда отъ воли, пониманія и сознанія высоко поставленной личности зависитъ форма и темпъ общественныхъ преобразованій. Фридрихъ-Вильгельмъ оказался, однако, слишкомъ слабымъ, чтобы мирно разрѣшить задачу какъ во внутренней жизни Пруссіи, такъ и въ отношеніи Пруссіи къ Германіи. Вильгельмъ II, наоборотъ, человѣкъ съ несомнѣнно сильною волей, но задачи времени слишкомъ сложны, чтобы зависѣть отъ рѣшительности одной воли. Въ этомъ заключается источникъ конфликтовъ между молодымъ императоромъ и значительною частью общественнаго мнѣнія.

При другихъ условіяхъ государственнаго порядка, такіе конфликты приводили къ трагической развязкѣ. Но нынѣшній союзный характеръ германской имперіи и соединеніе законодательства въ союзномъ совѣтѣ и рейхстагѣ являются, несомнѣнно, для Германіи гарантіей отъ ошибокъ и увлеченій, связанныхъ съ попытками личности измѣнить нормальное развитіе историческаго процесса.

Берлинъ.
Ноябрь 1895 г.

Бисмаркъ.

Отъ смерти Бисмарка очень скоро „жизнь перешла къ очереднымъ вопросамъ дня“, какъ выражаются на языкѣ газетъ. Въ печати еще приводятся воспоминанія о замѣчательномъ человѣкѣ, но преимущественно анекдотическаго свойства: мелкіе интересы и заботы отодвинули уже изліянія скорби о національной потерѣ и разсужденія о томъ, чѣмъ былъ для Германіи и для міра Отто фонъ-Бисмаркъ. Тихо теперь и въ Саксонскомъ-лѣсу. Рѣдкіе посѣтители Фридрихсруэ разсматриваютъ въ паркѣ гору изъ завядшихъ вѣнковъ, на лентахъ которыхъ красуются надписи изъ всѣхъ частей свѣта: „Великому, Безсмертному, Единственному, Германскому герою“...

Вѣнки выражаютъ лаконически, что болѣе пространно говорили въ статьяхъ и рѣчахъ тысячи горячихъ поклонниковъ. Въ жизни, однако, Бисмаркъ такъ долго стоялъ лицомъ къ лицу съ „моремъ ненависти“, что было бы удивительно, еслибъ передъ лицомъ смерти не раздалось другихъ рѣчей, кромѣ хвалебныхъ. По отношенію къ столь крупной исторической личности, къ тому же умѣвшей тоже ненавидѣть за гробомъ,—„nil nisi bene“ не можетъ имѣть смысла. Въ огромномъ большинствѣ критическихъ отзывовъ, появившихся въ Германіи, былъ сохраненъ, однако, приличный тонъ, и слышалось сознаніе, что критика личности и системы противника не исключаетъ удивленія къ его могучей индивидуальности. Внѣ Германіи исключеніе составляютъ весьма многіе органы французской печати, не нашедшіе въ своихъ отзывахъ о врагѣ достойныхъ великой націи выраженій. Впрочемъ, одинъ изъ серьезныхъ фран-

цузскихъ публицистовъ [1]) замѣтилъ, что „какъ ни жаль разрушать иллюзіи, но нужно сознаться, что Бисмаркъ только не боялся называть вещи собственными именами... Для Франціи очень прискорбно, что Бисмаркъ родился въ Германіи, а не у насъ. Развѣ мы не считали бы за счастіе имѣть подобнаго ему“?

Прошло больше восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ изумленный міръ узналъ, что объединителя Германіи можно было удалить отъ государственныхъ дѣлъ, но и теперь еще пора безпристрастной, свободной отъ субъективныхъ взглядовъ и чувства, характеристики—не наступила. Итоги этой дѣятельности—еще задача будущаго. Ту же мысль развивалъ даже органъ рѣшительнѣйшихъ противниковъ Бисмарка въ его собственной странѣ, заявивъ въ полемикѣ съ извѣстнымъ публицистомъ Мерингомъ, что нужно много самомнѣнія, чтобы считать себя способнымъ произносить теперь историческій приговоръ такой личности, какъ Бисмаркъ: „послѣднее слово о немъ, во всякомъ случаѣ, не самое послѣднее; нужно полное отсутствіе вкуса, чтобы судить о такихъ историческихъ дѣятеляхъ по ихъ отношеніямъ, напримѣръ, къ „союзу сельскихъ хозяевъ“.

Если до окончательнаго итога еще пройдетъ не мало времени, то выясненію личности и дѣятельности Бисмарка,—насколько потребность въ томъ существуетъ у современниковъ,—можно содѣйствовать изученіемъ главныхъ періодовъ его общественной дѣятельности. Огромная литература о Бисмаркѣ, въ нашихъ глазахъ, имѣетъ гораздо менѣе цѣны, чѣмъ оригинальные матеріалы въ видѣ рѣчей и писемъ его, въ которыхъ читатель можетъ ознакомиться вполнѣ съ идеями этого замѣчательнаго человѣка въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

I.

Въ апрѣлѣ 1847 г., въ Берлинѣ былъ созванъ первый соединенный ландтагъ, на которомъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV произнесъ знаменитыя слова: „Никакой силѣ въ мірѣ не удастся превратить естественное отношеніе между княземъ и народомъ въ условное, конституціонное, и никогда я не допущу, чтобы между нашимъ Создателемъ на небѣ и этою землей втиснулся неписанный листъ бумаги“. Ландтагъ, составленный изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ собраній, имѣлъ только совѣщательный характеръ по вопро-

[1]) Франсисъ Шармъ въ «Revue des Deux Mondes», отъ 15-го августа, стр. 950–51.

самъ управленія, но согласіе его необходимо было для введенія новыхъ налоговъ и заключенія займовъ. Въ адресѣ королю собраніе, заявило, что видитъ въ нынѣшнемъ ландтагѣ и его полномочіяхъ не достиженіе цѣли, а лишь начало развитія новаго общественнаго порядка, и проситъ короля поставить созывы депутатовъ въ зависимость отъ основного закона, а не доброй воли правительства. Въ преніяхъ объ адресѣ участвуетъ въ качествѣ „запаснаго“ депутата отъ провинціи саксонскій молодой землевладѣлецъ Бисмаркъ, именуемый по имѣнію фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ. Высокая, крупная фигура; густые волоса, отъ которыхъ потомъ сохранились легендарные три волоса „Кладдерадача“, коротко острижены; свѣтло-русая борода обрамляетъ загорѣлое, здоровое лицо, свидѣтельствующее о долгомъ пребываніи на чистомъ воздухѣ; смѣлый взглядъ сѣрыхъ глазъ à fleur de tête не имѣетъ въ себѣ ничего выдающагося, — „юнкеры“ всѣ глядятъ смѣло; голосъ тонкій и не очень пріятнаго тембра. Молодой депутатъ сидитъ на крайней правой и оппонируетъ адресу, какъ попыткѣ уничтожить „цвѣтокъ довѣрія“, die Blume des Vertrauens, — народа къ монарху. Ораторъ онъ не блестящій, рѣчь его часто обрывается, выраженія не легко достаются, но они точны и мѣтки. Слова его не встрѣчаютъ одобренія собранія, и когда онъ говоритъ, что истинное настроеніе нѣмецкаго народа можно изучать не на собраніяхъ въ Берлинѣ или Кенигсбергѣ, поднимается шумъ. „Въ нечленораздѣльныхъ звукахъ я не вижу аргументовъ“, — спокойно отвѣчается депутатъ съ трибуны, и начинаетъ проводить параллель между конституціонализмомъ въ Англіи и общественными условіями Пруссіи: — „тамъ цѣлый вѣкъ революціи далъ возможность народу отдать корону (Вильгельму Оранскому) подъ извѣстными условіями: здѣсь же сама корона отдастъ изъ своихъ фактически неограниченныхъ правъ часть ихъ народу: примѣръ, рѣдкій въ исторіи, и потому ландтагу, особенно если онъ сравнитъ настоящее съ недавнимъ прошлымъ, нѣтъ основанія не довѣрять королю или оказывать на него давленіе“.

Молодой феодалъ вызываетъ къ себѣ интересъ не столько оригинальностью мыслей, сколько непринужденностью пріемовъ. Объ его прошломъ знаютъ, что онъ изъ средней дворянской семьи, дѣтство его прошло, однако, въ Берлинѣ, учился онъ въ Геттингенѣ, былъ лихимъ студентомъ корпораціи; одно время былъ на службѣ, сначала въ судѣ, потомъ въ администраціи, но скоро вышелъ въ отставку и теперь занимается хозяйствомъ. Сосѣди сначала были скандализованы его безцеремоннымъ пренебреженіемъ

ко всему условному, но въ послѣднее время онъ остепенился и много читаетъ: недурной хозяинъ и энергичный человѣкъ, зарекомендовавшій себя на земской должности. Идеи его — „юнкерскія“, такъ что трудно было повѣрить, что юношей его въ семьѣ считали республиканцемъ, и мать, изъ чиновничьяго круга, мечтавшая о дипломатической карьерѣ сына, оттого не отпустила его въ Гейдельбергъ, что тамъ читаетъ Шлоссеръ, у котораго молодой человѣкъ дворянскаго воспитанія можетъ укрѣпиться въ своихъ вредныхъ идеяхъ. Въ томъ, что Бисмаркъ выражалъ въ ландтагѣ, дѣйствительно не было уже ни капли этого яда: при обсужденіи законопроекта о выкупѣ реальныхъ повинностей крестьянъ, онъ протестуетъ противъ нарушенія благопріобрѣтенныхъ правъ землевладѣльцевъ; при дебатахъ объ уравненіи правъ еврейскаго населенія, возражаетъ противъ предоставленія не-христіанамъ возможности занимать казенныя должности въ христіанскомъ государствѣ. „Это— средневѣковые предразсудки, всосанные съ молокомъ матери“, — отвѣчаетъ ему фонъ-Бенератъ, будущій министръ.

Не прошло года, и „листъ бумаги“, о которомъ говорилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, уже сталъ необходимостью послѣ мартовскихъ дней 1848 года. Во взглядахъ Бисмарка-Шёнгаузена на добровольное отреченіе короны отъ своихъ привилегій тоже произошла нѣкоторая перемѣна, хотя онъ искренно убѣжденъ, подобно многимъ другимъ лицамъ его тогдашняго круга, что мартовское движеніе, если не все, то отчасти, продуктъ агитаторовъ, и что при большей энергіи со стороны короля вспышка прошла бы безслѣдно. Національное движеніе, охватившее многихъ въ связи и независимо отъ соціальныхъ и политическихъ идей времени, Бисмарка совершенно не привлекаетъ. Идеалъ его,—если выраженіе это примѣнимо къ человѣку, уже тогда обнаружившему полную свободу отъ увлеченій и восторженности, связанныхъ съ стремленіемъ къ идеалу, сильная Пруссія: „прусская армія, прусская бережливость, интеллигентное прусское управленіе, живая связь короны съ народомъ и преданность народа коронѣ,—все это специфически-прусское, ставшее въ послѣднее время ругательнымъ словомъ, помогло намъ, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, устоять на ногахъ“, говорилъ онъ въ ландтагѣ 1849 года. „Mein Vaterhaus ist Preussen“, прибавляетъ юный депутатъ нѣсколько времени спустя, при дебатахъ объ обще-германской конституціи: „я не знаю трехцвѣтнаго воодушевленія, вы его не найдете ни въ арміи, ни въ прусскомъ народѣ“. Потребности въ національ-

номъ возрожденіи онъ не видитъ, звуки прусскаго марша любитъ, и не встрѣчалъ еще ни одного солдата, который распѣвалъ бы: Was ist des Deutschen Vaterland? „Народъ не имѣетъ никакого интереса —потопить прусскую монархію въ южно-германской несдержанности и безпорядочности"... Шиканье и крики негодованія прерываютъ эти слова, и референтъ палаты произноситъ фразу, которою онъ создалъ себѣ незавидную знаменитость, вслѣдствіе политическаго впечатлѣнія, какое невольно связывается съ нею теперь: „гдѣ много свѣта, тамъ много и тѣни. Великое Германское отечество должно также имѣть своего *блуднаго сына*"!..

Къ мужеству, которое проявляетъ Бисмаркъ-депутатъ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, высказывая несомнѣнное убѣжденіе, идущее въ разрѣзъ не только съ большинствомъ парламента, но и съ идеями правительства, присоединяется еще и „буршикозное" игнорированіе внѣшнихъ формъ [1]), умышленное и часто не оправдываемое сущностью вопроса вызываніе противъ себя общественнаго мнѣнія. Эти черты его характера больше всего создали ему репутацію надменнаго и отчаяннаго реакціонера, и онѣ часто стѣсняли даже его политическихъ единомышленниковъ. Что Бисмаркъ тогда уже стоялъ головой выше нормальнаго „юнкера" — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: онъ былъ умнѣе и образованнѣе той среды, въ которой вкусы и взгляды вырабатывались псовой охотой и конюшней, тогда какъ Бисмаркъ въ то же время любилъ Гёте и Шекспира, особенно послѣдняго, котораго онъ подъ старость зналъ чуть ли не наизусть. За беззаботной и безцеремонной внѣшностью укрывалось огромное честолюбіе, искавшее себѣ удовлетворенія не обычнымъ медленнымъ путемъ чиновничьей лѣстницы или черезъ придворныхъ кузинъ и тетушекъ. Съ вліятельными приближенными Фридриха-Вильгельма IV онъ сумѣлъ завязать связи, особенно съ генераломъ Герлахомъ, бывшимъ однимъ изъ его главныхъ покровителей, едва ли впрочемъ понимавшимъ реальное содержаніе его политическихъ идей. Изрѣдка, въ парламентскихъ рѣчахъ Бисмарка,—при обсужденіи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе: цеховъ, поземельнаго налога, таможенной системы, желѣзныхъ дорогъ, но

[1]) При этомъ, самъ Бисмаркъ былъ очень чувствителенъ ко всякому оскорбленію своей личности; правда, въ его грубости тогда не было еще попытокъ задѣвать честь противника. Но уже къ этому періоду относится его дуэль съ однимъ изъ вождей умѣренныхъ либераловъ, барономъ Финке Вызовъ Вирхову во время конфликта тоже имѣлъ поводомъ личную обиду въ парламентѣ.

въ особенности при дебатахъ объ общей политикѣ, встрѣчались уже мысли, доказывающія, что у Бисмарка-депутата было много общаго съ знаменитымъ „объединителемъ“ Германіи. Кромѣ „прусской идеи“, только-что упомянутой, въ его рѣчахъ проглядываетъ въ особенности идея государственнаго эгоизма, которую онъ впервые открыто формулируетъ при дебатахъ объ Ольмюцѣ, въ декабрѣ 1850 г. „Единственное разумное основаніе въ политикѣ великаго государства—это государственный эгоизмъ, а не романтизмъ, и недостойно всякой страны воевать за дѣла, не задѣвающія ея собственныхъ интересовъ“. Бюрократію онъ и тогда уже терпѣть не могъ, въ особенности же ея инстинктивное стремленіе къ нивеллированію и централизаціи, которое, по его увѣренію, составляетъ особую страсть у „либеральничающихъ тайныхъ совѣтниковъ“. Кромѣ парламентскихъ достоинствъ и недостатковъ, 35-лѣтній Бисмаркъ обнаруживаетъ несомнѣнный талантъ политическаго журналиста, мастерски владѣющаго тономъ юмористическаго разсказа и политическаго фельетона, который и впослѣдствіи составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей канцлера. Съ основанія „Kreuzzeitung“ онъ становится ея дѣятельнымъ сотрудникомъ, и первый ея редакторъ, Германъ Вагенеръ, въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что во время парламентской сессіи не было почти нумера, въ которомъ депутатъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ не помѣстилъ бы статьи или замѣтки. Чаще всего это были маленькіе фельетоны „Берлинскаго наблюдателя“,—живыя, злыя и остроумныя картины изъ жизни парламента. Біографъ Бисмарка, проф. Горстъ Коль (Horst Kohl), откопалъ ихъ въ старыхъ нумерахъ „Kreuzzeitung“ и нѣкоторыя изъ нихъ перепечаталъ въ „Bismarck-Jahrbücher“. Сарказмъ депутата-фельетониста направленъ не только противъ своихъ политическихъ противниковъ и всего демократическаго вообще: какъ истинный юмористъ, онъ подмѣчаетъ тривіальную или смѣшную черту и среди консерваторовъ, и у министровъ, не щадя въ особенности тѣхъ изъ нихъ, консерватизмъ которыхъ имѣетъ свойства романтизма. Герлахъ, покровитель Бисмарка, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что „назначеніе его протежé посломъ во Франкфуртъ было бы невозможно, еслибы король зналъ, что статьи въ „Kreuzzeitung“ о генералѣ Радовицѣ и Прокешѣ, такъ разсердившія его величество, принадлежатъ перу Бисмарка“. Радовицъ былъ другомъ Фридриха-Вильгельма IV и велъ отъ имени Пруссіи переговоры о заключеніи германскаго союза. Это блестящій ораторъ, импони-

рующая фигура, и онъ сумѣлъ привести въ восторгъ всю палату изложеніемъ состоянія національнаго вопроса; депутаты, публика, печать, были полны восторга, но Бисмаркъ сообщаетъ читателямъ „Kreuzzeitung“ объ этомъ замѣчательномъ засѣданіи въ тонѣ человѣка, не только оставшагося спокойнымъ, въ то время какъ другихъ охватило волненіе, но не пропустившаго ни одного слабаго пункта у оратора и ни одной смѣшной детали въ картинѣ собранія. Вы видите предъ собою биткомъ набитую залу и переполненныя галереи. Жара такая, что даже дипломаты въ ложѣ слушаютъ въ потѣ лица. Внѣшность оратора, его характерный классическій профиль, интересная блѣдность лица, манера рѣчи, превосходно гармонирующая съ обстановкой, все это нарисовано въ нѣсколькихъ удачныхъ штрихахъ. Но еще лучше схваченъ ансамбль слушающей палаты: „масса загипнотизована красивыми фразами; профессіональные болтуны съ трудно скрываемымъ недоброжелательствомъ смотрятъ на новаго конкурента; „господа изъ Франкфурта“ бросаютъ вокругъ ликующіе взгляды, какъ бы желая сказать: слушайте, вотъ какъ у насъ говорятъ въ церкви св. Павла (франкфуртскій парламентъ), и забывая при этомъ, въ локальномъ патріотизмѣ или вслѣдствіе общности воспоминаній, что тамъ, въ Paulskirche, былъ не другъ, а врагъ“. Въ заключеніе „всѣ тронуты; но въ печатномъ отчетѣ трудно указать отдѣльныя мѣста, давшія поводъ къ плачу, особенно на скамьяхъ, гдѣ сидятъ мягкія души центра“... У одного высокопоставленнаго сановника изъ министерства финансовъ по раскраснѣвшимся щекамъ катился цѣлый бюджетъ слезъ; у другого, не менѣе высокопоставленнаго представителя прусской справедливости, попытки остаться твердымъ вызывали такія гримасы на лицѣ, что одинъ острякъ потомъ утверждалъ, будто столпъ юстиціи вмѣсто венгерскаго вина выпилъ силезскаго. Финалъ былъ полонъ такихъ бурныхъ знаковъ восторга, что можно было подумать —мы находимся въ собраніи мадьяръ [1]), когда среди нихъ появилась Марія Терезія, и на каждомъ лицѣ ясно написана была клятва: Moriamur pro tribus nostris regibus! Правая аплодировала, лѣвая рукоплескала, трибуны тоже, и только въ дипломатической ложѣ мы замѣтили, что руки, которыя, насколько намъ извѣстно, при появленіи танцовщицы Ц., не остаются бездѣятельными, тутъ предпочли воздержаться. Chacun a son goût... Таково было пре-

[1]) Намекъ на венгерское происхожденіе Радовица.

восходное представленіе высокой декламаціи, которое онъ, Радовицъ, далъ сегодня второй палатѣ".

Мы приводимъ этотъ отрывокъ не только для того, чтобы дать понятіе о Бисмаркѣ, какъ журналистѣ; въ немъ уже очень сильно выражена та черта въ характерѣ будущаго дипломата, которая составляла одну изъ основныхъ причинъ его практическихъ успѣховъ. Ее можно выразить словами, которыя онъ самъ однажды произнесъ въ обращеніи къ рейхстагу: „Meine Herren, Sie imponiren mir nicht, ich lasse mich von ganz Europa nicht imponiren"!.. При всемъ своемъ роялизмѣ, онъ говоритъ и съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV такимъ тономъ, что королева, слушая благонамѣренныя рѣчи этого смѣлаго „юнкера", приходитъ въ негодованіе и проситъ его не забывать, съ кѣмъ онъ говоритъ. На артистическую натуру короля Бисмаркъ производитъ сначала отталкивающее впечатлѣніе, которое выражается въ извѣстной характеристикѣ: „красный реакціонеръ, пахнетъ кровью"; однако Фридрихъ-Вильгельмъ прибавляетъ, что позже имъ можно будетъ воспользоваться. Будущій императоръ Вильгельмъ видѣлъ въ Бисмаркѣ-Шенгаузенѣ ординарнаго крикуна и былъ очень удивленъ, когда его предложили на постъ прусскаго уполномоченнаго при союзѣ во Франкфуртѣ-на-М.: „Diesen Reservelieutenant wollen Sie zum Gesandten machen"?!

Съ литературными пробами пера Бисмарка стоитъ дѣйствительно познакомиться и ради нихъ самихъ, хотя, въ теченіе десятковъ лѣтъ его общественной дѣятельности, сюжеты, амплуа и манеры его существенно измѣнились. Канцлеръ и оракулъ Европы не пишетъ больше фельетоновъ: онъ приберегаетъ ихъ для десерта, послѣ пріема дѣятелей парламента и дипломатіи, за трубкой, но онъ всю жизнь оставался журналистомъ въ душѣ, и никто до него съ такимъ искусствомъ и безцеремонностью не пользовался печатнымъ словомъ для проведенія своихъ замысловъ. Нужно вспомнить брезгливое отношеніе старой цеховой дипломатіи къ прессѣ, чтобы оцѣнить это отношеніе къ ней Бисмарка, что впрочемъ нисколько не мѣшаетъ признавать и деморализующее вліяніе перваго канцлера на печать своего отечества. Въ „Bismarckbriefe", изданныхъ проф. Колемъ, и въ его же „Ежегодникѣ Бисмарка" можно найти рядъ чрезвычайно цѣнныхъ и для характеристики Бисмарка, и для пониманія его эпохи писемъ и статей изъ „Magdeburger" и „Kreuzzeitung", а сколько ихъ потомъ вышло изъ-подъ его пера или по его диктовкѣ на бѣлыхъ страницахъ, которыя ему пред-

ставляли „Norddeutsche“, „Kölnische“ или „Post“! Въ отношеніи къ независимости печати огромная разница между Бисмаркомъ— частнымъ человѣкомъ, и Бисмаркомъ — министромъ, всесильнымъ канцлеромъ. Во время конфликта онъ, какъ извѣстно, всегда пытался зажать прогрессистской печати ротъ незаконными запрещеніями; въ качествѣ канцлера, онъ безпощадно воевалъ съ „Frankfurter Zeitung“, „Volkszeitung“ и другими органами демократіи, редакторамъ которыхъ неоднократно приходилось имѣть дѣло съ судомъ за „оскорбленіе Бисмарка“, ставшее своего рода юридическимъ терминомъ, по аналогіи съ crimen laesae Majestatis. Полную противоположность представляетъ его образъ дѣйствій до и послѣ министерства. Сохранились интересныя письма къ редактору „Кладдерадача“, которыя Бисмаркъ писалъ въ промежуткѣ между 1848 и 1862 гг. Въ одномъ изъ нихъ онъ грозитъ редактору, когда въ журналѣ появилась шутка надъ его фамиліей и предками: „пока вы задѣваете мою личность, я не стану прибѣгать къ другимъ средствамъ борьбы, и ограничусь тѣми, которыя даетъ перо; но если вы затронете мою семью, то надѣюсь, что вы не сочтете за признакъ допотопнаго юнкерства, если я потребую того способа удовлетворенія, который принятъ между джентльменами“. Эристъ Домъ находитъ, что Бисмаркъ совершенно правъ, и отвѣчаетъ ему, что въ „Кладдерадачѣ“ его отнынѣ будутъ затрогивать только какъ общественнаго дѣятеля. „Меня радуетъ,— спѣшитъ Бисмаркъ отвѣтить, что я не ошибся, когда думалъ, что политическая окраска не имѣетъ ничего общаго съ порядочностью или честностью“. Десять лѣтъ спустя, онъ пишетъ редактору „Кладдерадача“ изъ Петербурга, по поводу появившейся въ журналѣ остроты: Мюллеръ спрашивалъ Шульце, правда ли, что, покидая Франкфуртъ-на-М., Бисмаркъ, на данномъ ему прощальномъ обѣдѣ, провозгласилъ тостъ за союзъ Пруссіи съ Франціей? Какъ мы себѣ это представляемъ при нынѣшнихъ условіяхъ; не слишкомъ ли это дипломатично? Шульце отвѣчаетъ, что это дѣйствительно высоко-дипломатическій тостъ; но такіе тосты произносятся за обѣдомъ, и потому нужно знать— послѣ котораго стакана онъ сказанъ? „Передайте, пожалуйста, Мюллеру,—пишетъ Бисмаркъ,— что Шульце ему сказалъ глупость. Самый фактъ выдуманъ, не вѣрьте вообще франкфуртскимъ сплетницамъ, или, какъ мы говоримъ на дипломатическомъ языкѣ: вамъ сдѣлано сообщеніе преждевременно. Вѣрно только то, что мнѣ дали обѣдъ, но безъ французовъ и безъ тостовъ. Мое опроверженіе не имѣетъ цѣлью возстановить репутацію

дипломата, оскорбленнаго въ своемъ патріотизмѣ и своей трезвости: желаю лишь очиститься отъ подозрѣнія въ глупости и отсутствіи вкуса въ глазахъ органа, которому я обязанъ многими веселыми минутами своей жизни". Согласитесь, что такъ не пишутъ вообще послы, акредитованные отъ большого двора! Послѣ своей отставки Бисмаркъ снова становится въ дружественныя отношенія къ печати вообще и ни разу не возбуждаетъ ни одного обвиненія въ оскорбленіи своей личности; но вопросъ остается открытымъ: дѣйствуетъ ли онъ такъ по осторожности, или только потому, что, какъ частное лицо, онъ спокойно и безъ вреда для власти переноситъ всѣ обвиненія?

Годы, проведенные Бисмаркомъ во Франкфуртѣ, Петербургѣ и Парижѣ, принадлежатъ къ его политическимъ „Lehr- und Wanderjahre", въ теченіе которыхъ онъ видѣлъ міръ, проникъ въ тайныя стороны „глупости" тогдашней дипломатіи, насквозь изучилъ ея руководящихъ людей, въ особенности Наполеона III и князя Горчакова, и сбросилъ съ себя многіе, еще сидѣвшіе въ юнкерѣ-прусакѣ, предразсудки, усвоенные воспитаніемъ и узкой средой. Письма его изъ этой эпохи, особенно къ женѣ и Леопольду Герлаху, полны ума, наблюдательности и сарказма, одинаково мѣтко рисующія и среду, и людей. Политическое его перевоспитаніе начинается съ измѣненія взглядовъ на Австрію и со стремленія связать интересы остальной Германіи съ Пруссіей, по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждается, что для Пруссіи и Австріи нѣтъ двухъ равныхъ мѣстъ въ германскомъ союзѣ. Въ 1851 г. онъ еще пишетъ своему покровителю, что „несмотря на господствующую entente cordiale, самое печальное въ здѣшнихъ условіяхъ то, что партіи (въ Союзѣ) разбиваются на австрійскую и прусскую, тогда какъ въ дѣйствительности можно быть или за Австрію и Пруссію, или противъ обѣихъ". Два года спустя, онъ уже заявляетъ Вагенеру (редактору „Kreuzzeitung"), что, при расходящихся интересахъ обоихъ главныхъ государствъ, необходимо стремиться къ привлеченію юга на прусскую сторону. Убѣжденіе въ неминуемости столкновенія, рано или поздно, изъ-за гегемоніи въ Германіи, красной нитью проходитъ черезъ всѣ его заявленія друзьямъ и оффиціальныя сообщенія въ Берлинъ. Зорко въ то же время слѣдя за ходомъ европейской политики, Бисмаркъ во время крымской войны употреблялъ свое, правда, не очень еще значительное вліяніе на то, чтобы предостеречь Пруссію отъ вмѣшательства противъ насъ, и этимъ обезпечилъ себѣ радушный пріемъ

въ Петербургѣ, когда его назначили туда прусскимъ посломъ. Надо думать,- по крайней мѣрѣ, мы судимъ такъ на основаніи той частной переписки съ генераломъ Герлахомъ, которая до сихъ поръ опубликована,—что у насъ въ то время преувеличивали дружбу къ намъ Бисмарка: „если русскіе и дальше будутъ дѣлать плохія дѣла, пишетъ онъ въ октябрѣ 1855 года, то для насъ возникнетъ вопросъ, насколько мы въ собственныхъ интересахъ можемъ допустить склоненіе чаши вѣсовъ на другую сторону. Если же они (т.-е. мы) будутъ лучше держаться, то въ этой войнѣ, въ общемъ дурной, будетъ по крайней мѣрѣ то хорошо, что французскихъ солдатъ во Франціи останется меньше". Это не мѣшало, впрочемъ, Бисмарку быть persona gratissima у Наполеона, когда его изъ Петербурга на короткое время перевели въ Парижъ. Наполеонъ III, подобно кн. Горчакову, находилъ удовольствіе въ его грубоватыхъ шуткахъ, не-дипломатической простотѣ и манерахъ добраго бурша, напоминавшаго французскому императору объ его молодости, проведенной въ этой странѣ добрыхъ „Михелей", интеллигентныхъ, но немножко наивныхъ. А „наивный" нѣмецъ внимательно приматривался и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, изучалъ характеры, льстилъ честолюбію одного и взвѣшивалъ сильныя и слабыя стороны другого. Въ нѣкоторомъ отношеніи Бисмаркъ, дѣйствительно, былъ ученикомъ Наполеона, и „Кладдерадачъ", при появленіи его въ роли министра-президента, не даромъ изображалъ г. Бисмарка-Шёнгаузена въ роли фамулуса императора французовъ. Въ умѣньи смягчать цезаризмъ каплей демократическаго масла, въ отношеніи къ соціальному вопросу — у обоихъ много общаго, хотя черты различія гораздо крупнѣе, чѣмъ — сходства; главное же, что дастъ печать всякой исторической фигурѣ — сила воли: у одного она была парализована, а у другого — превышала обычные человѣческіе размѣры.

II.

Въ теплый сентябрьскій день, въ лѣтнемъ дворцѣ прусскаго короля, Нейбабельсбергъ у Потсдама, за столомъ сидѣли Вильгельмъ I и Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, только-что вызванный генераломъ Роономъ съ юга Франціи, чтобы занять постъ министра-президента. Королю тогда было немного болѣе 60 лѣтъ, но въ этотъ день онъ казался дряхлымъ старикомъ: согнувшись на стулѣ, онъ говорилъ Бисмарку о полномъ крушеніи всѣхъ своихъ попытокъ найти компромиссъ съ парламентомъ; уже два года про-

должается борьба изъ-за военнаго бюджета; послѣдніе выборы дали прогрессистамъ еще болѣе подавляющее большинство, всѣ министры забаллотированы, кабинетъ Гогенлоэ подалъ въ отставку, и впереди —никакого исхода. Роонъ настоялъ на приглашеніи Бисмарка, на которое Вильгельмъ пошелъ только скрѣпя сердце: „г. Бисмаркъ,—говорилъ онъ раньше, когда выдвигали эту кандидатуру,— долженъ радикально измѣниться, чтобы я въ состояніи былъ довѣрить ему веденіе иностранной политики. Этого только недоставало, чтобы министромъ сталъ человѣкъ, который все перевернетъ головою внизъ". Въ эту минуту головою внизъ уже стояла вся внутренняя политика Пруссіи, хуже, по мнѣнію короля, ничего быть не могло. Идти на конфликтъ у него нѣтъ силъ, говорилъ будущій императоръ: „самое лучшее —отречься отъ престола въ пользу кронпринца, которому либералы симпатизируютъ. Фрицу легче будетъ найти компромиссъ". „Я вижу уже предъ окнами своего дворца страшную судьбу Людовика XVI", —заявилъ король новому министру, вспоминая при этомъ о тяжеломъ собственномъ урокѣ въ 1848-мъ году, о толпахъ берлинскаго народа, окружавшаго дворецъ ненавистнаго принца Вильгельма, котораго считалъ виновникомъ кровопролитія, о своемъ бѣгствѣ въ Англію и тяжелыхъ мѣсяцахъ изгнанія... „Мы спустились въ садъ,—разсказывалъ потомъ Бисмаркъ.— Прохаживаясь взадъ и впередъ по аллеѣ, я говорилъ со всей силой убѣжденія, какая у меня была, доказывалъ преувеличенность его опасеній, наконецъ взялъ короля за портупею, напомнивъ ему объ его долгѣ солдата и необходимости провести военную реформу. Это подѣйствовало. Когда мы поднялись наверхъ, король шелъ прямо, поднявъ голову"... Этого сентябрьскаго дня 1862 года Вильгельмъ никогда не забылъ Бисмарку, и больше, чѣмъ всѣ великія пріобрѣтенія и вся слава, которою онъ обязанъ былъ своему канцлеру,— эти воспоминанія объ услугѣ 1862 г. диктовали перу императора то „никогда!", которое онъ написалъ на прошеніи Бисмарка объ отставкѣ, хотя и для него канцлерская диктатура иногда становилась нестерпимою.

Перспектива столкновенія съ Австріей, открывавшаяся съ конца 50-хъ годовъ взору не одного Бисмарка, заставила Вильгельма I, тогда еще принца-регента, выработать проекты усиленія и реформы арміи, защиту которыхъ предъ палатой взялъ на себя военный министръ Роонъ. Составъ арміи въ мирное время долженъ былъ быть увеличенъ съ 150 до 213 тысячъ человѣкъ; вмѣсто 40.000 рекрутовъ ежегодно наборъ поднятъ былъ до 63.000, и

при томъ срокъ пребыванія въ запасѣ увеличенъ съ 2 на 4 года, безъ измѣненія трехлѣтняго срока службы въ войскахъ. Ежегодное увеличеніе военнаго бюджета вслѣдствіе этого составляло 10 милліоновъ талеровъ. Палата не отнеслась отрицательно къ идеѣ увеличенія арміи, но сдѣлала возраженія относительно отдѣльныхъ предложеній, отказывалась принять весь планъ en bloc и ставила свое согласіе на увеличеніе военнаго бюджета и усиленіе мирнаго контингента въ зависимость отъ сокращенія срока дѣйствительной службы до 2 лѣтъ. Военное вѣдомство отвѣтило, что эти условія разрушатъ всю боевую готовность арміи, и взяло проектъ обратно, удовлетворившись отпускомъ 9 милл. талеровъ въ качествѣ чрезвычайнаго военнаго кредита. Получивъ эту сумму, принцъ-регентъ и Роонъ, однако, немедленно привели въ исполненіе весь планъ, и при открытіи слѣдующей сессіи палаты предстали предъ ней съ совершившимся фактомъ реорганизаціи, требуя теперь, чтобы палата подчинилась и вотировала въ новомъ бюджетѣ средства на сформированные полки, которымъ успѣли дать знамена и штандарты. Палата, понятно, отказала, и между правительствомъ и народомъ началась парламентская война, длившаяся почти 6 лѣтъ. Положеніе, которое засталъ Бисмаркъ, было крайне неблагопріятно для правительства, не имѣвшаго даже моральнаго оправданія, такъ какъ предшествовавшее министерство скомпрометировало себя и тѣмъ, что изъ другихъ вѣдомствъ, бюджеты которыхъ палатой были одобрены, средства переводились въ военное министерство, и этотъ пріемъ возмущалъ общественную совѣсть. Теперь, послѣ побѣдъ 1866 и 1870 гг., конечно, легко сказать, что военное вѣдомство въ своемъ требованіи было право, да и сколько послѣ того прошло такихъ военныхъ проектовъ! Для справедливой оцѣнки прошлаго, однако, важно знать, что сокращеніе дѣйствительной службы, которое тогдашнее правительство признавало покушеніемъ на боевую готовность арміи, теперь осуществлено въ Германіи при болѣе сложныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ солдату, и что бюджетное право, которое охраняла прусская палата, само по себѣ нисколько не стояло на пути исполненія военной реформы.

Легко понять, что при такихъ условіяхъ назначеніе президентомъ министерства человѣка, о которомъ изъ ландтаговъ 1849—50 гг. сохранились воспоминанія, какъ объ ультра-реакціонерѣ, должно было произвести впечатлѣніе вызова. Объ его дипломатической дѣятельности зналъ небольшой кружокъ: для общества онъ, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, былъ надменный юнкеръ, имѣвш-

ровавшій и въ дипломатіи больше дерзостью, чѣмъ способностями. О томъ, что у него уже давно спала феодальная пелена съ глазъ, не догадывались и нѣкоторые изъ его покровителей. Nonchalant до безстыдства, иногда грубо-остроумный, но у него ни одной дѣйствительной идеи,—такъ характеризовалъ его тогда вліятельнѣйшій органъ умѣреннаго либерализма. Бисмаркъ—это государственный переворотъ,—повторяла вся демократическая печать. А между тѣмъ онъ дѣйствительно еще надѣялся, что ему удастся найти компромиссъ, не жертвуя, однако, матеріальнымъ содержаніемъ реформы и не подчиняя короны парламенту! Въ засѣданіи бюджетной комиссіи Бисмаркъ то бросаетъ депутатамъ въ лицо софизмъ, будто конституція признаетъ только соглашеніе съ нижней и верхней палатой о бюджетѣ, но не даетъ одной палатѣ права veto; то ударяется въ національный тонъ и намекаетъ, что „Пруссія должна сберегать силы для рѣшительной минуты; не парламентскими рѣчами,—это была ошибка 48 года,—а кровью и желѣзомъ будутъ разрѣшены великіе вопросы времени“[1]).

„Г. фонъ-Бисмаркъ,—писала тогда „Kölnische Zeitung“,—очевидно находитъ, что статьи бюджета заранѣе исчисляются для ихъ собственнаго удовольствія, затѣмъ имъ даютъ отдыхъ, и наконецъ онѣ приходятъ въ готовый видъ. Всѣ прочіе политики до сихъ поръ думали, что вотированіе бюджета—одна изъ основныхъ прерогативъ парламентовъ, но г. фонъ-Бисмаркъ спѣшитъ разсѣять наши предразсудки. Прусская конституція, по его толкованію, даетъ палатѣ право не на разрѣшеніе бюджета, а на соглашеніе (съ короной) относительно бюджета: это двѣ различныя вещи! Такими софизмами новый министръ-президентъ думалъ исчерпать все, что можно было сказать по основному спорному пункту государственнаго права. Г. фонъ-Бисмаркъ на немъ дольше не останавливается, онъ не любитъ сухихъ и слишкомъ положительныхъ предметовъ. Рѣчь его быстро поднимается до высшаго полета: смыслъ конституціоннаго режима вообще, различіе между французскимъ и нѣмецкимъ національнымъ характеромъ, либерализмъ мелкихъ и развитіе силы въ крупныхъ государствахъ, Catilinarische Existenzen и „разрѣшеніе вопросовъ времени кровью и желѣзомъ“,—это все проходитъ предъ нашимъ взглядомъ въ калейдоскопическомъ смѣшеніи съ такой быстротой, что глазъ едва въ

[1]) Замѣтимъ, что эта фраза, въ свое время нашумѣвшая на весь міръ, впервые уже встрѣчается въ письмѣ Бисмарка, отъ 1858 г., но въ латинской редакціи: „igni et ferro“.

состояніи уловить каждую черту въ отдѣльности. Въ первыя минуты впечатлѣніе было удивительное: мы давно уже привыкли въ Пруссіи не искать много ума у министровъ, — здѣсь же предъ нами вспыхивало нѣчто на то похожее. Когда, однако, послѣ перваго изумленія, слушатели были въ состояніи спокойно наслаждаться рѣдкимъ напиткомъ, то оказалось, что это не шампанское, а содовая вода. Чѣмъ дальше министръ говорилъ (рѣчь его иногда обрывается, нѣкоторые періоды онъ выпаливаетъ залпомъ, но, въ общемъ, это умѣлый ораторъ), тѣмъ рѣзче выступали контрасты прежней серьезной и дѣловой манеры въ сужденіяхъ бюджетной комиссіи съ этой болтовней, усыпанной иностранными выраженіями и чуждыми уху словообразованіями, какъ „какофонія", „деролировать" „индульгировать" и т. п. Жаль, что въ комиссіи не было стенографа, который записалъ бы эту рѣчь и далъ странѣ вѣрное о ней представленіе. Во всякомъ случаѣ, о политикѣ фонъ-Бисмарка тогда не было бы двухъ мнѣній. Человѣкъ, способный однимъ духомъ выступать съ рискованнѣйшимъ толкованіемъ конституціоннаго права, отрицающимъ существеннѣйшее право парламента, и въ то же время говорить объ осторожности въ отношеніи къ конституціи, требующій для короны правъ, которыя ей не принадлежатъ, и велѣдъ затѣмъ любезнѣйшимъ, сердечнѣйшимъ образомъ шепчущій: — довѣрьтесь намъ, честнымъ людямъ, вѣдь мы дѣти одной и той же родины, — такой министръ не поведетъ къ соглашенію короны съ парламентомъ!.. Г. фонъ-Бисмаркъ не сдѣлалъ ни одного положительнаго предложенія и даже намека къ устраненію конфликта: онъ говорилъ о великихъ рѣшеніяхъ, то отрицая значеніе либерализма въ качествѣ фактора возвышенія Пруссіи, то выступая за соединеніе всѣхъ живыхъ силъ націи для разрѣшенія великаго національнаго вопроса, и соглашался, что конфликтъ парализуетъ силы правительства: связи между этими противорѣчащими другъ другу мыслями нѣтъ и быть не можетъ"...

Имѣлъ ли Бисмаркъ въ это время опредѣленный національный планъ, или будущее ему представлялось только въ общихъ очертаніяхъ, — но для немногихъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ этого турнира, напротивъ, было очевидно, что предъ Германіей выступалъ человѣкъ съ огромными способностями и желѣзной силой воли.

Палатѣ едва ли можно сдѣлать упрекъ заднимъ числомъ, — какъ это дѣлали потомъ нѣмецкіе патріоты, что она не шла на встрѣчу національнымъ планамъ Бисмарка, такъ какъ при особыхъ условіяхъ внѣшней политики онъ не въ состояніи былъ сообщать

факты. Нужно было довѣріе къ характеру главы правительства, а его не было, и по всѣмъ даннымъ предшествовавшаго времени и не могло быть. Насъ только поражаетъ теперь, при чтеніи отчетовъ о бурныхъ столкновеніяхъ между Бисмаркомъ и палатой, то, что полныя ума его рѣчи, приковывающія теперь вниманіе, хотя бы вы не въ состояніи были согласиться ни съ одной изъ нихъ, на слушателей производили впечатлѣніе подчасъ остроумныхъ, но чаще возмутительныхъ выходокъ и болтовни. Консерваторы, поддакивая по привычкѣ министру, втихомолку опасались его, какъ enfant terrible. Умѣреннѣйшіе либералы стараго гувернаментальнаго покроя, какъ бывшій министръ графъ Шверингъ, третировали Бисмарка, какъ выскочку, не имѣющаго понятія объ обязанностяхъ государственнаго человѣка. Симсонъ, впослѣдствіи президентъ рейхстага и предсѣдатель верховнаго кассаціоннаго суда, заявляетъ Бисмарку въ палатѣ, что вся его „система“ состоитъ лишь въ усиліяхъ удержаться на мѣстѣ: „отъ правительства не должно требовать непремѣнно геніальности, но можно ожидать опыта и нѣкоторыхъ талантовъ“; нынѣшній глава кабинета олтичается донъ-кихотствомъ и качествами „канатнаго плясуна“. Вирховъ сомнѣвается въ дипломатическомъ искусствѣ министра и на возраженіе Бисмарка желаетъ ему, чтобы онъ когда-либо „занялъ среди дипломатовъ такое же мѣсто, какое онъ, ораторъ, занимаетъ среди ученыхъ“. „Я отъ души присоединяюсь къ этому желанію, и хорошо знаю, какъ авторитетенъ профессоръ Вирховъ у своихъ коллегъ по спеціальности,—отвѣчаетъ министръ-президентъ, но увѣряю васъ: политику *я* лучше понимаю“. И палата отвѣчаетъ на эти слова ироническимъ смѣхомъ. Вы не станете удивляться такому отношенію палаты, если вспомните, что даже кронпринцъ открыто высказываетъ свое сочувствіе оппозиціи противъ Бисмарка и послѣ пріема въ Данцигѣ вынужденъ былъ „положить къ ногамъ своего отца всѣ свои гражданскія должности и военные чины“?

Взаимное непониманіе ведетъ къ озлобленію съ обѣихъ сторонъ. Въ промежуткѣ между двумя ландтагами появляется распоряженіе о печати, отмѣняющее гарантированную свободу слова: Бисмаркъ пробуетъ дѣйствовать механическими средствами, вмѣсто убѣжденія, и его деспотическая, страстная натура не останавливается предъ произволомъ. Новая палата, съ еще болѣе могущественной оппозиціей, требуетъ преданія его суду. Гнейстъ, Зибель и другіе столпы образованнаго общества обвиняютъ министра въ томъ, что его внѣшняя политика—только диверсія отъ внутренней:

не будучи въ состояніи справиться съ внутренними затрудненіями, Бисмаркъ хочетъ вовлечь страну въ войну и играетъ опасную игру. Капля истины въ этомъ обвиненіи есть, —мы опять сошлемся на переписку съ Герлахомъ, —хотя Бисмаркъ потомъ и отвергалъ это подозрѣніе, увѣряя, что онъ никогда на такой авантюризмъ не былъ способенъ. Однако онъ же увѣрялъ, что расположеніе его къ Блейхредеру основывается на томъ, что берлинскій банкиръ далъ ему средства на веденіе войны, „когда я стоялъ такъ же близко къ эшафоту, какъ и къ трону". Въ столь непріятной позиціи, люди рѣшаются на многое, чего не сдѣлаютъ въ болѣе спокойномъ положеніи. Возбужденіе изъ-за Шлезвигъ-Гольштейна не помѣшало палатѣ отказать Бисмарку въ кредитѣ на веденіе войны, и послѣ Дюпеля оппозиція не стала слабѣе, но зато Кёниггрецъ рѣшилъ все: онъ открылъ глаза на Бисмарка и Германіи, и Европѣ.

Изъ многочисленныхъ отзывовъ о дипломатіи Бисмарка у насъ осталась въ памяти фраза: „Макіавелли порадовался бы такому образцовому ученику". Мы цитируемъ ее не потому, чтобъ она была оригинальна, но она выражала ходячее мнѣніе: и поклонники, и противники дипломатіи Бисмарка преимущественно видятъ причины ея успѣховъ въ „дьявольской хитрости" и способности не брезгать никакими средствами. Одни возмущаются, другіе восхищаются, а болѣе объективные говорятъ: въ желаніи пользоваться *всѣми* средствами у другихъ дипломатовъ недостатка также не было, недоставало только такого умѣнья!

Какъ всякое утвердившееся мнѣніе, —макіавеллизмъ Бисмарка, или его іезуитизмъ —подъ оболочкой прямого и честнаго человѣка—имѣетъ кое-что за себя, но имъ едва ли исчерпается содержаніе его дипломатіи. Къ войнѣ съ Австріей Пруссія была готова уже въ то время, какъ она вмѣстѣ съ австрійцами завоевала Шлезвигъ-Гольштейнъ, и очень вѣроятно, что, привлекая Австрію въ кампанію противъ Даніи, Бисмаркъ заранѣе спекулировалъ на то, что дѣлежъ добычи дастъ скоро casus belli. Гораздо больше ума, однако, нужно было на то, чтобы обезпечить себѣ невмѣшательство Россіи и Франціи, и не только ума, но упорнаго и продолжительнаго труда въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ, и зоркаго взгляда на все возможное и вѣроятное въ европейскихъ отношеніяхъ. Однако, геніальнымъ дипломатомъ Бисмаркъ проявилъ себя не до, а послѣ Кёниггреца, когда король, который раньше смотрѣлъ на войну, какъ на братоубійство и нарушеніе дорогого ему „легитимитета", послѣ побѣды требовалъ отъ имени арміи въѣзда

въ Вѣну, а отъ своего имени—территоріальнаго вознагражденія на счетъ нѣмецкой Австріи. Бисмаркъ, наоборотъ, настаивалъ на необходимости воздержаться отъ обычныхъ пріемовъ побѣдителей. Возможно, что онъ опасался вмѣшательства съ нашей и французской стороны; безспорно, однако, что имъ руководили и тѣ соображенія, которыя потомъ оправдались во время войны съ Франціей и еще позже, при заключеніи тройственнаго союза: въ интересахъ Пруссіи, Австрія должна быть выброшена изъ Германіи, но ее не нужно дѣлать вѣчнымъ врагомъ Германіи. Въ первый разъ Бисмаркъ при этомъ случаѣ сошелся съ кронпринцемъ, будущимъ императоромъ Фридрихомъ, который, вообще, былъ противникомъ войны съ Австріей. Свидѣтели сценъ, происходившихъ предъ заключеніемъ мира, вѣроятно, могли бы подтвердить, что министръ „не былъ исполнителемъ воли короля, орудіемъ въ его рукахъ или Handlanger'омъ"; усилія, которыя пришлось сдѣлать Бисмарку, чтобы осуществить свою волю, были такъ велики, что у этого желѣзнаго человѣка напряженные нервы нашли выходъ въ слезахъ. Вильгельмъ I счелъ своимъ долгомъ въ особомъ письменномъ заявленіи подтвердить, что подчиняется требованію неприкосновенности Австріи и Саксоніи—„противъ внутренняго убѣжденія".

Не меньше дальновидности и умѣнья подчинять свои личныя чувства тому, что онъ считалъ необходимымъ въ интересахъ страны, проявлено было Бисмаркомъ, по возвращеніи въ Берлинъ, въ его отношеніяхъ къ парламенту. Дѣло правительства уже было выиграно, и подъ громомъ побѣды произошли выборы, обнаружившіе полный переворотъ въ настроеніи населенія, хотя и не уничтожившіе совершенно оппозицію, но сведшіе ее съ подавляющаго большинства на меньшинство. Тринадцать лѣтъ спустя, вспоминая въ рейхстагѣ объ этой эпохѣ, когда онъ былъ вліятельнѣе, чѣмъ когда-либо.—„въ меньшей сферѣ, но вліятельнѣе, чѣмъ теперь (1874 г.)",—канцлеръ замѣтилъ, что, по возвращеніи съ войны противъ Австріи, ему было бы очень легко „на всѣхъ парусахъ устремиться въ рѣшительнѣйшую и смѣлую реакцію"; больше того: ему съ трудомъ удалось тогда побороть искушеніе, охватившее не его, а короля и консервативную партію—а именно, если не порѣшить съ конституціей, то передѣлать ее въ реакціонномъ направленіи, сославшись на существенныя территоріальныя измѣненія. Въ этихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшей прикрасы. Въ Прагѣ къ королю и Бисмарку являлась депутація отъ консервативной партіи, требовавшая реформы „хартіи Вальдека", т.-е. конституціи, въ духѣ, болѣе соотвѣт-

ствующемъ прусскимъ и монархическимъ традиціямъ; этимъ, молъ, покончено будетъ и съ „внутреннимъ Дюппелемъ“ (Duppel). На короля такія требованія производили впечатлѣніе и находили откликъ въ его собственныхъ желаніяхъ, но Бисмаркъ категорически заявилъ, что не считаетъ благоразумнымъ сводить счета съ оппозиціей. „Большая была перепалка изъ-за тронной рѣчи“,—пишетъ Бисмаркъ женѣ, и хотя во главѣ консервативной депутаціи былъ его старый покровитель Клейстъ-Ретцовъ, онъ прибавляетъ: „у людишекъ этихъ слишкомъ мало дѣла, всѣ они не видятъ дальше своего носа и упражняются въ бурныхъ волнахъ фразы. Съ врагами можно справиться, но эти милые друзья“! Тѣмъ не менѣе, Бисмаркъ справляется и съ ними, и тронная рѣчь, которою 5-го августа была открыта новая сессія палаты, дышетъ желаніемъ установить внутренній миръ.

Упомянувъ о Божіей милости, которая помогла Пруссіи сплести новый вѣнокъ на чело націи, и о значеніи войны, какъ борьбы за національное развитіе Германіи, Бисмаркъ устами Вильгельма I говоритъ народу: „Въ единодушномъ сотрудничествѣ правительство и народное представительство должны стремиться дать созрѣть плодамъ, которые посѣяны на кровавой нивѣ, иначе кровь будетъ пролита напрасно... Правительство, къ своему прискорбію, вынуждено было вести государственный бюджетъ безъ законнаго базиса. Только крайняя необходимость заставила отступить отъ него. Я питаю увѣренность, что послѣднія событія поведутъ къ необходимому соглашенію, и что палата не откажетъ моему правительству въ Indemnität'ѣ (признаніи расходовъ), за время управленія, дѣйствовавшаго безъ законнаго государственнаго бюджета. Этимъ на всѣ времена покончетъ будетъ конфликтъ, тѣмъ болѣе, что предстоящее расширеніе территоріи и введеніе общаго союзнаго войска поведутъ къ равномѣрному распредѣленію военныхъ налоговъ между всѣми членами Союза“.

Отвѣчая въ засѣданіи палаты на рѣчи Вальдека, Гнейста и другихъ ораторовъ оппозиціи, которые еще не въ состояніи были совершенно подчиниться силѣ обстоятельствъ, Бисмаркъ проситъ своихъ оппонентовъ отказаться отъ безплодныхъ воспоминаній и подавить въ себѣ чувство обиды, на которое они, можетъ быть, имѣютъ право: „ и вы, и я,—говоритъ онъ,—въ послѣдніе четыре года съ большей или меньшей страстностью и горечью защищали свои воззрѣнія; намъ не удалось переубѣдить другъ друга, но каждый изъ насъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему подска-

зывали долгъ и совѣсть. Подумайте, что́ было бы, еслибъ во внѣшнихъ отношеніяхъ необходимымъ условіемъ мира признавалось требованіе, чтобы одна сторона принесла покаяніе? Вѣдь, тогда вообще невозможенъ былъ бы миръ, да и мы его желаемъ въ этой внутренней войнѣ не потому, чтобы мы (правительство) больше не въ состояніи были бороться, напротивъ: въ настоящую минуту народное теченіе въ нашу пользу. Насъ не пугаетъ и отвѣтственность за наши поступки; въ отсутствіи смѣлости вы меня тоже никогда не обвиняли. Мы желаемъ внутренняго мира потому, что, по нашему мнѣнію, онъ больше, чѣмъ когда-либо, нуженъ ради отечественныхъ интересовъ; я бы его искалъ раньше, еслибъ у меня была надежда, что вы откликнетесь. Теперь я надѣюсь, что вы не отвергнете руки, которую мы протягиваемъ съ честными намѣреніями, и надежда моя основывается на томъ, что вы должны были замѣтить, что я не стою далеко отъ васъ въ отношеніи задачъ, которыя составляли ваши завѣтныя стремленія. Если вы раньше думали иначе, то одною изъ причинъ было молчаніе правительства въ вопросахъ, по которымъ оно не могло открыто высказаться. Въ союзѣ съ вами мы разрѣшимъ еще бо́льшія задачи, стоящія на очереди, изъ которыхъ—прибавляетъ Бисмаркъ, при бурномъ одобреніи почти всей палаты, за исключеніемъ крайней правой, — я отнюдь не исключаю внутреннихъ реформъ, улучшенія условій внутри страны, исполненія обѣщаній, заключающихся въ конституціи. Въ настоящую минуту на первомъ планѣ, однако, еще стоятъ вопросы внѣшней политики: блестящія побѣды пока только увеличили нашу ставку, но рискъ потери усилился, и игра еще не выиграна: въ правительственныхъ вѣнскихъ газетахъ проповѣдуютъ ненависть къ Пруссіи; въ южной Германіи такъ мало еще сознаютъ общность нѣмецкихъ интересовъ, что возможны случаи, какъ, напримѣръ, подстрѣливаніе прусскихъ офицеровъ баварскими солдатами. Наша задача еще не разрѣшена, для этого нужно единодушіе всей страны. Часто говорили, что перо портитъ то, что́ добыто мечомъ; но я убѣжденъ, что намъ не придется услышать, чтобы добытое мечемъ и перомъ уничтожено было съ этой трибуны".

Нужно много самообладанія для того, чтобы при страстномъ темпераментѣ и властной и злопамятной натурѣ умѣть такъ подчинить свои личныя чувства требованіямъ обстоятельствъ. Изрѣдка въ послѣдующихъ отношеніяхъ Бисмарка еще вспыхиваетъ старая злоба къ противникамъ, не признавшимъ въ немъ даже умнаго

человѣка. „Еслибъ я столько разъ дѣлалъ промахи въ политикѣ и такъ часто оказывался ложнымъ пророкомъ,—говоритъ онъ Вирхову,—у меня не хватило бы смѣлости выступать снова съ критическими замѣчаніями, послѣ всего, что произошло". Однако онъ уже видитъ многихъ изъ старыхъ враговъ у своихъ ногъ,—это будущіе національ-либералы; другіе, болѣе стойкіе, какъ Вальдекъ, Шульце-Деличъ, отрицая, чтобы осуществленіе ихъ идеаловъ могло произойти безъ полной свободы внутри объединеннаго отечества, фактически, однако, могли идти съ Бисмаркомъ въ осуществленіи цѣлаго ряда внутреннихъ реформъ, какъ, напримѣръ, уничтоженіе цеховыхъ привилегій, осуществленіе свободы передвиженія, свободы торговли, а отчасти и свободы печати, объединеніе процессуальнаго права.

Эпоха второй половины 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, принадлежащая къ самымъ блестящимъ періодамъ во внутренней исторіи Германіи, характеризуется союзомъ Бисмарка съ либеральнымъ среднимъ сословіемъ: это союзъ, основанный не на любви, а на расчетѣ, постоянно требующій компромиссовъ, но онъ кладетъ основаніе для развитія народныхъ силъ и создаетъ условія, при которыхъ возможенъ дальнѣйшій ростъ экономической и умственной дѣятельности. Для возникавшей крупной промышленности, напр., свобода передвиженія означала возможность привлекать въ достаточномъ количествѣ рабочія руки; для рабочихъ она уничтожала остатки прикрѣпленія къ помѣщичьей землѣ; а въ глазахъ Бисмарка она уничтожала сепаратизмъ и партикуляризмъ, открывая пруссаку право быть нѣмцемъ въ Саксоніи, и саксонцу не числиться иностранцемъ въ Пруссіи. Въ вопросѣ о выборной системѣ для рейхстага Бисмаркъ, по національнымъ и политическимъ соображеніямъ, шелъ дальше гражданской демократіи: оффиціально защищая предъ правительствомъ и палатой всеобщее избирательное право въ качествѣ „наслѣдія стремленій къ объединенію", завѣщаннаго изъ церкви св. Павла, канцлеръ, въ дѣйствительности, видѣлъ въ привлеченіи всего народа къ законодательству гарантію какъ противъ династій, нехотя подчинявшихся прусской гегемоніи, такъ и противъ попытокъ буржуазіи подчинить корону парламенту. Бисмаркъ, однако, защищается отъ упрека, будто онъ на всякій случай создаетъ себѣ возможность союза съ массами „противъ свободы буржуазіи, для осуществленія цезаризма". „Я не принадлежу къ поклонникамъ народнаго суверенитета, — говорилъ онъ въ сѣверогерманскомъ рейхстагѣ,—но въ общемъ чувствѣ или сознаніи на-

рода я всегда находилъ больше здраваго смысла, чѣмъ въ профильтрованномъ и привилегированномъ мнѣніи меньшинства, не имѣющаго другъ съ другомъ ничего общаго, кромѣ одинаковой собственности или квитанціи въ уплатѣ налоговъ. Прямые и всеобщіе выборы, по крайней мѣрѣ, даютъ исходъ броженію въ націи и ставятъ насъ въ возможность щупать народный пульсъ. Что вы мнѣ можете предложить вмѣсто этого? Не прусское же избирательное право по тремъ разрядамъ? Кто знаетъ его вблизи, долженъ сказать, что болѣе безсмысленнаго и болѣе отвратительнаго способа, какъ этотъ, нельзя себѣ представить"... Въ другой разъ, отвѣчая на упрекъ за уступку демократическому принципу, Бисмаркъ сравнилъ прусскую палату съ рейхстагомъ и замѣтилъ, что хотя ему въ палатѣ легче живется, „но онъ долженъ признать, что она никакъ не интеллигентнѣе выбираемаго всеобщей подачей голосовъ рейхстага, скорѣе напротивъ"...

Способностей своихъ старыхъ товарищей по консервативной партіи Бисмаркъ никогда не преувеличивалъ, но въ эти годы его замѣчательнѣйшихъ успѣховъ онъ внутренно уже съ ними вовсе разошелся, и наружно— связь поддерживалась съ большимъ трудомъ. Чѣмъ больше расширялся его собственный горизонтъ, тѣмъ менѣе онъ понималъ чувства „юнкера", готоваго лучше вернуться къ временамъ бранденбургскихъ маркграфовъ, чѣмъ потопить прусскія особенности и собственныя привилегіи въ объединенной Германіи. „Легитимитета", по крайней мѣрѣ въ общемъ, принципіальномъ смыслѣ, онъ не ставилъ ни во что, тогда какъ консерваторы съ ужасомъ относились къ зрѣлищу падающихъ мелкихъ нѣмецкихъ троновъ; для нихъ объединеніе, совершавшееся такой цѣною, было равносильно упраздненію монархическаго начала вообще. Уступокъ либерализму во внутреннемъ управленіи они также не понимали: личность канцлера очень мало ихъ прельщала, а въ вопросахъ благодарности они раздѣляли съ нимъ полное отсутствіе сентиментальности. Геній государственнаго человѣка вызывалъ искреннее поклоненіе сельскаго учителя, профессора, но каждый померанскій землевладѣлецъ, —какъ Бисмаркъ однажды самъ аттестовалъ своихъ земляковъ, - считалъ себя способнымъ на такія же дѣла, „если, конечно, прикажутъ сверху и будетъ такое же чертовское счастье". Немногимъ приходило въ голову, сколько прозорливости, упорнаго труда и силы воли требовалось, чтобы уловить счастье въ надлежащую минуту, и что есть моменты, которые не возвращаются. Въ лучшихъ кругахъ консерватизма отчужденіе отъ правительства

Бисмарка имѣло принципіальные мотивы, въ другихъ —играли роль зависть, придворныя отношенія, несбывшіяся надежды на карьеру.

При первыхъ признакахъ консервативной оппозиціи, Бисмаркъ еще пытается дѣйствовать на старыхъ друзей убѣжденіемъ. На упрекъ Клейстъ-Ретцова и многихъ другихъ въ палатѣ господъ, что „канцлеръ сталъ во главѣ прежней оппозиціи", покинувъ партію, которая его поддерживала въ трудное время конфликта, онъ отвѣчаетъ: „если бы вы понимали положеніе правительства, вы не требовали бы, чтобы оно проводило взгляды партіи. Большое государство не можетъ руководствоваться партійными принципами; оно обязано считаться съ общей суммой требованій и воззрѣній, распространенныхъ въ странѣ и имѣющихъ выраженіе въ парламентѣ". Другимъ консерваторамъ, заявляющимъ, что они охотно признаютъ авторитетъ Бисмарка во внѣшней политикѣ, но не могутъ раздѣлять его вредную внутреннюю политику, канцлеръ отвѣчаетъ уже другимъ тономъ. Велика поддержка, которую они ему оказывали въ періодъ конфликта: всѣхъ ихъ было въ палатѣ 11 душъ, —много ли можно было опираться на такую „партію"! Борьбу велъ онъ самъ, и если консервативная партія теперь велика, то этимъ она обязана поддержкѣ правительства. „У представителей консерватизма, —говоритъ онъ, —нѣтъ монополіи на политическую мудрость, но за то очень много свободнаго времени, чтобы критиковать дѣйствія правительства, и полная неспособность подчиняться измѣняющимся условіямъ государственной жизни"... Вражда не прекращается, а скорѣе усиливается послѣ франко-прусской войны: несмотря на величайшую популярность канцлера, консервативная партія открыто выступаетъ противъ его внутреннихъ реформъ и въ церковныхъ вопросахъ, при возникновеніи „культуръ-кампфа", становится на сторону католицизма во всѣхъ вопросахъ школьнаго надзора и гражданскаго брака. Судья Герлахъ, когда-то его учитель и старшій товарищъ по „Kreuzzeitung", напоминаетъ ему объ его собственныхъ выходкахъ въ палатѣ 1849—50 гг. противъ гражданскаго брака, какъ требованія демократіи: „ich hoffe es noch zu erleben,—говорилъ тогда депутатъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ,—dass das Narrenschiff der Zeit an dem Felsen der christlichen Kirche scheitert"! Я желалъ бы, чтобы имперскому канцлеру еще до наступленія этого срока удалось спрыгнуть съ Narrenschiff'a, на которомъ онъ находится теперь, и вплавь добраться до утеса церкви", —иронизируетъ бывшій его учитель.—„Когда-то,—отвѣчаетъ Бисмаркъ, —вы служили мнѣ

примѣромъ политическаго дѣятеля. Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка, и опытъ жизни научилъ меня не довѣряться рецептамъ учителей, не желающихъ никогда подчинять собственные вкусы требованіямъ общаго блага. Я думаю, что въ этомъ отношеніи мы съ Герлахомъ могли бы помѣняться ролями и кое-чему онъ могъ бы теперь научиться у меня. Какъ министръ, я не знаю фракціонной политики и личныхъ симпатій: много ли или мало внутренней борьбы будетъ мнѣ стоить отказаться отъ мнѣній, которыя я исповѣдывалъ въ качествѣ частнаго и неотвѣтственнаго человѣка, но въ государственной дѣятельности нужно научиться „не выбрасывать ребенка вмѣстѣ съ ванной“... Мнѣ никогда не стыдно сознаваться, что въ томъ или другомъ вопросѣ я раньше ошибался, и во всякомъ случаѣ я изъ ложнаго стыда не предприму ничего, что по моимъ нынѣшнимъ убѣжденіямъ расходится съ интересами страны и монархіи“.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ отношенія Бисмарка къ консерватизму приняли такія рѣзкія формы, что въ главномъ органѣ консерваторовъ, сотрудникомъ котораго онъ самъ прежде состоялъ,— не говоря уже о знаменитой „Reichsglocke“,—противъ Бисмарка появились злостныя обвиненія въ сношеніи съ биржевиками ради личной спекуляціи, противъ чего онъ, со свойственной ему энергіей, протестовалъ въ открытомъ засѣданіи рейхстага. Бисмарку не удалось, однако, сломить своихъ враговъ, хотя одно время его угроза, что „всю консервативную партію скоро можно будетъ доставить въ рейхстагъ на одномъ извозчикѣ“,—была близка къ осуществленію. „Маленькая, но вліятельная партія“ сумѣла задними ходами дворца снова подняться на ноги, —и канцлеръ былъ слишкомъ большимъ реалистомъ, чтобы не считаться съ этой силой. Впослѣдствіи, особенно въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, онъ уже рѣдко имѣлъ поводъ воевать съ консерваторами: канцлеръ имъ былъ нуженъ для осуществленія аграрныхъ пошлинъ, а они были необходимы правительству для защиты милитаризма отъ гражданскаго либерализма и исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-домократіи. Если, однако, за гробомъ великаго канцлера консерваторы шли въ первомъ ряду плакальщиковъ, то позволительно усомниться въ искренности ихъ слезъ, послѣ того, какъ въ 1890 г. ни одинъ консерваторъ не нашелъ въ себѣ мужества или желанія поднять голосъ за павшаго государственнаго человѣка. Бисмаркъ въ частныхъ бесѣдахъ, назначенныхъ для печати, аттестовалъ нынѣшнюю консервативную пар-

тію, какъ партію карьеристовъ, въ которой каждый руководствуется только личными мотивами, какъ, напримѣръ, приглашеніе жены на придворный балъ, повышеніе сына-офицера и т. п. Чистые аграріи, типа „союза сельскихъ хозяевъ", ему были симпатичнѣе, насколько ими можно было пользоваться противъ новаго курса; но, беря ихъ подъ свой протекторатъ, Бисмаркъ превосходно зналъ цѣну и ихъ руководителямъ, и утопичности стремленій вернуть Германію на путь чисто земледѣльческаго государства.

Мы останавливаемся нѣсколько дольше на отношеніи Бисмарка къ консерватизму, чѣмъ это, можетъ быть, допускаетъ требованіе пропорціональности въ очеркѣ, имѣющемъ задачей въ немногихъ словахъ охватить главныя черты колоссальной эпохи и крупной личности, наложившей на эту эпоху свою печать. Однако, не только у насъ, но и во всемъ мірѣ очень распространено представленіе объ объединителѣ Германіи, какъ о крупнѣйшемъ представителѣ консервативныхъ идей, подъ которыми, съ обычнымъ смѣшеніемъ понятій и опредѣленій, понимаютъ даже не сохраненіе существующаго, а реакцію въ государственномъ устройствѣ, въ отношеніи къ свободѣ и парламентаризму. Консерваторомъ Бисмаркъ, однако, не былъ ни въ чистомъ смыслѣ, ни въ искаженномъ понятіи реакціи. Можетъ ли быть рѣчь о сохраненіи существующаго у государственнаго дѣятеля, такъ радикально измѣнившаго понятія о пріобрѣтенныхъ правахъ? По крайней мѣрѣ до середины 70-хъ годовъ реформы общественнаго строя, территоріальныхъ границъ, троновъ и законовъ—происходили съ такою быстротой и рѣшительностью, что въ дѣятельности Бисмарка скорѣе находили черты революціонера, чѣмъ консерватора. Истиннымъ принципамъ консерватизма Бисмаркъ отчасти только слѣдовалъ въ послѣдніе годы своего правленія, когда и для него наступила пора безплодной старости. Былъ ли онъ реакціонеромъ? Мы сказали уже, что въ блестящую для него эпоху, когда онъ и Германія стояли на вершинѣ славы, измѣненія въ законодательствѣ почти всѣ удовлетворяли требованіямъ новыхъ, а не старыхъ элементовъ націи. Не на всѣ реформы онъ шелъ охотно; многія, даже большинство, составляли результаты компромиссовъ, но и въ законодательствѣ о печати, и въ устройствѣ школы, и во многихъ другихъ вопросахъ общественной жизни требованія времени были приняты Бисмаркомъ во вниманіе. Смѣшно было бы причислять Бисмарка къ поклонникамъ свободы: властная и нетерпимая натура его не переносила оппозиціи и допускала свободу только

для себя; но такія натуры встрѣчаются среди представителей всѣхъ направленій, и нельзя отождествлять этихъ личныхъ свойствъ, усиленныхъ успѣхами и неумѣреннымъ поклоненіемъ, съ принципами партіи. Презрѣніе къ глупости и слабости, составляющее одну изъ выпуклыхъ чертъ въ личности Бисмарка, одинаково распространялось на толпу и на самыхъ высокопоставленныхъ современниковъ. Возвращеніе къ старому не могло составлять его политическаго идеала, потому что это разрушало бы его собственныя заслуги, и не было его общественнымъ идеаломъ, такъ какъ его сильному уму вообще чужды были мечтанія. Никто лучше Бисмарка не понималъ, что есть границы вліянія и самой могущественной личности, лежащія въ условіяхъ матеріальнаго и нравственнаго развитія народа, переступить которыя значитъ дать поглотить волнамъ „и лодку, и лодочника“. Донъ-кихотство старыхъ легитимистовъ вызывало у него выраженія глубочайшаго и искреннѣйшаго презрѣнія. На произволъ онъ былъ способенъ, и какъ все, что исходило отъ этой крупной личности, произволъ въ его рукахъ принималъ чрезвычайные и потому нестерпимые размѣры. Мы ниже еще коснемся этой стороны въ дѣятельности Бисмарка, характерной особенно для періода его „décadence“, а теперь остановимся еще на отношеніи канцлера къ парламенту, такъ какъ оно, можетъ быть, больше, чѣмъ что-либо другое, содѣйствовало представленію о немъ, какъ о реакціонерѣ.

Онъ всю жизнь, за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, воевалъ съ парламентомъ, и, по собственному его сознанію, не было партіи, которая его когда-либо переносила. Во время конфликта, онъ пытался интерпретировать бюджетное право палаты новыми софизмами, которыя возмущали юридическую совѣсть даже Сталя; въ борьбѣ съ католиками, онъ отрицалъ за ними право на парламентское представительство; точно такъ же впослѣдствіи онъ примѣнялъ тѣ же пріемы къ депутатамъ рабочихъ. Запосчивость его иногда не знала границъ, и многіе старые члены рейхстага до сихъ поръ не могутъ забыть бурныя сцены, которыя вызвала робкая попытка президента Форкенбека примѣнить къ канцлеру свое даже не дисциплинарное, а только наблюдательное право. Въ десяткахъ варіантовъ Бисмаркъ повторяетъ, что въ Германіи господствуетъ только конституціонная монархія, но не парламентаризмъ, и что императору никакой рейхстагъ не въ правѣ навязывать министровъ. Можно привести много другихъ такихъ же признаковъ враждебности къ парламенту, и тѣмъ не менѣе, врагомъ парла-

мента въ принципѣ, т.-е. противникомъ самого учрежденія, Бисмаркъ не былъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ государственнымъ человѣкомъ. Во-первыхъ, по личнымъ побужденіямъ: онъ сначала самъ создалъ свою карьеру съ трибуны и, будучи потомъ на вершинѣ могущества, нуждался въ трибунѣ палаты и рейхстага, чтобы придать своимъ словамъ —касались ли они внѣшней политики, или внутреннихъ отношеній—ту широкую публичность, которую дастъ рѣчь предъ избранниками націи; въ то же время парламентъ ему давалъ опору противъ закулисныхъ придворныхъ вліяній, съ которыми канцлеру нерѣдко приходилось сталкиваться. Во-вторыхъ, и это, несомнѣнно, еще болѣе сильная причина того, что онъ дорожилъ представительными учрежденіями: парламентъ въ его глазахъ создавалъ ту живую связь правительства съ народомъ, безъ которой имперія Гогенцоллерновъ не стала бы могущественной и прочной. Но каждому слову, сказанному Бисмаркомъ въ рейхстагѣ, нужно придавать буквальное значеніе, но есть рѣчи, въ которыхъ слышится несомнѣнная искренность, выражается полное убѣжденіе, и къ такимъ принадлежитъ уже мимоходомъ цитированная нами рѣчь Бисмарка отъ 9 іюля 1879 г., въ которой онъ, сводя счеты съ національ-либералами, высказывается о своемъ отношеніи къ парламенту. „Упреками и подозрѣніями въ реакціонныхъ замыслахъ,—говорилъ онъ тогда,—меня нельзя смутить. Болѣе пугливаго министра, чѣмъ я, такими обвиненіями, если они упорно повторяются, можно побудить искать опоры тамъ, гдѣ меньше вражды, т.-е. сознательно или безсознательно броситься въ объятія реакціи, чтобы спастись отъ обвиненій, раньше не имѣвшихъ основанія. Вотъ почему я не совѣтую никогда рисовать чорта на стѣнѣ. Самъ я въ этомъ положеніи не нахожусь,—я слишкомъ близко подошелъ къ концу своей дѣятельности, чтобы поколебать настоящее ради неизвѣстнаго будущаго... Съ самаго начала моей карьеры у меня была одна путеводная звѣзда: какими средствами и на какомъ пути можно привести Германію къ объединенію? Заботой моей было укрѣпить Германію настолько, чтобы она охотно могла покоиться на свободной волѣ всѣхъ участниковъ. И для этого базиса нужны были династіи, но нуженъ былъ и народъ, сознательно охраняющій незыблемость государства“... Не изъ любви къ конституціонной системѣ Бисмаркъ шелъ на миръ съ палатой послѣ Кениггреца, но изъ-за разумно понятыхъ интересовъ родины. „Господа, я не хочу выступать передъ вами въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ я есть: если бы я пришелъ къ убѣжденію, что для осуществленія

величія Германіи абсолютизмъ полезнѣе, чѣмъ конституціонализмъ, я не колеблясь и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти совѣтовалъ бы обратиться къ абсолютизму. Послѣ зрѣлаго размышленія, послѣ тяжелой борьбы съ близкими мнѣ и дорогими людьми, старавшимися вліять въ этомъ направленіи, я, однако, пришелъ, къ убѣжденію, что мы должны идти впередъ по пути правового порядка. Я не противникъ конституціонализма, онъ больше соотвѣтствуетъ моимъ внутреннимъ ощущеніямъ, моему пониманію задачъ политики, и я считаю его единственно возможной формой правленія"... Правда, въ послѣдніе годы своего канцлерства, когда столкновенія съ рейхстагомъ иногда принимали размѣры почти конфликта, Бисмаркъ разъ воскликнулъ, что напрасно многіе думаютъ, будто онъ въ политикѣ видитъ дальше другихъ: при основаніи имперіи ему представлялась опасность для нея отъ династій, и самую сильную защиту онъ видѣлъ въ широкомъ представительствѣ, тогда какъ теперь онъ долженъ согласиться, что его товарищи по союзному совѣту, высказавшіеся противъ новаго ограниченія правъ короны, были правы. Но это говорилось въ жару полемики и для оправданія упорства правительства, отклонявшаго требованія депутатовъ. „Не относитесь слишкомъ легко къ такому факту, какъ правительства Германіи, соединенныя въ союзномъ совѣтѣ,—говорилъ онъ въ предупрежденіе рейхстагу: — соединенныя правительства — это еще очень большая сила! Старайтесь найти способы къ соглашенію съ ними, подобно тому, какъ *я всегда ищу большинство въ парламентѣ* для своихъ плановъ. Если одинъ факторъ законодательства всегда будетъ диктовать свои требованія другому, то результатомъ будетъ застой, и мы не пойдемъ впередъ"... Бисмарку, дѣйствительно, былъ ненавистенъ профессіональный парламентаризмъ, который, какъ онъ выражался, ведетъ къ тому же бюрократизму, если не чиновниковъ, сидящихъ за зеленымъ сукномъ, то журналистовъ и адвокатовъ, знающихъ жизнь „изъ театральной ложи и редакцій газетъ". „Только люди, сами участвующіе во всѣхъ ея практическихъ сферахъ, а не наблюдающіе ее, какъ на сценѣ, могутъ защищать интересы страны и отдѣльныя силы народа". Сколько тутъ дѣйствительнаго убѣжденія и сколько расчета на то, что не-профессіональные парламентаристы менѣе свѣдущи и менѣе опасны правительству,—на это трудно отвѣтить, но исповѣдываніе такихъ мнѣній не было бы ересью и со стороны сторонника народнаго суверенитета.

Но мы далеко забѣжали впередъ, намъ нужно остановиться

ПУБЛИЧ... ...ТЕКА

еще на крупнѣйшемъ фактѣ изъ *дипломатической* карьеры Бисмарка.

III.

Для огромнаго большинства современнаго поколѣнія имя Бисмарка тѣсно связано только съ представленіемъ объ униженіи Франціи, о неслыханныхъ, со времени Наполеона I, военныхъ успѣхахъ и о созданіи „кровью и мечомъ“ новой Германіи. Что лежитъ позади этихъ событій, дошло до насъ въ отрывкахъ, какъ будто теряющихъ свое значеніе послѣ явленія, которое потрясло міръ, передѣлало карту Европы и наложило на народы бремя милитаризма. Многіе ошибочно относятъ даже слова: „Blut und Eisen“, къ Франціи, хотя эта фраза публично произнесена была еще въ 1862 г., вызвавъ у немногихъ восторгъ, но еще больше она послужила предметомъ насмѣшекъ; хотя послѣ Дюппеля нашелся нѣмецкій бардъ, настроившій свою лиру на военный мотивъ:

Blut und Eisen, Eisen und Blut,
Dich will ich preisen mit fröhlichen Muth!

Бисмаркъ постарался перенести на Францію всю отвѣтственность за столкновеніе народовъ, за море пролитой крови. Не нужно было дожидаться, однако, суда потомства, чтобы придти къ полному убѣжденію, что эта война входила съ самаго начала въ расчеты германскаго „объединителя“, и что даже при большей прозорливости Наполеона III, или при большей его устойчивости предъ посторонниимъ вліяніемъ, Бисмаркъ нашелъ бы поводъ къ разрыву. Бенедетти, которому незаслуженно пришлось раздѣлить обвиненія противъ всей французской дипломатіи, писалъ въ 1868 г. въ Парижъ: „объединеніе Германіи неудержимо идетъ къ своему осуществленію. Франція имѣетъ лишь выборъ между отказомъ отъ всякаго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла —или страшной войной, въ которой вся Германія будетъ едина“. Именно для достиженія этого единства, для тѣснаго сплоченія юга съ сѣвером, Бисмарку нужно стало столкновеніе съ Франціей: послѣ Кёниггреца не трудно было бы заставить Баварію войти въ союзъ съ Пруссіей, но въ союзѣ не было бы прочности, которую создаетъ страхъ передъ общимъ врагомъ!

Здѣсь не мѣсто разбирать сложныя причины и дипломатическія перипетіи, поведшія къ франко-прусской войнѣ. Такъ какъ для опредѣленія личности и политики Бисмарка существенное значеніе имѣетъ его образъ дѣйствій въ рѣшительную минуту разрыва

сношеній съ Франціей, то мы остановимся только на исторіи знаменитой эмсской депеши. Подлинный текстъ ея былъ опубликованъ только въ 1892 г., при канцлерѣ Капривп, и этимъ положенъ конецъ популярной въ Германіи легендѣ о томъ, какъ Вильгельмъ I повернулся спиной къ Бенедетти (предъ источникомъ „Кессельбруннен“ въ Эмсѣ, гдѣ это якобы историческое событіе даже отмѣчено на камнѣ), и упорное отрицаніе поклонниками канцлера всякаго участія его въ созданіи этой легенды. Въ дѣйствительности, Бисмаркъ не отрицалъ самъ справедливости замѣчанія Мольтке, сказавшаго, что канцлеръ сдѣлалъ изъ „шамады“, т.-е. отбоя, „фанфару“ —боевой кличъ. Сущность такой метаморфозы лучше всего выясняется сопоставленіемъ подлинной телеграммы тайнаго совѣтника Абекена, посланной по порученію короля Вильгельма, съ тою редакціей, въ которой Бисмаркъ довелъ ее до свѣдѣнія Франціи и Германіи.

Король сообщаетъ: „Графъ Бенедетти захватилъ меня на прогулкѣ и потребовалъ подъ-конецъ въ очень навязчивой формѣ, чтобы я его уполномочилъ сейчасъ же телеграфировать, что я на всѣ времена обязываюсь никогда не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллерновъ, если бы она снова когда-либо была выдвинута. Я отклонилъ это въ концѣ нѣсколько рѣзко, такъ какъ такихъ обязательствъ à tout prix никто не можетъ и не долженъ на себя брать. Разумѣется, я сказалъ ему, что не имѣю никакихъ свѣдѣній, а изъ того, что онъ изъ Парижа и Мадрида ранѣе меня освѣдомленъ (объ отказѣ Гогенцоллерна), можно убѣдиться, что мое правительство тутъ не-при-чемъ“... Вслѣдъ затѣмъ, продолжаетъ Абекенъ, „его величество получилъ письмо отъ князя (Антона Гогенцоллерна), и такъ какъ е. в. сказалъ графу Бенедетти, что ожидаетъ отъ князя извѣстій, то по моему и графа Эйленбурга докладу рѣшено было, что е. в. не приметъ Бенедетти, но сообщитъ ему черезъ адъютанта, что получилъ отъ князя (Гогенцоллерна) подтвержденіе извѣстія, которое Бенедетти уже имѣлъ изъ Парижа, и король ничего больше не можетъ сообщить послу. Его величество предоставляетъ вашему усмотрѣнію—сообщить сейчасъ же о новомъ требованіи Бенедетти нашимъ посламъ и печати“.

Изъ этой депеши Бисмаркъ составилъ слѣдующій текстъ, сообщенный въ тотъ же вечеръ въ экстренномъ изданіи „Norddeutsche Allgemeine“: „Послѣ того какъ испанское правительство официально увѣдомило императорское французское правительство объ отказѣ наслѣднаго принца Гогенцоллернскаго, французскій посолъ

поставилъ въ Эмсѣ его величеству королю требованіе, уполномочить его телеграфировать въ Парижъ, что его величество на всѣ времена обязывается никогда не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллерновъ. Его величество послѣ этого отказался еще разъ принять посла и велѣлъ передать послѣднему черезъ дежурнаго адъютанта, что его величество не имѣетъ больше ничего сообщить послу".

Можно спорить о словахъ: называть ли такой пріемъ фальсификаціей, какъ говорятъ одни, или рѣшительнымъ разсѣченіемъ Гордіева узла, какъ увѣряютъ другіе, но едва ли теперь могутъ быть два мнѣнія объ участіи Бисмарка въ ускореніи войны, которую онъ считалъ выгодной для своей страны. Въ своихъ бесѣдахъ, въ качествѣ неотвѣтственнаго больше государственнаго человѣка, онъ открыто заявлялъ, что не довѣрялъ стойкости своего короля: Вильгельмъ уже шелъ назадъ, и его нужно было поставить предъ fait accompli. Единственный вопросъ, который существовалъ въ то время для канцлера, былъ тотъ: убѣжденъ ли Мольтке въ превосходствѣ прусской арміи надъ французской, при которомъ побѣда была бы обезпечена? И на утвердительный отвѣтъ Мольтке, онъ „измѣняетъ" депешу, расчитывая сразу и на французскую народную гордость, и на нѣмецкое воодушевленіе всѣми предыдущими событіями. Расчетъ, какъ извѣстно, оказался удачнымъ.

Изъ дневника императора Фридриха III, обнародованнаго Геффкеномъ, Германія узнала о закулисныхъ сторонахъ своего великаго времени, рисующихъ участіе Бисмарка въ созданіи имперіи нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. О томъ, что Вильгельмъ I не желалъ императорской короны, хотя она и не была такъ „обрызгана грязью улицы", какъ та, которую франкфуртскій парламентъ подносилъ его брату,—объ этомъ многіе знали и прежде, хотя въ учебники исторіи такихъ фактовъ не включаютъ. Роль Бисмарка менѣе ясна. Судя по тѣмъ возмутительнымъ пріемамъ, которые онъ употребилъ по отношенію къ Геффкену, опубликованіе дневника въ его глазахъ способно было понизить его собственный престижъ. Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ-панегиристовъ Бисмарка, проф. Гейкъ, пытается объяснить противорѣчіе осторожностью великаго дипломата, въ сущности замышлявшаго то, что привлекало и кронпринца, но не желавшаго слишкомъ рано выдавать свои планы, чтобы не столкнуться съ дипломатическими интересами. Для этого вольнаго толкованія пока еще нѣтъ доказательствъ, но можно согласиться, что рѣчь идетъ не столько о сущности новаго государственнаго устройства,

сколько объ его внѣшнихъ формахъ, къ которымъ Бисмаркъ относился всегда индифферентно. „Всѣ дороги ведутъ въ Римъ“—была въ такихъ случаяхъ его любимая поговорка.

Историческая справедливость требуетъ признанія, что цѣлью дипломатіи Бисмарка послѣ франко-прусской войны было сохраненіе европейскаго мира, и что въ достиженіи ея онъ проявилъ всѣ качества своего рѣдкаго ума, настойчивости и умѣнья пользоваться обстоятельствами, которыя онъ всегда обнаруживалъ въ интересахъ своего отечества. Уже при заключеніи мира съ Франціей Бисмаркъ доказалъ, что „видитъ дальше“ своихъ сотрудниковъ и противниковъ противъ воли Вильгельма I, не разставшагося съ принципомъ легитимитета, хотя его корона служила тому прямымъ опроверженіемъ, Бисмаркъ настоялъ на признаніи республики, и не измѣнялъ своего взгляда и въ первые годы новаго правленія во Франціи, когда монархисты въ Германіи, опираясь на придворныя связи, не прочь были вмѣшаться во внутреннія французскія дѣла. Изъ процесса Арнима извѣстно, что германскій посолъ считалъ „продленіе республиканскихъ учрежденій Франціи“, какъ онъ докладывалъ канцлеру, „прямой опасностью для монархическаго режима въ нашемъ собственномъ отечествѣ“. Бисмаркъ отвѣчаетъ на это: „Намъ нужно, чтобы Франція оставила насъ въ покоѣ, и наша забота— чтобы она не нашла союзниковъ противъ насъ. Пока она изолирована, Франція не опасна, и пока большія монархіи Европы поддерживаютъ другъ друга, имъ нечего бояться республикъ. Съ другой стороны, очень трудно думать, чтобы французская республика нашла монархическаго союзника противъ насъ“.

Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательный дипломатъ, какъ извѣстно, ошибся; но вѣдь прошло почти 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ ему удавалось предотвратить невѣроятное для него тогда, но уже въ 1875 г., намѣчавшееся соглашеніе нашего отечества съ Франціей. Во внѣшней политикѣ, говорилъ онъ, впрочемъ, еще задолго до объединенія Германіи, дипломатическія способности выражаются не въ умѣньи заглядывать въ далекое будущее, а въ пониманіи того, что будетъ въ ближайшіе 24 часа. Много позже, уже послѣ заключенія тройственнаго союза, канцлеръ въ одну изъ своихъ „откровенныхъ“ минутъ такъ опредѣлилъ предъ рейхстагомъ задачи политики: „въ политикѣ, господа, приходится вести себя какъ благоразумный человѣкъ въ неизвѣстной странѣ, или въ лѣсу, при встрѣчѣ съ неизвѣстными людьми: нужно держать револьверъ въ карманѣ, руку на револьверѣ; когда вы видите, что знакомецъ кла-

дѣть руку въ карманъ, вы вынимаете свой револьверъ изъ кармана; когда же замѣчаете, что въ васъ даже цѣлятъ, то стрѣляйте и ужо не задавайтесь вопросомъ, находитесь ли вы на почвѣ законной самообороны, предусмотрѣнной кодексомъ о наказаніяхъ"... Заслуги Бисмарка передъ своей страной состояли въ томъ, что онъ стоялъ на посту, зорко слѣдя за „неизвѣстными" по всей картѣ Европы и готовый стрѣлять раньше, чѣмъ въ него успѣютъ прицѣлиться, но въ то же время употребляя всѣ усилія, чтобы этой надобности не было. Сколько искусства нужно было, чтобы предупредить столкновенія и разсѣять опасенія Европы, что въ военномъ могуществѣ Пруссіи заключаются тѣ же тенденціи къ созданію всемірнаго господства, которыми проникнута была Франція перваго Наполеона, — это, вѣроятно, въ состояніи оцѣнить только современники 1870 года, которые вспомнятъ впечатлѣніе, произведенное Седаномъ. Кому изъ цеховыхъ дипломатовъ пришло бы тогда въ голову, что возможенъ союзъ трехъ императоровъ, въ которомъ мы очутимся, правда, на очень непродолжительное время, связанными съ Австріей и Германіей? Точно такъ же можно быть различнаго мнѣнія о тройственномъ союзѣ Германіи съ Австріей и Италіей, но для своего времени онъ былъ „мейстеръ-штюкъ" политическаго искусства. Вспомните, что въ Австріи еще не исчезли воспоминанія о Кениггрецѣ, и что итальянскій народъ еще не забылъ ужасовъ австрійскаго господства въ Ломбардіи и Венеціи. Руководствовалась ли политика Бисмарка *неуклонно*, въ продолженіе всѣхъ 19 лѣтъ, отъ мира съ Франціей до его отставки, только задачей сохраненія мира; былъ ли въ 1875 г. моментъ, когда въ берлинскомъ генеральномъ штабѣ все было готово къ нападенію на Францію, или это только, какъ Бисмаркъ увѣрялъ, продуктъ уязвленнаго честолюбія и фантазіи кн. Горчакова? Мстилъ ли намъ за это германскій канцлеръ на конгрессѣ въ Берлинѣ, или онъ тамъ игралъ роль „честнаго маклера"? На эти вопросы здѣсь не мѣсто давать отвѣты, да и много еще тутъ противорѣчиваго и темнаго. Во всякомъ случаѣ, надо думать, что прошла и для нашей дипломатіи пора сентиментальныхъ жалобъ на чужую неблагодарность, за которыми укрывается непониманіе собственныхъ ошибокъ. Оглядываясь на всю эпоху Бисмарка, мы не можемъ больше отрицать, что хотя слишкомъ тяжелою цѣной безпрерывнаго роста милитаризма и усиленія розни между европейскими народами, но имъ была предупреждена, по крайней мѣрѣ, общеевропейская война, послѣдствія которой—и для побѣжденныхъ, и для побѣдителей—Бисмаркъ умѣлъ рисовать

въ самыхъ густыхъ краскахъ. Дипломатія Бисмарка—не единственный факторъ въ сохраненіи мира, почти невѣроятно продолжительнаго для тѣхъ, которые помнятъ общее настроеніе послѣ униженія Франціи, но она одинъ изъ самыхъ существенныхъ факторовъ. Можно возразить, что безъ этого политическаго виртуоза положеніе Европы не стало бы съ самаго начала грознымъ; но мы тогда становимся на точку зрѣнія, съ которой нельзя разсматривать достоинство и дѣятельность государственнаго человѣка, знающаго не интересы человѣчества, а только величіе своей родины. Однимъ изъ рѣдкихъ свойствъ этого ума было то, что онъ дѣйствительно „не совалъ пальцевъ въ чужіе горшки“ изъ стремленія къ престижу: мишуры онъ не понималъ ни въ частной, ни въ общественной жизни, и если восточный вопросъ, напр., въ его глазахъ не имѣлъ практической цѣны для Германіи, то ему можно вѣрить, что изъ желанія играть роль онъ не пожертвовалъ бы костями хотя бы одного нѣмецкаго солдата; точно такъ же душа его оставалась совершенно спокойной, если гдѣ-нибудь та или другая европейская страна играла первую скрипку. Впослѣдствіи, внѣшняя политика Германіи хотя и оставалась вѣрной главнымъ чертамъ дипломатіи Бисмарка, но въ этомъ отношеніи стала измѣняться, что̀ заставляетъ даже крайнихъ противниковъ перваго канцлера требовать возвращенія къ ея традиціямъ.

Непрерывная цѣпь блестящихъ внѣшнихъ успѣховъ и удачъ внутри объединенной страны прерывается на борьбѣ съ католицизмомъ, съ легкой руки Вирхова получившей извѣстность подъ именемъ „культуръ-кампфа“. Теперь всѣ почти согласны, что это была первая крупная ошибка Бисмарка, и несомнѣнно,—она особенно бросается въ глаза, когда ее дѣлаетъ политикъ, вся система и вся сила котораго состоятъ въ умѣньи соразмѣрять свои средства съ положеніемъ противника. Въ учебникахъ новѣйшей исторіи для нѣмецкихъ гимназій юношамъ представляютъ возникновеніе борьбы съ католической церковью какъ необходимое послѣдствіе провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Въ глазахъ національ-либераловъ, главныхъ соратниковъ Бисмарка въ войнѣ съ католиками, идейный мотивъ состоялъ въ усиливавшейся старинной антипатіи протестантизма къ воинствующему католицизму и желаніи оградить развитіе народа отъ клерикальныхъ путъ для свободы мысли и совѣсти. Въ глазахъ Бисмарка всѣ эти мотивы, однако, никогда не были рѣшающими. „Я занимаюсь не догматикой, а политикой“, — говорилъ онъ уже въ первыхъ парламентскихъ

схваткахъ съ партіей центра:—„вопросы вѣры какъ можно меньше слѣдуетъ вносить въ государственную жизнь. Если милліоны католиковъ признаютъ непогрѣшимость папы, то я подчиняюсь этому и требую, чтобы и всѣ другіе уважали чужую вѣру, какъ бы далеки ни были мнѣ и другимъ протестантамъ ея догматы. Но чего я не допускаю, это—*господства церкви въ сферѣ государства*“.

Какъ ни проникнута дѣятельность Бисмарка національной *государственной* идеей, но онъ, вѣроятно, сумѣлъ бы воздержаться отъ столкновенія съ международнымъ католицизмомъ, если-бы къ вопросамъ о разграниченіи сферы вліянія государства и церкви не присоединились партикуляристическіе и личные вопросы. Упраздненіе особаго политическаго департамента при министерствѣ исповѣданій, одна изъ первыхъ мѣръ въ культуръ-кампфѣ, имѣло внутреннимъ, впослѣдствіи признаннымъ и со стороны Бисмарка основаніемъ—вліяніе въ этомъ вѣдомствѣ *польскаго* аристократическаго элемента. Боевой кличъ противъ центра въ рейхстагѣ съ самаго начала мотивируется соединеніемъ католическаго и вельфскаго движенія. Вернувшись изъ Франціи, Бисмаркъ засталъ сильную и хорошо дисциплинированную партію, съ которой онъ хотѣлъ бы вступить въ сношенія, чтобы привлечь ее на правительственную сторону; онъ всю жизнь былъ убѣжденъ, что это ему удалось бы, не будь тутъ замѣшаны польскіе и другіе анти-прусскіе интересы, но въ особенности не будь во главѣ центра вождя Виндгорста. Предубѣжденіе католическаго населенія противъ него, какъ соучастника въ уничтоженіи свѣтской власти папы, Бисмаркъ считалъ возможнымъ разсѣять, но для этого онъ ставилъ условіемъ удаленіе изъ партіи центра Виндгорста, и въ свою очередь самъ былъ готовъ за то на матеріальныя уступки въ области церкви. Съ перваго же взгляда всесильный тогда канцлеръ понялъ, что въ маленькой „черной жемчужинѣ“ онъ найдетъ самаго опаснаго противника. Больше того: онъ въ немъ подозрѣвалъ даже соперника. Очевидцы ораторскихъ турниpовъ того времени въ рейхстагѣ не понимали этого подозрѣнія и приписывали его головокружительной высотѣ, на которой стоялъ объединитель Германіи. Впослѣдствіи изъ біографіи Виндгорста многое выяснилось, что казалось тогда темнымъ или продуктомъ фантазіи. „Я не хочу утверждать,—говорилъ Бисмаркъ въ засѣданіи рейхстага 9-го февраля 1872 г.,—что депутатъ Виндгорстъ упорно стремится стать моимъ коллегой. Точно такъ же, еслибъ я сказалъ, напримѣръ, что злѣйшіе враги монархіи, подъ маской симпатіи къ нашему монарху, стре-

мятся завязать съ нимъ личныя отношенія и давать ему совѣты,— конечно, только вредные,— то я былъ бы очень далекъ отъ мысли указать этимъ на кого-либо изъ здѣсь присутствующихъ депутатовъ: такія вещи никогда не относятся къ присутствующимъ". Вѣроятно, только самые довѣренные политики догадывались тогда, что Бисмаркъ намекалъ на связь, которую старалась установить между императоромъ и вождемъ центра—императрица Августа, супруга Вильгельма I. Не даромъ изъ бюро печати покойную императрицу одно время упорно обвиняли въ переходѣ въ католицизмъ, инсинуируя противъ нея почти такъ же, какъ впослѣдствіи сподручная Бисмарку печать травила „англичанку", супругу Фридриха III [1]).

Теперь, когда ни для кого нѣтъ больше сомнѣнія, что борьба съ католицизмомъ была крупной политической ошибкой, въ общественномъ мнѣніи замѣчается обратная крайность, основывающаяся на забвеніи фактовъ: детали культуръ-кампфа исчезли изъ памяти, и потому въ отзывахъ объ эпохѣ Бисмарка преобладаетъ представленіе, будто всѣ предпринятыя въ 70-хъ годахъ церковно-политическія мѣры представляютъ сплошную цѣпь беззаконій и притѣсненій. Въ дѣйствительности, однако, надо различать между законодательствомъ, проводившимъ идеи свободы совѣсти и государственнаго авторитета, и исключительными законами, нарушавшими права католическаго населенія или открывавшими путь къ административному произволу. Иначе было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ независимые и свободные представители лучшей части нѣмецкаго образованнаго общества — мы имѣемъ въ виду не только націоналъ-либераловъ — могли присоединиться ко многимъ мѣрамъ правительства. Къ этимъ мѣрамъ принадлежатъ прежде всего законы о свѣтской школѣ (1872 г.), гражданской регистраціи рождаемости и смертности, и о гражданскомъ бракѣ (1874 — 75 гг.). Точно также и въ знаменитыхъ „майскихъ" законахъ министра Фалька далеко не все—продуктъ борьбы; въ нихъ очень много здраваго содержанія, непосредственно вытекающаго изъ культурнаго развитія Германіи, какъ, напр., постановленія о выходѣ изъ церкви и о границахъ церковной карательной власти. Другое дѣло—прямо направленные противъ церкви законы, какъ извѣ-

[1]) Напомнимъ также, что на пріемѣ у супруги Вильгельма I произошла тогда извѣстная, нашумѣвшая на всю Германію выходка Бисмарка, послѣ которой онъ вообще пересталъ являться ко двору. Гофъ-маршалъ Перпоше, пройдя мимо канцлера, не поклонился ему, и Бисмаркъ громко на всю залу произнесъ, обращаясь къ ближайшему изъ гостей: «какъ непріятно бывать въ домахъ, въ которыхъ прислуга дурно воспитана»!

стный „Kanzelparagraph“ въ уголовномъ кодексѣ, пытающійся посягнуть на независимость проповѣдника, изгнаніе католическихъ орденовъ, предоставленіе правительству права внутренней ссылки нѣмецкихъ гражданъ, носящихъ рясу монаха, и въ особенности обращеніе съ епископами Ледоховскимъ, Мельхерсомъ и другими, не подчинявшимися свѣтскому законодательству. Покушеніе Кульмана на Бисмарка дастъ представленіе о волненіи, охватившемъ католическое населеніе. На Рейнѣ и въ Баваріи тогда распространены были картинки, такъ иллюстрировавшія покушеніе католическаго ремесленника: Кульманъ направляетъ дуло пистолета въ канцлера, но въ это время самъ дьяволъ отводитъ руку покусителя, говоря: „стой, *этотъ* принадлежитъ мнѣ“.

Замѣчательно, что у Бисмарка никогда не было счастья съ патетическими и громкими словами: они какъ будто являлись у него въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ не былъ вполнѣ увѣренъ въ себѣ. Натурѣ его громкая фраза, пафосъ —совсѣмъ чужды. Во время борьбы съ прусской палатой, послѣ Дюппеля и предъ Кёниггрецомъ, когда онъ былъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что идетъ по пути къ славѣ своей и Германіи, онъ заканчиваетъ одно изъ сильнѣйшихъ обращеній къ палатѣ словами: „я сказалъ бы, что потомство насъ осудитъ, еслибъ на мой вкусъ это не было черезчуръ патетически“. Такія слова, какъ — „мы, нѣмцы, боимся только Бога“, дѣйствуютъ на массы, вы ихъ найдете подъ милліонами изображеній желѣзнаго канцлера, красующимися на стѣнахъ или фарфоровыхъ чашкахъ бюргера, но Бисмаркъ произносилъ ихъ какъ будто нехотя, только для того, чтобы бросить игрушку толпѣ, и на слушателей въ первую минуту они даже не производили особаго впечатлѣнія. О „нѣмцахъ, боящихся только Бога“, онъ потомъ самъ отзывался, что, „кажется, немножко хватилъ далеко“. То же самое можно отнести къ знаменитой когда-то фразѣ: „мы не пойдемъ въ Каноссу“. Не въ Каноссу, а въ Римъ онъ все-таки пошелъ; преемникъ Пія IX былъ достаточно уменъ, чтобы облегчить ему отступленіе. Мы должны, однако, замѣтить, что тѣ законы эпохи культуръ-кампфа, которые составляли требованіе свѣтскаго развитія Германіи, остались достояніемъ государства и народа и перестали вызывать противъ себя вражду католическаго населенія; отмѣна ихъ теперь—требованіе капланов, но не крикъ народной совѣсти.

Миръ съ Римомъ не помѣшалъ продолженію войны съ центромъ, однако въ очень многихъ случаяхъ клерикалы уже под-

держивали канцлера, оставаясь принципіально въ оппозиціи къ его системѣ и его личности. Безъ этой поддержки Бисмаркъ не въ состояніи былъ бы осуществить переходъ къ такъ называемой „національной политикѣ“ въ народномъ хозяйствѣ, порвавшей его прежнюю связь съ національ-либералами и побудившей Дельбрюка, его долговременнаго adlatus'a, покинуть министерство, и Беннигсена - уйти изъ рейхстага.

IV.

Къ распространенному мнѣнію о Бисмаркѣ-консерваторѣ присоединяется обыкновенно представленіе объ его протекціонизмѣ. Совершенно справедливо, что въ послѣдніе 11 лѣтъ своей дѣятельности канцлеръ создастъ аграрныя и промышленныя пошлины въ Германіи и этимъ даетъ толчокъ . къ усиленію протекціонизма во всемъ остальномъ мірѣ, за исключеніемъ Англіи. Не менѣе вѣрно, однако, что до 1879 года Бисмаркъ былъ такимъ же рѣшительнымъ фритредеромъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ его дѣятельности при вступленіи въ прусское министерство было заключеніе торговаго договора съ Франціей, составлявшаго эпоху въ исторіи европейской тарифной политики. Тогда тронная рѣчь Вильгельма, контрасигнированная министромъ Бисмаркомъ, говорила о взаимномъ пониженіи пошлинъ, какъ о радостномъ событіи, ведущемъ ко благу обоихъ народовъ и „устанавливающемъ новыя гарантіи общности развитія и благосостоянія“. Очищая почву сѣверо-германскаго союза и имперіи отъ всѣхъ стѣсненій внутренняго оборота, правительство Бисмарка стремилось и во внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ устранить преграды торговлѣ. Въ 1873 г., Германія рѣшается отказаться отъ всѣхъ пошлинъ на желѣзо; промышленныя пошлины въ ея тарифѣ принадлежатъ къ самымъ низкимъ въ Европѣ, но канцлеръ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что пошлины вообще имѣютъ значеніе только въ качествѣ источника бюджета, но не покровительства собственному хозяйству. Еще въ засѣданіи рейхстага 10-го ноября 1875 г., Бисмаркъ выступаетъ съ изложеніемъ взглядовъ, своей смѣлостью пугающихъ даже иныхъ фритредеровъ. „Намъ нужно освободиться въ своей таможенной системѣ отъ этой массы подлежащихъ обложенію предметовъ *(слушайте, слушайте!* въ стенографич. протоколѣ) и ретироваться въ область простой, чисто финансовой системы, т.-е. выбросить за бортъ всѣ статьи тарифа, которыя не даютъ достаточно доходовъ. Тѣ 10 или 15 предметовъ, которые останутся, могутъ быть об-

ложены соотвѣтственно потребностямъ финансовъ. Такими предметами внѣшняго и внутренняго обложенія я считаю продукты, потребленіе которыхъ не составляетъ крайней необходимости, или которые, по крайней мѣрѣ, можно безъ вреда для жизни потреблять соотвѣтственно достатку, какъ кофе, пиво, вино, табакъ, и т. п.". Когда ему впослѣдствіи цитировали его собственныя слова, Бисмаркъ отдѣлывался вопросомъ: зачѣмъ же рейхстагъ тогда такъ испугался табачной монополіи? Прежде онъ (канцлеръ) въ подобныхъ вопросахъ полагался, будто, только на авторитетъ Дельбрюка, подобно тому, какъ въ арміи онъ могъ довѣриться Мольтке, а въ почтовыхъ дѣлахъ Стефану. Но когда Дельбрюкъ его покинулъ, и онъ принужденъ былъ положиться на собственныя силы, то у него исчезла вѣра въ старые рецепты... Мы не касаемся здѣсь вопроса, хорошъ или дуренъ протекціонизмъ, но когда протекціонисты ссылаются на авторитетъ Бисмарка, фритредеры могутъ, по извѣстной парламентской поговоркѣ, апеллировать отъ менѣе хорошо освѣдомленнаго Бисмарка къ лучше освѣдомленному, или отъ Бисмарка 1879—90 г. къ Бисмарку 1862—78 годовъ, періода, во всякомъ случаѣ, болѣе продуктивнаго. Если германская промышленность сдѣлала огромные успѣхи въ эти послѣдніе 20 лѣтъ, то среди причинъ этого протекціонизмъ не играетъ первостепенной роли, да и самъ Бисмаркъ мотивировалъ свое превращеніе изъ Савла въ Павла не столько покровительственными, сколько фискальными соображеніями. Уже послѣ перемѣны таможенной системы въ нее включена была тенденція охраны отечественной промышленности, въ связи съ еще болѣе рискованной попыткой объединить подъ общимъ флагомъ таможеннаго покровительства и податныхъ привилегій интересы „производительныхъ классовъ", т.-е. обрабатывающей и земледѣльческой промышленности. Разрѣшеніе этой трудной, чтобы не сказать невозможной, проблемы такъ и осталось благимъ намѣреніемъ, какъ показываетъ теперь борьба аграріевъ противъ торговыхъ договоровъ, защищаемыхъ подавляющимъ большинствомъ нѣмецкаго купечества и фабричной промышленности. Мотивы торговой политики Бисмарка съ конца 70-хъ годовъ этимъ, однако, не исчерпаны: его національная система стоитъ еще въ связи съ стремленіемъ обезпечить правительству поддержку зажиточнаго населенія противъ рабочаго движенія и съ желаніемъ уравнять условія конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ, насколько они, по утвержденію германскихъ промышленниковъ, стали неравными для нихъ, вслѣдствіе государственнаго страхованія рабочихъ, требующаго отъ предпринимателей

уплаты премій болѣе, чѣмъ въ 100 милліоновъ марокъ въ годъ.

Такимъ образомъ, мы касаемся другого замѣчательнаго явленія въ дѣятельности Бисмарка, можетъ быть, болѣе, чѣмъ все предъидущее, стоящаго въ тѣснѣйшей связи съ настоящими и будущими судьбами Германіи: мы говоримъ объ его соціальной политикѣ. На вопросъ о соціально-политическихъ взглядахъ Бисмарка $^{9}/_{10}$ образованныхъ людей отвѣтятъ: это—государственный соціалистъ, и вспомнятъ при этомъ, какое впечатлѣніе производили на Европу въ 80-хъ годахъ рѣчи Бисмарка о задачахъ государства по отношенію къ рабочему классу, и его проекты принудительнаго обезпеченія рабочихъ, бившіе въ лицо господствовавшему принципу невмѣшательства. Въ знаменитомъ посланіи Вильгельма I къ рейхстагу 1881 года канцлеръ вкладываетъ въ уста престарѣлому императору слова, что государство—не учрежденіе для имущихъ, и что общественный порядокъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ больше массы народа заинтересованы въ его сохраненіи.

Старымъ политикамъ, помнившимъ Бисмарка изъ ландтага эпохи конфликта, онъ не говорилъ ничего новаго, хотя и имъ казалось раньше, что та пора канула въ вѣчность, когда онъ пытался связать пролетаріатъ „съ феодалами“, какъ выражались въ то время, чтобы направить рабочіе баталіоны противъ строптивой буржуазіи. Вагенеръ, тогдашній его сотрудникъ, выступалъ на собраніяхъ съ идеями союза монархіи съ четвертымъ сословіемъ, и въ ландтагѣ Бисмаркомъ повторена была знаменитая фраза Мирабо: „le roi de Prusse est le roi des gueux“. Въ прогрессистской печати говорили о связи Бисмарка съ Лассалемъ, и это казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что, по предложенію министра-президента, Вильгельмомъ I принята была депутація отъ силезскихъ ткачей, вступившихъ въ стачку противъ фабриканта, состоявшаго къ тому еще депутатомъ оппозиціи. На упреки въ „злоупотребленіи величіемъ трона“ для своихъ политическихъ цѣлей Бисмаркъ отвѣчалъ упомянутой фразой и увѣреніемъ, что крикъ нужды и голода всегда находилъ вниманіе во дворцѣ Гогенцоллерновъ. Король далъ, по совѣту Бисмарка, значительную сумму стачечникамъ на устройство производительной ассоціаціи, и Бисмаркъ увѣрялъ, что никогда не раскаивался въ своемъ совѣтѣ, хотя опытъ съ ассоціаціей и оказался неудачнымъ. Еслибъ,—говорилъ онъ,—практичность осуществленія идей Лассаля ему была доказана, онъ не пожалѣлъ бы и 100 милл. талеровъ.

Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ рѣчей предъ рейхстагомъ Бисмаркъ самъ разсказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Лассалю; и форма, и содержаніе рѣчи такъ характеризуютъ разсказчика, что мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь in extenso. Это произошло при обсужденіи принятаго потомъ въ рейхстагѣ исключительнаго закона 1878 г. противъ соціалъ-демократіи. Наканунѣ, въ отсутствіи канцлера, Бебель коснулся его заигрыванія съ соціализмомъ и упомянулъ объ его сношеніяхъ съ Лассалемъ, которыя Бисмаркъ завязалъ при содѣйствіи одного изъ принцевъ и графини Гатцфельдтъ: однажды баварскій посолъ явился къ Бисмарку, но его не приняли, потому что въ то время въ кабинетѣ сидѣлъ Лассаль, и министръ-президентъ не считалъ нужнымъ прервать разговоръ съ знаменитымъ агитаторомъ, хотя бы ради посла.

„На меня производитъ комическое впечатлѣніе та декорація, безъ которой, какъ видно, и въ кругахъ соціалъ-демократіи не хотятъ обойтись,—отвѣчаетъ Бисмаркъ:—королевскій принцъ, графиня и посолъ придаютъ особый шикъ всему разсказу и должны внушить слушателямъ, которые по степени своего образованія не въ состояніи провѣрить и отнестись критически къ повѣствуемому, представленіе о чрезвычайной его важности. *Мнѣ* не нужно было принцевъ, чтобы сойтись съ Лассалемъ; графиню же Гатцфельдтъ я въ послѣдній разъ въ своей жизни видѣлъ въ 1835 г., въ домѣ ея шурина. Исторія съ баварскимъ посломъ тоже одна изъ такихъ же прикрасъ въ историческихъ разсказахъ для недалекихъ читателей: ни одинъ посолъ не является ко мнѣ, не спросивши заранѣе, когда я его могу принять... Исторія моего знакомства съ Лассалемъ гораздо проще. Если когда-нибудь у меня найдется время, чтобъ порыться въ старыхъ бумагахъ, я тамъ найду, вѣроятно, письма Лассаля, въ которыхъ онъ выражаетъ желаніе бесѣдовать со мною и объясняетъ, для чего онъ меня хочетъ видѣть. Я ему, впрочемъ, не затруднилъ доступа къ себѣ, и могу прибавить: послѣ перваго же часа нашей бесѣды я въ этомъ не раскаивался. Наши свиданія происходили не 3—4 раза въ недѣлю (какъ увѣрялъ Бебель), а мы всего видѣлись 3 или 4 раза. Правда, каждая бесѣда продолжалась нѣсколько часовъ, но мнѣ постоянно жаль было, что она уже кончилась. О переговорахъ или условіяхъ тутъ не могло быть рѣчи: во 1-хъ, уже потому, что мнѣ рѣдко удавалось раскрывать ротъ; Лассаль больше говорилъ, а я слушалъ, и слушалъ съ истиннымъ удовольствіемъ; во 2-хъ, что̀ мнѣ Лассаль могъ предложить? Онъ не имѣлъ за собою ничего. Во

всѣхъ политическихъ переговорахъ главное, къ чему все сводится, это—do ut des; изъ приличія на первыхъ порахъ объ этомъ и умалчиваютъ, а, повторяю, онъ ничего не имѣлъ, что могъ бы предложить мнѣ. Какъ министръ, я видѣлъ въ немъ einen armen Teufel, но у него было нѣчто, что меня чрезвычайно привлекало, какъ частнаго человѣка: Лассаль—одинъ изъ остроумнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ людей, съ какими я когда-либо встрѣчался; честолюбецъ въ крупномъ стилѣ, отнюдь не республиканецъ, наоборотъ—съ сильно выраженными монархическими и національными идеями, и въ особенности съ идеей германскаго императорства, и въ этомъ у насъ была точка соприкосновенія. Монархистъ,—заявляетъ Бисмаркъ,—онъ былъ несомнѣнный; но очень возможно, что ему одно было еще сомнительно, завершится ли осуществленіе германской имперіи династіей Гогенцоллерновъ или—династіей Лассалей *(бурный смѣхъ*, прибавляетъ стенографическій отчетъ)? Жалкимъ эпигонамъ, которые теперь его подняли на свой щитъ, онъ бы крикнулъ: Quos ego!— и съ презрѣніемъ отбросилъ бы ихъ въ ихъ ничтожество, чтобы они не смѣли больше злоупотреблять его именемъ. Мы и разстались съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ: у него было сознаніе, что я признаю въ немъ умнаго человѣка, съ которымъ пріятно встрѣчаться, а во мнѣ онъ видѣлъ интеллигентнаго слушателя. Я жалѣю, что различіе нашего политическаго положенія не допускало болѣе тѣснаго знакомства: такого сосѣда по имѣнію я себѣ желалъ бы имѣть"!

И такого союзника, на нѣкоторое время, пока онъ не сталъ бы слишкомъ опаснымъ, —можемъ мы прибавить теперь. Для его реальной политики тогдашняя рабочая партія, однако, дѣйствительно еще была une quantité négligeable; и Бисмаркъ, при первомъ благопріятномъ случаѣ, поспѣшилъ заключить миръ съ либеральнымъ среднимъ сословіемъ, пути котораго, насколько они опредѣляются экономическими обсужденіями, совпадали съ его собственными политическими цѣлями. Это не помѣшало ему, впрочемъ, имѣть своей правой рукой Лотара Бухера и посылать Рудольфа Мейера на конгрессъ „катэдръ-соціалистовъ" въ Эйзенахѣ; но въ продолженіе десятилѣтія онъ не пугалъ больше манчестерцевъ еретическими выходками и соціалистической окраской. Разошедшись съ либерализмомъ въ вопросахъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, табачной монополіи и торговой политики, Бисмаркъ снова возвращается къ мысли, что король Пруссіи—„король бѣдняковъ", но въ это время бѣдняки предъ нимъ возстаютъ уже въ видѣ грозной политической партіи, не столь еще многочисленной, какъ

теперь, когда она обнимаетъ четверть всѣхъ германскихъ избирателей, но все же достаточно серьезной, чтобы значеніе ея не ускользнуло отъ вниманія такого сильнаго ума. Экономическіе ея идеалы его не пугаютъ: въ жареныхъ голубей,—замѣтилъ канцлеръ однажды въ рейхстагѣ,—„влетающихъ въ ротъ безъ работы“, онъ не вѣритъ, равенства не признаетъ, но относительно экономическихъ требованій, предъявляемыхъ къ государству, „можно поговорить“: для него индивидуализмъ въ народномъ хозяйствѣ— не noli me tangere. Но что дѣлаетъ невозможной всякую попытку къ соглашенію съ организованнымъ пролетаріатомъ, это—его политическое содержаніе, его международныя и республиканскія тенденціи, и Бисмаркъ вступаетъ съ нимъ въ войну, въ которой нѣтъ пощады, и главные признаки которой состоятъ въ механическомъ, бьющемъ въ лицо всѣмъ правовымъ понятіямъ подавленіи профессіональной и политической организаціи рабочихъ— съ одной стороны, и въ стремленіи, путемъ осуществленія идеи обезпеченія труда при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, подкопать почву подъ противникомъ—съ другой. Мы можемъ только назвать исключительный законъ 1878 г., составляющій самое темное пятно во внутренней политикѣ Бисмарка, и законы о страхованіи отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ и старости, не входя въ ихъ содержаніе. Положительнаго успѣха репрессивная политика, принимавшая въ рукахъ такихъ исполнителей, какъ Путткаммеръ, размѣры меттерниховскихъ гоненій, какъ извѣстно, не имѣла, и это былъ одинъ изъ поводовъ къ разрыву съ молодымъ императоромъ, повлекшихъ за собою событіе 1890 года. Законодательство о страхованіи, наоборотъ, останется замѣчательнымъ памятникомъ государственной дѣятельности Бисмарка; безъ его энергіи и свободы отъ предразсудковъ оно, вѣроятно, долго оставалось бы лишь идеей; благодаря ему, оно стало фактомъ. Чего Бисмаркъ не сознавалъ и не признавалъ, это—психологической неудовлетворительности реформы, хотя бы и очень крупной, но разсчитанной на исключительныя условія или на отдаленное будущее, въ качествѣ средства къ противодѣйствію болѣе широкимъ и опаснымъ для современнаго строя стремленіямъ. Самъ онъ въ послѣдніе годы несомнѣнно замѣчалъ неудовлетворительность своей реформы для осуществленія столь трудной задачи, какъ примиреніе массъ съ современнымъ государствомъ. Вмѣсто возвращенія къ общему праву и усиленія реформъ, облегчающихъ трудъ и поднимающихъ заработки,—что совѣтовали многіе изъ искренно преданныхъ ему пред-

ставителей науки и интеллигентнаго общества,—Бисмаркъ настаивалъ на усиленіи суровыхъ мѣръ и доходилъ до циничнаго заявленія, хотя и не открытаго, что современному государству выгоднѣе довести массы до отчаянія, вызывающаго безумныя вспышки, такъ какъ радикальное подавленіе такой вспышки отодвинетъ опасность этого движенія на полъ-столѣтія. Одинъ изъ несомнѣнныхъ поклонниковъ Бисмарка, экономистъ Шмоллеръ, вскорѣ послѣ паденія Бисмарка говорилъ на конгрессѣ соціалъ-политиковъ во Франкфуртѣ-на-М., что онъ и его товарищи, профессора германскихъ университетовъ, съ грустью замѣчали, какъ пути великаго государственнаго человѣка все болѣе расходятся съ убѣжденіями добросовѣстнѣйшей части общества и съ желаніями мирнаго разрѣшенія внутренняго конфликта.

Князь становится старъ и нетерпимъ, повторяли прежніе его преданные поклонники и по поводу его дѣятельности въ другихъ сферахъ государственной жизни. Одна изъ распространенныхъ поговорокъ въ концѣ 80-хъ годовъ была: „es gelingt nichts mehr!“—ничто больше не удается! „Героическая“ пора давно прошла, въ національномъ отношеніи страна была насыщена, и гнетъ канцлерской диктатуры, выражавшійся не только въ постоянномъ ростѣ милитаризма, но и въ нетерпимости, доходившей до самодурства, въ развитіи непотизма и прислужничества,—больше и больше оскорблялъ общественное мнѣніе. Тѣмъ не менѣе, при жизни стараго императора, мысль о томъ, что канцлеръ можетъ быть отставленъ, какъ всякій другой министръ, казалась невѣроятной. Надежды противниковъ его режима сосредоточивались на либеральныхъ убѣжденіяхъ кронпринца, антагонизмъ котораго къ Бисмарку относился еще къ эпохѣ, предшествовавшей объединенію Германіи. Трагическое царствованіе 90 дней разрушило эти надежды, и когда на престолъ вступилъ молодой сынъ Фридриха, представитель поколѣнія, выросшаго въ поклоненіи великому канцлеру, открыто всегда высказывавшій чувства безпредѣльнаго удивленія совѣтнику своего дѣда,—„никогда“, написанное старымъ Вильгельмомъ на прошеніи Бисмарка объ отставкѣ, казалось, останется въ силѣ до конца жизни канцлера. Преслѣдованіе Геффкена, травля „англичанки“, притѣсненія въ Эльзассѣ, столкновеніе съ Швейцаріей и цѣлый рядъ другихъ выходокъ, такъ не похожихъ на политику замѣчательнаго государственнаго человѣка,—продолжали раздражать внутри Германіи и за границей, вызывая, правда, суровую критику со стороны оппозиціи въ пар-

ламентѣ и независимой печати, но не встрѣчая отпора ни въ императорской власти, ни со стороны союзныхъ правительствъ. Возбужденіемъ національной тревоги вызывали страхъ, который, по проническому замѣчанію Евгенія Рихтера, нашелъ откликъ въ нѣмецкихъ сердцахъ. Бисмарку удалось получить большинство въ рейхстагѣ для своихъ военныхъ проектовъ, но во всѣхъ остальныхъ вопросахъ „картель“ консервативныхъ партій съ національ-либералами велъ только къ бездѣятельности законодательства. Національ-либералы не соглашались, напр., на усиленіе репрессивныхъ мѣръ противъ соціалъ-демократіи, тогда какъ Бисмаркъ и консерваторы готовились изъ исключительнаго закона сдѣлать постоянный, съ еще большими полномочіями и болѣе строгими карами. Требованія промышленности расходились съ желаніями аграріевъ; въ фабричномъ законодательствѣ Бисмаркъ и союзный совѣтъ были противъ большинства рейхстага; въ колоніальной политикѣ Бисмаркъ казался своимъ ближайшимъ союзникамъ слишкомъ робкимъ, а противникамъ —слишкомъ рѣшительнымъ.

Для него самого величайшимъ вопросомъ этого періода была, однако, психологія молодого императора, которую онъ, конечно, понималъ тѣмъ лучше, чѣмъ ближе онъ стоялъ къ трону. Германіи и Европѣ Вильгельмъ II извѣстенъ былъ только застольными рѣчами, полными національнаго энтузіазма, и нѣкоторыми связями съ пістистами, значеніе которыхъ и для того времени, вѣроятно, было преувеличено. Бисмаркъ съ первыхъ дней новаго царствованія стоялъ предъ одной изъ труднѣйшихъ задачъ своей жизни: какъ удовлетворить потребности въ активной дѣятельности у впечатлительной молодой натуры, проникнутой болѣе чѣмъ традиціонными понятіями о своей власти и своемъ призваніи,—не выпуская направленія политики изъ собственныхъ рукъ? Неосуществимая задача, но старый руководитель дѣда долго и упорно гонялся за ея разрѣшеніемъ, и былъ готовъ даже приносить такія жертвы личнаго самолюбія, на которыя его до тѣхъ поръ считали неспособнымъ. Всѣ усилія остались безплодными.

Мы знаемъ теперь изъ опубликованнаго Морицемъ Бушемъ прошенія, больше похожаго на обвинительный актъ, чѣмъ на просьбу объ отставкѣ „съ законнымъ пенсіономъ“, что ближайшимъ поводомъ къ разрыву было требованіе императора, чтобы министры дѣлали ему доклады безъ вѣдома и одобренія канцлера. Бисмаркъ въ своемъ протестѣ ссылается на свою отвѣтственность за всю политику правительства и на условія конституціоннаго правленія,

требующія подчиненія отдѣльныхъ вѣдомствъ министру-президенту. На это ему было отвѣчено предложеніемъ остаться министромъ иностранныхъ дѣлъ, сложивъ съ себя обязанности главы кабинета. Бисмаркъ возражаетъ ссылкой на факты изъ внѣшней политики, доказывающіе, что и въ этихъ предѣлахъ его авторитетъ столкнулся съ противоположными мнѣніями императора. Но задолго предъ тѣмъ опредѣлился антагонизмъ во взглядахъ императора и канцлера также и на соціальный вопросъ, — антагонизмъ, который канцлеръ приписывалъ неотвѣтственнымъ „шептунамъ“. Когда появились знаменитые рескрипты Вильгельма II по рабочему законодательству, не подписанные Бисмаркомъ, въ Германіи уже понимали, что противорѣчіе существуетъ, но никому, кромѣ ближайшихъ посвященныхъ лицъ, еще не приходило въ голову, что кризисъ близокъ, и что слова молодого императора на бранденбургскомъ банкетѣ: „кто противится, того я уничтожу“—„den zerschmettere ich!“—относились къ великому идеалу принца Вильгельма, совѣтнику его дѣда и творцу имперіи. Только 5-го марта Бисмаркъ поднялъ на ноги свою печать, но дѣло его было проиграно: Лукапусъ, въ сопровожденіи ген.-адъютанта Ганке, появился въ его домѣ и передалъ требованіе императора—уйти на покой. Весь міръ пришелъ въ волненіе, узнавъ, три дня спустя, что канцлеръ отставленъ, но въ Германіи не поднялась ни одна рука, чтобы поддержать его. Ему только устроили „первоклассныя похороны“...

Для исторіи имѣютъ значеніе поступки Бисмарка, а не слова его, какъ бы интересны и характерны они ни были, и потому послѣдній періодъ его жизни, когда онъ стоялъ въ сторонѣ отъ правительства и въ оппозиціи къ нему, могъ бы здѣсь быть пройденъ молчаніемъ, если бы въ образѣ дѣйствій, въ разоблаченіяхъ отставленнаго и озлобленнаго государственнаго человѣка не заключалось очень много цѣннаго для пониманія его предъидущей дѣятельности. Одно оглашеніе сепаратнаго договора съ Россіею, существовавшаго одновременно съ тройственнымъ союзомъ и безъ вѣдома союзниковъ, бросаетъ столько свѣта на дипломатическіе пріемы Бисмарка, что можетъ быть названо кладомъ для будущаго историка европейской дипломатіи. Въ этомъ отношеніи мемуары Бисмарка, появленія которыхъ ждутъ въ Германіи, вѣроятно, содержатъ еще очень много цѣннаго. Къ характеристикѣ взглядовъ Бисмарка на внутреннее управленіе важнымъ добавленіемъ служатъ рѣчи къ депутаціямъ, являвшимся къ нему въ первые годы послѣ его отставки, и къ населенію городовъ, чествовавшихъ его

при проѣздѣ изъ Вѣны въ Киссингенъ и на обратномъ пути оттуда въ Фридрихсруэ. Въ словахъ эксъ-канцлера много личной злобы, отчасти оправдываемой отношеніемъ къ нему молодого императора, которое, въ свою очередь, можетъ найти объясненіе въ безпощадной критикѣ изъ Фридрихсруэ всѣхъ начинаній „новаго курса“. Подчеркивая постоянно ту мысль, что преданность монархіи согласуется съ критикой дѣйствій правительства, Бисмаркъ никогда не оставлялъ, однако, у слушателей и читателей сомнѣнія, что онъ считаетъ Вильгельма II его собственнымъ канцлеромъ. Въ Вѣнѣ, послѣ того, какъ австрійскій императоръ, подъ давленіемъ изъ Берлина, отказалъ ему въ аудіенціи, Бисмаркъ открыто заявилъ, что признаетъ себя шефомъ оппозиціи, и потому только не занимаетъ своего мѣста въ рейхстагѣ (въ округѣ Гестермюнде его выбрали депутатомъ, при чемъ онъ долженъ былъ подвергнуться перебаллотировкѣ съ соціалъ-демократомъ), что ему, какъ бывшему главѣ правительства, неловко бороться à visière ouverte со своими преемниками. Каприви отвѣтилъ тогда въ „Norddeutsche“, что бороться съ открытымъ забраломъ честнѣе и достойнѣе великаго государственнаго человѣка, чѣмъ дискредитировать свое отечество предъ иностранцами.

Изъ всего, что Бисмаркъ въ эту пору говорилъ своимъ соотечественникамъ, самое любопытное сказано, однако, при пріемѣ депутаціи отъ іенскаго университета и вслѣдъ затѣмъ при народномъ чествованіи его на городской площади того же университетскаго города. „Сущность конституціонной монархіи, — сказалъ Бисмаркъ,—состоитъ во взаимномъ соглашеніи обоихъ факторовъ законодательства, а не въ подавленіи одного изъ нихъ. Усиленіе политическихъ убѣжденій и умѣнье отстаивать ихъ въ общественномъ мнѣніи и парламентѣ—главная задача будущаго; иначе „наступитъ режимъ бюрократіи“... Сильнѣе, чѣмъ во время своего господства, подчеркивая необходимость вліянія парламента, эксъ-канцлеръ, однако, не очень, какъ всякій замѣтитъ, искажаетъ принципы—принципы, не поступки—всемогущаго канцлера. Годъ спустя, говоря предъ депутаціей изъ Дюссельдорфа, Бисмаркъ самъ отмѣчаетъ отличіе между прошлымъ и настоящимъ въ словахъ: „Честное монархическое убѣжденіе должно всегда побуждать къ выясненію отношеній между монархомъ и гражданами, и въ этомъ отношеніи критика въ парламентѣ и печати полезна“... Въ началѣ своей дѣятельности онъ засталъ перевѣсъ на сторонѣ критики, и считалъ своимъ долгомъ „возстановить равновѣсіе“. Можетъ быть,

онъ „въ пылу борьбы нѣсколько переусердствовалъ“ и слишкомъ высоко посадилъ на сѣдло сѣдока, которому грозило упасть... Отрицать парламентъ онъ и прежде не рѣшался, но теперь больше, чѣмъ когда-либо, рейхстагъ, по его мнѣнію, долженъ быть центральнымъ мѣстомъ общественной жизни.

Это не помѣшало, однако, рейхстагу отклонить поздравленіе Бисмарка въ день его 80-лѣтія. Императоръ, внѣшнимъ образомъ примирившійся съ эксъ-канцлеромъ, посѣтившій его въ Фридрихсруэ и оказавшій ему королевскія почести при его пріѣздѣ въ Берлинъ, выразилъ въ телеграммѣ глубочайшее негодованіе по поводу постановленія рейхстага „стоящаго въ полномъ противорѣчіи съ чувствами нѣмецкихъ князей и ихъ народовъ“. „Ваше величество,—отвѣтилъ на это Бисмаркъ,—превратили неизвѣстную мнѣ еще непріятность, причиненную мнѣ моими старыми противниками, въ поводъ къ пріятному удовлетворенію“... Однако, ни любезность монарха, ни болѣе существенное удовлетвореніе, которое доставило ему удаленіе Каприви и замѣна его княземъ Гогенлоэ, всегда открыто выражавшимъ глубочайшее почтеніе къ объединителю Германіи, ни даже паденіе министровъ Беттихера и Маршалля, которыхъ онъ считалъ своими личными врагами („der Kleber und der Streber“), не измѣнили ничего въ чувствахъ отставленнаго государственнаго человѣка, напоминавшихъ отношенія депосседированнаго владѣтеля къ похитителямъ трона. Мягче въ выраженіяхъ, но по прежнему колко относились въ Фридрихсруэ ко всѣмъ мѣрамъ новаго курса. „Я стараюсь понять волю нашего правительства, даже тогда, когда у него нѣтъ никакой воли“, и тому подобныя любезности и нескромности продолжали раздражать „высшее мѣсто въ имперіи“. Старому критику отвѣчали оттуда рѣчами, въ которыхъ заслуги его въ созданіи Германіи низводились до степени заслугъ исполнителя, чуть ли не чернорабочаго на службѣ „Великому“ дѣду. Это вызывало протестъ уже и со стороны политиковъ, безспорно не отличавшихся никогда особенной нѣжностью къ бывшему канцлеру. Евгеній Рихтеръ все чаще ссылался въ рейхстагѣ на свѣтлыя стороны дипломатіи Бисмарка, и старикъ въ Саксонскомъ-Лѣсу испытывалъ наслажденіе, читая блестящія рѣчи вождя свободомыслящихъ противъ новаго курса и стремленія „совать свои пальцы во всѣ горшки“. Развѣ это не буквально то же самое, что онъ говорилъ самъ 25 и 30 лѣтъ тому назадъ? „Почти въ каждомъ дѣлѣ можно избрать тотъ и другой, а иногда и третій путь. Можно спорить, какой лучше; обыкновенно ясный отвѣтъ

на это дастъ далекое будущее, когда никого изъ спорящихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Но одно очевидно: правительство идетъ ко дну, когда оно хватается то за то, то за другое, если сегодня что-нибудь обѣщаютъ, а завтра не исполняютъ. Правительство не должно колебаться: разъ оно избрало путь, для него не существуетъ ни правой, ни лѣвой стороны; иначе оно становится слабымъ, къ нему теряютъ уваженіе, и отъ этого страдаетъ все государственное устройство"...

Въ Германіи послѣ смерти Бисмарка задаются вопросомъ, создадутъ ли себѣ будущія поколѣнія легенду о Бисмаркѣ, подобно легендѣ о Наполеонѣ во Франціи? Эрнстъ Гекель, извѣстный натуралистъ, увѣрялъ Бисмарка въ Іенѣ, что благодарная нація уже при жизни вплетаетъ легенды въ его лавровый вѣнокъ. Едва ли этого можно опасаться: современная западная жизнь, преимущественно городская, представляетъ слишкомъ неблагодарную среду для наивнаго творчества, а въ Германіи въ особенности Бисмаркъ много потрудился надъ тѣмъ, чтобы наложить на новыхъ нѣмцевъ печать трезвости и положительности. Въ послѣднемъ отношеніи его не безъ нѣкотораго основанія сравнивали съ Лютеромъ, какъ ни различны содержаніе идей и характеръ каждаго изъ нихъ.

Въ чемъ друзья и враги Бисмарка сойдутся—это въ признаніи, что въ нашъ небогатый крупными индивидуальностями вѣкъ, онъ, при всѣхъ своихъ отрицательныхъ чертахъ, былъ одною изъ сильнѣйшихъ и интереснѣйшихъ фигуръ, приковывавшей къ себѣ вниманіе и содѣйствовавшей поднятію довѣрія къ способности человѣческой природы. Сильная, не останавливавшаяся предъ труднѣйшими задачами воля, ясность ума и умѣнье подчинять себя и другихъ намѣченной цѣли,—такія качества не часто соединяются въ одномъ лицѣ, и еще рѣже бываютъ въ исторіи эпохи, въ которыя для нихъ находится широкое примѣненіе. Въ Отто фонъ-Бисмаркѣ въ высокой степени былъ развитъ даръ, который Гете, въ бесѣдѣ съ Экерманомъ, восхваляетъ словами: „и что вообще въ насъ хорошаго, если не умѣнье и желаніе — подчинять всѣ средства внѣшняго міра нашимъ высшимъ задачамъ"?!..

Берлинъ, 12/24 августа 1898.

День выборовъ въ Берлинѣ.

Утромъ 4-го іюня милліоны нѣмцевъ проснулись съ одной и той же мыслью: сегодня выборы въ рейхстагъ...

Изъ всѣхъ пріобрѣтеній эпохи объединенія, связанныхъ съ именемъ Бисмарка, ни одно такъ ни дорого народу, какъ всеобщее избирательное право, существующее въ Германіи только для выборовъ въ рейхстагъ. Для участія на выборахъ въ прусскую палату, въ думу и земскія учрежденія нуженъ цензъ, нужны извѣстная смѣлость и независимость, которыхъ нельзя ожидать отъ средняго, подчиненнаго человѣка: въ рейхстагъ выбираютъ всѣ взрослые граждане, у каждаго одинаковый голосъ, никто не можетъ проникнуть въ тайну сложенной записки. Бисмаркъ своимъ сильнымъ умомъ оцѣнилъ значеніе народной массы въ укрѣпленіи національнаго единства, хотя его насквозь властной натурѣ народный суверенитетъ былъ чуждъ и антипатиченъ. На поддержкѣ дворовъ, только нехотя подчинявшихся проклятой необходимости, нельзя было основывать единство Германіи. Для того, чтобы швабъ и саксонецъ дорожили общимъ отечествомъ, имъ нужно было дать осязательное доказательство, что они защищаютъ свое, близкое имъ дѣло, что они не исполняютъ приказовъ изъ Берлина, а сами указываютъ, что имъ дорого и необходимо. Въ такіе дни, какъ сегодняшній, когда въ Мюнхенѣ и Бреславлѣ, въ послѣдней баварской деревенской хатѣ и въ дворцѣ Гогенцоллерновъ живутъ одними и тѣми же интересами, не можетъ быть больше вопроса: Was ist des Deutschen Vaterland? И не только въ національномъ, но и въ соціальномъ отношеніи, при всей противоположности мнѣній, идей, надеждъ, требованій, въ такую минуту укрѣпляется связь между нѣмцами.

Это на первый взглядъ кажется парадоксомъ. Подумайте, однако, что тѣ же партіи, которыя во время выборной агитаціи обрушивались другъ на друга, какъ злѣйшіе враги, послѣ выборовъ въ теченіе 5 лѣтъ будутъ подчиняться законодательству своей страны, какъ выраженію воли націи; что, пока остаются неприкосновенными права рейхстага, рѣшенія его будутъ, можетъ быть, вызывать критику, но самой радикальной части населенія не придетъ охота предъявлять свои требованія другими средствами, кромѣ законныхъ. Когда судьба націи рѣшается не на улицѣ, а въ рейхстагѣ и избирательной запиской, мирный гражданинъ можетъ спокойно спать.

Наша улица, по крайней мѣрѣ, сегодня не обнаруживаетъ не только ничего угрожающаго, но и ничего чрезвычайнаго, которое свидѣтельствовало бы о наступленіи „большого дня“. Правда, только 8-й часъ утра, но въ Берлинѣ рано встаютъ. Извозчикъ на козлахъ, читающій свѣжій номеръ „Vorwärts“'а, не глядитъ разрушителемъ нѣмецкаго фатерланда, хотя онъ навѣрное подастъ голосъ за Либкнехта. По электрическому траму проѣхали купцы, приказчики и ремесленники, спѣшащіе на обычную работу. Предъ круглымъ столбомъ съ афишами остановился мальчикъ изъ булочной, только что разнесшій свой товаръ по домамъ и теперь изучающій послѣднія воззванія къ избирателямъ. Воззваній, впрочемъ, немного и они не велики, потому что на этихъ столбахъ нужно оставить мѣсто для театровъ, объявленій полиціи и частныхъ экстренныхъ сообщеній. Самое яркое, красное, какъ кровь, объявленіе — отъ думы, сообщающее, что на Дерфлингеръ-штрассе открыта новая народная читальня, и въ „Академіи портныхъ“ курсъ начнется 5-го іюля. Мартинъ Лютеръ, нашъ портье, онъ же и брадобрѣй, потому что, по берлинскимъ понятіямъ, не дѣло взрослаго мужчины сидѣть весь день въ швейцарской и открывать двери, — это и жена или ребенокъ сумѣютъ, — бесѣдуетъ съ почтальономъ о выборахъ. Самъ онъ свободомыслящій, хотя въ послѣднее время сталъ сомнѣваться въ справедливости партійной программы, потому что ужъ очень много теперь развелось цирульниковъ и парикмахеровъ, житья нѣтъ отъ свободной конкуренціи. Почтальонъ — за другого кандидата, консерватора съ антисемитической приправой. Раньше, при покойномъ Стефанѣ, который былъ замѣчательнымъ организаторомъ, но большимъ деспотомъ, почтальоны мстили тѣмъ, что голосовали за соціалъ-демократовъ, но новый министръ почтъ Подбѣльскій ближе принимаетъ къ сердцу нужды своихъ подчиненныхъ. Я посвященъ уже давно въ этотъ обмѣнъ мнѣній и ко

мнѣ даже обращались за разрѣшеніемъ спора, но я предпочелъ уклониться отъ давленія на совѣсть избирателей, сославшись на то, что, какъ у иностранца, у меня самого нѣтъ избирательнаго права. Это удивило и какъ-будто даже огорчило обоихъ спорщиковъ: какъ же такъ, живу здѣсь долго, много газетъ читаю, плачу подоходный налогъ, и нѣтъ права голоса? Почтальонъ, приносящій мнѣ постоянно письма, догадался, что мои права всѣ—на далекой родинѣ, но Лютеръ считаетъ это несправедливымъ и продолжаетъ выражать мнѣ свое сочувствіе. Сегодня утромъ мнѣ, однако, показалось,—можетъ быть, это только ложное подозрѣніе,—что онъ какъ-будто немножко сверху внизъ на меня посмотрѣлъ, думая въ душѣ: вотъ ты и баринъ, и налоги платишь, а правъ у меня больше.

Есть, конечно, и въ Берлинѣ, и въ особенности въ деревенской Германіи, сотни тысячъ людей, не умѣющихъ еще цѣнить свое драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Изъ $10^1/_2$ милліоновъ избирателей на прошлыхъ выборахъ участвовало въ голосованіи нѣсколько болѣе $7^1/_2$ милліоновъ, т. е. 70 процентовъ. Отсутствіе остальныхъ 3 милліоновъ служитъ признакомъ неравномѣрнаго умственнаго и политическаго развитія, но не надо забывать, что на косвенныхъ и ограниченныхъ цензомъ выборахъ въ ландтагъ и думу голосуетъ только 25, иногда даже только 15 процентовъ: не гражданъ, а лишь избирателей, т. е. уже болѣе или менѣе привилегированной части населенія. Въ другихъ странахъ процентъ голосующихъ на городскихъ и земскихъ выборахъ опускается ниже 10. Статистика выборовъ свидѣтельствуетъ, что за 20 лѣтъ участіе избирателей увеличилось съ 5 милліоновъ въ 1874 г. до 7,6 милліоновъ въ 93 г., тогда какъ за тотъ же періодъ населеніе вообще увеличилось съ 41 до 49 милліоновъ, имѣющіе же выборное право—съ $8^1/_2$ до $10^1/_2$ милліоновъ. Въ интересѣ избирателей замѣчаются скачки и колебанія, зависящіе отъ остроты вопросовъ, поставленныхъ на платформѣ правительства или партіи, экономическихъ условій данной минуты, возможности новыхъ налоговъ. Такъ напр., въ 1881 г., при исключительномъ законѣ и апатіи, обнаружившейся во многихъ кругахъ населенія, недовольныхъ Бисмаркомъ, но и извѣрившихся въ возможность избавленія отъ него, процентъ голосовавшихъ понизился до 56, въ 1887 же году, во время борьбы за септенатъ, онъ превысилъ 75. Политики и журналисты, близко знающіе свою страну во всѣхъ округахъ, предсказывали въ этотъ разъ нѣкоторое ослабленіе интереса

избирателей: острыхъ вопросовъ, какъ маринизмъ или налоги, на очереди нѣтъ, старыя партіи потеряли будто кредитъ, а къ новымъ присматриваются, но имъ еще не довѣряютъ. Аграріи обнаруживаютъ лихорадочную дѣятельность; однако, высокія цѣны на хлѣбъ— въ началѣ выборной кампаніи, и разоблаченія продѣлокъ союза сельскихъ хозяевъ— въ концѣ ея, способны сбить съ толку деревенскаго избирателя. На вашъ вопросъ: а угроза избирательному праву, покушенія на свободу передвиженія, право собраній, — развѣ это не острые вопросы? — вамъ отвѣчаютъ, что это или избирательные маневры, или же слишкомъ общія опасенія: правительство, вѣдь, заявило, что никакихъ новыхъ исключительныхъ законовъ оно больше не замышляетъ, такъ какъ это повело бы лишь къ тому, „чтобы бюргеръ еще больше натянулъ ночной колпакъ на голову“ и предоставилъ все собственному теченію.

Другіе указываютъ, какъ на причину большей индифферентности, чѣмъ прежде, на раздробленіе партій и отсутствіе такой простоты и ясности партійной группировки, какъ въ Англіи. Никогда еще кандидатовъ не было такъ много, какъ въ нынѣшній разъ: въ 397 округахъ ихъ насчитали 1,437. Около половины носятъ характеръ только счетныхъ кандидатуръ, при которыхъ партіи не столько имѣютъ въ виду ближайшій успѣхъ, сколько регистрацію своихъ сторонниковъ. Соціалъ-демократы, по заявленію одного изъ своихъ собственныхъ вождей, разсчитывали не больше, какъ на 60 мандатовъ въ парламентъ, но кандидатовъ своихъ они выставили во всѣхъ 397 округахъ: за нѣсколько дней до выборовъ у нихъ еще не хватало, впрочемъ, одного — въ округѣ Меппенъ, представителемъ отъ котораго много лѣтъ сряду былъ покойный Виндгорстъ, потому и прозванный die schwarze Perle von Meppen (черная жемчужина Меппена). Не всякая партія можетъ себѣ позволить такую роскошь, какъ соціалъ-демократія: это стоитъ огромныхъ средствъ, нужна масса людей, умѣющихъ говорить и агитировать, и даже при такомъ запасѣ даровыхъ силъ, какъ у рабочей партіи, прошлые выборы стоили ей болѣе 200 тысячъ. У клерикаловъ средствъ побольше, чѣмъ у друзей Бебеля, но центръ, все-таки, ограничился 221 кандидатомъ. Слѣдующая въ этомъ отношеніи партія — національ-либералы, кандидатирующіе въ 150 округахъ, и очень близко къ нимъ примыкаетъ свободомыслящая народная партія Рихтера съ 141, тогда какъ женская линія свободомыслящихъ, руководимая Рикертомъ, удовольствовалась 51 кандидатомъ. Консервативная партія выступила съ 129 кандидатами, и ихъ ближайшіе

союзники, которыхъ отъ нихъ теперь такъ трудно отличить, какъ одно яйцо отъ другого, вольные или имперскіе консерваторы, рискнули попытать счастье только въ 42 округахъ. Зато антисемиты разбросали свои сѣти въ 92 округахъ, а если причислить къ нимъ 8 особыхъ кандидатовъ Штекера, называющихъ себя христіанско-соціальными, то и во всѣхъ 100. Нѣмецкая народная партія, т. е. южные демократы, скромнѣе: поле ихъ вліянія ограничено Вюртембергомъ и Баденомъ, и всѣхъ кандидатовъ у нихъ 39. Столько же почти поляковъ, остальныя партіи и группы: національно-соціальная Наумана, ганноверцы, эльзасцы, датчане, литовцы имѣли отъ 1 до 18 кандидатовъ.

Въ столицѣ раздробленіе партій и группъ менѣе замѣтно. Здѣсь, въ сущности, можетъ быть рѣчь только о двухъ партіяхъ — свободомыслящей и соціалъ-демократической: остальныя не играютъ уже много лѣтъ никакой роли. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда антисемитизмъ, при покровительствѣ Бисмарка, попытался объединить всѣ консервативные столичные элементы подъ руководствомъ Штекера, интересъ представлялъ еще исходъ выборовъ во 2-мъ округѣ, гдѣ придворный проповѣдникъ являлся серьезнымъ соперникомъ Вирхова. Штурмъ на демократію и соціалъ-демократію потерпѣлъ, однако, тамъ полное фіаско, и Бисмаркъ поспѣшилъ откреститься отъ новыхъ союзниковъ, которые потомъ отблагодарили его тѣмъ, что „разлагали вокругъ него костры“ — какъ выразился Штекеръ въ письмѣ къ своему тогдашнему другу фонъ-Гаммерштейну, главному редактору „Kreuzzeitung“. Вирховъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы со Штекеромъ, и когда въ прусской палатѣ придворный проповѣдникъ назвалъ 2-ой берлинскій округъ своимъ, знаменитый ученый, при хохотѣ всей залы, могъ ему отвѣтить: „если не ошибаюсь, я состою отъ этого округа депутатомъ въ рейхстагѣ, вы же не избраны“? На послѣднихъ выборахъ, однако, и Вирховъ оказался побѣжденнымъ соціалъ-демократомъ Фишеромъ; изъ всѣхъ 6 округовъ либеральному бюргерству удалось до сихъ поръ отстоять отъ натиска рабочихъ только 1-й, къ которому принадлежатъ внутреннія улицы — Фридрихштрассе, Лейпцигеръ, Лины и прилегающая къ нимъ торговая часть города, населенная купечествомъ. Въ сущности, теперь вся амбиція свободомыслящихъ не шла дальше сохраненія этого одного округа для своего ветерана Лангерганса, предсѣдателя берлинской Думы, о которомъ и противники говорятъ съ искреннимъ уваженіемъ.

Кромѣ Берлина, есть еще не мало другихъ округовъ, въ которыхъ состязаніе происходитъ только между 2 или 3 крупными группами. Въ католической части страны почти только возможна борьба между центромъ и соціалъ-демократами, и центромъ и національ-либералами. Въ Гамбургѣ, Штеттинѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ на одной сторонѣ рабочіе, на другой „партіи порядка", группирующіяся вокругъ умѣреннаго либерала. Въ Помераніи, Восточной Пруссіи, Вестфаліи и Ганноверѣ на одной сторонѣ аграріи, на другой—антиаграріи. Но еще гораздо больше округовъ, въ которыхъ, при общемъ лозунгѣ: противъ соціалъ-демократіи, друзья порядка такъ вцѣпились другъ въ друга, что дѣйствительно свои своихъ не въ состояніи больше отличить. Я видѣлъ это собственными глазами въ Дрезденѣ, гдѣ о затишьи или индифферентизмѣ не было рѣчи. Боролись не только рѣчами въ собраніяхъ, но и милліонами летучихъ листковъ и саженными объявленіями въ газетахъ. Эти газетныя объявленія такъ характерны, что по нимъ настроеніе народа лучше поддается изученію, чѣмъ по редакціоннымъ статьямъ въ текстѣ газеты. Въ глаза прежде всего бросаются имена: Вейденбахъ и Генербахъ, кандидаты порядка, а затѣмъ слѣдуетъ воззваніе: „депутатъ рейхстага долженъ имѣть собственное мнѣніе, а не быть орудіемъ въ рукахъ другихъ, а потому, сограждане, подайте свои голоса за Генербаха, о которомъ даже соціалъ-демократы говорятъ, что онъ знаетъ, чего хочетъ". Тутъ же рядомъ другое, не менѣе кричащее объявленіе, сразу объясняющее, чего хочетъ этотъ человѣкъ съ собственнымъ мнѣніемъ: „Граждане, программа нашего кандидата Генербаха выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ: защита національнаго производства, защита всѣхъ экономически слабыхъ: учителей, чиновниковъ, средняго класса въ городѣ и деревнѣ и рабочаго класса. Выбирайте только Генербаха". Еще бы, какъ не выбрать человѣка, который за слабыхъ! Но вниманіе наше опять привлекается крупно напечатаннымъ именемъ того же хорошаго человѣка, рядомъ съ которымъ стоитъ имя другого, тоже несомнѣнно хорошаго человѣка, къ тому еще всѣмъ въ Германіи извѣстнаго своей филантропической и научной дѣятельностью: проф. Виктора Бемерта (Böhmert). Выдающійся статистикъ, много знающій и честный работникъ, проф. Бемертъ болѣе 30 лѣтъ усердно пропагандируетъ идеи соціальнаго мира на почвѣ гармоніи интересовъ, въ существованіи которой онъ также искренно убѣжденъ, какъ въ необходимости сохраненія существующаго экономическаго строя. Въ своемъ журналѣ „Der Arbeiterfreund" онъ съ

любовью отмѣчаетъ всякое доброе дѣло фабриканта, способное смягчить борьбу если не классовъ, то рабочихъ и хозяина на фабрикѣ; руководимое имъ общество Volkswohl уже много лѣтъ развиваетъ въ рабочемъ населеніи Дрездена интересъ къ литературѣ и искусству, создало клубы для ремесленниковъ, сады для игръ ихъ дѣтей. По своимъ политическимъ взглядамъ Бемертъ — либералъ стараго покроя, какими когда-то были національ-либералы, только съ нѣсколько большей соціальной окраской и безъ тѣхъ прямыхъ матеріальныхъ инстинктовъ, которые живутъ въ груди либеральнаго заводчика. Лично симпатичный и безукоризненно честный человѣкъ, убѣжденный противникъ соціализма, — кажется; для партій, именующихъ себя опорой порядка, трудно было найти болѣе почтеннаго кандидата? Патріоты, увѣрявшіе, что для нихъ отечество дороже частныхъ интересовъ, и что долгъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ — соединиться для защиты чести родного города, накинулись, однако, на Бемерта съ не меньшей яростью, чѣмъ на рабочаго кандидата. Объявленія въ томъ же „Dresdner Anzeiger“, какъ нельзя лучше, обнаруживаютъ причины такого нелѣпаго, повидимому, съ точки зрѣнія практической политики антагонизма. Одно заявленіе, исходящее отъ антисемитовъ, ратующихъ за своего особаго кандидата Циммермана, приглашаетъ избирателей не смѣшивать дѣятельность Бемерта въ „Обществѣ народнаго блага“ съ его политическими убѣжденіями, если можно назвать убѣжденіями „отжившіе и спутанные взгляды, осуществленіе которыхъ въ рейхстагѣ было бы истиннымъ несчастьемъ“. Антисемиты, однако, такъ плохо себя зарекомендовали, что другое воззваніе, исходящее отъ ихъ прежнихъ избирателей, обращается къ населенію съ вопросомъ: „неужели же вы за эти 5 лѣтъ не убѣдились, что ничего отъ такихъ господъ, какъ Циммерманъ, нельзя ожидать, кромѣ скандала? Предадимъ же ихъ заслуженному забвенію и выберемъ почтенныхъ кандидатовъ партіи порядка — Вейденбаха и Генербаха“. Нѣсколько другихъ манифестовъ партіи порядка сопоставляютъ достоинства Генербаха съ недостатками Бемерта: „граждане, кто изъ васъ хочетъ свободы промышленности, означающей могилу честнаго ремесленника, тотъ пусть подастъ голосъ за Бемерта, противника цеховъ! Кто хочетъ допустить, чтобы потребительныя общества и большіе, преимущественно еврейскіе, магазины уничтожали существованіе десятковъ тысячъ мелкихъ лавочниковъ, тотъ пусть выбираетъ Бемерта! Кто за свободу торговли, за предоставленіе сельскаго хозяина его несчастной судьбѣ, за конкуренцію иностранцевъ, за поглощеніе слабыхъ сильными, —

пусть выбираетъ Бемерта. Онъ представленъ вамъ въ качествѣ энергичнаго противника соціалъ-демократіи? Хороша энергія, опирающаяся лишь на такъ наз. моральныя средства, но не признающая необходимости принужденія закономъ (т. е. *исключительнымъ* закономъ). Нѣтъ, граждане, истинный другъ порядка и „маленькаго человѣка“—нашъ кандидатъ Генербахъ“. Въ другомъ объявленіи уже прямо инсинуируютъ: „не довѣряйте Бемерту, будто онъ націоналенъ: въ лучшемъ случаѣ это демократъ, выступающій подъ ложнымъ флагомъ; мѣсто ему—въ компаніи Рихтера, а можетъ быть, и еще лѣвѣе (т. е. у Бебеля)“.

Сторонники Бемерта не остаются въ долгу и отвѣчаютъ агитаторамъ „порядка“: для васъ отечество только маска для совершенно эгоистическихъ стремленій, неумѣренность которыхъ подливаетъ масло въ огонь соціалъ-демократіи. „Ремесленники, не вѣрьте ложнымъ друзьямъ, усыпляющимъ васъ и толкающимъ васъ въ пропасть. Кто ставитъ китайскую косу выше головы, тотъ пусть выбираетъ кандидата реакціонеровъ: кто за просвѣщеніе головъ и разумное содѣйствіе мелкому ремесленнику на почвѣ существующаго и возможнаго, тотъ будетъ за Бемерта. Вы всѣ его знаете въ теченіи десятковъ лѣтъ, когда онъ, не думая о кандидатурѣ въ рейхстагъ, безкорыстно помогалъ народу бороться за существованіе и участіе въ просвѣщеніи. Противники же наши полны любви къ народу только предъ выборами, а когда они будутъ сидѣть въ рейхстагѣ, то подчинятся командѣ тѣхъ вождей, которые считаютъ, что знаніе для народа вредно“. Какой-то уже совсѣмъ наивный патріотъ публикуетъ на той же страницѣ: „Бемертъ раздаетъ по деревнямъ и рабочимъ кварталамъ свои обращенія къ избирателямъ на *красныхъ* листкахъ; недостаетъ только заключительныхъ словъ: „hoch die Sozialdemokratie“. Впрочемъ, можетъ быть, это и не наивный застрѣльщикъ, а тотъ же консервативный комитетъ. Еслибы добродушные саксонцы остановились предъ берлинскими столбами, они увидѣли бы, что ихъ единомышленники въ германской столицѣ—и даже берлинская полиція въ своихъ оффиціальныхъ распоряженіяхъ,—пользуются ярко-красной бумагой, какъ наиболѣе бросающейся въ глаза. Вернемся, однако, въ Берлинъ и присмотримся къ порядку выборовъ въ одномъ изъ выборныхъ пунктовъ центральнаго города.

Надъ дверьми второразрядной пивной надпись, указывающая, что здѣсь 126-ое избирательное бюро (Wahllocal). Всѣхъ ихъ 660, такъ что каждый избиратель имѣетъ возможность подать свой го-

лось безъ потери времени. У входа уже размѣстились посыльные, наемные и добровольные агитаторы партій, набрасывающіеся на входящаго избирателя и сующіе ему въ руку четвертушку бумаги съ именемъ кандидата. Записки, по предварительному соглашенію между комитетами, совершенно одинаковы по величинѣ, шрифту и качеству бумаги, такъ что, сложивъ ихъ, избиратель гарантированъ, что никто не проникнетъ въ тайну его образа мыслей. На одной запискѣ имя д-ра Лангерганса, другая носитъ фамилію рабочаго кандидата, третья принадлежитъ консерваторамъ, на 4-ой напечатано имя національ-соціальнаго претендента. Двери небольшой залы, въ которой совершается торжественный актъ, широко раскрыты, каждый можетъ входить и выходить, когда ему заблагоразсудится. У стѣны противъ входа столъ, накрытый темнымъ сукномъ; посреди урна, большая и высокая чаша, поставленная предъ кресломъ председателя выборнаго бюро, старика съ интеллигентнымъ лицомъ, профессора или учителя. Оба его ассистента, сидящіе рядомъ, принадлежатъ къ гражданамъ околодка, назначеннымъ думою засѣдателями на выборахъ. Одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ списки избирателей. Гражданинъ, подходя для подачи голоса, прежде всего называетъ свое имя и указываетъ адресъ, а засѣдатель удостовѣряется, что названное имя дѣйствительно внесено въ списки, и дѣластъ надъ нимъ знакъ, что голосъ поданъ. Въ сторонѣ отъ большого стола 2 поменьше, за которыми сидятъ представители выборныхъ комитетовъ каждой партіи: они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не было ни нарушенія законныхъ гарантій со стороны членовъ бюро, ни самозванцевъ среди выборщиковъ, которыхъ они по собраніямъ и частнымъ отношеніямъ знаютъ въ лицо. Эти довѣренные люди партій въ то же время записываютъ, кто подалъ голосъ, чтобы въ послѣдніе часы дать знакъ гонцамъ и агитаторамъ, стоящимъ за дверьми, что пора приступить къ натиску на лѣнивыхъ, начать „таскать“ тѣхъ, которые еще не исполнили своего гражданскаго долга. Среди Schlepper, берущихъ на себя эту нелегкую работу, много женщинъ; онѣ исключительно попадаются, однако, въ рабочихъ предмѣстьяхъ. На окраинахъ столицы, въ Веддингѣ, на густо населенныхъ пролетаріями улицахъ, ведущихъ къ бывшей выставкѣ въ Трептовѣ, я встрѣчалъ десятки женщинъ, на велосипедахъ и первоклассныхъ извозчикахъ, мчавшихся за запоздавшими избирателями, входившихъ въ мастерскія и дома, чтобы взобраться на 6-ой этажъ за Шульце или Шмидтомъ, попадѣявшимся, что еще успѣетъ кончить сапогъ, прежде чѣмъ пойти подать голосъ, тогда какъ уже надо спѣшить: скоро закроютъ бюро,—

и Шульце съ Шмидтомъ 5 лѣтъ придется ждать, пока ихъ еще разъ пригласятъ быть вершителями судьбы своего отечества.

Газетный разносчикъ, стоящій на углу Потсдамской площади, только-что покинулъ избирательное бюро, когда къ дому подъѣхала карета и изъ нея вышелъ старенькій канцлеръ. Оба они помнятъ еще эпоху, когда газетнымъ разносчикамъ не полагалось стоять рядомъ съ министромъ, но теперь голосъ одного въ этомъ важнѣйшемъ актѣ государственной жизни значитъ ровно столько же, какъ голосъ другого. Я вѣрю, что кн. Гогенлоэ гораздо лучше понимаетъ, чѣмъ старикъ-газетчикъ, какъ надо управлять государствомъ, но одинъ выросъ въ замкѣ, а другой провелъ свою жизнь на улицѣ. Если судьба дала одному образованіе и знаніе дипломатическихъ тайнъ, то другой превосходно изучилъ тайны улицы. И притомъ Гогенлоэ останется канцлеромъ, а старикъ Куперъ будетъ до конца своихъ дней продавать газеты. Хотя у канцлера только одинъ голосъ, но посмотрите, какъ почтительно поднялись члены бюро, когда онъ назвалъ себя: князь Хлодвигъ Гогенлоэ, Вильгельмъ-штрассе, 77. Молча князь кладетъ записку въ урну и выходитъ, отвѣсивъ поклонъ снова поднявшимся представителямъ бюргеровъ. Бисмаркъ, который тоже всегда являлся на выборы въ этомъ участкѣ, имѣлъ обыкновеніе обмѣниваться любезными фразами и остротами съ предсѣдателемъ выборнаго бюро: „дядя Хлодвигъ“ не краснорѣчивъ и не остроуменъ.

На большинствѣ берлинскихъ фабрикъ работы, по случаю выборовъ, прекращаются уже въ 4 часа, чтобы служащіе и рабочіе, живущіе далеко отъ фабрики, могли исполнить свой гражданскій долгъ. Многіе прямо съ вокзала городской желѣзной дороги, по которой берлинскіе рабочіе обыкновенно возвращаются въ свои предмѣстья, устремляются въ выборное бюро; другіе спѣшатъ перемѣнить рабочую блузу на сюртукъ, но пока они переодѣваются, въ дверяхъ уже разъ-другой раздается звонокъ и, запыхавшись, влетаетъ гонецъ: „наши“ послали, скорѣй, извозчикъ ждетъ внизу, онъ тоже свой, Genosse, не жалѣющій сегодня лошади ради близкаго дѣла. Въ 6 часовъ двери избирательныхъ бюро закрываются и внутри, при бдительномъ контролѣ довѣренныхъ всѣхъ партій, начинается счетъ поданныхъ голосовъ. Толпа расходится, но не по домамъ: каждый спѣшитъ въ свое собраніе, гдѣ вожаки провозгласятъ результаты выборовъ не только во всѣхъ берлинскихъ округахъ, но и въ провинціи. Меньшая часть публики ждетъ на улицахъ экстренныхъ изданій газеты. Чѣмъ дольше длится пауза, тѣмъ

напряженіе ожиданіе. Въ Бокъ-брау, въ залѣ Фой, въ клубѣ приказчиковъ и 30 или 40 другихъ большихъ залахъ негдѣ яблоку упасть, гулъ голосовъ и табачный дымъ наполняютъ залы: дышать трудно, а на дворѣ стоитъ чудный лѣтній вечеръ, кажется такъ и манящій въ аллеи Тиргартена, за городъ. Но никто не трогается. Вотъ показались гонцы съ телеграммами изъ отдѣльныхъ бюро, ихъ подсчитываютъ, сообщаютъ публикѣ: въ первомъ округѣ шансы Лангерганса крѣпки, онъ хотя и не побѣдилъ, но попалъ въ перебаллотировку съ 2,000 голосами большинства надъ конкурентомъ-рабочимъ, тогда какъ за булочника, кандидата консерваторовъ, подано было всего 2,500 голосовъ, а національ-соціальный кандидатъ собралъ только 1,000. Въ ферейнѣ Вальдекъ, наполненномъ свободомыслящими, эта вѣсть приводитъ публику въ восторгъ, выражающійся въ кликахъ: „да здравствуетъ нашъ Лангергансъ!“ Полчаса спустя я слышу въ другой части города бурное ликованіе многотысячной толпы, привѣтствующей избраніе Либкнехта въ 6-мъ берлинскомъ округѣ 58,000 голосовъ, самымъ большимъ числомъ, которое когда-либо въ Германіи подано было за кандидата.

Въ 1-мъ часу ночи Липы и Фридрихъ-штрассе все еще полны народа. Разносчики выкрикиваютъ новыя телеграммы, предъ залой депешъ „Локалъ-Анцейгера“ нельзя протолкаться: столько еще жаждущихъ узнать, что принесъ телеграфъ изъ остальной Германіи. Въ пивныхъ ни одного свободнаго стола, нигдѣ не слышно ругани, никто не пытается вступить въ драку. Этотъ народъ удивительно дисциплинированъ, и, возвращаясь домой, я невольно думалъ о томъ, какъ несравненно опаснѣе для нашей культуры были его предки, не знавшіе обязательной школы и не цѣнившіе всеобщаго избирательнаго права.

II

Францъ Мерингъ, односторонній, но едва ли не талантливѣйшій изъ нынѣшнихъ политическихъ журналистовъ Германіи, замѣтилъ еще предъ выборами, что сравнительная тишина нынѣшней кампаніи дороже всего обойдется нѣмецкому либерализму, потому что агитація рабочей партіи больше происходитъ на фабрикѣ, чѣмъ въ собраніи; дѣятельность консервативныхъ агитаторовъ, какъ происходящая въ деревнѣ, вообще не бросается въ глаза и не зависитъ отъ сильныхъ моментовъ въ общественной жизни; другое дѣло—вліяніе гражданскаго либерализма, которое становится силь-

нѣе при всякой реакціонной попыткѣ сверху. Годъ тому назадъ, когда Рихтеръ произнесъ свою знаменитую рѣчь за свободу собраній, 3 года тому назадъ, когда блестящій талантъ вождя свободомыслящихъ такъ ярко обнаружился во время борьбы противъ исключительнаго проекта, выборы, вѣроятно, дали бы свободомыслящимъ несравненно лучшіе результаты, чѣмъ теперь. Возбужденіе, вызванное этими попытками, улеглось; сильныхъ внѣшнихъ импульсовъ, которые разбудили бы индифферентныхъ бюргеровъ, больше не было. Въ то же время экономическая структура Германіи все больше измѣняется въ направленіи крайне неблагопріятномъ для гражданскаго либерализма, стоящаго на точкѣ зрѣнія чистаго индивидуализма въ народномъ хозяйствѣ. Въ промежутокъ между прошлыми и нынѣшними выборами десятки тысячъ ремесленниковъ и лавочниковъ, когда-то составлявшихъ армію прогрессистовъ и считавшихъ Шульце-Делича величайшимъ авторитетомъ, покинули либеральное знамя: одни перешли въ соціалъ-демократію, ряды которой еще болѣе пополнились не только фабричными, но и многочисленными приказчиками, потерявшими надежду стать хозяевами; другіе примкнули къ реакціонерамъ, обѣщающимъ остановить промышленное развитіе Германіи и вернуть ее къ порядкамъ цеховъ. Весьма вѣроятно, что изъ перебаллотировокъ партія Рихтера выйдетъ съ неменьшимъ числомъ полномочій, чѣмъ въ прошлый разъ; но, вѣдь, и въ прежнемъ рейхстагѣ она не блистала числомъ.

Нужна-ли, умна-ли была борьба въ два фронта, которую велъ на этихъ выборахъ германскій либерализмъ? Для гражданской, какъ и для рабочей демократіи, ближайшія задачи парламентской дѣятельности почти одинаковы, и сводятся къ формулѣ: противъ реакціи! Въ ней заключается и огражденіе политическихъ правъ народа отъ посягательствъ феодальныхъ и фабричныхъ барономъ, и защита интересовъ массъ отъ хищныхъ проектовъ à la Kanitz. Между тѣмъ, еслибы вы, не зная истиннаго отношенія партій, присутствовали въ Германіи только во время выборовъ, вы вынесли бы впечатлѣніе, что, съ точки зрѣнія рабочей партіи, злѣйшій врагъ—либеральное бюргерство; на взглядъ же бюргера опасность предстоящаго переворота такъ близка, что нужно спрятаться за спину сильной власти. Я говорю, конечно, о впечатлѣніи, которое создавалось по рѣчамъ и афишамъ въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ, какъ въ Берлинѣ, Франкфуртѣ и многихъ другихъ большихъ городахъ, либералы и соціалъ-демократы были ближайшіе соперники; но изъ большихъ городовъ командуютъ выборнымъ движеніемъ, тамъ центральное упра-

вленіе и руководящая печать партій, такъ что и въ остальной странѣ создавалось ложное представленіе относительно взаимныхъ отношеній и интересовъ. На перебаллотировкахъ, конечно, сразу наступаетъ другая тактика, если только нѣтъ ближайшей конкуренціи. Однако, нужна большая партійная дисциплина, чтобы послѣ того, какъ буржуа вчера еще изображали въ качествѣ упитаннаго лакея реакціи, тысячи рабочихъ завтра подавали за него голоса, радовались его побѣдѣ, словно это родной братъ. Правда, и рабочіе знаютъ выраженіе одного остроумнаго своего соотечественника, что никогда столько не лгутъ, какъ *во время* войны, *послѣ* охоты *и до* выборовъ.

Я этимъ ничуть, разумѣется, не хочу отрицать, что между основными воззрѣніями въ программахъ обѣихъ партій дѣйствительно есть рѣзкій контрастъ, вполнѣ естественный въ виду ихъ различныхъ точекъ отправленія, отношенія къ личности и государству и т. п. Программа партій, однако, разсчитана на продолжительный періодъ, она—ея profession de foi, заключающая въ себѣ не только ближайшія практическія задачи, но и болѣе отдаленные идеалы. Идеи и направленіе каждой партіи, безспорно, лучше отражаются въ ея выборныхъ манифестахъ, отмѣчающихъ, что она считаетъ желательнымъ въ ближайшемъ будущемъ. Если это справедливо по отношенію ко всѣмъ партіямъ, то еще болѣе интереса представляетъ сравненіе воззванія и программы рабочей партіи. Будь она представительницей непримиримой борьбы со всѣмъ остальнымъ обществомъ, объ отличіи ея воззванія отъ программы не могло бы быть рѣчи. Однако, карикатурное изображеніе соціалъ-демократіи, какъ носительницы государства будущаго, имѣющаго быть осуществленнымъ на другой день послѣ побѣды пролетаріата, совершенно исчезаетъ для того, кто внимательно вчитается въ ея выборный манифестъ. Отнестись же внимательно ко всему, что исходитъ отъ этой партіи, долгъ благоразумія и со стороны всего остального общества, не привыкшаго придерживаться тактики страуса въ серьезной борьбѣ. Насквозь консервативный политикъ, какъ Каприви, могъ однажды замѣтить при всеобщемъ одобреніи рейхстага, что при каждомъ новомъ проектѣ, при каждой крупной государственной мѣрѣ онъ прежде всего задается вопросомъ, какое вліяніе это окажетъ на соціалъ-демократію! Вспомнимъ также слова Бисмарка, сказанныя въ засѣданіи рейхстага отъ 14 ноября 1884 г., когда со стороны либераловъ ему сдѣланъ былъ упрекъ, что онъ своимъ государственнымъ соціализмомъ содѣйствуетъ росту рабочей партіи: „Еслибъ,—отвѣтилъ Бисмаркъ,—у насъ не было соціалъ-демократовъ и массы людей, которые ихъ боятся, то не

существовало бы даже тѣхъ умѣренныхъ успѣховъ, которыхъ мы достигли въ области соціальной реформы".

„Судьба Германіи, насколько она зависитъ отъ дѣятельности рейхстага, должна быть теперь рѣшена на 5 лѣтъ, а въ наше быстроживущее время это очень большой промежутокъ",—читаемъ мы въ манифестѣ, подписанномъ всѣми депутатами рабочей партіи. За что же они предлагаютъ своимъ сторонникамъ бороться? Въ чемъ, на ихъ взглядъ, состоятъ тѣ пріобрѣтенія и тѣ нужды нѣмецкаго народа, отстаивать или удовлетворять которыя они обѣщаютъ въ будущемъ рейхстагѣ? На первомъ мѣстѣ стоитъ защита всеобщаго избирательнаго права, находящагося въ опасности въ случаѣ консервативнаго состава рейхстага. Никто, конечно, не скажетъ, чтобы въ этомъ требованіи сохраненія существующаго заключалось что-нибудь революціонное: если понимать консерватизмъ въ его истинномъ смыслѣ, то въ данномъ случаѣ соціалъ-демократы—истинные консерваторы. Не менѣе консервативно, въ сущности, требованіе, выражаемое манифестомъ, о сохраненіи существующей теперь торговой политики, основанной на трактатахъ съ Россіей и другими европейскими странами: „Устойчивая торговая политика, основанная на трактатахъ со всѣми народами, участвующими въ современномъ торговомъ оборотѣ, въ высокой степени содѣйствуетъ мирному соперничеству во всѣхъ областяхъ культуры. Это—политика, которая въ состояніи повести къ спокойному развитію нашихъ промышленныхъ и торговыхъ отношеній и оградить рабочаго, насколько это вообще возможно при существующемъ порядкѣ, отъ слишкомъ большихъ колебаній въ оцѣнкѣ его рабочей силы... Эта политика подвергается нападкамъ со стороны аграріевъ и нѣкоторой части протекціонистовъ-промышленниковъ". Нѣмецкіе рабочіе категорически выступаютъ противъ усиленія милитаризма и маринизма, но въ этомъ случаѣ они встрѣчаются съ значительной частью гражданской демократіи, подобно имъ голосовавшей въ предыдущемъ рейхстагѣ, какъ противъ усиленія арміи, такъ и противъ увеличенія флота. Въ вопросахъ о расширеніи права союзовъ и собраній и устраненіи препятствій, существующихъ еще въ Германіи для развитія тредъюніонизма, требованія манифеста не идутъ много дальше того, что высказано по тѣмъ же поводамъ свободомыслящими и даже клерикалами.

Только въ самомъ концѣ манифеста заключается нѣсколько словъ, указывающихъ на то, что предъ нами партія, экономическіе идеалы которой не совпадаютъ съ идеями гражданской демократіи. Основная тенденція воззванія, однако, не столько борьба противъ суще-

ствующаго порядка, основаннаго на публичномъ правѣ, сколько требованія реформъ и огражденіе политическихъ пріобрѣтеній народа отъ покушеній юнкерства и попытокъ возвращенія къ феодализму. Недаромъ, поэтому, Евгеній Рихтеръ, послѣ обнародованія воззванія соціалъ-демократіи, замѣтилъ, что онъ готовъ подписаться подъ $^5/_6$ всѣхъ ея требованій, а Рихтеръ, какъ извѣстно, непримиримый противникъ стремленій, направленныхъ противъ существующаго экономическаго порядка.

Въ книгѣ, спеціально изданной для нынѣшнихъ выборовъ, имѣющей своимъ назначеніемъ дать агитаторамъ партіи возможность отвѣчать на вопросы сомнѣвающихся и на возраженія противниковъ, соціалъ-демократія формулируетъ свое отношеніе къ цѣлому ряду другихъ экономическихъ и политическихъ вопросовъ современности. Мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ наиболѣе ярко выражается переложеніе программы въ конкретныя формы. На упреки противниковъ въ отсутствіи патріотизма, по этой инструкціи слѣдуетъ отвѣчать: Идею братства народовъ мы считаемъ конечной цѣлью развитія человѣчества, совпадающей съ ученіемъ христіанства. Ее, однако, не надо понимать въ томъ смыслѣ, что мы готовы отдать Германію французамъ или русскимъ; наоборотъ, каждая попытка этого рода, каждое покушеніе на малѣйшую часть нашей территоріи встрѣтятъ съ нашей стороны энергическое сопротивленіе. Защищая неприкосновенность отечества, мы, однако, враги шовинизма, національнаго самомнѣнія, заключающаго въ себѣ враждебное отношеніе къ другимъ народамъ. Мы защищаемъ всякую мѣру, способную смягчить антагонизмъ между народами. Къ такимъ мѣрамъ принадлежатъ торговые трактаты, международное фабричное законодательство, международные правовые институты, всѣ научныя стремленія, выходящія за предѣлы одной націи, и всѣ попытки къ созданію примирительныхъ органовъ для разрѣшенія споровъ между народами. Точно такъ же соціалъ-демократія категорически отрицаетъ, будто она стремится уничтожить религію. Наша программа, — заявляетъ она, — на этотъ счетъ даетъ прямой отвѣтъ: религія дѣло частной совѣсти. Современное государство не стоитъ больше на точкѣ зрѣнія церковнаго единства, въ немъ нѣтъ господствующей религіи. Лучшимъ выраженіемъ нашихъ взглядовъ на религіозные вопросы служитъ отношеніе нашихъ парламентскихъ представителей къ культуръ-кампфу, къ изгнанію іезуитовъ, къ попыткамъ ограничить гражданскія права нехристіанъ. Іезуиты, напримѣръ,—непримиримые противники соціалъ-демократіи, но это насъ не удержало отъ того, чтобы голосовать за предложеніе клери-

каловъ о возвращеніи іезуитовъ въ Германію. Чего мы не допускаемъ, это принужденія и ханжества. Предполагать же, что мы собираемся упразднить существующія религіи, такое же безуміе, какъ если бы намъ предписывали намѣреніе декретировать новую религію: религія — продуктъ культурнаго развитія человѣчества. Въ представленіи о цѣли экономическаго развитія,—читаемъ мы дальше въ той же книгѣ, — легко ошибиться относительно продолжительности времени, въ которое цѣль уже можетъ быть достигнута: заранѣе нельзя предвидѣть, когда совершатся всѣ фазисы развитія, и какъ велики будутъ препятствія, стоящія на пути къ ея осуществленію. Чѣмъ выше и прекраснѣе идеалъ, тѣмъ сильнѣе воодушевленіе бойцовъ. Только оптимисты могутъ завоевать міръ... Это значитъ, другими словами, что идеала не осуществляютъ декретами и что путь, который придется пройти, еще очень далекъ, хотя медленности прогресса и не слѣдуетъ постоянно подчеркивать, чтобы не вызвать пессимизма. Для тѣхъ, кто издавна присматривался къ рабочему движенію въ Германіи, это, конечно, не новыя мысли, но ихъ не мѣшаетъ повторить именно теперь, когда новая побѣда соціалъ-демократіи вызываетъ понятный интересъ къ нѣмецкимъ внутреннимъ условіямъ далеко за предѣлами Германіи.

Значеніе центра въ новомъ рейхстагѣ представляетъ явленіе, которое послѣ успѣховъ соціалъ-демократіи наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе. „Высокая башня центра“, какъ любятъ картинно выражаться нѣмецкіе клерикалы, говоря о своей партіи, не только не поколебалась, но стоитъ прочнѣе, чѣмъ когда-либо. Угроза Бебеля, что соціалъ-демократія послѣ измѣны центра въ вопросѣ о флотѣ постарается раскрыть глаза католическому народу, до сихъ поръ не оправдалась. Въ одной изъ своихъ рѣчей предъ избирателями вождь центра, Либеръ, спокойно по этому поводу замѣтилъ: „Насъ называютъ правительственной партіей, но въ названіи есть маленькая неточность: мы не *правительственная*, а *правящая* партія („keine Regierungs,—sondern eine regierende Partei“). Въ этомъ гордомъ сознаніи собственной силы нѣтъ преувеличенія: безъ центра правительство не въ состояніи провести ни одного закона, ни одной мѣры во внутреннемъ управленіи, въ экономической политикѣ, и столь рѣшающее значеніе клерикаловъ дѣйствительно связано съ независимостью ихъ по отношенію къ власти. Имъ нечего думать о карьерѣ сыновей или о приглашеніи женъ на придворные балы. Аристократическіе элементы, когда-то игравшіе роль въ центрѣ, отступили на задній планъ: вождями и ораторами партіи состоятъ интеллигентные люди средняго круга—судьи, адвокаты, профессора, журналисты. Центръ

вообще не представитель одного сословія, и ряды его пополняются какъ мѣщанами и крестьянами, такъ и заводскими, и фабричными рабочими. Въ виду этого онъ не можетъ пойти за правительствомъ или прусскимъ юнкерствомъ, если возникнутъ попытки ограничить политическую свободу. Реакціонный характеръ этой партіи выражается лишь въ одной области, въ которой она дѣйствительно можетъ стать угрозой развитію Германіи,—въ школѣ. Свободу собраній, союзовъ, вѣротерпимость и многія другія пріобрѣтенія послѣдней половины вѣка нѣмецкіе клерикалы будутъ защищать уже въ силу того, что сами они были жертвами произвола Бисмарка. Отъ эпохи культуръ-кампфа теперь остались только слабые слѣды, да и тѣ, вѣроятно, скоро вовсе исчезнутъ (напримѣръ, запрещеніе ордена іезуитовъ), но тѣмъ не менѣе католики еще живо помнятъ преслѣдованія. Либеръ только недавно вспоминалъ въ рейхстагѣ, когда зашла рѣчь о суровомъ обращеніи въ тюрьмѣ съ редакторомъ радикальной газеты, что точно такъ же обращались съ кельнскимъ архіепископомъ Мельхерсомъ. Какъ сами вожди центра судятъ о настроеніи въ преданныхъ имъ кругахъ народа, объ этомъ можно заключить по тому, что главнымъ ихъ паролемъ на выборахъ было—сохраненіе всеобщаго избирательнаго права. Слухи о покушеніи на это драгоцѣнное пріобрѣтеніе народа, такъ упорно повторявшіеся въ послѣднее время, что правительство дважды сочло нужнымъ опровергать ихъ въ „Reichsanzeiger"'ѣ, основывались на заявленіяхъ Мюллера-Фульда и Бахема, двухъ видныхъ депутатовъ центра. Если присоединить къ этому, что германскіе клерикалы энергично отстаиваютъ соціальныя реформы въ интересахъ труда, то васъ не должно удивить, что побѣда этой партіи содѣйствуетъ при настоящихъ условіяхъ Германіи къ успокоенію той части общества, которая опасалась самовольныхъ поступковъ сверху, означающихъ измѣненіе существующаго общественнаго строя.

Третья интересная черта въ германскихъ выборахъ—это судьба антисемитизма.

Объ антисемитической партіи едва ли можно дать лучшее представленіе, какъ отмѣтивъ отношеніе ея депутатовъ къ главнѣйшимъ вопросамъ, поставленнымъ на голосованіе въ предыдущемъ рейхстагѣ. Съ 4 іюля 1893 г. до 31 марта 1898 г. въ рейхстагѣ произошло 78 поименныхъ голосованій, въ которыхъ изъ 16 антисемитовъ рейхстага въ среднемъ принимали участіе лишь 8: другіе 8 отсутствовали. Присутствующіе антисемиты представляютъ картину хаоса, какой нельзя найти ни въ какой другой фракціи, не исключая даже націоналъ-либераловъ. При голосованіи предло-

женія центра объ отмѣнѣ закона противъ іезуитовъ 1 антисемитъ высказался за, 2—противъ, 3 воздержались отъ голосованія и 10 отсутствовали; при баллотировкѣ консервативнаго предложенія объ отмѣнѣ обязательнаго гражданскаго брака 4 подали голоса за, 2 противъ. 10 отсутствовали; за законъ объ обложеніи сахара были 3 антисемита, противъ—4, 9 отсутствовали; въ дебатахъ о флотѣ 11 были за правительственный проектъ, 3 противъ, 2 отсутствовали; во время борьбы противъ правительственной Umsturzvorlage антисемиты высказывались противъ нея, но отъ имени ихъ въ рейхстагѣ выступилъ Либерманъ фонъ Зонненбергъ съ горячей филиппикой за проектъ! Такихъ примѣровъ можно бы привести еще десятокъ, но зачѣмъ черпать характеристику антисемитизма изъ враждебныхъ ему, хотя въ данномъ случаѣ и основывающихся на оффиціальныхъ протоколахъ, показаній, если у насъ имѣется столь компетентный съ антисемитической точки зрѣнія судья, какъ депутатъ-антисемитъ Форстеръ, слѣдующимъ образомъ рисующій своихъ единомышленниковъ: „Мы не перестаемъ повторять о защитѣ интересовъ людей средняго круга (Mittelstand, т. е. ремесленниковъ и мѣщанъ), но ясно ли для насъ самихъ, что мы подъ этимъ понимаемъ, чего желаемъ и чего не желаемъ? Въ самыхъ важныхъ вопросахъ каждый высказывается по собственному вдохновенію. У насъ или полное отсутствіе жизни, или поверхностная болтовня съ громкими, но истасканными фразами“. Форстеръ, вслѣдствіе этого, предсказывалъ еще полгода тому назадъ, что антисемитическое движеніе больше не будетъ имѣть успѣха въ странѣ. Дѣйствительно, народное голосованіе было достойнымъ отвѣтомъ избирателей представителямъ, такъ мало оправдавшимъ ихъ довѣріе. Изъ 16 антисемитовъ, именующихъ себя членами партіи реформъ, выбраны только 5, еще 6 попали въ перебаллотировку, такъ что въ лучшемъ случаѣ ихъ будетъ только 11. Городское населеніе отъ нихъ совсѣмъ отвернулось: въ Берлинѣ они играютъ жалкую роль; въ Дрезденѣ, завоеванномъ антисемитами въ прошлый разъ при содѣйствіи консерваторовъ, за ихъ кандитата Циммермана подано было втрое меньше голосовъ, чѣмъ за соціалъ-демократа; въ Гамбургѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ процентное отношеніе антисемитовъ къ другимъ партіямъ ничтожно. Слабымъ утѣшеніемъ для разгромленной партіи „соціализма глупцовъ“ можетъ служить развѣ то, что значительной дозой антисемитизма пропитана консервативная партія, что, однако, не мѣшаетъ сыновьямъ прусскихъ аристократовъ позолачивать вывѣтрившіеся гербы приданымъ дочерей

евреевъ-банкировъ. Въ округѣ Арнсвальде Альвардтъ, впрочемъ, попалъ въ перебаллотировку съ консерваторомъ и, такимъ образомъ, у любителей грубыхъ зрѣлищъ еще есть надежда, что этотъ шутъ будетъ украшать рейхстагъ. Впрочемъ, въ какомъ парламентѣ нѣтъ шутовъ, въ той или иной формѣ напоминающихъ, что политическое воспитаніе народа еще не стоитъ на идеальной высотѣ? Въ цѣломъ, однако, участь антисемитовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что фразами и патріотическимъ эгоизмомъ, спекулирующимъ на дурные инстинкты, нельзя долго морочить нѣмецкій народъ.

Къ числу маленькихъ партій, которыя обнаружили на этихъ выборахъ замѣтную дѣятельность и стремились привлечь на свою сторону какъ интеллигенцію, такъ и массы, принадлежитъ группа, которая прежде именовала себя христіанско-соціальной и теперь приняла названіе національно-соціальнаго союза. Во главѣ ея стоятъ пасторы Науманъ и Гере и извѣстный лейпцигскій профессоръ Зомъ. Для характеристики этой группы достаточно привести наиболѣе существенныя мѣста изъ выпущеннаго ею избирательнаго возванія. „Мы національны и желаемъ могущества и славы Германіи, поэтому мы высказываемся за сильное войско и сильный флотъ. Мы за монархію, потому что хотимъ, чтобы Германія была гарантирована отъ внѣшнихъ и внутреннихъ колебаній, и оттого, что сильная монархія лучшая союзница стремящихся впередъ народныхъ массъ. Мы соціальны, потому что, по нашему убѣжденію, безъ поднятія положенія народа немыслимо и развитіе націи. Мы стоимъ за свободу, потому что безъ сознательнаго участія всѣхъ элементовъ народа въ общественной жизни невозможно улучшеніе быта массъ. Мы противъ подавленія общихъ и народныхъ интересовъ вліяніемъ крупнаго землевладѣнія. Точно такъ же мы высказываемся противъ консервативно-національ-либеральной „политики соединенія“, Politik der Sammlung, которая не что иное, какъ новое изданіе стараго картеля, имѣющее цѣлью подавить либеральныя учрежденія, дать просторъ аграрной политикѣ и преслѣдовать соціалъ-демократію механическими средствами, которыя ведутъ лишь къ усиленію революціонной опасности!“ Въ области рабочаго вопроса національно-соціальная группа высказывается за свободу союзовъ, широкое фабричное законодательство и свободу коалиціи. Въ крестьянскомъ вопросѣ она—сторонница мелкаго земледѣлія; въ ремесленномъ—противъ цеховъ, въ торговой политикѣ—за трактаты. Съ рабочей партіей „національ-соціаловъ“ связываетъ одинаковое стремленіе къ реформамъ, ведущимъ къ

сокращенію труда и увеличенію заработковъ; съ либерализмомъ у нихъ много общаго въ защитѣ свободы печати, собраній, свободы передвиженія и всеобщаго избирательнаго права. Въ выборной агитаціи противники обыкновенно рѣзче подчеркиваютъ недостатки своего соперника, и поэтому неудивительно, что національ-соціаловъ на собраніяхъ и въ печати соціалъ-демократіи представляли шовинистами, ультра-національными идеологами, способными лишь на полумѣры, неотзывчивыми на народную нужду, тогда какъ свободомыслящіе третировали ихъ, какъ незрѣлыхъ юношей, въ своей программѣ пытающихся соединить несоединимое: соціалистическіе христіане—писалъ на дняхъ руководящій органъ либерализма—составили свою программу исключительно изъ изюминъ другихъ партій, не замѣчая, что предлагаемый ими пирогъ совершенно непереваримъ. Консерваторы и піетисты, очевидно, преувеличивая опасность новой группы, обрушились на нее съ такими же пріемами, съ какими Штуммъ и его прислужники пытались уничтожить катедеръ-соціалистовъ берлинскаго университета. Въ одномъ изъ выборныхъ летучихъ листковъ, разосланныхъ лейпцигскимъ картелемъ порядка, новая группа охарактеризована шуткой, заимствованной изъ юмористическихъ журналовъ: національ-соціалы—это люди, поющіе Wacht am Rhein на мотивъ марсельезы. Науманъ, Зомъ, Герлахъ и другіе кандидаты и агитаторы національно-соціальной группы не оставались въ долгу у своихъ противниковъ, но нужно отдать имъ справедливость: при самыхъ жаркихъ схваткахъ они проявляли себя вполнѣ порядочными людьми, никогда не переносившими спора на почву личныхъ инсинуацій, постоянно помнившими, что этическое содержаніе ихъ стремленій не соединимо съ клеветой на дѣятелей другого лагеря. Критикуя утопичность государства будущаго, Науманъ сознавалъ однако, что положительныя реформы были бы невозможны безъ существованія сильной рабочей партіи, во главѣ которой стоятъ вожди, съ чьими идеями онъ, какъ монархистъ и пасторъ, во многомъ не можетъ соглашаться, но въ чистотѣ намѣреній которыхъ онъ всегда былъ убѣжденъ.

Вы можете поэтому услышать теперь отъ лицъ почти всѣхъ партій искреннее сожалѣніе по поводу того, что ни одному изъ этихъ молодыхъ христіанскихъ и національныхъ соціалистовъ не удалось попасть въ рейхстагъ. Науманъ или Гере были бы тамъ незаурядными фигурами. Почти всѣ національ-соціалы производятъ впечатлѣніе людей, не гоняющихся за карьерой, искренно убѣжденныхъ и отзывчивыхъ на народную нужду. Безъ полити-

ческой организаціи, безъ собственныхъ газетъ, они, однако, оказались безсильными, тѣмъ болѣе, что массамъ они не могли дать ничего конкретнаго, чего бы не предлагали, въ разныхъ дозахъ и съ другими приправами, старыя, хорошо организованныя партіи.

Гервегъ когда-то увѣрялъ, что даже древніе боги воевали подъ щитомъ партіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ маленькія, слабыя группы, такъ и политическіе дѣятели въ одиночку, на свой собственный страхъ и рискъ, меньше всего могутъ разсчитывать на успѣхъ во время выборовъ. Нужны совершенно исключительныя условія и упорная предварительная работа въ теченіе долгаго періода, чтобы такіе вольные стрѣлки могли завоевать округъ. Не удалось попасть въ рейхстагъ, напр., извѣстному проповѣднику „единаго христіанства", Эгиди, усердно агитировавшему въ Эльберфельдѣ; хотя его горячо поддерживали такіе же идеалисты, какъ онъ самъ, но это не помѣшало ему потерпѣть полное пораженіе. Самостоятельный, безукоризненно честный человѣкъ, формулирующій свою программу въ словахъ: я не знаю невѣрующихъ и вредно-мыслящихъ, для меня существуютъ только иначе мыслящіе и иначе вѣрующіе,—былъ бы отраднымъ явленіемъ во всякомъ парламентѣ. Къ сожалѣнію, такіе люди возможны лишь въ болѣе мирныя эпохи, чѣмъ нынѣшняя, полная борьбы и страстей.

Изъ другихъ эпизодовъ на выборахъ заслуживаетъ вниманія еще пораженіе Круппа въ округѣ Эссенъ, гдѣ находятся его знаменитые заводы: избиратели предпочли королю пушекъ клерикала Штоцеля, вождя католическаго союза рудокоповъ. Штуммъ, несмотря на то, что сторонники его распустили слухи, будто онъ выставляетъ свою кандидатуру только по желанію самого императора, не получилъ большинства, но попалъ въ перебаллотировку, тоже съ клерикаломъ. Въ Страсбургѣ, представителемъ котораго въ прежнемъ рейхстагѣ былъ Бебель, соціалъ-демократія потерпѣла пораженіе. Въ другихъ эльзасскихъ округахъ очень замѣтно уменьшилось вліяніе партіи протеста. Несомнѣнно, что болѣе благопріятное для правительства настроеніе въ эльзасскомъ населеніи объясняется прекращеніемъ суроваго гнета прусскихъ германизаторовъ. Незадолго до выборовъ правительство согласилось отмѣнить господствовавшій до сихъ поръ произволъ по отношенію къ печати, замѣнивъ его законными гарантіями, существующими для печатнаго слова въ остальной Германіи.

Іюнь, 1898 г.

Вирховъ какъ общественный дѣятель.

Берлинъ, 30 сент. 1891 г.

Наступающая недѣля, несомнѣнно, окрещена будетъ въ хроникѣ берлинской жизни недѣлей Вирхова. Если 70-ти лѣтній юбилей знаменитаго паталога-анатома уже давно вызываетъ обширныя приготовленія не только во всей Германіи, но во всемъ ученомъ мірѣ, то въ Берлинѣ этимъ событіемъ интересуется буквально все населеніе. Здѣсь Рудольфа Вирхова знаетъ чуть ли не каждый школьникъ, и послѣ Бисмарка и Мольтке, пожалуй еще Виндгорста и Бебеля, я не могу назвать другое имя, которое пользовалось бы большей популярностью. Она основывается преимущественно на общественно-политической дѣятельности этого многосторонняго таланта, но въ то же время каждый берлинскій бюргеръ и каждый рабочій очень хорошо знаетъ, что Вирховъ—великій ученый, обогатившій науку цѣнными изслѣдованіями и много потрудившійся для блага человѣчества. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ попалъ въ перебаллотировку съ Штекеромъ, соціалъ-демократы поголовно голосовали за Вирхова, хотя они признавали въ немъ своего политическаго противника. Въ другихъ случаяхъ они отказывались поддерживать свободомыслящаго, здѣсь же,—говорили рабочіе,—вопросъ идетъ о соблюденіи долга чести.

Научная дѣятельность Вирхова такъ многообразна, она обнимаетъ такую широкую сферу естествознанія и медицины, что не всякій натуралистъ или врачъ въ состояніи будетъ очертить ее съ должной полнотой и безпристрастіемъ. Пишущій эти строки не врачъ и не натуралистъ, и если, тѣмъ не менѣе, онъ беретъ на себя смѣлость касаться дѣятельности Вирхова, то имъ руководитъ

только желаніе познакомить со взглядами образованнаго нѣмецкаго общества на значеніе своего замѣчательнаго ученаго и гражданина. Вирхова будутъ чествовать не только спеціалисты, но весь народъ, и это одинъ изъ признаковъ достоинства культуры нашего времени: изъ тѣснаго круга факультетовъ и профессіональныхъ цѣнителей, великія изобрѣтенія, благодаря школѣ и печати, становятся, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, достояніемъ всѣхъ грамотныхъ людей. Не всякій знаетъ, конечно, въ чемъ состояли достоинства спеціальныхъ работъ Вирхова, но каждый образованный нѣмецъ слышалъ или читалъ, что Вирховъ творецъ современной патолого-анатоміи, или что его ученіе о клѣткахъ одно изъ основаній нынѣшней медицины, и многіе процитируютъ вамъ изреченіе „Krank sein ist Leben unter veränderten Bedingungen“ (болѣть—значитъ жить при измѣнившихся условіяхъ).

Прошлой зимой, на школьной конференціи, Вирховъ въ одной изъ своихъ рѣчей упомянулъ о томъ, что онъ съ дѣтства любилъ классическія науки и съ любовью изучалъ древніе языки. Онъ тутъ же прибавилъ, что для врача это безусловно не нужно, можно быть прекраснымъ натуралистомъ, не зная по-гречески. Самъ Вирховъ до сихъ поръ сохранилъ однако симпатіи своей юности, которыя были такъ сильны, что не вмѣшайся его отецъ, онъ, вѣроятно, избралъ бы своей профессіей не медицину, а филологію. Вирховъ-отецъ, скромный мѣщанинъ въ Помераніи, полагалъ, что съ филологіей нельзя прожить, тогда какъ врачебная профессія даетъ вѣрный кусокъ хлѣба, и помѣстилъ сына въ военно-медицинскую школу въ Берлинѣ, откуда юноша вышелъ военнымъ врачемъ въ началѣ 1843 года. Огромное трудолюбіе и рѣдкая наблюдательность Вирхова обнаружились съ первыхъ шаговъ его новой дѣятельности. По окончаніи курса, онъ не довольствуется врачебной практикой, а начинаетъ искать для нея научныя основанія въ анатоміи, и счастливый случай, предоставляющій ему мѣсто прозектора при Charité, даетъ ему также въ руки матеріалъ, на которомъ начинаютъ вырабатываться идеи реформатора въ медицинѣ. Къ этому же времени—1847 г.—относится основаніе „Архива анатоміи, физіологіи и клинической медицины“, носящаго теперь его имя и представляющаго источникъ знаній для цѣлаго поколѣнія врачей.

Въ началѣ 1848 года прусское правительство командировало Вирхова въ Силезію для изслѣдованія причинъ обнаружившагося тамъ голоднаго тифа. Эта миссія имѣла рѣшающее значеніе во всей

послѣдующей политической жизни гражданина Вирхова: онъ отправился туда безстрастнымъ ученымъ, интересующимся только медицинской стороной дѣла, и вернулся съ ненавистью въ душѣ противъ государственнаго порядка, при которомъ сотни тысячъ людей умираютъ отъ лишеній и нужды. Видъ силезскихъ ткачей и крестьянъ, умиравшихъ отъ голоднаго тифа, заставилъ Вирхова задуматься надъ причинами страданій, и онъ отвѣтилъ себѣ: это—послѣдствіе общественныхъ порядковъ, при которыхъ крупные землевладѣльцы пользуются преобладающимъ вліяніемъ, заботы о народѣ сосредоточены въ рукахъ бюрократіи, а всѣ честные и образованные люди, желающіе помочь своему народу, обречены на молчаніе. Въ отчетѣ правительству молодой врачъ мужественно заявилъ, что страданія народа въ Силезіи — только яркій примѣръ страданій народа вообще, и что причины лежатъ въ государственномъ строѣ Пруссіи. Когда нѣсколько недѣль спустя въ Берлинѣ вспыхнуло возстаніе противъ правительства Фридриха-Вильгельма, ученый бросилъ на время анатомическій театръ и примкнулъ къ демократіи, однимъ изъ передовыхъ бойцовъ которой онъ сталъ въ этотъ памятный годъ, выступая ораторомъ на собраніяхъ и въ клубахъ и ухаживая за больными. Когда движеніе было подавлено, Вирховъ долженъ былъ покинуть берлинскій университетъ. Германія тогда состояла не изъ одной Пруссіи и баварскій университетъ въ Вюрцбургѣ предложилъ прусскому демократу каѳедру патологической анатоміи.

Не довольствуясь ближайшей областью своихъ изслѣдованій, Вирховъ въ послѣдніе 20 лѣтъ создалъ массу работъ по антропологіи и привлекъ къ этой наукѣ сотни научныхъ силъ. „Германское антропологическое общество“, основанное въ 1869 г.— дѣло его рукъ; его иниціативѣ принадлежатъ статистико-антропологическія изслѣдованія о типѣ германской расы путемъ опредѣленія цвѣта волосъ и глазъ школьниковъ; имъ же собраны богатыя коллекціи къ характеристикѣ доисторической цивилизаціи. Наконецъ, кто не слыхалъ объ участіи Вирхова въ трудахъ Шлимана, о томъ, какъ знаменитый ученый пробилъ для любознательнаго купца-диллетанта пути къ чисто-научной работѣ и доставилъ ему симпатіи въ его родинѣ? Во время своихъ путешествій Вирховъ не разъ посѣщалъ и наше отечество: бывалъ въ Москвѣ и на Кавказѣ. Наши этнографическія находки до сихъ поръ продолжаютъ привлекать его вниманіе.

Съ 1862 года Вирховъ играетъ видную роль въ нѣмец-

комъ парламентѣ, какъ депутатъ рейхстага и прусской палаты и какъ одинъ изъ основателей партіи прогрессистовъ. Въ эпоху конфликта онъ мужественно отстаивалъ права народнаго представительства отъ посягательствъ Бисмарка, позже онъ всегда выступалъ представителемъ своей партіи, когда нужно было защищать идеи гуманности и свободы отъ политической или религіозной нетерпимости. Онъ до настоящаго дня вѣренъ идеаламъ своей молодости, и это внушаетъ къ нему глубокое уваженіе даже политическимъ противникамъ. Одни—консерваторы—увѣряютъ, правда, что онъ не понимаетъ національной идеи своего времени, а другіе—соціалъ-демократы — отмѣчаютъ, что въ своей антипатіи къ бюрократизму великій натуралистъ не замѣтилъ экономическихъ послѣдствій индивидуализма.

Очень естественно, что больше всѣхъ гордятся юбиляромъ его ближайшіе политическіе друзья. Въ рядахъ свободомыслящихъ мало крупныхъ именъ. Въ самыя тяжелыя минуты политической борьбы, когда нѣмецкіе либералы теряли мандатъ за мандатомъ, 2-й берлинскій округъ оставался имъ вѣренъ только благодаря представительству Вирхова. Въ началѣ 80-хъ годовъ пишущему эти строки приходилось бывать въ собраніяхъ, въ которыхъ Вирховъ говорилъ къ избирателямъ. Среди слушателей было не мало политическихъ противниковъ оратора, шумно перебивавшихъ всякаго другого свободомыслящаго, но Вирхова они слушали съ уваженіемъ. Это далеко не было обаяніе талантливой рѣчи; напротивъ, рѣчь была суха, монотонна, скорѣе лекція, чѣмъ воззваніе. Но слушателей подкупала честная личность говорившаго, его высокія научныя достоинства и его постоянная добросовѣстность въ исполненіи долга. Сотрудники и товарищи Вирхова увѣряютъ, что эти же черты—добросовѣстность и желѣзное трудолюбіе, характеризуютъ его научную дѣятельность, и что ими объясняется его огромное вліяніе на свое поколѣніе. Добиться этого вліянія и создать столько въ наукѣ, не переставая быть гражданиномъ своей страны и своего города, ревностно оберегающимъ и политическіе и городскіе интересы,—гдѣ этотъ рѣдкій человѣкъ находитъ столько времени и силъ? Кто-то предложилъ ему этотъ вопросъ. Вирховъ отвѣтилъ: У меня день проходитъ такъ, что я почти ни минуты не теряю даромъ, притомъ у меня хорошее здоровье, и переходъ отъ одного занятія къ другому освѣжаетъ голову.—Но веселая сторона жизни, г. профессоръ,—продолжалъ спрашивающій,—развлеченія, общество... Вѣдь человѣкъ не можетъ только трудиться, нужно же и наслаждаться жизнью?—

А работа развѣ не наслажденіе? — съ усмѣшкой возразилъ Вирховъ своему собесѣднику. — Увѣряю васъ, что чувствую себя за ней очень счастливымъ. Жизнь у меня такъ сложилась, что я не устаю. Что же касается общества, то я развѣ когда-нибудь остаюсь одинъ? Только поздно ночью за письменнымъ столомъ, вотъ среди этой груды книгъ. Въ анатомическомъ театрѣ я окруженъ людьми, въ парламентѣ, думѣ, въ комиссіяхъ, на конгрессахъ повсюду люди, — съ которыми говоришь, соглашаешься, борешься. Чего же еще?..

Сегодняшній юбилейный день, вѣроятно, будетъ принадлежать къ числу самыхъ утомительныхъ, какіе пришлось пережить неутомимому труженику. Сладко испытать уваженіе своихъ согражданъ и товарищей по наукѣ, но выслушивать сотни привѣтствій и рѣчей, въ которыхъ повторяется почти одно и то же, нелегкая задача для человѣка, привыкшаго коротко резюмировать свои мысли. Прекрасно и содержательно, однако, было привѣтствіе берлинскаго самоуправленія. „Вся ваша научная дѣятельность соприкасается съ основными интересами городского самоуправленія, потому что вы не только создали эпоху въ медицинѣ вообще, но и указали цѣли и обязанности общественной гигіены. Вы не ограничились ролью учителя въ вашей медицинской области и изслѣдователя въ широкихъ сферахъ человѣческой мысли: вы посвятили себя также служенію общественнымъ интересамъ родины и оставались всегда вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, неутомимымъ и выдающимся представителемъ народа въ парламентѣ. Содѣйствуя развитію самоуправленія, вы въ то же время съ рѣдкой энергіей и самопожертвованіемъ трудились въ продолженіе 32 лѣтъ на благо города Берлина, который вамъ обязанъ пышной организаціей больницъ, пріютовъ, гигіеническимъ устройствомъ школъ, усовершенствованіемъ канализаціи и чистки улицъ и цѣлымъ рядомъ другихъ общеполезныхъ предпріятій. Въ благодарность за это мы васъ избрали своимъ почетнымъ гражданиномъ“, Въ адресѣ берлинскаго магистрата еще указана, между прочимъ, одна изъ заслугъ Вирхова, дѣлающая его особенно популярнымъ за границей: „вы оживили, — сказано тамъ,—сознаніе общности стремленій среди ученыхъ всего міра“. Уже на прошлогоднемъ международномъ конгрессѣ врачей можно было замѣтить, съ какой искренностью врачи изъ всего міра благодарили Вирхова за его труды къ сближенію народовъ, но еще замѣтнѣе чувства не-нѣмцевъ обнаружились на сегодняшнемъ юбилеѣ. Выразителями ихъ были преимущественно наши соотечественники, голландцы.

англичане, американцы, шведы. Французовъ, къ сожалѣнію, не было, хотя едва ли можно думать, чтобы имя ученаго Вирхова было недостаточно извѣстно во Франціи. Тѣмъ пріятнѣе поражало выдающееся участіе Россіи на этомъ праздникѣ науки и честной мысли. Кромѣ многочисленныхъ привѣтствій и адресовъ, юбиляръ получилъ поздравленіе черезъ делегатовъ отъ московскаго университета и московскихъ ученыхъ Обществъ, а также представителей военно-медицинской академіи и петербургскихъ врачей. Профессоръ Склифасовскій прочелъ адресъ университета и передалъ Вирхову золотую медаль Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Вы меня уволите отъ перечисленія всѣхъ остальныхъ привѣтствій, подношеній и рѣчей. Достаточно, если я упомяну, что тутъ были рѣшительно всѣ нѣмецкіе университеты и всѣ ученыя общества, имѣющія какое-либо прикосновеніе къ научной или политической дѣятельности Вирхова. Участіе правительства было въ высшей степени скромно и ограничилось привѣтствіемъ директора медицинскаго департамента. Очевидно, что въ правящихъ сферахъ еще не могутъ забыть „демагога“ 1848 и демократа 60-хъ годовъ, желавшаго „уничтожить въ Пруссіи болѣзненное стремленіе къ роли великой державы“. Вирховъ въ своей отвѣтной рѣчи замѣтилъ, что каково бы ни было различіе въ политическихъ воззрѣніяхъ его и отдѣльныхъ министровъ, руководившихъ народнымъ просвѣщеніемъ и народнымъ здравіемъ, онъ всегда находилъ для своихъ ученыхъ работъ поддержку и сочувствіе и съ этой стороны. Самый любопытный моментъ торжества былъ тотъ, когда Гельмгольцъ отъ имени академіи наукъ поздравлялъ своего друга и товарища Вирхова. Эти два имени — Гельмгольцъ и Вирховъ какъ-бы резюмируютъ почти все великое и замѣчательное, что Германія создала за полвѣка въ области изученія природы; по крайней мѣрѣ, послѣ смерти Гумбольдта нѣмецкая наука не дала человѣчеству болѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній, чѣмъ открытія этихъ двухъ великихъ стариковъ.

Берлинъ, 24 августа 1902 г.

Въ двухъ шагахъ отъ моей гарцбургской гостиницы, за спущенными шторами скромнаго деревяннаго дома угасала жизнь одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашей эпохи. Раньше встрѣчали его въ лѣсу, сидящимъ въ креслѣ на колесахъ, закутаннымъ въ пледы. Пожелтѣвшій, съ потухшимъ взглядомъ полузакрытыхъ глазъ,

онъ производилъ впечатлѣніе умирающаго. Затѣмъ выѣзды уже становились для него все труднѣе. Отъ поры до времени жизнь какъ-будто вспыхивала, и у окружающихъ являлась искра надежды, но пацієнтъ самъ недовѣрчиво качалъ головой. Хозяйка дома приносила ему рѣдкіе цвѣты, онъ побѣлѣвшими губами шепталъ ихъ латинскія названія, никогда не ошибаясь, и благодарная улыбка появлялась на измученномъ лицѣ. Къ богатому банкиру призывались-бы медицинскія свѣтила, къ нему же, учителю врачей всего міра, заѣзжалъ только деревенскій докторъ. Вирховъ и его семья хорошо понимали, что никакими лѣкарствами и никакимъ искусствомъ нельзя остановить неумолимый процессъ смерти. Нѣсколько дней тому назадъ ему захотѣлось вернуться въ Берлинъ, въ свой старый рабочій кабинетъ, въ которомъ онъ послѣ дня, проведеннаго въ патологическомъ институтѣ, университетѣ, думѣ и парламентѣ, бывало, еще до глубокой ночи работалъ надъ отчетами палатской комиссіи или докладами управы. Тамъ онъ сегодня тихо скончался.

Болѣе компетентные судьи дадутъ или уже дали вамъ характеристику Вирхова, какъ патолого-анатома и антрополога. Въ продолженіе 12-ти лѣтъ пребыванія въ Берлинѣ мнѣ такъ часто приходилось упоминать объ общественныхъ заслугахъ этого рѣдкаго гражданина и работника, что то, что я скажу теперь, иногда, быть-можетъ, будетъ повтореніемъ сказаннаго раньше, но предъ открытымъ еще гробомъ такого человѣка, какъ Вирховъ, не только нѣмцы, но и культурные люди всѣхъ странъ ощущаютъ потребность снять шляпу и поблагодарить за все доброе и хорошее, что онъ сдѣлалъ для людей. Прежде всего — за то, что онъ поднялъ въ насъ уваженіе къ величію знанія, къ умѣнью проникать въ сущность вещей и подчинить явленія природы анализу человѣческаго ума, не менѣе однако и за рѣдкое сочетаніе научной мысли съ сознаніемъ обязанностей гражданина. Вспомните, какъ, отвѣчая на привѣтствіе берлинской Думы къ его 80-тилѣтію, Вирховъ доказывалъ, что онъ не можетъ понимать жизни внѣ общины, безъ тѣсной связи съ другими людьми, и что потому для него только вполнѣ „естественно“, что, будучи членомъ этой общины, онъ долженъ заботиться объ ея благополучіи. Вѣдь это такъ просто! Ему и въ голову не приходило, что онъ имѣетъ право считать себя аристократомъ, котораго мелкія заботы и нужды окружающаго не касаются. Послѣ десятичасовой работы въ лабораторіи сидѣть въ думѣ или вырабатывать у себя проектъ новаго рынка въ его гла-

захъ было не трудомъ, а отдыхомъ. Другіе люди считали свой рабочій день вполнѣ „нормальнымъ“, посвятивъ его продолжительнымъ преніямъ въ бюджетной комиссіи, Вирховъ же увѣрялъ, что голова только освѣжается, когда изъ міра анатомическихъ препаратовъ переходите въ область налоговъ и расходовъ на народныя школы. Вы скажете, что это исключительная, счастливая особенность, но какъ благодарно должно быть общество, когда эти особенности приносятся на службу не личнымъ интересамъ, а благу всѣхъ, когда столь рѣдкій умъ и такая рабочая сила соединяются съ глубокою искренностью и непоколебимымъ упорствомъ въ защитѣ свободы и справедливости.

Не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ въ Берлинѣ представители всего міра чествовали 80-тилѣтіе Вирхова съ неслыханнымъ единодушіемъ и небывалымъ воодушевленіемъ. Это импонировало политическимъ противникамъ Вирхова: склоняясь передъ его величіемъ въ наукѣ, реакціонные нѣмцы попытались однако отдѣлить ученаго отъ политика. Юбиляръ отвѣтилъ имъ тогда въ прекрасной рѣчи предъ собраніемъ своихъ избирателей, что человѣкъ всегда одинъ и тотъ же, что бы онъ ни предпринималъ, и что въ своей научной, какъ и политической дѣятельности онъ всегда руководствовался однимъ и тѣмъ же правиломъ: констатировать факты, искать правду. Его называютъ идеалистомъ-доктринеромъ, человѣкомъ 1848 года, но развѣ онъ когда-либо создавалъ себѣ абстрактный, спекулятивный идеалъ, не опирающійся на факты жизни? Въ чемъ состоялъ первый поступокъ молодого Вирхова, навлекшій на него обвиненіе въ ненависти къ существующему порядку? Его, врача, послали изучать причины голоднаго тифа въ Силезіи. Онъ тщательно изучалъ, разспрашивалъ и вникалъ въ сущность вопроса, но не его вина, если плодомъ наблюденій было убѣжденіе, что никакими санитарными мѣрами нельзя предупредить повторенія такихъ печальныхъ событій, пока народъ *хронически* голодаетъ. Самыя благія намѣренія центральной власти не приведутъ къ улучшенію условій жизни народа, пока эта власть вынуждена опираться только на ограниченную бюрократію, не стоящую подъ контролемъ свободнаго общественнаго мнѣнія. Точно также нельзя надѣяться на самопомощь народа, если его постоянно держать въ невѣжествѣ. Изъ этихъ основныхъ элементовъ для Вирхова получался естественный выводъ: не медикаменты и не случайныя пособія, а просвѣщеніе и свобода ведутъ къ нормальному порядку, при которомъ люди не умираютъ съ голоду и не ведутъ

жизни звѣрей. Стройная, послѣдовательная мысль ученаго, работая въ общественныхъ вопросахъ тѣми же методологическими пріемами, какъ и въ патологіи и антропологіи, привела его въ ряды демократіи, и въ нихъ онъ остался до конца жизни. Старость не любитъ новшествъ. Вирховъ въ послѣдніе годы жизни тоже не былъ больше доступенъ идеямъ экономическихъ реформъ, являющимся продуктомъ новаго фазиса развитія, но то, что онъ призналъ справедливымъ въ лучшій періодъ своей общественной дѣятельности, онъ твердо отстаивалъ до могилы, не заботясь о томъ, нравятся ли его убѣжденія, или нѣтъ. Никогда піетисты и проповѣдники механическихъ пріемовъ управленія не могли надѣяться на малѣйшую уступку съ его стороны; въ свободѣ, просвѣщеніи и самоуправленіи 80-тилѣтній старикъ видѣлъ единственный нормальный порядокъ общественной жизни культурныхъ народовъ.

Другъ его и товарищъ по парламенту Евгеній Рихтеръ прекрасно охарактеризовалъ гражданина Вирхова, сказавъ, что ему было бы удобнѣе, при своей всемірной научной репутаціи, „предоставить политику Промыслу и мудрости начальства“, но въ томъ-то и дѣло, что Вирховъ никогда не думалъ о своихъ личныхъ удобствахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на юбилеѣ Гельмгольца, Вильгельмъ II выразился, что дѣло великаго—держаться въ сторонѣ отъ партійной борьбы, не погружаться въ дрязги политики и оставаться на высотѣ, стремясь лишь къ высшимъ идеаламъ. Міръ однако уже такъ созданъ,—замѣтилъ на это Рихтеръ,—что и въ политическихъ дѣлахъ пониманіе того, что хорошо и что дурно, достигается не путемъ инспираціи, не откровеніемъ, а въ борьбѣ мнѣній и глубинѣ собственнаго сознанія. Горе народу, когда высшіе и благороднѣйшіе умы отворачиваются отъ общественной дѣятельности! Самая глубокая ученость, даже геніальность не избавляетъ отъ обязанности участвовать въ управленіи страной, и чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на другихъ поприщахъ мысли или профессіональной дѣятельности, тѣмъ больше онъ долженъ понимать, что уходить въ сторону отъ политики, предоставить ее посредственнымъ умамъ, значитъ взять на свою душу грѣхъ, и передъ современниками и потомками въ этомъ нѣтъ оправданія! Вирховъ же со спокойною совѣстью могъ сказать, что онъ — такой же добросовѣстный гражданинъ, какъ и ученый. Относительно него, великаго работника, впослѣдствіи, — говоритъ Рихтеръ, — вѣроятно, даже усомнятся, отдѣльное ли это было лицо, или собирательное имя для выдающихся дѣятелей на многихъ поприщахъ науки, политики и коммунальнаго

самоуправленія? Рихтеръ напоминаетъ о 28-милѣтней дѣятельности Вирхова въ качествѣ предсѣдателя контроля надъ прусскими бюджетами: великій ученый на посту стража прусскихъ финансовъ оказался тѣмъ же пытливымъ патологомъ, отъ глаза котораго не ускользала ни одна бацилла, ни одинъ паразитъ въ статьѣ бюджета. Архивъ контрольной комиссіи палаты — своего рода патологическій музей, и если взять на себя трудъ посмотрѣть въ сотняхъ собранныхъ тамъ отчетовъ, докладовъ и оправдательныхъ документовъ всѣ замѣчанія, написанныя рукой Вирхова, то изъ нихъ можно было бы составить многотомное сочиненіе по исторіи нѣмецкихъ финансовъ. Какъ у студентовъ-медиковъ на экзаменѣ, такъ и у тайныхъ совѣтниковъ изъ министерствъ душа уходила въ пятки, когда профессоръ, надвинувъ очки на лобъ, задавалъ имъ вопросы, которые, прямо попадая въ цѣль, всегда касались вещей, относительно которыхъ подвергавшіеся допросу почему-то надѣялись, что объ этомъ ихъ не спросятъ. Тонкая, какъ-будто добродушная улыбка скользила по губамъ ученаго, и тайные совѣтники говорили, что отъ этого „чорта“ ничто не укроется.

Объ отдѣльныхъ фактахъ и эпизодахъ, которыми такъ богата политическая жизнь Вирхова, я, конечно, здѣсь не могу распространяться, но нужно упомянуть о двухъ эпизодахъ, относительно которыхъ создались легенды. Первый касается его роли въ борьбѣ прусскаго правительства съ католицизмомъ: Вирховъ—авторъ знаменитаго слова Kulturkampf, и очень понятно, что многіе отождествляютъ его политику съ политикой Бисмарка въ началѣ 70-хъ годовъ, выразившейся въ гоненіи на католиковъ, заключеніи въ тюрьму епископовъ и т. п. Для всякаго, однако, сколько-нибудь знающаго характеръ и идеи Вирхова не могло быть сомнѣнія, что онъ неспособенъ былъ поддерживать систему насилія и преслѣдованія. Подъ „культуръ-кампфомъ“ онъ понималъ, по собственному выраженію, не полицейскій произволъ, а уничтоженіе „системы взаимнаго страхованія бюрократіи и піетизма“, въ майскихъ законахъ онъ защищалъ главное: освобожденіе школы отъ опеки пасторовъ. Свой взглядъ на свободу совѣсти Вирховъ ясно выразилъ въ 1893 г. въ рѣчи при вступленіи на постъ ректора берлинскаго университета, въ которой, говоря о животномъ магнетизмѣ, гипнотизмѣ, и прочихъ видахъ мистицизма, ораторъ замѣтилъ: in der Wissenschaft ist es gleichgiltig, welcher Religion man angehört; ebenso wenig bedarf es einer solchen um Gutes zu thun“. Другой эпизодъ, вызвавшій нападки на Вирхова со стороны нѣмецкихъ патріотовъ,

это—его предложеніе въ прусской палатѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ франко-прусскою войной, приступить къ сокращенію арміи. Едва ли, однако, Вирхову придется за такую мысль оправдываться предъ судомъ исторіи, тѣмъ болѣе, что предложеніе касалось *международнаго соглашенія* о смягченіи милитаризма.

Типичный нѣмецъ по внѣшности, прусакъ по привычкамъ, Вирховъ былъ великимъ универсальнымъ умомъ, для котораго не существовало преградъ расы, національности, касты. Труды его принадлежатъ человѣчеству, и потому память о немъ сохранится вездѣ, гдѣ знаютъ цѣну наукѣ и умѣютъ уважать человѣческій геній.

Изъ писемъ въ „Русскія Вѣдомости“.

I.

Берлинъ, 6-го ноября 1891 г.

Открытіе рейхстага совпало съ десятилѣтіемъ одного изъ любопытнѣйшихъ документовъ новѣйшей исторіи Германіи — знаменитаго посланія Вильгельма I по рабочему вопросу. Я не стану здѣсь входить въ обсужденіе мотивовъ или посторонннихъ цѣлей соціальной политики, начатой 10 лѣтъ тому назадъ, укажу лишь, что никогда раньше съ престола не раздавались такія слова, какъ тѣ, которыя кн. Бисмаркъ прочелъ 5-го ноября 1881 г. въ рейхстагѣ.

Государство, — сказано было въ этомъ посланіи, — не есть учрежденіе для имущихъ. Рабочіе составляютъ самое многочисленное и наболѣе нуждающееся сословіе въ странѣ, и они имѣютъ право на то, чтобы ихъ интересы пользовались преимущественнымъ вниманіемъ законодательства. Государство должно это сдѣлать уже ради сохраненія существующаго общественнаго порядка, иначе острый антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ получитъ насильственное разрѣшеніе.

Въ послѣдніе годы мы уже привыкли къ соціальнымъ программамъ въ тронныхъ рѣчахъ, но *тогда* слова, вложенныя Бисмаркомъ въ уста дряхлаго Вильгельма, произвели колоссальный эффектъ во всей Европѣ. Кн. Бисмаркъ полагалъ, что эти обѣщанія осуществлены закономъ о страхованіи рабочихъ, и это была одна изъ крупнѣйшихъ его ошибокъ, точно такъ же, какъ ошибался онъ, полагая, что соціальныя реформы могутъ быть проведены параллельно съ уничтоженіемъ политическихъ правъ рабочихъ. Не надо, однако, забывать, что, благодаря характеризую-

щей Бисмарка свободѣ отъ бюрократическихъ предразсудковъ, законодательство порвало съ узкимъ манчестерствомъ и нѣкоторыя экономическія идеи соціализма получили право гражданства. Въ 70-хъ годахъ еще достаточно было упомянуть о государственной помощи или о законодательныхъ мѣропріятіяхъ въ интересахъ рабочихъ, чтобы всякое предложеніе было отвергнуто. Теперь даже въ буржуазіи привыкли къ такимъ новымъ идеямъ, о которыхъ раньше опасно было упоминать.

Десятилѣтіе этого посланія Вильгельма I хотятъ ознаменовать основаніемъ очень симпатичнаго новаго союза соціальной помощи. Уже давно „министръ соціальныхъ реформъ“, какъ называютъ здѣсь министра промышленности и торговли Берлепша, носится съ мыслью связать государственную дѣятельность въ рабочемъ вопросѣ съ сотрудничествомъ многочисленныхъ ферейновъ самопомощи и филантропическихъ обществъ. Въ Германіи немало всевозможныхъ учрежденій для оказанія помощи рабочимъ въ видѣ снабженія ихъ здоровыми жилищами, столовыми, библіотеками и т. п., но всѣ они дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга, и сфера ихъ вліянія, конечно, очень ограниченная. Между нѣкоторыми обществами существуютъ даже прямо враждебныя отношенія, какъ напримѣръ, между католическими рабочими союзами и союзами, созданными по тому же типу протестантскимъ духовенствомъ. Одно филантропическое общество преслѣдуетъ цѣль—оказать помощь нуждающимся совершенно безъ всякихъ политическихъ тенденцій, другое стремится связать филантропію съ пропагандой консервативныхъ или клерикальныхъ идей. Еще хуже поставлены нѣкоторыя якобы филантропическія учрежденія фабрикантовъ, стремящіяся подъ маской общаго блага прикрѣпить рабочихъ къ своимъ предпріятіямъ. Вы видите, что объединить такіе элементы и выбросить за бортъ всѣ узкіе мотивы представляетъ немало труда. Министру Берлепшу теперь, все-таки, удалось добиться осуществленія своей идеи. Въ залѣ рейхстага вчера собралось для этой цѣли, подъ предсѣдательствомъ проф. Гнейста, около 20-ти представителей крупнѣйшихъ благотворительныхъ учрежденій для рабочихъ, и послѣ продолжительныхъ дебатовъ здѣсь состоялось учрежденіе „центральнаго бюро для учрежденій въ пользу труда“ (Centralstelle für Arbeiter-Wohlfahrtseinrichtungen). По ст. 1 здѣсь же выработаннаго устава, задачей бюро является „собираніе, приведеніе въ порядокъ свѣдѣній и описаніе всякихъ учрежденій, служащихъ на пользу неимущимъ классамъ, оказаніе совѣта во всѣхъ сомнѣніяхъ, возникающихъ въ

практикѣ подобныхъ учрежденій, и популяризація въ печати всѣхъ выдающихся явленій въ области общеполезныхъ начинаній для тружениковъ". Центральное бюро организуетъ, далѣе, періодическіе съѣзды по вопросамъ, входящимъ въ кругъ фабричной или рабочей филантропіи, и, съ своей стороны, стремится къ развитію филантропическихъ учрежденій. Средства бюро составляются изъ взносовъ каждаго общества и правительственной субсидіи. Душой всего учрежденія, вѣроятно, будетъ проф. Постъ. Не знаю, много ли полезныхъ начинаній выйдетъ изъ новаго предпріятія, но оно, во всякомъ случаѣ, проникнуто добрыми намѣреніями. Въ такихъ дѣлахъ не слѣдуетъ только говорить о „рѣшеніи соціальнаго вопроса", а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ кругахъ Германіи слишкомъ склонны злоупотреблять этими словами: во всякой скромной попыткѣ сейчасъ открываютъ что-то такое, чего нигдѣ въ Европѣ не существуетъ.

Недѣли двѣ тому назадъ въ гамбургскомъ органѣ кн. Бисмарка появилась статья по поводу побѣды, одержанной свободомыслящими въ одномъ изъ сельскихъ округовъ Помераніи. Статья заканчивалась слѣдующими словами: „Мы не разъ уже обращали вниманіе консервативной партіи на ея ошибки, но у нашихъ консерваторовъ теперь, очевидно, укореняется ученіе: suprema lex regis voluntas, и вмѣстѣ съ нимъ развивается индифферентизмъ къ интересамъ страны". Статью читали, иронизировали надъ запальчивостью экс-канцлера, но значенія ей не придавали. Въ Берлинѣ уже привыкли къ пророчествамъ изъ Фридрихсруэ. Заключительныя слова канцлерской статьи сегодня представляются, однако, въ совершенно иномъ свѣтѣ. Вы помните, быть-можетъ, что въ сентябрѣ императоръ былъ въ Мюнхенѣ и что онъ тогда долго оставался въ городской ратушѣ, любуясь различными старинными книгами и гравюрами. По обычаю, гость расписался въ книгѣ посѣтителей, и только теперь, два мѣсяца спустя, публика узнала, что императоръ не только внесъ свое имя, но написалъ и латинское изреченіе. Оно гласитъ: Suprema lex regis voluntas (воля монарха –верховный законъ).

Смыслъ приведенной выше статьи теперь понятенъ. Кн. Бисмаркъ имѣетъ въ Баваріи друзей, которые, подобно ему, были изумлены столь несоотвѣтствующей дѣйствительнымъ условіямъ фразой. Въ конституціонной странѣ, какъ извѣстно, законы создаются короной и парламентомъ. Здѣсь нѣтъ высшихъ и низшихъ законовъ, а существуютъ основныя правила, при нарушеніи которыхъ никакой законодательный актъ недѣйствителенъ. Кн. Бисмаркъ, слѣ-

довательно, выразилъ только мнѣніе огромнаго большинства своихъ согражданъ, замѣтивъ, что въ Германіи не признаютъ начала, не согласнаго съ общими законами страны. Не въ первый разъ, впрочемъ, императоръ выражаетъ свое пристрастіе къ изреченіямъ изъ періода упадка Рима. Министру народнаго просвѣщенія Госслеру онъ написалъ подъ своимъ портретомъ: „Sic volo, sic jubeo“, и министръ, защищавшій предъ парламентомъ проектъ, противъ котораго онъ самъ раньше высказывался, черезъ два мѣсяца долженъ былъ подать въ отставку потому, что сталъ посмѣшищемъ публики. Въ сущности, всѣ эти изреченія не имѣютъ здѣсь фактическаго значенія: Вильгельмъ II самовластная натура, но у него нѣтъ властной системы, и въ его воззрѣніяхъ рядомъ уживаются цезаризмъ и демократизмъ. Частое повтореніе такихъ, не соотвѣтствующихъ государственному устройству, словъ вызываетъ однако безпокойство и ведетъ къ ложнымъ представленіямъ. Въ Фридрихсруэ ничего другого, конечно, не желаютъ.

По этому поводу недурной анекдотъ, а, можетъ-быть, и дѣйствительный фактъ припоминается теперь о молодомъ императорѣ, когда онъ еще былъ просто принцемъ Вильгельмомъ и командовалъ въ Потсдамѣ гвардейскимъ полкомъ. Принцъ совершалъ съ своими кавалеристами пробные маневры вблизи деревни Борнедорфъ, и такъ какъ не всѣ хлѣба еще были убраны, то для огражденія полей крестьяне разставили палки съ пучками соломы, носящіе по-нѣмецки названіе „Riege“. Для большей безопасности, нѣкоторые изъ крестьянъ сами карауллили свои поля отъ вторженія кавалеристовъ. Къ одному изъ сторожившихъ подъѣхалъ адъютантъ принца и передалъ ему просьбу —отодвинуть свои вѣхи, такъ какъ экзерциръ-плацъ оказывается слишкомъ тѣснымъ для предположенной атаки. Крестьянинъ спокойно отвѣтилъ: „Die Riege bleibt stehen“. Тогда принцъ лично направился къ крестьянину и повторилъ свою просьбу, указывая на то, что для маневровъ безусловно необходимо отодвинуть запретный столбъ; отвѣтъ тотъ же.—Вы, вѣроятно, не знаете,—вмѣшался одинъ изъ офицеровъ,—кто съ вами говоритъ? Полковникъ—принцъ Вильгельмъ, внукъ нашего императора. Крестьянинъ лѣвой рукой снялъ шапку, но правой крѣпко обхватилъ свой столбъ и сказалъ: „Die Riege bleibt stehen“. „Kreuzzeitung“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сообщившая этотъ фактъ, нашла въ немъ доказательство законности, составляющей, какъ газета выражалась, наслѣдственную черту Гогенцоллерновъ. Либеральные органы теперь припоминаютъ приключеніе съ борнедорф-

скимъ мужикомъ и говорятъ: „лѣвой рукой мы кланяемся, а правой твердо держимся за нашу конституцію. Die Riege bleibt stehen".

II.

Берлинъ, 12 января 1892 г.

Въ прусской палатѣ происходятъ дебаты, оффиціально носящіе названіе общаго обсужденія бюджета, но фактически почти исключительно касающіеся вопроса о народной школѣ. Принятіе правительственнаго проекта, отдающаго надзоръ за школой духовенству, возможно лишь въ томъ случаѣ, если консервативная партія вся выскажется за его основныя положенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что реакціонныя и клерикальныя тенденціи школьной „реформы" встрѣчаютъ у правой полное сочувствіе, но многіе изъ консервативныхъ депутатовъ боятся слишкомъ существенныхъ уступокъ католицизму, а нѣкоторые изъ нихъ слѣдуютъ совѣту Бисмарка и фрондируютъ ради фронды. Свободомыслящіе, націоналъ-либералы и даже такъ называемые свободные консерваторы уже всѣ высказались за сохраненіе нынѣшней школы, но эти партіи еще не составляютъ большинства. Судя по заявленіямъ Каприви и графа Цедлица, правительство готово сдѣлать нѣкоторыя уступки требованіямъ просвѣщеннаго бюргерства, но послѣднее отвѣчаетъ, что школьный проектъ можетъ быть только отвергнутъ, а не измѣненъ, что никакими поправками нельзя измѣнить его основной тенденціи. Лица, внимательно слѣдящія за преніями въ палатѣ, получили впечатлѣніе, что канцлеръ поддерживаетъ проектъ скрѣпя сердце; въ палатѣ даже пронесся слухъ, будто Каприви—одинъ изъ тѣхъ двухъ министровъ, которые высказались противъ ломки народнаго образованія въ духѣ клерикализма.

Въ связи съ этими преніями въ ландтагѣ стоитъ событіе въ рейхстагѣ, о которомъ больше всего говорятъ теперь въ Берлинѣ. Консервативный депутатъ графъ Лимбургъ недавно преданъ былъ дисциплинарному суду за то, что въ своей полемикѣ противъ торговыхъ трактатовъ и таможенной политики правительства онъ забылъ, что еще числится чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Рейхстагъ третьяго дня былъ свидѣтелемъ новой оппозиціи правительственнаго чиновника, и то обстоятельство, что этотъ оппонентъ—оберъ-президентъ Ганновера, что его зовутъ Бенингсенъ, и что его критика направлена не только противъ отдѣльнаго правительственнаго акта, но и противъ всей правительственной системы,—придаетъ инциденту значеніе первостепеннаго политиче-

скаго событія. На очереди дня стояло обсужденіе торговаго договора съ Швейцаріей—тема, повидимому, очень далекая отъ волнующаго теперь общество школьнаго вопроса, но несмотря на это и хотя школьные вопросы не входятъ въ компетенцію рейхстага, Беннигсенъ нашелъ поводъ коснуться въ своей рѣчи острой темы о конфликтѣ между дѣйствіями правительства и воззрѣніями просвѣщеннаго бюргерства. Въ первый разъ за нѣсколько лѣтъ парламентъ съ такимъ же вниманіемъ слушалъ оберъ-президента, съ какимъ онъ когда-то слушалъ вождя націоналъ-либераловъ. Въ виду грядущей реакціи, Беннигсенъ вспомнилъ о своемъ прошломъ, и рѣчь его, формально посвященная торговой политикѣ, въ сущности была призывомъ къ сплоченію либеральныхъ партій. „Геніальный консерваторъ,—сказалъ онъ,—вопреки своимъ личнымъ симпатіямъ и внутреннему влеченію долженъ былъ опереться на либерализмъ въ первые годы послѣ основанія имперіи, когда приходилось создавать новыя учрежденія и реформировать содержаніе государственной жизни. Позже, съ конца 70-хъ гг., связь эта порвалась, и среди либеральнаго бюргерства возникъ расколъ, вызванный не столько политическими, сколько торгово-политическими условіями, дебатами о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ. Обстоятельства между тѣмъ теперь значительно измѣнились, такъ какъ благодаря торговымъ трактатамъ созданъ компромиссъ, которымъ пока могутъ удовлетвориться какъ протекціонисты, такъ и фритредеры. Я считаю себя въ правѣ обратиться къ сторонникамъ свободной торговли съ просьбой—отказаться на время отъ агитаціи противъ таможеннаго тарифа, хотя лично я и въ 1885 и 1887 г. голосовалъ противъ пошлинъ на хлѣбъ". „Либеральная партія—продолжаетъ Беннигсенъ—слишкомъ долго была разъединена споромъ изъ-за экономическихъ вопросовъ, а между тѣмъ существуютъ общія требованія просвѣщеннаго населенія въ сферѣ другихъ, не матеріальныхъ интересовъ народа. Либеральныя идеи далеко еще не пользуются въ нашей странѣ тѣмъ значеніемъ, которое имъ принадлежитъ по праву. Могутъ наступить времена, когда либеральные дѣятели въ интересахъ страны пожелаютъ или даже сочтутъ необходимымъ сплотиться, вмѣсто того, чтобы бороться другъ съ другомъ".

Кто знаетъ языкъ и пріемы націоналъ-либерализма, тотъ пойметъ, что нужны были совершенно исключительныя условія, чтобы побудить дѣятеля, какъ Беннигсенъ, бросить вызовъ правительству и отправиться просителемъ къ свободомыслящимъ. Давно ли про-

цвѣталъ картель, и національ-либералы хоромъ вторили за Бисмаркомъ, что партія Рихтера состоитъ или изъ доктринеровъ, не понимающихъ своего времени, или изъ измѣнниковъ, готовыхъ ослабить престижъ Германіи и провозгласить республику? Неудивительно, если призывъ Беннигсена теперь встрѣчаетъ отпоръ со стороны свободомыслящихъ, отвѣчающихъ, что не они должны пожертвовать своими убѣжденіями ради сближенія съ національ-либералами, а послѣдніе должны сознаться, что вся ихъ система угодничества и компромиссовъ была одной роковой ошибкой. „Пока Бисмаркъ управлялъ Германіей,- -отвѣтилъ Беннигсену Рихтеръ,— ваши отношенія къ нему отдѣляли насъ дальше другъ отъ друга, чѣмъ этого требовали наши принципы. Съ его паденіемъ исчезъ одинъ факторъ розни, но мы не можемъ забыть, что насъ раздѣляютъ и принципіальныя воззрѣнія. Въ вашихъ глазахъ, напримѣръ, торговые трактаты—уже совершенно достаточная уступка свободной торговлѣ; мы же думаемъ, что пока законодательство создастъ искуственную дороговизну хлѣба, и пока пошлины на хлѣбъ еще въ 7 разъ больше, чѣмъ онѣ были въ 1879 г., народные представители не могутъ прекратить борьбы противъ аграрнаго протекціонизма“. Тѣмъ не менѣе, тонъ Рихтера звучалъ давно уже не встрѣчавшейся въ его рѣчахъ мягкостью, и вождь свободомыслящихъ призналъ, что въ вопросахъ народнаго образованія и самоуправленія онъ охотно пойдетъ рука объ руку съ Беннигсеномъ, которому можно быть только благодарнымъ за то, что онъ снова готовъ отдать свои замѣчательныя способности на службу либеральной идеѣ. Впечатлѣніе отъ этихъ рѣчей такъ велико въ Берлинѣ, что нѣкоторые выдающіеся органы обѣихъ партій уже говорятъ о поворотѣ въ парламентской исторіи Германіи. Это, во всякомъ случаѣ, слишкомъ оптимистическое сужденіе, но оно доказываетъ, какъ велика тревога и какъ опасаются поворота „въ духѣ Сталя и Генгстенберга“, т. е. пістизма и реакціи конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ.

Предыдущее было написано до засѣданія прусской палаты, обнаружившаго, что основанія закона будутъ приняты палатой безъ существенныхъ измѣненій. Возраженія, приведенныя представителями большинства, касались второстепенныхъ пунктовъ. Министръ народнаго просвѣщенія не могъ скрыть своей радости отъ такого блестящаго результата, и радость его раздѣляютъ всѣ клерикалы. Въ рядахъ образованнаго бюргерства, начиная съ умѣрен-

ныхъ консерваторовъ, которыхъ называютъ партіей посланниковъ, и кончая свободомыслящими, полное уныніе.

Когда консервативный ораторъ, депутатъ фонъ-Бухъ, закончилъ свою безцвѣтную рѣчь заявленіемъ, что онъ говоритъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, по залѣ, за правительственнымъ столомъ и по переполненнымъ галлереямъ прошло то, что парламентскій отчетъ называетъ „движеніемъ“: это не шумъ и не восклицанія, а безмолвный моментъ, при всей своей тишинѣ понятный всякому собранію. Всѣ глядятъ въ лицо другъ-другу, и каждый взглядъ говоритъ: вопросъ рѣшенъ, теперь борьба будетъ только за честь. Чѣмъ меньше надеждъ на спасеніе школы, тѣмъ ожесточеннѣе будетъ борьба. Умѣреннѣйшій изъ умѣренныхъ національ-либераловъ, проф. Энцеерусъ, заявляетъ правительству, что оно возвращается къ худшимъ временамъ реакціи, что оно жертвуетъ не только народными интересами, но и государственнымъ престижемъ. „Вы приносите, — восклицаетъ онъ,—учителя въ жертву нетерпимости, деморализуете его какъ человѣка и дѣлаете его индифферентнымъ къ педагогическимъ успѣхамъ; вы вносите рознь среди дѣтей, сильное недовольство во все населеніе, подкапываете основанія нашей національной культуры“. И когда министръ, настроенный миролюбиво, какъ всѣ побѣдители, выражаетъ свое сожалѣніе, что между нимъ и національ-либералами оказывается „такъ мало точекъ соприкосновенія“, національ-либералы отвѣчаютъ ему хоромъ: „у насъ съ вами вовсе нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія“. Вся палата хохочетъ: это былъ единственный веселый моментъ за весь день.

Рихтеръ, говорившій въ продолженіе двухъ часовъ, имѣлъ на своей сторонѣ не только своихъ политическихъ сторонниковъ, но и всю просвѣщенную Германію. Никогда еще, даже въ эпоху Бисмарка, вождь свободомыслящихъ не обрушивался на правительство съ такой неустрашимой логикой, съ такимъ сарказмомъ и негодованіемъ. Министръ народнаго просвѣщенія утверждалъ, что его проектъ—только послѣдовательное развитіе принципа, вложеннаго въ конституцію и признаннаго даже въ Пруссіи Фридриха Великаго. Между концомъ XIX и XVIII столѣтіемъ слишкомъ большой промежутокъ времени. но и при Фридрихѣ Великомъ, отвѣчаетъ Рихтеръ, въ „Allgemeines Landrecht“ провозглашено начало свободы совѣсти, которое вы, министръ, теперь топчете ногами. „Нынѣшнему министру,— прибавляетъ онъ,—какъ неюристу, могло быть простительно не знать этого, но гдѣ же были его совѣтники? Какъ могли они

допустить въ проектѣ такое выраженіе, какъ „признанныя исповѣданія“, когда наши законы не знаютъ ни признанныхъ, ни непризнанныхъ религіозныхъ обществъ? Что касается конституціи, то мало того, что вы прикрываетесь той изъ ея статей, которая была включена въ самую печальную пору нашей государственной жизни, —вы еще ее искажаете: выраженіе „möglichst“ (по возможности), фактически передѣлывается въ „rücksichtslos“; вы не по возможности охраняете интересы религіи, а подчиняете имъ другіе интересы, государственные, культурные, безъ всякаго вниманія къ потребностямъ гражданъ, къ свободѣ совѣсти учителя. Министръ прикрывается свободой родителей, но что дѣлать теперь сотнѣ тысячъ родителей, которые не стоятъ на церковной точкѣ зрѣнія, что дѣлать диссидентамъ, какъ поступать г. Эгиди (извѣстный реформаторъ въ протестантизмѣ) и его друзьямъ, если они хотятъ воспитывать своихъ дѣтей въ народной школѣ?“ Рихтеръ цѣлымъ рядомъ цитатъ доказываетъ консерваторамъ, что, выступая теперь въ защиту проекта, они радикально измѣняютъ свои взгляды на отношенія государства къ церкви. „Но развѣ на васъ,—прибавляетъ ораторъ, —когда-нибудь можно расчитывать въ такихъ вопросахъ, какъ свобода совѣсти? Вы напоминаете мнѣ мужиковъ реформаціи, которые мѣняли свою вѣру по примѣру своего господина“. Составляя уже сама по себѣ величайшій актъ реакціи, ломка народной школы въ послѣдовательномъ своемъ осуществленіи должна перевернуть вверхъ дномъ все общественное устройство: отъ конфессіональной школы одинъ шагъ къ подчиненію духовенству средняго и высшаго образованія... Да, чтобы быть послѣдовательными, — восклицаетъ Рихтеръ,—вы и армію должны раздѣлить по исповѣданіямъ“. Отсюда Рихтеръ переходитъ къ самому больному для правительства пункту— къ раздору, вызванному школьнымъ вопросомъ среди самого министерства. Вчера только газеты сообщали, что императоръ болѣе 3-хъ часовъ провелъ у министра народнаго просвѣщенія, куда призванъ былъ и Микель, а „Köllnische Zeitung“ огласила, будто Микель уже подалъ просьбу объ отставкѣ, но по настоянію императора отложилъ свое рѣшеніе до созыва комиссіи. Намекая на эти событія, Рихтеръ спрашиваетъ: „кто теперь у насъ правительство, гдѣ вашъ порядокъ? Камни, кажется, пришли въ движеніе, одинъ старается удержаться на мѣстѣ, другой слетитъ—и это называютъ порядкомъ и единствомъ! Я боюсь, чтобы намъ, либераламъ, не пришлось теперь создавать партіи порядка *(бурные аплодисменты)*. Соціалъ-демократіи вы такими законами не уничто-

жите, а только создадите борьбу между партіями, стоящими на почвѣ нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, тогда какъ въ интересѣ всѣхъ насъ—избѣгать этой борьбы и дѣйствовать на народныя массы не затемненіемъ, а просвѣщеніемъ". Рихтеръ закончилъ свою рѣчь словами: „Если правительству въ союзѣ съ клерикалами и реакціонерами удастся провести законъ о народной школѣ, мы соединимся съ національ-либералами и будемъ до тѣхъ поръ будить народъ, пока онъ не похоронитъ вашего злосчастнаго произведенія. Это тоже будетъ культуръ-камифъ, но въ самомъ истинномъ и благородномъ значеніи этого слова".

III.

Берлинъ, 28 января 1892 г.

Нѣмецкій профессоръ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ—умѣренный консерваторъ или національ-либералъ. Люди, какъ Вирховъ или Моммзенъ, примыкающіе къ либерализму болѣе рѣшительной окраски, составляютъ теперь исключеніе и попадаются преимущественно среди стариковъ, пережившихъ событія 1848 г. и видѣвшихъ собственными глазами всю прелесть дореформенной Пруссіи. Если вы спросите, чему приписать крайнюю умѣренность нынѣшняго нѣмецкаго профессора,—то придется отвѣтить, что тутъ играютъ роль условія занятій, обстановка, наклонность къ квіетизму. Въ тѣсную академическую сферу борьба мнѣній, интересовъ и нужды проникаетъ значительно смягченной, а наклонность взвѣшивать на каждомъ шагу новое положеніе и обсуждать всѣ мотивы, говорящіе за и противъ,—эта прекрасная научная черта, въ политикѣ сводится къ тому, что̀ принято называть сидѣніемъ между двумя стульями. Нѣкоторую роль въ политической скромности профессора играетъ и національная идея. Университеты десятки лѣтъ были носителями объединенія и до сихъ поръ еще не могутъ прійти въ себя отъ восторга, что имъ удалось получить такой сильный и прекрасный фатерландъ.

Все это къ тому, чтобы вамъ было понятно, какъ глубоко теперь впечатлѣніе отъ профессорскихъ протестовъ противъ ломки народной школы. Они съ каждымъ днемъ учащаются и серьезно уже пугаютъ клерикально-консервативныхъ друзей, окружающихъ министра народнаго просвѣщенія. Сначала противъ передачи школы духовенству выступили національ-либеральные профессора Эшеце-русъ и Фридбергъ въ палатѣ; это еще никого не удивляло, такъ

какъ они говорили въ качествѣ депутатовъ. Вирховъ — тотъ совсѣмъ не идетъ въ счетъ, потому что отъ него правительство привыкло выслушивать заявленія и порѣзче. Движеніе, однако, не ограничилось парламентомъ. Умѣренный консерваторъ проф. Дельбрюкъ, бывшій воспитателемъ въ домѣ императора Фридриха, подверъ затѣю графа Цедлица рѣзкой критикѣ въ „Preussische Jahrbücher“ и, не довольствуясь печатнымъ осужденіемъ, выступилъ еще съ филиппикой на народномъ собраніи въ Іенѣ. Вслѣдъ за нимъ проф. Бейшлагъ категорически осудилъ подчиненіе школы церкви съ точки зрѣнія вѣрующаго протестанта и теолога. Прошло нѣсколько дней,—и въ Бреславлѣ появляется брошюра проф. Феликса Дана. Страстная, дышащая глубокимъ негодованіемъ, она широко расходится въ публикѣ и производитъ тѣмъ большую сенсацію, что вылилась изъ-подъ пера пѣвца Гогенцоллерновъ, патріотизмъ и лояльность котораго внѣ всякихъ сомнѣній. Оффиціозный органъ Каприви „Nordd. Allg. Zeitung“ пришелъ въ отчаяніе отъ этого протеста и только могъ излить свои чувства въ жалобахъ: „Ужъ эти профессора! Они только способны подливать масла въ огонь! Сидѣли бы себѣ за своими книгами и не вмѣшивались бы въ политику“.—Мы бы охотно сидѣли смирно,— въ отвѣтъ на это заявляютъ сегодня *102 профессора изъ Галле*,— но ваша затѣя представляетъ такую страшную опасность для всей нашей культуры, что молчать теперь—преступленіе.

Вы легко поймете, какой эффектъ производитъ обнародованный протестъ цѣлаго университета, облеченный въ форму петиціи палатѣ. Всѣ профессора университета Галле, кромѣ 2 теологовъ, числомъ 102, протестанты, католики и евреи, съ ректоромъ во главѣ, умоляютъ парламентъ—не допустить, чтобы проектъ, жертвующій всѣмъ, что дорого образованному человѣку, сталъ закономъ. Мы согласны съ конституціей,— говорятъ профессора,—которая предписываетъ, чтобы народная школа, по возможности, соображалась съ условіями исповѣданій, и даже идемъ такъ далеко въ уступкахъ церкви, что не споримъ противъ принципа конфессіональности. Пусть въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ будутъ школы для католиковъ и школы для лютеранъ,— но зачѣмъ же умышленно доводить это, во всякомъ случаѣ не вѣчное, раздѣленіе до крайностей, зачѣмъ не допустить также смѣшанную школу? Мы не споримъ и противъ того, чтобы государство для своихъ цѣлей пользовалось содѣйствіемъ церкви, но никогда мы не согласимся съ тѣмъ, чтобы идеи и тенденціи духовенства стали руководящими въ нашихъ школахъ,

что, другими словами, значитъ, чтобы онѣ разрушили единство нашего національнаго воспитанія и извратили цѣли образованія. Что́ можетъ быть, далѣе, превратнѣе системы, доходящей до принудительнаго ученія правилъ религіи для дѣтей-диссидентовъ и лицъ, стоящихъ внѣ церкви? Вѣрующіе родители будутъ возмущены въ своихъ самыхъ святыхъ чувствахъ, а невѣрующіе сумѣютъ парализовать въ дѣтяхъ вліяніе законоучителя. Перечисливъ затѣмъ вліяніе новаго проекта на нравственность учителя, на развитіе школъ въ городахъ и на отношеніе между государствомъ и религіозными обществами, петиція заканчивается словами: „Проектъ о народныхъ школахъ отдаетъ народное образованіе такимъ элементамъ, надъ педагогическимъ талантомъ которыхъ исторія уже произнесла свой приговоръ... Кто ломаетъ школу, тотъ подтачиваетъ въ корнѣ наше національное и культурное развитіе. Мы просимъ высокую палату депутатовъ предохранить нашу страну отъ грозящей ей бѣды“.

Увѣряютъ, что на призывъ изъ Галле уже откликнулись и другіе университеты. Это сверху. А снизу — народныя собранія, устраиваемыя сотнями по всей Германіи. Въ „Тиволи“ Бебель говорилъ вчера на ту же тему предъ 5,000 рабочими, и въ это время въ другомъ концѣ города бюргеры слушали свободомыслящаго оратора, говорившаго также о школѣ. Со столбовъ съ афишами отчетливо выдѣляются приглашенія на митинги. На одномъ изъ нихъ крупными буквами выдѣляются слова „Cultus oder Cultur?“ Они ясно опредѣляютъ смыслъ всей этой борьбы.

IV.

Берлинъ, 26 мая 1892 г.

Почти ежегодно народные учителя Германіи собираются на конгрессъ, цѣлью котораго является объединеніе школьныхъ задачъ, сближеніе между людьми, посвятившими себя воспитанію дѣтей, и обсужденіе выдающихся вопросовъ, выдвигаемыхъ измѣняющимися условіями народной жизни. Успѣхи школы въ Германіи были бы немыслимы безъ такого коллективнаго учрежденія. Конгрессъ, сближающій тысячи скромныхъ педагоговъ, даетъ возможность учителю глухой деревни познакомиться съ новыми пріемами преподаванія и воспользоваться опытомъ или идеями своихъ выдающихся товарищей. Не въ одной формѣ періодическихъ съѣздовъ выражается, впрочемъ, коллективная дѣятельность народ-

ныхъ учителей Германіи. Каждый большой городъ, каждый уѣздъ имѣетъ свое учительское общество, Lehrerverein, въ которомъ обсуждаются какъ общіе вопросы воспитанія, такъ и мѣстныя нужды учителя, и куда каждый можетъ обратиться за совѣтомъ, поддержкой или съ сообщеніемъ о своихъ наблюденіяхъ. Разбросанныя по всѣмъ угламъ Германіи, учительскія общества находятъ въ центральномъ обществѣ, Deutscher Lehrerverein, и въ конгрессѣ (Lehrertag) высшее совѣщательное учрежденіе. На періодическихъ съѣздахъ дѣятели народнаго образованія въ тѣсномъ смыслѣ сходятся также со своими товарищами изъ высшихъ школъ, учителями гимназій и профессорами университетовъ.

Нынѣшній, конгрессъ происходилъ въ университетскомъ городѣ Галле и привлекъ около 2,000 участниковъ; изъ нихъ 1,900— делегаты отъ 1,300 учительскихъ Обществъ, къ которымъ принадлежатъ болѣе 70,000 народныхъ учителей. Отъ имени городского самоуправленія собравшихся привѣтствовалъ оберъ-бургомистръ города; университетъ былъ представленъ на собраніи многими выдающимися профессорами, изъ которыхъ двое (географъ Карлгофъ и проф. Ренкъ) читаютъ рефераты изъ своей спеціальной области. Надъ трибуной для ораторовъ, убранной тропическими растеніями, прибиты на транспарантѣ слова Коменскаго: „Es darf nicht eher nachgelassen werden, bis das Werk vollbracht ist“. Великому педагогу, память котораго въ нынѣшнемъ году чествовали во всей Европѣ, посвящена была и первая рѣчь на конгрессѣ: учителя чествовали Коменскаго не только какъ замѣчательнаго педагога, но и какъ противника узко-церковнаго характера школы, какъ апостола мира и согласія между различными исповѣданіями, какъ реформатора, „дѣятельность и личность котораго можетъ служить протестомъ противъ реакціонеровъ, пытающихся исказить въ Пруссіи народную школу“. Это откликъ недавно пережитой борьбы, въ которой поставлено было на карту существованіе школы и народнаго учителя. „Тяжелые дни пережиты нами,— говорилъ также предсѣдатель конгресса,—и мы не забудемъ императору, что въ критическую минуту онъ своимъ вмѣшательствомъ положилъ конецъ попыткѣ, угрожавшей понизить нѣмецкую культуру“.

Главнымъ предметомъ сужденія конгресса была тема: „Всеобщая народная школа въ связи съ соціальнымъ вопросомъ“. Докладчикъ, инспекторъ народныхъ школъ Шереръ, прежде всего далъ очеркъ историческаго развитія идеи всеобщей школы или школы для всѣхъ, начиная съ эпохи Коменскаго и до нашихъ дней. Въ Гер-

маніи эта идея стала принимать практическій характеръ въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху войны за освобожденіе. Фихте требовалъ, чтобы всѣ дѣти одинаково получали доступъ къ образованію, а Сиверинъ включилъ такое требованіе даже въ прусское законодательство. Реакція послѣ 48 года направила однако прусскую школу на другіе пути, и вмѣсто того, чтобы приблизиться къ объединенію народнаго образованія, прусское школьное вѣдомство стало все больше сокращать школьныя программы въ народныхъ училищахъ, увеличивая въ то же время курсы въ школахъ для богатыхъ дѣтей. При министрахъ Мюллерѣ и Бетманъ-Гольвегѣ введены были такъ-называемыя Vorschulen, школы съ самымъ скуднымъ курсомъ, и проведено было раздѣленіе дѣтей по исповѣданіямъ, несмотря на энергичные протесты такихъ педагоговъ, какъ Дистервегъ. Теперь, благодаря счастливой случайности и роноту въ народѣ, удалось отбить новую атаку церковной нетерпимости, но и при настоящихъ условіяхъ, — замѣчаетъ ораторъ, — школа далеко не удовлетворяетъ требованіямъ, которыя все настойчивѣе предъявляются милліонами населенія.

Нѣмецкой школѣ въ послѣдніе годы неоднократно желали навязать роль въ борьбѣ противъ роста соціалъ-демократіи. Говорили, что если не начинать борьбы съ соціалистическими идеями въ то время, когда дѣти рабочихъ еще доступны поученію, то всякая надежда остановить ростъ радикальныхъ идей въ рабочихъ массахъ будетъ тщетна. Но какъ начинать такую борьбу уже на школьной скамьѣ?—спрашивали народные учителя. Имъ сначала отвѣчали, что въ программу народной школы слѣдуетъ ввести преподаваніе элементарныхъ положеній политической экономіи и что они, народные учителя, должны внушить дѣтямъ представленіе о соціалъ-демократіи, какъ о партіи вредной, ложной и разрушающей отечество. Уже на прошлыхъ конгрессахъ вопросъ этотъ подвергался обсужденію, и огромное большинство учителей, точно также какъ и всѣ здравомыслящіе педагоги и родители, пришли къ заключенію, что такимъ путемъ школа только внесетъ путаницу понятій въ умы и вызоветъ острые конфликты. Въ народныхъ школахъ учатся десятки тысячъ дѣтей, которымъ пришлось бы внушить ненависть къ ихъ собственнымъ отцамъ, и, конечно, эти отцы, съ своей стороны, парализовали бы всѣ анти-соціалистическія попытки учителей. Да и кромѣ того, основы политической экономіи въ народной школѣ сами по себѣ были бы тенденціозны и недоступны пониманію ребенка.

Положительныя предложенія, сдѣланныя докладчикомъ конгрессу, сводятся къ слѣдующимъ тезисамъ: 1) школа можетъ содѣйствовать разрѣшенію соціальнаго вопроса тѣмъ, что она дастъ всѣмъ дѣтямъ возможность развить свои физическія, умственныя и нравственныя силы и воспитаетъ поколѣніе, одушевленное любовью къ ближнему и къ своей родинѣ и свободное отъ сословныхъ и другихъ предразсудковъ; 2) только та школьная организація ведетъ къ этой цѣли, которая для дѣтей всѣхъ сословій знаетъ одинаковую элементарную школу и которая устанавливаетъ органическую связь между всѣми ступенями образованія.

Изъ этихъ общихъ, основныхъ положеній референтъ выводитъ нѣсколько конкретныхъ требованій: городскія общества должны реформировать среднія школы такимъ образомъ, чтобы народная школа была къ нимъ необходимымъ преддверіемъ; существующія теперь стипендіи для бѣдныхъ дѣтей, открывающія способнымъ дѣтямъ доступъ къ высшему знанію, должны быть во много разъ увеличены и т. д.

Если дѣти богатыхъ и образованныхъ родителей,—прибавляетъ Шереръ,—будутъ воспитываться въ одной школѣ съ дѣтьми рабочихъ, они ближе будутъ другъ другу въ жизни, и самая школа станетъ лучше. „Мы, нѣмцы,—восклицаетъ онъ,—гордимся своимъ объединеніемъ, но развѣ у насъ теперь уже можно говорить объ единствѣ культуры?“

Въ послѣднихъ словахъ, несомнѣнно, лежитъ очень глубокій смыслъ. Едва ли предложеннымъ здѣсь путемъ можно будетъ достигнуть разрѣшенія соціальнаго вопроса, такъ какъ источникъ послѣдняго кроется не только въ условіяхъ воспитанія, но и въ экономическихъ причинахъ. Несомнѣнно однако, что единственное, что школа теперь можетъ сдѣлать, это—смягчить будущую борьбу, и ничто дѣйствительно такъ не содѣйствуетъ взаимному пониманію, какъ воспитаніе на одной и той же школьной скамьѣ.

V.

Берлинъ, 2 Іюля 1892 г.

Въ свое время я отмѣтилъ крупное нововведеніе въ организаціи статистики труда въ Германіи, выразившееся учрежденіемъ, рядомъ съ имперскимъ и прусскимъ статистическимъ бюро, особой комиссіи по рабочей статистикѣ. Первый трудъ комиссіи относится къ узкой, но очень заброшенной группѣ рабочихъ: это булочные под-

мастерья и ученики. Бебель года три тому назадъ обнародовалъ статистическое изслѣдованіе о положеніи рабочихъ въ хлѣбныхъ пекарняхъ, вызвавшее сильную сенсацію; не только авторъ изслѣдованія и его сторонники, но и значительное большинство противниковъ соціалъ-демократіи высказывали убѣжденіе, что ни въ какой другой профессіи положеніе наемнаго труда не такъ ужасно, какъ въ булочныхъ. Подъ вліяніемъ труда Бебеля возникло и въ средѣ новой комиссіи желаніе начать изслѣдованіе условій труда въ столь дурно поставленномъ ремеслѣ.

Предъ нами пока только тѣ результаты новаго изслѣдованія, которые добыты относительно *продолжительности труда* въ пекарняхъ. Опросъ происходилъ въ 398 мѣстахъ и 5,347 заведеніяхъ: послѣдняя цифра предпріятій, съ болѣе 14,000 рабочими, составляетъ около 10% всѣхъ булочныхъ Германіи, а такъ какъ среди 398 мѣстъ, въ которыхъ произведено изслѣдованіе, находятся и большіе города, и незначительныя мѣстечки, то результаты статистики довольно близко подходятъ къ дѣйствительнымъ условіямъ во всей странѣ. Что еще болѣе внушаетъ довѣріе къ труду комиссіи, это то, что онъ основывается въ равныхъ частяхъ на показаніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Изъ 5,347 показаній—2,758 даны хозяевами и 2,589 подмастерьями. На основаніи этихъ данныхъ полученъ былъ слѣдующій результатъ: по заявленіямъ хозяевъ, въ 59% всѣхъ предпріятій работа продолжается не болѣе 12 часовъ, въ 28%—отъ 12 до 14 час., въ 9%—отъ 14 до 16 час., въ 2%—отъ 16 до 18 и въ 0,4%—болѣе 18 час. Если такая продолжительность труда уже достаточно мрачно рисуетъ положеніе рабочихъ, то, по показаніямъ послѣднихъ, дѣйствительность еще мрачнѣе: они утверждаютъ, что не болѣе 12 час. работаютъ только 47%, отъ 12 до 14—28% и 14—16 часовъ—болѣе 17%. Изъ сопоставленія тѣхъ и другихъ показаній, во всякомъ случаѣ, вытекаетъ одно: что только въ половинѣ всѣхъ предпріятій продолжительность труда не составляетъ крайней эксплоатаціи человѣческихъ силъ. Бебель въ своемъ изслѣдованіи утверждалъ, что только четверть всѣхъ булочныхъ подмастерьевъ работаетъ не болѣе 12 час., тогда какъ преобладающее большинство изо дня въ день остается при работѣ 14—15 час.

Комиссія труда не ограничила своего изслѣдованія опросомъ относительно рабочаго времени, а обратила также вниманіе на жилищныя условія въ булочныхъ, на постановку ученичества и на распространеніе въ булочныхъ машинъ и другихъ техническихъ

приспособленій. Результаты по этимъ вопросамъ также будутъ обнародованы.

Нѣсколько дней тому назадъ въ Германіи повсемѣстно осуществлена одна изъ симпатичнѣйшихъ реформъ, какую удалось провести законодательству за послѣдніе годы въ интересахъ милліоновъ тружениковъ: съ 1-го іюля нов. ст. вступаютъ въ силу постановленія о воскресномъ отдыхѣ въ торговыхъ предпріятіяхъ. Во многихъ городахъ Германіи уже раньше существовали мѣстныя постановленія о воскресной торговлѣ, но они преимущественно касались соблюденія внѣшней тишины во время богослуженія и очень мало ограждали дѣйствительные интересы приказчиковъ и рабочихъ, тогда какъ новымъ закономъ въ болѣе широкой степени предусмотрѣна потребность трудящихся массъ въ отдыхѣ. На фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ работы по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ вовсе будутъ запрещены съ конца нынѣшняго года, въ торговыхъ же заведеніяхъ съ 1-го іюля можно торговать по праздникамъ не болѣе 5 часовъ въ день. Въ послѣднемъ отношеніи законъ предоставилъ органамъ самоуправленія право опредѣлять, согласно мѣстнымъ условіямъ, въ какіе часы конторы и лавки могутъ быть открыты, съ тѣмъ лишь, чтобы торговля продолжалась не болѣе 5 часовъ. Въ то же время органы самоуправленія имѣютъ право уменьшать число дозволенныхъ часовъ и даже вовсе запрещать воскресныя занятія. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ: въ Нюренбергѣ, Франкфуртѣ, Дрезденѣ и мн. др. городскія Думы воспользовались своимъ правомъ и сократили воскресную торговлю до 3—4 часовъ въ день. Весьма вѣроятно, что, подъ давленіемъ организованныхъ обществъ служащихъ въ торговлѣ, большинство городовъ постепенно сведетъ воскресную торговлю до крайняго минимума, допустивъ ее лишь въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ полное запрещеніе торговать можетъ быть вредно для массы покупателей. Приказчики въ Германіи теперь превосходно организованы и съ большой настойчивостью добиваются улучшенія условій своего существованія. Только на этой недѣлѣ въ Кельнѣ состоялся съѣздъ приказчичьихъ обществъ, насчитывающихъ болѣе 100,000 членовъ. Кромѣ вопроса о воскресномъ отдыхѣ, на кельнскомъ съѣздѣ дебатировался вопросъ о поднятіи заработковъ и объ уравненіи правъ хозяевъ и приказчиковъ относительно сроковъ найма, расторженія договора и постановки ученичества. Правительство очень внимательно относится съ нѣкотораго времени къ жалобамъ, исходящимъ изъ среды тружениковъ торговли. На съѣздѣ въ Кельнѣ

приказчиковъ привѣтствовалъ одинъ изъ крупныхъ чиновниковъ министерства торговли, посланный изъ Берлина министромъ, чтобы выслушать дебаты на съѣздѣ. Точно также комиссія статистики труда намѣтила для своихъ изслѣдованій положеніе наемныхъ служащихъ въ торговыхъ предпріятіяхъ. Сами приказчики, сознавая значеніе точнаго статистическаго изслѣдованія, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ приступили къ собиранію свѣдѣній о заработной платѣ въ своей профессіи, частью уже обнародованныхъ въ франкфуртскомъ и магдебургскомъ органахъ приказчиковъ. Пусть васъ не удивляетъ послѣднее выраженіе: какъ всѣ большія корпораціи, приказчичьи Общества въ Германіи имѣютъ и свои собственныя профессіональныя газеты.

VI.

Берлинъ, 3 октября 1892 г.

Въ Гліонѣ, надъ Женевскимъ озеромъ, сегодня сошелъ въ могилу одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ людей эпохи 48 года и эры Бисмарка въ Германіи. Сопоставленіе этихъ противоположныхъ моментовъ въ исторіи политической и соціальной жизни звучитъ очень странно, но въ Лотарѣ Бухерѣ очень многое странно, многое поражаетъ своими крайними скачками, и, тѣмъ не менѣе, фигура его остается не только одной изъ очень интересныхъ, но и выпуклыхъ, правда, не въ обыкновенномъ смыслѣ: онъ не стоялъ на авансценѣ, но съ его именемъ связаны выдающіяся явленія послѣднихъ 30 лѣтъ.

Если называютъ имя Бухера, то въ памяти прежде всего встаютъ его отношенія къ Фердинанду Лассалю. Когда знаменитый агитаторъ поднялъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ рабочее движеніе, Бухеръ былъ одинъ изъ первыхъ, понявшихъ огромное значеніе совершающагося поворота. Подобно Беку, онъ увидѣлъ въ Лассалѣ не демагога, а мыслителя и бойца; но онъ пошелъ еще дальше и не ограничился симпатіей къ личности народнаго дѣятеля, а съ пониманіемъ и сочувствіемъ отнесся къ его идеѣ, къ его взглядамъ на экономическую и соціальную роль пролетаріата. Бухеръ тогда не былъ уже первымъ встрѣчнымъ журналистомъ: еще въ 1848 году онъ выдѣлялся въ рядахъ лѣвой и вмѣстѣ съ самыми рѣшительными представителями народа отказался подчиниться реакціи. За свое участіе въ Kampfparlament и за воззваніе къ народу, приглашавшее не платить податей, онъ былъ осужденъ на продолжительное заключеніе и предпочелъ эмигрировать въ Англію. Лондонскія

письма Бухера въ „Nationalzeitung“ сразу обратили на него вниманіе, какъ на выдающагося журналиста и глубокаго, хотя и односторонняго мыслителя. Часть этихъ писемъ появилась въ видѣ отдѣльной книги „Der Parlamentarismus wie er ist“. Это ѣдкая критика средняго сословія и его политическихъ доктринъ, повторяю, очень односторонняя, но полная остроумныхъ мыслей.

Поддержка Бухера, вернувшагося изъ изгнанія незадолго предъ началомъ дѣятельности Лассаля, послѣднему была тѣмъ дороже, что только немногіе изъ мыслящихъ людей понимали цѣли рабочаго движенія, и никто изъ политическихъ дѣятелей съ извѣстнымъ именемъ еще не рѣшался протянуть ему руку. Нужно вспомнить, что это была пора феодальныхъ идей въ верхнихъ слояхъ и торжества Шульце-Делича въ буржуазіи. Лассаля и Бухера сблизили общіе взгляды на доктрины средняго сословія, одинаковая непріязнь къ ликовавшей тогда посредственности и общіе вкусы людей, не идущихъ по шаблонному пути. Бухеръ былъ также посредникомъ между Родбертусомъ и Лассалемъ, съ нимъ Лассаль совѣтовался при первыхъ шагахъ рабочей агитаціи и при составленіи воззванія къ рабочему комитету. Съ политической ролью своего друга Бухеръ не всегда былъ согласенъ, по крайней мѣрѣ онъ никогда не соглашался открыто выступать вмѣстѣ съ Лассалемъ на народныхъ собраніяхъ. Не берусь теперь судить, сказывалась ли здѣсь осторожность или аристократическое презрѣніе къ агитаціи, но на отношенія къ нему Лассаля это не повліяло. Лассаль, умирая, завѣщалъ Бухеру изданіе своихъ сочиненій и свои письма. Мнѣ еще недавно разсказывали въ Берлинѣ, что у Бухера хранятся въ высшей степени цѣнныя замѣтки его знаменитаго друга, которыхъ онъ при своей жизни не рѣшается издать.

Вскорѣ послѣ смерти Лассаля произошло сближеніе Бухера съ Бисмаркомъ. Это было въ самый разгаръ прусскаго конфликта, когда прогрессисты и даже скромные либералы, вродѣ Гнейста, предлагали предать министра-президента суду за нарушеніе конституціи. Бухеръ, стоявшій тогда въ сторонѣ отъ политической борьбы, обратился въ министерство юстиціи за разрѣшеніемъ устроиться въ Берлинѣ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго. Бисмаркъ узналъ объ этомъ, пригласилъ Бухера къ себѣ, напомнилъ ему о своихъ отношеніяхъ къ Лассалю и въ заключеніе предложилъ мѣсто директора въ министерствѣ. Когда въ Берлинѣ узнали, что Бисмаркъ принялъ въ министерство бывшаго эмигранта и друга Лассаля, вся независимая печать обрушилась и на министра, и въ особен-

ности на отщепенца. Самъ Бухеръ мотивировалъ свой поступокъ согласіемъ съ Бисмаркомъ въ національномъ и экономическомъ вопросахъ. Участію Бухера въ министерствѣ приписываютъ осуществленіе всеобщаго избирательнаго права, основного политическаго требованія Лассаля, и поворотъ на путь соціальной политики, наступившій съ конца 70-хъ годовъ.

Болѣе 20-ти лѣтъ Бухеръ пробылъ въ министерствѣ, не занимая очень виднаго положенія, но оставаясь ближайшимъ совѣтникомъ канцлера. Въ Берлинѣ его называли правой рукой и перомъ Бисмарка. Ему, напр., принадлежитъ текстъ извѣстнаго посланія Вильгельма I рейхстагу по рабочему вопросу, дѣйствительно замѣчательнаго по стилю и по новизнѣ мыслей въ такого рода произведеніяхъ. Кто говорилъ раньше о томъ, что „государство — не учрежденіе для имущихъ“? Нѣкоторыя характерныя выраженія въ рѣчахъ и оффиціальныхъ нотахъ Бисмарка также заимствованы имъ у его долголѣтняго собесѣдника и совѣтника. Въ послѣдніе годы желѣзнаго режима Бухеру стало, однако, душно въ имперской канцеляріи, и онъ ушелъ на покой. Только когда Бисмаркъ очутился въ опалѣ, Бухеръ вернулся въ Фридрихсруэ: говорятъ, что онъ былъ занятъ составленіемъ мемуаровъ павшаго канцлера.

Въ общемъ, не очень симпатичная, но не заурядная фигура: однимъ выдающимся умомъ меньше, а выдающихся людей въ Германіи теперь мало. Лотаръ Бухеръ умеръ на берегу того же Женевскаго озера, гдѣ палъ почти 30 лѣтъ тому назадъ его другъ, Фердинандъ Лассаль.

VII.

Берлинъ, 4 октября 1892 г.

Реформа подоходнаго налога, осуществленная прусскимъ министромъ финансовъ Микелемъ, теперь уже закончена, и въ „Reichsanzeiger'ѣ“ вчера опубликованы результаты за первый годъ ея примѣненія. Прусскій министръ Микель построилъ свою реформу на двухъ главныхъ положеніяхъ: во-1-хъ, налоги на богатые доходы, со включеніемъ доходовъ акціонерныхъ предпріятій, значительно увеличены, тогда какъ доходамъ ниже 3,000 марокъ въ годъ сдѣланы нѣкоторыя льготы, и во 2-хъ, каждый плательщикъ обязанъ подъ страхомъ большого штрафа точно показать размѣръ своего дохода, въ то время какъ прежде доходы приблизительно опредѣлялись оцѣночными комиссіями.

Опубликованные теперь результаты дают блестящее оправданіе попыткѣ прусскаго министра. Когда онъ внесъ свой проектъ въ палату, представители капиталистическихъ интересовъ предсказывали ему полное фіаско: вы только безразсудно шатаете финансовую систему,—говорили они министру: вашъ проектъ не дастъ лишняго гроша государству и только напрасно вызоветъ тревогу въ населеніи. Эти угрозы, правда, стали затихать уже вскорѣ послѣ того, какъ новую форму подоходнаго налога начали вводить въ жизнь, но критикамъ Миккеля и даже его сторонникамъ не грезилось, чтобы опытъ далъ такіе блестящіе результаты, какіе обнаружились теперь. Блестящими я ихъ называю не только потому, что доходы государства увеличились на 45 милліоновъ въ годъ, но и потому, что этотъ излишекъ получается благодаря самой справедливой нормѣ распредѣленія налоговъ, какую только можно при настоящихъ условіяхъ желать въ финансовой системѣ.

Если гдѣ-либо цифры не сухи, то это въ настоящемъ случаѣ, когда за каждымъ ариѳметическимъ разсчетомъ скрывается крупный общественный фактъ, и цифра лучше и короче выяснитъ общественныя отношенія, чѣмъ это можетъ сдѣлать длинное разсужденіе. Что можетъ быть характернѣе такихъ данныхъ, какъ то, напр., что изъ 29,895,224 прусскаго населенія 20,945,227 принадлежатъ къ семействамъ, доходы которыхъ не достигаютъ 900 марокъ (около 450 р. по курсу) и потому не подлежатъ подоходному налогу? Или что наверху общественной лѣстницы стоятъ 23 плательщика съ доходомъ до полутора милліона въ годъ и на самой верхушкѣ 2 плательщика съ доходомъ отъ 5 до 7 милліоновъ у каждаго? Эти двое уплачиваютъ теперь государству 504,000 марокъ въ годъ и, говорятъ, не ропщутъ. При прежней системѣ одному изъ нихъ, правда, удалось скрыть свое колоссальное состояніе, но зато другому, по выраженію одного берлинскаго журналиста, теперь не такъ грустно и одиноко на страшной пирамидальной высотѣ. Я хочу, однако, привести нѣсколько цифръ по порядку, ограничиваясь только тѣми изъ нихъ, которыя освѣщаютъ наиболѣе любопытные общественные факты и въ то же время выясняютъ результаты финансовой реформы.

Мы уже знаемъ, что только меньше трети прусскаго населенія принадлежитъ къ категоріи семействъ съ доходомъ выше 900 марокъ. Но всѣ, однако, $8^1/_2$ милліоновъ (изъ 29,9 милл. всего населенія) привилегированныхъ уплачиваютъ подоходный налогъ: въ этой цифрѣ и женщины, не зарабатывающія отдѣльно, и дѣти,

тогда какъ налогъ платятъ только глава семьи и тѣ изъ ея членовъ, которые самостоятельно зарабатываютъ или получаютъ съ капитала, земли и т. д. болѣе 900 марокъ въ годъ. Съ другой стороны, налогу подлежатъ не только живые люди, но также банки, акціонерныя промышленныя предпріятія, то, что на правовомъ языкѣ называютъ юридическими лицами. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ 2,028 юридическими лицами число плательщиковъ налоговъ достигаетъ только около $2^1/_2$ милліоновъ лицъ (2,437,886).

Остановимся прежде всего на этихъ неживыхъ лицахъ, интересныхъ потому, что они представляютъ крупный факторъ въ промышленности и торговлѣ. Эти коллективныя предпріятія,—банки, страховыя общества, рудники, большія фабрики—обладаютъ, по даннымъ прусскаго финансоваго вѣдомства, акціонернымъ капиталомъ слишкомъ въ *4 милліарда марокъ* и, по средней доходности за послѣдніе годы, получаютъ *около 332 милліоновъ прибыли въ годъ*. Всякій экономистъ знаетъ, какъ важно установленіе уже одного такого факта, и всякій справедливый человѣкъ согласится, что министръ финансовъ, обратившій вниманіе на эти категоріи дохода, платившія прежде промысловые, но не подоходные налоги, поступаетъ справедливо и разумно. Налогъ, которымъ Микель теперь обложилъ акціонерныя предпріятія, составляетъ 10 милліоновъ (10,056,743) марокъ въ годъ.

Если мы обратимся къ отдѣльнымъ, живымъ плательщикамъ, то мы встрѣтимся съ не менѣе интересными цифрами. Всѣ 2,435,000 плательщиковъ подоходнаго налога располагали вмѣстѣ ежегоднымъ доходомъ въ $5^3/_4$ милліарда (5,724,323,767) марокъ; но какъ далеко положеніе каждаго отдѣльнаго отъ идеальной средней цифры! Въ то время какъ къ категоріи „до 3,000 марокъ въ годъ“, т. е. къ мелкому, полу-зажиточному или еле зажиточному контингенту людей относятся болѣе 2 милліоновъ лицъ, или болѣе 86% всѣхъ плательщиковъ, 316,000 или съ небольшимъ 13% всѣхъ плательщиковъ получаютъ болѣе 3,000 въ годъ. Что, однако, заслуживаетъ вниманія, это то, что эти 13% пользуются половиной всѣхъ подлежащихъ налогу доходовъ, или, другими словами: тѣ, которые принадлежатъ къ привилегированной категоріи, въ среднемъ пользуются въ 5 разъ большимъ доходомъ, чѣмъ непривилегированное большинство. Не забудемъ, что и послѣднее въ данномъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ истинныхъ бѣдняковъ: вѣдь болѣе $^2/_3$ населенія вообще не попало въ этотъ разсчетъ, какъ не имѣющее дохода даже въ 900 марокъ въ годъ. Тѣ 13%, которые въ совокупности пользуются

почти 3-мя милліардами въ годъ, въ свою очередь, представляютъ тоже большія различія: значительное большинство состоятельныхъ имѣютъ доходъ до 9,500 марокъ; только 1,660 человѣкъ имѣютъ въ годъ отъ 48 до 60 тысячъ; 700 получаютъ отъ 120 до 200 тысячъ, и такъ пирамида постоянно суживается до той верхушки съ 2 крезами, о которой мы уже упоминали. Если вы спросите, изъ какого источника текутъ большіе доходы, то статистика прусскаго министра вамъ отвѣтитъ, что доходы отъ „капитала“ (денежнаго) достигаютъ 912 милліоновъ въ годъ, отъ поземельной ренты—755 милліоновъ, отъ торговли—982 милліона. За что министру нужно быть въ особенности благодарнымъ, это за проведенное имъ принужденіе не скрывать размѣра дохода. Я не могу входить въ детали, но одинъ фактъ вамъ ясно покажетъ значеніе послѣдней реформы: кромѣ тѣхъ 10 милліоновъ, которые Микель взялъ съ акціонеровъ, болѣе 25 новыхъ милліоновъ получены имъ съ высокихъ доходовъ, умѣвшихъ прежде укрываться. Нынѣшнія цифры въ сравненіи съ прошлогодними показываютъ, что владѣльцы высокихъ доходовъ, то привилегированное большинство, которое мы только-что познали, раньше скрывали отъ налога *цѣлый милліардъ доходовъ*! Надо думать, что кое-что ему удалось еще скрыть и теперь.

Боюсь утомить васъ цифрами, но одинъ фактъ я еще долженъ привести: это распредѣленіе прусскихъ доходовъ между городомъ и деревней. Изъ 2,435,000 лицъ, платящихъ подоходный налогъ, почти полтора милліона живутъ въ городахъ и только 1 милл. въ деревнѣ. По размѣру доходовъ разница, однако, гораздо еще значительнѣе: на городскихъ жителей приходится безъ малаго 4 милліарда въ годъ, тогда какъ сельскому населенію достается меньше 2 милліардовъ. Средній доходъ горожанина, такимъ образомъ, равняется 2,750 марокъ въ годъ, тогда какъ сельскій плательщикъ въ среднемъ имѣетъ только 1,800 марокъ. Это, конечно, только абстрактная средняя; у кн. Бисмарка, живущаго въ деревнѣ, доходъ большій и у владѣльцевъ восточно-прусскихъ латифундій тоже, но зато десятки или сотни тысячъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ и арендаторовъ довольствуются 900—1,000 марками. Сельскихъ рабочихъ, какъ и большинства городского пролетаріата, повторяю, въ этой статистикѣ вообще нѣтъ: они стоятъ еще за рубежомъ 900 марокъ.

Наиболѣе бѣднымъ, оказывается, конечно, польскій край Пруссіи. Городъ Берлинъ не щеголяетъ особымъ богатствомъ: на каждаго

жителя въ среднемъ приходится 2,932 марки. Самые богатые сельскіе жители живутъ на Рейнѣ: въ округѣ Кельна средній доходъ 3,280 марокъ. Богатѣйшими городами по этой статистикѣ оказываются Дюссельдорфъ, Висбаденъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ. На каждаго франкфуртскаго жителя приходится въ среднемъ вдвое больше дохода (5,916), чѣмъ на „средняго" жителя Берлина.

Вы согласитесь, пробѣжавъ эти цифры, что разумная финансовая система находитъ средства тамъ, гдѣ ихъ справедливѣе всего взять. Это причина успѣха прусской реформы, бросающей еще къ тому же свѣтъ на соціальныя условія страны.

VIII.

Берлинъ, 2 ноября 1892 г.

Сессія прусской палаты, объ открытіи которой вамъ сообщилъ телеграфъ, въ нынѣшнемъ году почти исключительно посвящена финансовымъ мѣропріятіямъ. Рѣчь министра-президента при открытіи ландтага, въ виду этого, носитъ характеръ введенія къ реформѣ налоговъ и скорѣе напоминаетъ рѣчи представителя финансоваго вѣдомства, чѣмъ общую программу главы министерства. Несмотря на узкіе предѣлы нынѣшней сессіи, она представляетъ выдающійся интересъ по характеру финансовыхъ реформъ, которыми теперь задались въ Пруссіи. Сущность ихъ состоитъ не въ измышленіи новыхъ податей, а въ стремленіи къ утвержденію и упорядоченію системы прямыхъ налоговъ и къ созданію равновѣсія между государственными и мѣстными налогами.

Мнѣ приходилось обращать вниманіе на одну изъ основныхъ статей всей программы Микеля — на реформу подоходнаго налога, давшую уже блестящіе результаты въ Пруссіи. Очень часто новые милліоны въ доходномъ бюджетѣ достигаются уничтоженіемъ источниковъ народнаго богатства или пониженіемъ уровня благосостоянія массы населенія; но въ Пруссіи этого не было: новые милліоны поступили съ тѣхъ доходовъ, которые принадлежатъ къ категоріи высокихъ или достаются акціонерамъ промышленныхъ предпріятій; положеніе мелкаго и средняго плательщика не ухудшилось, а скорѣе улучшилось.

Въ настоящей сессіи прусскій министръ дѣлаетъ новый шагъ въ томъ же направленіи, внося въ палату свой проектъ налога

на капиталъ. Оффиціально новое обложеніе носитъ названіе „дополнительнаго налога", Ergänzungssteuer, при чемъ подъ дополненіемъ понимается прибавка къ налогу подоходному, уплачиваемая изъ опредѣленнаго источника. Подоходный налогъ, по самому способу взиманія, безразлично облагаетъ доходъ, изъ какого бы источника послѣдній ни проистекалъ. Въ исторіи налоговъ большимъ шагомъ впередъ была идея прогрессивнаго обложенія. Въ первоначальной формѣ подоходныхъ налоговъ мелкій, средній и крупный достатокъ облагались, какъ извѣстно, по одной и той же нормѣ; полагалось вполнѣ достаточнымъ, чтобы при налогѣ въ два процента съ дохода, глава семьи съ доходомъ въ 2,000 въ годъ платилъ 40 марокъ или шиллинговъ въ годъ, а богатый человѣкъ съ доходомъ въ 20,000—въ 10 разъ больше, т.-е. 400. Много лѣтъ спустя послѣ введенія первыхъ подоходныхъ налоговъ пришли къ пониманію, что семьѣ съ двухтысячнымъ доходомъ гораздо труднѣе внести 40 марокъ, чѣмъ богатой семьѣ—400. Нынѣшніе прусскіе налоги уже построены на принципѣ прогрессивности, такъ что съ высшими ступенями достатка не только абсолютно, но и относительно возвышаются размѣры обложенія. Прусскій министръ финансовъ, прекрасно знающій идеи новой финансовой науки, дѣлаетъ теперь въ своемъ проектѣ налога на капиталъ еще шагъ впередъ, разсуждая слѣдующимъ образомъ: на извѣстныхъ, преимущественно среднихъ и высокихъ ступеняхъ общественной лѣстницы существуютъ другъ подлѣ друга доходы отъ извѣстныхъ профессій и доходы рантье, черпающихъ свои средства изъ капитала. Подоходный налогъ облагаетъ тѣхъ и другихъ, если доходы ихъ равны, совершенно одинаково. Справедливо ли это? Нѣтъ,—отвѣчаетъ прусскій министръ:—врачъ, профессоръ, инженеръ могутъ зарабатывать каждый въ годъ 10 — 12 тысячъ марокъ, изъ которыхъ часть имъ нужно прожить, а другая часть идетъ на обезпеченіе семьи, тогда какъ владѣлецъ капитала, дающаго такой же доходъ, уже обезпеченъ самъ и обезпечилъ свою семью. Будетъ справедливо, если государство съ рантье, владѣльца капитала возьметъ больше, чѣмъ съ человѣка вольной профессіи, необладающаго капиталомъ.

При значительномъ вліяніи владѣльцевъ имуществъ въ парламентѣ, прусскій министръ выступаетъ со своимъ проектомъ крайне осторожно. Онъ имѣетъ въ виду очень скромный размѣръ обложенія, не болѣе $^1/_{20}$ процента, причемъ обложеніе коснется только среднихъ и большихъ имуществъ; онъ даже не рѣшается назвать

свою подать Kapitalsteuer, хотя уже въ рѣчи министра-президента Эйленбурга встрѣчается замѣчательная фраза о „справедливости, требующей, чтобы между источниками дохода было проведено разграниченіе". Не довольствуясь этими высшими мотивами, Микель указываетъ еще на другое, вполнѣ справедливое основаніе для введенія добавочнаго налога, а именно на возможность для владѣльца капитала уклониться отъ уплаты подоходнаго налога. Несмотря на всю осторожность прусскаго министра, его проектъ вызываетъ немалую тревогу въ кругу прусскихъ капиталистовъ, жалобы которыхъ, вѣроятно, найдутъ краснорѣчивыхъ защитниковъ въ палатѣ.

Планы Микеля этимъ не исчерпаны. Одновременно съ реформой прямого обложенія онъ приступаетъ къ разграниченію государственныхъ и мѣстныхъ финансовъ на совершенно новыхъ для прусскаго бюджета основаніяхъ, причемъ руководящая его мысль слѣдующая: по отношенію къ государству уплата налоговъ—обязанность гражданъ, по отношенію къ мѣстному управленію—только вознагражденіе за удобства и выгоды, доставляемыя мѣстнымъ управленіемъ. Въ первомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о коммерческомъ разсчетѣ: интересы общіе составляютъ основаніе личнаго благополучія, государственныя требованія въ крайнихъ случаяхъ могутъ быть осуществлены и съ крайними жертвами, а въ нормальныхъ условіяхъ каждый отдастъ государству не соотвѣтственно прямо оказанной ему государствомъ услугѣ, а по своимъ силамъ и достатку. Относительно мѣстнаго управленія этого нельзя сказать: тутъ скорѣе дѣйствуетъ принципъ платы за услуги. Въ виду такого разграниченія Микель пытается предоставить общинамъ тѣ источники дохода, въ которыхъ наиболѣе легко провести начало платы за услуги,—это поземельные и промысловые налоги,—тогда какъ для государства онъ сохраняетъ подоходный и косвенные налоги. Эти идеи Микеля не вездѣ встрѣчаютъ сочувствіе и даже вызываютъ оживленный принципіальный споръ, въ которомъ участвуютъ какъ теоретики-финансисты, такъ и практики коммунальнаго дѣла. Однимъ изъ противниковъ Микеля является бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Геррфуртъ, изъ-за этого спора потерявшій министерскій портфель. Во всякомъ случаѣ, и въ этихъ идеяхъ Микеля заключается цѣльное міровоззрѣніе, широкій принципъ: онъ и въ глазахъ его противниковъ не изъ тѣхъ министровъ финансовъ, которые дѣйствуютъ безъ всякаго принципа, руководствуясь лишь потребностями минуты.

Осуществленіе идей Микеля о разграниченіи государственныхъ и

мѣстныхъ финансовъ означаетъ въ цифрахъ отказъ въ пользу общинъ отъ 102 милліоновъ поземельныхъ и промысловыхъ налоговъ, взамѣнъ которыхъ министръ расчитываетъ получить около 35 милліоновъ съ пошлинъ, достававшихся до сихъ поръ общинамъ, около 45 милл. съ добавочныхъ поступленій съ подоходнаго налога и остальное съ налога на капиталъ. Надо тѣмъ больше удивляться смѣлости этой программы, что прусскому министру приходится считаться съ дефицитомъ въ бюджетѣ, превышавшимъ въ прошломъ году 42 милліона, а въ нынѣшнемъ, вѣроятно, достигающимъ 60 милліоновъ. Дефициты вызваны главнымъ образомъ уменьшеніемъ доходовъ отъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Вслѣдствіе экономическаго кризиса желѣзныя дороги хуже работали, къ тому же при министрѣ Майбахѣ государственныя дороги слишкомъ мало заботились о пополненіи своего подвижного состава и о правильномъ счетоводствѣ, такъ что Микелю отчасти приходится платиться за грѣхи своихъ предшественниковъ.

Всѣ указанныя здѣсь достоинства финансовыхъ реформъ имѣютъ только одинъ крупный недостатокъ. Въ податной системѣ стремятся къ справедливости, но когда вы спросите, куда идутъ справедливые налоги, то придется отвѣтить, что преимущественно на милитаризмъ. Министра финансовъ нельзя упрекнуть за то, что въ предѣлахъ своего вѣдомства онъ стремится къ осуществленію справедливыхъ и разумныхъ реформъ. Единственное, что Микель, въ качествѣ прусскаго министра финансовъ, могъ сдѣлать, онъ сдѣлалъ, заявивъ, что изъ прусскаго бюджета у него на новыя военныя затѣи нѣтъ ни гроша. Прусскому гражданину не легче, однако, отъ того, что онъ будетъ платить не прямые прусскіе, а косвенные имперскіе налоги. Остается утѣшеніе, что когда-нибудь наступятъ лучшія времена, когда государства будутъ тратить сотни милліоновъ не на вооруженіе, а на народное образованіе и другія настоятельныя народныя нужды.

IX.

Берлинъ, 8-го февраля 1893 г.

„Аграрная недѣля“ достойно заканчивается вчерашней рѣчью канцлера въ рейхстагѣ. Дебаты о хлѣбныхъ пошлинахъ, нуждахъ землевладѣльцевъ и договорѣ съ Россіей начинали уже надоѣдать, засѣданіе близилось къ концу, когда канцлеръ попросилъ слова. Онъ самъ сказалъ, что поводомъ къ его вмѣшательству въ пренія служатъ не только-что выслушанныя рѣчи, а „общее внутреннее

положеніе". Изъ центра и рядовъ лѣвой всѣ тѣснятся впередъ. Каприви говоритъ при напряженномъ вниманіи всего рейхстага.

„Дебаты, которые мы ведемъ здѣсь уже нѣсколько дней,— заявляетъ канцлеръ, — представляютъ не заурядное явленіе, они имѣютъ, на мой взглядъ, огромное значеніе, но не столько по своему содержанію, сколько по сопровождающимъ ихъ обстоятельствамъ. И здѣсь, и въ прусской палатѣ идетъ рѣчь о нуждахъ сельскаго хозяйства, при чемъ это происходитъ наканунѣ сельскохозяйственнаго съѣзда. Мнѣ бросился въ глаза характеръ дебатовъ, тонъ и способъ нападенія на правительство. Имперское правительство въ лицѣ отдѣльныхъ его представителей, и въ особенности въ моемъ, подверглось самому рѣзкому осужденію, такъ что я долженъ былъ спросить себя: откуда все это исходитъ и къ чему стремится? Графу Каницу, выразившемуся здѣсь, что онъ имѣетъ довѣріе или постарается имѣть довѣріе къ правительству, я очень благодаренъ за его благожелательныя слова, но мнѣ кажется, что не всѣ его друзья такъ благосклонны. Проявленія недовѣрія, замѣчавшіяся уже нѣсколько мѣсяцевъ, въ послѣдніе дни такъ усилились, такъ „сгустились", что я не могу не придти къ убѣжденію, что если не всѣ, то многіе изъ нападавшихъ на правительство, задались опредѣленной цѣлью — сбросить нынѣшнее правительство, добиться кризиса *(Сильное движеніе по всей залѣ)*. Договоръ съ Россіей не истинный объектъ преній, не содержаніе событій послѣднихъ дней, потому что стоитъ ли разсуждать такъ много о проектѣ, находящемся еще въ эмбріональномъ состояніи? Лица, стоящія близко къ аграрному движенію, говорили мнѣ: вы не повѣрите, какъ это движеніе теперь серьезно, какъ глубоко оно проникло въ страну. Я вѣрю, наоборотъ, что это очень серьезное движеніе, и потому, что я такъ думаю, я хотѣлъ бы вполнѣ выразить здѣсь, въ чемъ я вижу его серьезность и глубину".

Всѣ жалобы аграріевъ,—говорилъ далѣе Каприви,—сводятся къ двумъ положеніямъ: 1-е—сельское хозяйство испытываетъ нужду, и 2-ое — правительство, въ особенности нынѣшній канцлеръ, не желаетъ помочь сельскому хозяйству. „Прежде чѣмъ вы явитесь завтра на съѣздъ, я хочу еще разъ констатировать, что это второе обвиненіе ни на чемъ не основано. Я не только постоянно думалъ и дѣйствовалъ, исходя изъ убѣжденія, что землевладѣніе— необходимый элементъ государственной устойчивости, но я еще шелъ дальше и говорилъ, что въ интересахъ устойчивости желательно, чтобы *нынѣшніе* владѣльцы имѣли возможность продол-

жать хозяйство. Вы мнѣ отвѣчаете: мы слышали слова, но гдѣ же ваши поступки? Такъ говорятъ тѣ, которые хватаются за мелочи, которые готовы проклинать даже министра (сельскаго хозяйства), вышедшаго изъ ихъ среды, крупнаго помѣщика и постояннаго ходатая за ихъ интересы". Каприви напоминаетъ, что онъ обезпечилъ землевладѣльцамъ на 12 лѣтъ пошлины на хлѣбъ, что при его канцлерствѣ осуществлены значительныя облегченія въ поземельныхъ налогахъ. „Вы мнѣ постоянно говорите, что вы желали бы еще большей поддержки, но вы забываете, что въ странѣ существуютъ и другіе интересы, а затѣмъ, что не все, что вы хотѣли бы, будетъ принято парламентомъ. Или вы думаете также, что въ моей власти устранить условія мірового рынка или побудить Англію перейти отъ золотой валюты къ биметаллизму? Могу я принудить сельскихъ рабочихъ оставаться тамъ, гдѣ они не хотятъ быть, и не искать себѣ заработковъ и занятій, гдѣ это имъ выгоднѣе? Вотъ постоянный мотивъ: еслибъ правительство хотѣло, еслибъ у канцлера было истинное сочувствіе къ намъ, наши желанія были бы исполнены. Господа, формулируйте свои требованія, выступайте съ положительными предложеніями, я вамъ обѣщаю, что отнесусь къ нимъ съ полной серьезностью, но перестаньте бросать немотивированныя обвиненія". *(Очень хорошо! и аплодисменты на скамьяхъ лѣвой).*

Напряженное вниманіе, съ которымъ палата слушаетъ оратора, еще усиливается, когда онъ дѣлаетъ консерваторамъ упрекъ, что они вредятъ не правительству, а существующему государству. „Мнѣ кажется, — говоритъ Каприви, — что я насквозь консервативный человѣкъ. Вопросъ только, что нужно понимать подъ консервативнымъ міровоззрѣніемъ? Я убѣжденъ, что теперь въ консервативную партію проникаетъ направленіе, которое затемняетъ смыслъ консерватизма, потому что оно выдвигаетъ хозяйственные мотивы во вредъ политической идеѣ. Для меня быть консерваторомъ — прежде всего значитъ твердо сохранять исторически сложившееся, измѣнять существующее только тогда, когда къ этому побуждаетъ необходимость, и защищать монархическія и христіанскія учрежденія въ государствѣ. Для этого, однако, не надо быть аграріемъ, и я дѣйствительно не аграрій, — да я и не владѣю ни одной пядью земли, ни однимъ пучкомъ соломы. Депутатъ Кардорфъ, кажется, выразился разъ, что всѣ министры обязательно должны быть изъ землевладѣльцевъ. Я не удовлетворяю этому требованію, и мнѣ кажется, что въ наше время, когда борьба эконо-

мическихъ интересовъ все больше обостряется, лучше, чтобы во главѣ правительства стояли безпристрастные люди, сохраняющіе непредубѣжденный взглядъ и руководствующіеся благомъ страны, а не отдѣльныхъ сословій. Экономическіе интересы вступаютъ въ столкновеніе съ общегосударственными, они всегда болѣе или менѣе основываются на эгоизмѣ, тогда какъ государство должно апеллировать и къ самопожертвованію, и къ идеализму своихъ гражданъ. Если бы мы пожелали управлять государствомъ въ духѣ аграріевъ, мы очень скоро приблизились бы къ катастрофѣ. Я не аграрій, а считаю своимъ долгомъ охранять всякую собственность: аграрную точно такъ же, какъ промышленную и капиталистическую, но при этомъ я не забываю, что у насъ есть обширный классъ гражданъ, вовсе ничѣмъ не владѣющихъ и передъ которымъ государство тоже имѣетъ обязанности".

Послѣднія слова въ рѣчи Каприви сказаны pro domo sua. „Я бы не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь подумалъ, что такъ какъ въ аграрномъ движеніи нападали лично на меня, то я стараюсь не дать этому движенію вырости. Повѣрьте мнѣ, что если бы я убѣдился, что моя отставка можетъ принести странѣ самую небольшую пользу, я бы не ждалъ ни минуты. Тяжесть лежащихъ на мнѣ обязанностей такъ велика, что я буду благословлять тотъ часъ, когда ее съ меня снимутъ. Если я не предпринимаю этого шага, а вѣрный прусскимъ традиціямъ, въ которыхъ я выросъ, остаюсь на посту и исполняю свой „проклятый" долгъ, то только потому, что считаю это полезнымъ для имперіи и императора. Я убѣжденъ, что намъ предстоятъ такія трудныя и серьезныя событія, что необходимо, чтобы у насъ было твердое правительство, а всякая смѣна лицъ колеблетъ прочность власти. Я не уйду теперь. Дѣло, однако, не въ моей или всякой другой личности. Пусть политики, выдвинувшіе аграрные интересы, спросятъ свою совѣсть, можно ли согласовать подобное движеніе съ благополучіемъ нашей страны? Вопросъ не о томъ идетъ, сбросить ли за бортъ одного человѣка: что это значитъ въ сравненіи съ судьбой самого судна, пойдетъ ли оно благополучно? А на суднѣ развѣвается германское знамя".

Впечатлѣніе отъ рѣчи Каприви было очень сильное, несмотря на то, что онъ говоритъ просто, рѣдко пользуясь образными выраженіями и не прибѣгая къ театральнымъ пріемамъ. Впечатлѣніе дѣйствительной искренности производили и слова, въ которыхъ канцлеръ заявлялъ о томъ, что онъ ничего такъ не жаждетъ, какъ сбросить съ себя „проклятую" обязанность кормчаго на суднѣ,

со всѣхъ сторонъ раскачиваемомъ волнами. Кн. Бисмаркъ тоже любилъ говорить въ рейхстагѣ, что онъ жаждетъ покоя и остается на посту только подчиняясь волѣ короля. Послѣдующія событія показали, *какъ* Бисмаркъ *жаждалъ* покоя. Лица, знающія Каприви, наоборотъ, искренно убѣждены, что у него нѣтъ и капли честолюбія карьериста, что слова его въ этомъ случаѣ вытекаютъ изъ глубины души. Подобное же мнѣніе выносятъ и всѣ, имѣвшіе возможность наблюдать канцлера во время парламентскихъ дебатовъ. Другое дѣло, удастся ли ему своей искренностью и призывомъ къ національному и гражданскому чувству поколебать корыстныя попытки и алчныя цѣли юнкерства.

X.

Берлинъ, 9 февраля 1893 г.

Огромная зала пивной Tivoli, вмѣщающая болѣе 4,000 человѣкъ, была сегодня переполнена задолго до оффиціальнаго открытія собранія. Конгрессъ сельскихъ хозяевъ созванъ на 3 часа, но уже въ 1-мъ часу въ залѣ, несмотря на то, что вынесли всѣ столы и стулья, не было ни одного свободнаго мѣста, а тысячи пѣшеходовъ и сотни каретъ все еще двигались по направленію къ отдаленному предмѣстью Берлина. Учредители съѣзда обратились къ президенту полиціи съ просьбой—разрѣшить собраніе подъ открытымъ небомъ, но получили отвѣтъ, что по прусскому закону о собраніяхъ это не допускается. Такъ какъ всѣхъ участниковъ съѣзда было около 14,000, то иниціаторы аграрной демонстраціи рѣшили устроить два собранія, одно вслѣдъ за другимъ. Многіе, не найдя доступа, разошлись, но въ обоихъ собраніяхъ участвовало, все-таки, до 8,000 человѣкъ, преимущественно сельскихъ хозяевъ. Было, разумѣется, не мало любопытныхъ и сочувствующихъ.

Вы догадываетесь, что это та самая аграрная демонстрація, которую имѣлъ въ виду Каприви, произнося въ рейхстагѣ свою рѣчь противъ фронды консерваторовъ. Фрондерамъ нельзя отказать въ умѣніи устраивать свои дѣла: такой колоссальной сходки, дѣйствительно, не запомнятъ въ Берлинѣ. Роли тоже были хорошо распредѣлены. Руководителями явились крупные землевладѣльцы и аграріи рейхстага и прусской палаты, но „народъ“ не отсутствовалъ, а былъ представленъ большимъ числомъ крестьянъ, арендаторовъ, мелкихъ и среднихъ служащихъ въ помѣщичьихъ хозяй-

ствахъ. Кто же сомнѣвался, что въ Германіи еще не совсѣмъ вывелись зажиточные крестьяне-собственники, связывающіе свои интересы съ помѣщичьими? Дѣло только въ томъ, что на единицы такихъ крестьянъ уже приходятся сотни сельскихъ батраковъ, которые бѣгутъ, если могутъ, въ большіе города и эмигрируютъ въ Америку. Хотя большинство этихъ сельскихъ рабочихъ еще не сознаетъ, куда клонится политика землевладѣльцевъ, желающихъ ихъ прикрѣпить къ землѣ, но инстинктивно они чувствуютъ антагонизмъ между своими и юнкерскими интересами.

Крупный землевладѣлецъ фонъ-Плецъ, предсѣдатель съѣзда, открываетъ собраніе провозглашеніемъ hoch императору и указываетъ, „что цѣль съѣзда—образованіе постояннаго агитаціоннаго Союза сельскихъ хозяевъ, Bund der Landwirthe“. „Новый Союзъ занимается только *одной* политикой“,—говоритъ предсѣдатель,—это истинно-нѣмецкая хозяйственная политика. Партійная политика чужда нашимъ стремленіямъ; мы хотимъ только осуществить то, что князь Бисмаркъ выразилъ въ памятныхъ словахъ: „защита германскаго сельскаго хозяйства, защита германской промышленности“. Въ собраніи раздаются бурные клики: *да здравствуетъ князь Бисмаркъ!—Предсѣдатель.* Господа, оставьте это! Кн. Бисмаркъ и безъ того хорошо знаетъ, что всѣ сельскіе люди стоятъ за нимъ *(Бурные аплодисменты, крики: послать ему адресъ!).* Оставьте и это. Чѣмъ спокойнѣе мы будемъ, тѣмъ большаго мы достигнемъ. Главное, будемъ единодушно, дружно защищать свое дѣло.

При всеобщемъ ликованіи на трибуну входитъ Рупрехтъ, помѣщикъ и отставной офицеръ, котораго считаютъ душой этого движенія. Онъ первый обнародовалъ воззваніе, приглашавшее основать Союзъ, онъ же грозилъ правительству демагогіей. „Истекшій годъ,—начинаетъ ораторъ, — въ первый разъ за много лѣтъ принесъ намъ хорошій урожай, и у насъ явилась надежда, что мы поправимъ свои дѣла; но тутъ вдругъ возникли переговоры о трактатѣ съ Россіей. Намъ говорятъ, что такой договоръ полезенъ для Германіи. Это неправда. Мы его не желаемъ; его хотятъ только поляки, евреи и соціалъ-демократы. Мы, нѣмецкіе хозяева, всегда вѣрны были королю и отечеству, но теперь насъ вынудили протестовать, и какъ мы можемъ поступить иначе, когда на нашихъ глазахъ ломаютъ всѣ традиціи? Мы съ сочувствіемъ отнеслись къ соціально-политическому законодательству, мы охотно предоставили бы и рабочимъ лучшіе заработки, но для этого нужно, чтобы сель-

ское хозяйство не падало и чтобы землевладѣлецъ имѣлъ свой доходъ. Когда будетъ процвѣтать земледѣліе, промышленность найдетъ себѣ сбытъ въ самой Германіи, и наше отечество будетъ покоиться на твердыхъ устояхъ. Для этого и необходимо, чтобы сельскіе обыватели соединились и въ обширномъ Союзѣ нашли средства для борьбы".

Передавать другія рѣчи я не стану: всѣ эти графы Мирбахи, Лимбурги, Френ и Штекеры повторяютъ то, что они сотни разъ говорили въ палатѣ и въ другихъ собраніяхъ. Мотивъ у всѣхъ одинъ и тотъ же. Кто-то изъ ораторовъ выразилъ его въ словахъ: будемъ вѣрны отечеству, королю, но не забудемъ и о самихъ себѣ; мы до сихъ поръ были только наковальней, теперь хотимъ быть молотомъ!

Изъ статутовъ новаго Bund der Landwirthe, розданныхъ на собраніи, видно, что главными средствами агитаціи аграріи считаютъ избирательную борьбу и пропаганду на собраніяхъ и въ печати. Программа Союза состоитъ изъ слѣдующихъ 11 пунктовъ: 1) таможенная защита для продуктовъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственныхъ промысловъ; 2) отклоненіе торговыхъ договоровъ съ Россіей и другими странами, если эти договоры основываются на пониженіи хлѣбныхъ пошлинъ, и урегулированіе (!) отношеній къ Америкѣ; 3) уменьшеніе налоговъ на сельское хозяйство, особенно на крестьянскіе промыслы; 4) запрещеніе ввоза скота изъ странъ, въ которыхъ бываютъ эпизоотіи; 5) введеніе биметаллизма; 6) основаніе сельскохозяйственныхъ палатъ, какъ представительства земледѣльческихъ интересовъ; 7) измѣненіе законодательства о правахъ осѣдлости, свободѣ передвиженія и нарушеніи договора найма на сельскія работы; 8) пересмотръ законовъ о защитѣ рабочихъ; 9) государственный надзоръ за товарными биржами въ цѣляхъ предупрежденія искусственныхъ измѣненій цѣнъ; 10) измѣненіе гражданскаго права на основаніяхъ германскаго правосознанія, въ особенности законодательства объ ипотечныхъ займахъ, и введеніе института неотчуждаемой собственности; 11) упрощеніе функцій мѣстнаго сельскаго управленія.

Эта программа не нуждается въ комментаріяхъ и больше самыхъ горячихъ филиппикъ независимой части общества подтверждаетъ, что аграрное движеніе преслѣдуетъ интересы крупнаго землевладѣнія. Вопросъ о торговомъ договорѣ съ Россіей играетъ, однако, въ настоящей агитаціи болѣе серьезную роль, чѣмъ это думаетъ Каприви: землевладѣльцы не только почтили насъ особымъ упомина-

нѣмъ въ своей программѣ, но еще приняли и резолюцію, прямо направленную противъ уменьшенія пошлинъ на нашъ хлѣбъ. Конгрессъ единогласно одобрилъ петицію, приглашающую „высокій рейхстагъ— категорически отвергнуть всякіе договоры, если въ нихъ заключается уменьшеніе аграрныхъ пошлинъ". Законодательство послѣднихъ лѣтъ, въ связи съ прежними трактатами,—сказано еще въ петиціи,—уже расшатало благополучіе сельскаго хозяйства, на которомъ покоится благополучіе отечества.

Выше я упомянулъ о демонстраціяхъ за Бисмарка. Вѣроятно, онѣ были бы еще громче, еслибы Каприви не предупредилъ вождей консерваторовъ, что правительство смотритъ на ихъ попытку, какъ на опасный заговоръ. Помѣщики, въ простотѣ душевной, хотѣли выболтать, что у нихъ было на умѣ, но руководители во-время останавливали всякую слишкомъ откровенную рѣчь и заглушали слишкомъ громкіе клики. Правительство дало также понять, что оно подозрѣваетъ бывшаго канцлера въ связи съ новой фрондой. Это очень вѣроятно, но доказательствъ тому пока нѣтъ. Въ рейхстагѣ увѣряли, что, говоря о себѣ, какъ о человѣкѣ не владѣющемъ ни однимъ клочкомъ земли, Каприви намекалъ на своего предшественника, не забывавшаго никогда, что и у него большія помѣстья.

„Kreuzzeitung" ликуетъ. „Сегодняшній день,—восклицаетъ она, составляетъ краеугольный камень въ исторіи *развитія* Германіи!" Ликованіе реакціоннаго органа вполнѣ понятно, но нужно много смѣлости, чтобы въ виду подобнаго движенія говорить о „развитіи". Попытка возстановить доброе старое время, можетъ быть серьезный эпизодъ во внутренней жизни Германіи, но дѣйствительное развитіе перешагнетъ черезъ нее къ очереди дня.

XI.

Берлинъ, 13 іюня 1893 г.

Борьба кончена, и слово принадлежитъ не избирателямъ, а новымъ депутатамъ, созваннымъ въ Берлинъ на 22-е іюня. Физіономія рейхстага уже обрисовывается теперь.

Подобно старому нѣмецкому профессору, утверждавшему, что при взглядѣ на опустѣвшую къ концу семестра аудиторію онъ „видитъ многихъ, которыхъ здѣсь нѣтъ", я прежде всего тоже вижу многихъ, которыхъ нѣтъ больше въ рейхстагѣ. Въ каждомъ парламентѣ на нѣсколько сотъ депутатовъ можно насчитать нѣсколько десятковъ чѣмъ-либо выдающихся людей; не всегда это лучшіе люди

и цвѣтъ націи, но ихъ знаютъ въ лицо и ими интересуются въ публикѣ. Остальные играютъ роль статистовъ, хора, апплодирующаго, негодующаго и голосующаго. Иной очень почтенный и уважаемый въ своемъ округѣ дѣятель за весь парламентскій періодъ отличился тѣмъ, что сказалъ громче другихъ: „слушайте, слушайте!“ и чрезвычайно гордится, что стенографическій отчетъ отмѣтилъ его имя. Это онъ, Шульце, сказалъ *слушайте!* Избиратель ему это вмѣнитъ въ заслугу, и скромный человѣчекъ, рѣдко появляющійся въ Берлинѣ, чувствуетъ себя гораздо прочнѣе на своемъ депутатскомъ креслѣ, чѣмъ его болѣе знаменитые товарищи. Въ рядахъ статистовъ тоже произошли перемѣны, но рѣзче и чувствительнѣе перетасовка въ первыхъ рядахъ, среди той кучки, которая обращала на себя вниманіе.

На передней скамьѣ лѣвой посѣтителю рейхстага обыкновенно бросались въ глаза два старика съ выразительными, умными лицами, внимательно прислушивавшіеся къ дебатамъ. На одного стоило только взглянуть, чтобы сейчасъ же узнать его; лицо этого старика знаетъ по многочисленнымъ фотографическимъ снимкамъ каждый образованный нѣмецъ: это—Рудольфъ Вирховъ. Болѣе 30 лѣтъ онъ депутатъ города Берлина въ прусской палатѣ, съ 1880 г. онъ состоялъ представителемъ 2-го берлинскаго округа въ рейхстагѣ. Теперь его нѣтъ больше въ парламентѣ, какъ нѣтъ и другого выдающагося старика, сидѣвшаго подлѣ Вирхова,—Лудвига Бамбергера. Съ самаго основанія рейхстага Бамбергеръ неизмѣнно являлся представителемъ округа Бингенъ на Рейнѣ. Бывшій демократъ 48 года, бѣжавшій въ Парижъ отъ преслѣдованія реакціи, Бамбергеръ послѣ объединенія Германіи былъ однимъ изъ вождей національ-либеральной партіи и вмѣстѣ съ Беннигсеномъ, Микелемъ и Ласкеромъ составлялъ опору Бисмарка въ рейхстагѣ, пока (это было въ концѣ 70-хъ гг.) все усиливавшійся деспотизмъ желѣзнаго канцлера и еще болѣе его аграрный протекціонизмъ не заставили депутата вспомнить о своихъ либеральныхъ принципахъ. Вмѣстѣ съ Рикертомъ и группой другихъ депутатовъ онъ отдѣлился отъ національ-либераловъ и вскорѣ примкнулъ къ свободомыслящимъ. Кн. Бисмаркъ никогда ему этого не могъ простить и однажды назвалъ его въ парламентѣ sujet mixte, намекая этимъ на то, что Бамбергеръ провелъ много лѣтъ въ Парижѣ въ банкирской конторѣ. Лучше 10 лѣтъ въ банкирской конторѣ, чѣмъ на каторгѣ (lieber 10 Jahre Bankhaus als Zuchthaus),—отвѣтилъ тогда депутатъ, которому предстоялъ въ 1849 г. выборъ между

бѣгствомъ и прусскимъ судомъ. Въ рейхстагѣ не было болѣе компетентнаго оратора въ финансовыхъ вопросахъ и колоніальной политикѣ; никто такъ ѣдко, какъ Бамбергеръ, не осмѣивалъ биметаллизма и политики приключеній въ Африкѣ. Въ качествѣ убѣжденнаго манчестерца, Бамбергеръ былъ противникомъ законодательства о страхованіи рабочихъ и въ особенности послѣдняго закона о страхованіи на случай старости, отличающагося и въ глазахъ болѣе передовыхъ соціалъ-политиковъ неудачной организаціей.

И сколько еще другихъ, такъ или иначе выдававшихся людей, которыхъ мы напрасно станемъ искать въ новомъ рейхстагѣ! Генель, ученый юристъ и одинъ изъ основателей партіи прогрессистовъ; фонъ-Баръ, извѣстный геттингенскій профессоръ, д-ръ Буль, одинъ изъ ветерановъ національ-либерализма, графъ Баллестремъ, вице-президентъ въ прежнемъ рейхстагѣ и оффиціальный преемникъ Виндгорста, баронъ Гюне и—last not least—бывшій придворный проповѣдникъ Штекеръ: сколько именъ, столько жертвъ милитаризма или избирательной кампаніи. Пораженіе Штекера въ округѣ Зигенъ приводитъ въ негодованіе его консервативныхъ друзей, потому что это произошло вслѣдствіе вѣроломства національ-либераловъ, соединившихся съ свободомыслящими. Штекеръ и Вирховъ—эти два полюса въ вопросахъ религіозной терпимости—стояли нѣсколько разъ другъ противъ друга въ Берлинѣ, а теперь одинъ сраженъ соціалъ-демократомъ, а другой вытѣсненъ изъ своего, казалось, совершенно прочнаго округа. Какъ велико было бы ликованіе придворнаго проповѣдника, если бы онъ могъ очутиться въ рейхстагѣ, въ которомъ для его ненавистнѣйшаго противника не нашлось бы мѣста! Видно, не суждено было.

Въ Берлинѣ вчерашняя перебаллотировка только санкціонировала разгромъ свободомыслящихъ, совершившійся на главныхъ выборахъ. Еще находились филистеры, питавшіе иллюзію, будто консерваторы и антисемиты пойдутъ голосовать за свободомыслящаго, но сколько-нибудь благоразумные политики считали всѣ округа, кромѣ 1-го, потерянными, и результатъ перебаллотировки не былъ неожиданнымъ. Если сравните цифры поданныхъ голосовъ, то окажется, что на перебаллотировкѣ одна часть консервативно-антисемитическихъ избирателей отсутствовала, другая голосовала за либерала и третья — за соціалъ-демократа. Вирховъ, какъ я вамъ телеграфировалъ, получилъ на 10,000 голосовъ меньше Фишера. Только Лангерганъ, ветеранъ свободомыслящихъ, удержался въ 1-мъ округѣ, и, какъ друзья его выражаются, представляетъ уцѣлѣвшій столбъ, напоминаю-

ціи о быломъ великолѣпіи берлинскаго свободомыслія. Соціалъ-демократы завоевали теперь мѣста, принадлежавшія либераламъ съ 1866 г., т. е. съ самаго основанія партіи прогрессистовъ: это дѣйствительно историческое событіе, и оно получаетъ особую пикантность отъ того, что Каприви и всѣ находящіеся въ Берлинѣ министры подали на перебаллотировкѣ свои голоса за гражданскую демократію—противъ соціалъ-демократіи.

Въ провинціальныхъ выборахъ больше, чѣмъ въ прежніе годы, бросается въ глаза тенденція къ сближенію между такъ-называемыми „партіями порядка“ для общей борьбы противъ кандидатовъ рабочихъ. Вслѣдствіе этого соціалъ-демократы получили на перебаллотировкѣ меньше мѣстъ, чѣмъ они могли разсчитывать. Тенденція, о которой я здѣсь упоминаю, далеко не вездѣ составляла пароль партіи. Это по большей части былъ инстинктъ, выражавшійся совершенно неожиданно. Въ Мангеймѣ, напримѣръ, бюргеры въ большинствѣ демократы, а рабочіе соціалъ-демократы. Кандидатъ послѣднихъ Дрезбахъ уже былъ депутатомъ отъ Мангейма въ предыдущемъ рейхстагѣ, и казалось, что серьезнымъ его противникомъ будетъ только талантливый южно-германскій демократъ Музеръ. Выборы 3-го іюня дали, однако, другой результатъ: Дрезбахъ получилъ 13,000 голосовъ, Музеръ 7,000, а національ-либералъ совершенно неожиданно, очевидно вслѣдствіе патріотизма богатаго купечества, получилъ около 10,000 голосовъ. На перебаллотировкѣ Музеръ и демократическій комитетъ дали своимъ сторонникамъ совѣтъ—голосовать за соціалъ-демократа и противъ національ-либерала. Что же оказалось? Большинство бюргерства не послушалось пароля и голосовало за національ-либерала. Совершенно такія же условія оказались въ Штуттгартѣ, Галле и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Благодаря боязни предъ „краснымъ призракомъ“ національ-либералы выиграли десятокъ лишнихъ мѣстъ и появляются въ новомъ рейхстагѣ почти въ такой же численности, какъ свободомыслящіе—въ прежнемъ. Рихтеру удалось спасти обломки своей партіи, но это только обломки; даже если онъ сумѣетъ установить прочную связь съ южно-германскими демократами, они въ совокупности не составятъ и 30 человѣкъ. Самъ Рихтеръ выбранъ внушительнымъ большинствомъ, несмотря на неслыханную, поистинѣ демагогическую агитацію соединенныхъ консерваторовъ и національ-либераловъ.

Если послѣ выборовъ 3-го іюня можно было говорить только о народномъ настроеніи, то послѣ перебаллотировокъ можно уже

опредѣлить направленіе новаго рейхстага. Приметъ ли онъ военный проектъ? Признаюсь, что, несмотря на разгромъ свободомыслящихъ, не уравновѣшенный усиленіемъ соціалъ-демократіи, я еще колебался бы высказаться опредѣленно, если бы я только что не прочелъ телеграммы изъ Эссена: выбранъ Крупп,—національ-либералъ, какъ его квалифицируетъ Агентство Вольфа. Противникомъ его былъ кандидатъ центра, десятки лѣтъ состоявшій представителемъ этого округа въ рейхстагѣ. Для меня, какъ и для васъ, вѣроятно, Крупп, — не національ-либералъ, а пушка: побѣдила пушка, и въ округѣ Эссенъ, какъ въ микрокосмѣ, разрѣшился, быть можетъ, вопросъ о принятіи или непринятіи военнаго закона. Если въ продолженіе десятка лѣтъ Крупп напрасно пытался пройти въ рейхстагъ и выбранъ только теперь, то это значитъ, что пушка въ настоящую минуту больше, чѣмъ прежде, внушаетъ къ себѣ уваженіе.

Да, такіе національ-либералы, какъ Крупп, дадутъ Капривi возможность осуществить военную затѣю. Не внушительнымъ большинствомъ, а большинствомъ въ десятокъ—другой голосовъ, но серьезные люди на такіе пустяки не обращаютъ вниманія, лишь бы рейхстагъ далъ необходимыя деньги. И тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется остроумною и справедливою фраза, которую одинъ шутникъ влагаетъ въ уста канцлеру. Какое несчастье,—воскликнулъ будто бы Капривi, —я побѣдилъ!.. Присмотритесь, въ самомъ дѣлѣ, къ этому большинству: тутъ и аграріи, о которыхъ канцлеръ говорилъ, какъ о людяхъ, преслѣдующихъ эгоистическія цѣли; антисемиты, о которыхъ онъ отзывался, какъ о безсовѣстныхъ демагогахъ; юнкеры, протестующіе противъ пониженія пошлинъ, и даже національ-либералы, повторяющіе, что у нынѣшняго правительства нѣтъ курса. Впереди этого правительственнаго большинства шествуетъ баронъ Гаммерштейнъ, ультра-реакціонеръ, отъ всей души ненавидящій умѣренность и джентльменство канцлера, а шествіе замыкается шутомъ Альвардтомъ, повторяющимъ, что у нынѣшнихъ министровъ карманы набиты украденными деньгами. И вся ватага уже испускаетъ крикъ: вали его, этого канцлера либераловъ.

XII.

Берлинъ, 15 августа 1893 г.

Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ бросилась въ глаза маленькая газетная замѣтка изъ Лондона, сообщавшая, что скончался

д-ръ Мюллеръ-Стридингъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей Британскаго музея, прекрасный знатокъ греческой филологіи. Греческой филологіей я не занимаюсь, но имя это мнѣ показалось чрезвычайно знакомымъ,—гдѣ только я его встрѣчалъ? На помощь моей памяти пришелъ Лудвигъ Ничъ, вездѣсущій ветеранъ берлинскихъ журналистовъ, помѣстившій въ „Vossische Zeitung“ обширный некрологъ д-ру Мюллеру. Тутъ только я вспомнилъ, что это имя слышалъ отъ Нича, когда разговоръ заходилъ о Тургеневѣ, котораго берлинскій журналистъ долго и близко зналъ, объ А. И. Герценѣ и русскомъ кружкѣ въ Берлинѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ. Воспоминанія Нича такъ тѣсно связаны съ многими близкими каждому русскому именами и относятся къ такой интересной эпохѣ, что читатель навѣрное не посѣтуетъ на меня, если я на нихъ остановлюсь.

Первая встрѣча Нича съ д-ромъ Мюллеромъ произошла въ серединѣ 40-хъ годовъ въ Берлинѣ, въ мастерской художника Отто. Мюллеру тогда было 34 года, но онъ уже успѣлъ провести 7 лѣтъ въ крѣпости и долженъ былъ еще благословлять Провидѣніе, что отдѣлался такъ дешево: почти мальчиками, онъ и еще нѣсколько юныхъ студентовъ участвовали въ вооруженномъ нападеніи на гауптвахту въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, которое должно было послужить сигналомъ къ возстанію населенія. Молодыхъ людей схватили и Мюллера, какъ одного изъ зачинщиковъ, присудили къ смертной казни, но затѣмъ помиловали и приговорили къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Восшествіе на престолъ Фридриха-Вильгельма IV и послѣдовавшая тогда амнистія за политическія преступленія возвратили ему свободу. Въ крѣпости Мюллеръ занимался древней и новой филологіей и исторіей искусства, превосходно изучилъ греческій и нѣсколько новыхъ языковъ, такъ что изъ заточенія онъ вышелъ не разбитымъ, а широко образованнымъ человѣкомъ, полнымъ силъ и надеждъ.

Нуженъ, конечно, большой запасъ здоровья и идеализма, чтобы 7 лѣтъ заточенія прошли почти безслѣдно. Д-ръ Мюллеръ, дѣйствительно, былъ такимъ нѣмецкимъ идеалистомъ, какъ мы ихъ теперь знаемъ только по книгамъ. Ничъ разсказывалъ, что въ то время, когда онъ его встрѣтилъ въ Берлинѣ, тотъ перебивался газетной работой, отчетами о художественныхъ выставкахъ и книгахъ, но когда Мюллеръ увлекался дѣйствительно интереснымъ или высокимъ предметомъ, онъ отдавался всецѣло и забывалъ о необходимости заработать себѣ насущный хлѣбъ. У него, какъ

выражается Ничъ, тогда были боги, которые не терпѣли возлѣ себя вульгарныхъ заботъ. Въ 1846 г., когда въ берлинской оперѣ появилась Віардо-Гарчіа, д-ръ Мюллеръ сходилъ съ ума отъ восторга, но въ 1848 г., когда въ Берлинѣ вспыхнула революція, онъ забываетъ и музыку, и прежнія испытанія и бросается въ народное движеніе.

Еще въ 1841 или 42 г. д-ръ Мюллеръ познакомился съ И. С. Тургеневымъ, и знакомство это, возобновленное въ Берлинѣ, во время пребыванія тамъ Віардо, стало совершенно дружескимъ. Послѣ наступленія реакціи въ Германіи онъ спасается въ Парижъ, къ Віардо и Тургеневу, которые знакомятъ его съ выдающимися людьми литературныхъ кружковъ и принимаютъ, какъ родного. У Віардо нѣмецкій идеалистъ встрѣтилъ Ж. Зандъ, съ которой онъ такъ сблизился, что надолго поселился у нея въ Роганѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ, однако, переселяется въ Лондонъ, гдѣ у него тоже было много близкихъ знакомыхъ среди тогдашней иностранной колоніи, въ томъ числѣ семья Герцена. Почти каждую весну Мюллеръ отправляется въ Италію для изученія архивовъ и музеевъ. По пути онъ заѣзжаетъ въ Баденъ-Баденъ къ Тургеневу и Віардо, въ виллѣ которыхъ на Lichtenthaler Allee тогда собирались лучшіе представители литературно-музыкальныхъ кружковъ Франціи, Германіи и Россіи. Ничъ разсказываетъ, что, наѣзжая иногда въ Баденъ къ Тургеневу, онъ слышалъ отъ И. С., что д-ръ Мюллеръ весь ушелъ въ свои научныя работы, что этотъ глубокій знатокъ античнаго міра и искусства остается такимъ же чистымъ мечтателемъ, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, когда онъ бралъ приступомъ гаунтвахту.

Съ тѣхъ поръ опять прошло почти 30 лѣтъ. Поколѣніе, къ которому принадлежалъ нѣмецкій идеалистъ, исчезло, иностранная колонія въ Лондонѣ разбрелась, старые друзья давно спятъ вѣчнымъ сномъ. Только старикъ Мюллеръ доживалъ свои дни; по-прежнему онъ изучалъ въ британскомъ музеѣ старые манускрипты, но вѣчные идеалы стали потухать, и жизнерадостный человѣкъ превратился въ одинокаго, угрюмаго старца, которому дѣла нѣтъ до людей, потому что для новыхъ людей онъ былъ только неизвѣстный чудакъ. Онъ появлялся еще по вечерамъ лишь въ нѣмецкомъ клубѣ, гдѣ молча курилъ свою трубку, не произнося ни слова. Мюллеръ одичалъ и по внѣшности: трудно было повѣрить, что этотъ старикъ въ рваномъ, порыжѣвшемъ пальто и стоптанныхъ калошахъ нѣкогда былъ близкимъ другомъ Жоржъ-Занда. Возвращаясь на-дняхъ изъ британскаго музея, онъ

упалъ на улицѣ. Его подняли, отвезли въ первую попавшуюся больницу, и на другой день онъ скончался.

Время, къ которому относятся эти воспоминанія, богато блестящими, замѣчательными людьми, а д-ръ Мюллеръ-Стридингъ былъ только рядовой. Но подобно тому, какъ смерть послѣднихъ ветерановъ великихъ войнъ напоминала о великихъ сраженіяхъ, такъ — эта смерть воскрешаетъ въ памяти фигуры и событія одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ просвѣщенія.

XIII.

Берлинъ, 25 января 1894 г.

Опубликованіе договорнаго тарифа съ Россіей — событіе такой первостепенной важности, что на немъ долго сосредоточится вниманіе какъ у насъ, такъ и въ Германіи. Больше четырехъ мѣсяцевъ длились переговоры, и въ теченіе всего этого времени мы больше слышали о крикахъ нѣмецкихъ помѣщиковъ и нашихъ фабрикантовъ, чѣмъ о положеніи самыхъ переговоровъ. До общества долетали изъ-за канцелярскихъ стѣнъ самыя противоположныя вѣсти: то затрудненія оказывались столь крупными, что о соглашеніи можно было только мечтать въ отдаленномъ будущемъ, то правительства оказывались совершенно согласными въ главныхъ статьяхъ и расходились только въ пустякахъ. Всего лишь двѣ недѣли тому назадъ одинъ изъ „пустяковъ“ грозилъ разрушить все дѣло: Германія требовала заключенія договора на 10 лѣтъ, мы соглашались связаться тарифами только на болѣе краткій срокъ.

Все хорошо, что хорошо кончается. Вопросъ о торговомъ договорѣ, правда, не кончился, потому что слово принадлежитъ еще рейхстагу. На обѣдѣ у Каприви, императоръ вполнѣ вѣрно замѣтилъ, что у насъ въ Россіи преувеличиваютъ силу правительства въ Германіи, забываютъ считаться съ границами, поставленными коронѣ конституціей. Правительство, съ своей стороны, сдѣлаетъ все, что въ его силахъ, чтобы убѣдить парламентъ въ необходимости и полезности договора съ Россіей. Для этого Каприви и его сторонникамъ, безъ сомнѣнія, придется сильно подчеркивать значеніе выговоренныхъ для германской промышленности уступокъ, „показать товаръ лицомъ“. Еслибъ наши отечественные протекціонисты вздумали ссылаться на такіе отзывы, они впали бы въ то-же заблужденіе, въ которое впадаютъ аграріи, увѣряющіе, что мы наводнимъ Германію своимъ хлѣбомъ и будемъ богатѣть на счетъ нѣмецкихъ крестьянъ. Я вамъ

приведу примѣръ, доказывающій, что возможны такія преувеличенія, основывающіяся, повидимому, на реальномъ фактѣ. Если сосчитать, на основаніи статистики послѣднихъ лѣтъ, сколько потеряетъ Германія таможенныхъ доходовъ отъ уменьшенія пошлинъ на русскій хлѣбъ, лѣсъ, скотъ, керосинъ, и насколько уменьшится нашъ таможенный доходъ отъ трактата съ Германіей, то окажется, что мы выгадаемъ на ввозѣ въ Германію около 20 милліоновъ марокъ и потеряемъ таможенныхъ доходовъ отъ германскаго ввоза около 8 милліоновъ марокъ. Кажется, ясный фактъ, при томъ особенно пріятный для тѣхъ, кто настаивалъ на необходимости торговаго соглашенія? И тѣмъ не менѣе, откровенно скажу, что на такихъ цифрахъ ничего нельзя основывать, уже потому, что измѣненіе въ таможенной системѣ ведетъ къ такимъ перемѣщеніямъ въ международной торговлѣ, что прежняя статистика оказывается крайне устарѣлой. Если даже и сравнительно точная цифра (которой, повѣрьте, нѣмецкіе аграріи поспѣшатъ воспользоваться) не можетъ служить мѣркой выгодности или невыгодности договора, то тѣмъ менѣе здѣсь умѣстны бездоказательныя жалобы и заявленія со стороны нѣмецкихъ аграріевъ и нашихъ фабрикантовъ. Въ каждомъ договорѣ ничего не дается *даромъ*, за все надо платить. Если плата соотвѣтствуетъ полученной услугѣ, договоръ хорошъ, выгоденъ. Въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, мы можемъ быть довольны тѣмъ, что выгоды пріобрѣтены для сельскаго хозяйства, составляющаго основу всего нашего народнаго хозяйства, а расплата состоитъ въ сбавкахъ съ тарифныхъ статей, представляющихъ такую колоссальную таможенную защиту, какой вы не найдете ни въ одномъ европейскомъ тарифѣ.

Не стану касаться отдѣльныхъ статей договорнаго тарифа, одно только скажу здѣсь: еслибы наши фабриканты не считали нужнымъ подымать вопли при каждой попыткѣ чуть-чуть понизить таможенную стѣну, они должны были бы искренно радоваться, что ихъ такъ нечувствительно затронули теперь. Центръ мануфактурной промышленности — хлопчатобумажныя ткани и издѣлія — вовсе не тронутъ, на шерстяную пряжу сбавка въ какихъ-нибудь 5—6%, а если мы сдѣлали крупную сбавку на бархатъ и плюшъ, то даже по заявленію отчета, составленнаго проф. Менделѣевымъ для выставки въ Чикаго, эти производства у насъ развивались только качественно, но не количественно. Кто не смотритъ на каждое, даже ничтожное уменьшеніе пошлинъ какъ на жертву, тотъ навѣрное пошелъ бы гораздо дальше сдѣланныхъ нами сба-

вокъ, напр., относительно сельскохозяйственныхъ машинъ, большинство которыхъ все равно ввозится изъ-за границы, или сеноковъ, косъ и т. д., которыхъ, по даннымъ того же сборника подъ редакціей Менделѣева, у насъ всего-на-всего производится 13% ежегоднаго спроса. Мы охотно пожертвовали бы этими статьями, и, разумѣется, не въ интересахъ нѣмцевъ, а въ интересахъ нашихъ собственныхъ потребителей. Во всякомъ случаѣ, и съ точки зрѣнія фабриканта при договорномъ тарифѣ еще можно жить, и наши производители поступили бы умнѣе, еслибы вмѣсто жалобъ и ходатайствъ заранѣе приготовились къ конкуренціи съ иностранцами. Немножко больше расторопности, энергіи, вниманія къ европейской техникѣ, и мы легко дѣйствительно создали бы національную промышленность, не на счетъ, а для пользы массы потребителей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при заключеніи трактата съ Россіей Германія руководствовалась больше политическими, чѣмъ экономическими мотивами. Какъ ни желательно германской промышленности сохранить и расширить сбытъ въ Россію, интересы помѣщика, все-таки, вліятельнѣе; эти интересы находятъ защиту въ придворныхъ сферахъ, основываясь на заслугахъ юнкера, который всегда „клалъ голову за прусскаго короля“. Если юнкеръ увѣряетъ теперь, что онъ съ тяжелымъ сердцемъ, гонимый нуждою, оппонируетъ своему правительству, то повѣрьте, что король, какъ Вильгельмъ II, и канцлеръ, какъ графъ Каприви, съ не менѣе тяжелымъ сердцемъ рвутъ традиціонныя связи съ поземельной аристократіей.

Я увѣренъ, что Вильгельму II и Каприви удастся сломить аристократическую фронду, но они много дали бы, чтобы ея не было, и пожертвовали бы интересами нѣмецкой торговли и промышленности, еслибы въ настоящемъ случаѣ рѣчь шла только о торговлѣ или промышленности. Еще вчера императоръ заявилъ на обѣдѣ у канцлера, что кто отклоняетъ трактатъ съ Россіей, тотъ беретъ на себя страшную отвѣтственность, потому что крушеніе договора ухудшитъ международныя отношенія, поколеблетъ шансы мира. Скромный Левецовъ, въ качествѣ консерватора-помѣщика, имѣлъ смѣлость отвѣтить императору, что противники договора преданы престолу и отечеству, и если они отвергаютъ договоръ, то потому, что сельское хозяйство на краю гибели. Легко представить себѣ, что скажутъ такіе аграріи въ рейхстагѣ, какъ Мантейфель, Плецъ и подобные имъ.

Нужно еще вспомнить, при какихъ условіяхъ осуществляется

соглашеніе съ Германіей. Франція какъ разъ теперь подымаетъ пошлины на пшеницу до неслыханной высоты, при которой экспортъ почти немыслимъ. Неужели намъ отрѣзать себѣ еще доступъ на германскіе рынки? Стоитъ только сравнить нашъ договоръ съ Франціей и опубликованный теперь договорный тарифъ съ Германіей, чтобы убѣдиться, какъ неизмѣримо лучше мы въ этотъ разъ оградили свои интересы, чѣмъ въ прошлый. За уменьшеніе пошлинъ на нефть и керосинъ мы сбавили французамъ пошлины на 22 статьи и заранѣе предоставили имъ всѣ льготы, какія когда-либо,—пока, конечно, дѣйствуетъ договоръ,—достанутся другой странѣ, тогда какъ Германію мы побудили открыть доступъ нашей ржи, пшеницѣ, ячменю, лѣсу, керосину и цѣлому ряду важнѣйшихъ статей нашего отпуска.

„Наши промышленники,—говорилъ мнѣ одинъ представитель Германіи въ торговой конференціи,—значительно облегчили намъ задачу: они оказались умными людьми, не жадничающими, а довольствующимися тѣмъ, что достижимо, и не гоняющимися за эфемерными выгодами“. Можно только пожелать, чтобы наши русскіе промышленники подражали хоть въ нѣкоторыхъ чертахъ своимъ нѣмецкимъ собратьямъ.

XIV.

Берлинъ, 26-го января 1894 г.

Въ выдающіяся минуты политической жизни, — а нынѣшняя безспорно принадлежитъ къ выдающимся—меня всегда поражаетъ въ Германіи одна черта въ общественномъ настроеніи, для которой я не нахожу другого названія, какъ общность культуры. Это и не специфически нѣмецкая особенность, а принадлежность европейской цивилизаціи. Кого интересуетъ, кого волнуетъ у насъ такой вопросъ, какъ заключеніе торговаго договора? Интеллигентное меньшинство, фабрикантовъ, землевладѣльцевъ. Посмотрите теперь, что дѣлается въ Германіи, сколько милліоновъ людей здѣсь сегодня разсуждаютъ о достоинствахъ и недостаткахъ соглашенія съ Россіей, спорятъ, высчитываютъ, задумываются... Безъ преувеличенія можно сказать, что отъ императора до фабричнаго рабочаго всѣ интересуются теперь вопросомъ о договорѣ съ Россіей. Не потому, чтобы безъ нашего рынка Германія не могла существовать: экономическіе мотивы въ этомъ случаѣ, правда, очень серьезны, кому же охота разрывать традиціонныя торговыя сношенія? Но не одни экономическія соображенія приводятся въ пользу договора съ Рос-

сіей. Страстное желаніе мира одинаково присуще и зажиточному бюргеру, и рабочему, и сколько бы кн. Бисмаркъ ни твердилъ, что можно вести торговую войну, оставаясь въ политической дружбѣ, никто кромѣ аграріевъ ему въ этомъ случаѣ не вѣритъ. Развѣ онъ самъ, будучи канцлеромъ, десятки разъ не повторялъ, что для укрѣпленія европейскаго мира желательно и сближеніе экономическихъ интересовъ? Подымая въ 1887 г. пошлины до 5 марокъ на пшеницу и рожь, Бисмаркъ имѣлъ въ виду только создать почву для торговаго договора съ Россіей, сохраняя для землевладѣльцевъ въ перспективѣ 3-хъ-марковую пошлину. Бисмаркъ желалъ, слѣдовательно, сбавить пошлины на русскій хлѣбъ, если мы согласимся приступить къ торговымъ переговорамъ. Благодѣтельное значеніе трактата для сохраненія политической дружбы исчезло въ его глазахъ лишь послѣ того, какъ это сближеніе ему не удалось, и когда канцлеромъ сталъ другой.

Далѣе, не надо забывать, какое серьезное внутреннее броженіе вызвано вопросомъ о торговой политикѣ въ самой Германіи. Бюргерство и народъ спрашиваютъ: неужели мы еще живемъ въ эпоху феодальныхъ привилегій, когда можно жертвовать интересами большинства и даже страны ради выгодъ кучки привилегированныхъ? Правда, за кучкой идутъ еще сотни тысячъ крестьянъ,— иначе аграріи, конечно, не имѣли бы такого значенія въ парламентѣ. Но, во-первыхъ, если гдѣ въ Германіи еще существуютъ темнота и непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ, то это въ крестьянской средѣ; во-вторыхъ, значительный контингентъ крестьянскихъ голосовъ —продуктъ подчиненности, зависимости отъ сильнаго юнкерства. Кто же не знаетъ, что всѣ сельскіе рабочіе и зависимые крестьяне восточныхъ провинцій голосуютъ такъ, какъ имъ приказываютъ помѣщики?

„Vorwärts“ сегодня выразилъ насмѣшливое опасеніе, что мы не увидимъ въ рейхстагѣ многихъ испытанныхъ бойцовъ за юнкерскіе интересы. Слова императора не прошли для нихъ даромъ. Оппозиція, состоящая изъ людей, которые носятъ придворные, военные и чиновничьи мундиры, не можетъ идти противъ такого „категорическаго императива“. Заявленія императора, дѣйствительно, ничего не оставляютъ желать въ смыслѣ ясности и рѣшительности. Многіе упрекаютъ президента Левецова за то, что у него хватило смѣлости оппонировать, но какъ консерваторъ, голосовавшій противъ торговыхъ договоровъ съ Румыніей и Сербіей, онъ еще былъ самый послѣдовательный. Другіе ищутъ золотыхъ

или „ослиныхъ“ мостовъ, чтобы съ достоинствомъ предпринять отступленіе. Есть, конечно, и смѣльчаки, какъ, напримѣръ, депутатъ Кардорфъ, созвавшій сегодня въ рейхстагъ на частное собраніе всѣхъ противниковъ договора съ Россіей. Кардорфъ повторилъ здѣсь предложеніе, уже внесенное разъ въ прусскую палату и вызвавшее тамъ справедливое замѣчаніе министра Берленша, что оно равносильно отклоненію договора. Если, предлагаетъ Кардорфъ, договоръ заключается со страною, валюта которой обезцѣнена, къ договорнымъ пошлинамъ на хлѣбъ присоединяются еще „уравнительныя“: при ажіо въ 10% — на 1 марку съ центнера ржи и $2^1/_2$ съ центнера пшеницы, при ажіо въ 20 и болѣе процентовъ — 2 и 5 марокъ. Консерваторы нашли, что это геніальная идея, но въ другихъ партіяхъ надъ ними только смѣются. Даже тѣ изъ депутатовъ центра и національ-либераловъ, которыхъ считаютъ противниками договора, сочли лишнимъ явиться на зовъ Кардорфа.

Бывшій проповѣдникъ Штекеръ, хотя и не состоитъ больше депутатомъ, рѣшилъ отозваться на событіе дня, и его отзывъ очень характеренъ. Зачѣмъ,—спрашиваетъ онъ,—намъ было вотировать недавно еще 50 милліоновъ въ годъ на армію, если мы должны „плясать по дудкѣ Россіи“? Неужели мы, нѣмцы, такъ слабы? Если въ этихъ словахъ вообще заключается смыслъ, то это, конечно, тотъ, что Германія, вмѣсто того, чтобы заключать съ нами договоръ, должна бы сдѣлать намъ вызовъ.

Какъ и въ прежніе годы, сторонники университетскаго образованія женщинъ воспользовались бюджетными дебатами для возбужденія симпатій къ своему правому дѣлу. Прежде иниціаторами такихъ запросовъ бывали свободомыслящіе и соціалъ-демократы, въ нынѣшній же разъ,—и это тоже интересное знаменіе времени,—въ защиту женщинъ выступилъ національ-либеральный депутатъ, князь Каролатъ. Онъ указалъ какъ на постоянно усиливающееся движеніе среди женщинъ, стремящихся получить доступъ къ высшему образованію, такъ и на ходатайства женщинъ, желающихъ, въ случаѣ болѣзни, имѣть женщину-врача. Петиціи съ тысячами подписей поступаютъ въ рейхстагъ; послѣдній уже обращался къ правительству, но сколько-нибудь замѣтнаго результата до сихъ поръ еще не видно. Прежде министры и университеты ссылались на то, что дѣвушки недостаточно подготовлены къ слушанію лекцій: „позаботьтесь прежде о томъ, чтобы дѣвушки могли сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости,—отвѣчали они на ходатайства „обществъ реформы“, — и имъ откроютъ двери университетовъ“.

Мы, — говоритъ кн. Каролатъ,—теперь основали женскія гимназіи, съ программой мужскихъ, въ Берлинѣ и Карлсруэ, безъ всякаго пособія отъ правительства, исключительно на частныя средства. Весьма вѣроятно, что черезъ нѣсколько лѣтъ такія гимназіи возникнутъ во всѣхъ большихъ городахъ, если мы будемъ имѣть увѣренность, что дѣвушкѣ, кончившей курсъ, дѣйствительно дадутъ доступъ въ университетъ. Иначе основаніе классическихъ гимназій для дѣвушекъ не имѣетъ смысла. Въ Англіи уже насчитываютъ 150 high schools для дѣвушекъ, но тамъ и университеты имъ открыты. То же самое мы видимъ въ Америкѣ, гдѣ уже около 3,000 женщинъ-врачей, и во Франціи. Благодаря профессору Бонги, министру народнаго просвѣщенія въ послѣднемъ кабинетѣ, женщины получили доступъ и въ итальянскіе университеты. „Не стыдно ли, — восклицаетъ депутатъ, — что мы одни такъ отстали отъ всего цивилизованнаго міра? Въ обществѣ предразсудки противъ женщинъ-студентокъ исчезаютъ, пусть же правительство поможетъ намъ срѣзать эту негармонирующую съ нашей культурой китайскую косу".

Министръ Беттихеръ отвѣчаетъ депутату, что онъ съ большимъ удовольствіемъ помогъ бы сторонникамъ высшаго женскаго образованія срѣзать косичку, о которой говорилъ кн. Каролатъ, но, къ сожалѣнію, это вопросъ, принадлежащій компетенціи не имперскаго правительства и рейхстага, а отдѣльныхъ, автономныхъ въ этомъ случаѣ территорій: Пруссіи, Баваріи, Саксоніи и т. д. Направьте ваши усилія на то, чтобы сломить упорство прусской палаты или саксонской камеры. Даже въ единственномъ университетѣ, не принадлежащемъ отдѣльной самостоятельной территоріи, — страссбургскомъ, компетенція имперскаго правительства чрезвычайно ограничена.

Такъ какъ рейхстагу еще придется вернуться къ темѣ объ университетскомъ образованіи женщинъ, по поводу новыхъ петицій, то пренія на этомъ и оборвались. Только Рикертъ еще отвѣтилъ, шутя, Беттихеру: вашъ совѣтъ не пропадетъ даромъ, мы ужъ предпримемъ аттаку на прусскаго министра народнаго просвѣщенія!

XV.

Берлинъ, 4 марта 1894 г.

Мы теперь положительно очень популярны въ Берлинѣ. Не только биржевики, спекулирующіе на повышеніе рубля, но и мѣст-

ные бюргеры, ведя политическую бесѣду за кружкой пива, приходятъ къ заключенію, что Россія—хорошая страна и съ неисчерпаемыми природными богатствами. Даже „тетка Фосъ“ — такъ берлинецъ называетъ свою „Vossische Zeitung“,—находитъ, что, въ сущности, наиболѣе вѣрную характеристику нашей страны представилъ авторъ когда-то очень популярнаго водевиля „Was denken Sie über Russland?“ („Что вы думаете о Россіи?“), отвѣтившій: Russland ist ein sehr schönes Land, mit Ausnahme von Sibirien!

Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что эта наша „популярность“ ограничивается Берлиномъ и промышленными городами. Нѣмецкая деревня, и, въ особенности, деревня, которою командуетъ прусскій юнкеръ, нѣжныхъ чувствъ къ намъ отнюдь, какъ вы знаете не питаетъ. Любопытнѣе всего метаморфоза въ отношеніяхъ политическихъ партій, совершившаяся подъ вліяніемъ экономическихъ интересовъ. Роли совершенно перемѣнились. Прусское юнкерство, прежде видѣвшее въ нашей странѣ свой идеалъ и до того пресмыкавшееся предъ Россіей, что каждому русскому противно становилось, теперь искренно насъ ненавидитъ и нисколько не стѣсняется въ выраженіяхъ своей ненависти. На собраніяхъ, въ рейхстагѣ, въ печати и всѣми доступными имъ путями консерваторы взываютъ къ нѣмецкой гордости и проповѣдуютъ войну противъ русскаго ига. Кто теперь господинъ въ Германіи? — спрашивалъ ораторъ на консервативномъ собраніи третьяго дня въ Tonhalle. И присутствующіе хоромъ отвѣтили: Россія! Органъ союза сельскихъ хозяевъ даетъ Каприви практическій совѣтъ—уступить Россіи всѣ восточныя провинціи, вмѣстѣ съ Кенигсбергомъ и Данцигомъ: это несомнѣнно улучшитъ международныя отношенія и будетъ совсѣмъ въ духѣ достойной политики новаго курса...

Еще недѣли три тому назадъ „Kreuzzeitung“ и другія консервативно-антисемитическія газеты сообщали о грандіозной демонстраціи всѣхъ берлинскихъ патріотовъ противъ антинаціональнаго договора съ Россіей, „не русско-германскаго, а только русскаго договора, потому что въ немъ нѣтъ ничего нѣмецкаго“. Демонстрація состоялась, но это было что-то дѣтское немощное, и подало лишь поводъ къ насмѣшкамъ надъ аграріями. Представьте себѣ въ Берлинѣ, гдѣ собранія въ 5—6 тысячъ человѣкъ совершенно заурядная вещь, маленькую залу, сто вмѣщающую 800—900 слушателей, да еще не полную. Совершенно ординарная антисемитическая сходка, съ тою только разницей, что рядомъ съ Ште-

керомъ на эстрадѣ сидитъ баронъ Плецъ, псевдо-мужикъ Луцъ и нѣсколько нулей изъ рейхстага и прусской палаты. Роль запѣвалы досталась Штокеру. Бывшаго придворнаго проповѣдника особенно, какъ онъ увѣряетъ, огорчило, что Каприви говорилъ въ рейхстагѣ о задачахъ культуры и о томъ, что Германіи выпала почетная роль въ сближеніи европейскихъ народовъ. „Вмѣсто того, чтобы задаваться химерами, до которыхъ намъ дѣла нѣтъ,—отвѣчаетъ Штекеръ,—правительство заботилось бы лучше о культурѣ (обработкѣ) нѣмецкихъ полей. Результатомъ хваленой политики сближенія будетъ паденіе нѣмецкаго крестьянства и замѣна нашего дворянства, этого испытаннаго оплота трона и алтаря, биржевыми евреями. Боже, избавь насъ отъ этой перспективы! Лучше перейти къ государственной собственности. Если дѣла дальше такъ пойдутъ, какъ теперь, то единственнымъ спасеніемъ окажется уничтоженіе частной собственности на землю". Слова эти вызвали шумное одобреніе. Кто-то внесъ предложеніе—выразить глубокое негодованіе канцлеру за его не-нѣмецкую политику. Кончилось, однако, тѣмъ, что приняли довольно умѣренную резолюцію, приглашающую правительство придти на помощь нуждающемуся сельскому хозяйству.

Бисмаркъ уже даетъ аграріямъ совѣтъ—не кипятиться, а спокойно выжидать. Время ваше придетъ,—говоритъ онъ консервативной партіи,—если вы сами только не будете мѣшать естественному ходу событій. Каприви побѣдилъ при помощи свободомыслящихъ, поляковъ и соціалъ-демократовъ, но это невозможный союзъ, и очень скоро должно наступить одно изъ двухъ: или эти союзники задушатъ канцлера въ своихъ объятіяхъ, и тогда вы, консерваторы, окажетесь спасителями порядка, или же канцлеръ самъ отброситъ отъ себя своихъ опасныхъ друзей,—и тогда опять вы окажетесь въ выигрышѣ.

Что̀ странно, это—донѣріе, съ которымъ многіе не-консерваторы относятся къ такимъ обѣщаніямъ. Нѣкоторые задаются вопросомъ, отчего бы канцлеру не воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для почетной отставки? Вѣдь онъ теперь побѣдилъ и можетъ уйти съ сознаніемъ, что ему удалось отстоять свои идеи! Внѣ Германіи такихъ разсужденій, быть можетъ, не поймутъ. Почему государственный дѣятель, съумѣвшій провести свои идеи, долженъ успокоиться на лаврахъ и выпустить дѣло изъ рукъ? Здѣсь же находятся хорошо освѣдомленные люди, которые не считаютъ подобнаго исхода невѣроятнымъ; по ихъ мнѣнію, прусскій режимъ немыслимъ безъ консерватора. Ближайшее будущее покажетъ, кто правъ и кто заблуждается. Мнѣ ка-

жется, что консервативная партія сама очень много сдѣлала для того, чтобы убѣдить правительство, что возможно правленіе и безъ нея.

Несомнѣнно, что стойкость, вѣрность убѣжденіямъ, на какой бы сторонѣ и по какимъ бы мотивамъ она ни выражалась, заслуживаетъ уваженія. Очень возможно, что среди консерваторовъ находится нѣсколько такихъ идеалистовъ, какъ тотъ депутатъ, котораго рисуетъ Зудерманъ въ своемъ новомъ романѣ „Es war“ („Былое“): люди, искренно убѣжденные, что съ ихъ существованіемъ связано существованіе сытаго крестьянства и устойчиваго государственнаго порядка. Имъ будущее теперь рисуется, какъ одинъ изъ нихъ выразился, въ тѣхъ мрачныхъ словахъ, которыми Нибуръ характеризуетъ упадокъ флорентинской республики: „In dem Städten Pfuscher und Krämer, auf dem Lande zeitfachtendes und tagelöhnerndes Lumpengesindel“. Много ли, однако, этихъ искреннихъ людей? И не они ли, т.-е. не ихъ ли сословіе прежде всего несетъ отвѣтственность за такое состояніе народа? Теперь поздно поворачивать колесо исторіи...

Предыдущее было написано до засѣданія рейхстага. Отъ десяти до половины третьяго раздавались возгласы и жалобы побѣжденныхъ, но все кончилось, конечно, такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Аграріи даже не потребовали именного голосованія.

Послѣдніе заряды выпалили редакторъ „Kreuzzeitung“ баронъ Гаммерштейнъ и антисемитъ Либерманъ фонъ-Зонненбургъ. Гаммерштейнъ самъ замѣтилъ, что дѣло его погибшее, но онъ считаетъ нужнымъ говорить для страны, а не для депутатовъ. Нынѣшній договоръ—не памятникъ славы, а надгробный камень, на которомъ слѣдовало бы написать: „Здѣсь похоронено нѣмецкое сельское хозяйство“. Правая при этихъ словахъ демонстративно апплодируетъ, но апплодисменты еще усиливаются, когда ораторъ прибавляетъ: на камнѣ слѣдовало бы еще оставить свободное мѣсто для надписи, которая понадобится не въ далекомъ будущемъ: „Промышленность, хотя и пережила сельское хозяйство, но послѣдовала вскорѣ за нимъ“. Посмотримъ, иронизируетъ Гаммерштейнъ, какъ графъ Каприви справится съ своими новыми друзьями. Кто знаетъ, не понадобимся ли и мы, но будьте увѣрены, г. канцлеръ, что мы вамъ тогда скажемъ: довольно красивыхъ словъ, намъ нужны поступки! Въ соблюденіи торговаго договора со стороны Россіи редакторъ „Kreuzzeitung“ не увѣренъ: у насъ все будто-бы останется на бумагѣ, wegen des bis in die Knochen corrumpirten Tschinownikthum“.

Рѣчь д-ра Либера была сегодня положительно хороша. Нынѣшній вождь центра не импонируетъ своими дарованіями, но у него бываютъ хорошіе дни, когда въ немъ сказываются лучшія традиціи и живое общеніе съ католическимъ народомъ. Либеръ напомнилъ консерваторамъ, что сами они до 70-хъ годовъ были фритредерами; только послѣ того, какъ Германія изъ страны, вывозящей хлѣбъ, стала страной ввозящей, консерваторы совершили поворотъ къ протекціонизму. Въ вашихъ устахъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ правой, — жалобы на угнетеніе нѣмцевъ за границей просто смѣшны. Не вы ли поддерживали кн. Бисмарка во всѣхъ мѣрахъ противъ поляковъ и прочихъ инородцевъ въ Германіи? Не при содѣйствіи ли консервативной партіи воздвигнутъ былъ культуркампфъ, причинившій столько страданій нашему католическому народу? Теперь вы хотите повліять на насъ упоминаніемъ о преслѣдованіяхъ въ другихъ странахъ. Тамъ дѣлаютъ то же самое, что дѣлали вы. Что касается вашего удивленія по поводу филосемитическихъ словъ моихъ друзей, д-ра Бахема и барона Геремана, то вы напрасно спекулируете на дурные инстинкты народа. Повѣрьте, что мы лучше знаемъ нашъ католическій народъ, чѣмъ вы. Проповѣдь любви скорѣе находитъ откликъ въ его сердцѣ, чѣмъ ненависть". Относительно договора съ Россіей д-ръ Либеръ замѣтилъ: „бываютъ кровавыя и безкровныя побѣды; я предпочитаю послѣднія и поэтому ставлю такое сближеніе народовъ, какъ нынѣшнее, не ниже нашихъ побѣдъ 1870—71 гг. Дѣяніе внука не ниже побѣдъ дѣда". Это немножко преувеличено и не лишено лести, но, согласитесь, гораздо лучше, чѣмъ призывъ юнкеровъ — разорвать договоръ на полѣ брани.

Когда президентъ Левецовъ заявилъ, что торговый договоръ съ Россіей окончательно принятъ, Каприви поднялся съ своего мѣста и подошелъ пожать руки Маршаллю, Тилеману и Ламоцану. Они больше всѣхъ потрудились для осуществленія договора, и со стороны Каприви было благородно отмѣтить публично заслуги своихъ сотрудниковъ. Никогда ничего подобнаго не бывало при Бисмаркѣ. Разумѣется, и министры и многіе депутаты, въ свою очередь, жали руки Каприви и поздравляли его съ побѣдой.

Побѣдители не ликовали, потому что побѣда въ сущности уже была одержана недѣлю тому назадъ. Всѣ спѣшатъ къ выходу. Въ фойэ партійной розни почти нѣтъ. Консерваторъ съ большою сердечностью жметъ руку свободомыслящему и желаетъ провести пріятно праздники. „Я бы поздравилъ васъ съ нашей общей побѣдой, — го-

ворить мнѣ знакомый,—но что скажетъ Плецъ? И онъ указываетъ на президента Bund der Landwirthe: „Продали Германію Россіи!“ Это говорится съ полнымъ добродушіемъ, да и у аграріевъ на лицѣ написано, что они рады уже поѣхать домой на праздники.

XVI.

Берлинъ, 22-го марта 1894 г.

Живѣйшій интересъ въ Германіи вызываетъ теперь вопросъ о положеніи адвокатуры. Адвокатская профессія переполнена: въ Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ сотни адвокатовъ сидятъ безъ дѣла и безъ хлѣба; старымъ, привыкшимъ къ насиженнымъ мѣстамъ повѣреннымъ приходится выдерживать конкуренцію молодыхъ и болѣе ловкихъ, можетъ быть и болѣе безцеремонныхъ, товарищей. Понятно, что и вытѣсняемые, и голодные недовольны. Отсюда выводъ: необходимо вмѣшательство закона, нужно устранить непріятную конкуренцію.

Совершенно то же явленіе, что въ адвокатурѣ, мы видимъ въ другихъ ученыхъ профессіяхъ, въ особенности у врачей, которые тоже жалуются на переполненіе своего сословія. Причины тамъ и здѣсь почти одинаковыя: стремленіе въ большіе города, несоотвѣтствіе между требованіями за услуги и платежными силами населенія и т. п. Изъ врачей никто еще, однако, до сихъ поръ не предлагалъ, чтобы введенъ былъ комплектъ докторовъ, для обезпеченія „правъ“ благополучно практикующихъ. Адвокаты хитроумнѣе: ихъ лозунгъ теперь—комплектъ или, какъ здѣсь выражаются, „numerus clausus“. Справедливость требуетъ прибавить, что къ этому закрѣпленію за нынѣшними адвокатами правъ и привилегій, къ закрытію дверей новымъ пришельцамъ стремятся далеко не всѣ нѣмецкіе юристы.

Нельзя отрицать, что въ адвокатурѣ не мало элементовъ, не соотвѣтствующихъ ея общественному назначенію. Когда я, однако, слышу жалобы на упадокъ нравовъ и вздохи по поводу того, что нынѣшній адвокатъ такъ мало похожъ на безукоризненнаго и образованнаго прусскаго адвоката добраго стараго времени, я вспоминаю, что тѣ же сѣтованія слышатся и на нынѣшнихъ судей. Умственный уровень и тутъ не всегда высокій, а страсти, политическія тенденціи такъ часто врываются въ залу суда, что истинные патріоты приходятъ въ отчаяніе. На одной сторонѣ болѣе развиты одни изъяны, на другой—другіе, но и судья, и адво-

катъ —дѣти того же меркантильнаго вѣка, духъ котораго проникаетъ во всѣ сферы отношеній. Не правда ли, очень остроумный способъ лѣченія—создать, для поднятія нравовъ, привилегированную касту? Какъ будто нравы портятся отъ избытка конкуренціи, а не отъ элемента торговли, купли-продажи услугъ, столь же профанирующаго занятіе адвоката, какъ и занятіе врача, священника и всякаго иного общественнаго служителя?

На эти мысли наводитъ меня циркуляръ прусскаго министра юстиціи Шеллинга, вызывающій много толковъ въ Берлинѣ. Нынѣшній министръ — тотъ самый Шеллингъ, который въ началѣ 60-хъ годовъ былъ прокуроромъ и выступилъ обвинителемъ противъ Лассаля. Знаменитый агитаторъ въ своей защитительной рѣчи безпрестанно цитировалъ тогда Шеллинга-отца, великаго философа, противъ Шеллинга-сына, прусскаго прокурора, и трудно даже теперь еще читать безъ смѣха эту остроумную и блестящую защиту. Въ качествѣ министра, бывшій прокуроръ оказался, однако, справедливымъ человѣкомъ, такъ что въ Берлинѣ были очень удивлены, когда появился его циркуляръ, заключающій въ себѣ попытку къ ограниченію свободы адвокатуры,—очень скромную попытку, правда, только подготовительный шагъ, и то осторожный. Министръ ничего не предпринимаетъ и не приказываетъ, да этого онъ и не можетъ самостоятельно сдѣлать; онъ только обращается съ вопроснымъ листомъ къ судамъ и совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ (Anwalts-Kammern) относительно мѣръ, желательныхъ для устраненія недостатковъ современной адвокатуры и касающихся ограниченія „свободы передвиженія“ адвоката и его права на самостоятельную практику.

Въ своемъ циркулярѣ министръ упоминаетъ, что въ 1885 г. его предшественникъ уже собиралъ справки относительно введенія ограниченнаго комплекта и затрудненія права выступать предъ судомъ высшей инстанціи; но мнѣнія тогда оказались настолько противорѣчивыми, „что вопросъ пришлось оставить въ покоѣ до окончательнаго его выясненія“. „Съ тѣхъ поръ, продолжаетъ министръ, въ адвокатурѣ замѣчается еще большее переполненіе. Въ 1873 году въ Берлинѣ было 93 присяжныхъ повѣренныхъ, а теперь ихъ—611. Такой же колоссальный приростъ замѣчается во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Бреславлѣ, Магдебургѣ и другихъ большихъ городахъ. Многіе жалуются на то, что молодые люди безъ достаточнаго практическаго опыта, безъ основательнаго знанія жизни и критическаго отношенія къ собственнымъ силамъ, принимаются за сложныя дѣла.

Въ спеціальной литературѣ и изъ среды совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ раздаются требованія объ ограниченіяхъ путемъ закона".

Министерскій циркуляръ перечисляетъ эти требованія. Одни желали бы только введенія комплекта, по усмотрѣнію суда и адвокатской камеры; другіе предлагаютъ обусловить допущеніе къ практикѣ предварительной дѣятельностью въ теченіе 2—3 лѣтъ у практикующаго адвоката; третьи желали бы, чтобы молодые адвокаты сначала выступали только предъ судами низшихъ инстанцій; четвертые желаютъ болѣе строгой личной квалификаціи и зависимости принятія въ адвокатуру отъ усмотрѣнія соединеннаго совѣта суда и адвокатской камеры.

Въ печати и обществѣ противъ всѣхъ этихъ предложеній раздаются очень рѣзкія возраженія. Они были бы еще рѣзче и страстнѣе, еслибъ большинство общественнаго мнѣнія не было убѣждено, что предложенія не выйдутъ изъ области благихъ пожеланій, и что рейхстагъ никогда не согласится ограничить свободу адвокатуры. Введеніе комплекта, говорятъ здѣсь, неминуемо вызоветъ зависимость адвокатуры и подчиненіе ея произволу судовъ и министровъ; свободная же адвокатура—составная часть независимой юстиціи.

XVII.

Берлинъ, 10 мая 1894 г.

Самымъ выдающимся событіемъ этой недѣли, вѣроятно, будетъ конгрессъ горнорабочихъ въ Берлинѣ. Руководительство имъ принадлежитъ не нѣмцамъ, а англичанамъ. Pickard, предсѣдатель федераціи горнорабочихъ въ Англіи, прибылъ въ Берлинъ для организаціи съѣзда. Засѣданія конгресса посвящены слѣдующимъ вопросамъ, возбужденнымъ по иниціативѣ англичанъ: 1) установленіе закономъ 8-часового рабочаго дня, считая въѣздъ въ шахты и выѣздъ оттуда; 2) отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи; 3) женскій трудъ въ каменноугольныхъ копяхъ; 4) нормальная заработная плата: обсужденіе средствъ къ ея достиженію и сохраненію; 5) что можетъ быть предпринято международнымъ путемъ для борьбы съ перепроизводствомъ и кризисами; 6) назначеніе инспекторовъ копей изъ лицъ, работавшихъ въ качествѣ рудокоповъ.

Какъ видите, вопросы въ высшей степени серьезные, въ разрѣшеніи которыхъ заинтересованы не только рабочіе, но и предприниматели и, въ особенности, государство. Въ Германіи къ тому же

государство само — крупный предприниматель въ каменноугольной промышленности.

По числу участниковъ конгрессъ горнорабочихъ, правда, не великъ: на немъ всего 86 делегатовъ. Но за каждымъ изъ нихъ тысячи, десятки тысячъ неявившихся лично, но говорящихъ устами своихъ довѣренныхъ людей. Не безъ основанія называютъ каменноугольныхъ рабочихъ авангардомъ европейскаго пролетаріата, потому что нигдѣ нельзя найти столько солидарности, такого сплоченія, подчиненія общему плану, какъ среди рабочихъ угольныхъ копей. Вѣроятно, это стоитъ въ связи съ условіями работы: подъ землей, среди товарищей, въ постоянномъ сознаніи зависимости другъ отъ друга въ жизни и смерти, въ трудахъ и несчастіяхъ. Ошибка одного можетъ повлечь гибель сотни людей; несправедливость хозяина отражается на всѣхъ и всѣми подхватывается.

Другое обстоятельство, выдѣляющее конгрессъ горнорабочихъ изъ многихъ другихъ, это—его международный характеръ. Рабочіе конгрессы не въ диковинку въ Германіи, гдѣ ежегодно бываютъ съѣзды соціалъ-демократіи и множества профессіональныхъ обществъ, но въ первый разъ на германской почвѣ созывается *международный* рабочій съѣздъ, правда, не общій и не исключительно соціалъ-демократическій, но, все же, собирающій представителей пролетаріата изъ разныхъ странъ. Очевидно, рабочіе до сихъ поръ не полагались на либерализмъ германскихъ властей; послѣднія по закону ничего не могутъ предпринять противъ нѣмцевъ, но иностранцы, вѣдь, не пользуются гарантіями, ихъ терпятъ только и во всякое время могутъ выслать. Подтвержденіемъ этому опасенію какъ будто является немедленное изгнаніе одного изъ бельгійскихъ делегатовъ на засѣдающемъ теперь конгрессѣ, извѣстнаго Дефуссо. Говорю, все-таки, „какъ будто“, потому что Дефуссо отчасти самъ виноватъ въ причиненной ему непріятности: прежде чѣмъ пріѣхать въ Берлинъ, онъ счелъ нужнымъ предупредить берлинскую полицію, что онъ еще долженъ отсидѣть въ Бельгіи *тридцать три года* тюремнаго заключенія. Берлинской полиціи это показалось плохой рекомендаціей, и бельгійскаго делегата, какъ только онъ пріѣхалъ, попросили удалиться изъ Германіи.

Изъ 86 делегатовъ, 38 изъ Англіи; они являются представителями 645,000 горнорабочихъ Англіи и Шотландіи, по большей части принадлежащихъ къ федераціи, которая только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ обратила на себя взоры всего міра грандіозной стачкой, кончившейся въ ея пользу. Нынѣшній англійскій

премьеръ былъ тогда посредникомъ между владѣльцами копей и угольщиками-рабочими. Число германскихъ делегатовъ 39, но за ними стоятъ только 192,000 рабочихъ Вестфаліи, Рейнской провинціи, Силезіи и Саксоніи. Франція представлена на конгрессѣ 4 депутатами, имѣющими полномочія отъ 100,000 рабочихъ, Австрія—2 съ такимъ же числомъ голосовъ; 3 бельгійскихъ делегата говорятъ отъ имени 70,000 товарищей. Такимъ образомъ, на конгрессѣ засѣдаютъ представители свыше милліона рабочихъ. Сами представители, за рѣдкими исключеніями, тоже горнорабочіе. Изъ иностранцевъ англичане выдаются не только по числу, но и по особенной квалификаціи своихъ представителей, среди которыхъ 6 депутатовъ Нижней палаты и одинъ крупный членъ англійскаго правительства. Это — Бэртъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а теперь товарищъ статсъ-секретаря въ министерствѣ торговли.

Его рѣчь при открытіи конгресса, въ отвѣтъ на привѣтствія Зингера, Легина и другихъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что предъ нами не исключительно партійное собраніе. Въ то же время она прекрасно характеризуетъ значеніе подобныхъ съѣздовъ въ движеніи европейскаго пролетаріата.

Ораторъ напомнилъ, что онъ не въ первый разъ въ Берлинѣ. Въ 1890 г., когда императоръ Вильгельмъ созвалъ въ Берлинѣ международную конференцію по рабочему вопросу, Бэртъ былъ делегатомъ англійскаго правительства. Онъ не игнорируетъ значенія правительственной конференціи: она безспорно принесла пользу, въ особенности тѣмъ, что отодвинула до болѣе поздняго возраста допущеніе дѣтей къ фабричнымъ работамъ. Но еще несравненно серьезнѣе и полезнѣе конгрессы, созываемые самими рабочими. „Я надѣюсь, что и настоящій конгрессъ поведетъ къ укрѣпленію международной солидарности: въ этомъ я вполнѣ схожусь съ депутатомъ Зингеромъ“. Ошибочно думать,—продолжаетъ Бэртъ,—будто значеніе конгрессовъ такого рода измѣряется ихъ ближайшими практическими результатами: важнѣе, наоборотъ, ихъ воспитательное вліяніе на рабочее движеніе во всѣхъ странахъ. Кое-гдѣ организація рабочихъ уже теперь прекрасна, но это не значитъ, чтобы она была совершенна; во многихъ же странахъ еще приходится начинать съ азбуки, положить начало организаціи въ профессіональные союзы. Именно тамъ, гдѣ еще ничего не сдѣлано, гдѣ интересы труда не находятъ себѣ выраженія и защиты, примѣръ передовыхъ странъ можетъ повести къ полезной организаціи, полезной для рабочихъ и для всей страны. „Мы очень вы-

соко цѣнимъ еще одно воспитательное достоинство конгрессовъ,— продолжаетъ ораторъ, — мы научаемся здѣсь выслушивать мнѣнія другихъ, даже, когда мы съ ними несогласны. Каждый участникъ рабочаго конгресса долженъ быть за свободу рѣчи, а свобода рѣчи означаетъ — право имѣть собственное мнѣніе и право выражать его.

Первое засѣданіе конгресса происходило подъ предсѣдательствомъ Бэрта, во второмъ предсѣдательствовалъ членъ англійскаго парламента Самуэль Вудсъ, бывшій рабочій, какъ и большинство присутствующихъ на конгрессѣ депутатовъ Нижней палаты. Это второе засѣданіе все ушло на представленіе отчетовъ о положеніи каменноугольной промышленности въ европейскихъ странахъ. Для изслѣдователя тутъ богатѣйшій матеріалъ, почерпнутый изъ дѣйствительной жизни и заключающій въ себѣ цѣнныя статистическія данныя. Въ виду остраго интереса, который пріобрѣли теперь условія труда въ каменноугольныхъ копяхъ Австріи, мы прежде всего остановимся на сообщеніи австрійскаго делегата отъ рабочихъ въ Польскомъ Островѣ.

Въ Австріи дѣйствуетъ еще законъ 1854 г., по которому работы въ каменноугольныхъ копяхъ должны продолжаться не болѣе 12 часовъ и малолѣтніе до 16 лѣтъ не допускаются къ опаснымъ работамъ подъ землей. По увѣренію делегата на берлинскомъ конгрессѣ, законъ этотъ однако не точно соблюдается. Заработная плата горнорабочаго не превышаетъ 1 гульдена 30 крейцеровъ въ день. Плата сдѣльная, но вмѣсто „нормальныхъ дней“ рабочіе остаются въ копяхъ до 12 часовъ и больше, получаютъ же плату только за 8; вмѣсто 30 шахтъ рабочимъ платятъ только за 25. При несовершенствахъ своей организаціи, рабочіе страдаютъ отъ недобросовѣстныхъ пріемовъ предпринимателей. Послѣднимъ принадлежатъ жилища, за которыя приходится платить непомѣрно дорого, до 10 гульденовъ въ мѣсяцъ. Потребительныя общества, стоящія подъ наблюденіемъ дирекціи, также превращаются въ источникъ эксплоатаціи. Это ясно обнаруживается въ нынѣшней стачкѣ: рабочихъ выгоняютъ изъ квартиръ, съѣстныя лавки потребительныхъ обществъ закрыты, и тысячи семействъ сидятъ безъ пристанища и безъ хлѣба.

Въ программѣ конгресса крупнѣйшими вопросами являются установленіе закономъ 8-часового рабочаго дня, требованіе нормальной заработной платы и отвѣтственность предпріятій за несчастія съ рабочими. Первые 2 вопроса одинаково интере-

суютъ рабочихъ во всѣхъ странахъ, тогда какъ вознагражденіе пострадавшимъ при работѣ въ Германіи уже осуществлено въ довольно удовлетворительномъ смыслѣ. За то нѣмцы хуже поставлены какъ относительно продолжительности труда, такъ и заработной платы. Они едва ли могутъ даже мечтать пока объ осуществленіи того идеала, о которомъ одинъ изъ англійскихъ делегатовъ говорилъ на конгрессѣ, какъ о ближайшемъ, практическомъ требованіи. „Я еще съ дѣтства,—заявилъ онъ,—постоянно слышалъ требованіе нашихъ рабочихъ: 8 часовъ труда, 8 шиллинговъ заработной платы. Пора его осуществить".

Если англичанинъ говоритъ: пора, то это значитъ, что онъ чувствуетъ твердую почву подъ ногами. Англійскіе делегаты, являющіеся на конгрессъ, какъ я уже упоминалъ, представителями почти 700,000 рабочихъ, не всѣ одинаковаго мнѣнія. У нихъ есть большинство и меньшинство, они спорятъ часто другъ съ другомъ; но всѣ они вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности производятъ впечатлѣніе не теоретиковъ и идеалистовъ, а удивительно спокойныхъ людей практической жизни, взвѣшивающихъ факты и расходящихся только иногда въ ихъ оцѣнкѣ.

Тѣмъ знаменательнѣе, поэтому, что подавляющее большинство англійскихъ горнорабочихъ сходится съ нѣмцами и французами въ отношеніи къ 8-часовому рабочему дню, сходится не только въ желаніи сократить работу до 8 часовъ, что не представляло бы ничего удивительнаго: въ этомъ отношеніи рабочіе всѣхъ странъ и всѣхъ направленій согласны, —нѣтъ: сходится также въ требованіи, чтобы 8-ми часовой рабочій день былъ установленъ *закономъ обязательно*. Кто знаетъ исторію англійскихъ рабочихъ союзовъ, тотъ согласится, что въ ихъ воззрѣніяхъ на задачи государства произошелъ большой переворотъ, если они могутъ выступать защитниками всеобщаго законодательнаго ограниченія. Неудивительно, что меньшинство, по большой части старики и привилегированные союзы, еще борются противъ такого отступленія отъ старыхъ принциповъ.

Въ этомъ отношеніи дебаты на конгрессѣ представляли очень много интереснаго и поучительнаго. Отъ имени „союза горнорабочихъ Великобританіи" депутатъ Ковей предлагаетъ принять слѣдующую резолюцію: конгрессъ высказывается за принципъ восьмичасового рабочаго дня, включая спускъ въ копи и подъемъ оттуда, и предлагаетъ провести его въ законъ, такъ какъ, по его мнѣнію, только такимъ путемъ возможно пріобрѣтеніе и прочное сохраненіе

восьми-часового дня для всѣхъ націй, имѣющихъ своихъ представителей на нынѣшнемъ конгрессѣ". Стэнли, представитель Medland Federation, очень удачно полемизируетъ противъ тѣхъ изъ своихъ товарищей-англичанъ, для которыхъ государственное вмѣшательство все еще страшная ересь. „Наши противники,—замѣчаетъ Стэнли,—основываютъ свой взглядъ на томъ, что въ Нортумберлендѣ рабочимъ союзамъ, безъ всякаго воздѣйствія закона, удалось сократить рабочій день не только до 8, но даже до $7^1/_2$ часовъ. Это совершенно исключительный случай, объясняющійся необычайно благопріятными мѣстными условіями. Но кто намъ поручится, что если произойдетъ поворотъ къ худшему, въ условіяхъ ли рынка или предложенія труда, хозяева не удлинятъ занятій до 9 или болѣе часовъ? Возраженія противъ государственнаго вмѣшательства раздавались и при изданіи законовъ противъ Truck System (расплаты товарами), но никому въ Англіи теперь не придетъ въ голову утверждать, что эти законы не были благодѣтельны. Призраки, которые рисуютъ противники обязательнаго нормальнаго дня, исчезнутъ, какъ только законъ будетъ принятъ и на его сторонѣ окажется практическій опытъ.

Меньшинство изъ старыхъ тредъ-юніонистовъ пытается заставить конгрессъ принять другую резолюцію, высказывающуюся противъ государственнаго вмѣшательства. Она въ своей существенной части гласитъ такъ: „въ виду различія въ условіяхъ труда въ отдѣльныхъ странахъ, конгрессъ не считаетъ возможнымъ предоставить законодательству право нормировать продолжительность труда взрослыхъ рабочихъ. Конгрессъ горячо совѣтуетъ рабочимъ всѣхъ націй не пропускать удобнаго случая, гдѣ и когда онъ представится, къ уменьшенію рабочаго дня, насколько это возможно безъ ущерба для собственнаго благополучія".

Юнгъ, представитель Miner National Union, мотивируетъ это чисто манчестерское предложеніе. Его слушаютъ, изрѣдка только прерываютъ ироническими замѣчаніями, но даютъ говорить до конца, что̀ уже само служитъ нагляднымъ доказательствомъ осуществленія на рабочемъ парламентѣ свободы рѣчи. По словамъ Юнга, споръ между защитниками и противниками ограниченія, путемъ государственнаго вмѣшательства, рабочаго времени—споръ о методахъ, путяхъ, не о конечныхъ цѣляхъ. „За сокращеніе рабочаго дня мы стоимъ, какъ и вы,—обращается онъ къ конгрессу,—мы не хотимъ только принужденія и шаблонности. Условія труда, рабочаго времени и заработковъ до того отличаются по отдѣльнымъ странамъ и мѣстно-

стямъ, что я прихожу къ заключенію о вліяніи въ этомъ случаѣ естественныхъ факторовъ, противъ которыхъ законы безсильны. Создать разнообразныя нормы при разнообразіи условій,—какъ вы это осуществите? Я считаю такую затѣю безсмыслицей". Юнгъ пользуется случаемъ, чтобы сказать нѣсколько комплиментовъ нынѣшнему англійскому кабинету: большаго вздора, чѣмъ то, что говорили въ парламентѣ представители правительства о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, или что̀ отвѣтили лордъ Розбери и Асквитъ депутаціи рабочихъ, онъ не слыхалъ въ самомъ темномъ провинціальномъ собраніи. Нынѣшній премьеръ стремится только къ дешевой популярности, чтобы заручиться на выборахъ голосами рабочихъ. Духъ стараго тредъ-юніонизма лучше всего выразился однако въ слѣдующихъ словахъ Юнга: „я вижу здѣсь надписи: свобода, равенство, братство, и тщетно спрашиваю себя: какъ примирить свободу съ принужденіемъ, за которое намъ предлагаютъ высказаться? Только собственными усиліями и испытанными средствами кооперація мы въ состояніи достигнуть своей цѣли!" Товарищъ и единомышленникъ Юнга, Джонсонъ, даже взываетъ къ конгрессу: научитесь у меньшинства, потому что у меньшинства еще сохранился здравый разсудокъ.

Нужно ли говорить, что такія восклицанія не нашли отклика ни у нѣмцевъ и австрійцевъ, ни у французовъ и бельгійцевъ? Французъ Кальиньякъ требуетъ, чтобы конгрессъ не только одобрилъ предложеніе Ковэя, но еще подтвердилъ бы резолюцію, принятую на лондонскомъ конгрессѣ. Послѣдняя высказывалась за установленіе закономъ 8-часового дня для всѣхъ рабочихъ въ каменноугольной промышленности, какъ работающихъ въ копяхъ, такъ и работающихъ надъ землей. Отъ имени нѣмцевъ говорилъ Шредеръ, извѣстный подъ именемъ „депутата у императора": онъ былъ во главѣ той депутаціи вестфальскихъ горнорабочихъ, которая во время знаменитой стачки 1890 года имѣла аудіенцію у Вильгельма II. „У насъ въ Германіи,— замѣчаетъ Шредеръ — работа продолжительнѣе, чѣмъ въ Англіи. Въ Плауэнѣ и въ Цвиккау въ Саксоніи работаютъ 9—10 часовъ, въ Альтенбургѣ и Силезіи — до 12 часовъ. Хуже всего рабочимъ на государственныхъ соляныхъ копяхъ въ Саксоніи; тамъ имъ приходится оставаться подъ землей еще сверхъ „нормальныхъ" 12 часовъ, потому что и 12-ти часовъ такого напряженнаго труда недостаточно для прокормленія семьи. Сравнительно лучше въ Вестфаліи и на Рейнѣ, гдѣ работы въ каменноугольныхъ копяхъ длятся $8^1/_2 — 9^1/_2$ часовъ. Въ отличіе

отъ Саксоніи, государственныя угольныя копи округа Саары работаютъ часомъ меньше, чѣмъ частныя. Благодаря великой стачкѣ 1890 года, условія труда горнорабочихъ стали лучше; но это не долго продолжалось, и въ настоящее время можно сказать, что почти всѣ улучшенія, пріобрѣтенныя тяжелой цѣной, снова потеряны. Нѣмецкіе рабочіе приходятъ поэтому къ заключенію, что сокращеніе рабочаго времени можетъ быть достигнуто только всеобщей мѣрой, закономъ. Для германскаго правительства теперь представляется случай доказать на дѣлѣ, насколько искренни его симпатіи къ рабочимъ, въ которыхъ оно неоднократно исповѣдывалось.

На конгрессѣ голосуютъ по національностямъ; большинство опредѣляется не числомъ делегатовъ, а числомъ рабочихъ, представителями которыхъ состоятъ члены конгресса. Первыми подаютъ голоса англичане: 30 изъ нихъ за обязательный 8-часовой день, 10—противъ. Нѣмцы, французы и бельгійцы единогласно высказываются *за*. Результатъ баллотировки тотъ, что изъ 86 делегатовъ 76, являющіеся представителями 1 милліона 50 тысячъ горнорабочихъ, высказались за опредѣленіе максимальнаго, принудительнаго рабочаго дня въ 8 часовъ законодательнымъ путемъ, тогда какъ 10 делегатовъ, за которыми стояли 12 тыс. рабочихъ, высказались противъ государственнаго вмѣшательства. Провозглашеніе исхода баллотировки вызываетъ громъ рукоплесканій.

Другой пунктъ въ обсужденіяхъ конгресса вызываетъ меньше дебатовъ, но онъ опять дастъ намъ возможность убѣдиться, какъ велико еще различіе въ мысляхъ и настроеніи англійскаго и континентальнаго рабочаго. На очередномъ спискѣ стоитъ вопросъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастія во время работъ. Бельгіецъ Каллевертъ предлагаетъ конгрессу высказаться за полную отвѣтственность хозяевъ, по какой бы причинѣ несчастіе ни произошло.—А если несчастіе произошло по собственной винѣ рабочаго?—спрашиваетъ шотландецъ Weir. —Отвѣтственны и въ этомъ случаѣ, — отвѣчаетъ ему французъ Ламанденъ: — неосторожность рабочаго—результатъ привычки, а иногда и переутомленія, вслѣдствіе крайней продолжительности рабочаго дня. Предприниматели часто ссылаются на элементарныя, непредотвратимыя причины. Присмотритесь внимательнѣе, и окажется, что „непредотвратимыя“ причины легко было бы предотвратить, еслибы горнозаводчики и фабриканты столько же думали о человѣческой жизни, какъ о своей прибыли.

Это говорилъ радикальный французъ; но я вспоминаю, что

точно такія же рѣчи раздавались въ германскомъ рейхстагѣ изъ устъ консерваторовъ и даже министровъ. У англичанъ индивидуализмъ однако еще такъ прочно сидитъ въ головахъ, что они не могутъ представить себѣ отвѣтственности безъ личной вины. Членъ парламента Вудсъ присоединяется къ своему коллегѣ изъ Шотландіи: онъ самъ въ Нижней палатѣ защищалъ билль объ отвѣтственности хозяевъ, но если доказано, что рабочій пострадалъ по собственной неосторожности или по элементарнымъ причинамъ, то, по мнѣнію Вудса, объ отвѣтственности не можетъ быть рѣчи. Такъ думаетъ большинство англійскихъ делегатовъ; но конгрессъ съ ними не соглашается и высказывается за резолюцію бельгійцевъ: всякій пострадавшій имѣетъ право на вознагражденіе и обезпеченіе.

За то, когда рѣчь заходитъ о защитѣ женщинъ или дѣтей, споры прекращаются, и всѣ согласны. Старые тредъ-юніонисты привыкли въ Англіи, чтобы законы охраняли женщину и ребенка отъ эксплоатаціи. „Мы всегда смотрѣли на защиту слабыхъ, какъ на одну изъ благороднѣйшихъ задачъ своихъ союзовъ,—говоритъ на конгрессѣ делегатъ Уайшаусъ,—а женщины слабы. По своимъ физическимъ свойствамъ, онѣ не въ состояніи безъ ущерба для здоровья работать въ горныхъ промыслахъ. Освобождая женщину, мы подымаемъ все рабочее сословіе на болѣе высокую ступень". Съ трезвостью и сухостью истиннаго англичанина ораторъ прибавляетъ: „женщина должна перестать конкурировать съ мужчинами,—это понижаетъ заработки". Нечего и говорить, что всѣ остальныя націи не отстаютъ отъ англичанъ. Одинъ силезскій рабочій приводитъ статистическія свѣдѣнія: въ горныхъ промыслахъ Силезіи около 6,000 женщинъ работаютъ въ каменноугольныхъ копяхъ, правда, не подъ землей, болѣе 12,000 женщинъ имѣется на чугунныхъ заводахъ.

Единогласно принимается резолюція, требующая запрещенія женскаго труда въ горной промышленности вообще, не только въ копяхъ, но и надъ землей. Осуществленіе этого требованія признано обязанностью всѣхъ правительствъ.

Конгрессъ горнорабочихъ вызвалъ многочисленные и противорѣчивые толки въ публикѣ и печати. Какъ мнѣ приходилось отмѣчать, между континентальными и англійскими делегатами въ существенныхъ пунктахъ выразилось довольно замѣтное несогласіе идей: требованія англійскаго рабочаго не всегда гармонировали съ идеями и требованіями французовъ и нѣмцевъ. Слѣдуетъ ли изъ того, что на конгрессѣ, какъ увѣряютъ нѣкоторые органы берлин-

ской печати, произошелъ полный разрывъ? Бертъ, представитель умѣренной фракціи своихъ соотечественниковъ, отвѣчаетъ на это отрицательно. Англійскіе делегаты, увѣряетъ Бертъ, не уѣхали демонстративно изъ Берлина до окончанія конгресса, а возвратились домой потому, что въ Англіи у нихъ были очень срочныя дѣла. Уѣзжая, они оставили до закрытія съѣзда двухъ представителей. Лично Бертъ вынесъ изъ преній глубокое и отрадное впечатлѣніе; сужденія отличались искренностью и серьезностью, и если относительно размѣра государственнаго вмѣшательства не всѣ были согласны, то всѣ за то сознавали себя членами великой рабочей семьи.

XVIII.

Франкфуртъ-на-М., 6-го мая 1894.

Въ Франкфуртѣ на Майнѣ состоялся 5-ый соціально-евангелическій съѣздъ. Не слѣдуетъ думать, что только пасторамъ и духовенству вообще принадлежитъ руководящая роль на этихъ съѣздахъ. Уже въ прежніе годы на евангелическо-соціальныхъ конгрессахъ въ Берлинѣ участвовали профессора университетовъ, депутаты, судьи, купцы, ремесленники. На нынѣшнемъ конгрессѣ во Франкфуртѣ реферировали и принимали участіе въ дебатахъ профессоръ Адольфъ Вагнеръ, нѣкоторые молодые экономисты, какъ Максъ Веберъ и Шульце-Геверницъ, судья Кулеманъ и многіе другіе свѣтскіе люди.

Такого многочисленнаго съѣзда протестантскихъ соціалъ-политиковъ до сихъ поръ еще въ Германіи не бывало: число участниковъ и слушателей превышало 1,000 человѣкъ. Нетерпимаго піетиста, бывшаго придворнаго проповѣдника Штекера, здѣсь можно было видѣть рядомъ съ свободомыслящимъ теологомъ Гарнакомъ. Если вы спросите, что̀ связываетъ теперь этихъ теологовъ столь различныхъ направленій, то они вамъ отвѣтятъ: желаніе сохранить вліяніе протестантизма на народъ. Рабочіе въ большихъ городахъ отворачиваются отъ церкви и идутъ въ лагерь безбожной соціалъ-демократіи. „Необходимо оставить на время споры въ собственномъ лагерѣ и вспомнить, что мы всѣ христіане и служители церкви“.

Это легче сказать, чѣмъ выполнить. Если конгрессъ доказалъ, что теологи въ состояніи забыть свои теологическіе споры ради общихъ интересовъ церкви, то, съ другой стороны, легко было замѣтить, что внѣ догматическихъ вопросовъ представители лютеран-

ства далеко не принадлежатъ къ одному и тому же лагерю. Среди нихъ почти столько же политическихъ и соціально-политическихъ направленій и оттѣнковъ, какъ и въ гражданскомъ обществѣ. Въ результатѣ получается борьба мнѣній на соціальной и экономической почвѣ, устраняющая возможность коллективныхъ дѣйствій. Остановимся на двухъ крупныхъ вопросахъ, служившихъ главными темами сужденій нынѣшняго конгресса, и отмѣтимъ высказанные о нихъ взгляды. Эти вопросы—положеніе сельскихъ рабочихъ и организація фабричныхъ рабочихъ въ профессіональные союзы.

Почти одновременно съ Обществомъ соціальной политики (Verein für Socialpolitik), предпринявшимъ въ прошломъ году обширное изслѣдованіе о положеніи сельскихъ рабочихъ въ Германіи, такое же изслѣдованіе организовали и евангелическіе соціалъ-политики. Послѣднее изслѣдованіе имѣетъ то преимущество, что свѣдѣнія собирались не у помѣщиковъ, управляющихъ и ландратовъ, а у сельскаго духовенства. Деревенскій священникъ, по большой части, знаетъ условія жизни крестьянъ и рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ онъ оказывается и безпристрастнымъ судьей въ вопросѣ, хорошо или дурно живется деревенскому народу. Но всѣ пасторы имѣли достаточно мужества, чтобы откровенно высказаться. Изъ 5,000 вопросныхъ бланковъ только около 1,500 вызвали обстоятельные отвѣты; остальные священники предпочли отмолчаться. Отвѣты были приведены въ систематическій порядокъ и обработаны пасторомъ Геро и профессоромъ Максомъ Веберомъ.

Молодой пасторъ Геро, составившій себѣ имя книгой: „Три мѣсяца въ средѣ фабричныхъ рабочихъ“, резюмируетъ предъ конгрессомъ результаты изслѣдованія о сельскихъ рабочихъ. Выводы его заключаются въ положеніи, что тамъ, гдѣ нѣтъ крупнаго землевладѣнія, нѣтъ и вопроса о сельскихъ рабочихъ. На югѣ Германіи, гдѣ преобладаетъ мелкое хозяйство, положеніе крестьянъ во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно, но оно несравненно лучше, чѣмъ на сѣверо-востокѣ, гдѣ крестьянство совершенно обезземелено и вся земля сосредоточена въ крупныхъ владѣніяхъ. Можно желать, чтобы на югѣ земля не слишкомъ парцеллировалась, не превращалась въ мелкіе клочья, какъ это теперь происходитъ въ Гессенѣ, на Рейнѣ и въ Вюртембергѣ, но еще больше нужно стараться вывести батраковъ сѣверо-восточной Пруссіи изъ ихъ нынѣшняго недостойнаго людей положенія. Геро самъ присматривался и собралъ, опираясь на послѣднее изслѣдованіе, большой матеріалъ о положеніи наемныхъ рабочихъ на сѣверо-востокѣ. Поло-

женіе, по его словамъ, ужасное. Патріархальные порядки, при которыхъ наемные рабочіе, Instleute, Kessöthen и т. п., хотя и владѣли только хижиной и ничтожнымъ клочкомъ земли, но всегда имѣли чѣмъ жить и находили опору въ помѣщикѣ,—эти времена прошли. Instmann сталъ бродячимъ сельскимъ рабочимъ, онъ живетъ впроголодь и, когда и гдѣ только можетъ, бѣжитъ съ земли въ Америку, Бразилію, куда глаза глядятъ. А на смѣну ему являются рабочіе изъ Россіи и Галиціи, съ еще менѣе требовательными желудками, которыхъ нанимаютъ только на лѣто, а осенью послѣ жатвы посылаютъ назадъ. Вотъ тутъ во всей своей наготѣ обозначается вопросъ о сельскихъ рабочихъ, въ качествѣ вопроса о существованіи милліоновъ людей, которыхъ голодъ гонитъ съ земли, насиженной ихъ отцами и дѣдами.

Кто виноватъ? Гере прямо отвѣчаетъ: условія землевладѣнія и ихъ личные представители -юнкеры. Онъ говоритъ: юнкерство потеряло право на существованіе; замѣна его здоровымъ, работящимъ крестьянствомъ необходима какъ въ государственныхъ интересахъ, такъ и въ силу тѣхъ нравственно-религіозныхъ принциповъ, которые мы, священники, проповѣдуемъ съ церковной кафедры.

Проф. Максъ Веберъ, вмѣстѣ съ Гере обработавшій аграрное изслѣдованіе, нѣсколько склоненъ къ оппортюнизму. Сохраненіе крупнаго землевладѣнія онъ считаетъ небезполезнымъ ради техническихъ усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ. Однако, прибавляетъ онъ, не все равно, составляютъ ли крупныя владѣнія 20 или 50 процентовъ всей земли: разница между 20 или 50 процентами не только означаетъ разницу въ степени преобладанія той или другой формы землевладѣнія, но знаменуетъ собой совершенно различныя соціальныя структуры. Пролетаризація крестьянъ, какъ она совершилась въ Восточной Пруссіи и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Германіи,—крупная, страшная опасность для государства. Тамъ только, гдѣ сохранились значительные слѣды альмендъ (общиннаго землевладѣнія), кое-гдѣ на югѣ Германіи, также въ Мекленбургѣ и Гольштейнѣ, процессъ распаденія старыхъ патріархальныхъ условій и полнаго обезземеленія крестьянъ еще не такъ рѣзокъ.

Подобно Гере, ораторъ горячо настаиваетъ на крестьянской колонизаціи, какъ на средствѣ поднять культуру и благосостояніе въ сельскомъ населеніи. Старыя отношенія распадаются, и было бы наивно задерживать процессъ разложенія или мечтать о возвращеніи къ доброму старому времени. Государство въ собственныхъ

интересахъ должно стать защитникомъ крестьянства. Въ нѣмецкомъ крестьянствѣ еще есть запасъ здоровыхъ силъ; оно—не только резервуаръ физическаго здоровья: послѣ того какъ бюргерство не съумѣло воспользоваться своимъ вліяніемъ для осуществленія гармоніи въ общественной и государственной жизни, надежду приходится и въ этомъ отношеніи возложить на нѣмецкаго крестьянина.

Говорятъ, что, содѣйствуя разрушенію крупныхъ имѣній и разложенію ихъ на множество крестьянскихъ дворовъ, государство займется тѣмъ же, чѣмъ теперь промышляютъ иные ростовщики, скупающіе задолженныя имѣнія дворянъ и распродающіе ихъ по частямъ. Я не вижу въ этомъ ничего дурного со стороны государства,—отвѣчаетъ Веберъ:—для крестьянъ это полезное дѣло, а что̀ касается задолженнаго и падающаго помѣстнаго владѣнія, то развѣ не все равно для него, будутъ ли ихъ земли скупаться государствомъ, или же операціи эти будутъ сосредоточены въ частныхъ рукахъ? И если мы хотимъ быть истинными соціалъ-политиками,—заканчиваетъ ораторъ,—понимающими задачи и идеи своего времени, то мы не должны основывать охраненіе существующихъ устоевъ государства и церкви на падающихъ, обреченныхъ на вымираніе классахъ, каковыми являются цеховые ремесленники и крупные землевладѣльцы.

Молодежь и часть сельскаго духовенства горячо апплодируютъ Гере и Веберу, но изъ среды именитыхъ и старшихъ членовъ конгресса раздаются протесты и возраженія. Предсѣдатель конгресса Ноббе даже спрашиваетъ: присутствуемъ ли мы на евангелическомъ или на соціалистическомъ конгрессѣ? Неужели собраніе присоединится къ положеніямъ, составляющимъ не что иное, какъ предложеніе экспропріировать крупныхъ землевладѣльцевъ? Въ нѣкоторыхъ частяхъ Пруссіи условія землевладѣнія дѣйствительно не нормальны, и можно даже сказать, что за грѣхъ, который взяли на свою душу предки нынѣшнихъ владѣльцевъ, согнавъ съ земли крестьянъ, теперь идетъ отмщеніе; но это совершенно исключительныя условія, за которыя не надо предавать проклятію всѣхъ землевладѣльцевъ. Германія не была бы тѣмъ, что она теперь, если бы во главѣ ея не стояла Пруссія, а въ Пруссіи не было бы юнкера. Юнкерство, —увѣряетъ г. Ноббе,—еще не потеряло нравственнаго права на существованіе: изъ него набираются военачальники, ведущіе нѣмцевъ къ побѣдамъ, и сановничество, исполняющее честно свой долгъ предъ королемъ и страною.

Проф. Адольфъ Вагнеръ замѣчаетъ, что идеи Геро, дѣйствительно, сводятся къ экспропріаціи. Геро, конечно, имѣетъ въ виду экспропріировать справедливо, т. е. законно вознаградивъ нынѣшнихъ владѣльцевъ за имущество, которое у нихъ будетъ отнято. Объ этомъ можно подумать, поспорить. Не слѣдуетъ только сейчасъ же соглашаться съ такимъ предложеніемъ. Вагнеръ совѣтуетъ не очень увлекаться дѣломъ колонизаціи при нынѣшнихъ условіяхъ, потому что обмѣнъ можетъ получиться не тотъ, о которомъ мечтаютъ молодые энтузіасты: вмѣсто юнкеровъ на землю могутъ сѣсть „биржевые матадоры“, а это была бы во всѣхъ отношеніяхъ плохая сдѣлка. Лично Вагнеръ стоитъ за сохраненіе, хотя бы въ извѣстныхъ предѣлахъ, крупнаго землевладѣнія или крупной аренды, потому что большое хозяйство является піонеромъ техническихъ успѣховъ въ земледѣліи. Какъ патріотъ, Ад. Вагнеръ имѣетъ и большую слабость къ прусскому юнкеру; онъ даже оплакиваетъ съ этой точки зрѣнія уменьшеніе пошлинъ на хлѣбъ. Что ему не по душѣ,—это золотая молодежь изъ дворянства, сынки, прокучивающіе въ гвардейскихъ полкахъ состояніе отцовъ. Крупные землевладѣльцы ему нравятся, но только тѣ, которые не разрываютъ связи съ землей, не забываютъ, что они слуги государства и что noblesse oblige. Много ли ихъ въ нынѣшней Германіи?

Хотя преобладающее число участниковъ — пасторы, комитетъ съѣзда допустилъ къ засѣданіямъ, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, и женщинъ. Комитетъ пошелъ даже дальше: чтобы выразить, какъ высоко онъ ставитъ участіе женщинъ въ соціальныхъ задачахъ нашего времени, три женщины выбраны были въ составъ бюро. Въ общемъ засѣданіи это постановленіе прошло не безъ протеста. Грейфсвальдскій профессоръ Натузіусъ нашелъ, что „высокое положеніе женщины въ нѣмецкой семьѣ запрещаетъ ей вмѣшиваться въ общественныя, публичныя распри. Слабый полъ нуждается еще въ защитѣ“. Профессоръ надѣется, что женщины, со свойственнымъ имъ тактомъ, не воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ.

Пасторъ Науманъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ, одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей соціальнаго протестантизма, отвѣчаетъ грейфсвальдскому профессору, что онъ не понимаетъ ни его логики, ни его чувствъ. Кто говоритъ о высокомъ положеніи женщины, тотъ, по крайней мѣрѣ, не долженъ сомнѣваться, что женщина можетъ точно такъ же мыслить и чувствовать, какъ и мужчина. Если мы можемъ совѣтоваться съ нашими матерями и со-

страни о важнѣйшихъ вопросахъ нашей частной жизни, то почему намъ не обсуждать вмѣстѣ съ женщинами проблемы общественнаго быта? Въ Германіи бывали императрицы и регентши, выступавшія публично въ рейхстагахъ, и нѣмецкій народъ не находилъ въ этомъ ничего противорѣчащаго добрымъ нравамъ. Мы собрались здѣсь, чтобы толковать о дѣлахъ христіанской любви. Неужели и въ такомъ дѣлѣ нѣтъ мѣста женщинѣ, по силѣ вѣры и состраданія къ ближнему стоящей выше насъ, мужчинъ? Проф. Натузіусъ напомнилъ, что женщина слаба. Странно,—отвѣчаетъ Науманъ,—что о женской слабости всегда вспоминаютъ, когда возникаетъ рѣчь о предоставленіи женщинамъ правъ, и всегда забываютъ, когда на женщинъ возлагаются обязанности. Сотни тысячъ женщинъ работаютъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ и за прилавкомъ. Будетъ только справедливо, если на нашемъ съѣздѣ найдется мѣсто и для представительницъ трудящихся интеллигентныхъ женщинъ.

Кромѣ вопроса о сельскихъ рабочихъ, важную тему въ дебатахъ конгресса составляла профессіональная организація фабричныхъ рабочихъ. Референтъ по этому вопросу, судья Кулеманъ, указываетъ сначала на блестящую исторію тредъ-юніоновъ въ Англіи и на конкретные результаты ихъ дѣятельности: благодаря организаціи, англійскіе рабочіе добились расширенія фабричнаго законодательства, облегченія труда женщинъ и дѣтей, поднятія заработной платы. Предприниматели въ Англіи, относившіеся сначала съ недовѣріемъ къ союзамъ рабочихъ, постепенно привыкли видѣть въ нихъ разумное представительство, смягчающее борьбу и подчиняющее толпу авторитету наиболѣе свѣдущихъ и благоразумныхъ рабочихъ. Въ Германіи профессіональные союзы не такъ привились, какъ въ Англіи, вѣроятно потому, что они возникли подъ патронатомъ политическихъ партій. Гиршъ-Дункеровскіе рабочіе союзы, созданные свободомыслящими, имѣютъ не болѣе 60,000 членовъ. Gewerkschaften, впервые основанные Швейцеромъ и Либкнехтомъ, многочисленнѣе, они насчитываютъ около 300 тысячъ рабочихъ, но ихъ организація еще не отличается прочностью.

Кулеманъ полемизируетъ противъ распространеннаго въ Германіи взгляда, будто рабочіе союзы, какъ форма организаціи рабочихъ, ведутъ къ обостренію соціальной борьбы. Наоборотъ, они ее смягчаютъ, нормируютъ. Рабочій научается высчитывать и соразмѣрять свои требованія съ условіями рынка. Нельзя отрицать, конечно, что между трудомъ и капиталомъ существуетъ естественный антагонизмъ, такъ какъ трудъ стремится къ поднятію заработной

платы и сокращенію рабочаго дня, а капиталъ старается понизить плату и удлинить рабочее время. Антагонизмъ этотъ, однако, не абсолютный и не непримиримый. Между предпринимателями и рабочими существуетъ и общность интересовъ, когда они оба выступаютъ защитниками интересовъ производства противъ потребителей. Конкуренція производителей ведетъ къ тому, что увеличеніе производительности труда, это великое пріобрѣтеніе успѣховъ техники, сопровождается постояннымъ, быстрымъ пониженіемъ цѣнъ, такъ что ни предприниматель, ни рабочій не пользуются плодами своего труда. Первый еще отчасти выигрываетъ въ качествѣ потребителя то, что онъ теряетъ въ качествѣ производителя, рабочій же не имѣетъ и этой выгоды. Потребленіе массъ не можетъ увеличиться, пока не подымутся заработки, а недочетъ въ народномъ потребленіи ведетъ къ еще большему пониженію цѣнъ и къ кризисамъ. Исходя изъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ соображеній, навѣянныхъ идеями Брентано, Кулеманъ приходитъ къ выводу о желательности организаціи союзовъ рабочихъ на одной сторонѣ, фабрикантовъ на другой. Хотя референтъ не симпатизируетъ ни свободомыслящимъ Gewerkverein'амъ, ни соціалъ-демократическимъ Gewerkschaften, но онъ не имѣетъ ничего противъ вступленія въ эти союзы рабочихъ, стоящихъ на соціально-евангелической почвѣ. Они придадутъ существующимъ союзамъ не-политическій, профессіональный характеръ.

Священникъ Веберъ, одинъ изъ организаторовъ Обществъ евангелическихъ рабочихъ, называетъ судью Кулемана большимъ идеалистомъ. По мнѣнію Вебера, профессіональные союзы воспитываютъ рекрутовъ для политическихъ партій вообще и для соціалъ-демократіи въ особенности; онъ „боится“ профессіональныхъ союзовъ, уже потому, что они облегчаютъ международную агитацію рабочихъ. Единственное спасеніе Веберъ видитъ въ обязательныхъ мѣстныхъ рабочихъ ферейнахъ по отдѣльнымъ ремесламъ и занятіямъ. Такая корпоративная организація, обязательная, исходящая отъ государственной власти, не представляетъ опасности для соціальнаго мира; въ то же время, соединяя предпринимателей и рабочихъ, Fachgenossenschaften создадутъ звено между государствомъ и атомизированными личностями.

Точку зрѣнія Кулемана защищаетъ и молодой экономистъ Шульце-Геверницъ. Вслѣдъ за молодымъ профессоромъ выступаютъ сапожникъ изъ Франкфурта и соціалъ-демократическій журналистъ изъ Гиссена. Сапожникъ—свободомыслящій и сторонникъ Гиршъ-Дункеровскихъ Gewerkverein'овъ. Онъ не видитъ бѣды въ томъ, что

профессіональные союзы поведутъ къ международной солидарности. Такихъ возраженій онъ даже не ожидалъ услышать изъ устъ служителя церкви, которая всегда проповѣдывала и, по самой идеѣ своей, должна проповѣдывать братство народовъ. Подъ какимъ знаменемъ осуществится солидарность,—этого не надо предрѣшать. Журналистъ защищаетъ Gewerkschaften своей партіи отъ упрека въ политической односторонности. Большихъ надеждъ на профессіональные союзы ораторъ не возлагаетъ: они хороши только тѣмъ, что связываютъ рабочихъ и подготовляютъ „демократизацію“ производства; соціальнаго вопроса они, однако, сами по себѣ еще не разрѣшаютъ. Еще меньше можно говорить о достиженіи соціальнаго мира.

Проф. Адольфъ Вагнеръ соглашается съ гиссенскимъ журналистомъ, что тредсъ-юніоны, въ какой бы формѣ они ни выступили въ Германіи, не уничтожатъ бѣдности и не разрѣшатъ соціальнаго вопроса, имѣющаго свои причины въ условіяхъ производства. Въ этихъ же условіяхъ нужно искать источника кризисовъ. Кулеманъ и молодая школа экономистовъ, стоящая подъ вліяніемъ Брентано (между ними, замѣчаетъ Вагнеръ, встрѣчаются довольно способные и трудолюбивые люди), ничѣмъ не доказала, что самостоятельные рабочіе союзы въ состояніи сдѣлать столько же для поднятія рабочаго класса, сколько въ состояніи сдѣлать государства. Въ Германіи государство можетъ сослаться на положительные успѣхи въ соціальномъ законодательствѣ, сторонники же самостоятельности высказываютъ только субъективныя мнѣнія. Представитель соціалъ-демократіи совершенно вѣрно замѣтилъ, что союзы предпринимателей всегда сильнѣе союзовъ рабочихъ. Ошибка соціалистовъ состоитъ, однако, въ томъ, что они мечтаютъ о человѣческомъ обществѣ, въ которомъ не будетъ подчиненныхъ классовъ и индивидуумовъ; для этого нужны не нынѣшніе люди, а ангелы. Идеалъ Ад. Вагнера — такое же обезпеченное состояніе рабочаго класса, въ какомъ теперь находятся чиновники на государственной службѣ.

По окончаніи преній, конгрессъ принимаетъ резолюцію, выражающую симпатію организаціи рабочихъ въ профессіональные союзы, но въ то же время высказывающую пожеланіе, чтобы организація проведена была законодательствомъ. Рабочіе союзы должны потерять свой нынѣшній частный характеръ и принять форму обязательныхъ профессіональныхъ товариществъ.

Самая блестящая и талантливая рѣчь произнесена была на

конгрессѣ профессоромъ Гарнакомъ на тему: „Евангелическо-соціальныя задачи въ освѣщеніи исторіи церкви". Знаменитый историкъ-теологъ говорилъ болѣе 2 часовъ, все время приковывая къ себѣ вниманіе слушателей, и хотя не всѣ его мысли встрѣтили единодушное сочувствіе, его проводили громомъ рукоплесканій. По своимъ личнымъ симпатіямъ и наклонностямъ, Гарнакъ противникъ „матеріализаціи" задачъ церкви. Когда одинъ изъ членовъ конгресса требовалъ, чтобы проповѣдь священника не витала въ эмпиреяхъ, а останавливалась на конкретныхъ вопросахъ народной жизни, Гарнакъ отвѣтилъ, что ему дороже живое слово, поднимающее слушателя надъ будничностью. Онъ настаиваетъ на томъ, что высшей соціальной задачей церкви остается проповѣдь Евангелія, утѣшеніе, заставляющее забыть нужду и горе дѣйствительности, спасающее заблудшаго и томящагося. „Церковь, однако, не можетъ не видѣть, что нужда ведетъ къ разврату и грѣху. Такимъ образомъ, служитель церкви не можетъ игнорировать условій жизни и долженъ словомъ и дѣломъ содѣйствовать устраненію источниковъ нравственнаго паденія". За реформаціей берлинскій профессоръ признаетъ ту заслугу, что она „опростила и углубила понятія любви къ ближнему и поставила на мѣсто квіетизма требованіе активной дѣятельности". Но реформація сдѣлала грубую ошибку, отвѣтственность за которую падаетъ и на Лютера: она пропустила великій историческій моментъ—крестьянскую войну, и, вмѣсто того, чтобы выступить во главѣ угнетенныхъ, стала на сторону привилегированныхъ. Эпигоны Лютера отличались еще менѣе широкимъ горизонтомъ, такъ что наступила пора, когда даже католическая церковь видѣла шире и дальше, чѣмъ наслѣдники реформаціи. Спеціально въ Германіи евангелическая церковь во второй разъ пропустила удобный моментъ для привлеченія къ себѣ народа: послѣ войны за освобожденіе. Результатомъ квіетизма церкви было отчужденіе отъ нея массъ. Историческій прогрессъ осуществился безъ участія протестантизма, и ораторъ объ этотъ глубоко скорбитъ. Онъ взываетъ къ слушателямъ не допустить ошибки въ третій разъ, проникнуться великими задачами нашего времени, а главное: не создавать антагонизма между вѣрой и просвѣщеніемъ. Ничто такъ не дискредитируетъ церкви, какъ борьба противъ знанія. „Не подымайте вопля о паденіи вѣры вслѣдствіе расширенія научнаго изслѣдованія,—заканчиваетъ Гарнакъ,—не кричите о безбожіи, а старайтесь сами подняться въ своемъ кругозорѣ до звѣздъ духовной жизни, и съ нашей церковью не случится того, что ея слу-

жители превратятся въ нищенствующихъ монаховъ, въ нищихъ духомъ и осмѣянныхъ народомъ".

На конгрессѣ присутствовали представитель министра внутреннихъ дѣлъ, оберъ-президентъ Гессенъ-Нассау и нѣкоторыя другія официальныя лица. Министръ народнаго просвѣщенія прислалъ письмо, въ которомъ пожелалъ успѣха трудамъ конгресса и выразилъ сожалѣніе, что не имѣетъ возможности лично пріѣхать во Франкфуртъ.

XIX.

Берлинъ, 3-го Іюля 1894 г.

Движеніе, вызванное въ германской адвокатурѣ запросомъ министра юстиціи объ ограниченіи доступа къ судебной защитѣ и введеніи комплекта, не только не прекращается, но даже растетъ. Въ странѣ съ столь разнообразной общественной жизнью, какъ Германія, интересы тѣснаго круга лицъ рѣдко привлекаютъ къ себѣ вниманіе всего населенія. Въ настоящемъ же случаѣ мы замѣчаемъ, что вопросъ объ организаціи адвокатуры интересуетъ все общество, и это безъ сомнѣнія доказываетъ, что онъ не исключительно и даже не главнымъ образомъ сводится къ устройству профессіональныхъ интересовъ адвоката. Свобода адвокатуры—часть обще-гражданской свободы, говорятъ одни. Другіе разсматриваютъ свободу адвокатуры въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ судебной организаціи и видятъ въ независимости судебной защиты одинъ изъ необходимыхъ условій суда праваго и милостиваго.

Огромное большинство адвокатскихъ камеръ высказалось за сохраненіе существующаго порядка. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода. Министръ юстиціи самъ указалъ, что требованія о введеніи комплекта и стѣсненіи доступа новымъ конкурентамъ исходили отъ нѣкоторыхъ адвокатскихъ корпорацій. На зовъ министра изъ всѣхъ прусскихъ камеръ сочувственно отозвались, однако, только 4. Мотивы сочувствующихъ не отличаются большимъ идеализмомъ: жить становится труднѣе, слишкомъ много конкурентовъ, а потому, мы, beati possidentes, желали бы закрѣпить за собою привилегіи и не впускать новыхъ соперниковъ. Конечно, карманные мотивы немножко окрашиваются этикой, но и она не высокаго сорта. „Сословіе наше ухудшается,—пишетъ въ своемъ постановленіи камера присяжныхъ повѣренныхъ въ Наумбургѣ. Вслѣдствіе увеличивающейся съ каждымъ годомъ конкуренціи среднему адвокату становится все труднѣе существовать одной юридической

профессіей. Многіе вынуждены браться за дѣла, имѣющія мало общаго съ юриспруденціей и считавшіяся раньше несовмѣстимыми съ достоинствомъ адвоката, какъ напр. маклерство и посредничество въ коммерческихъ сдѣлкахъ, исполненіе некоридическихъ порученій, управленіе домами; другіе спекулируютъ на биржѣ или земельными участками; третьи проявляютъ недостойные адвоката пріемы въ конкуренціи съ товарищами. Никогда еще товарищескимъ и общимъ судамъ не приходилось разематривать столько дѣлъ о растратѣ порученныхъ адвокату денегъ и о другихъ преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собой исключеніе изъ сословія". Вмѣсто того, однако, чтобы видѣть источникъ рисуемыхъ ею, безспорно очень печальныхъ, нравовъ въ общихъ условіяхъ плутократіи, сроди которой дѣйствуютъ адвокаты, въ погонѣ за большими заработками и наслажденіями, наумбургская камера предпочитаетъ болѣе примитивное и простое объясненіе: насъ,— говоритъ она,—слишкомъ много; введемъ комплектъ, и все будетъ прекрасно, можно будетъ жить. Какъ будто любитель быстрой наживы тогда перестанетъ спекулировать на биржѣ, а субъектъ, плохо отличающій свое отъ чужого, перестанетъ запускать руки въ карманъ кліента! О юстиціи, объ интересахъ тяжущейся публики здѣсь нѣтъ ни слова.

Совершенно другой отвѣтъ даетъ адвокатская камера въ Познани. Въ немъ на первомъ планѣ именно то, чего мы не видимъ въ предыдущемъ отвѣтѣ: сознаніе, что адвокатура не только источникъ доходовъ для адвоката, но прежде всего — общественное служеніе.

При современной формѣ гражданскаго процесса, въ значительной части дѣлъ лишающей населеніе права личной защиты своихъ интересовъ, что само уже—несправедливость по отношенію къ массѣ населенія, послѣднее, по крайней мѣрѣ, не должно быть ограничено въ выборѣ своихъ представителей. Конкуренція можетъ быть неудобной для личныхъ интересовъ адвоката. Но кто же станетъ утверждать, что она неудобна публикѣ? Какое дѣло населенію до того, много или мало зарабатываетъ адвокатъ, если только оно имѣетъ возможность выбирать дѣйствительно дѣльныхъ, знающихъ и добросовѣстныхъ изъ массы тѣхъ, которые предлагаютъ ей свои услуги? Менѣе способные адвокаты могутъ быть прекрасными работниками въ другихъ профессіяхъ, и ихъ несчастіе, если они этого вовремя не замѣчаютъ; но личныхъ выгодъ адвоката нельзя класть въ основу организаціи судебной защиты. Интересы, которые дол-

женъ имѣть въ виду законодатель, во-1-хъ — потребность общества въ дѣльной и добросовѣстной адвокатурѣ: это достигается при нынѣшнемъ порядкѣ, дающемъ публикѣ возможность выбора; во-2-хъ—достоинство юстиціи и необходимое суду сотрудничество опытной, свѣдущей защиты: это не менѣе достигается при настоящихъ условіяхъ, заставляющихъ адвоката больше изощрять свой умъ, напрягать свои силы, чѣмъ при порядкахъ ограничительнаго свойства, убаюкивающихъ энергію и стремленіе средняго человѣка, попавшаго въ кругъ счастливыхъ обладателей привилегіями.

„Мы думаемъ,—прибавляетъ познанская камера,—что принципы устности и состязательности въ процессѣ еще слишкомъ слабо развиты въ нынѣшнихъ гражданскихъ судахъ. Но если ввести ограниченіе адвокатуры, то возникаетъ опасность, что мы вернемся къ прежнимъ бумажнымъ порядкамъ, а состязанія на судѣ останутся только для крупныхъ дѣлъ; въ остальныхъ же они превратятся только въ формальность. Во многихъ мѣстностяхъ скорѣе мало, чѣмъ много адвокатовъ. Въ округѣ познанской палаты, напр., 1 присяжный повѣренный приходится на 10,800 жителей. Предложенія о введеніи numerus clausus (комплекта), объ удлиненіи стажа и т. п. мѣры, вредныя, какъ мы убѣждены, населенію и нисколько не поднимающія достоинства юстиціи, не содѣйствуютъ также поднятію адвокатуры, какъ сословія. Принудительные союзы, которые нетерпимо относятся къ приливу свѣжихъ силъ и заботятся только о хлѣбныхъ интересахъ своихъ сочленовъ, не могутъ увеличивать довѣрія общества къ адвокатурѣ. Если въ нынѣшней организаціи встрѣчаются недостатки, то ихъ легко исправить, не покидая принципа свободы. У насъ есть самоуправленіе, и органы, которые стоятъ во главѣ нашего сословія, располагаютъ достаточными средствами, чтобы бороться съ деморализаціей, въ какой бы формѣ она ни проявлялась: въ нарушеніи ли интересовъ кліента, или въ безнравственныхъ пріемахъ конкуренціи съ товарищами“. По этимъ соображеніямъ познанская камера единогласно высказалась противъ какихъ-либо ограниченій свободы адвокатуры.

Къ такому же результату приходитъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Кенигсбергѣ. Что въ сословіи адвокатовъ не всѣмъ удается составить себѣ состояніе или пользоваться хорошими доходами, этого — замѣчаетъ кенигсбергскій совѣтъ—никто не станетъ отрицать, но это лежитъ въ самомъ свойствѣ всякой вольной профессіи. Адвокатъ, какъ и врачъ, художникъ, писатель и т. д., не пользуется жалованьемъ и пенсіей подобно чиновникамъ, но

зато онъ имѣетъ много другихъ преимуществъ, которыхъ нѣтъ у чиновника. Сторонники ограниченій указываютъ на паденіе морали въ сословіи и уменьшеніе къ нему уваженія въ обществѣ. Это одно изъ общихъ утвержденій, ровно ничѣмъ не доказанное. У насъ,—говорятъ кенигсбергцы,—свой сословный судъ со времени введенія свободной адвокатуры, и слишкомъ 28-лѣтній опытъ показываетъ, что безнравственныхъ поступковъ, нарушеній адвокатскихъ обязанностей, несправедливаго отношенія къ кліенту стало не больше, чѣмъ при старыхъ порядкахъ. Отдѣльные некрасивые случаи будутъ при всякой системѣ.

Другой аргументъ сторонниковъ комплекта и увеличенія стажа—неопытность молодыхъ адвокатовъ. Но гдѣ же имъ пріобрѣсти опытъ?—спрашиваетъ кенигсбергская палата. По германскимъ законамъ, адвокатъ долженъ имѣть квалификацію судьи: окончивъ курсъ въ университетѣ, поработавъ 4—5 лѣтъ при судахъ разныхъ инстанцій въ качествѣ референдера (кандидата на судебныя должности) и сдавъ экзаменъ на асессора, молодой юристъ имѣетъ право на назначеніе въ судьи, или же на зачисленіе въ присяжные повѣренные. Безъ сомнѣнія, вступая на адвокатское поприще, онъ еще не имѣетъ очень большого житейскаго и судебнаго опыта, но что лучше: чтобы онъ пріобрѣталъ опытъ въ сравнительно менѣе отвѣтственной роли защитника, или же на отвѣтственномъ судейскомъ креслѣ? Къ молодому, начинающему адвокату публика не станетъ обращаться въ сложныхъ дѣлахъ, судья же долженъ рѣшать все, молодъ ли онъ, или старъ. Общество, слѣдовательно, не теряетъ, а выигрываетъ оттого, что значительная часть молодыхъ юристовъ пріобрѣтаетъ опытъ въ адвокатурѣ, а не на болѣе отвѣтственномъ поприщѣ судьи.

XX.

Берлинъ, 14-го іюля 1894 г.

До сихъ поръ еще среди иностранцевъ, посѣщающихъ германскіе университеты, русскіе занимаютъ по числу слушателей первое мѣсто. Не первый десятокъ лѣтъ мы учимся у нѣмцевъ, и хотя уже теперь кое-что вносимъ и отъ себя въ сокровищницу европейской науки, но еще долго будемъ учиться. Нѣмецкіе университеты намъ, поэтому, ближе, чѣмъ другіе европейскіе университеты, и событія въ ихъ жизни вызываютъ интересъ у довольно большого числа лицъ.

На дняхъ въ Кенигсбергѣ празднуютъ 350-лѣтній, а вслѣдъ

затѣмъ въ Галле будетъ отпразднованъ двухъ-вѣковой юбилей университета. Я хочу по этому поводу привести нѣсколько фактовъ изъ прошлаго обоихъ университетовъ, связанныхъ съ исторіей нѣмецкой науки вообще. Кенигсбергъ вызываетъ воспоминаніе о величайшемъ представителѣ философской мысли — Кантѣ. Прошлое Галле не настолько концентрируется въ одномъ имени; съ Галле я начну свое письмо.

Основателемъ Friedrichs-Universität, какъ показываетъ уже названіе, оффиціально считается бранденбургскій курфюрстъ Фридрихъ, но истиннымъ, духовнымъ отцомъ университета нужно признать знаменитаго юриста-философа Томазіуса. Когда Томазіусу въ 1690 году нужно было бѣжать изъ Лейпцига, отъ преслѣдованія за дерзкій образъ мыслей и новаторство, состоявшее между прочимъ въ томъ, что онъ осмѣлился читать не по-латыни, а по-нѣмецки, многіе студенты послѣдовали за любимымъ учителемъ. Фридрихъ III разрѣшилъ бывшему лейпцигскому профессору поселиться въ Галле и читать тамъ лекціи. Тутъ сказалась одна изъ тѣхъ чертъ въ общественной жизни старой Германіи, которая неоднократно и впослѣдствіи сослужила службу свободѣ мысли: политическое соперничество между маленькими суверенами создавало много уголковъ для гонимой науки. Кромѣ того, каждый изъ владѣтельныхъ князей хотѣлъ имѣть свой университетъ,—это было однимъ изъ признаковъ великой державы. О курфюрстѣ бранденбургскомъ, по справедливости, однако, нужно сказать, что у него были всѣ данныя для собирателя будущей Пруссіи, и въ томъ числѣ болѣе ясный умъ и бо́льшая свобода отъ ортодоксіи, чѣмъ у его современниковъ въ Саксоніи и остальной Германіи. Онъ далъ убѣжище не только Томазіусу, но и другимъ изгнанникамъ, между которыми самыми извѣстными были Пауль Антонъ и Германъ Августъ Франке. Они уже въ первые годы привлекли столько молодежи, что когда Фридрихъ пріѣхалъ въ Галле, онъ нашелъ въ полномъ смыслѣ слова вольный университетъ, съ сотнями слушателей изъ всѣхъ странъ Европы. Оффиціальное основаніе университета въ 1694 г. санкціонировало уже существовавшій институтъ.

Старая, нетерпимая лютеранская партія въ Лейпцигѣ пришла въ ярость. Галле теперь въ разстояніи получаса отъ Лейпцига, но и тогда, безъ желѣзныхъ дорогъ, это было рукой подать. Молодежь толпами покидала лейпцигскія аудиторіи и переходила въ новый университетъ, гдѣ вѣяло свѣжимъ, живымъ духомъ, наука стояла въ общеніи съ вопросами жизни и времени, критика догма-

товъ не представляла ничего святотатственнаго. Въ этой свободной научной критикѣ, выходившей изъ сферы теологіи и права, но распространявшейся на всѣ умственные интересы XVII-го вѣка, лежала великая заслуга молодого университета. Не даромъ старики въ Лейпцигѣ приходили въ ярость, когда заговаривали о Галле. Вмѣсто Hallische Universität они говорили „höllische“,—университетъ ада и дьявола. Галле, какъ извѣстно, издавна уже былъ центромъ солеваренной промышленности, онъ городъ галлоровъ (Halloren), солеваровъ. Лейпцигскіе профессора, на вопросъ: Was giebt es in Halle, отвѣчали: Halloren und Halunken, — „солевары и негодяи“!

До начала XVIII вѣка университетъ стоялъ впереди умственнаго движенія Германіи; затѣмъ начинается реакція. Христіанъ Вольфъ, вліяніе котораго было такъ велико у нѣмцевъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка, уже боролся съ піетизмомъ, принимавшимъ въ Галле уродливыя формы. Вольфъ назначенъ былъ профессоромъ математики и философіи съ жалованьемъ, — это очень характерно для положенія профессуры въ XVIII вѣкѣ,— въ 400 талеровъ въ годъ, что считалось очень высокимъ гонораромъ. Другимъ профессорамъ приходилось попрошайничать у знатныхъ особъ или искать добавочныхъ заработковъ во всѣхъ профессіяхъ. Вольфъ, будучи профессоромъ въ Галле и избранный въ ректоры, произнесъ рѣчь о практической философіи китайцевъ, въ которой ясно и рѣшительно выставилъ тезисъ о независимости этики отъ теологіи. Мораль Конфуція не очень замѣтно отличается отъ нашей, ученіе о нравственности — конструкція человѣческаго ума. Это переполнило чашу: Вольфъ уже раньше воевалъ съ тамошними теологами, и они поспѣшили написать доносъ королю Фридриху-Вильгельму I, тому самому, который ловилъ въ свою армію рослыхъ солдатъ. Теологическія разсужденія доносчиковъ короля не интересовали, но кто-то изъ его генераловъ, тоже піетистъ, перевелъ ему аргументы теологовъ на понятный королю языкъ. Изъ ученія Вольфа слѣдуетъ, что „если нѣсколько рослыхъ гренадеровъ его величества посмѣютъ дезертировать, то это — роковая необходимость, фатумъ, которому они, рослые гренадеры, не могли сопротивляться: они должны были бѣжать, и король поступаетъ несправедливо, если онъ ихъ за это наказываетъ“. Вотъ чему учитъ Вольфъ. Немедленно послѣдовалъ приказъ изъ кабинета короля академическому сенату: отрѣшить Вольфа отъ каѳедры и приказать ему въ 48 часовъ убраться изъ Галле и королевской территоріи вообще, а если будетъ послѣ того пойманъ,—

повѣсить... Вольфъ удалился, и въ университетѣ воцарился тотъ же духъ, который 30 годами раньше изгналъ Томазіуса изъ Лейпцига. Университетъ сталъ падать: съ 1,500 число студентовъ опустилось до 800 и менѣе. Фридрихъ Великій писалъ около 1750 года: „Галльскихъ поповъ (die Hallische Pfaffen) нужно держать въ черномъ тѣлѣ, это латинскіе іезуиты: при каждомъ случаѣ имъ не мѣшаетъ дать понять, что за ними не признаютъ ни малѣйшаго авторитета". Свое презрѣніе къ профессорамъ въ Галло король однажды выразилъ въ характерной для него и его времени формѣ. Университетъ жаловался королю, что появившаяся въ Галле труппа актеровъ (комедіантовъ) вводитъ студентовъ въ соблазнъ, а потому профессора, съ ректоромъ во главѣ, просятъ выслать труппу изъ города. Своимъ обычнымъ безграмотнымъ нѣмецкимъ языкомъ (онъ, какъ извѣстно, до конца презиралъ нѣмецкій языкъ и литературу, предпочитая французскую) Фридрихъ Великій написалъ на поляхъ прошенія: „Это все продѣлка ханжей и піетистовъ. Пусть комедіанты продолжаютъ играть, а г. Франке (ректоръ), или какъ тамъ зовутъ этого бездѣльника (oder wie der Schurke heisset), чтобы присутствовалъ на представленіи и публично извинился предъ студентами за свою дурацкую жалобу, а мнѣ прислать аттестатъ отъ комедіантовъ, что онъ тамъ былъ. *Фридрихъ*".

Въ появившихся теперь въ печати воспоминаніяхъ и историческихъ очеркахъ собрано довольно много другихъ характерныхъ эпизодовъ прошлаго (всѣ эти очерки, какъ и очеркъ Т. Брауна въ „Zeitgeist'ѣ", которымъ я здѣсь пользуюсь, взяты изъ вышедшей на-дняхъ 2-хъ-томной исторіи университета въ Галле,—Geschichte der Friedrichs-Universität zu Halle, написанной куратором университета д-ромъ Шрадеромъ). Не останавливаясь на нихъ, напомню только объ ожесточенной полемикѣ, которую велъ противъ профессоровъ въ Галло, особенно противъ Ланге и Хр. Клотца, Лессингъ—гораздо болѣе авторитетный судья, чѣмъ Фридрихъ Великій. Но за періодомъ піетистической реакціи для университета скоро началась блестящая пора, связанная съ именами Землера и другого Вольфа, Фридриха-Августа, знаменитаго изслѣдователя поэзіи грековъ. Въ лицѣ Землера воцарился раціонализмъ въ философіи, съ Вольфомъ связана научная постановка филологіи. Другой философъ съ очень громкимъ именемъ привлекалъ въ самомъ началѣ нашего вѣка много молодежи въ Галле, это—Фридрихъ Шлейермахеръ. Затѣмъ наступила тяжелая пора наполеоновскаго нашествія и послѣ нея не менѣе тяжелая—меттерниховскаго режима, распространяв-

шагося на умственную жизнь всей Германіи. Въ движеніи университетской молодежи какъ противъ этого режима, такъ и за національное объединеніе, студенты Галле принимали выдающееся участіе. У многихъ изъ насъ, впервые узнавшихъ Германію по писателямъ „молодой Германіи", сохранился въ памяти образъ теологовъ изъ Галле, въ высокихъ сапогахъ, обросшихъ большими бородами и т. п. Это теперь преданія минувшихъ дней. Теологовъ въ Галле теперь меньше, чѣмъ юристовъ, медиковъ и философовъ, да и нынѣшнее студенчество и не то, какимъ оно было въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Теперь вы въ Галле встрѣчаете или скромныхъ, трудолюбивыхъ юношей, днемъ слушающихъ лекціи, а вечеромъ сидящихъ съ товарищами въ ферейнѣ за кружкой пива, или же прилизаннаго, съ рубцами на щекахъ, „корпоранта", изъ круга родовитой или денежной аристократіи, мало занимающагося и аккуратно подражающаго во всѣхъ манерахъ прусскому лейтенанту.

Поучиться, поработать и теперь можно въ Галле. Тамъ превосходныя клиники и больницы, отличный сельско-хозяйственный институтъ. Славу медицинской школы Галле создалъ великій хирургъ Фолькманъ, которому недавно въ Галле поставили памятникъ. Рядъ выдающихся ученыхъ юристовъ, филологовъ, историковъ привлекаютъ въ университетъ массу слушателей. Если не ошибаюсь, въ Галле теперь до 1,800 студентовъ, т. е. больше, чѣмъ въ самую блестящую его эпоху XVIII-го вѣка.

Мнѣ хочется привести еще одинъ характерный фактъ изъ прошлаго университета: 6-го мая 1754 года вдова пастора Христіана-Доротея Эркслебенъ удостоена была званія доктора. 130 лѣтъ спустя, когда прусскій министръ народнаго просвѣщенія обратился къ университетамъ съ запросомъ: можно ли допустить женщинъ къ слушанію лекцій, очень значительная часть профессоровъ отвѣтила, что не слѣдуетъ, потому что женскій мозгъ не въ состояніи усвоить университетской науки.

По поводу 350-лѣтняго юбилея кенигсбергскаго университета въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ очень удачно сопоставлены отношенія къ университету основателя университета и его потомка, поставившаго своему предку памятникъ. Герцогъ Альбрехтъ, послѣдній гросмейстеръ, называлъ ректора основаннаго имъ университета своимъ любезнымъ кумомъ. При всѣхъ торжественныхъ пріемахъ ректору отводилось первое мѣсто, впереди канцлера и бургъ-графа. А въ 1891 году, когда, въ присутствіи Вильгельма II, открывали памятникъ основателю кенигсбергскаго университета, впереди

стояли генералы и придворные, а фигуры ректора, находившагося гдѣ-то далеко позади, не видно было изъ-за атлетическихъ прусскихъ кирасировъ. Своимъ неумѣреннымъ поклоненіемъ военной славѣ нѣмецкіе профессора сами, правда, содѣйствовали такому отношенію къ себѣ. Къ счастью, еще не исчезли въ Германіи и представители науки, для которыхъ прусскій кирасиръ не послѣднее слово цивилизаціи. Ихъ никто не затираетъ, они ищутъ почестей не на блестящихъ военныхъ парадахъ и пріемахъ. А что касается добраго стараго времени, то мы на примѣрѣ Фридриха Великаго видѣли, какъ прусскіе короли иногда третировали профессора. Кенигсбергскій университетъ, хотя и старше на 150 лѣтъ своего коллеги въ Галле, но уже отсталъ отъ него и по числу слушателей, и по своимъ научнымъ силамъ и вспомогательнымъ средствамъ. А между тѣмъ была пора, когда въ Кенигсбергѣ жилъ и училъ—Кантъ. Одно имя это говоритъ достаточно о значеніи, которое университетъ имѣлъ въ концѣ XVIII вѣка. Въ 1770 г. Кантъ получилъ каѳедру философіи, 11 лѣтъ спустя появилась „Критика чистаго разума“. Замѣчательно однако, что внѣшній успѣхъ университета, насколько онъ выражается числомъ слушателей, относится не къ этой величайшей его эпохѣ. Въ концѣ XVII-го вѣка число студентовъ доходило до 2,000, потомъ оно стало падать. Если мы поищемъ причинъ такого исключительнаго процвѣтанія Кенигсберга именно въ XVII вѣкѣ, то найти ихъ въ особыхъ достоинствахъ тогдашнихъ ученыхъ довольно трудно. Кажется невѣроятнымъ, но это такъ: давнымъ-давно забытый историкъ и поэтъ Симонъ Дахъ или профессоръ элоквенціи Георгъ имѣли больше слушателей, чѣмъ Кантъ. Правда, что исторія литературы не вездѣ въ Германіи читалась въ университетахъ, тогда какъ въ Кенигсбергѣ для нея учреждена была каѳедра. Ново по тому времени было и чтеніе нѣкоторыхъ предметовъ на нѣмецкомъ, а не на латинскомъ языкѣ.

Въ нашемъ вѣкѣ цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ читалъ лекціи въ Кенигсбергѣ. Назову знаменитаго зоолога Бера, занимавшаго каѳедру въ Кенигсбергѣ съ 1819 по 1835 годъ, преемника Канта по каѳедрѣ философіи, основателя реалистическаго направленія—Герберта, знаменитаго астронома Бесселя, физіолога Бурдаха, филолога Лобека, а изъ новѣйшихъ юриста Гарейса, полу-юриста, полу-беллетриста Феликса Дана, офталмолога Якобсона.

Когда, однако, въ Кенигсбергѣ соберутся на праздникъ университета, изъ всѣхъ воспоминаній о прошломъ самое яркое бу-

детъ о сынѣ кенигсбергскаго шорника, Эммануилѣ Кантѣ. Всю свою жизнь онъ провелъ въ родномъ городѣ, здѣсь возникли его геніальныя произведенія, здѣсь, въ теченіе 50 лѣтъ, каждый мальчикъ зналъ философа, его привычки, вкусы; здѣсь же, въ Stoa Cantiana покоится его прахъ. Въ наше подвижное время трудно представить себѣ, что фактическій горизонтъ величайшаго ума былъ не дальше стѣнъ стараго купеческаго города. И этому спокойному, педантичному въ своихъ привычкахъ генію приходилось испытать вліяніе тупой бюрократіи и ханжества, которое выводило и его изъ обычнаго философскаго созерцанія. Вспомнимъ объ его борьбѣ съ берлинской цензурой, о знаменитомъ рескриптѣ Фридриха-Вильгельма тогда уже 70-лѣтнему, стоявшему на вершинѣ славы философу, гдѣ прусскій король заявляетъ, что Кантъ „не оправдалъ“ его ожиданій и милостиваго отношенія. Кантъ отвѣтилъ, что не коснется больше предметовъ, вызвавшихъ гнѣвъ піетистовъ; въ его бумагахъ нашли помѣченную тѣмъ же днемъ замѣтку: „обязанность говорить только правду не вызываетъ необходимости всегда ее громко высказывать“...

XXI.

Берлинъ, 16-го августа 1894 г.

Въ эпоху борьбы интересовъ и соціальнаго антагонизма католицизмъ хочетъ подать примѣръ единства, показать, что онъ непоколебимъ, какъ кельнскій соборъ, подъ сѣнью котораго онъ теперь засѣдаетъ. „Теченіе Рейна пронесло мимо него не одно поколѣніе людей, съ заботами и горемъ. Идеи и люди смѣнялись, восклицаетъ епископъ Шмицъ, но башни кельнскаго собора остались всегда одинаковыми“. Это очень хорошее выраженіе и вѣрно опредѣляющее сущность католицизма. Идеи смѣнялись, *его* идея все та же. Значитъ ли это, что онъ извлечетъ свою пользу и отъ того кризиса, который переживаетъ европейская культура?

Извѣстно, какъ активно католическая церковь участвуетъ въ соціальной борьбѣ. На конгрессѣ клерикаловъ въ Кельнѣ присутствовали представители отъ 170 тыс. рабочихъ въ католическихъ союзахъ. Огромная сила, если даже вѣрно, что значительная часть этихъ рабочихъ—мелкіе ремесленники и мѣщане! Я только сомнѣваюсь, чтобы католическая соціальная политика справилась съ обязанностями, которыя возлагаетъ на нее довѣріе такой массы людей. Въ осуществленіи фабричнаго и рабочаго законодательства политикамъ центра принадлежитъ очень видная роль, но вне-

реди стоятъ еще другія задачи, гдѣ труднѣе удовлетворить интересы труда.

Предсѣдательствуетъ на съѣздѣ д-ръ Эртереръ, директоръ гимназіи въ маленькомъ баварскомъ городкѣ. Это звѣзда баварскихъ клерикаловъ, хорошій ораторъ, ловкій парламентарій. Въ послѣднее время шли слухи, что его прочатъ въ вожди всего центра, на мѣсто Либера. Въ своей рѣчи на конгрессѣ Эртереръ въ юмористической формѣ выступилъ противъ подобныхъ толковъ. Зачѣмъ противники центра ломаютъ себѣ голову надъ несуществующими затрудненіями? Католическіе съѣзды Эртереръ сравнилъ съ осенними маневрами и парадами: „и мы, католики, обозрѣваемъ свои войска, пробуемъ оружіе, хотя и не желаемъ войны. Условія жизни еще не такъ хороши, чтобы можно было предаться квіетизму“.

Въ парадѣ центра много пышности, красокъ, больше, чѣмъ на съѣздахъ всякой другой партіи. Кельнъ утопаетъ во флагахъ и гирляндахъ, въ окнахъ бюсты папы, портреты выдающихся дѣятелей центра, особенно покойнаго Виндгорста. Нигдѣ, впрочемъ, не умѣютъ такъ веселиться и шумѣть, какъ въ Кельнѣ на Рейнѣ. Клерикализмъ здѣсь не носитъ мрачнаго, аскетическаго характера. Корреспондентъ одной берлинской газеты отмѣчаетъ прелестную мелочь. За нѣсколько дней до съѣзда часовщикъ-еврей праздновалъ свою золотую свадьбу. Въ околоткѣ его любили, и вся улица украсилась цвѣтами и флагами. Въ виду съѣзда католиковъ, рѣшено было не снимать украшеній. Тѣ же цвѣты и флаги сослужили двойную службу. Смѣсь веселой, южной свѣтской жизни и церковности придаетъ особый колоритъ и засѣданіямъ конгресса. Собираются въ залѣ, въ которой бываютъ собранія всякаго рода, внѣшніе аттрибуты не имѣютъ ничего церковнаго, слышатся шутки, ведутся свѣтскія рѣчи. Но вотъ епископъ закончилъ рѣчь и благословляетъ собраніе. Нѣсколько тысячъ человѣкъ опускаются на колѣни, и среди наступившей тишины раздается дрожащій голосъ: benedicat vos omnipotens Deus, Pater, Filius et Spiritus Sanctus.

Одну изъ интереснѣйшихъ фигуръ въ нынѣшнемъ центрѣ представляетъ старый вестфальскій баронъ Шорлемеръ, „крестьянскій король“. Westphälischer Bauernverein, имъ созданный, насчитываетъ до 20,000 человѣкъ, слѣпо идущихъ за своимъ вождемъ. Мѣстная дѣятельность никогда не удовлетворяла честолюбиваго барона. Онъ мечталъ о ролп вождя всей католической партіи еще

при жизни Виндгорста, но это ему не удавалось. Виндгорстъ былъ слишкомъ умный дипломатъ, чтобы не замѣтить, что его коллега изъ Вестфаліи не прочь занять его мѣсто. Борьба кончилась тѣмъ, что Шорлемеръ сложилъ съ себя званіе депутата и пересталъ появляться на католическихъ конгрессахъ.

Послѣ смерти Виндгорста условія сложились еще менѣе благопріятно для вестфальскаго барона. Какъ аграрій и патріотъ, Шорлемеръ высказался за военный законъ и противъ договора съ Россіей. Большинство центра поступило какъ разъ наоборотъ: отклонило военный законъ и приняло договоръ съ Россіей. Отъ активной политической роли старый клерикалъ вслѣдствіе этого отказался, но на конгрессъ въ Кельнѣ онъ, все-таки, явился и прочелъ рефератъ „объ организаціи общества". Не думаю, чтобы его мысли вызвали много сочувствія у присутствовавшихъ, но какъ виднаго, стараго дѣятеля партіи его горячо привѣтствовали. И нужно правду сказать, что, какъ фигура, вестфальскій баронъ много крупнѣе эпигоновъ въ своей партіи. Что-то оригинальное, сильное, индивидуальное въ этомъ баронѣ, соединяющемъ въ себѣ феодала и мужика, увѣренномъ въ себѣ и убѣжденномъ, что онъ дѣйствительно боролся только für Wahrheit, Freiheit und Recht.

Шорлемеръ очень мрачно смотритъ на современныя соціальныя условія Германіи. Средніе круги, ремесло и мѣщанство исчезаютъ, борьба между капиталомъ и трудомъ обостряется, недовольныхъ все больше и больше. Если во-время не вмѣшаться въ борьбу, она легко закончится катастрофой. Единственное направленіе, являющееся съ опредѣленною формулой для разрѣшенія соціальнаго вопроса, это -соціалъ-демократія. Шорлемеръ не вѣритъ въ нее, но съ нею нужно считаться, какъ съ большой силою. Разумѣется, единственная реальная сила, которая можетъ справиться съ соціализмомъ,- католическая церковь. Старый клерикалъ съ гордостью напоминаетъ, что католицизмъ раньше всѣхъ другихъ партій понялъ значеніе рабочаго движенія и поднялъ знамя соціальныхъ реформъ. Теперь уже и всѣ другія партіи начинаютъ слѣдовать примѣру центра. Реформъ, уже предпринятыхъ въ интересахъ рабочаго класса, еще недостаточно, и, кромѣ того, есть обширный классъ людей, которымъ нельзя помочь фабричными и подобными законами. Разрѣшеніе соціальнаго вопроса немыслимо безъ укрѣпленія средняго мѣщанства, не буржуа въ смыслѣ посѣтителей биржи и владѣльцевъ фабрикъ, а средняго мѣщанина и ремесленника, составлявшихъ когда-то въ Германіи ядро город-

ского населенія. Такимъ же зажиточнымъ и консервативнымъ элементомъ въ деревнѣ долженъ быть крестьянскій дворъ. Какъ читатель видитъ, тутъ смѣсь современной соціальной политики и средневѣковыхъ взглядовъ. Свои идеалы Шорлемеръ выражаетъ въ формулѣ: организація общества на принципѣ профессіональной корпораціи. Старый клерикальный вопль мечтаетъ, что для осуществленія этого идеала папа и германскій императоръ протянутъ другъ-другу руки. Вѣдь, оба они такъ интересуются экономическими вопросами.

То же воззрѣніе на опасность соціальныхъ условій современной Германіи выразилъ и Либеръ въ своей рѣчи на собраніи католическаго народнаго общества, засѣдавшаго одновременно съ общимъ конгрессомъ. „Мы имѣемъ въ своихъ рабочихъ католическихъ союзахъ,—сказалъ Либеръ,—около 170 тысячъ членовъ. Это отмѣчено было вчера на собраніи съ понятной гордостью. Я не отрицаю, что это успѣхъ, но что значатъ 170 тысячъ въ сравненіи съ 1 милліономъ 700 тысячъ голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократію“! Съ соціализмомъ, по словамъ Либера, католики не могутъ идти на компромиссы, потому что даже самые скромные и умѣренные его представители, какъ Фольмаръ, признаютъ религію дѣломъ личной совѣсти, а не общественной необходимостью; радикалы же, какъ Бебель, провозглашаютъ: der Himmel gehört den Engeln und Spatzen. Либеръ, однако, понимаетъ подъ борьбой противъ соціалъ-демократіи не механическія мѣры преслѣдованія, а идейную борьбу.

Положительныя предложенія соціально-политическаго характера, представленныя конгрессу, состоятъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) осуществленіе полнаго воскреснаго отдыха во всей промышленности и торговлѣ; 2) профессіональная организація рабочихъ на началахъ, соотвѣтствующихъ условіямъ обработывающей промышленности; 3) организація страхованія отъ кризисовъ и безработицы; 4) сокращеніе рабочаго времени; 5) введеніе на фабрикахъ представительства рабочихъ для урегулированія заработка и фабричныхъ порядковъ; 6) улучшеніе рабочихъ жилищъ. Центръ взываетъ не только къ законодательству, но и къ органамъ самоуправленія, ставя имъ на видъ, что въ каждой общинѣ, въ каждомъ городѣ упорядоченіе условій труда должно было бы составлять насущную задачу мѣстнаго управленія. Для поднятія образованія конгрессъ рекомендуетъ дальнѣйшее развитіе соціально-политическихъ курсовъ для народа; примѣры уже имѣются въ Германіи,

но не достаточно случайной дѣятельности въ этомъ направленіи: нужно покрыть Германію сѣтью такихъ курсовъ, развить ихъ въ народные университеты.

Утилизація науки въ интересахъ католицизма—одинъ изъ мотивовъ, проходящихъ почти черезъ всѣ рефераты на кельнскомъ конгрессѣ. Боннскій профессоръ Шрерсъ, говорившій на тему „наука и католическая церковь", восклицаетъ: наука — теперь великая держава, и католики совершили бы величайшую глупость, если бы они во-время не поняли этого. Профессоръ ставитъ своей церкви въ заслугу, что она сохранила цивилизацію въ средневѣковую эпоху, такъ что если варварство не заполонило Европу, то только благодаря традиціямъ, спасеннымъ католической церковью. Безъ науки нѣтъ будущаго, безъ знанія не мыслимо устоять въ борьбѣ культурныхъ и антикультурныхъ идей, знаменующихъ конецъ нашего вѣка.

На конгрессѣ есть и нѣсколько иностранцевъ, присутствующихъ въ качествѣ гостей. Голландскій профессоръ Шейманъ не ограничился ролью слушателя и произнесъ дѣйствительно замѣчательную рѣчь о свободѣ совѣсти и терпимости. Не правда ли, странная тема на клерикальномъ съѣздѣ? И тѣмъ не менѣе Шеймана, говорящаго еще къ тому же плохо по-нѣмецки, проводили громомъ рукоплесканій. Душа южныхъ нѣмцевъ радовалась, — замѣтилъ одинъ изъ членовъ конгресса, — что наконецъ раздались истинно демократическія слова. Правда, ораторъ осмѣивалъ глупый страхъ предъ іезуитами, но въ то же время онъ говорилъ о гражданской свободѣ вообще и противоставлялъ порядки своей родины полицейскому режиму въ Пруссіи. Только слабость и сознаніе своего безсилія ведутъ къ исключительнымъ законамъ,—заявилъ Шейманъ,— правое дѣло въ нихъ не нуждается. Католическій дѣятель не можетъ выступить ни за ограниченіе свободы слова или совѣсти, ни за прерогативы сословія. Въ демократіи, въ равенствѣ и свободѣ заключается величайшій, чистый смыслъ христіанства.

XXII.

Берлинъ, 29 сентября 1894 г.

Въ охотничьемъ замкѣ Губертусъ-Штокѣ императоръ Вильгельмъ совѣщался съ Каприви и Эйленбургомъ. Одни съ радостью, другіе съ тревогою ждутъ, что будетъ плодомъ этихъ бесѣдъ? Радуются сторонники Бисмарка, представители юнкерства и защитники па-

тріархальныхъ системъ, тревога въ рядахъ демократіи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ Губертусъ-Штокѣ и на совѣтѣ министровъ, созванномъ по возвращеніи канцлера въ Берлинъ, вопросъ шелъ о мѣрахъ къ ограниченію свободы обществъ и собраній. Патріоты всѣхъ оттѣнковъ требуютъ мѣръ обузданія; требуютъ даже національ-либералы, которые еще болѣе 25 лѣтъ тому назадъ находили что дѣйствовавшее тогда (и дѣйствующее еще безъ всякихъ измѣненій теперь) право собраній и ферейновъ слишкомъ реакціонно.

Удалось ли патріотамъ повліять на правительство, согласится ли Каприви предложить рейхстагу исключительные законы противъ собраній и политическихъ обществъ, это видно будетъ къ открытію парламентской сессіи. Въ политическихъ кружкахъ не слишкомъ много довѣряютъ твердости и послѣдовательности новаго курса. На очереди дня, однако,—тема о собраніяхъ и ферейнахъ. Я считаю поэтому не лишнимъ познакомить читателей съ дѣйствующимъ теперь законодательствомъ въ Германіи, пользуясь при этомъ сжатымъ и чрезвычайно объективнымъ очеркомъ профессора Эдгара Леннига „Vereins und Versammlungfreiheit“.

Уже въ концѣ прошлаго вѣка знаменитый прусскій законодательный актъ „Allgemeines Landrecht“ разрѣшилъ гражданамъ собираться и организоваться въ общества и союзы, если однако уставы ихъ признаны государственною властью и дѣятельность общества не противорѣчитъ общему благу, какъ его понимаетъ правительство. Идеи французской революціи и французское господство въ южной Германіи значительно облегчили стремленіе нѣмцевъ къ образованію ферейновъ. Правда, Пруссія категорически запретила скоро всякія общества, обсуждающія политическія дѣла, но запрещеніе не соблюдалось. Въ южной Германіи и правительства оказались гораздо терпимѣе къ обществамъ, даже политическимъ. Самая тяжелая пора для выросшихъ, какъ грибы, ферейновъ, наступила послѣ вѣнскаго конгресса. Но и въ злѣйшіе періоды меттерниховскаго режима для свободной мысли находились еще уголки въ Германіи: Баденъ, Вюртембергъ, Саксенъ-Мейнингенъ давали убѣжище гонимымъ; тамъ — относительно, конечно — мысль, слово были свободны. „Заря свободы и весна народовъ“,—какъ называли 48-й годъ,—принесли наконецъ нѣмцамъ право собираться, организовать союзы и общества, не испрашивая на то полицейскаго разрѣшенія. Статья 9-я имперской конституціи, выработанной всеобщимъ германскимъ парламентомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, про-

возглашаетъ свободу собраній и союзовъ однимъ изъ основныхъ гарантированныхъ правъ каждаго нѣмца. Единственныя ограниченія въ этомъ отношеніи — запрещеніе носить оружіе на сходкахъ и право правительства распускать собранія подъ открытымъ небомъ, если возникаетъ серьезное, очевидное опасеніе, что собраніе поведетъ къ нарушенію порядка. Несмотря на наступившую съ 49 года реакцію, это постановленіе перешло въ прусскую и нѣкоторыя другія конституціи. Отдѣльными законами Пруссія, Бавар ія, Саксонія, Гамбургъ сумѣли потомъ сдѣлать большія изъятія изъ общаго правила, такъ что въ чистомъ видѣ принципъ, провозглашенный во Франкфуртѣ въ 48 году, не сохранился нигдѣ. Объединеніе Германіи не только ничего не прибавило къ прежнему праву, но принесло еще нѣкоторыя ограниченія. Ст. 4-я имперской конституціи оставила въ силѣ мѣстные законы и сохранила за имперіей право, въ случаѣ надобности, издавать имперскіе законы о собраніяхъ и обществахъ. На основаніи этой статьи общегерманскій уголовный кодексъ запрещаетъ образованіе ферейновъ, существованіе и цѣль которыхъ держатся втайнѣ отъ правительства, или которые требуютъ отъ своихъ членовъ сопротивленія незаконными средствами существующему правовому порядку. На томъ же основаніи военный законъ 1874 г. запрещаетъ всѣмъ военнымъ на дѣйствительной службѣ, отъ солдата до фельдмаршала, участвовать въ политическихъ обществахъ или на политическихъ собраніяхъ. Единственное расширеніе правъ гражданина предусмотрѣно въ законѣ о выборахъ, предоставляющемъ всѣмъ избирателямъ право созывать собранія.

Общій всѣмъ германскимъ законодательствамъ принципъ — тотъ, что политическія собранія не нуждаются въ разрѣшеніи. Однако въ Пруссіи и Саксоніи всякое лицо, созывающее политическое собраніе, должно за 24 часа предупредить о томъ мѣстную полицію. Въ Вюртембергѣ это обязательно лишь въ томъ случаѣ, если каждый имѣетъ входъ въ собраніе, въ Баваріи — если о собраніи заявлено было публично (напримѣръ, приглашеніемъ въ газетахъ). Собранія подъ открытымъ небомъ въ Пруссіи и Саксоніи нуждаются даже въ разрѣшеніи, въ Баваріи — лишь въ томъ случаѣ, если собраніе происходитъ на городскихъ улицахъ или площадяхъ. Въ большинствѣ нѣмецкихъ законовъ предусмотрѣно также, что публичныя политическія собранія подлежатъ „наблюденію“ полицейскаго коммисара. Послѣдній можетъ распустить собраніе, если кто-нибудь изъ ораторовъ призываетъ къ нарушенію законовъ и къ

явно преступнымъ поступкамъ. Только въ Саксоніи и Гамбургѣ полицейскій комиссаръ можетъ распустить собраніе и въ томъ случаѣ, если оно, по его мнѣнію, грозитъ „публичному спокойствію и законному порядку“.

Что касается права образовывать общества, форейны и состоять ихъ членами, то это право признано во всѣхъ германскихъ законахъ. Общества обязаны лишь представить свои статуты мѣстнымъ властямъ. Но въ Пруссіи политическія общества могутъ быть закрыты, если они выступаютъ противъ законовъ страны или принимаютъ въ число своихъ членовъ женщинъ и учениковъ. Въ Саксоніи и Баваріи женщинамъ вообще запрещается участвовать въ какихъ бы то ни было обществахъ; форейнамъ запрещено вступать другъ съ другомъ въ союзы. На этомъ основаніи саксонскія власти не разъ оказывали услуги фабрикантамъ во время стачекъ, закрывая рабочія общества на томъ основаніи, что они вступали въ союзъ другъ съ другомъ, вопреки прямому запрещенію закона.

XXIII.

Берлинъ, 27 декабря 1894 г.

Въ монументальномъ фойе новаго рейхстага сравнительно тихо. Гигантская зала слишкомъ велика и торжественна для нѣмецкаго депутата. Архитекторъ, очевидно, придерживался французскихъ правовъ и хотѣлъ создать Salle des pas perdus, но спокойная нѣмецкая натура—противъ напрасной траты энергіи въ шаганіи взадъ и впередъ. Гораздо оживленнѣе въ сосѣднихъ залахъ, въ пріемной, снабженной мягкими креслами, въ прелестной и уютной столовой, откуда сразу несется гулъ голосовъ. Особенно полна столовая. Истинная Gemüthlichkeit для германца, все-таки, тѣсно связана съ кружкой хорошаго пива, и депутаты рейхстага не составляютъ исключенія. За столомъ и у буфета прекращается партійная вражда. Нынѣшній министръ фонъ-Келлеръ, будучи депутатомъ рейхстага, въ такихъ случаяхъ очень мило бесѣдовалъ съ соціалъ-демократомъ Зингеромъ, а покойный Виндгорстъ пикировался съ національ-либеральными культуръ-кампферами. Изъ стараго дома традиціи перешли въ новый. Политическіе противники жмутъ другъ другу руки, освѣдомляются о здоровьѣ женъ и разсказываютъ, какъ провели праздники.

Раздается звонокъ президента, вслѣдъ за которымъ электрическіе звонки разносятъ по всѣмъ заламъ, что засѣданіе открывается.

Всѣ спѣшатъ на мѣста, — сегодня одинъ изъ „большихъ дней“: начинаются дебаты объ уголовномъ законѣ противъ политической агитаціи, который нѣмцы окрестили однимъ словомъ: Umsturzgesetz. Въ залѣ очень много депутатовъ, но еще больше народа наверху: галлереи для публики, для семействъ депутатовъ, членовъ союзнаго совѣта, ложа президента—все биткомъ набито. На галлереи для обыкновенной публики билеты разбирались еще за недѣлю.

Первымъ говоритъ соціалъ-демократъ Ауэръ. Этотъ бывшій ремесленникъ, безспорно, послѣ Бебеля и Фольмара, теперь самая выдающаяся фигура у соціалъ-демократовъ. Либкнехтъ образованнѣе, но Ауэръ энергичнѣе, практически умнѣе, краснорѣчивѣе. Баварецъ по рожденію, онъ уже много лѣтъ живетъ въ Берлинѣ и во внутреннихъ спорахъ стоялъ на сторонѣ сѣверянъ. Въ его пріемахъ, однако, очень много южнаго добродушія, подкупающаго слушателя; грубости онъ говоритъ съ такимъ юморомъ, что ему ихъ прощаютъ. При этомъ онъ даже предъ Бебелемъ имѣетъ то преимущество, что умѣетъ себя сдерживать. Нужно удивляться искусству Ауэра въ выборѣ выраженій, когда тема очень щекотлива. Говорить болѣе 3-хъ часовъ и не быть ни разу призываемымъ къ порядку,—сомнѣваюсь, чтобы это удалось кому-либо другому изъ его партіи.

Правительство ссылается на то, что многія изъ предлагаемыхъ имъ теперь уголовныхъ наказаній уже заключались въ проектѣ уголовнаго уложенія. Оно только забываетъ упомянуть, что тогда, въ 1876 г., за эти предложенія не поднялся ни одинъ депутатъ рейхстага, что они были отклонены единогласно, несмотря на авторитетъ Бисмарка. „Мы 20 лѣтъ тому назадъ вообще были гуманнѣе“ увѣряетъ ораторъ. „Вспомните, что потребовалось все вліяніе и угрозы Бисмарка, чтобы включить въ число наказаній смертную казнь. Большинство парламента въ 70-хъ годахъ сочло бы за дерзость или наивность, если бы ему предложили, какъ теперь, содѣйствовать нарушенію свободы рѣчи и „безъ страстности“,—какъ выразился здѣсь статсъ-секретарь,—взвѣсить постановленія противъ права выражать свои мнѣнія. Это напоминаетъ повара, который приглашаетъ курицу спокойно подумать, что ей желательнѣе: быть сваренной или зажаренной?“

При всемъ желаніи составителей проекта подобрать для своихъ цѣлей соотвѣтствующія цитаты изъ соціалъ-демократической литературы, они не могли найти ни одной, которая послужила бы доказательствомъ, что соціалъ-демократія проповѣдуетъ *насиль-*

ственное разрушеніе существующаго. Докладная записка, представленная рейхстагу, точно такъ же, какъ изложеніе секретаря юстиціи, изобилуютъ цитатами, въ которыхъ заключается призывъ къ разрушенію семьи, религіи, собственности. Откуда эти цитаты? Изъ „Freiheit“ Моста, изъ анархическихъ листковъ. „Нужно ли еще повторять,—спрашиваетъ Ауеръ,—что анархизмъ и соціалъ-демократія—полныя противоположности, что у насъ съ анархистами еще меньше общаго, чѣмъ у васъ? *(къ правой).* Если цитатами изъ статей хотятъ мотивировать необходимость уголовныхъ мѣръ противъ соціалъ-демократіи, то зачѣмъ же останавливаться только на анархической литературѣ? Цитируйте противъ насъ вождей крестьянской войны, цитируйте Лютера“. Ораторъ читаетъ нѣкоторыя характерныя слова Лютера противъ распущенности правовъ, жестокости къ бѣднымъ и т. п. и продолжаетъ: „вѣдь такія слова подпадутъ подъ дѣйствіе вашего новаго закона, если проектъ будетъ принятъ! Впрочемъ, зачѣмъ намъ эти цитаты: для доказательства необходимости жестокихъ наказаній за политическіе поступки правительству стоитъ только процитировать письмо одного изъ его собственныхъ столповъ. Я имѣю въ виду извѣстное письмо Микеля къ К. Марксу, требующее диктатуры пролетаріата, организаціи крестьянскихъ волненій, „чтобы воспользоваться ненавистью мужика противъ помѣщика“. Въ томъ письмѣ нынѣшняго министра финансовъ вы найдете все, что ищете у насъ. И только ли Микель? Кто знаетъ, удалось ли бы Бисмарку осуществить тройственный союзъ безъ Андраши, демагога 48 года, присужденнаго къ смертной казни и счастливо избѣжавшаго своей участи? Здѣсь въ рейхстагѣ, на скамьяхъ либераловъ и даже національ-либераловъ, найдется не одинъ коллега, который теперь думаетъ про себя: если этотъ Ауэръ роется въ моемъ прошломъ, то онъ оттуда выкопаетъ такія рѣчи, такіе поступки, что въ сравненіи съ ними соціалъ-демократическая критика существующаго еще покажется совершенно умѣренной. Будьте однако спокойны: мнѣ незачѣмъ копаться въ прошломъ *(Смѣхъ и одобренія).* Развѣ настоящее даетъ мало матеріала! Мы, восклицаетъ Ауеръ, шатаемъ семью, религію, монархію? Но посмотрите, что дѣлаютъ сверху, какъ думаютъ въ другихъ сословіяхъ, и вы убѣдитесь, что намъ въ этомъ отношеніи рѣшительно ничего не остается сдѣлать. Правительственный проектъ задается общей цѣлью—защищать монархію. Едва ли можно думать, чтобы это понималось также въ томъ смыслѣ, чтобы въ Гер-

маніи нельзя было критиковать дѣйствій и привычекъ персидскаго шаха или дагомейскаго короля. Если же имѣется въ виду защищать монархическія учрежденія въ самой Германіи, то я спрашиваю: развѣ у насъ обнаружены были какія-либо попытки къ насильственному разрушенію монархическаго образа правленія? Если вы скажете, что у насъ много республиканцевъ, то не буду спорить,— ихъ у насъ много не только въ соціалъ-демократіи, и ряды ихъ въ послѣднее время, безъ всякаго участія съ нашей стороны, сильно увеличиваются. Это, однако, мирные люди. Что же касается монархическаго чувства консерваторовъ, для успокоенія которыхъ будто бы нужны рѣшительныя мѣры, то, во-первыхъ, ваши мѣры нерѣшительныя; во-вторыхъ, никакими наказаніями тутъ ничего нельзя подѣлать и, въ третьихъ, сами эти чувства довольно неустойчиваго свойства *(ропотъ на правой)*. Господа,— обращается Ауэръ къ консерваторамъ,—не вы ли говорили на собраніяхъ крестьянъ, что если такъ пойдетъ дальше, какъ при Каприви, то вы окажетесь не въ оппозиціи, а въ революціи? *(Очень хорошо! и аплодисменты слѣва.)* И развѣ всему Берлину не извѣстно, какія остроты по очень высокому адресу сообщаются другъ другу на ухо въ аристократическихъ и буржуазныхъ кругахъ? Что говорили и пѣли недавно на банкетѣ художниковъ и архитекторовъ? Еслибы это произошло на праздникѣ рабочихъ, то они поплатились бы годами тюремнаго заключенія" *(Слушайте! слушайте!)*

Здѣсь я долженъ прервать на минуту оратора и сдѣлать маленькую поясняющую вставку. Банкетъ, о которомъ упоминаетъ Ауэръ, данъ былъ берлинскими архитекторами и художниками строителю рейхстага, проф. Валльту. Присутствовали всѣ корифеи художественнаго міра, все, что есть въ Берлинѣ именитаго. Это происходило вскорѣ послѣ того, какъ узнали, что императоръ не утвердилъ за Вальтомъ присужденной ему золотой медали. На банкетѣ говорились рѣчи и пѣлись пѣсни, передача которыхъ въ печати вызвала бы процессъ въ оскорбленіи величества, но онѣ изъ устъ въ уста обошли всю столицу.

Вернемся къ дебатамъ и приведемъ изъ рѣчи Ауэра еще заключительныя слова. Упомянувъ о постановленіяхъ проекта относительно печати и напомнивъ при этомъ походъ „Kreuzzeitung" противъ университетской науки, коснувшись разрушенія семьи золотой молодежью, охарактеризовавъ браки, заключаемые въ привилегированныхъ классахъ при помощи посредническихъ бюро, ора-

торъ говоритъ въ заключеніе: „подъ предлогомъ анархическихъ покушеній, съ которыми у насъ нѣтъ ничего общаго, предпринимается походъ противъ свободы, столь же оскорбительный, какъ и безплодный. Противъ политики глупцовъ, называютъ ли они себя охранителями или анархистами, стоятъ ли они очень высоко или очень низко, вы ничего не подѣлаете уголовными законами. Я повторяю, что не надо говорить только о разрушеніи снизу, потому что мы лишь недавно были свидѣтелями попытокъ разрушенія сверху. Es muss etwas geschehen, — сказалъ Бенингсенъ, имѣя въ виду рабочее движеніе. Да, нужно что-нибудь сдѣлать, и даже не что-нибудь, а очень много для улучшенія участи народа. Ваша попытка совершенно противоположнаго рода, и вы только напрасно шумите. Мы не подали повода къ уголовнымъ законамъ, потому что остались тѣми же, чѣмъ были. Не курьезно ли, что только недавно одинъ изъ консерваторовъ въ рейхстагѣ назвалъ насъ революціонерами въ халатѣ и туфляхъ, совершенными филистерами? А за нѣсколько мѣсяцевъ мы вдругъ превратились въ опасныхъ разрушителей. Для меня вся настоящая затѣя только симптомъ переживаемаго страною тревожнаго времени, характеризуемаго также полнымъ паденіемъ довѣрія къ правительству. Все шатается. Нервное возбужденіе ищетъ исхода, — рабочіе должны сыграть роль Prügeljunge. Нужно что-нибудь сдѣлать. Помните, что не мы дали поводъ къ уголовнымъ мѣрамъ, а только вы сами потеряли довѣріе къ себѣ! *(Бурное одобреніе слѣва)*“. При полномъ вниманіи рейхстага, минутами переходящемъ въ волненіе, Ауэръ заканчиваетъ свою рѣчь обращеніемъ къ правой и правительственному столу: „мы выдержали законъ 1878 года, выдержимъ и этотъ законъ, но будьте увѣрены, что *такими* средствами нельзя остановить рабочаго движенія. Бывшій канцлеръ очень хорошо сказалъ, что въ подобныя минуты, какъ нынѣ переживаемая, мужество состоитъ въ хладнокровіи. Такое хладнокровное мужество на нашей сторонѣ“.

Рѣчь Ауэра заняла все первое засѣданіе въ нынѣшнихъ дебатахъ: небывалый еще фактъ въ парламентской лѣтописи Германіи.

XXIV.

Берлинъ, 30 декабря 1894 г.

Дебаты объ уголовномъ законѣ противъ политической агитаціи продолжаются уже 4 дня и, вѣроятно, еще долго будутъ тянуться.

Болѣе упорной борьбы въ рейхстагѣ, кажется, еще не было; она превосходитъ ту, которая велась между аграріями и сторонниками системы торговыхъ договоровъ, и очень напоминаетъ 1878 г., предъ изданіемъ закона противъ соціалъ-демократіи.

Въ сущности, всѣ и теперь хорошо понимаютъ, что подъ оболочкой общаго уголовнаго закона проектируются исключительныя мѣры. Слабѣе по содержанію, онѣ должны, однако, дать администраціи и суду возможность, если не подавить радикальную оппозицію, то крайне ее затруднить. Еслибы проектъ сталъ закономъ, можно было бы посчитаться и съ болѣе рѣшительными сторонниками гражданской демократіи. Преимущественно имѣютъ, конечно, въ виду соціалъ-демократію. Для характеристики нынѣшняго положенія ничего болѣе цѣннаго, какъ эти дебаты, нельзя указать. Еслибъ я хотѣлъ ихъ, однако, привести въ самомъ сжатомъ изложеніи, то долженъ былъ бы исписать десятки столбцовъ. Приходится удовольствоваться передачей наиболѣе выпуклыхъ пунктовъ, сколько-нибудь выясняющихъ цѣлое. Однимъ изъ такихъ пунктовъ была рѣчь Ауэра, другимъ являются требованія самаго яраго противника соціалъ-демократіи, типичнѣйшаго фабричнаго феодала, заводчика и барона Штума.

Многіе его считали отцомъ нынѣшняго проекта, но Штумъ съ негодованіемъ отвергаетъ такую „инсинуацію“. Еслибы онъ составлялъ проекты противъ агитаціи, то неужели постановленія вышли бы столь мягкими, дряблыми? „Я ограничился бы, — отвѣчаетъ онъ Ауэру, — 2 параграфами, гласящими такъ: § 1-й — соціалъ-демократы лишаются активнаго и пассивнаго избирательнаго права; § 2-й — агитаторы изгоняются изъ Германіи. Остальное можно было бы предоставить административному распоряженію“.

Откровенныя слова заводчика вызываютъ негодованіе не только крайней лѣвой, но и въ центрѣ и даже у національ-демократовъ. Оратора это не смущаетъ: онъ только съ грустью замѣчаетъ, что соціалистическій ядъ проникъ и въ другія партіи, смѣшавшись съ нѣмецкой сентиментальностью. Прочь сентиментальность! Ей нѣтъ мѣста, когда отечество въ опасности, когда подкапываются подъ религію, собственность, семью. „Отчего васъ такъ пугаютъ слова: исключительный законъ?—спрашиваетъ онъ либераловъ и клерикаловъ. Развѣ фабричное законодательство не исключительный законъ противъ насъ — фабрикантовъ?“ А вѣдь, право, предприниматели меньше согрѣшили. Salus publica suprema lex! Условія теперь, по мнѣнію Штума, уже таковы, что надо думать о спа-

сенін государства: тѣ, которые подкапываются подъ него, не должны разсчитывать на терпимость своихъ согражданъ. Стыдно также, что въ рейхстагѣ допускаютъ сравненія, какія сдѣлалъ Бебель, напедшій параллель между Германіей Вильгельма II и Римомъ эпохи Тиверія.

Опасны,—продолжаетъ Штумъ, не одни соціалъ-демократы, а также ихъ покровители и попустители. Профессора политической экономіи, именуемые катедеръ-соціалистами, нашли въ соціализмѣ здоровое зерно. Лютеранскіе пасторы, какъ Науманъ, Гере и др., организуютъ евангелическіе рабочіе союзы для борьбы съ капиталомъ. Все это очень на-руку соціалъ-демократамъ и ведетъ къ шатанію всего строя. Какъ же не требовать энергичныхъ мѣръ? Въ своемъ увлеченіи Штумъ забываетъ только сказать: принадлежатъ ли профессора, какъ Ад. Вагнеръ и Брентано, и священники, какъ Науманъ, къ кругу тѣхъ, которыхъ надо изгнать изъ Германіи, или же только лишить избирательнаго права?

Печать всѣхъ оттѣнковъ, даже консервативная, уже успѣла обрушиться на Штума. Вполнѣ буржуазные органы называютъ такихъ охранителей, какъ Штумъ, людьми, оказывающими медвѣжью услугу дѣлу порядка, потому что они вызываютъ своими выходками раздраженіе и только размножаютъ соціалъ-демократовъ. Почему же, однако, правая горячо привѣтствовала этого рыцаря? Еще характернѣе безспорное вліяніе Штума на корону. Онъ теперь принадлежитъ къ тѣснѣйшему кружку чествуемыхъ и пользующихся высокимъ одобреніемъ депутатовъ. Въ тотъ самый день, когда газеты сообщали о вѣроятной отставкѣ министра промышленности Берлепша, какъ слишкомъ усерднаго защитника соціальныхъ реформъ, Штумъ не только былъ приглашенъ въ Потсдамъ на лекцію о морскомъ флотѣ, но еще вмѣстѣ съ президентомъ Левецовымъ и барономъ Мантейфелемъ удостоился особенно лестнаго пріема. Die schönen Tage von Aranjouez, wie sind sie schnell vergangen! Вспомните объ указѣ 1890 года, о заявленіяхъ, что нужно дать возможность рабочимъ ограждать свои интересы противъ предпринимателей! Вѣдь, это все то же попустительство, противъ котораго ратуетъ нынѣшній совѣтникъ Штумъ.

Оставимъ фабричнаго феодала и перейдемъ къ другимъ эпизодамъ дебатовъ. Рихтеръ въ нихъ не участвовалъ. Представителемъ свободомыслящихъ выступилъ Мункель, извѣстнѣйшій берлинскій адвокатъ, блестящій защитникъ въ уголовныхъ процессахъ; тонкій юмористъ, пожалуй, слишкомъ изящный ораторъ для такого рода

дебатовъ, но очень интересный и притомъ опытный юристъ, что̀ весьма важно въ данномъ случаѣ. Не даромъ потомъ министръ юстиціи счелъ нужнымъ, возражая свободомыслящему юристу по существу, все-таки, расшаркаться предъ его знаніями, практическимъ опытомъ и талантомъ.

Ораторъ исходитъ изъ положенія, что въ интересахъ достоинства и независимости суда не слѣдуетъ предоставлять юстиціи политическихъ функцій. Можно быть очень высокаго мнѣнія о независимости судей, но не надо вводить ихъ въ соблазнъ. Это особенно опасно при всѣхъ эластическихъ законахъ, дающихъ слишкомъ много простора толкованію. Если нашелся прокуроръ, истолковавшій въ смыслѣ ограниченія депутатской неприкосновенности столь ясный законъ какъ германская конституція, то что произойдетъ съ принятіемъ закона, наказывающаго, напр., за „то, что редакторъ газеты, при желаніи узнать истину, могъ бы знать“. У насъ, замѣчаетъ Мушкель, много говорятъ о независимости судей, но забываютъ другой принципъ уголовнаго процесса, что когда нѣтъ обвинителя, нѣтъ и судьи. Прокуроры—смѣняемые и зависимые чины, а въ ихъ рукахъ, въ однихъ случаяхъ возбуждать обвиненія и въ другихъ—спокойно оставаться въ сторонѣ. Законъ противъ печати и собраній можетъ въ одномъ случаѣ быть пущенъ въ ходъ, въ другомъ—нѣтъ. Это широко раскрываетъ двери произволу прокуроровъ въ столь щекотливыхъ, зависящихъ отъ личныхъ политическихъ мнѣній дѣлахъ. Противъ Umsturz сверху прокуроры останутся очень пассивными зрителями. Военный министръ здѣсь въ рейхстагѣ выступилъ защитникомъ генерала Кирхмана, стрѣлявшаго въ редактора „Tageblatt“. Министръ сказалъ, что онъ вполнѣ оправдываетъ такой поступокъ. Между тѣмъ, по нынѣшнему проекту, восхваленіе подобныхъ поступковъ наказуется продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Найдется ли прокуроръ, который привлекъ бы къ суду военнаго министра? *(Очень хорошо! и апплодисменты на лѣвой).* По прямому заявленію Штума, преслѣдованію должны подвергнуться такія произведенія, какъ „Ткачи“ Гауптмана, потому-что они вызываютъ сочувствіе къ несчастнымъ бѣднякамъ, разрушающимъ домъ купца. Штумъ даже замѣтилъ, что разрѣшеніе такихъ пьесъ—публичный скандалъ. Я пойду дальше,—иронизируетъ Мушкель,—и укажу на „Каина“ Байрона. Въ пользу этого обвиняемаго я могу только привести одно смягчающее обстоятельство: преступленіе, которое возвеличиваетъ Байронъ, совершилось еще до потопа *(Смѣхъ и одобреніе).* Ира-

вительство просило депутатовъ отнестись къ проекту, даже критикуя его, съ „благожелательностью". Мнѣ это не трудно, —отвѣчаетъ Мункель, — потому-что всѣ сироты во мнѣ возбуждаютъ искреннее участіе, а этотъ проектъ лишился отца еще до своего рожденія *(Смѣхъ)*. Или Каприви, дѣйствительно, не былъ его отцемъ? Въ разсмотрѣніе такихъ деликатныхъ матерій мы не должны входить, для насъ обязателенъ принципъ: pater est quem nuptiae demonstrant, а Каприви тогда стоялъ во главѣ правительства. Я только думаю, что воспитатели, которымъ отдали сироту, усердствуютъ больше родного отца" *(Смѣхъ)*.

Ораторъ свободомыслящихъ — рѣшительный противникъ соціалъ-демократіи, но считаетъ долгомъ порядочности заявить, что между соціализмомъ и анархизмомъ глубокая пропасть. Какъ ни превратны съ нашей точки зрѣнія идеи коллективизма, — замѣчаетъ онъ, — но это идеи, противъ которыхъ спорятъ безъ участія прокуроровъ. Нуженъ глубокій пессимизмъ, полное отсутствіе довѣрія къ существующему, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Ауэръ, чтобы при помощи новыхъ уголовныхъ законовъ охранять нынѣшнее общество. „Горе тому обществу, которое не въ состояніи выносить критику своихъ порядковъ, которое отождествляетъ тишину съ благополучіемъ, смѣшиваетъ догму съ вѣрой и наказываетъ за свободное выраженіе мнѣній. Это начало конца. Съ такими законами не создаютъ славы отечества и не идутъ во главѣ цивилизаціи" *(Шумное, продолжительное одобреніе слѣва)*.

Мункель въ своей рѣчи не только задѣлъ военнаго министра, но и поднялъ очень серьезный вопросъ: дѣйствительно ли дисциплина въ германской арміи такъ поколеблена, что нужно прибѣгнуть къ суровымъ наказаніямъ для предупрежденія соціалистической агитаціи въ казармахъ? Этого было бы уже достаточно, чтобы побудить военнаго министра вмѣшаться въ дебаты. Рѣчь генерала Бронсара имѣла, однако, еще и другую цѣль. Военный министръ говорилъ не только въ качествѣ военнаго. Онъ предъ засѣданіемъ рейхстага былъ у императора и прямо отъ него явился въ залу, въ полной формѣ и съ орденомъ Чернаго Орла на груди. Въ такомъ костюмѣ можно импонировать, а правительству нужно было загладить впечатлѣніе первыхъ двухъ дней. Не могло же оно не замѣтить, что его положеніе въ дебатахъ вызывало недоумѣніе даже у противниковъ, боровшихся съ такими второстепенными людьми, какъ статсъ-секретарь Нибердингъ. Старичекъ-канцлеръ появлялся на нѣсколько минутъ и молча слушалъ; Беттихеръ,

фонъ-Келлеръ, министръ юстиціи Шенштедтъ — всѣ словно сговорились молчать, хотя изъ рядовъ лѣвой на ихъ голову сыпались удары.

Нужно признать, что военный министръ производитъ впечатлѣніе не только мундиромъ и бряцаніемъ сабли. Въ немъ есть что-то не совсѣмъ заурядное,—темпераментъ это или умъ? Пока еще трудно опредѣлить! Нѣкоторые видятъ въ немъ будущаго канцлера; даже увѣряютъ, что ему императоръ предлагалъ этотъ постъ, но генералъ отвѣтилъ: „пока живъ Бисмаркъ, меня, какъ и всякаго другого, будутъ считать только подъ-канцлеромъ, а я желалъ бы быть настоящимъ канцлеромъ“. Тѣмъ временемъ онъ набиваетъ руку.

„Нѣтъ, дисциплина въ германской арміи еще не расшатана“,— отвѣчаетъ военный министръ Мункелю, — „и я надѣюсь, что нѣмецкій солдатъ всегда останется защитникомъ государства, что на него можно будетъ положиться, куда бы и противъ кого бы ни пришлось его направить“. Депутатъ, однако, заблуждается, если думаетъ, что военная организація совершенно предохраняетъ отъ всякаго проникновенія разрушительныхъ ученій. Солдаты — все-же люди, имѣющіе уже черезъ свои семьи связь съ внѣшнимъ міромъ. Если рейхстагъ отказывается дать правительству возможность бороться съ идеями, систематически разрушающими всякій авторитетъ, то онъ тѣмъ самымъ крайне затрудняетъ сохраненіе авторитета въ казармахъ. Ваша агитація, — обращается министръ къ соціалъ-демократамъ, — пріучаетъ солдата смотрѣть на нарушеніе присяги не какъ на преступленіе, а какъ на что-то похвальное *(Изъ рядовъ соціалъ-демократіи раздаются возраженія)*. Военный министръ подходитъ такъ близко къ крайней лѣвой, что стоитъ почти лицомъ къ лицу съ Бебелемъ, Либкнехтомъ и ихъ товарищами. - Господа,—обращается онъ къ нимъ, — я вполнѣ вамъ вѣрю, что вы даете своимъ сторонникамъ, служащимъ въ арміи, совѣтъ вести себя хорошо; знаю, что вы даже неоднократно называли безумiемъ всякую попытку переложить теперь же въ дѣйствительность ваше ученіе. Для меня это, однако, только доказательство, что вы, вожди, съ большой долей предусмотрительности соединяете еще большую дозу... ну, скажемъ, осторожности *(Смѣхъ и одобренія правой)*. Можете ли вы поручиться мнѣ за тѣхъ, которые стоятъ позади васъ, и за вольныхъ стрѣлковъ, которымъ ваша агитація кажется слишкомъ медленной? Что рядовые или стрѣлки иногда горячѣе вождей, явствуетъ уже изъ того, что отъ поры до времени по казармамъ разбрасываются соціалистическіе листки *(Возраженія)*.

Вы, господа, не обжигаете себѣ пальцевъ на такихъ глупостяхъ, но это дѣлаютъ ваши ученики. Въ послѣднее время учащаются и случаи нападенія на часовыхъ, особенно въ отдаленныхъ мѣстностяхъ *(слѣва: гдѣ? кто?)*. Вы, гг. соціалъ-демократы, этого не дѣлаете, изъ васъ, здѣсь сидящихъ, никто на меня не производитъ впечатлѣнія человѣка, который готовъ взорвать пороховой складъ, съ рискомъ самому взлетѣть въ воздухъ *(Хохотъ)*. Кто знаетъ, впрочемъ, не вынуждены ли вы будете играть противъ воли роль героевъ, когда наступитъ большой крахъ, der gross Krach? (*Бебель:* не ломайте себѣ голову за насъ). Господа, бываютъ моменты, когда изъ рядовъ, привыкшихъ повиноваться, раздается призывъ: les officiers en avant! Господа депутаты рейхстага, крикнутъ они, выступайте впередъ: до сихъ поръ вы учили, теперь ведите.

Министръ заканчиваетъ въ болѣе серьезномъ тонѣ. Арміи,— говоритъ онъ,—приходится теперь все больше имѣть дѣло съ рекрутами, явившимися не изъ деревни, а изъ городовъ и фабрикъ, воспитанными не въ страхѣ Божьемъ и покорности властямъ, а въ духѣ соціалъ-демократіи. Военная дисциплина такъ сильна, что она справляется и съ новымъ элементомъ, но это съ каждымъ годомъ труднѣе. Можетъ наступить необходимость въ драконовскихъ мѣрахъ для поддержанія повиновенія. „Дисциплина останется, но ее нужно будетъ купить дорогою цѣною, пулями и штыками солдата противъ солдата. Мы потому и просимъ у васъ полномочій, чтобы не довести дѣло до такой крайности".

XXV.

Берлинъ, 29-го января 1895 г.

Когда графъ Цедлицъ, въ союзѣ съ піетистами и реакціонерами, началъ походъ противъ нѣмецкой свѣтской школы, университеты сочли нужнымъ выступить въ защиту, какъ говорили тогда, устоевъ культуры. Многихъ удивляло, что въ виду нынѣшней попытки, въ формѣ уголовнаго закона, вторгнуться не только въ область политической свободы, но и въ сферу свободы мысли, научнаго изслѣдованія, представители науки хранятъ молчаніе. Чѣмъ это объяснить? Вѣроятнѣе всего, преобладаніемъ національ-либеральнаго элемента среди нѣмецкихъ профессоровъ. Противъ попытки отдать школу піетистамъ протестовалъ даже Бенингсенъ, но тотъ же Бенингсенъ, а за нимъ и почти всѣ остальные націо-

налъ-либералы отстаиваютъ теперь необходимость репрессивныхъ мѣръ.

Были, конечно, исключенія. Гекель, хотя національ-либералъ и большой поклонникъ Бисмарка, подвергъ новѣйшую попытку ограниченія слова и совѣсти самой ѣдкой и безпощадной критикѣ. Философъ Паульсенъ назвалъ проектируемыя мѣры продуктомъ невѣжества и алчности. Университетская корпорація, въ цѣломъ, однако, стояла въ сторонѣ. Продолжительное размышленіе теперь привело, наконецъ, многихъ консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ профессоровъ къ убѣжденію, что пріобрѣтенія культуры стоятъ выше интересовъ партіи и сословія. Въ университетахъ начинается движеніе. Начало положено заявленіемъ, опубликованнымъ сегодня въ берлинскихъ газетахъ и исходящимъ преимущественно отъ профессоровъ (Вагнеръ, Феретеръ, Листъ), къ которымъ присоединились и многія другія лица, составившія себѣ имя теоретической и практической дѣятельностью, представители самыхъ разнородныхъ политическихъ направленій.

„Что заставляетъ насъ,—спрашиваютъ подписавшіеся,—выступать съ коллективнымъ заявленіемъ? Наше близкое знакомство съ соціальнымъ положеніемъ Германіи, изученіе котораго составляетъ предметъ нашей дѣятельности. Матеріальное и моральное положеніе низшихъ классовъ въ Германіи настойчиво требуютъ коренного улучшенія. Это—признаніе, которое нужно сдѣлать не только въ интересахъ нуждающихся, но и въ интересахъ мирнаго преуспѣянія нашего отечества. Въ виду значительныхъ привилегій, которыми пользуются у насъ высшіе классы, всякая реформа должна считаться съ требованіями уравнительной справедливости, т. е. съ возложеніемъ на высшіе классы извѣстныхъ жертвъ въ пользу низшихъ.

„Ради мирнаго развитія нынѣшняго общества и предохраненія его отъ тяжелыхъ кризисовъ,—продолжаютъ составители заявленія,—необходимо, чтобы государство и общество сознали серьезность выпавшей на ихъ долю задачи. Это достигается путемъ убѣжденія, честнаго спора, свободнаго изученія дѣйствительности. Необходимо, чтобы критика существующаго была свободна, чтобы мнѣнія, требованія и нужды открыто высказывались. Проектъ репрессивныхъ мѣръ, представленный теперь рейхстагу, сдѣлаетъ невозможной свободную критику общественныхъ злоупотребленій. Направленный противъ политической агитаціи, проектъ игнорируетъ необходимость открытаго выраженія мнѣній и одинаково угрожаетъ какъ опасной

агитаціи, такъ и справедливымъ стремленіямъ къ улучшенію существующаго. Послѣдствія закона 1878 г. и нѣкоторые случаи въ новѣйшей судебной практикѣ заставляютъ опасаться, что не только въ рукахъ прокуроровъ, но и въ вердиктахъ судей проектируемые уголовные законы поведутъ, съ одной стороны, къ господству партійной юстиціи, съ другой—къ озлобленію и усиленію антагонизма въ населеніи. Кто вникаетъ въ условія жизни и настроеніе народныхъ массъ, тотъ съ глубокимъ сокрушеніемъ долженъ осудить попытку законодателя, столь же безплодную, какъ и опасную. Германія такими мѣрами лишь покидаетъ путь медленнаго, серьезнаго прогресса и переходитъ къ внѣшнему квіетизму, который не можетъ быть названъ нормальнымъ. Какъ все ненормальное, и вынужденное молчаніе кончается вспышками, несравненно болѣе опасными, чѣмъ нынѣшняя агитація.

„Нижеподписавшіеся, какъ и большинство нѣмецкаго народа, искренно желаютъ, чтобы политическія преступленія и беззаконія были предупреждаемы необходимыми мѣрами. Они признаютъ также, что соціалъ-демократическая агитація нерѣдко заключаетъ въ себѣ оскорбленіе традиціонныхъ идеаловъ населенія; они думаютъ, однако, что уголовными наказаніями эта вредная дѣятельность скорѣе можетъ быть усилена, чѣмъ уничтожена“. Заявленіе оканчивается слѣдующими словами: „Во имя общественнаго прогресса, во имя сближенія рѣзко стоящихъ другъ противъ друга классовъ нашего народа, во имя мирной и счастливой будущности Германіи мы подымаемъ свой голосъ противъ основныхъ положеній проекта о репрессивныхъ мѣрахъ“.

Петиція профессоровъ встрѣтила сочувствіе и подражаніе въ другихъ сферахъ интеллигентнаго населенія: среди учителей, врачей, духовенства. Изъ Готы рейхстагу представленъ протестъ, подписанный всей мѣстной интеллигенціей, съ предсѣдателемъ суда, директоромъ гимназіи и духовенствомъ евангелическихъ церквей во главѣ. Изъ Мюнхена получена петиція баварскаго Общества литераторовъ и ученыхъ, заявляющая, что принятіе Umsturzgesetz'а вызоветъ въ Баваріи негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей. Наиболѣе оригинальная манифестація предпринята, однако, Обществомъ этической культуры. По проекту, представленному рейхстагу, наказанію тюремнымъ заключеніемъ подвергаются также „оскорбительныя выраженія о бракѣ и (моногамической) семьѣ“. Общество этической культуры, считающее одною изъ своихъ задачъ поднятіе нравственнаго значенія семьи и брака, обратилось къ интеллигент-

нымъ нѣмецкимъ женщинамъ съ запросомъ: какъ онѣ смотрятъ на попытку поднять семейную жизнь уголовными наказаніями? Отвѣтъ женщинъ выраженъ въ формѣ заявленія, которое имѣетъ быть передано рейхстагу. Оно подписано почти всѣми выдающимися женщинами, участвующими въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ и женскаго вопроса, начиная со старушки Анны Моргенштернъ, которая пользовалась большими симпатіями покойной императрицы Августы, и кончая графинями Бюловъ и Бутлеръ, женщинами-врачами и женами профессоровъ. „Мы думаемъ,—говорятъ эти женщины,—что такими законами, какъ проектъ противъ Umsturz, достигается не защита, а паденіе семьи. Безъ свободной критики современныхъ экономическихъ и моральныхъ условій, заключающихъ въ себѣ причины расшатанности семейныхъ устоевъ, невозможно ожидать поворота къ лучшему въ семейной нравственности. Уже одно то, что законодательство теперь ставитъ женщину на одну ступень съ несовершеннолѣтними и безумными, не можетъ содѣйствовать уваженію къ женѣ и матери. Кромѣ того, уваженіе народа къ нравственнымъ учрежденіямъ—браку и семьѣ—сильно расшатывается порядкомъ, при которомъ безнравственность санкціонируется, какъ нѣчто неизбѣжное, тогда какъ она, въ сущности, только продуктъ извѣстныхъ экономическихъ условій, съ одной стороны, и безпомощности женщины, которой закрыты всѣ пути, съ другой. По нашему искреннему убѣжденію,—такъ гласитъ это женское заявленіе,—всякій, раскрывающій дѣйствительные источники паденія семьи, оказываетъ огромную услугу своему народу и, въ истинномъ смыслѣ слова, можетъ быть названъ защитникомъ нравственности“.

XXVI.

Берлинъ, 19-го февраля 1895 г.

Не проходитъ почти дня, чтобы газеты не приводили единичнаго или коллективнаго заявленія представителей нѣмецкой интеллигенціи противъ новаго уголовнаго законо-проекта. Если протестуетъ одинъ, то это обыкновенно очень извѣстное имя: Шпильгагенъ, Ленсенъ, Геккель, Луйо Брентано, Паульсенъ. Въ коллективныхъ заявленіяхъ имена менѣе громки, но протестующіе—люди извѣстнаго общественнаго положенія: профессора, духовные, судьи, слѣдовательно граждане, болѣе или менѣе компетентные въ вопросахъ общественной морали. Опубликованный вчера коллективный протестъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ подписанъ цѣлой плеядой

научныхъ и литературныхъ свѣтилъ. Беллетристы представлены Густавомъ Фрейтагомъ и Теодоромъ Фонтаномъ, художники—Менцелемъ, наука—Моммсеномъ, Вирховымъ, Петтенкоферомъ, Теобальдомъ Циглеромъ. Я могъ бы назвать еще дюжину другихъ извѣстныхъ именъ выдающихся спеціалистовъ, членовъ академіи наукъ, но и приведенныхъ достаточно, чтобы придать заявленію особенный вѣсъ.

Представители нѣмецкой интеллигенціи, подписавшіеся подъ заявленіемъ, принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ. Среди нихъ есть консерваторы, націоналъ-либералы и свободомыслящіе. Тѣмъ не менѣе, они сходятся въ томъ, что попытка законодательства наложить узду на научную критику и художественное творчество, не можетъ повести къ добру. Предоставляя каждому полную свободу въ оцѣнкѣ правительственныхъ мѣръ къ предупрежденію „разрушительныхъ попытокъ“, они, какъ литераторы, ученые и художники, единодушны въ осужденіи мѣръ, направленныхъ противъ свободы мысли и совѣсти. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ культурное общество,—говорятъ они,—гордостью нѣмца была его наука и литература; но развѣ нѣмцы такъ развили бы всѣ отрасли знанія и искусства, еслибы научная критика и художественное творчество не были свободны? Между тѣмъ постановленія проекта объ оскорбленіи институтовъ брака, семьи, собственности и т. д. открываютъ полный просторъ произволу. „Во имя многихъ и въ интересѣ всѣхъ, призванные содѣйствовать своими трудами умственной и художественной производительности Германіи, мы обращаемся къ представителямъ народа съ просьбой—вычеркнуть постановленія, угрожающія привести къ упадку духовное развитіе нашей націи“.

Въ профессіонально-литературномъ духѣ составлено также заявленіе „Verein Berliner Presse“. Къ „Обществу берлинской печати“ принадлежатъ почти всѣ берлинскія изданія,—либеральныя, радикальныя и консервативныя. Естественно, что коллективнаго заявленія противъ идеи репрессивныхъ мѣръ въ данномъ случаѣ не могло быть. Отстаивая, однако, свои профессіональные интересы, берлинскія газеты *всѣхъ* направленій приходятъ къ заключенію, что статьи проекта, касающіяся печати, заслуживаютъ полнаго порицанія, и вотъ почему всѣ журналисты выступаютъ съ петиціей противъ этихъ статей. Дѣло не въ томъ или другомъ направленіи, а въ правѣ высказывать свое мнѣніе.

Изъ единичныхъ заявленій наибольшее вниманіе обратило на

себя письмо Вильденбруха къ редактору „National-Zeitung“. Никто не ожидалъ, чтобы поэтъ-шовинистъ, пѣсни котораго поютъ національные бурши, и бардъ Гогенцоллерновъ, пользующійся особымъ благоволеніемъ Вильгельма II, примкнулъ къ протестующимъ литераторамъ и ученымъ. Вильденбрухъ не только примкнулъ, но и превзошелъ всѣхъ силою своихъ нападокъ, рѣзкостью выраженій. Онъ останавливается въ своемъ письмѣ на той сценѣ въ прусской палатѣ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ, въ союзѣ съ консерваторами и клерикалами, чинилъ судъ надъ безнравственною литературой, примѣромъ для которой ему вздумалось взять „Ткачей“ Гауптмана.

„Я—отвѣчаетъ Вильденбрухъ,—ни самъ не принадлежу къ такъ-называемымъ натуралистамъ, ни симпатизирую ихъ направленію. Понимаете ли вы, однако, г. министръ и гг. клерикалы, что̀ именно вы рѣшили уничтожить силою? Жизненный элементъ всякой литературы—индивидуальное творчество. Вы, при помощи тюремныхъ наказаній, хотите предписать молодымъ авторамъ, чего имъ не писать? Неужели вы не догадываетесь, что каждое поколѣніе съ естественною необходимостью выражаетъ движущую, основную мысль своего времени! Выступать со статьею уголовнаго закона противъ идей и направленій, составляющихъ продуктъ великихъ историческихъ фактовъ и сложныхъ психологическихъ явленій, значитъ пытаться хлыстомъ остановить колесо человѣчества. Своей цѣли такія попытки никогда не достигаютъ, а вызываютъ лишь злобу и насмѣшки“.

Еслибы Вильденбрухъ и составители адреса отъ имени науки подождали 2—3 дня, они могли бы сослаться въ пользу своихъ требованій на виолинѣ благонадежнаго человѣка, патріотизма и консерватизма котораго уже никто не заподозритъ. Это—нынѣшній прусскій министръ народнаго просвѣщенія. Онъ сказалъ въ послѣднемъ засѣданіи прусской палаты: „Что сталось бы съ міромъ, еслибы мы отказались отъ свободы научнаго изслѣдованія?“ Министръ, произнесшій эти святыя слова, полемизировалъ противъ націонаѣ-либеральныхъ фабрикантовъ, требовавшихъ, чтобы при назначеніи профессора политической экономіи на вакантную каѳедру политехникума въ Шарлотенбургѣ (близъ Берлина) преимущество не было снова оказано какому-нибудь „катедеръ-соціалисту“. Министръ Боссе въ ту минуту забылъ объ Umsturz, о мѣрахъ, которыя его коллеги проектируютъ противъ мысли вообще, и ограждалъ только интересы своего вѣдомства. „Я былъ бы очень бла-

годаренъ національ-либеральному депутату,—заявилъ онъ,— еслибъ онъ мнѣ отвѣтилъ прямо на вопросъ: считаетъ ли онъ возможнымъ воздѣйствіе министерства на направленіе занятій профессоровъ, допускаетъ ли онъ, чтобы министерство предписывало ученому, къ какимъ результатамъ ему не слѣдуетъ приходить? Въ нѣмецкихъ университетахъ и политехникумахъ можно найти представителей всѣхъ направленій: это, какъ мнѣ кажется, единственно возможная форма justitia distributiva, какой долженъ держаться министръ. Единственное условіе, какое мы можемъ поставить для назначенія на каоедру, это—научныя достоинства". Пренія прусской палаты, въ которыхъ выступилъ министръ народнаго просвѣщенія напоминали вавилонское столпотвореніе. Люди одного и того же политическаго направленія перестали понимать другъ друга, какъ только поднятъ былъ споръ о сословномъ антагонизмѣ. Нетерпимый богословъ Штекеръ защищалъ академическую свободу, а національ-либеральный профессоръ Наапе жаловался, что законодательство только интересуется рабочими, тогда какъ надо защищать предпринимателей. Консерваторы, къ партіи которой принадлежитъ Штекеръ, возражали своему политическому единомышленнику и должны были за это выслушать замѣчаніе отъ министра, что наукѣ нельзя указывать направленія.

XXVII.

Берлинъ, 25-го февраля 1895 г.

Швабы могутъ по праву гордиться тѣмъ, что взоры всѣхъ нѣмцевъ, дорожащихъ мирнымъ развитіемъ, обращены теперь на Вюртембергъ. На недавнихъ выборахъ въ палату демократы одержали тамъ блестящую побѣду. Изъ 70 депутатовъ, 31 принадлежатъ къ южно-германской Volkspartei — партіи мирнаго прогресса, свободы, терпимости и соціальныхъ реформъ на почвѣ существующаго экономическаго порядка. Такъ какъ слѣдующая по численности партія, клерикальная, идетъ объ руку съ демократіей въ политическихъ вопросахъ и не намѣрена подражать центру въ рейхстагѣ, то оппозиція располагаетъ большинствомъ, что уже выразилось въ избраніи демократа Пайера президентомъ палаты. Не будь въ Вюртембергѣ старинной привилегіи короля — *назначать*, сверхъ избранныхъ депутатовъ, еще около 20-ти представителей отъ различныхъ корпорацій и сословій, штуттгартская палата была бы почти поголовно демократической.

Въ Вюртембергѣ и правительство далеко, однако, не отожде-

ствляетъ себя съ реакціей. Швабы очень интересовались, какъ правительство относится къ новому порядку вещей, созданному побѣдой оппозиціи на выборахъ. Ожидали конфликта, распущенія палаты, отставки министерства Миттнахта. Ничего этого не случилось. Король Вильгельмъ такъ же милостиво и радушно принялъ демократа Пайера, какъ раньше принималъ консервативнаго или національ-либеральнаго президента. Ни король, ни его министерство не желаютъ конфликта. Король уже въ тронной рѣчи заявилъ о своемъ намѣреніи расширить общинное самоуправленіе, провести подоходный налогъ и оказать содѣйствіе крестьянскому и рабочему населенію. Палата отвѣтила на тронную рѣчь адресомъ королю, выражающимъ стремленія и желанія народнаго представительства. Коммиссія выработала текстъ адреса, который затѣмъ въ теченіе цѣлой недѣли былъ темой живыхъ и поучительныхъ „адресныхъ дебатовъ“.

„За милостивое привѣтствіе,—гласитъ текстъ адреса,—палата представителей почтительнѣйше благодаритъ ваше величество. Слова, раздавшіяся съ трона при открытіи сессіи, подтверждаютъ намъ необходимость реформъ для блага нашего отечества. Мы думаемъ, что ничѣмъ такъ не можемъ удовлетворить стремленію вашего величества содѣйствовать процвѣтанію населенія, какъ открытымъ выраженіемъ тѣхъ запросовъ, которые населеніе можетъ предъявить къ ближайшей совмѣстной дѣятельности правительства и палаты“.

И вслѣдъ затѣмъ адресъ палаты перечисляетъ мѣры, которыя необходимо осуществить уже въ нынѣшнюю сессію. Прежде всего надо озаботиться о расширеніи народнаго образованія. Народныя и профессіональныя школы въ Вюртембергѣ принадлежатъ къ лучшимъ во всей Германіи, а жизнь ставитъ все новые запросы, потребность въ знаніи увеличивается; „мы должны,—говоритъ палата,—расширить содержаніе народнаго образованія, потому что оно одно изъ самыхъ сильныхъ орудій въ борьбѣ за существованіе“. Другой крупный вопросъ въ народной жизни—характеръ и размѣръ податей. „Въ тронной рѣчи вашего величества выражено, что необходимо какъ можно больше облегчить податное бремя, лежащее на малоимущихъ классахъ, и что средства къ тому дастъ прогрессивный подоходный налогъ“. Палата вполнѣ раздѣляетъ эти взгляды, но она, съ своей стороны, прибавляетъ, что желательно совершенно освободить отъ налоговъ низшія категоріи дохода, точно такъ же какъ необходимо избавить мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ отъ платежа промысловаго и поземельнаго налоговъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ проявить чрезвычайную бережливость въ расходахъ, не только въ своемъ собственномъ бюджетѣ, но и въ той долѣ, которая падаетъ на вюртембержцевъ при развертѣ имперскихъ расходовъ. Такъ какъ имперскіе расходы преимущественно вызываются военными цѣлями, то палата совѣтуетъ — вліять, сколько это въ силахъ вюртембергскаго правительства, на сокращеніе имперскаго бюджета.

Адресъ не можетъ обойти, конечно, тяжелыхъ условій, переживаемыхъ сельскимъ хозяйствомъ, но мѣры, которыя онъ предлагаетъ къ облегченію кризиса, не имѣютъ ничего общаго съ притязаніями прусскихъ аграріевъ. Палата не отрицаетъ, что и многія крестьянскія хозяйства находятся въ затруднительномъ положеніи и вполнѣ заслуживаютъ государственнаго вниманія. Послѣднее прежде всего, однако, должно выразиться въ облегченіи крестьянскихъ платежей и въ предоставленіи сельскому населенію возможности организоваться съ цѣлью развитія системы страхованія, удешевленія кредита, мелioраціи, образованія товариществъ для непосредственной продажи продуктовъ.

Стремленіе государства,—читаемъ мы дальше,—къ улучшенію быта рабочихъ совпадаетъ съ усиліями этого класса населенія къ поднятію своего матеріальнаго и интеллектуальнаго положенія. Было бы поэтому крайне несправедливо ставить какія-либо преграды профессіональнымъ рабочимъ союзамъ, желающимъ защищать коллективными усиліями интересы труда. Долгъ государства и общинъ, сознающихъ свои нравственныя обязанности предъ народомъ, пойти впередъ и стать примѣромъ для частной промышленности. Такъ какъ государство и мѣстное самоуправленіе имѣютъ свои предпріятія, въ которыхъ заняты тысячи работниковъ, то въ опредѣленіи рабочаго времени, размѣра заработковъ, въ устройствѣ рабочихъ жилищъ, въ защитѣ всѣхъ вообще интересовъ труда, государственныя и коммунальныя предпріятія должны служить образцами. Фабричное законодательство входитъ въ компетенцію имперіи, но организація надзора предоставлена каждому союзному государству. Палата поэтому желаетъ, чтобы фабричная инспекція была увеличена въ своемъ составѣ, чтобы къ участію въ надзорѣ за фабриками были привлечены также представители отъ хозяевъ и рабочихъ и, наконецъ, чтобы для наблюденія за трудомъ женщинъ, въ качествѣ ассистентокъ инспектора, привлечены были и работницы.

Здѣсь намѣчены только наиболѣе существенные пункты адреса.

Впереди всего, однако, стояло основное требованіе объ измѣненіи конституціи въ томъ направленіи, чтобъ вся палата состояла только изъ депутатовъ, избранныхъ прямыми и всеобщими выборами. Какъ я сказалъ уже раньше, въ нынѣшней палатѣ около 20 членовъ по назначенію.

Когда вопросъ объ удаленіи такъ-называемыхъ „привилегированныхъ", т. е. членовъ палаты по назначенію, поставленъ былъ на разсмотрѣніе, въ палатѣ произошла очень любопытная сцена. Эти привилегированные—представители дворянства, духовенства и университета. Представители дворянства поднялись и заявили, что протестуютъ противъ намѣренія удалить ихъ: хотя они и привилегированные, но по долгу чести и совѣсти охраняютъ интересы страны и не намѣрены отказаться отъ своего права. За ними духовенство повторило, что и оно стоитъ за свое право. Послѣднимъ сдѣлалъ свое заявленіе представитель тюбингенскаго университета, проф. Вейцзакеръ. „Хотя я и представитель привилегированной корпораціи,—сказалъ онъ,—но мнѣ кажется, что въ политическихъ вопросахъ нужно имѣть въ виду не узкіе интересы одного учрежденія. Я высказываюсь за упраздненіе привилегій, подобно Роберту фонъ-Молю, который точно такъ же высказался въ 1848 году, хотя и онъ былъ представителемъ университета". Слова профессора вызвали продолжительныя рукоплесканія.

Какъ отнеслось къ адресу правительство? Отвѣтъ его не заставилъ себя долго ждать. Министръ-президентъ Митнахтъ прежде всего коснулся въ своемъ отвѣтѣ вопроса о реформѣ конституціи. На послѣднихъ выборахъ это былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ, пожалуй самый крупный пунктъ избирательныхъ программъ. Каковъ былъ результатъ? Тѣ кандидаты, которые высказались предъ избирателями за сохраненіе привилегій, не вернулись въ палату. Отношеніе народа выразилось такъ категорически, что и для правительства больше не можетъ быть сомнѣнія, что населеніе не желаетъ привилегій и требуетъ чисто *народную, выборную палату*. Такому вотуму нужно подчиниться; правительство не желаетъ напрасныхъ конфликтовъ. Характеръ нынѣшняго большинства показываетъ далѣе, что избиратели не ограничились только выраженіемъ своего взгляда на измѣненіе конституціи, а желаютъ также народолюбивыхъ реформъ въ области финансовъ, сельскаго хозяйства, промышленнаго труда. Правительство въ томъ лишь случаѣ выступило бы противъ палаты, если бы послѣдняя стремилась къ быстрому перевороту, несовмѣстимому съ устойчивостью управленія. Адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь до-

казываетъ ясно, что палата намѣрена мудро и умѣренно идти по новому пути. Не отрицаю, что въ прежнія условія положена брешь, — прибавляетъ министръ-президентъ, — но постараёмся рука объ руку искать разрѣшенія на новой почвѣ, какъ она создана выборами.

Читатели простятъ меня, что я такъ долго останавливаюсь на событіи въ маленькомъ Вюртембергѣ. На сѣромъ фонѣ обще-германской политики это уголокъ синяго неба.

XXVIII.

Берлинъ, 19-го апрѣля 1895 г.

Нѣсколько дней тому назадъ на берлинскихъ афишныхъ столбахъ появилось объявленіе, предъ которымъ прохожіе невольно останавливались. Берлинецъ привыкъ уже ко всевозможнымъ зазываніямъ на собранія, расклеивающимся на улицахъ, но это было совсѣмъ особенное и подписано людьми, которыхъ не ожидали встрѣтить вмѣстѣ: свободомыслящимъ профессоромъ, консервативнымъ адвокатомъ, антисемитомъ-купцомъ и извѣстнымъ полковникомъ Эгиди, проповѣдникомъ единаго христіанства. Останавливаемся и читаемъ: Жители Берлина, сограждане всѣхъ партій! Черезъ нѣсколько дней въ рейхстагѣ произойдетъ окончательное обсужденіе законопроекта о репрессивныхъ мѣрахъ противъ политической агитаціи, принятіе котораго означало бы прекращеніе свободнаго обсужденія общественныхъ нуждъ, упадокъ мысли и нравственности. Явитесь на собраніе въ Concordia-Saal, заявите, что вамъ не нужны такіе законы!

„Залъ Согласія“, въ восточной окраинѣ Берлина, вмѣщаетъ около 4.000 человѣкъ. Вчера, въ 9-мъ ч. веч., онъ былъ такъ набитъ, что пришлось убрать столы и стулья; и внизу, и на галлереѣ буквально яблоку негдѣ было упасть. Преобладающій типъ посѣтителей — купецъ и средній интеллигентный человѣкъ: учитель, врачъ, адвокатъ. Рабочихъ не было, такъ какъ соціалъ-демократы сочли лишнимъ принимать участіе въ этомъ протестѣ. Наше отношеніе къ закону, — говорили они,—достаточно опредѣленное; если кому будетъ стыдно, то это вамъ, правящимъ классамъ, вы и протестуйте. Правящіе классы дѣйствительно сочли нужнымъ протестовать, не только во имя гарантированныхъ каждому нѣмцу правъ, но и во имя здраваго смысла, говорящаго, что такими мѣрами только обостряется конфликтъ между правительствомъ и народомъ.

Когда я вошелъ въ собраніе, до меня долетѣли слова ора-

тора на трибунѣ: Общество только тогда развивается и крѣпнетъ, когда оно не закрываетъ глаза предъ дѣйствительными соціальными недостатками. Гдѣ нѣтъ критики, нѣтъ и надежды на лучшее будущее... Всякій истинный христіанинъ долженъ сказать: Господи, защити меня отъ такихъ защитниковъ существующаго, какъ творцы Umsturzgesetz'a. Они хотятъ укрѣпить вѣру, но развѣ въ вѣрѣ возможно принужденіе? Они говорятъ о порядкѣ, но развѣ порядокъ — наказывать человѣка, искренно любящаго свою родину и стремящагося къ осуществленію своихъ идеаловъ мирными средствами? Такъ говорилъ на вчерашнемъ собраніи не свободомыслящій, а консерваторъ фонъ-Герлахъ, поклонникъ Штекера. –Я не слыхалъ,—продолжалъ ораторъ, чтобы семья разрушалась оттого, что есть мечтатели, выдвигающіе иной идеалъ брака, чѣмъ нынѣшній; но я навѣрное знаю, что если сотни тысячъ женщинъ вынуждены рано утромъ покидать своихъ дѣтей, чтобы цѣлый день работать на фабрикахъ, то это разрушаетъ семью; что если сотни тысячъ дѣвушекъ бокъ-о-бокъ работаютъ съ мужчинами, то онѣ не становятся идеальными хозяйками. Зайдите въ рабочія жилища, прочтите, что статистика большихъ городовъ раскрыла относительно квартиръ съ углами, и вы поймете, гдѣ лежатъ средства къ поднятію семьи.

Свободомыслящій ораторъ сравнилъ нынѣшнюю попытку съ памятными карлсбадскими постановленіями. Тогда не безъ успѣха возстановляли „порядокъ“, но это было спокойствіе кладбища. За 75 лѣтъ народъ во всѣхъ своихъ слояхъ такъ далеко ушелъ въ культурномъ развитіи, что нужно быть безумнымъ, чтобы теперь прибѣгать къ мѣрамъ, оказавшимся недѣйствительными и тогда. Вѣдь достаточно было февральскихъ дней въ Парижѣ, чтобы система Меттерниха рухнула и въ Германіи. Нѣмцы предали бы себя посмѣянію всего міра, если бы они приняли законъ, объявляющій преступленіемъ открытое выраженіе такихъ мыслей, которыя неоднократно высказаны были Мартиномъ Лютеромъ или Фридрихомъ Великимъ. Составители репрессивныхъ мѣръ взывали къ патріотизму. Мы патріоты,—отвѣчаетъ ораторъ, но только въ свободной странѣ, а не въ національной тюрьмѣ и не подъ угрозой національнаго кнута. Послѣ филиппики Эгиди собраніе постановило послать рейхстагу резолюцію слѣдующаго содержанія: „Граждане Берлина всѣхъ сословій и различныхъ партій просятъ высокій рейхстагъ отклонить проектъ репрессивныхъ мѣръ, не соотвѣтствующій культурной роли Германіи, нарушающій гарантированныя закономъ права, толкающій

народъ на путь насилій и потому представляющій опасность для нашего отечества".

Въ остальной Германіи, особенно на югѣ, возбужденіе населенія еще сильнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Ничто такъ не дискредитируетъ прусское главенство у непруссаковъ, какъ попытки урѣзать права, одинаково дорогія всѣмъ гражданамъ. Я вамъ сегодня телеграфировалъ о вотумѣ гессенской палаты, приглашающемъ правительство выступить противъ репрессивныхъ мѣръ. За палатой въ Дармштадтѣ останется великая заслуга, что она первая, отъ лица цѣлой страны, осудила прусскіе пріемы, или, какъ одинъ изъ вчерашнихъ ораторовъ выразился, осудила систему, по которой шуцманъ (городовой) долженъ сопровождать бюргера отъ колыбели до могилы. Рѣшеніе гессенской палаты послѣдовало послѣ всесторонняго обсужденія резолюціи въ парламентской коммиссіи. Предсѣдатель послѣдней, депутатъ Фридрихъ, хорошо замѣтилъ, что уваженіе къ Германіи и положеніе ея въ мірѣ основываются не столько на матеріальной силѣ, сколько на пріобрѣтеніяхъ нѣмецкаго ума, науки и литературы. Издавая законы, направленные противъ свободы мысли и стѣсняющіе выраженіе мнѣній, страна понижаетъ свою культуру и подрываетъ источникъ своего процвѣтанія.

„Густавъ Фрейтагъ скончался вчера ночью въ Висбаденѣ". Это лаконическое сообщеніе телеграфа вызоветъ искреннее соболѣзнованіе въ каждой интеллигентной нѣмецкой семьѣ. Среди современныхъ романистовъ Германіи нѣтъ ни одного, который могъ бы сравняться съ Фрейтагомъ по вліянію на свое поколѣніе. Его читали въ школахъ и перечитывали въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Многое, что нравилось 20—30 лѣтъ тому назадъ, потомъ вызывало отрицательное отношеніе, но и тѣ, которые очень далеко отошли отъ идеаловъ автора, отдавали дань уваженія его таланту, замѣчательному стилю, искреннему тону. Намъ теперь кажется анахронизмомъ апологія мѣщанству въ одномъ изъ романовъ Фрейтага, создавшихъ его славу въ Германіи,—„Soll und Haben"; но и въ этомъ романѣ еще теперь съ удовольствіемъ читаются страницы, рисующія внутреннюю жизнь среднихъ круговъ, какъ она еще не совсѣмъ исчезла въ провинціи. Гораздо выше и симпатичнѣе характеристики культурной нѣмецкой среды въ другомъ произведеніи Фрейтага „Die verlorene Handschrift" („Потерянная рукопись"). Едва ли гдѣ-нибудь съ такимъ мастерствомъ очерчена фигура нѣмецкаго профессора, наивнаго, какъ ребенокъ и живущаго въ великомъ мірѣ идей, двигающаго науку и служащаго че-

ловѣчеству. Такіе типы тоже вымираютъ въ современной Германіи, ихъ трудно уже встрѣтить даже въ маленькихъ университетахъ.

Фрейтагъ былъ не только романистомъ. Историкъ-германистъ по воспитанію, бывшій профессоръ бреславльскаго университета, онъ создалъ серію историческихъ романовъ. Его „Ahnen“ („Предки“) принадлежатъ къ любимому чтенію нѣмецкаго юношества и выдержали много изданій. Возникши, какъ говорятъ, по иниціативѣ императора Фридриха, съ которымъ Фрейтага связывала тѣсная дружба, эти историческіе романы не лишены тенденціозности, въ нихъ слышится отголосокъ германскихъ побѣдъ и германскаго шовинизма, но они, безъ сомнѣнія, содѣйствовали распространенію знанія культурной исторіи, пониманію бытовой стороны прошлаго. Фрейтагъ заявляетъ, что задача его историческихъ картинъ — укрѣпить сознаніе, что чѣмъ продолжительнѣе жизнь народа, тѣмъ слабѣе становится вліяніе предковъ на поступки внуковъ. Чѣмъ больше народъ развивается, тѣмъ могущественнѣе вліяніе цѣлаго народа на свои собственныя судьбы, и тѣмъ рѣзче выступаютъ права и обязанности свободной личности. Освобожденіе отъ традиціонныхъ основъ не значитъ, конечно, игнорированіе культурныхъ пріобрѣтеній прошлаго. Замѣчательно, что въ серіи фигуръ, выведенныхъ авторомъ, одна изъ послѣднихъ — публицистъ. Фрейтагъ остановился на ней еще 40 лѣтъ тому назадъ въ одной изъ лучшихъ своихъ комедій „Die Journalisten“. Тогда онъ отнесся къ своей задачѣ, какъ юмористъ, осмѣивающій мелкія черты газетнаго ремесла. Репортеръ Шмокъ, жалующійся, что его издатель за 3 коп. со строчки требуетъ отъ него остроумія, и до сихъ поръ вызываетъ добродушный смѣхъ нѣмецкой публики. Совершенно другая фигура — журналистъ Викторъ въ послѣднемъ его романѣ, гдѣ Фрейтагъ высказалъ свой взглядъ на печать, какъ на великій проводникъ образованія и честныхъ идей. Фрейтагъ самъ въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ былъ редакторомъ лейпцигскихъ „Grenzboten“, основанныхъ Юліаномъ Шмидтомъ. Какъ бы ни смотрѣть на взгляды, которые онъ защищалъ въ журнальной дѣятельности, все-же, нужно признать, что въ его лицѣ Германія имѣла одного изъ самыхъ добросовѣстныхъ и талантливыхъ публицистовъ.

Послѣдніе годы своей жизни Фрейтагъ провелъ въ Висбаденѣ. Его поклонникъ и другъ, герцогъ Эрнстъ Кобургъ-Готскій, предложилъ ему баронскій титулъ, но писатель поблагодарилъ и заявилъ, что предпочитаетъ остаться бюргеромъ. Чрезвычайно умѣренный въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, Фрейтагъ, однако, горячо отзы-

вался на вопросы дня и выступалъ противъ всякой реакціонной попытки. Онъ первый поднялъ голосъ противъ проповѣди религіозной нетерпимости, категорически высказывался противъ клерикализма въ школѣ и недавно еще, передъ самой смертью, протестовалъ противъ ограниченія свободы слова и совѣсти.

XXIX.

Берлинъ, 26 апрѣля 1895 г

Чудный майскій день привлекъ тысячи гуляющихъ на Шарлотенбургское шоссе и въ тѣнистыя аллеи Тиргартена, ведущія отъ Бранденбургскихъ воротъ къ Королевской площади. Предъ зданіемъ парламента стоитъ кучка смѣльчаковъ, не теряющихъ надежды, что еще удастся проникнуть внутрь. Тщетная надежда! Сегодня на очереди обсужденіе Umsturzgesetz'a; доброе слово депутату и таинственное рукопожатіе привратнику не помогутъ. Все занято: и обыкновенныя галлереи, и трибуны для парламентскихъ гостей: даже въ ложѣ дипломатовъ тѣсно. Нарядныя дамы, офицеры, сановники, молодежь уже задолго предъ открытіемъ засѣданія наполнили весь верхній этажъ.

Тѣсно и въ нашей трибунѣ журналистовъ, хотя при клерикальномъ президентѣ печать пользуется бо́льшимъ вниманіемъ. Сквозь матовыя стекла сверху не проникаетъ солнечный лучъ, но хваленая вентиляція новаго зданія оказалась столь же неудовлетворительной, какъ и его акустика. Становится душно, тянетъ на воздухъ, а засѣданіе будетъ длиться болѣе 5-ти часовъ. Чѣмъ живѣе, однако, становятся прешія, тѣмъ больше мы забываемъ и духоту, и усталость, и разочарованіе вчерашняго дня, когда съ минуты на минуту ждали начала прешій о законопроектѣ, а дождались только признанія недѣйствительными полномочій двухъ депутовъ. Докладчикомъ коммиссіи состоитъ мекленбурженъ фонъ-Бухка, тотъ самый, которому недавно Рихтеръ, въ отвѣтъ на его заявленіе, что ему недостаетъ парламентскихъ выраженій для характеристики нападокъ на мекленбургскій строй, крикнулъ: „вамъ много еще чего недостаетъ, г. фонъ-Бухка!“ Но сегодня въ рейхстагѣ признаютъ, что депутатъ Бухка очень благоразумный человѣкъ, потому что вмѣсто обычнаго вступленія, котораго никто не слушаетъ, онъ ограничился тѣмъ, что положилъ свой отчетъ на столъ и откланялся. Вслѣдъ за тѣмъ раздался голосъ президента: слово принадлежитъ имперскому канцлеру.

Наступила такая тишина, что, кажется, при самомъ слабомъ голосѣ, оратора должно было быть слышно. Старческій голосъ кн. Гогенлоэ между тѣмъ почти до насъ не долеталъ; страшно напрягая слухъ, можно было разобрать отдѣльныя фразы, а всю рѣчь, длившуюся минутъ 10, мы узнали только отъ стенографовъ. Канцлеръ сознаетъ, что въ обществѣ очень сильна оппозиція противъ предлагаемыхъ репрессивныхъ мѣръ, но онъ ее приписываетъ не столько правительственному законопроекту, сколько измѣненіямъ, внесеннымъ въ проектъ клерикалами. Иначе было бы не понятно, почему партія, громче всѣхъ требовавшая энергичныхъ мѣръ, вдругъ такъ же громко закричала о посягательствѣ на культуру. Этотъ намекъ на національ-либераловъ вызываетъ у всѣхъ другихъ партій ироническій смѣхъ. Самъ кн. Гогенлоэ не вѣритъ, чтобы грозила опасность культурѣ. „Я слишкомъ высокаго мнѣнія о народѣ мыслителей, какъ насъ называютъ,—говоритъ онъ,—чтобы допустить, что великая, движущая міръ борьба мысли и человѣческій прогрессъ могутъ быть задержаны постановленіями закона, которыя направлены лишь противъ публичнаго оскорбленія существующихъ учрежденій“. Канцлеру не нравится только одно: коммиссія, благодаря центру, отнеслась, какъ мачеха къ настоящей цѣли проекта—защитѣ государственнаго порядка, и взамѣнъ слишкомъ много внесла въ защиту церкви и нравственности, которыя не всегда нуждаются въ поддержкѣ закона.

Канцлеръ ссылается, въ доказательство своихъ словъ, на отношеніе коммиссіи къ ст. 111-й, стоящей первой на очереди. Правительство предлагало усиленіе наказаній какъ за побужденіе къ преступленіямъ, составляющимъ посягательство на жизнь, собственность и государственный порядокъ, такъ и за восхваленіе такихъ преступленій или даже ихъ оправданіе. Коммиссія, т. е. клерикалы, во-первыхъ, смягчили наказанія (штрафъ или тюрьма до 1 года, гдѣ въ правительственномъ проектѣ предполагалось тюремное заключеніе до 3 лѣтъ), во-вторыхъ, вычеркнули изъ списка преступленій, одобрять которыя возбраняется,—сопротивленіе властямъ, и, въ-третьихъ, включили въ этотъ списокъ богохульство и поношеніе ученій церкви. Кн. Гогенлоэ проситъ вернуться къ прежнему проекту или, по крайней мѣрѣ, пойти на компромиссъ, предложенный Левецовымъ отъ имени консерваторовъ, а именно включить въ число наказуемыхъ преступленій восхваленіе сопротивленія властямъ, если восхваленіе или оправданіе такого сопротивленія происходитъ при условіяхъ, могущихъ побудить къ совершенію

новыхъ преступленій. „Дайте намъ,— заканчиваетъ канцлеръ, — возможность дѣйствительнѣе выступать противъ разрушительныхъ тенденцій, чѣмъ это возможно при нынѣшнихъ законахъ".

Вѣритъ ли кн. Гогенлоэ, что рейхстагъ дастъ ему такое оружіе? Деп. Бартъ назвалъ канцлерскую рѣчь элегіей. Въ ней слышался тонъ человѣка, борющагося безъ надежды на успѣхъ.

Всѣ честные и мыслящіе люди почувствовали себя неловко, увѣряетъ Бартъ, когда имъ поставили на видъ, что затѣвается. Агитація въ собраніяхъ и печати не потому стала расти, что злая оппозиція искусственно ее раздула, нѣтъ: чѣмъ больше знакомились съ содержаніемъ проекта, тѣмъ больше росло оппозиціонное движеніе. Въ томъ и заключается великая заслуга свободной общественной критики, что она во-время предупреждаетъ законодательство. Готовились,—говоритъ ораторъ,—наложить руку на все, что есть у насъ великаго: на науку, литературу, мысль, свободное мнѣніе. Конфликтъ между идеаломъ и дѣйствительностью и въ жизни, и въ литературѣ часто ведетъ къ горячему или рѣзкому слову, но развѣ иначе совершается прогрессъ?

На примѣрѣ баварскихъ крестьянъ деревни Фукемюль Бартъ доказываетъ, что возможны случаи нарушенія формальнаго права, гдѣ всѣ люди съ сердцемъ становятся на сторону нарушителей закона. Баварскіе крестьяне не понимали, что законъ можетъ отнять у нихъ право на лѣсъ, которымъ пользовались дѣды и отцы, и этотъ драматическій конфликтъ между субъективнымъ и объективнымъ правомъ вызвалъ взрывъ сочувствія въ Германіи. Пусть только пройдетъ репрессивный законъ, и выраженіе сочувствія этимъ крестьянамъ будетъ преступленіемъ. За то мы новымъ закономъ остановимъ революціонное движеніе!—говорятъ защитники проекта. Жестокое заблужденіе!—отвѣчаетъ имъ деп. Бартъ: анархистовъ у насъ ничтожная горсть, а что касается соціалъ-демократіи, то развитіе ея за послѣднія 25 лѣтъ было постепеннымъ ослабленіемъ революціоннаго фазиса. Фридрихъ Энгельсъ недавно только повторилъ во введеніи къ Марксу, что соціалъ-демократія ничего болѣе безумнаго для себя, для своихъ цѣлей не могла бы сдѣлать, какъ избравъ путь насилій. Ученики Маркса и Энгельса, сидящіе здѣсь въ рейхстагѣ, неоднократно заявляли, что осуществленія своихъ идеаловъ они ждутъ отъ развитія экономическихъ отношеній и законодательныхъ реформъ. „Мы же, дорожащіе сохраненіемъ существующаго общественнаго порядка,—замѣчаетъ ораторъ, —съ своей точки зрѣнія, ничего не можемъ совершить болѣе пагубнаго и рокового, какъ принять законы,

которые являются продуктомъ ложнаго страха. Нужно умѣть выслушивать самую рѣзкую критику и не нервничать. Нервные люди не годятся въ защитники порядка".

Вождь консерваторовъ, баронъ Мантейфель, не вѣритъ, что соціалъ-демократія превратится въ партію реформъ. Она только „облачилась въ скромную мантію", потому что это ей выгодно. Анархизмъ въ Германіи, дѣйствительно, не опасенъ, но только потому, что есть еще сильная власть, не останавливающаяся предъ соціальными реформами, даже когда онѣ требуютъ жертвъ отъ буржуазіи, и есть сильная армія, которая можетъ подавить всякія безумныя попытки. Ораторъ приводитъ слова императора въ Кенигсбергѣ, призывавшія къ сплоченію для защиты отъ внутреннихъ потрясеній. Кто хочетъ защиты порядка, долженъ согласиться и на наказанія за сопротивленіе.

Въ тонѣ глубочайшаго пафоса Ауэръ напоминаетъ клерикаламъ, что католиковъ меньшинство, что у нихъ есть въ прошломъ мартирологъ. Ваши лучшіе люди и ваша печать отреклись бы отъ васъ, если бы вы согласились признать, что тѣ, которые осуждали майскіе законы, которые осуждали заточеніе вашихъ епископовъ, заслуживали наказанія. Вспомните, что вы говорили, когда заточили Мельхерса, когда изгнали епископа Ледоховскаго? Если бы вы пошли на компромиссъ консерваторовъ, я потерялъ бы вѣру въ людей, потерялъ бы довѣріе къ инстинкту самосохраненія. Фраза о нѣмцѣ, который боится только Бога,—положительно выдумка. Католикъ боится масоновъ, лютеранинъ іезуитовъ, и оба вмѣстѣ соціалъ-демократовъ. Депутатъ Бартъ уже привелъ цитату изъ Энгельса, подтверждающую, что соціалъ-демократы противники насильственнаго ниспроверженія существующаго порядка. Мантейфель, правда, опровергаетъ это, но вы согласитесь, что баронъ Мантейфель уже потому менѣе компетентенъ, что ему, какъ аграрію, занятому агитаціей за землевладѣльческіе интересы, нѣтъ времени слѣдить за рабочимъ движеніемъ и литературой. Канцлеръ кн. Гогенлоэ очень вѣрно замѣтилъ, что ходъ прогресса и великой борьбы такіе законы не могутъ задержать. Для чего же ихъ сочинять, для чего создавать жертвы? „Не думаю, чтобы вамъ пріятно было вызывать вспышки и потомъ направлять оружіе противъ собственнаго народа" *(Мантейфель: нѣтъ!)*. Зачѣмъ же вы дѣйствуете такимъ образомъ, что въ народѣ все больше растетъ убѣжденіе, будто хотятъ дать арміи отличиться во внутренней войнѣ. Мы вамъ къ тому не даемъ повода".

*

Военный министръ, внимательно слушавшій Ауэра, сейчасъ же взошелъ на трибуну и заявилъ коротко и энергично: „Депутатъ Ауэръ ошибается, если думаетъ, что наша армія ищетъ случая испробовать дѣйствіе новыхъ ружей на народѣ. Задача арміи — идти, когда потребуется, къ границамъ. Она сознаетъ, что лавры растутъ не на городскихъ улицахъ, а обязанность разгонять буйную толпу она предоставляетъ полиціи и пожарнымъ".

Послѣднія слова вызвали бурный смѣхъ. Военный министръ такъ презрительно ихъ произнесъ, что всѣ взоры невольно обратились на министра фонъ-Келлера: не обидѣлся ли онъ? Но министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи улыбается.

XXX.

Берлинъ, 29 апрѣля 1895 г.

На улицахъ разносчики уже выкрикиваютъ экстренныя прибавленія къ газетамъ. Листки переходятъ изъ рукъ въ руки, прохожіе останавливаются и читаютъ, что законопроектъ о репрессивныхъ мѣрахъ отклоненъ подавляющимъ большинствомъ.

Часъ тому назадъ, выходя изъ рейхстага, я выносилъ впечатлѣніе, что присутствовалъ при одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ современной исторіи Германіи. Какъ жаль, что отъ будущаго историка ускользаютъ детали такихъ моментовъ, живыя сцены и лица, которыхъ не замѣнятъ никакіе архивные документы! Газеты теперь драгоцѣнный матеріалъ для изученія общественныхъ условій, но многія ли изъ нихъ переживутъ десятокъ лѣтъ, и какъ потомъ разобраться, что — фотографическая правда, что — тенденція политической партіи, необходимая партійная дисциплина, безъ которой не побѣждаютъ и не проводятъ своихъ идей.

Берлинскій судья Браузеветтеръ прославился въ своемъ отечествѣ классическимъ изреченіемъ, что онъ не знаетъ, что такое общественное мнѣніе. Рѣшеніе вопроса о законопроектѣ показало, что въ Германіи есть свободное общественное мнѣніе, и что при умѣлой организаціи общество въ состояніи бороться съ противниками культуры. Безъ сомнѣнія, въ рѣшеніи сегодняшняго дня нѣкоторое участіе принадлежитъ ловкой партійной группировкѣ, тактикѣ, предупредившей сліяніе реакціи съ клерикализмомъ. Вѣрно также, что какъ въ знаменитой надписи: „Mundus regitur Dei

patientia et hominum stultitia", и въ нынѣшній разъ свободолюбивые нѣмцы могутъ сказать, что имъ помогло неумѣніе представителей правительства. Все-таки, рѣшающее значеніе принадлежитъ нѣмецкой интеллигенціи. Сотни тысячъ людей, просившихъ рейхстагъ одуматься и не идти назадъ, достигли своей цѣли: ученые и литераторы, поднявшіе на ноги населеніе, пробудили совѣсть и помогли торжеству здраваго смысла.

Никто даже еще вчера не думалъ, что рѣшеніе произойдетъ такъ скоро. Съ нѣмецкой основательностью три дня дебатировали одну статью. Правда, послѣ того, какъ она была отвергнута, стало ясно, что участь закона рѣшена. Правительство, однако, не брало назадъ проекта, и очень опытные политики до конца не считали невозможнымъ маленькаго компромисса.

Если что дѣйствительно правительству удалось бы спасти, то это постановленія, касающіяся агитаціи въ арміи. Духъ милитаризма такъ силенъ еще и въ парламентѣ, что партіи до свободомыслящаго союза включительно готовы были пойти навстрѣчу желаніямъ военнаго управленія. Послѣднее и вмѣстѣ съ нимъ все правительство слишкомъ, однако, нетерпимо отнеслось ко всѣмъ поправкамъ въ коммиссіи. Этимъ воспользовалась оппозиція, чтобы выяснить всю опасность репрессивныхъ мѣръ и въ военной области.

Доказательства противъ усиленія наказаній за „совращеніе" арміи представлены были швабомъ Гауссманомъ. Первая половина ст. 112-ой гласитъ: „кто побуждаетъ солдатъ или матросовъ не повиноваться приказаніямъ начальства, подлежитъ заключенію въ тюрьму до 2 лѣтъ. Такому же наказанію подвергается всякій, убѣждающій чиновъ запаса и ополченія не являться къ призыву". Депутатъ Гауссманъ спрашиваетъ военнаго министра, можетъ ли онъ назвать хоть одинъ случай, когда дѣйствующихъ законовъ было недостаточно для борьбы съ указаннымъ совращеніемъ. Самое преступленіе до такой степени рѣдко, что приходится изумляться, для чего создавать новыя статьи уложенія. Другое дѣло вторая половина этой же статьи, грозящая тюремнымъ заключеніемъ до 3 лѣтъ за всякую попытку „сдѣлать солдату ненавистной военную службу или ея учрежденія", если это происходитъ при помощи устной пропаганды или въ печатныхъ произведеніяхъ. Коммиссія даже на это пошла, но сдѣлала оговорку: только тотъ подлежитъ наказанію, кто будетъ уличенъ, что имѣлъ въ виду подкопаться подъ дисциплину.

Деп. Гауссманъ горячо полемизировалъ и противъ редакціи

коммиссіи, доказывая, что она ведетъ къ произвольному толкованію и уничтожаетъ такимъ образомъ критику казарменныхъ порядковъ. „Я считаю разоблаченіе злоупотребленій въ области милитаризма одною изъ величайшихъ культурныхъ задачъ,—говоритъ депутатъ,—вы же, соглашаясь на такія статьи, прямо закрываете намъ ротъ. Солдатъ самъ не въ состояніи защищаться отъ возможныхъ и, какъ показалъ опытъ, часто повторяющихся злоупотребленій; это за него должны сдѣлать представители общества и печать. Здѣсь особенно надо помнить хорошія слова: „Wer die Wahrheit kennet und saget sie nicht, der ist fürwahr ein erbärmlicher Wicht". Канцлеръ очень вѣрно замѣтилъ, что идей нѣмецкаго философа нельзя уничтожить наказаніями уголовнаго уложенія. Но что вы скажете объ идеяхъ Канта относительно постоянной арміи въ его книгѣ „о вѣчномъ мирѣ"? Мысли величайшаго нѣмецкаго философа, безспорно, идутъ въ разрѣзъ со статьей 112-й вашего проекта. Защитники репрессивныхъ мѣръ говорятъ, что ни одинъ прокуроръ не посмѣетъ наложить руку на великихъ философовъ и классиковъ. Но вѣдь Шиллеръ, какъ замѣтилъ уже депутатъ Мункель, еще не былъ классикомъ, когда написалъ „Разбойниковъ". Кромѣ того, развѣ здѣсь въ рейхстагѣ не цитировали жемчужины новѣйшей литературы, разсказа Келлера „Romeo und Julia auf dem Dorf", въ качествѣ примѣра разрушительной литературы? Это заслуга министра фонъ-Келлера, такъ прекрасно понявшаго поэта Келлера. „Богъ да сохранитъ намъ подольше министра фонъ-Келлера,—при этомъ замѣтилъ Гауссманъ,—потому что никто больше его не содѣйствовалъ паденію репрессивнаго закона *(продолжительный хохотъ)*. Лирическія произведенія Фрейлихрата, написанныя въ 48 году, тоже цитированы въ качествѣ доказательства противъ разрушительныхъ ученій въ 1895 г. Стыдно, что подобные случаи у насъ еще возможны!"

Военный министръ сегодня болѣе нервенъ, чѣмъ остроуменъ. Обыкновенно генералъ Бронсаръ подкупаетъ естественностью тона и живостью темперамента, но теперь, предъ неминуемымъ пораженіемъ, онъ раздражителенъ. Ему рѣшительно все равно,—заявляетъ онъ,—кто авторъ возмутительныхъ стихотвореній: великій поэтъ или жалкій рифмоплетъ, но если такія стихотворенія, какъ пѣсни Фрейлихрата, попадаютъ въ казармы, они губятъ дисциплину. Армія—твердый оплотъ порядка, и о нее соціалъ-демократы разобьютъ себѣ головы. Правительство не можетъ спокойно относиться къ попыткамъ шатать довѣріе солдата къ своимъ вождямъ, и по-

этому онъ настаиваетъ, чтобы наказанія были усилены. Смягченія коммиссіи не годятся: или все, или ничего!

Бебель всходитъ на трибуну. „Я не разъ заявлялъ военному министру, — восклицаетъ вождь соціалъ-демократіи, — что въ эпоху милитаризма всякая попытка насильственнаго переворота немыслима, безумна. Ему нечего пугать насъ, что мы разобьемъ себѣ головы, мы не хотимъ этого, мы не доставимъ вамъ удовольствія испробовать на насъ 8-ми миллиметровыя ружья. Моя партія ждетъ разрѣшенія соціальнаго вопроса не на баррикадахъ. Наступитъ пора, когда мы будемъ составлять большинство и въ законодательствѣ и въ арміи; этого вы не въ силахъ предотвратить, и тогда баррикады и ружья вообще будутъ лишни. Всѣ воззванія къ перевороту, къ неподчиненію военной власти и т. п. исходятъ или отъ анархистовъ, съ которыми у соціалъ-демократіи нѣтъ ничего общаго, или отъ полицейскихъ сыщиковъ. Злоупотребленія въ арміи и зло милитаризма мы, конечно, разъясняемъ, но прочтите, что пишутъ даже военные священники. Германская армія, по словамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — школа пороковъ. Еслибъ вамъ и удалось заглушить критику, пороковъ вы не исправите и не предупредите также, что съ каждымъ годомъ въ арміи будетъ больше соціалъ-демократовъ“.

Правительственный коммиссаръ только что кончилъ; онъ что-то разъяснялъ. Статья 112-я отвергнута. Раздается звучный голосъ Рихтера: „къ порядку дня“. „Такъ какъ ни у защитниковъ, ни у противниковъ проекта нѣтъ практическаго интереса продолжать дебаты, то я предлагаю прекратить споръ и голосовать всѣ остальныя статьи. Мы такимъ образомъ въ нѣсколько минутъ похоронимъ весь проектъ“. Подымается баронъ Мантейфель и заявляетъ, что онъ, къ своему удовольствію, можетъ присоединиться къ предложенію почтеннаго Рихтера.

Когда президентъ Буоль провозгласилъ: die Vorlage ist hiermit erledigt, раздались горячіе аплодисменты. Маленькій старичекъ на креслѣ канцлера еще ниже склонилъ голову. Зала опустѣла.

XXXI.

Берлинъ, 2-го февраля 1896 г.

Столбы съ афишами, стоящіе на перекресткахъ берлинскихъ улицъ, въ нѣкоторомъ отношеніи барометры общественной жизни. Рядомъ съ программами театровъ, концертовъ и кафе-шантановъ, вы здѣсь найдете и объявленія магистрата, и рекламу въ стихахъ.

утилизирующую какое-нибудь событіе дня, но больше всего бросаются въ глаза приглашенія на народныя собранія: красныя, синія, желтыя, всѣхъ цвѣтовъ радуги. Прохожій, который на этой недѣлѣ остановится продъ столбами, сейчасъ же замѣтитъ напечатанное крупнымъ шрифтомъ слово „Confection“ почти на всѣхъ афишахъ послѣдняго рода. На одной, подлиннѣе, комитетъ работницъ сразу созываетъ на 12 собраній въ различныхъ частяхъ города, но съ одинаковою программой: положеніе труда въ производствѣ бѣлья и платья. Тутъ же внизу объявленіе поменьше, въ которомъ мастера приглашаютъ своихъ товарищей собраться для протеста противъ обвиненій, которыя сыплются на нихъ со всѣхъ сторонъ.

Не надо думать, что приглашенія на всѣ собранія исходятъ отъ соціалъ-демократовъ. Въ одинъ и тотъ же вечеръ въ залѣ Келлера собираются послушать Бебеля, а въ Concerthaus'ѣ тысячи мужчинъ и дамъ привилегированныхъ классовъ сходятся на рефератъ проф. Ферстера, все по тому же предмету: какъ помочь тысячамъ работницъ, вступившимъ въ стачку, добиться болѣе достойныхъ человѣка условій труда? Стачка еще далеко не охватила всѣхъ рабочихъ. Изъ 60.000 приблизительно, среди которыхъ $^4/_5$ женщинъ, въ стачку вступили пока 10—12 тысячъ, но съ каждымъ часомъ число это увеличивается. Многія работницы со слезами на глазахъ заявляютъ на собраніяхъ, что колеблются присоединиться только потому, что у нихъ на рукахъ дѣти, которымъ придется голодать.

Съ небывалымъ единодушіемъ все населеніе, вся печать стали на сторону работницъ. Даже газета фабриканта Штумма заявляетъ, что заработки этихъ труженицъ должны быть, по крайней мѣрѣ, удвоены, чтобы онѣ могли жить по-человѣчески. Среди самихъ „конфекціонеровъ“, т. е. владѣльцевъ большихъ магазиновъ платья и бѣлья, нѣкоторые публично заявляютъ, что только „грозная конкуренція“ вынуждаетъ ихъ платить дѣйствительно нищенскую плату работницамъ; другіе приписываютъ вину мастеркамъ-подрядчикамъ, подобнымъ лондонскимъ sweaters, ставшимъ посредниками между магазиномъ и работницами. Волненіе въ обществѣ такъ велико, что и рейхстагъ не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ. Онъ посвятилъ жгучему вопросу цѣлое засѣданіе, о которомъ я и хочу дать отчетъ въ сегодняшнемъ письмѣ.

Инціаторъ запроса—извѣстный вормскій фабрикантъ фонъ-Гейль. Со стороны націоналъ-либераловъ, къ которымъ онъ при-

надлежитъ, никто не ожидалъ инициативы въ столь щекотливомъ вопросѣ, щекотливомъ для партіи, считающейся предпринимательской par excellence. Но, очевидно, представители фабрикантовъ сочли для себя полезнымъ публично отречься отъ всякаго соучастія въ продѣлкахъ sweaters и какъ бы сказать: мы, крупные промышленники, предоставляемъ вамъ въ жертву мелюзгу, распните ихъ и кстати убѣдитесь, что у насъ теплое сердце. Вотъ почему политическіе друзья фонъ-Гейля поспѣшили присоединиться къ его запросу. Что касается самого инициатора, то онъ въ политикѣ дилетантъ, заигрывающій и съ аграріями, и съ протекціонистами, но въ своей частной дѣятельности пользуется репутаціей гуманнаго фабриканта, сдѣлавшаго много хорошаго, устроившаго у себя рабочія жилища, образцовую больницу, кассы взаимопомощи.

Напомнивъ, что еще въ 1887 г. рейхстагу представленъ былъ отчетъ о работницахъ въ производствѣ бѣлья и платья, рисовавшій въ очень мрачныхъ краскахъ ихъ положеніе, интерпеллянтъ и его друзья заявляютъ въ своемъ запросѣ: съ тѣхъ поръ прошло почти 10 лѣтъ, и судьба этихъ трудящихся женщинъ не только не улучшилась, но еще ухудшилась; мы спрашиваемъ, поэтому, правительство, намѣрено ли оно что-нибудь предпринять для защиты ихъ здоровья и нравственности, а также для предупрежденія эксплоатаціи работницъ въ формѣ расплаты товарами (Trucksystem)?

Въ рѣчи предъ рейхстагомъ фонъ-Гейль сначала распространялся о жертвахъ, которыя нѣмецкіе фабриканты уже принесли на алтарь отечества, взявъ на себя сотни милліоновъ расходовъ по страхованію рабочихъ и подчинившись широкой государственной регламентаціи. Можно возразить оратору, что „жертвы“ фабриканты принесли не добровольно, а подчиняясь требованіямъ закона. Но это вопросъ, который сюда не относится. Можно также оставить въ сторонѣ гимны фабричному труду женщинъ, который интерпеляторъ-фабрикантъ сравниваетъ съ трудомъ швей и другихъ работницъ въ домашнихъ производствахъ, чтобы прійти къ выводу: какъ много лучше на фабрикѣ и въ гигіеническомъ отношеніи, и относительно продолжительности труда и высоты заработковъ.

Съ чѣмъ вполнѣ можно согласиться съ ораторомъ, и что ближе всего относится къ поднятому вопросу, это—съ характеристикой ужаснѣйшаго положенія работницъ въ берлинской Confection. Фонъ-Гейль привелъ нѣсколько фактовъ изъ изслѣдованія 1887 г. и изъ новѣйшей практики, вполнѣ подтверждающихъ основательность

жалобъ работницъ. Въ Берлинѣ женщины работаютъ не только въ производствѣ дамскаго бѣлья и платья, но шьютъ и мужское платье. За пальто портниха получаетъ отъ sweater'а, котораго здѣсь называютъ Zwischenmeister'омъ, отъ 1 м. 20 пф. до 2 марокъ (55 — 90 к. по нынѣшнему курсу). Понятно, что это легкій товаръ, идущій въ дешевые магазины, но при самомъ упорномъ трудѣ женщинѣ приходится просидѣть надъ такою работою 15—16 часовъ. Портнихи, шьющія мантильи, получаютъ при особенной ловкости 9—10 марокъ въ недѣлю; работницы послабѣе или начинающія—только 4 марки, между тѣмъ это—производство, въ которомъ мертвый сезонъ длится полгода. За дѣтскій костюмъ обычная цѣна—25 копѣекъ (50 пф.), да и то работница еще должна имѣть свои нитки, на которыхъ больше всего наживаются тѣ же sweaters.

Если такія явленія справедливо возмущаютъ общественную совѣсть, то всякій,—говоритъ національ-либеральный депутатъ,—кто дорожитъ сохраненіемъ существующаго порядка, долженъ стремиться устранить ихъ. Но какъ устранить? Работницы теперь вступили въ стачку; поведетъ ли она къ цѣли? Фонъ-Гейль еще настолько фабрикантъ, что считаетъ нужнымъ заявить: мы признаемъ всякую стачку несправедливой, потому что она угроза, насиліе. Тѣмъ не менѣе, онъ сожалѣетъ, что работницы только напрасно будутъ мучиться и голодать; онѣ слишкомъ бѣдны, чтобы выдержать борьбу съ коммерсантами и ихъ пособниками—sweaters. Но что же дѣлать? Ораторъ отвѣчаетъ ссылкой на примѣръ Англіи, распространившей фабрично-санитарныя постановленія на всѣ зданія, въ которыхъ живутъ и работаютъ ремесленники, и возложившей также отвѣтственность за исполненіе предписаній на домовладѣльцевъ. Въ самой Германіи существуютъ предписанія относительно домашней работы въ табачной промышленности, которыя можно было бы распространить на всю мелкую промышленность. Фонъ-Гейль предлагаетъ подчинить домашнія производства постановленіямъ фабричнаго закона о работѣ женщинъ и малолѣтнихъ, создавъ для наблюденія за исполненіемъ закона новый инспекторатъ, преимущественно изъ женщинъ.

Послѣднее предложеніе въ особенности заслуживаетъ вниманія, потому что ораторъ не ограничивается предложеніемъ поручить женщинамъ наблюденіе за домашнимъ производствомъ, а категорически требуетъ и назначенія фабричныхъ инспектрисъ. Имѣйте въ виду,—говоритъ онъ,—что у работницы бываютъ нужды и жалобы,

которыхъ она не сообщитъ ни мужчинѣ-инспектору, ни директору, ни хозяину фабрики. Интеллигентная женщина въ роли фабричнаго инспектора можетъ сдѣлать очень много добра, работа эта ей по силамъ, и я не знаю, по какимъ соображеніямъ мы, фабриканты, должны сопротивляться этому? Въ Гессенъ-Дармштадтѣ обѣ палаты очень значительнымъ большинствомъ высказались за женщинъ-инспектрисъ. Опытъ Англіи, въ которой 4 женщины съ успѣхомъ дѣйствуютъ на новомъ для нихъ поприщѣ, и Америки, гдѣ число женщинъ въ фабричномъ инспекторатѣ достигаетъ 28, достаточно свидѣтельствуетъ о цѣлесообразности и своевременности женской инспекціи.

Вслѣдъ за національ-либеральнымъ депутатомъ выступили представители всѣхъ остальныхъ партій и съ рѣдкимъ единодушіемъ присоединились какъ къ его характеристикѣ условій труда, такъ и къ требованію законодательнаго вмѣшательства. Въ отдѣльныхъ пунктахъ, какъ и во взглядахъ на предѣлы регламентаціи, мнѣнія, конечно, расходились, но никогда еще, кажется, всѣ партіи не были такъ согласны въ томъ, что рабочіе и работницы защищаютъ правое дѣло, что на ихъ сторонѣ симпатіи всѣхъ честныхъ людей. Даже консервативный ораторъ находитъ, что нельзя бросать камнями въ несчастныхъ дѣвушекъ, „выходящихъ на улицу, чтобы искать добавочнаго, позорнаго заработка, потому что голодъ ихъ толкаетъ на безнравственный промыселъ“. „А между тѣмъ,— иронически возразилъ консерватору соціалъ-демократъ Фишеръ,— вы еще въ прошлую сессію выступали съ спеціальными законами противъ безнравственности, и когда мы говорили, что такіе законы недѣйствительны при существующихъ экономическихъ условіяхъ, насъ упрекали въ томъ, что мы тенденціозно извращаемъ факты“. Депутатъ Рикертъ также очень доволенъ, что консерваторы, какъ выразился ихъ ораторъ, „имѣютъ теплое сердце для рабочаго класса“, но свободомыслящій депутатъ думаетъ, что такія заявленія ничего не стоятъ, если не сопровождаются поступками. „Что работницамъ отъ вашего теплаго сердца, если вы не соглашаетесь предоставить имъ политическія права, которыя дали бы имъ возможность поднять свое соціальное положеніе? Дайте женщинамъ, по крайней мѣрѣ, право собраній и коалицій, чтобы онѣ могли организоваться и защищаться!“

Мнѣ некогда входить въ интересныя детали, я еще долженъ попросить вашего вниманія для заявленій правительства, составлявшихъ наиболѣе выдающійся моментъ засѣданія.

За министерскимъ столомъ сидѣли министры Беттихеръ и Берлепшъ. Беттихеръ поднялся сейчасъ послѣ запроса фонъ-Гейля. „Я искренно радуюсь,—сказалъ онъ,—что рейхстагъ этой интерпелляціей коснулся одной изъ самыхъ злыхъ язвъ нашей экономической дѣйствительности. Правительство, парламентъ и всѣ истинные друзья отечества должны стремиться къ тому, чтобы такихъ явленій не было" *(Шумное одобреніе)*. Упомянувъ объ изслѣдованіи 1887 г. и о томъ, что и въ послѣдніе годы правительство не упускало изъ виду вопроса о поднятіи положенія труда въ домашнихъ производствахъ, министръ продолжаетъ: „Поднятіе заработковъ работницъ, къ чему прежде всего должны быть направлены усилія, потому что состояніе заработной платы швей и портнихъ по-истинѣ унизительное, въ данномъ случаѣ труднѣе, вслѣдствіе особыхъ условій въ промыслахъ швей и портнихъ. Дѣло въ томъ, что, кромѣ профессіональныхъ работницъ, на магазины работаетъ масса женщинъ и дѣвушекъ, для которыхъ заработокъ—не средство къ существованію, а только дополнительный доходъ: это десятки тысячъ дѣвушекъ изъ такъ называемыхъ лучшихъ семействъ, дочери чиновниковъ, мелкихъ купцовъ, даже изъ обѣднѣвшей аристократіи. Отнесемся съ полнымъ уваженіемъ къ этимъ дѣвушкамъ, но не забудемъ въ то же время, что онѣ конкурентки, своимъ наплывомъ понижающія до минимума заработокъ тѣхъ другихъ десятковъ тысячъ дѣвушекъ и женщинъ изъ народа, которымъ нужно трудиться, чтобы имѣть уголъ и кусокъ хлѣба. Какъ ни велики, однако, трудности, стоящія на пути, онѣ должны быть преодолѣны. Прежде всего мы распорядились, чтобы коммиссія по рабочей статистикѣ (къ которой принадлежатъ и члены рейхстага), отложивъ всѣ другія свои работы, занялась изслѣдованіемъ положенія Confection. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы подвергнемъ тщательному разсмотрѣнію вопросъ о распространеніи на домашнія производства тѣхъ статей фабричнаго закона, которыя регулируютъ санитарныя условія, расплату „товаромъ" и работу женщинъ и дѣтей. Сомнѣваюсь, возможно ли удовлетворить требованію, чтобы работы вовсе не производились на дому, но мы, по крайней мѣрѣ, постараемся внести предложенія, устраняющія въ домашнихъ производствахъ эксплоатацію въ ея безобразнѣйшихъ формахъ. Вопіющія условія, однако, могутъ быть вовсе устранены только тогда, когда и предприниматели, вмѣсто того, чтобы полагаться на sweaters, начнутъ сознавать свои обя-

занности предъ рабочими и поймутъ, что недостойно цивилизованной страны разрушать тысячи человѣческихъ жизней".

Не менѣе рѣшительно высказался министръ промышленности и торговли. Вопросъ о назначеніи женщинъ фабричными инспекторами для него въ настоящемъ случаѣ побочный: онъ не принципіальный противникъ самой идеи, у него только есть кое-какія практическія сомнѣнія на этотъ счетъ. Гораздо важнѣе сосредоточиться пока на разрѣшеніи тяжелой проблеммы, волнующей работницъ: какъ найти выходъ изъ отчаянныхъ условій домашняго труда? Правительство благодарно иниціатору запроса за то, что онъ далъ возможность рейхстагу произнести свой вердиктъ надъ тѣми, которые „выжимаютъ потъ". Сегодняшнія пренія рейхстага будутъ воззваніемъ къ общественной совѣсти. Очень многое можетъ быть сдѣлано сейчасъ для удовлетворенія требованій работницъ, если только большіе предприниматели не станутъ умывать рукъ въ этомъ дѣлѣ и взваливать отвѣтственность на мелкихъ sweaters, стоящихъ между ними и работницами.

Законъ не можетъ принудить конфекціонера или мастера платить справедливую плату за трудъ. Есть, однако, хорошее средство въ рукахъ самихъ конфекціонеровъ: они могутъ сообща съ представителями рабочихъ и работницъ установить тарифъ и обязаться другъ передъ другомъ, подъ угрозою штрафовъ, не поручать работъ мастерамъ, которые не согласятся платить по тарифу. Тѣ законодательныя мѣры, на которыя указывалъ Беттихеръ, необходимы, но пока онѣ будутъ осуществлены, пройдетъ немало времени. Теперь же стачка вспыхнула, тысячи семействъ сидятъ безъ хлѣба, и нужно искать выхода.

XXXII.

Берлинъ, 26-го февраля 1896 г.

Въ „Reichsanzeiger'ѣ обнародовано распоряженіе союзнаго совѣта о введеніи 12-ти часового рабочаго дня въ пекарняхъ. Послѣ очень продолжительной паузы, наступившей въ рабочемъ законодательствѣ Германіи, это положительно лучъ свѣта, который притомъ впервые проникаетъ не на фабрику, а въ ремесленное производство, отличающееся самыми ужасными условіями труда. Принципіальное значеніе новой мѣры огромно. Не забудьте, что это въ Германіи вообще первый примѣръ ограниченія рабочаго времени взрослаго рабочаго — мужчины. При реформѣ рабочаго законодательства въ 1891 году

введенъ былъ максимальный рабочій день въ 11 часовъ для фабричныхъ *работницъ*; что же касается мужчинъ, то закономъ предоставлено лишь союзному правительству издавать спеціальныя ограниченія для производствъ, въ которыхъ характеръ труда можетъ повести къ чрезмѣрному напряженію силъ и вреду для здоровья работниковъ.

Въ настоящее время союзный совѣтъ воспользовался предоставленными ему въ законѣ правами, чтобы положить предѣлъ той эксплоатаціи рабочихъ въ булочныхъ, о которой я вамъ уже писалъ.

Новое распоряженіе вступаетъ въ силу съ 1-го іюля нынѣшняго года. Во всѣхъ пекарняхъ, работающихъ ночью съ $8^1/_2$ веч. до половины 6-го утра, общая продолжительность труда не должна превышать 12 часовъ въ одну смѣну и 84 часовъ въ недѣлю. Пауза при ночномъ трудѣ высчитывается лишь въ томъ случаѣ, если она длится не менѣе часа непрерывно. Если ночная смѣна длится менѣе 12 часовъ, хозяинъ можетъ поручить рабочему и дневную работу, но съ тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, общая продолжительность труда не превышала 12 часовъ (подготовительныя работы къ печенію до $^1/_2$ часа не засчитываются) и, во-вторыхъ, чтобы между смѣнами рабочему предоставленъ былъ непрерывный отдыхъ въ теченіе 8 часовъ. Если въ пекарнѣ рабочимъ дается полный 24-часовой воскресный отдыхъ (съ 10 часовъ веч. въ субботу до 10 ч. вечера въ воскресенье), то въ такомъ случаѣ хозяину разрѣшается продлить работы въ 2 предыдущихъ будничныхъ дня до 14 часовъ въ сутки. Сверхъурочная работа, вызываемая особенностями этого ремесла, разрѣшена въ теченіе 20 дней въ году, но въ пекарнѣ должна быть вывѣшена доска съ надписью, въ какіе дни хозяинъ пользуется своимъ правомъ. Въ экстренныхъ случаяхъ удлиненіе работы можетъ еще произойти въ теченіе дальнѣйшихъ 20 дней, но только съ особаго разрѣшенія администраціи и съ тѣмъ, чтобы пауза для отдыха, между смѣнами, была не менѣе 8 часовъ. Мальчики-ученики въ 1-й годъ по поступленіи въ булочную должны работать на 2, а во 2-й годъ на 1 часъ менѣе взрослыхъ подмастерьевъ, пользуясь непрерывнымъ отдыхомъ въ 10 и 9 часовъ.

Сами по себѣ ограниченія, конечно, очень скромны, почти робки, но если сравнить ихъ съ существующими условіями, то они обозначаютъ серьезное улучшеніе для цѣлой половины булочныхъ подмастерьевъ и дѣтей. Послѣ введенія этихъ постановленій исчезнутъ безобразные случаи постоянной работы въ 15—16 и даже 18 часовъ, которые нельзя назвать иначе, какъ варварствомъ.

Предъ Рождественскими праздниками въ Берлинѣ и Лейпцигѣ появились воззванія женщинъ высшаго общества, указывавшихъ на тяжесть труда продавщицъ въ магазинахъ. Дамы просили покупательницъ настаивать предъ владѣльцами магазиновъ, чтобы продавщицы въ свободное время могли сидѣть. Оказывается, что во многихъ торговляхъ приказчица не имѣетъ права сѣсть даже въ свободное время. А сколько магазиновъ, въ которыхъ продавщица буквально не имѣетъ возможности передохнуть, особенно передъ праздниками?

Инициатива берлинскихъ и лейпцигскихъ дамъ имѣла успѣхъ. Какъ это часто бываетъ въ Германіи, каждый въ отдѣльности дѣлаетъ добра на грошъ, но превосходная организація изъ грошей создаетъ сотни тысячъ и доброе дѣло. Общество берлинскихъ учительницъ, насчитывающее нѣсколько тысячъ членовъ, Общество этической культуры и съ десятокъ другихъ женскихъ обществъ заявили, что присоединяются къ требованію защиты приказчицъ. Въ новомъ воззваніи, разосланномъ сегодня во всѣ зажиточныя семьи, приведены выдержки изъ отчета имперскаго бюро народнаго здравія, въ которыхъ сказано, что значительную часть болѣзней приказчицъ нужно приписать непомѣрно долгому стоянію на ногахъ. Это вызываетъ очень часто, особенно у совсѣмъ молодыхъ дѣвушекъ, искривленія ногъ, нарушеніе кровообращенія и другія ненормальности, на которыя нужно смотрѣть какъ на профессіональныя болѣзни. До сихъ поръ,—читаемъ мы дальше,—публика не обращала вниманія на участь продавщицъ. Мы увѣрены, что если бы она знала, какою дорогою цѣною покупается оказываемая ей „вѣжливость“, по выраженію купцовъ, она бы давно уже настаивала, чтобы приказчица не стояла, когда это не необходимо. Въ большинствѣ случаевъ можно показывать товаръ, не стоя все время предъ покупателемъ на ногахъ.

Кромѣ представительницъ женскихъ обществъ, подъ воззваніемъ подписались женщины-врачи, профессора Шмоллеръ и Паульсенъ, популярный въ Берлинѣ проповѣдникъ, пасторъ Соденъ, депутаты Шенкендорфъ и Бебель. Подпись Бебеля не понравилась здѣшней National-Zeitung; національ-либеральная газета съ сокрушеніемъ замѣтила, что люди вполнѣ благонамѣренные не стѣсняются выступать рука объ руку съ вождемъ партіи разрушенія. Предсѣдательница женскаго Общества „Frauenwohl“ отвѣтила письмомъ къ редактору, и National-Zeitung была еще настолько порядочна, что помѣстила его цѣликомъ. „Вы сами,—пишетъ г-жа Кауэръ,—жалуетесь часто, что изъ-за партійной розни начинаетъ исчезать

сознаніе, что мы всѣ граждане одного государства, члены одной націи, люди одинаковой культуры. А между тѣмъ, какъ только дѣлается попытка сойтись для добраго дѣла, не спрашивая дающаго, какова его вѣра и партія, вы сейчасъ же обнаруживаете нетерпимость, предразсудки. Развѣ г. Бебель разрушаетъ общественный порядокъ, содѣйствуя гуманной мысли? Между подписавшимися подъ воззваніемъ нѣтъ ни одного, который счелъ бы для себя неприличнымъ фигурировать рядомъ съ человѣкомъ, какъ Бебель. Мнѣ кажется,—не безъ иронін прибавляетъ предсѣдательница „Frauenwohl“,—что мы, женщины, въ данномъ случаѣ не только свободнѣе отъ предразсудковъ, но и лучшіе политики, чѣмъ тѣ мужчины, которые вездѣ и всюду, кстати и не кстати кричатъ о борьбѣ съ внутренними врагами.

XXXIII.

Берлинъ, 13-го іюня 1896 г.

Въ числѣ другихъ достопримѣчательностей Берлина, гостившему здѣсь китайскому вице-королю показали также рейхстагъ. Со свойственной ему пытливостью, Ли-Хунгъ-Чангъ пожелалъ узнать, сколько жалованья получаютъ депутаты. Когда ему отвѣтили, что депутаты ничего не получаютъ, кромѣ дарового билета на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, китаецъ чрезвычайно изумился и сказалъ: Много уже слышалъ и видѣлъ я здѣсь интересныхъ вещей, но это—самая для меня интересная! Люди отдаютъ свой трудъ и время, волнуются, борются—и безъ всякаго вознагражденія!

Возможно, что когда Ли-Хунгъ-Чангъ вернется на свою далекую родину, контрастъ между ея порядками и тѣми, которые онъ видѣлъ въ Европѣ, покажется ему настолько рѣзкимъ, что онъ опять вспомнитъ о людяхъ, отдающихъ даромъ время и труды на благо обществу. Старый китаецъ, говорятъ, дѣйствительно очень уменъ, но пойметъ ли онъ когда-нибудь глубокое противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что представители этой импонирующей ему культурной страны пресмыкаются предъ его, Ли-Хунгъ-Чанга, желтой курткой?

Я заговорилъ о Ли-Хунгъ-Чангѣ только мимоходомъ, по поводу посѣщенія имъ рейхстага, въ которомъ обсуждался одва ли не крупнѣйшій вопросъ нынѣшней сессіи — кодификація гражданскаго уложенія. Въ Германіи парламентъ рѣдко засѣдаетъ лѣтомъ, но въ этомъ году сессія длится уже 7 мѣсяцевъ, и неудивительно,

что депутаты устали. Свободомыслящіе, соціалъ-демократы и значительнѣйшая часть консерваторовъ настаивали, чтобы разсмотрѣніе гражданскаго уложенія отложено было до осени. Центръ и національ-либералы, однако, заключили на этотъ случай, чуть ли не въ первый разъ со времени существованія ихъ партій, своеобразный картель и добились того, что обсужденіе Bürgerliches Gesetzbuch поставлено было на очередь. По принятому въ рейхстагѣ порядку, засѣданіе всегда должно быть прервано, какъ только обнаружится, что въ залѣ менѣе половины всѣхъ депутатовъ. Оппозиція, крайне недовольная союзомъ, какъ она выражается, „Reinecke und Isegrim“, неоднократно въ теченіе засѣданія возбуждаетъ вопросъ, есть ли въ рейхстагѣ достаточное число депутатовъ. Клерикалы и національ-либералы спѣшатъ въ гардеробную, чтобы сосчитать шляпы, и съ торжествомъ возвращаются въ залу: 199 шляпъ на мѣстѣ, въ залѣ есть необходимое число голосовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать при столь несвоевременныхъ дебатахъ, обсужденіе крайне поверхностное, галопомъ мчатся статьи за статьями, а ихъ всѣхъ въ кодексѣ около $2^1/_2$ тыс. Наиболѣе продолжительные дебаты вызвала статья, устанавливающая отвѣтственность за потраву и вредъ, который причиняютъ хищныя животныя. Проектъ причислилъ къ хищникамъ и трусливаго зайца, но юнкеры на правой подняли вопль: возлагая на владѣльца охоты отвѣтственность за прожорливость зайцевъ, законъ уничтожаетъ благородную дворянскую забаву—охоту. Пришлось уступить и вычеркнуть зайца изъ числа хищниковъ.

Большинство, стоящее за окончательное обсужденіе гражданскаго уложенія въ нынѣшнюю сессію, очевидно, само поняло неловкость своего положенія. Что скажутъ въ странѣ, когда прочтутъ дебаты рейхстага и замѣтятъ, что о зайцахъ законодатели спорили больше и серьознѣе, нежели о договорѣ найма на работы? Чтобы смягчить дурное впечатлѣніе, центръ и правительственный коммиссаръ очень пространно излагали свою точку зрѣнія на фундаментальную статью семейственнаго права, включающую въ законъ обязательность гражданскаго брака.

Положеніе клерикаловъ въ данномъ случаѣ не изъ завидныхъ. Съ одной стороны, церковно-католическіе интересы запрещаютъ имъ признавать гражданскій бракъ—бракомъ, католикъ о немъ иначе не долженъ выражаться, какъ о „правовой сдѣлкѣ“; съ другой, центръ не хочетъ упустить удобный случай показать прави-

тельству свою незамѣнимость: безъ насъ, клерикаловъ столь великаго патріотическаго дѣла, какъ кодификація гражданскихъ законовъ, нельзя было бы довести до конца. Очень хорошо зная, что правительство не пойдетъ за тѣми, которые требуютъ уничтоженія гражданскаго брака, вожди центра дѣлаютъ уступку и довольствуются чисто формальными измѣненіями, какъ, напр., тѣмъ, чтобы бракъ, заключенный предъ гражданскимъ чиновникомъ, въ законѣ нигдѣ не именовался просто бракомъ, а носилъ названіе „bürgerliche Ehe“. Консерваторъ графъ Роонъ, правда, увѣрялъ въ рейхстагѣ, что подобныя уступки компрометируютъ центръ въ глазахъ католическихъ избирателей, но Либеръ и Греберъ навѣрное не хуже графа Роона знаютъ настроеніе народа. Институтъ гражданскаго брака, какъ выразился другой консерваторъ, проф. Кропачекъ, нуженъ въ интересахъ самой церкви, которая не желаетъ деградировать себя до роли служителя государства. Кропачекъ не единственный депутатъ консервативной партіи, выступающій защитникомъ гражданскаго брака; его коллега, мекленбургскій судья Бухка, консерваторъ до мозга костей, заявляетъ, что значительнѣйшая часть сельскаго населенія и протестантскаго духовенства, воевавшаго 20 лѣтъ тому назадъ противъ новшества кн. Бисмарка, потомъ примирилась съ этимъ институтомъ и теперь не желаетъ отъ него отказаться. Всего интереснѣе, однако, было услышать изъ устъ статсъ-секретаря юстиціи горячую апологію гражданскому браку, закончившуюся призваніемъ—не ломать учрежденія, пользующагося полнымъ одобреніемъ какъ правительства, такъ и огромнаго большинства населенія.

XXXIV.

Берлинъ, 18-го іюня 1896 г.

Зала Concerthaus'a на Лейпцигеръ-штрассе вчера вечеромъ была свидѣтельницей женской демонстраціи, почти безпримѣрной въ Германіи. Юліусъ Штинде описалъ эту залу въ своей „Семьѣ Бухгольцевъ“. Зимою здѣсь по вечерамъ собирается среднее и мелкое мѣщанство, чтобы за кружкой пива или чашкой кофе послушать очень хорошую музыку. Сколько романовъ, благополучно, впрочемъ, кончающихся законнымъ бракомъ, нашли завязку у „Бильзе“! Такъ до сихъ поръ именуютъ еще концертную залу, хотя популярный у берлинцевъ капельмейстеръ Бильзе уже давно сошелъ со сцены. М-мъ Бухгольцъ не повѣрила бы своимъ гла-

замъ, если бы увидѣла, что̀ тутъ творилось вчера: вмѣсто обычной, знакомой ей, борьбы за жениха, у Бильзе происходила борьба за право. Около полуторы тысячи берлинскихъ женщинъ сошлись на митингъ. Не успѣлъ еще рейхстагъ принять въ окончательной редакціи новое гражданское уложеніе, какъ женщины, считающія себя униженными и обездоленными новымъ кодексомъ, собрались, чтобы заявить, что онѣ не побѣждены. Еще такое пораженіе, какъ нынѣшнее, —сказала одна изъ ораторшъ на вчерашнемъ собраніи,— и побѣжденныя будутъ побѣдительницами. Съ теплой благодарностью въ собраніи говорили о тѣхъ депутатахъ рейхстага, которые стали на сторону справедливости; но, какъ и слѣдовало ожидать, противъ большинства, высказавшагося за подчиненіе женщины, слышались негодующія рѣчи. Никакими каламбурами вы не смутите теперь нѣмецкую женщину, вспомнившую о своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Въ рейхстагѣ одинъ острякъ назвалъ женское движеніе тѣмъ словомъ, которымъ въ Германіи обозначаютъ старѣйшія поколѣнія выслужившихъ солдатъ, — ландъ-штурмомъ, намекая на почтенный возрастъ нѣкоторыхъ піонершъ женскаго вопроса. „Мы не боимся быть смѣшными, — отвѣтила депутату на собраніи одна талантливая женщина, — и взываемъ одинаково къ молодымъ и старымъ, къ нашимъ сестрамъ, какъ и къ нашимъ бабушкамъ: никто не долженъ остаться позади,—впередъ, за святое дѣло права и справедливости!“

Бабушки, дѣйствительно, не остались позади. Въ залѣ рядомъ съ молодыми женщинами-врачами, писательницами и учительницами можно было видѣть и женъ профессоровъ, имѣющихъ уже внуковъ, и престарѣлую Лину Моргенштернъ, устраивавшую при покойной императрицѣ Августѣ первыя народныя кухни въ Берлинѣ. „Мнѣ, старухѣ,—сказала она,—больнѣе, чѣмъ молодымъ, потому что молодежь еще доживетъ до лучшихъ дней. Говорили, что гражданское уложеніе будетъ первымъ великимъ актомъ XX-го вѣка; какъ же можно въ будущій вѣкъ переносить рабство женщины? Немного позже студентка юридическаго факультета Анита Аугспургъ говорила отъ имени молодежи: новое время создастъ новыхъ людей, и не успѣетъ кодексъ вступить въ силу, какъ самимъ юристамъ придется его „продырявить“ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія.

Аргументы достаточно выясняются изъ слѣдующей резолюціи, принятой единогласно: „1) Рейхстагъ оставилъ безъ вниманія требованія женщинъ, касающіяся ихъ имущественнаго положенія и ихъ правъ, какъ женъ и матерей. Большинство рейхстага стало

въ противорѣчіе съ фактами соціальнаго развитія нашего времени, отказавъ женѣ въ экономическомъ равноправіи съ мужемъ, которое должно принадлежать ей въ культурной странѣ. Жены, такимъ образомъ, и въ будущемъ остаются несовершеннолѣтними. Не признавъ за женою права самостоятельно распоряжаться имуществомъ, пріобрѣтеннымъ ея собственнымъ трудомъ или внесеннымъ въ семью, большинство рейхстага отдаетъ жену въ подчиненіе мужу, противорѣчащее всѣмъ элементарнымъ принципамъ нравственности. 2) Отказавъ матери въ пользованіи родительскимъ правомъ по отношенію къ дѣтямъ, большинство рейхстага стало въ противорѣчіе съ основнымъ положеніемъ этого же закона и съ требованіемъ всякой матери—имѣть вліяніе на судьбу своихъ дѣтей. 3) Постановленіями о разводѣ, въ особенности же отклоненіемъ предложенія о признаніи неизлечимой психической болѣзни законнымъ основаніемъ къ расторженію брака, большинство рейхстага сдѣлало шагъ назадъ и по отношенію къ дѣйствующему теперь праву. 4) Большинство рейхстага не признало за отцомъ незаконнорожденныхъ дѣтей обязанностей, которыя устанавливаются въ истинно-культурномъ обществѣ. Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что новое гражданское право—одностороннее право мужчинъ и продуктъ не справедливости, а власти. Мы, нѣмецкія женщины, поэтому заявляемъ, что не прекратимъ агитаціи противъ суровыхъ постановленій законодательства и всѣми зависящими отъ насъ средствами будемъ бороться за установленіе истиннаго права въ государствѣ и обществѣ".

XXXV.

Берлинъ, 3-го августа 1896 г.

Не очень громкій, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно характерный фактъ изъ жизни берлинскаго университета даетъ поводъ къ толкамъ въ обществѣ. Недавно прусскій министръ промышленности и торговли фонъ-Берлепшъ вынужденъ былъ подать въ отставку. Можно быть различнаго мнѣнія о талантахъ Берлепша, но условія, при которыхъ произошло его удаленіе, заставляютъ всякаго безпристрастнаго человѣка отнестись съ симпатіей къ министру, который предпочелъ уйти, чѣмъ угождать заводчику Штумму. Берлепшъ мечталъ о роли исполнителя тѣхъ высокихъ задачъ, которыя Вильгельмъ II когда-то намѣтилъ въ рескриптахъ по рабочему вопросу; но времена измѣняются, и изъ предначертаній 1890 года посте-

пенно исчезали одна идея за другой. Берлепшъ очутился изолированнымъ, пока его не затравилъ вліятельный Штуммъ.

Берлинскій университетъ, по предложенію Адольфа Вагнера и Густава Шмоллера, поднесъ ушедшему министру дипломъ доктора философіи honoris causa. Въ мотивахъ постановленія факультета сказано, что во время грандіозной стачки рудокоповъ въ Вестфаліи и на Рейнѣ Берлепшъ проявилъ не только рѣшительность, но и „истинную гуманность, сердечное отношеніе къ людямъ, справедливость къ требованіямъ труда". Факультетъ видитъ признакъ государственной мудрости въ томъ, что министръ настоялъ на расширеніи фабричнаго законодательства, и при немъ въ Германіи обнародованы были законы, устанавливающіе для женщинъ 11-часовой максимальный рабочій день, сокращающіе дѣтскій трудъ на фабрикахъ и вводящіе обязательный воскресный отдыхъ. Такихъ заслугъ, по мнѣнію факультета, достаточно, чтобы обезпечить министру право на благодарность соотечественниковъ.

Съ университетомъ, конечно, можно спорить, насколько велико участіе Берлепша въ перечисленныхъ мѣрахъ, но дѣло не въ томъ, *кто* провелъ законы: гораздо интереснѣе, что берлинскій университетъ такъ недвусмысленно далъ понять, что симпатіи его не на сторонѣ людей, которые хотятъ разрѣшить соціальный вопросъ инфантеріей, артиллеріей и кавалеріей. Это прекрасно поняли и нѣмецкіе предприниматели, стоящіе на точкѣ зрѣнія Штумма. Органы ихъ, въ особенности берлинская Post, подняли крикъ, что университетъ фрондируетъ. Одна изъ фабрикантскихъ газетъ прямо обратилась къ министру народнаго просвѣщенія съ вопросомъ, зачѣмъ онъ молчитъ, почему не привлекаетъ къ отвѣтственности строптивыхъ профессоровъ? Но г. Боссе (министръ народнаго просвѣщенія) не откликнулся, и сами прислужники заводчиковъ поняли, что они заврались. Ихъ подняли на смѣхъ. Подумайте только, какой былъ бы курьезъ, если бы профессоровъ привлекли къ дисциплинарной отвѣтственности.—Вы поднесли дипломъ экъ-министру за его филантропическія затѣи? — Поднесли, но вѣдь императоръ ему тоже на прощаніе подарилъ свой мраморный бюстъ.—Вы одобряете широкія реформы въ пользу труда? — Одобряемъ, и стоимъ при этомъ на точкѣ зрѣнія рескриптовъ 1890 года. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія слишкомъ благоразуменъ, чтобы разыгрывать даже въ угоду Штумму столь комическую роль. Онъ также знаетъ и предѣлы своихъ правъ по отношенію къ университету. Не только радикалы, но все, что есть въ Германіи просвѣщеннаго, стали бы

на сторону академической независимости. Всякій образованный нѣмецъ слишкомъ хорошо понимаетъ, чѣмъ его страна обязана наукѣ и университетамъ. Покойный прусскій исторіографъ Трейчке говорилъ, что всякая попытка „наложить узду“ на университетъ равносильна посягательству на независимость и могущество самого государства.

Газеты недавно сообщили, что въ Руанѣ скончалась Камилла Сельденъ, учительница нѣмецкаго языка въ мѣстномъ женскомъ институтѣ и авторъ этюдовъ по исторіи и литературѣ, въ свое время обратившихъ на себя вниманіе. Для многочисленныхъ друзей музы Генриха Гейне Camilla Selden была однако больше, чѣмъ авторомъ историко-литературныхъ этюдовъ: вѣдь это послѣдняя любовь великаго поэта, его Mouche, услаждавшая его страдальческіе годы и прикосновеніемъ руки смягчавшая, какъ онъ увѣряетъ, нестерпимыя боли... Ей посвящены были прелестные стихи „Dich fesselt mein Gedankenbann“ и „Passionsblumen“, ей умирающій поэтъ пѣлъ, видя уже воображеніемъ свой мраморный саркофагъ, окруженный символами варваровъ и эллиновъ:

Du warst die Blume, du geliebtes Kind,
An deinen Küssen müsst ich dich erkennen,
So zärtlch keine Blumenlippen sind,
So feurig keine Blumenthränen brennen...

Mouche далеко не была тогда тѣмъ наивнымъ ребенкомъ, какимъ рисуетъ ее фантазія поэта. Альфредъ Майсснеръ разсказываетъ о ней другія, менѣе лестныя вещи, заставляющія предположить, что у нея было бурное и темное прошлое, и что не даромъ она унесла съ собою въ могилу тайну своего происхожденія. Фрицъ Маутнеръ видѣлъ ее лѣтъ 10 тому назадъ въ Руанѣ, куда онъ ѣздилъ по порученію нѣмецкаго издателя, желавшаго пріобрѣсти ея Derniers Jours de Henri Heine. Маутнеръ, самъ уроженецъ Праги, узналъ въ Mouche землячку, но кто она, — и для него осталось тайной. Генрихъ Гейне только ошибался, когда онъ иногда думалъ: die Lotosblume, wie ich glaube, moquirt sich deiner, alter Thor! Надъ поэтомъ она не посмѣялась; онъ для нея остался величайшимъ воспоминаніемъ жизни, согрѣвавшимъ одинокую старость...

XXXVI.

Берлинъ, 8 сентября 1896 г.

Зала берлинской Думы никогда еще не видѣла въ своихъ стѣнахъ такого собранія, какъ сегодня при открытіи международнаго женскаго конгресса. Полторы тысячи женщинъ, изъ которыхъ около 500 пріѣхали изъ всѣхъ странъ міра: француженки, американки, болгарки и датчанки, итальянки и армянки; кажется, почти нѣтъ культурной народности, которая не имѣла бы представительницы. И этой многочисленности собранія соотвѣтствуетъ богатство программы съѣзда. Подумайте только: засѣданія будутъ продолжаться цѣлую недѣлю, почти ежедневно рефераты будутъ читаться съ 10-и до 2-хъ и съ 4-хъ до 7-ми ч., и всѣхъ рефератовъ счетомъ около 80. Каждый день посвященъ другой сторонѣ женскаго вопроса. Сегодня, для открытія, обзоръ женскаго вопроса во всѣхъ странахъ, при чемъ для каждой страны имѣется особая референтка. Завтра—о воспитаніи дѣтей и школьныхъ учительницахъ, во вторникъ—о гимназіяхъ и университетахъ, въ среду—о женщинахъ-работницахъ, четвергъ отданъ будетъ вопросамъ благотворительности и нравственности, пятница—юридическому положенію женщины и ея соціальнымъ стремленіямъ, наконецъ, суббота—искусству и литературѣ по отношенію къ женщинѣ. А въ промежуткахъ посѣщеніе школъ, пріютовъ, читаленъ, выставки, ужины, банкеты,—не правда-ли, un embarras de richesse?

Когда я вошелъ въ чудную залу Думы, любезно уступленную женскому конгрессу, что въ Берлинѣ считается особымъ отличіемъ,—она была такъ переполнена, что, кажется, дѣйствительно яблоку негдѣ было упасть. Тѣмъ не менѣе, порядокъ поддерживался образцовый, и каждаго входящаго встрѣчали съ предупредительностью, совершенно необычной въ другихъ собраніяхъ. Женскій хоръ пѣлъ кантату, написанную спеціально для конгресса. Затѣмъ, Лина Моргенштернъ произнесла привѣтствіе собравшимся, не очень длинное, что въ такихъ случаяхъ большая заслуга.

Прежде чѣмъ излагать вамъ содержаніе прочитанныхъ докладовъ, я скажу нѣсколько словъ объ отношеніи берлинскаго общества къ женскому конгрессу.

Понимая огромное значеніе прессы въ наше время, руководительницы женскаго движенія постарались обезпечить себѣ симпатіи газетъ различныхъ направленій. Только въ ультра-консервативной

печати къ нимъ отнеслись съ обычными шутками и прибаутками, но этотъ сортъ газетъ въ Берлинѣ совершенно не имѣетъ вліянія. Гораздо существеннѣе, что женщинамъ удалось заручиться союзниками въ органахъ просвѣщеннаго бюргерства. Десять лѣтъ тому назадъ почтенная „тетка Фоссъ“, несмотря на свою женскую кличку, стояла въ женскомъ вопросѣ на такой же точкѣ зрѣнія, какъ органы прусскихъ юнкеровъ: стремленіе къ высшему образованію и общественной дѣятельности было въ ея глазахъ чудачествомъ и профанаціей des ewig Weiblichen. Теперь та же газета очень тепло привѣтствуетъ собравшихся женщинъ и желаетъ имъ успѣха въ стремленіяхъ, совпадающихъ съ развитіемъ цивилизаціи и благомъ всего человѣчества.

Въ Берлинѣ существуетъ такъ называемый безпартійный „Lokal-Anzeiger, вслѣдствіе своей изумительной дешевизны (1 марка въ мѣсяцъ съ доставкой на домъ за утреннее и вечернее изданія), массы извѣстій и бойкости городского отдѣла чрезвычайно распространенный въ массѣ мелкаго мѣщанства. Издается онъ въ количествѣ около 190,000 экземпляровъ. Хотя газета эта и не принадлежитъ къ уважаемой прессѣ, но женщинамъ можетъ быть только желательно, чтобы здравыя идеи объ ихъ стремленіяхъ распространены были въ мѣщанскихъ массахъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что „Lokal-Anzeiger“, имѣющій обыкновеніе идти по вѣтру, теперь горячо ратуетъ за женщинъ, въ свою очередь, доказываетъ, какъ успѣшна была работа интеллигентныхъ поборницъ равноправія. Наканунѣ открытія съѣзда, одна изъ берлинскихъ дѣятельницъ, вдова педагога Кауэра, напечатала превосходную статью, разъясняющую смыслъ конгресса. Не думайте,—обращается она къ публикѣ,— что мы добиваемся только правъ, нѣтъ, мы боремся и за расширеніе своихъ обязанностей. Дайте намъ возможность учиться, чтобы учить народъ, участвовать въ общественномъ управленіи, чтобы исполнить свой долгъ предъ братьями и сестрами. Взывая къ тѣмъ женщинамъ, которыя еще колеблются или не рѣшаются выйти изъ пыльнаго квіэтизма, Минна Кауэръ указываетъ имъ на примѣрѣ англійскихъ и американскихъ женщинъ, какія великія задачи ихъ еще ожидаютъ, какіе чудные типы создало стремленіе англосаксонской женщины къ свободѣ и равенству. „Даже русскія женщины сумѣли сбросить съ себя рабство. У русской женщины— широкій полетъ, „ein Zug in's Grosse“. А вы, нѣмки, дочери народа мыслителей, хотите довольствоваться рабской долей?— спрашиваетъ писательница, — хотите искать убѣжища только въ

бракѣ, забывая, что у насъ больше милліона женщинъ, которымъ не приготовлено мужей? Если вы не думаете о себѣ, подумайте о тѣхъ $5^1/_2$ милліонахъ работницъ, которыя по нашей статистикѣ кормятъ себя, а иногда и мужа и дѣтей. Почему онѣ должны быть безсловесными существами и ждать, что для нихъ сдѣлаютъ мужчины, тогда какъ по чести и совѣсти имъ принадлежитъ участіе въ законодательствѣ и общественной жизни?

Перейду, однако, къ содержанію сегодняшняго, перваго публичнаго засѣданія, въ которомъ делегатки почти всѣхъ культурныхъ странъ выступили съ докладами о состояніи женскаго движенія въ ихъ отечествѣ. Первой говорила извѣстная дрезденская руководительница женскихъ обществъ, Марія Штриттъ. Среди опытныхъ политическихъ дѣятелей вы рѣдко встрѣтите человѣка съ такимъ выдающимся ораторскимъ талантомъ. Живое, симпатичное лицо, ясный и громкій голосъ, проникающій до отдаленныхъ угловъ обширной залы, и притомъ ни капли афектаціи, просто и ясно льется періодъ за періодомъ и, несмотря на эту простоту, вы замѣчаете, какъ рѣчь захватываетъ присутствующихъ и глаза ихъ разгораются отъ удовольствія.

Мы въ Германіи,—говорила г-жа Штриттъ,—можетъ быть, больше, чѣмъ въ остальномъ мірѣ, занимались теоретической разработкой женскаго вопроса, но ни въ какой другой высокоразвитой странѣ женщины не допустили бы такого постыднаго отношенія къ себѣ законодательства, какъ у насъ. Нѣмецкія женщины какъ будто хотятъ доказать, что недаромъ на нѣмецкой почвѣ создалась сказка Dornröschen. Къ счастью, условія существованія народовъ и ходъ историческаго процесса сильнѣе всякихъ традицій, и неумолимая логика фактовъ заставляетъ выйти на арену и ту категорію женщинъ, которая раньше видѣла въ подчиненіи свой естественный удѣлъ. Тысячи интеллигентныхъ женщинъ, вынужденныхъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, слишкомъ поздно сознаютъ, что ихъ не учили и не приготовили къ борьбѣ за существованіе. За то изъ ихъ рядовъ, по крайней мѣрѣ, вышли энергичныя поборницы права на трудъ и на знаніе, если не для себя, то для своихъ младшихъ сестеръ и дочерей. Появилось уже новое поколѣніе, которое не хочетъ терпѣть и молчать—и новая нѣмецкая женщина пробиваетъ себѣ путь въ университеты, къ новымъ профессіямъ, къ общественной дѣятельности. Теперь насъ, по крайней мѣрѣ, уже *терпятъ* въ университетской аудиторіи, еще немножко усилія съ нашей стороны, и мы будемъ въ уни-

верситетѣ равными гражданками. Лозунгъ нашъ, какъ всякой идущей впередъ человѣческой группы: организуйтесь! Безъ организаціи нельзя осуществить великихъ задачъ. Не бойтесь насмѣшекъ, не слушайте трусливыхъ совѣтовъ хранителей старины и ихъ предостереженій. Примѣръ Англіи и Америки, гдѣ женщины успѣли преодолѣть всѣ предразсудки и создать цѣлую армію, борющуюся за освобожденіе, долженъ быть указаніемъ и нѣмецкимъ женщинамъ. Величайшая цѣль — участіе въ законодательствѣ. Только тогда возможно будетъ устранить несправедливые законы и порядки, при которыхъ, напримѣръ, 97% бюджета народнаго просвѣщенія идутъ на мужчинъ и только 3% на женщинъ (референтка, вѣроятно, имѣла въ виду только расходы на среднія и высшія учебныя заведенія, потому что народная школа одинаково обязательна въ Германіи для мальчиковъ и дѣвочекъ). Указавъ на организацію Союза германскихъ женскихъ обществъ съ 50,000 членовъ и на борьбу, поднятую нѣмецкими женщинами противъ постановленій гражданскаго уложенія, г-жа Штриттъ закончила словами извѣстнаго русскаго публициста, отвѣтившаго на вопросъ: что дѣлать? Постараться внести какъ можно больше будущаго въ настоящее, и чѣмъ больше вы его внесете, тѣмъ больше у васъ будетъ и личнаго счастья.

Рѣзкая, хотя и мимолетная политическая нотка звучала въ этомъ рефератѣ, и ее стоитъ отмѣтить, потому что она уже на сегодняшнемъ засѣданіи дала поводъ къ характерному инциденту. Г-жа Штриттъ замѣтила, что хотя пролетарки и не примыкаютъ къ общему женскому движенію, предпочитая связать свои требованія съ борьбою 4-го сословія, тѣмъ не менѣе, и нѣмецкія женщины средняго круга уже успѣли кое-что сдѣлать для своихъ нуждающихся сестеръ. Она указала при этомъ на Общество приказчицъ, основанное Минной Кауэръ и насчитывающее уже 9,000 членовъ. Дѣло пошло бы еще лучше, если бы „нѣмецкія работницы, подобно англійскимъ, не смѣшивали экономическихъ требованій съ политическими и не находились подъ вліяніемъ партіи, проповѣдующей ненависть къ другимъ сословіямъ“. Референтка чуть-чуть смягчила затѣмъ свои слова, сказавъ, что „это не мѣшаетъ нѣмецкимъ женщинамъ быть благодарными рабочей партіи, поддерживавшей ихъ требованія въ рейхстагѣ“.

Нѣсколько времени спустя, когда очередь дошла до делегатки изъ Вѣны, г-жи Шлезингеръ, со стороны болѣе радикальной группы послѣдовалъ не менѣе ясный отпоръ. „У насъ въ Австріи,—ска-

зала г-жа Шлезингеръ,—женщины точно такъ же раздѣляются н
два лагеря: стремящихся къ эмансипаціи дамъ и борющихся плеч
о плечо съ пролетаріями работницъ. И если у австрійской женщин
есть будущее, то его завоюетъ не бюргерша, а пролетарка"... Пр
этихъ словахъ президентша попросила делегатку не уклоняться в
сторону, „въ виду поздняго времени".„ Въ такомъ случаѣ,— рѣзк
возразила вѣнка,—я могу и не читать въ среду назначеннаго ре-
ферата объ изслѣдованіи быта вѣнскихъ работницъ". Тутъ, однако
вмѣшались другія дамы изъ бюро и поспѣшили успокоить взволно-
ванную делегатку. Я стоялъ въ противоположномъ концѣ залы и
не видалъ суеты, послѣдовавшей послѣ того, какъ делегатка со-
шла съ каѳедры, но нѣкоторые изъ журналистовъ, сидѣвшихъ со-
всѣмъ близко, увѣряютъ, что противницы обнялись и расцѣловались.

Пропущу отчеты итальянки, англичанокъ, француженки, дат-
чанки и скажу въ заключеніе пару словъ о двухъ соотечественни-
цахъ, хотя и изъ далекихъ окраинъ. Fraulein D-r med. Melik-Beg-
larjanz, какъ именуется въ программѣ первая изъ нихъ, сообщила
на основаніи своей медицинской практики въ Тифлисѣ объ уваженіи и довѣріи, которыя мужское населеніе питаетъ къ женщинамъ-врачамъ. Что касается положенія армянской женщины, то оно сравнительно завидное, такъ какъ въ Арменіи больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ, и почти всѣ дѣвушки выходятъ замужъ. Баронесса Александра Гриппенбергъ нарисовала очень отрадный портретъ финляндской женщины. По ея словамъ, женщина среднихъ и высшихъ классовъ играетъ замѣтную роль въ государственной жизни, и если законодательство еще знаетъ ограниченія женщинъ въ публичной дѣятельности, то въ стремленіи къ образованію, созданію союзовъ и публичной агитаціи никакихъ стѣсненій не существуетъ. Жажда знанія, однако, не привилегія богатыхъ женщинъ, она охватила и крестьянку, которая готова иногда пройти нѣсколько верстъ пѣшкомъ, чтобы послушать лекцію.

XXXVII.

Берлинъ, 10-го сентября 1896 г.

Извѣстная поговорка, что лучшая женщина та, о которой меньше всего говорятъ, становится уже смѣшной. Она была остроумна при господствѣ взглядовъ на женщину, какъ на забаву, и теряетъ свой смыслъ, когда тысячи женщинъ пріобрѣтаютъ себѣ имя въ наукѣ, искусствѣ и общественной жизни. О женщинахъ,

собравшихся на конгроссъ, очень много говорятъ въ Берлинѣ, и, тѣмъ не менѣе, даже завзятый филистеръ начинаетъ понимать, что онѣ—лучшія изъ своего пола, въ полномъ смыслѣ слова люди, требующіе себѣ равной доли въ правахъ и обязанностяхъ. Я отнюдь не хочу ставить ихъ на пьедесталъ и хорошо знаю, что среди полутора тысячъ конгрессистокъ есть порядочная доля скучающихъ дамъ и мечущихся дѣвицъ, отъ которыхъ человѣчество ничего не выиграетъ, все равно—дадутъ ли имъ права или нѣтъ. Не одна дама изъ банкирскихъ салоновъ записалась въ члены только для того, чтобы сказать, что и „она тамъ была“ и запастись матеріаломъ для свѣтской болтовни. Но развѣ на мужскихъ, даже научныхъ, съѣздахъ бываютъ только выдающіеся и искреннія люди? Не тому надо удивляться, что въ залу Думы затесались многія, которымъ тамъ нѣтъ дѣла, а тому, наоборотъ, что при новизнѣ женскаго движенія вы встрѣчаете уже столько талантливыхъ, умныхъ и образованныхъ женщинъ, которыя сдѣлали бы честь любому мужскому собранію. Немногіе мужчины,—на 10 женщинъ въ залѣ только одинъ представитель господствующаго пола, — дѣйствительно не перестаютъ изумляться: женщины такъ прекрасно говорятъ, откуда у нихъ этотъ даръ? Еще чаще я слышу восклицаніе: такъ вотъ это—новая женщина? Да вѣдь она интереснѣе и изящнѣе многихъ дамъ такъ называемаго высшаго общества, не говоря уже о бюргершѣ. Ее представляли себѣ уродливымъ синимъ чулкомъ, и удивляются, что она можетъ быть молода, хороша, и все-таки стремиться къ высшимъ идеямъ. Нѣмецъ, правда, видѣлъ Нору на сценѣ и слышалъ, что она хочетъ быть человѣкомъ, какъ онъ, но никогда онъ не думалъ, что это такъ близко и привлекательно.

Что чрезвычайно пріятно поражаетъ на съѣздѣ, это—дружескій, интимный, я чуть не сказалъ: братскій, тонъ, который установился въ отношеніяхъ между женщинами всѣхъ націй и всѣхъ возрастовъ. Одна наша русская делегатка замѣтила въ своей рѣчи, что чувствуешь себя въ семьѣ, одушевленной однимъ и тѣмъ же стремленіемъ и любовью другъ къ другу. Есть тутъ и француженки, и англичанки, и итальянки, но ни разу на нѣмецкой почвѣ не послышался звукъ національной вражды, не произнесено было слово, которое кого-либо могло оскорбить. Даже къ намъ, мужчинамъ, относятся безъ злобы и съ благодарностью вспоминаютъ о тѣхъ, которые въ печати или парламентахъ высказали сочувствіе женскому движенію. Только одна голландка попробовала было пред-

упреждать: не довѣряйте мужчинамъ, всѣ они рабовладѣльцы. Воинствующая барыня вызвала лишь громкій смѣхъ аудиторіи. Въ идеяхъ старое и новое поколѣніе сильно расходятся, и среди молодыхъ есть оппортюнистки и радикалки, но у мужчинъ эти различія рѣзче, у женщинъ они сглаживаются личными симпатіями.

Молодежи принадлежитъ будущее, и завтра, когда подняты будутъ вопросы, относящіеся къ участію женщинъ въ соціальной дѣятельности, мы услышимъ ея мнѣнія и надежды. Сегодняшній день принадлежитъ больше старому поколѣнію, но и среди него есть выдающіеся типы, женщины, всю свою жизнь посвятившія воспитанію и благотворительности, не по шаблону wohlthätige Frauen базаровъ и лотерей-аллегри. Женщины мягче и благодарнѣе насъ и не забываютъ, что это отходящее поколѣніе имѣетъ свои заслуги, что оно проложило путь для дѣятельности своихъ младшихъ сестеръ. Мы улыбаемся теперь, слыша, напримѣръ, рѣчь Генріеты Гольдшмидтъ о Фребелѣ, какъ объ „освободителѣ всей женской половины человѣчества“, указавшемъ ей истинный путь. Соціальный вопросъ нельзя разрѣшить такими наивными мѣрами, какъ предложеніе, чтобы каждая молодая дѣвушка отбывала свою военную службу вольноопредѣляющейся при дѣтскихъ садахъ и пріютахъ. Присутствующія на конгрессѣ женщины, однако, вспоминаютъ, что высказывающая такія мысли делегатка не одинъ, а тридцать лѣтъ своей жизни искренно и честно служила дѣлу улучшенія воспитанія въ семьѣ и школѣ, и награждаютъ ее громомъ рукоплесканій.

А какіе рѣдкіе экземпляры попадаются въ самомъ старомъ женскомъ поколѣніи! Въ Мюнхенѣ живетъ древняя старушка, графиня Бутлеръ, имя которой часто упоминается въ Германіи, когда заходитъ рѣчь о женскомъ движеніи, касается ли оно расширенія ихъ правъ, борьбы съ безнравственностью или допущенія въ университеты. „Простите,—пишетъ она предсѣдательницѣ конгресса,—моимъ 85 годамъ, что я письменно, а не лично являюсь въ вашу среду. Собственными глазами я видѣла четыре поколѣнія женщинъ; изучая исторію, я проникла до отдаленнѣйшихъ временъ, но и въ жизни, и въ исторіи предо мною были только картины униженія и рабства. Лишь въ послѣдніе годы мнѣ, наконецъ, удалось замѣтить пробужденіе. Знаменателенъ фактъ, что сто тысячъ нѣмецкихъ женщинъ выступили съ протестомъ противъ права, осуждающаго ихъ на подчиненіе въ своемъ имуществѣ, въ отношеніи къ мужу и дѣтямъ. Это только начало борьбы, потому что милліоны женъ и матерей еще не пробудились, ихъ нужно разбудить, орга-

низовать. Поймите, что ваше безсиліе распоряжаться своимъ добромъ и руководить вашими дѣтьми — цѣпи, связывающія вашу волю. Вы, сытыя, отбросьте довольство существующимъ, и вы, голодныя, выйдите изъ тупого отчаянія. Думайте не о себѣ, а о своихъ дѣтяхъ, и вы найдете силы бороться. Станьте недовольны нынѣшнимъ, стремитесь къ будущему, недовольство—мать всякаго прогресса. Мои старые глаза уже различаютъ берегъ свободной земли".

Большинство собравшихся въ Берлинѣ женщинъ считаетъ образованіе могучимъ средствомъ къ достиженію берега, и я не вижу поэтому причины глумиться надъ женщинами-врачами, которымъ-де только хочется докторскаго титула и богатой практики. Нѣтъ, присутствующія на конгрессѣ женщины-врачи со всего міра, наши русскія, болгарки, американки и др., могутъ доказать, что женщина не только себѣ добываетъ кусокъ хлѣба медицинской практикой, но и служитъ темной и бѣдной массѣ. Служатъ ей и многочисленныя учительницы, присутствующія теперь въ залѣ берлинской Думы: скромныя и честныя труженицы, вносящія въ свое занятіе несравненно больше души, чѣмъ нашъ „сильный" полъ. Предъ нами прошли представительницы учительницъ изъ Германіи, Франціи, Англіи, Россіи, Италіи и Португаліи: все высоко развитыя женщины; нѣкоторыя изъ нихъ превосходно владѣютъ словомъ, всѣ одушевлены любовью къ своей дѣятельности.

Г-жа Чебышева-Дмитріева изъ Петербурга представила очерки развитія народнаго образованія въ Россіи, начиная съ освобожденія крестьянъ и кончая новѣйшими свѣдѣніями (если не ошибаюсь, изъ статистики народнаго образованія, составленной для нижегородской выставки) о числѣ школъ, учениковъ и учительницъ. Референтка съ полнымъ правомъ говорила о русской учительницѣ, какъ о главной труженицѣ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ Россіи.

То же самое мы услышали изъ устъ англичанки, миссъ Додди, явившейся на конгрессъ съ двойнымъ мандатомъ: какъ представительница Общества борьбы за избирательное право въ Манчестерѣ и какъ делегатка Союза англійскихъ учительницъ. Въ Public Schools теперь бо́льшая половина учительскихъ мѣстъ въ рукахъ женщинъ. Англичанки уже добились, чтобы женщинъ избирали въ школьные комитеты, и только недавно двѣ учительницы назначены были окружными инспекторами народныхъ училищъ. Университетъ чрезвычайно поднялъ умственный уровень учительницы, и вмѣстѣ съ тѣмъ возросло уваженіе къ ней общества.

Нѣмецкая учительница съ нѣкоторой завистью слушала отчетъ о положеніи своихъ подругъ въ Англіи, въ особенности, когда зашла рѣчь объ университетахъ. Вездѣ двери высшихъ учебныхъ заведеній раскрываются для стремящейся къ знанію дѣвушки, не исключая и Россіи, какъ многія изъ присутствующихъ впервые узнали изъ доклада г-жи Е. Шаффе,—только въ Германіи еще живъ der alte Zopf; китайщина, правда, начинаетъ колебаться, но женщина пока только терпима въ аудиторіи. Меня, впрочемъ, удивило, что одна изъ референтокъ-нѣмокъ какъ будто жаловалась, что нѣмецкіе университеты гостепріимнѣе къ иностранкамъ, чѣмъ къ своимъ.

Если несчастіе другого вообще можетъ служить утѣшеніемъ, то нѣмецкая женщина можетъ найти утѣшеніе въ Португаліи. Тамъ не только высшее, но и элементарное образованіе въ ужасномъ состояніи, даже въ среднихъ и зажиточныхъ кругахъ населенія. Делегатка изъ Опорто разсказываетъ, что барыни, заказывающія себѣ парижскіе туалеты, не имѣютъ представленія, гдѣ Парижъ? А на вопросъ, когда родился Христосъ, пришлось услышать: въ началѣ этого столѣтія.

Сегодня утромъ часть членовъ конгресса отправилась подъ предводительствомъ г-жи Моргенштернъ осматривать въ Лютерфельдѣ училище для садовницъ, тогда какъ другая, какъ видно, болѣе многочисленная, предпочла присутствовать въ засѣданіи секціи „реформы платья и нравственности“. Засѣданіе вышло однимъ изъ самыхъ оживленныхъ, какъ по темѣ рефератовъ, такъ и потому еще, что въ секціяхъ допускаются дебаты, тогда какъ въ общихъ засѣданіяхъ только читаютъ доклады.

Конечно, не вопросъ объ упраздненіи корсетовъ, которому посвященъ былъ первый часъ засѣданія, придалъ интересъ собранію, а несравненно болѣе серьезная тема о публичной безнравственности и борьбѣ съ нею. Есть вещи, которыя въ обществѣ до сихъ поръ не рѣшаются называть настоящими именами, и предразсудки въ этомъ отношеніи такъ прочно укрѣпились, что нужно быть особенно благодарнымъ тѣмъ смѣлымъ женщинамъ, которыя рѣшились въ собраніи снять покровъ съ отвратительнаго явленія, принадлежащаго къ позорнѣйшимъ пятнамъ цивилизованнаго общества. „Мыслящая женщина,—сказала г-жа Биберъ-Бемъ въ своемъ докладѣ,—только съ ужасомъ думаетъ о томъ морѣ грязи и разврата, въ которое попадаютъ ея сыновья въ юношескомъ возрастѣ. Она не можетъ бросить камнемъ въ продажную женщину, потому что

это ея несчастная сестра, жертва общественнаго порядка; многія дѣвушки вынуждены продавать себя ради куска хлѣба, и въ головахъ крѣпко сидитъ предразсудокъ, будто существуетъ двойная мораль: одна для мужчинъ и другая для женщинъ. Въ нынѣшнемъ обществѣ фактически существуетъ полигамія, самая безсовѣстная, какую когда-либо знало человѣчество, и мы,—восклицаетъ референтка,—продолжаемъ закрывать глаза, говоримъ о чистотѣ брака, когда 99% мужей вступаютъ въ него безъ уваженія къ женской чистотѣ, на половину и даже на двѣ трети съ пороками, составляющими потомъ проклятіе для потомства".

Суровая и безпощадная въ своемъ діагнозѣ г-жа Биберъ становится однако идеалисткой, когда ей приходится отвѣтить: какъ бороться со зломъ? Она думаетъ, что если мужчины не будутъ пить алкоголя, читать безнравственные романы и посѣщать кафе-шантаны, у нихъ явится мужество остаться чистыми до брака. Матерямъ наша проповѣдница даетъ совѣтъ,—не пускать на порогъ молодыхъ людей, которые посѣщаютъ дурное общество. Противъ послѣдняго предложенія энергично возсталъ другой идеалистъ, извѣстный апостолъ единаго христіанства Эгиди. „Закрывая молодымъ людямъ доступъ въ свои дома,—сказалъ онъ,—вы тѣмъ самымъ толкаете ихъ въ дурное общество и лишаете облагораживающаго вліянія честной и хорошей женщины".

Еще рѣшительнѣе противъ тезисовъ г-жи Биберъ возстали другія женщины. Корреферентка, г-жа Кауэръ, видитъ въ публичной безнравственности продуктъ экономическихъ условій и ждетъ поэтому лучшаго будущаго отъ поднятія женскихъ заработковъ. „Я не принадлежу къ соціалъ-демократкамъ,—замѣтила она, — но мы должны быть благодарны женщинамъ этой партіи за то, что онѣ раскрыли предъ нами ужасающую нужду женщины-работницы". Изъ личныхъ наблюденій г-жа Кауэръ знаетъ положеніе берлинскихъ приказчицъ, которыхъ ей удалось организовать въ ферейнъ, насчитывающій уже 9,000 членовъ. „Увѣряю васъ, — говоритъ она,—что дѣвушка не можетъ жить въ Берлинѣ на 30 марокъ въ мѣсяцъ, что нужда толкаетъ ее на улицу. Фарисеевъ, отворачивающихся отъ падшей, я спрошу: приходилось ли вамъ голодать, были ли у васъ ночи, когда вамъ негдѣ было приклонить голову?" (*Бурные аплодисменты*). Въ заключеніе г-жа Кауэръ требуетъ еще облегченія развода и замѣчаетъ, что если рабочую партію обвиняютъ въ проповѣди „свободной любви", то недобросовѣстно подразумѣвать подъ этимъ свободу безнравствен-

ности. „Смыслъ прекраснаго реферата Кауэръ,—замѣтила потомъ Шлезингеръ,—можно резюмировать въ словахъ: пока будетъ существовать эксплоатація работницы и пока мужчины средняго круга, въ силу экономическихъ условій, вынуждены жить внѣ брака до 30 и даже до 40 лѣтъ, до тѣхъ поръ будетъ существовать и публичная безнравственность". Референтка г-жа Биберъ закончила докладъ словами: каждая честная женщина должна поднять голосъ въ защиту нѣмыхъ и покинутыхъ.

XXXVIII.

Берлинъ, 12-го сентября 1896 г.

Зала берлинской Думы все еще переполнена женщинами и дѣвушками, хотя сегодня уже 5-й день конгресса. Одна референтка слѣдуетъ за другою, смѣсь языковъ и на каѳедрѣ и въ аудиторіи, но, несмотря на утомительное обиліе темъ, въ залѣ такое вниманіе и такая тишина, какія рѣдко встрѣчаются въ мужскихъ собраніяхъ. Кое-гдѣ слышатся жалобы на то, что черезчуръ много словъ. Тутъ есть доля правды, нельзя исчерпать въ одну недѣлю всего содержанія женскаго вопроса, и потому многое носитъ поверхностный характеръ. Устроителямъ конгресса, однако, важнѣе всего было разбудить общество, и этого они достигли: въ Берлинѣ не перестаютъ говорить о женскомъ движеніи, оно одинаково интересуетъ салоны, мужскіе клубы и народныя пивныя.

На очереди тема о положеніи женщины-работницы въ промышленности и торговлѣ. Заранѣе можно было сказать, что тутъ мнѣнія столкнутся рѣзче, чѣмъ въ области воспитанія, образованія или чисто нравственныхъ вопросовъ, гдѣ всѣ женщины сознаютъ свою солидарность. О положеніи работницы женщина зажиточнаго круга не всегда имѣетъ ясное представленіе, и очень часто ея мнѣнія являются только отголоскомъ партійныхъ или эгоистическихъ взглядовъ той мужской среды, въ которой она живетъ. Съ другой стороны, руководительницы работницъ, женщины, играющія видную роль въ рабочемъ движеніи Германіи, привыкли переносить точку зрѣнія своей партіи на всѣ общественныя явленія, и женское движеніе для нихъ въ принципѣ только движеніе зажиточныхъ дамъ. Я умышленно говорю: въ принципѣ, потому что и радикальныя нѣмецкія женщины, среди которыхъ есть такія выдающіяся по знаніямъ и талантамъ, какъ Клара Цеткинъ и Лили Гичицкая-Браунъ, еще не настолько отрѣшились отъ женскихъ особен-

постей, чтобы не симпатизировать своимъ подругамъ изъ другихъ классовъ и не чувствовать себя стѣсненными партійной дисциплиной.

Австрійки въ этомъ отношеніи проще и, не мудрствуя лукаво, одну руку протягиваютъ работницѣ, а другую—связанной по рукамъ и ногамъ женщинѣ средняго круга. Правда, политическія условія въ Австріи иныя, тамъ и соціалъ-демократія не разрываетъ связи съ элементами гражданской демократіи, борясь вмѣстѣ съ нею за избирательное право, свободу совѣсти, независимость школы и печати. Къ тому же, какъ замѣтила Шлезингеръ, „у насъ въ Австріи на той и другой сторонѣ много индивидуальности, а это создаетъ взаимное пониманіе и уваженіе“, Шлезингеръ-Эпштейнъ сама принадлежитъ къ соціалъ-демократіи, что, однако, не помѣшало ей принять живое участіе въ засѣданіяхъ конгресса рядомъ съ буржуазками. Въ превосходномъ рефератѣ о положеніи вѣнскихъ работницъ она не пощадила современнаго порядка и не скрыла ни одного пятна капитализма, и тѣмъ не менѣе присутствующіе отнеслись съ искренней благодарностью къ женщинѣ, такъ честно и тепло выступающей въ защиту своихъ сестеръ.

На столбцахъ *Русскихъ Вѣдомостей* въ свое время приведены были выдержки изъ изслѣдованія о заработкахъ и образѣ жизни вѣнскихъ работницъ, и читателю поэтому будетъ понятно, какое глубокое впечатлѣніе данныя комиссіи должны были произвести въ живомъ и талантливомъ изложеніи женщины, которая сама все видѣла собственными глазами. Для насъ, членовъ комиссіи,—замѣтила референтка,—показанія работницъ были тѣмъ правдоподобнѣе, что рѣдкая изъ нихъ вообще отдавала себѣ отчетъ, хорошо или дурно съ нею поступаютъ, и есть ли вообще выходъ изъ ея ужасной доли. Если имъ приходилось говорить о своей жизни, пищѣ, жилищѣ, онѣ скорѣе смягчали, чѣмъ преувеличивали; имъ стыдно было, напримѣръ, подтвердить, что онѣ цѣлый день питаются только хлѣбомъ и жидкимъ кофе. Нечего и говорить, что ни одна не сознавалась, что голодъ ее толкаетъ вечеромъ на улицу. „А сколько вы сами зарабатываете въ недѣлю?“—3—4 гульдена.—Можно ли на такія деньги жить?—Какъ-нибудь перебиваемся. „Голодъ и колотушки въ дѣтствѣ, молодость за швейной машиной или на фабрикѣ, ранняя старость, жизнь безъ радостей, безъ перемѣнъ, безъ развлеченій,—вотъ она,—восклицаетъ референтка,—судьба нашей вѣнской работницы. Въ большинствѣ промысловъ есть продолжительный мертвый сезонъ. Хо-

рошо еще тѣмъ, у кого родные въ деревнѣ или какая-нибудь семейная опора: большинство этого не имѣетъ. А старость? Рѣдкая женщина-работница остается на фабрикѣ, когда она старше 35 лѣтъ, „и въ томъ возрастѣ, когда мы, зажиточныя женщины, еще расцвѣтаемъ, работница увяла навсегда, она уже старуха, и счастье ея, если она имѣетъ еще свой уголъ. Десятки тысячъ его не имѣютъ, ихъ старость—старость нищенки и богадѣлки".

Повторяю, эта картина произвела глубокое впечатлѣніе на многихъ дамъ, можетъ быть, въ первый разъ узнавшихъ, что есть *такая* нужда. А если онѣ и слыхали о ней, то, вѣроятно, имъ не объясняли раньше, что съ нуждою борются, что ей помогаютъ не милостыней, а страхованіемъ рабочихъ, учрежденіемъ женской инспекціи, расширеніемъ рабочаго законодательства. Что и этими всѣми мѣрами мы еще не уничтожимъ источника бѣдности и эксплоатаціи, знаетъ и Шлезингеръ, и англичанка Miss Florence Routledge, прочитавшая прекрасный докладъ о женскихъ рабочихъ союзахъ въ Англіи, делегаткой отъ которыхъ она явилась на конгрессъ, и итальянка dottoressa Montesiori изъ Рима. Всѣ эти радикальныя женщины не видятъ въ женщинахъ интеллигенціи своихъ враговъ и готовы идти съ ними рука объ руку.

Иначе разсуждала Лили Гичицкая-Браунъ, которая взяла на себя докладъ о работницахъ въ Германіи. Эта безспорно выдающаяся и искренняя женщина только недавно перешла въ лагерь соціалъ-демократіи; раньше ее знали въ Берлинѣ, какъ усердную проповѣдницу этической культуры. Съ жаромъ неофитки она обрушилась на Frauenrechtlerinnen, съ которыми у нея до сихъ поръ были тѣснѣйшія связи. Конечно, она признаетъ, что среди Frauenrechtlerinnen есть добрыя и честныя женщины, но ей ихъ жалко: сизифова работа, которую онѣ на себя взяли, неисполнима, и кто хочетъ разрѣшить женскій вопросъ, не разрѣшивъ соціальнаго вопроса, тотъ обманываетъ себя или другихъ. „Мнѣ не приходитъ въ голову, —продолжаетъ Гичицкая,—въ 15—20 минутъ очертить положеніе работницъ въ Германіи. Я пришла сюда только для того, чтобы пригласить членовъ конгресса на собраніе *нашей* партіи, величайшей партіи въ Германіи, всегда какъ одинъ человѣкъ выступавшей за права женщины. Тамъ вы увидите и другихъ женщинъ, тѣхъ, которыя борятся не за докторскую степень, а за кусокъ хлѣба".

Раздались бурныя рукоплесканія и не менѣе сильныя шиканія. Я однако прерву свой отчетъ. Перейдемъ, въ самомъ дѣлѣ,

въ другую часть города, на народное собраніе въ Фридрихсгайнѣ. Здѣсь болѣе 12,000 человѣкъ; говоритъ Клара Цеткинъ. „Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ женщины буржуазіи собираются на съѣзды, онѣ обратились къ намъ съ приглашеніемъ прійти въ ихъ среду. Если мы не приняли приглашенія, то не потому, чтобы ихъ стремленія не находили отклика въ нашихъ сердцахъ, а оттого, что мы идемъ дальше и ставимъ борьбу за освобожденіе всего человѣчества выше борьбы за освобожденіе одного пола. Какъ ни симпатична намъ индивидуально всякая женщина, стремящаяся стать человѣкомъ, но мы не можемъ не сознавать, что внутренній смыслъ женскаго движенія, какъ его понимаетъ большинство конгресса, это—требованіе свободы конкуренціи, а оно въ нашихъ глазахъ утопическое требованіе, которое не выведетъ женщины на истинный путь. Вы имѣете въ виду противоположность интересовъ пола, мы—интересовъ различныхъ классовъ общества; какъ ни сильно у насъ сознаніе рабства женщины, но сильнѣе еще у насъ, женщинъ пролетаріата, сознаніе рабства трудящихся, оно выше чисто женской солидарности. На конгрессѣ брошена была фраза о партійномъ фанатизмѣ и сословной ненависти. Какъ мало, однако, тѣ, которыя такъ говорятъ, понимаютъ внутреннія причины собственныхъ стремленій. Еслибъ онѣ глубже вникли въ экономическую подкладку соціальныхъ явленій, онѣ бы увидѣли, что упрекъ въ партійномъ фанатизмѣ, брошенный намъ, имѣетъ такъ же мало смысла, какъ утвержденіе ихъ собственныхъ противниковъ, будто женское движеніе—продуктъ экзальтированныхъ старыхъ дѣвъ. Чтобы понять, какъ мало значатъ въ историческомъ процессѣ самыя сильныя индивидуальности, оглянитесь назадъ, вспомните эпоху Возрожденія. Титаническія натуры, призывавшія на бой небо и землю, бросавшія за бортъ все, что тогда было правомъ и обычаемъ, какъ грибы выползали изъ земли; и среди нихъ были замѣчательныя женщины, читавшія въ университетахъ, возводившія и смѣщавшія папъ, соединявшія въ своихъ нѣжныхъ рукахъ всѣ нити европейской политики. Отчего имъ не удалось и даже не приходило въ голову освободить женщину? Потому что не произошло еще тогда переворота въ процессѣ производства, уничтожающаго экономическій базисъ семьи, толкающаго милліоны женщинъ на рынокъ, на фабрики и въ мастерскія, а сотни тысячъ другихъ въ общество образованной голытьбы, въ сферу такъ-называемыхъ вольныхъ профессій. И потому, что въ этихъ профессіяхъ въ Германіи уже господ-

ствуетъ сильная конкуренція, нѣмецкій интеллигентъ и бюргеръ—врагъ эмансипаціи женщинъ".

XXXIX.

Берлинъ, 14-го сентября 1896 г.

Опять о женщинахъ? Да, потому что ихъ конгрессъ не только по мнѣнію его участницъ, но и всего берлинскаго общества составляетъ самое выдающееся событіе истекшей недѣли. Прислушайтесь въ кафе, о чемъ говорятъ за сосѣдними столиками, посмотрите въ конкѣ, что̀ внимательно читаютъ, и вы въ этомъ убѣдитесь. Вездѣ и во всѣхъ классахъ населенія дебатируютъ вопросы, поднятые на конгрессѣ. Уже одно то, что Дума предоставила Съѣзду свою роскошную залу, знаменательный фактъ. Правда, бюргеру подъ конецъ становится немножко жутко, и „тетка Фоссъ" уже оговаривается, что она симпатизируетъ только стремленіямъ расширить образованіе и кругъ заработковъ интеллигентной одинокой женщины, но отнюдь не движенію, которое имѣетъ цѣлью уравнять во всемъ оба пола. Тѣмъ не менѣе, къ концу съѣзда въ засѣданіяхъ все больше появляется мужчинъ, и отъ закоренѣлыхъ скептиковъ не слышно больше обычныхъ шуточекъ.

Изъ предыдущаго письма вы могли замѣтить, что несмотря на личныя симпатіи, соединяющія лучшіе элементы зажиточныхъ женщинъ съ стремленіями представительницъ работницъ, въ дебаты, все-таки, проникъ рѣзкій полемическій тонъ. Руководительницы первой группы не приняли предложенія Лили Браунъ—пойти на рабочее собраніе. Одна изъ нихъ сочла нужнымъ мотивировать свой поступокъ. Мы не приняли вашего предложенія,—заявляетъ она,—не потому, чтобы мы видѣли въ васъ враговъ: по нашему искреннему убѣжденію, у насъ еще широкое поле для совмѣстной работы; оттого мы васъ и пригласили на свой конгрессъ.

„Нѣтъ,—продолжаетъ ораторъ (г-жа Шверинъ),—мы не враги, и, чтобы доказать это, я хочу отмѣтить, въ чемъ мы сходимся. Подобно вамъ, мы стремимся какъ можно больше расширить народное образованіе и придать народной школѣ характеръ школы для всѣхъ сословій. Мы хотимъ, далѣе, чтобы женщина-работница нашла самую широкую защиту въ фабричномъ законодательствѣ, чтобы для огражденія ея правъ введенъ былъ институтъ фабричныхъ инспектрисъ. Что еще важнѣе и въ чемъ мы безусловно можемъ сойтись,—это въ требованіи дать работницамъ организацію. Мы за

женскіе рабочіе союзы, отдѣльно или вмѣстѣ съ мужчинами, союзы для борьбы за лучшіе заработки и поднятіе всего рабочаго класса. Въ насъ вы найдете людей, честно стремящихся понять положеніе работницы и поднять его".

Цеткина и Браунъ, при всей преданности идеямъ своей партіи, въ этихъ дебатахъ были уступчивѣе и мягче. Уже то, что онѣ опять пришли въ Думу, показываетъ, что между ними и „буржуазками" не всѣ мосты сломаны. Мы не отрицаемъ,—говорили онѣ,—что у васъ честныя намѣренія, соглашаемся также, что нынѣшній конгрессъ, какъ культурный фактъ, большой шагъ впередъ, но рано или поздно вы должны будете прійти къ намъ, потому что борьба пола противъ пола при нынѣшнихъ условіяхъ — утопія. Только въ союзѣ съ рабочими можно добиться улучшенія общественнаго порядка.—Вы смотрите въ далекое будущее,—отвѣтила имъ Анита Аугспургъ,—мы же думаемъ только о завтрашнемъ днѣ. При вашихъ экономическихъ и историческихъ знаніяхъ,—обращается она къ представительницамъ работницъ,—и съ характеризующей васъ честностью, вы должны будете согласиться, что массы теперь еще не готовы для осуществленія вашихъ идеальныхъ цѣлей. „Вы ошибаетесь,—возразила Цеткина,—если представляете себѣ, что мы стремимся къ насильственному перевороту. Что же касается просвѣщенія массъ, то мы съ вами вертимся въ заколдованномъ кругѣ: массы не могутъ быть перевоспитаны, пока остальныя условія остаются такими, какими они являются теперь".

Я не хотѣлъ бы, чтобы у читателя осталось впечатлѣніе, будто на конгрессѣ въ Берлинѣ женщины выступали только съ красивыми фразами. Нѣтъ, если многія изъ нихъ поражали мужчинъ умѣніемъ красиво и эффектно выражать свои мысли, то тѣ же женщины приводили, насколько это возможно въ 15-минутномъ рефератѣ, очень почтенный запасъ фактовъ и цифръ. Чтобы дать вамъ нѣкоторое представленіе и объ этой сторонѣ докладовъ, я процитирую нѣсколько цифръ изъ сообщенія миссъ Frances Graham о положеніи женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ. По переписи 1890 года, изъ 30,554,370 душъ женскаго населенія Штатовъ, 3,914,711 были самодѣятельны, т. е. самостоятельно зарабатывали себѣ средства къ существованію. Изъ этого числа въ 1880 году насчитывалось 177,255 женщинъ на службѣ государства и общины, въ 1890 же году—312,682, т. е. за 10 лѣтъ произошло увеличеніе на 75%. Женщинъ-врачей въ Америкѣ во время переписи

оказалось 4,555, адвокатовъ—208, профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній—75, журналистовъ — 880. Не менѣе 22,000 дѣвушекъ слушали лекціи въ университетахъ. Народное образованіе, какъ извѣстно, все въ рукахъ женщинъ, и учительницы составляютъ армію въ 260 тыс. человѣкъ. Въ среднемъ народная учительница зарабатываетъ только 37 долл. 56 цен. въ мѣсяцъ, но очень многія получаютъ 1,200 долл. и болѣе въ годъ. Средній заработокъ женщинъ на государственной службѣ около 900 долл. въ годъ.

Однако, я не стану утомлять васъ цифрами: пора кончить. Когда вы прочтете эти строки, зала Думы опустѣетъ, и участницы конгресса разъѣдутся. Въ Берлинѣ еще, однако, долго будутъ вспоминать о невиданномъ зрѣлищѣ. Новыя идеи сильно волнуютъ головы, и хотя трудно ждать сейчасъ же непосредственныхъ результатовъ отъ этого съѣзда, но онъ не былъ только бурей въ стаканѣ воды.

XL.

Берлинъ, 10-го ноября 1896 г.

Въ дореформенной Пруссіи 30-хъ и 40-хъ годовъ, однимъ изъ признаковъ назрѣвшаго недовольства старымъ режимомъ были вспышки негодованія противъ отдѣльныхъ представителей администраціи. Часто поступокъ какого-нибудь мелкаго полицейскаго вызывалъ народное волненіе. Стоустая молва раздувала его въ событіе дня, обобщала въ систему правительства. Требованіе возмездія виновнымъ превращалось въ обвинительный актъ противъ всего государственнаго строя.

Условія общественной жизни Германіи за полвѣка существенно измѣнились, но народная психологія остается себѣ вѣрной. Сотни превосходныхъ разсужденій о деморализаціи правовъ солдатчиной не произвели бы на народъ такого впечатлѣнія, какъ убійство механика Зинимана въ Карлсруэ лейтенантомъ Брюзевицомъ. Разница противъ прошлаго однако въ томъ, что тогда газетамъ запретили бы передавать подробности возмутительнаго поступка и высказывать мнѣніе общества, тогда какъ теперь народная совѣсть находитъ себѣ выраженіе въ дебатахъ парламента. Не шопотомъ, но громко и при свѣтѣ дня подымаются обвиненія противъ системы, безобразія которой сгустились въ конкретномъ образѣ. Съ инстинктомъ хищника, чувствующаго, что добыча уходитъ изъ рукъ, органъ прусскаго юнкерства подымаетъ вопль объ упадкѣ уваженія

къ арміи, защитницѣ отечества, которой мы обязаны великими пріобрѣтеніями и подымающими духъ воспоминаніями. „Современные утописты, въ слѣпой ненависти къ аристократіи, подкапываются подъ основы величія Германіи“. Немножко курьезно, что къ утопистамъ причислена и „Kölnische Zeitung“, которая даже Бебелю не могла отказать въ признаніи справедливости его обвиненій. Тѣмъ не менѣе, инстинктъ, все-таки, не обманулъ юнкерство. Результатъ двухдневныхъ дебатовъ о дуэляхъ, офицерскихъ нравахъ и злоупотребленіи шпагой сводится къ двумъ словамъ: противъ милитаризма.

Пока правящіе классы были опьянены побѣдами и проникнуты любовью къ своей арміи, единственной формой критики офицерскихъ нравовъ оставалась добродушная карикатура „Fliegende Blätter“. Нужно быть такимъ наивнымъ человѣкомъ, какъ нынѣшній военный министръ, чтобы теперь еще упрекать общество за эту безобидную сатиру. Какъ будто карандашъ и остроты подкопали уваженіе къ арміи! Нѣтъ, почва подъ нею стала шататься, когда изъ-за расходовъ на армію стали страдать культурные интересы, когда изъ-за стѣнъ казармъ фигура лейтенанта обрисовывалась въ своемъ истинномъ видѣ, не такъ, какъ она выступаетъ на балахъ и парадахъ, а въ качествѣ мучителя солдатъ и опаснаго забіяки на улицѣ. Негодованіе населенія, теперь обрушивающееся на убійцу въ Карлсруэ, начинаетъ охватывать весь кругъ явленій милитаризма, касаться всего военнаго строя. Народъ перестаетъ понимать военнаго министра, имѣющаго смѣлость сказать въ рейхстагѣ, что офицерская честь, честь мундира, требуетъ убійства человѣка, сказавшаго грубое слово въ трактирѣ.

„Мы съ г. министромъ расходимся въ самомъ основномъ пунктѣ, — сказалъ вчера въ рейхстагѣ депутатъ Ленцманъ: — онъ (министръ) не перестаетъ подчеркивать, что офицеръ обязанъ защищать свою офицерскую, сословную честь, тогда какъ я, и вмѣстѣ со мною милліоны нѣмцевъ, утверждаемъ, что сословной чести не существуетъ. Честь — абсолютное понятіе, не допускающее степеней и ранговъ. Я не думаю унижать офицерство и не ставлю его ниже другихъ классовъ. Но какое право офицеръ имѣетъ на привилегію своего сословія! Если ставить умственное развитіе, нравственныя качества или производительный трудъ критеріями, дающими цѣлой группѣ гражданъ право считать себя выше другихъ, то у насъ есть много другихъ занятій, отличающихся этими качествами въ большей степени, чѣмъ занятіе военнаго. Во всякомъ

случаѣ, вы согласитесь со мною, что честь профессора, рабочаго и купца стоятъ не ниже чести офицера *(шумное одобреніе)*.

„Къ сожалѣнію, бюргерство само очень много содѣйствовало укрѣпленію предразсудка, будто офицерство — первое сословіе въ Германіи. Есть очень много купцовъ, учителей, чиновниковъ, состоящихъ лейтенантами запаса. Въ обыденной жизни они промышляютъ, торгуютъ, судятъ, обучаютъ, но когда вы наступите имъ случайно на мозоль, то вы услышите, что оскорбили „офицера“. Многіе именуются такъ и на визитныхъ карточкахъ, представляются съ этимъ титуломъ новымъ знакомымъ, часто даже скрываютъ за „лейтенантами запаса“ свое истинное званіе, какъ бы стыдясь, что они должны заниматься ремесломъ учителя или купца. Къ счастью, есть еще немало умныхъ и тактичныхъ бюргеровъ, протестующихъ противъ такихъ нелѣпостей. Къ одному заводчику на Рейнѣ однажды явился молодой купецъ изъ Берлина, послав предварительно съ лакеемъ свою визитную карточку: „N. N., лейтенантъ запаса“. Купецъ явился по дѣлу. „Молодой человѣкъ— сказалъ ему заводчикъ, — весьма сожалѣю, но не могу открыть вамъ кредита, хотя я много лѣтъ работалъ съ вашимъ батюшкой. Отецъ вашъ былъ достойный купецъ, и я въ дѣлахъ предпочитаю имѣть сношенія съ купцами, чѣмъ съ лейтенантами“. Мнѣ извѣстенъ другой случай въ Берлинѣ: молодой банкиръ женится на дочери врача и присылаетъ своей невѣстѣ печатное приглашеніе на свадьбу, въ которомъ онъ „просто“ именуетъ себя „лейтенантомъ запаса“. Другъ мой,—говоритъ ему отецъ невѣсты,—ты будешь смѣшонъ въ глазахъ моихъ знакомыхъ, они спросятъ: чѣмъ же онъ станетъ кормить свою семью? Этотъ доводъ оказался неубѣдительнымъ, тогда тесть сказалъ: хорошо, но въ такомъ случаѣ я прошу помѣстить и мой титулъ: д-ръ N, предсѣдатель 16-го избирательнаго комитета свободомыслящей народной партіи... Лейтенантъ запаса смирился, испугавшись, чтобы другіе лейтенанты не узнали, на дочери какого опаснаго человѣка онъ женится (*смѣхъ*)“.

Самое сильное впечатлѣніе произвела та часть рѣчи Ленцмана, которая посвящена была возстановленію чести убитаго механика Зиннмана. Военный министръ, какъ соглашаются даже консерваторы, сдѣлалъ непростительный промахъ, попытавшись набросить тѣнь на личность рабочаго, ставшаго жертвой пьянаго офицера. Что еще усилило дурное впечатлѣніе отъ рѣчи генерала Госслера, это то, что генералъ даже не потрудился собрать точныя справки

о предыдущей жизни молодого механика, тогда какъ депутатъ свободомыслящей партіи выступилъ въ защиту убитаго съ неопровержимыми документами. Онъ представилъ свидѣтельство патроннаго завода въ Карлсруэ, аттестующее Зиммана какъ чрезвычайно искуснаго и трудолюбиваго работника, добросовѣстнаго до педантичности. Депутатъ послѣ рѣчи военнаго министра обратился по телеграфу съ запросомъ въ Эссенъ къ мѣстнымъ властямъ: правда ли, что убитый отличался буйнымъ нравомъ?—и получилъ отъ бургомистра отвѣтъ, что всѣ, знавшіе Зиммана, „съ негодованіемъ протестуютъ противъ подобной инсинуаціи“. Депутатъ потрудился, наконецъ, добыть свидѣтельство, выданное механику по отбытіи имъ воинской повинности, въ которомъ сказано, что „ефрейторъ Зиммаиъ все время волъ себя безукоризненно, никогда не подвергался какому-либо наказанію или замѣчанію“. Это былъ самый рѣшительный аргументъ и въ глазахъ консерваторовъ. Si tacuisses думалъ каждый изъ нихъ въ душѣ о военномъ министрѣ, вставшемъ послѣ рѣчи Ленцмана, чтобы заявить, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорблять память убитаго. У него „не было актовъ, которыми, очевидно, располагаетъ депутатъ“. Но кто же мѣшалъ заранѣе собрать свѣдѣнія? Отчего вы, министръ,—отвѣтилъ депутатъ генералу Госслеру,—не сдѣлали того, что легко было сдѣлать мнѣ, частному лицу? Глубокое волненіе охватило всю залу, когда Ленцманъ закончилъ характеристику личности убитаго словами: „защитить его память отъ оскорбленій было долгомъ народнаго представительства“.

Конечно, дѣло Брюзевица не продуктъ злой воли отдѣльныхъ лицъ, а плодъ дурныхъ учрежденій, и никогда поступокъ нетрезваго офицера не вызвалъ бы такой бури въ обществѣ, если бы еще раньше отношенія арміи и гражданскаго общества не стали невозможными, и если бы въ населеніи годами не накоплялось раздраженіе противъ господства милитаризма.

Министръ юстиціи пробуетъ прійти на помощь своему коллегѣ въ генеральскомъ мундирѣ.- Нельзя, —говоритъ онъ,—возлагать всю отвѣтственность на военные порядки. Никакими законами и наказаніями вы, напримѣръ, не искоренитe дуэлей, пока ростъ культуры и распространеніе христіанскихъ чувствъ не произведутъ измѣненій въ нравахъ. Министръ юстиціи встрѣчаетъ, однако, отпоръ съ той стороны, съ которой онъ его въ эту минуту, вѣроятно, меньше всего ожидалъ. Консерваторъ, графъ Мирбахъ заявляетъ, что онъ добрый христіанинъ, но „есть случаи, въ кото-

рыхъ онъ не можетъ слѣдовать постановленіямъ религіи“: если его оскорбятъ въ его фамильной чести, онъ будетъ драться... Онъ „готовъ лишиться имущества и подвергнуться изгнанію изъ отечества“, но не жертвуетъ правомъ защищать свою честь. Друзья Мирбаха отъ всей души ему сочувствуютъ, но молчатъ.

Пренія рейхстага закончились не безъ видимаго результата. Военный министръ долженъ былъ согласиться съ необходимостью реформы военныхъ судовъ, канцлеръ обѣщалъ принять мѣры къ уменьшенію дуэлей. Это однако не удовлетворяетъ общественное мнѣніе. Въ частныхъ кружкахъ, въ семьѣ не перестаютъ горячо обсуждать злоупотребленія милитаризма. Общество въ этомъ случаѣ такъ нервно, что готово вѣрить самымъ нелѣпымъ слухамъ. Такъ, напримѣръ, всѣ газеты обошло сообщеніе „Berliner Tageblatt“, будто императоръ на-дняхъ созвалъ офицеровъ и напомнилъ имъ, въ виду случая съ Брюзевицомъ, что офицеръ въ правѣ выпить лишнюю бутылку вина только въ офицерскомъ клубѣ, гдѣ онъ среди товарищей, но не въ ресторанахъ и другихъ мѣстахъ, въ которыхъ собираются штатскіе. „Если, однако, оскорблена будетъ честь вашего мундира,—будто сказалъ Вильгельмъ,—то вы должны помнить, что въ вашемъ лицѣ я самъ оскорбленъ, и вы должны немедленно и основательно пустить въ ходъ свое оружіе“.

Прошлое воскресеніе вообще было днемъ памятниковъ, и не послѣднимъ среди нихъ будетъ тотъ, который нѣмецкій народъ воздвигъ братьямъ Гриммъ въ ихъ родномъ городѣ Ганау, недалеко отъ Франкфурта-на-Майнѣ. Это, какъ справедливо замѣтилъ при торжествѣ открытія одинъ изъ ораторовъ, народный памятникъ въ лучшемъ смыслѣ слова, сооруженный не столько на крупныя пожертвованія меценатовъ, сколько на гроши дѣтей. Въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ нѣмецкихъ семействъ отцы разсказывали мальчикамъ о писателяхъ, которые услаждаютъ ихъ воображеніе своими знаменитыми сказками, и изъ дѣтскихъ сберегательныхъ кружекъ стекались пожертвованія въ комитетъ, взявшій на себя устройство памятника. Прелестную картину представляла въ прошлое воскресеніе процессія дѣтей, одѣтыхъ Красной Шапочкой, Золушкой, Снѣгурочкой, Семью швабами—и въ костюмахъ этихъ героевъ знаменитыхъ сказокъ клавшихъ вѣнки къ подножію памятника, на которомъ Вильгельмъ Гриммъ сидитъ въ креслѣ, погруженный въ чтеніе, а Яковъ, опершись на спинку кресла, слѣдитъ за думами брата. Памятникъ, по отзывамъ художественной критики,

чрезвычайно удачный и дѣлаетъ честь его творцу, мюнхенскому скульптору Эберле. Городъ отвелъ подъ него лучшую свою площадь, предъ ратушей, и все населеніе отпраздновало день открытія памятника, какъ одинъ изъ величайшихъ своихъ праздниковъ. Марбургскій профессоръ Шредеръ днемъ читалъ въ городскомъ театрѣ лекцію о значеніи Гриммовъ въ исторіи нѣмецкаго просвѣщенія, послѣ лекціи поставлены были живыя картины, вечеромъ вся мѣстная интеллигенція и пріѣзжіе представители университетовъ и литературныхъ обществъ изъ Берлина, Франкфурта, Веймара, Гиссена, Марбурга и многихъ другихъ городовъ, сошлись на торжественный банкетъ.

Бургомистръ города Ганау былъ правъ, говоря, что нѣмецкій народъ чтитъ память братьевъ Гриммъ не только потому, что они были знаменитые лингвисты и великіе сказочники, но и потому еще, что они въ тяжелую пору общественной жизни подали примѣръ гражданской доблести. Это намекъ на мужественный поступокъ „семи геттингенцевъ“, къ которымъ принадлежали и братья Гриммы. Въ 1837 году, въ разгаръ меттерниховской реакціи, ганноверскій король разорвалъ конституцію своей страны и провозгласилъ себя свободнымъ отъ данныхъ народу гарантій. Семь геттингенскихъ профессоровъ: Дальманъ, Альбрехтъ, Эвальдъ, Гервинусъ, братья Гриммъ и Вильгельмъ Веберъ отказались принести присягу королю и были изгнаны изъ Ганновера. То были свѣтила и гордость университета, послѣ ухода которыхъ аудиторіи его опустѣли. Вся тогдашняя молодежь и всѣ нѣмцы, дорожившіе свободой и просвѣщеніемъ, благословляли поступокъ честныхъ профессоровъ, и до сихъ поръ всѣ они вмѣстѣ, подъ именемъ „Die Göttinger Sieben“, живутъ въ памяти нѣмецкаго народа.

XLI.

Берлинъ, 16-го декабря 1896 г.

Одинъ за другимъ умираютъ великіе старики берлинскаго университета, составлявшіе его гордость, потому что они далеко по міру распространили славу нѣмецкой науки. Въ послѣдніе годы Берлинъ потерялъ Зибеля, Курціуса, Трейчке, Гельмгольца, теперь за ними послѣдовалъ Эмиль Дюбуа-Реймонъ, знаменитый физіологъ. Въ наукѣ они всѣ несоизмѣримыя величины, и будущаго историка, можетъ быть, удивитъ, что современные нѣмцы могли сравнивать такой универсальный умъ, какъ Гельм-

гольцъ, послѣ Канта и Гете, быть можетъ, наиболѣе полное воплощеніе человѣческаго генія, съ односторонними и пристрастными историками-публицистами, вродѣ Трейчке. Въ университетѣ, однако, есть нѣчто, приводящее къ одному знаменателю,—это вліяніе профессора на молодежь, притягательная сила ученаго, отраженіе его идей въ мысляхъ цѣлаго столѣтія. Съ такой точки зрѣнія только извинительно, если uno spiritu называютъ Гельмгольца и Трейчке, Дюбуа и Зибеля.

Я не думаю касаться значенія Дюбуа-Реймона какъ физіолога, такъ какъ для такой характеристики нужно перо компетентнаго спеціалиста. Скончавшійся вчера ученый, однако, самъ стремился выйти изъ стѣнъ своей лабораторіи и вступить въ тѣсное духовное общеніе съ образованнымъ обществомъ, популяризуя научныя положенія, пытаясь съ высоты пріобрѣтеній своего вѣка отдать отчетъ себѣ и другимъ въ вопросахъ, волнующихъ человѣчество. Около 30 лѣтъ Дюбуа-Реймонъ былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи и своими академическими рѣчами неоднократно обращалъ на себя вниманіе Германіи. Онъ и Моммзенъ умѣли вносить въ свои доклады глубокое содержаніе, благодаря изящной и остроумной формѣ доступное пониманію большинства. Нѣкоторыя рѣчи, какъ, напримѣръ, о границахъ познанія или о Фаустѣ, вызывали сенсацію, о нихъ долго спорили въ печати и обществѣ, но это доказываетъ, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда мысли Дюбуа были далеки отъ абсолютной истины, онѣ затрагивали серьезныя стороны литературы и жизни. Случалось, что надъ какимъ-нибудь парадоксомъ знаменитаго физіолога подшучивали. Особенно много остротъ въ свое время вызвало его утвержденіе, что Гете, въ сущности, могъ бы сочетать Фауста и Гретхенъ законнымъ бракомъ. Чаще, однако, слова Дюбуа вызывали преклоненіе на одной и бурные протесты на другой сторонѣ. Ему, такъ много содѣйствовавшему распространенію въ Германіи идей Дарвина, многіе не прощали непослѣдовательности, выразившейся въ полемикѣ съ Геккелемъ и въ попыткѣ поставить столбъ на пути человѣческаго изслѣдованія, съ надписью: здѣсь прекращается область, доступная уму смертнаго. Но и противники Дюбуа въ такихъ случаяхъ не теряли уваженія къ его огромному таланту, а теперь, надъ его могилой, вся Германія сходится въ одинаковомъ ощущеніи великой потери.

Вы не забыли, вѣроятно, сколько шума въ свое время надѣлало сообщеніе, будто въ разгаръ франко-прусской войны Дюбуа-Рей-

монъ извинялся предъ своими слушателями за свое французское происхожденіе. Самъ онъ, однако, отрицалъ это, и если бы даже слухъ былъ справедливъ, то надо прибавить въ нѣкоторое извиненіе профессора, что онъ родился и воспитывался въ Берлинѣ, и что отецъ его былъ выходецъ не изъ Франціи, а изъ швейцарскаго Нейшателя, въ первой половинѣ нашего вѣка даже считавшагося принадлежностью Пруссіи. Вспоминаю анекдотъ, переданный, кажется, Карломъ Фохтомъ, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, въ качествѣ протектора, посѣтилъ Нейшатель и на предложенномъ ему банкетѣ похвалилъ поданное къ столу мѣстное вино. Польщенный бургомистръ отвѣтилъ: „Ваше величество, у насъ есть еще лучшее“.—Да?—спросилъ король и поднялся со стула: — такъ и держите его для еще лучшихъ гостей! Нейшательцы должно быть выпили свое лучшее вино, когда въ 1848 году сбросили съ себя непрошенную гегемонію Пруссіи.

Дюбуа-Реймонъ принадлежитъ къ популярнымъ фигурамъ ученыхъ, которыхъ знаетъ каждый берлинецъ, и это не фраза только, когда газеты пишутъ, что праздники омрачены потерей такого согражданина. Въ университетѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ защитниковъ академической свободы и независимости. Когда Швенингеръ былъ назначенъ профессоромъ берлинскаго университета по настоянію Бисмарка и противъ желанія факультета, Дюбуа-Реймонъ велѣлъ служителю, принесшему ему карточку новаго коллеги, сказать ему, что онъ считаетъ его визиты — дерзостью, и проситъ его убраться. Поступокъ Дюбуа вызвалъ восторгъ въ Берлинѣ, и многочисленныя выраженія сочувствія служили доказательствомъ, что общество было на сторонѣ профессора, хотя и въ грубой формѣ, но честно защищавшаго автономію университета. Несмотря на свои 78 лѣтъ, Дюбуа до нынѣшняго семестра продолжалъ читать лекціи и работать въ физіологическомъ институтѣ.

Теперь у берлинскаго университета осталось изъ его „героическаго“ періода еще только два замѣчательныхъ представителя, имена которыхъ извѣстны всякому образованному человѣку,—Рудольфъ Вирховъ и Теодоръ Моммзенъ. Вирховъ, несмотря на свои 75 лѣтъ, бодрѣе и дѣятельнѣе многихъ молодыхъ. Онъ и теперь еще способенъ заниматься 14 час. въ сутки и, вернувшись вечеромъ домой, послѣ занятій въ патологическомъ институтѣ, засѣданія Думы и конференціи въ Обществѣ врачей, сѣсть за свой письменный столъ и работать до 2—3 часовъ ночи. Для Моммзена,

болѣе хрупкаго, годы не прошли безслѣдно: лицо у историка, какъ у древнихъ стариковъ, словно просвѣчивается, длинныя пряди волосъ похожи на бѣлый шелкъ, руки какъ изъ воска. Тѣмъ не менѣе, когда мнѣ случается бывать въ королевской библіотекѣ, я всегда увѣренъ, что за первымъ столомъ слѣва я его увижу, погруженнаго въ чтеніе какого-нибудь стараго фоліанта, отъ поры до времени отрывающагося отъ книги, чтобы записать что-нибудь въ тетрадь. Быстрой походкой онъ подымается по высокой лѣстницѣ на вокзалъ городской желѣзной дороги и по пути къ себѣ въ Шарлоттенбургъ не перестаетъ читать. И подумать, что этому хрупкому старику скоро 80 лѣтъ!

Заговоривъ объ университетахъ, я уже, кстати, прибавлю, что прусское министерство народнаго просвѣщенія проектируетъ измѣненія въ гонорарахъ профессоровъ. На радикальную реформу, какъ австрійская, т. е. на отмѣну платы въ пользу профессора, министерство не рѣшается, но оно придумало компромиссъ. По новому проекту плата за лекціи до 2,000 марокъ въ провинціальныхъ университетахъ и до 4,000 марокъ въ годъ въ Берлинѣ полностью поступаетъ въ пользу профессора; всѣ же суммы, превышающія эти цифры, дѣлятся поровну между профессоромъ и университетомъ и служатъ для образованія фонда, изъ котораго вознаграждаются заслуженные профессора, не имѣющіе большихъ доходовъ отъ слушателей, экстраординарные, мало или даже иногда ничего до сихъ поръ не получающіе отъ университета, и приватъ-доценты. Прусская реформа много хуже австрійской, но она, все-таки, шагъ къ устраненію вопіющаго неравенства въ положеніи университетскихъ преподавателей.

XLII.

Берлинъ, 2-го января 1897 г.

Возобновленіе парламентской сессіи въ началѣ января связано съ всесторонниимъ обсужденіемъ бюджета какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ прусской палатѣ. Сами по себѣ цифры росписи для большинства публики не принадлежатъ къ занимательному чтенію; но и обыкновенный средній гражданинъ научается понимать ихъ значеніе, когда онѣ освѣщаются въ живой рѣчи, иллюстрируются примѣрами изъ практики внутренняго управленія и приводятся въ связь съ задачами общественной жизни. Министръ финансовъ знаетъ, что опытные члены парламента зорко слѣдятъ за каждой статьей его

росписи, и это, безъ сомнѣнія, заставляетъ вдвойнѣ быть осторожнымъ въ распоряженіи средствами плательщиковъ.

Прусскій министръ Микель въ нынѣшній разъ, впрочемъ, можетъ быть доволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему палатою. Если она не пошла на его предложенія относительно назначенія остатковъ бюджета на погашеніе государственныхъ долговъ и не согласилась съ нимъ, что при хорошемъ бюджетѣ надо, все-таки, какъ можно больше сберегать, то самую роспись она нашла превосходной. И дѣйствительно, немного въ современной Европѣ бюджетовъ, основанныхъ на столь твердыхъ и разумныхъ началахъ, какъ прусскій. Не будь рядомъ съ нимъ еще обще-имперскаго бюджета, базисомъ котораго служатъ пошлины и косвенные налоги и назначеніе котораго—содержать армію и флотъ, вы могли бы назвать государственные финансы Пруссіи блестящими. Уже одно то, что главными источниками государственныхъ доходовъ являются подоходный налогъ, налогъ на капиталъ и чистая выручка отъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, не малое достоинство. Изъ 500 милліоновъ такъ называем. Netto-Etat Пруссіи, т. е. „чистаго бюджета“, за вычетомъ переходныхъ и другихъ суммъ, 170 милліоновъ получаются отъ налоговъ на доходъ и капиталъ, и около 250 милліоновъ составляютъ чистый доходъ отъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Косвенные налоги ничтожны и не играютъ роли въ бюджетѣ: кромѣ подоходнаго налога, налога на капиталъ и желѣзныхъ дорогъ, источниками доходовъ служатъ еще государственныя предпріятія, какъ горные промыслы, казенныя имущества, налогъ на биржевыя операціи. Единственное пятно въ этомъ бюджетѣ — лотерея, приносящая, впрочемъ, только 10—12 милліоновъ въ годъ. Въ палатѣ не разъ поднимался вопросъ объ уничтоженіи прусской лотереи, и, вѣроятно, дни ея уже сочтены.

Характеру приходнаго бюджета соотвѣтствуетъ роспись расходовъ. Изъ 434 милліоновъ, назначенныхъ собственно на нужды „государственнаго управленія“, т. е. изъ расходнаго бюджета, за вычетомъ той части, которая носитъ характеръ „издержекъ производства“, львиная доля достается министерству народнаго просвѣщенія и исповѣданій, а именно—$117^1/_2$ милліоновъ. За народнымъ образованіемъ слѣдуютъ расходы на юстицію—77 милліоновъ, затѣмъ только идетъ министерство внутреннихъ дѣлъ съ его административнымъ аппаратомъ, полиціей и т. д., поглощающее 57 милліоновъ. На общественныя работы изъ бюджета ассигновано 27 мил-

ліоновъ, на содѣйствіе сельскому хозяйству 19 милліоновъ, промышленности и торговли 7 милліоновъ. И что еще въ высшей степени отрадно для всякаго образованнаго пруссака, это то, что культурные расходы увеличиваются. Такъ, напр., въ нынѣшнемъ году бюджетъ народнаго просвѣщенія увеличенъ на 8 милліоновъ. изъ которыхъ 146 тысячъ достаются университетамъ, 226 тысячъ гимназіямъ и свыше $7^1/_2$ милліоновъ—элементарному, т. е. народному образованію! Значеніе послѣднихъ цифръ вамъ станетъ еще понятнѣе, если я скажу, что и въ прежнихъ бюджетахъ главную статью народнаго просвѣщенія составляли народныя школы, что отнюдь не ведетъ, впрочемъ, къ пренебреженію интересами средняго и высшаго образованія. Такъ, въ бюджетѣ 1894—95 г. университетамъ удѣлено $8^1/_4$ милл., гимназіямъ и другимъ среднеучебнымъ заведеніямъ столько же, музеямъ и академіямъ 4 милліона, техническимъ высшимъ школамъ 2 милл., народнымъ же школамъ и учительскимъ семинаріямъ—65 милліоновъ. Еще одно надо прибавить: на народныя школы, гимназіи и техническія школы земскія и городскія учрежденія тратятъ не меньше государства.

Благопріятное состояніе финансовъ побудило и Микеля присоединиться наконецъ къ требованію народныхъ учителей объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія. Сегодня палата приняла основную статью законопроекта, опредѣляющую минимумъ жалованья сельскаго учителя въ 900 марокъ и предоставляющую ему право на періодическія прибавки съ годами службы, такъ что для учителя среднихъ лѣтъ, остающагося на своемъ посту, окладъ такимъ образомъ будетъ доведенъ до 1,620 марокъ. Депутатъ Рикертъ и другіе друзья народнаго просвѣщенія еще пытались убѣдить палату и министра назначить сельскому учителю минимумъ въ 1,200 и максимумъ въ 2,200 марокъ, но это Микелю показалось уже слишкомъ большимъ отступленіемъ отъ его принципа бережливости. Министръ ссылался на то, что и въ нынѣшнемъ скромномъ видѣ законопроектъ возлагаетъ на государство обязанность платежа еще $5^1/_2$ милліоновъ въ годъ въ пользу народнаго учителя.

Но не для однихъ школьныхъ учителей Микелю приходится теперь раскошелиться. Благопріятное состояніе прусскихъ финансовъ дало возможность исполнить одну изъ элементарныхъ обязанностей государства—улучшить матеріальное положеніе людей, находящихся на государственной службѣ. За послѣдніе 25 лѣтъ содержаніе среднихъ чиновниковъ почти не измѣнялось, между тѣмъ жизнь, безспорно, стала дороже, культурныя потребности увеличились.

Подъ чиновниками здѣсь, конечно, имѣются въ виду не только служащіе въ администраціи, но и сотни тысячъ людей, находящихся на службѣ почтъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, юстиціи и т. д. Государственная служба не даетъ права на роскошь, но она должна обезпечить человѣка соотвѣтственно его образованію и труду. Едва ли можно утверждать, что начальникъ станціи съ жалованьемъ въ 1,800 марокъ при нынѣшнихъ условіяхъ въ состояніи существовать безбѣдно, или что 2,400 марокъ—справедливое вознагражденіе за трудъ члена окружнаго суда. Въ Германіи, правда, существуетъ издавна прекрасный обычай, что съ годами службы жалованье на одномъ и томъ же мѣстѣ постоянно увеличивается, и притомъ это *право* служащаго, а не милость начальства. Тѣмъ не менѣе, большинство окладовъ далеко еще не соотвѣтствуетъ справедливости. Въ нынѣшній разъ въ прусскомъ бюджетѣ ассигновано на $19^1/_2$ милл. марокъ больше противъ прежнихъ лѣтъ на содержаніе служащихъ. Эти $19^1/_2$ милліоновъ распредѣляются между 74 тысячами лицъ. Не всѣ чиновники попали въ число счастливцевъ, многіе обойдены, но нужно признать, что, по крайней мѣрѣ, самыя необходимыя улучшенія осуществлены. Принципъ, которымъ правительство руководствовалось, также очень симпатиченъ: оно прежде всего имѣло въ виду людей съ небольшими жалованьями. Львиная доля падаетъ на чиновниковъ съ окладами менѣе 6,000. За весьма немногими исключеніями, содержанія свыше 12,000 марокъ (5,500 р.) остались безъ измѣненія. Зато, съ другой стороны, „чернорабочіе“ чиновничьей среды получили довольно порядочную сумму. Точно такъ же поднято положеніе интеллигентныхъ служащихъ среднихъ ранговъ. Содержаніе, напр., 3,797 единоличныхъ судей и членовъ окружныхъ судовъ въ минимумѣ повышено съ 2,400 до 3,000, въ максимумѣ доведено до 6,300 м.

Еще сравнительно недавно театръ былъ почти недосягаемой роскошью для массъ, если не считать театромъ дешевыхъ кафе-шантановъ въ предмѣстьяхъ, гдѣ не могло быть рѣчи о здоровомъ эстетическомъ развлеченіи. Въ короткое время условія измѣнились: народъ въ Берлинѣ теперь дѣйствительно посѣщаетъ театръ, знакомится съ лучшими пьесами классическаго и современнаго репертуара, видитъ выдающихся артистовъ. Это—заслуга „свободныхъ сценъ“, не меньшая, чѣмъ та, которая имъ принадлежитъ въ области улучшенія драматической литературы. Первый свободный театръ, Freie Bühne, еще не задавался цѣлью сдѣлать искусство доступнымъ массамъ, имѣлъ въ виду только литературныя задачи и

интересы начинающихъ писателей, которымъ не давали хода на большихъ сценахъ. Напомню, что на Freie Bühne впервые обнаружился талантъ Гауптмана и упрочилась слава Ибсена въ Германіи. Возникшіе затѣмъ „Новый свободный театръ“ и „Свободный народный театръ“ уже стремились доставить эстетическія развлеченія массамъ по общедоступнымъ цѣнамъ. Въ сущности, ни одна изъ свободныхъ берлинскихъ сценъ не была самостоятельнымъ театральнымъ предпріятіемъ, не имѣла собственнаго помѣщенія и труппы: каждая нанимала по воскресеньямъ и праздникамъ какой-нибудь изъ большихъ театровъ и предоставляла мѣста своимъ членамъ. Антрепренеры скоро убѣдились, что дневные спектакли по дешевымъ цѣнамъ очень выгодное дѣло и стали уже сами устраивать такія послѣобѣденныя представленія. Рутина въ репертуарѣ была устранена, или, по крайней мѣрѣ, въ ней была пробита брешь. Ибсенъ обошелъ всѣ сцены, Гауптманъ сталъ звѣздой литературы, молодые таланты меньшей величины тоже сумѣли проложить себѣ безъ труда дорогу на сцену,—и свободные театры одинъ за другимъ исчезли, исполнивъ свое назначеніе. Въ качествѣ постояннаго народнаго театра возникъ театръ имени Шиллера, дѣла котораго процвѣтаютъ, хотя въ художественномъ отношеніи онъ много ниже своихъ вольныхъ предшественниковъ. Руководители его имѣютъ въ виду вкусы мелкаго мѣщанства и рядомъ съ прекрасными произведеніями Анценгрубера ставятъ пустыя комедіи какого-нибудь Шентана или Мозера. Очень часто, однако, въ Шиллеръ-театрѣ идутъ классическія драмы: Шекспиръ и Шиллеръ, по крайней мѣрѣ, не въ загонѣ; труппа приличная, цѣны очень дешевыя, такъ что и этотъ театръ приноситъ несомнѣнную пользу. Публики бываетъ особенно много на литературно-музыкальныхъ утрахъ и вечерахъ, которыя онъ часто устраиваетъ въ своемъ собственномъ помѣщеніи или въ залѣ Думы. Очень проста и въ то же время удачна идея такихъ литературныхъ вечеровъ: дать публикѣ возможность послушать произведенія одного крупнаго поэта. Если вечеръ, напр., носитъ названіе Heineabend, то сначала въ чтеніи актеровъ проходитъ предъ слушателемъ рядъ стихотвореній поэта, а затѣмъ солисты, иногда хоръ, исполняютъ романсы и пѣсни на слова Гейне. Меньше систематичности въ программѣ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, устраиваемыхъ „Обществомъ народнаго образованія“ (Verein für Volksbildung), но эти вечера разнообразнѣе, на нихъ часто выступаютъ прекрасные исполнители, ихъ много (послѣдній вечеръ уже былъ 114-мъ), и подумайте только—за 30 пфенниговъ (15 копѣекъ)

посѣтитель имѣетъ уже кресло на порядочный, часто даже превосходный концертъ или спектакль. Нельзя не упомянуть еще о концертахъ Филармоническаго Общества подъ управленіемъ проф. Маннштедта, на которыхъ за 25 коп. можно послушать классическую музыку въ исполненіи одного изъ лучшихъ оркестровъ Европы!

Какъ видите, недостатка въ культурныхъ и доступныхъ массамъ зрѣлищахъ въ Берлинѣ нѣтъ, и что отрадно—народъ пользуется предоставленной ему возможностью развлечься и наполняетъ театры и концерты. Я не принадлежу къ тѣмъ, которые искренно или притворно зовутъ насъ поучиться у народа: не учиться, а учить—дѣло образованнаго меньшинства, и чѣмъ оно сознательнѣе и добросовѣстнѣе относится къ этой своей задачѣ, тѣмъ больше счастья будетъ и у него, и у массы. Въ области театра вкусы пролетаріата, однако, чище вкусовъ зажиточнаго класса. Народъ еще не пресытился зрѣлищами и не ищетъ пикантныхъ или пряничныхъ развлеченій, а наивно восхищается Шиллеромъ и Лессингомъ, тогда какъ для „верхнихъ десяти тысячъ“ m-me Сапъ-Женъ интереснѣе Марія Стюартъ.

XLIII.

Берлинъ, 24 марта 1897 г.

Со сцены сходитъ одинъ изъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей Германіи, эпохи Бисмарка, имѣющій на своей сторонѣ то большое преимущество, что его дѣятельность въ полномъ смыслѣ слова культурная, не связанная съ военными трофеями, съ кровью и желѣзомъ. Газеты вчера сообщили, что статсъ-секретарю почтъ или, какъ его все еще называютъ въ народѣ, генеральному почтмейстеру Стефану проф. Бергманомъ вторично произведена операція; на этотъ разъ пришлось ампутировать правую ногу ниже колѣна, и хотя операція „удалась“, но состояніе паціента, много лѣтъ уже страдающаго діабетомъ, внушаетъ серьезныя опасенія.

Мнѣ часто приходилось въ своихъ письмахъ упоминать о достоинствахъ германской почты, а иной разъ касаться также ея недостатковъ. Какъ большинство замѣчательныхъ реформаторовъ, Стефанъ имѣетъ много странностей и слабостей. Въ послѣдніе годы, старѣя и болѣя, онъ очень желчно относился ко всякой критикѣ своего вѣдомства. Сынъ портного, желѣзнымъ трудомъ и выдающимися способностями поднявшійся до высокаго общественнаго ранга, Стефанъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ недостатковъ parvenu.

которые больно видѣть въ человѣкѣ съ такимъ выдающимся умомъ. Въ рейхстагѣ ему приходилось выдерживать аттаки съ различныхъ сторонъ, въ особенности его обвиняли въ томъ, что, относясь очень долго со вниманіемъ къ нуждамъ служащихъ, онъ подъ конецъ больше думалъ о смѣтныхъ остаткахъ и интересахъ фиска, чѣмъ объ участи своихъ подчиненныхъ. Въ такихъ жалобахъ большая доля правды, и при всей своей находчивости, доходящей до того, что онъ экспромптомъ возражалъ иногда противникамъ даже въ стихахъ, Стефанъ рѣдко выходилъ побѣдителемъ изъ парламентскихъ турниров. Но что значатъ эти недостатки въ сравненіи съ огромными заслугами его предъ своей страной, а отчасти и всѣмъ человѣчествомъ. Какъ извѣстно, онъ былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ всемірнаго почтоваго союза; его желѣзной энергіи и разумной инициативѣ надо приписать множество упрощеній и облегченій въ международныхъ почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеніяхъ. Чтобы справедливо оцѣнить дѣятельность Стефана на его родинѣ, нужно вспомнить, что, при его вступленіи въ должность директора прусскихъ почтъ, въ Германіи еще существовало 17 самостоятельныхъ почтовыхъ вѣдомствъ, не считая частнаго монополиста на югѣ Германіи, князя Турнъ-Таксиса. Ни объ единомъ тарифѣ, ни объ открытыхъ письмахъ, ни о пересылкѣ денегъ по почтѣ еще не смѣли мечтать; многое изъ дѣятельности нынѣшнихъ почтовыхъ учрежденій тогда показалось бы утопіей. Кто повѣрилъ бы 25 лѣтъ тому назадъ, что переводъ денегъ по почтѣ при помощи открытой карточки достигаетъ 6-ти милліардовъ марокъ въ годъ, т. е. почти 3-хъ милліардовъ рублей, и что ежегодно около 150 милліоновъ посылокъ будутъ доставляться почтою, при чемъ изъ одного конца Германіи въ другой за пакетъ вѣсомъ до 12 нашихъ фунтовъ плата составитъ 50 пфенниговъ,—23 копѣйки! Да и можно ли перечислить въ бѣгломъ очеркѣ все, что исполняетъ нѣмецкая почта внѣ тѣхъ элементарныхъ услугъ, которыя соотвѣтствуютъ нашей русской дѣйствительности? Нѣмецкая почта принимаетъ на себя исполненіе всѣхъ таможенныхъ обязанностей, ей поручаютъ предъявленіе векселей къ протесту, взысканіе по заемнымъ письмамъ, уплату ренты инвалидамъ и десятки другихъ дѣлъ, о которыхъ наша почта и понятія не имѣетъ. Болѣе 30,000 почтовыхъ конторъ и 20,000 телеграфныхъ станцій разбросаны по всей странѣ, и нѣтъ села, въ которомъ не было бы почтово-телеграфной конторы. Пневматическая почта въ Берлинѣ дѣйствуетъ съ бы-

строкою телеграфа, въ столицѣ и всѣхъ большихъ городахъ разноска писемъ происходитъ каждый часъ; въ самой глухой деревушкѣ, гдѣ-нибудь въ Шварцвальдѣ или на о. Рюгенѣ, сельскій почтальонъ три раза въ день разноситъ почту. Въ городахъ вы узнаете почтовыя зданія по ихъ роскошной, массивной и художественной постройкѣ. — Это—дворцы, расчитанные на тысячелѣтія и въ своемъ стилѣ почти всегда соотвѣтствующіе историческому характеру данной мѣстности. Въ Торнѣ, напримѣръ, почта гармонируетъ съ находящимся по сосѣдству съ нею соборомъ, въ Любекѣ она выстроена въ стилѣ мѣстной великолѣпной ратуши, и несмотря на огромныя затраты на постройки, за которыя его иногда даже обвиняли въ мотовствѣ, Стефанъ изъ года въ годъ давалъ казнѣ все бо́льшіе барыши. Бюджетъ почтъ, телеграфовъ и телефоновъ достигаетъ въ Германіи почти 300 милліоновъ марокъ, чистая прибыль имперіи—около 25 милліоновъ.

XLIV.

Берлинъ, 27-го марта 1897 г.

Предо мною лежитъ только-что вышедшій отчетъ Академіи Гумбольдта за прошлый семестръ, вмѣстѣ съ программой курсовъ, начинающихся въ концѣ этого мѣсяца. Институтъ имени Гумбольдта существуетъ въ Берлинѣ уже 18 лѣтъ, но до самаго послѣдняго времени онъ носилъ преимущественно характеръ литературно-эстетическаго учрежденія для взрослыхъ барышень и молодыхъ купцовъ и не пытался распространять высшее образованіе въ народныхъ массахъ. Движеніе, извѣстное подъ именемъ University Extension, очень благопріятно отозвалось и на дѣятельности Humboldt-Academie. Присоединивъ къ своему старому имени еще названіе „Volkshochschule“, народный университетъ, она употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы привлечь къ своимъ лекціямъ рабочихъ и ремесленниковъ. Содержаніе лекцій становится разнообразнѣе, и программы за послѣдніе семестры заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ „цикловъ“, т. е. курсовъ въ 8—12 лекцій, посвященныхъ очень крупнымъ вопросамъ знанія и общественной жизни. Съ января по конецъ марта 70 курсовъ академіи посѣщались 1,824 слушателями: для Берлина, пожалуй, еще не очень большая цифра, но въ сравненіи съ прошлымъ—шагъ впередъ. Городъ отвелъ для курсовъ помѣщеніе при 3-хъ городскихъ гимназіяхъ, лекціи читаются по вечерамъ, отъ 6 до 9 ч.

Изъ отчета трудно усмотрѣть, сколько слушателей принадлежало къ интеллигентному и сколько къ рабочему классу; только относительно курсовъ, впервые прочитанныхъ въ части города, населенной ремесленниками, приказчиками и фабричными сказано, что изъ 548 слушателей 114—ремесленники и фабричные рабочіе. Академія учредила отдѣленіе въ Потсдамѣ и собирается распространить свою дѣятельность и на другіе небольшіе города въ окрестностяхъ Берлина.

Чтобы дать вамъ представленіе о характерѣ курсовъ, я приведу нѣсколько примѣровъ изъ росписанія лекцій въ настоящемъ семестрѣ. Среди естественно-научныхъ и физико-математическихъ курсовъ мы встрѣчаемъ 2 курса по анатоміи съ демонстраціями, курсъ геологіи, 2 курса по астрономіи, серію въ 12 лекцій, названную „избранныя главы изъ металлургіи“, обстоятельный курсъ ботаники, съ экскурсіями. Немало слушателей, вѣроятно, привлечетъ курсъ объ исторіи и современномъ состояніи полярныхъ экспедицій, начинающійся съ изложенія условій образованія льда и морскихъ теченій у полюса, переходящій затѣмъ къ описанію экспедиціи Франклина и постепенно доводящій слушателей до нашихъ дней, причемъ лекторъ обѣщаетъ подробно познакомить съ экспедиціей Нансена и проектами Андре. Очень много лекцій читается по исторіи, философіи и обществовѣдѣнію. Одной философіи удѣлено пять курсовъ подъ различными названіями, какъ „Міровоззрѣнія въ ихъ историческомъ развитіи“, „Пути къ познанію человѣка“, „Философско-религіозные взгляды въ XIX вѣкѣ“. Не перечисляя другихъ курсовъ, относящихся къ области исторіи, искусства и обществовѣдѣнія, отмѣчу еще только, въ качествѣ интересныхъ темъ, курсы объ исторіи 48-го года и соціальномъ вопросѣ въ поэзіи нашего столѣтія. Сверхъ того, при Академіи Гумбольдта преподаются еще уроки древнихъ и новыхъ языковъ, въ томъ числѣ и русскаго. Каждый курсъ (въ 10—12 лекцій) стоитъ отъ 3-хъ до 5-ти марокъ, но неимущіе допускаются и безплатно. Самый крупный недостатокъ въ этомъ высшемъ народномъ училищѣ—отсутствіе выдающихся лекторовъ: читаютъ, конечно, люди съ университетскимъ образованіемъ, но среди нихъ нѣтъ ни одного съ большимъ именемъ въ наукѣ. Англійскіе университеты, правда, тоже по большей части поручаютъ чтеніе народныхъ курсовъ молодымъ, начинающимъ ученымъ, но въ Германіи и народная аудиторія предъявляетъ другія требованія. Очень возможно, что академіи Гумбольдта скоро удастся привлечь въ качествѣ лекторовъ и нѣкоторыхъ профессоровъ университета, высту-

нившихъ было съ проектомъ народныхъ курсовъ, но не встрѣтившихъ поддержки въ министерствѣ и университетскомъ совѣтѣ.

Телеграфъ вамъ, конечно, сообщилъ, что въ прошлую ночь въ Берлинѣ скончался Генрихъ Стефанъ, замѣчательный реформаторъ почтъ. Мнѣ нѣтъ надобности теперь писать ему некрологъ, такъ какъ только нѣсколько дней тому назадъ я вамъ сообщалъ о значеніи и заслугахъ этого выдающагося дѣятеля. Die Welt am Ende des 19 Jahrhunderts steht unter dem Zeichen des Verkehrs, написалъ Вильгельмъ II на своемъ портретѣ, подаренномъ Стефану. Послѣдній съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ, что вся его дѣятельность состояла въ томъ, чтобы уничтожить преграды и содѣйствовать быстротѣ, дешевизнѣ и точности передвиженій, составляющихъ характерную и выдающуюся особенность нашей эпохи.

Безъ сомнѣнія, и время было благопріятно для развитія такого таланта, какъ реформаторъ почтъ: міръ покрылся сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ, обрабатывающая промышленность чрезвычайно увеличила обороты, старые устои земледѣльческаго періода распались, все пришло въ движеніе. Какъ часто, однако, при благопріятныхъ условіяхъ приходится ждать работника, который воспользуется ими, чтобы создать доброе и плодотворное? Стефанъ былъ работникомъ въ полномъ смыслѣ слова, знавшимъ всѣ детали своего дѣла, начавшимъ съ низшихъ ступеней, прошедшимъ суровую школу нѣмецкой бюрократіи и сохранившимъ при ней свѣтлую голову, полную идей и широкихъ плановъ. Суровая школа портитъ часто характеръ и дѣлаетъ испытавшаго ее требовательнымъ къ другимъ, недостаточно чуткимъ къ судьбѣ массы среднихъ людей. Покойный не былъ чуждъ этихъ недостатковъ и къ концу своей жизни становился деспотичнымъ, капризнымъ, не терпящимъ противорѣчій. Можетъ быть, это было послѣдствіе тяжелой болѣзни, которая подтачивала его силы и которую онъ тщательно старался скрыть. Самые рѣзкіе противники Стефана предъ его свѣжей могилой только вскользь упоминаютъ объ его недостаткахъ и отдаютъ дань справедливости высокимъ достоинствамъ администратора и выдающемуся уму рѣдкаго человѣка. Не бывши въ университетѣ, упорно пробиваясь впередъ въ своей спеціальной дѣятельности, Стефанъ собственными усиліями пріобрѣлъ себѣ широкое и солидное образованіе, настолько гармоническое, что немногіе образованные нѣмцы могли мѣриться съ этимъ автодидактомъ въ знаніи классической литературы, въ пониманіи искусства. Въ 1873 году университетъ Галле, избравъ Стефана

докторомъ философіи, прекрасно мотивировалъ такое отличіе, указавши, что реформаторъ почтъ принадлежитъ къ рѣдкимъ и выдающимся людямъ, которые „почти уничтожаютъ пространство и содѣйствуютъ тому, чтобы изобрѣтенія великихъ умовъ, мысли и поступки народовъ становились достояніемъ всего человѣчества“.

XLV.

Берлинъ, 22-го апрѣля 1897 г.

Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій послѣднихъ лѣтъ, это—попытка нѣкоторыхъ нѣмецкихъ фабрикантовъ и комерсантовъ наложить свою печать на науку. Съ тѣхъ поръ какъ баронъ Штуммъ—авторитетное лицо въ вопросахъ соціальной политики, изслѣдователи экономической жизни, не соглашающіеся съ мнѣніями вліятельнаго заводчика, рискуютъ быть признаны врагами отечества. Правда, это происходитъ пока только на столбцахъ „Post“ и другихъ предпринимательскихъ газетъ, но случай съ профессоромъ Зомбартомъ въ Фрейбургѣ показываетъ, что отъ такой травли aliquid haeret, и молодому ученому она можетъ затруднить университетскую дѣятельность. Да и только ли молодому? Ад. Вагнеръ, въ преданности котораго Гогенцоллернамъ не можетъ быть сомнѣнія, и который въ своемъ національнизмѣ нерѣдко переходитъ границы, дозволенныя человѣку науки, вотъ уже больше года долженъ отбиваться отъ цѣлой своры журнальныхъ сыщиковъ, извращающихъ каждое его слово. Проникаютъ въ аудиторію профессора, выдергиваютъ отдѣльныя фразы и подвергаютъ полицейскому анализу не только, что профессоръ сказалъ, но и то, что онъ хотѣлъ сказать.

Сегодня одинъ изъ помощниковъ Штумма, баронъ Цедлицъ, воспользовавшись въ прусской палатѣ замѣчаніемъ Вирхова объ автономіи факультетовъ, какъ корпораціи, сдѣлалъ министру народнаго просвѣщенія рядъ упрековъ за его будто бы слишкомъ терпимое отношеніе къ катедръ-соціалистамъ. Такъ какъ на очереди въ палатѣ стоялъ бюджетъ университетовъ, то пренія приняли характеръ обзора значенія университетовъ и оцѣнки господствующихъ въ нихъ принциповъ. Давно уже парламентскіе дебаты въ Пруссіи не затрогивали столь выдающагося предмета.

Министръ народнаго просвѣщенія Боссе—одинъ изъ самыхъ консервативныхъ прусскихъ министровъ, и притомъ человѣкъ, не отличающійся слишкомъ большой самостоятельностью по отношенію къ давленію „сверху“. Общество знаетъ, что онъ пойдетъ въ

уступкахъ измѣняющимся настроеніямъ господствующаго курса до предѣловъ возможнаго, т. е. хотя бы только внѣшнимъ образомъ совмѣстимаго съ приличіемъ и достоинствомъ вѣдомства, интересы котораго онъ обязанъ охранять. Отвѣтъ его на запросъ прислужника Штумма потому пріобрѣтаетъ особенное значеніе: въ пространной рѣчи прусскаго министра предъ нами обнаруживается взглядъ на отношеніе министерства къ университетамъ, установившійся въ наиболѣе консервативныхъ сферахъ правительства. Если основной смыслъ такой рѣчи сводится къ признанію независимости университетской науки, то это доказываетъ, что въ Пруссіи другая система и немыслима, несовмѣстима съ успѣхами знанія, которые составляютъ одно изъ коренныхъ условій національнаго благополучія.

„Я благодаренъ барону Цедлицу, — началъ министръ, — за то, что онъ выдвинулъ своимъ запросомъ важныя проблемы университетской жизни, коснувшись способовъ ихъ благопріятнаго разрѣшенія и отношенія къ нимъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. Раньше депутата Цедлица, депутатъ Вирховъ уже замѣтилъ, что автономія университетовъ, основывающаяся на корпоративныхъ правахъ факультетовъ, одна изъ существенныхъ гарантій успѣшнаго выполненія задачъ высшаго преподаванія. Мнѣ кажется, что въ данномъ отношеніи ни между мною и проф. Вирховымъ, ни между нами и барономъ Цедлицемъ нѣтъ принципіальнаго разногласія. За все время моего управленія министерствомъ не было случая, чтобъ въ статуты факультетовъ внесены были измѣненія односторонимъ указомъ, или чтобы я попробовалъ игнорировать право университета, составляющее принадлежность его автономіи“.

Конкретный примѣръ, приведенный депутатомъ фонъ-Цедлицемъ, доказываетъ, однако, министру, что взгляды на отношенія министерства къ отдѣльнымъ вопросамъ университетской жизни „не отличаются достаточной ясностью“. Случай съ приватъ-доцентомъ берлинскаго университета Аронсомъ вызвалъ страстную полемику въ печати, „болѣе страстную и обширную, чѣмъ онъ въ дѣйствительности заслуживаетъ“ (?). Д-ръ Аронсъ выступалъ открыто сторонникомъ соціалъ-демократической партіи, агитировалъ за нее на выборахъ, произносилъ рѣчи въ ея собраніяхъ. Не задаваясь вопросомъ о политическихъ убѣжденіяхъ доцента, министерство обратило вниманіе университета на несовмѣстимость званія члена университетской корпораціи съ агитаціей за партію, поставившую себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго порядка. Философскій факультетъ берлинскаго университета отказался,

однако, удалить д-ра Аронса изъ своей среды, ограничившись предупрежденіемъ и „совѣтомъ“ молодому ученому не принимать участія въ политической агитаціи. Многимъ постановленіе факультета кажется слишкомъ снисходительнымъ. Не отрицаю,—говоритъ министръ,—что и я стою на той точкѣ зрѣнія, что принадлежность соціалъ-демократа, активно участвующаго въ борьбѣ своей партіи, къ составу преподавателей университета—странное явленіе. Когда я, однако, задался вопросомъ: въ правѣ ли министерство, безъ согласія факультета, отнять у приватъ-доцента venia legendi, то оказалось, что у меня нѣтъ твердой законной почвы; мнѣнія юристовъ, къ которымъ министерство обратилось съ запросомъ, раздѣлились: одни, очень авторитетные, отвѣтили, что министръ въ правѣ подвергнуть приватъ-доцентовъ дисциплинарному взысканію, другіе, не менѣе авторитетные, отрицали такое право.

Министръ надѣется, что въ будущемъ удастся еще измѣнить законодательство въ томъ смыслѣ, чтобы прив.-доценты подлежали наравнѣ съ профессорами дисциплинарному суду. Пока такого закона нѣтъ, министерство не сочло возможнымъ идти противъ постановленія берлинскаго университета. Да и бѣды большой, прибавляетъ г. Боссе, отсюда не произошло и не можетъ произойти. Д-ръ Аронсъ читаетъ о магнетизмѣ, электричествѣ и дифференціальныхъ исчисленіяхъ—предметахъ, не имѣющихъ отношенія къ политикѣ, и, по свѣдѣніямъ факультета, онъ вполнѣ человѣкъ науки, знающій свой предметъ и не обнаруживающій ни малѣйшей попытки злоупотреблять своимъ званіемъ въ стѣнахъ университета для политической агитаціи.

Несравненно важнѣе, по мнѣнію министра, вопросъ, поднятый Цедлицемъ о замѣщеніи каѳедры политической экономіи. Его спрашивали, какими соображеніями руководствуется министерство въ выборѣ профессоровъ государственныхъ наукъ? Отвѣтъ коротокъ и ясенъ: оно придерживается правила, которое существуетъ относительно назначенія профессоровъ по другимъ наукамъ, т. е. интересуется не политическимъ направленіемъ профессора, а *его научными достоинствами*. Если направленіе вообще играетъ какую-нибудь роль при замѣщеніи каѳедры политической экономіи, то лишь въ томъ смыслѣ, что при выборѣ между кандидатами, предложенными факультетами, министерство имѣетъ въ виду не создавать слишкомъ большой научной исключительности и односторонности, но, по возможности, предоставить каждому направле-

нію, научно-обоснованному, свободу оказывать свое полезное вліяніе на развитіе университетовъ. Повторяю,—подчеркиваетъ Боссе,—что, говоря о направленіяхъ, я имѣю въ виду направленіе въ наукѣ, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ политическими стремленіями или убѣжденіями. Въ университетахъ съ двумя или тремя профессорами государственныхъ наукъ желательно видѣть рядомъ представителей различныхъ методовъ, различныхъ школъ, и министерство при каждой открывающейся вакансіи въ такомъ смыслѣ дѣлаетъ свой выборъ между предложенными ему факультетомъ кандидатами, если въ научномъ отношеніи они приблизительно равны. Министръ, сознающій свою отвѣтственность, понимающій, какое огромное значеніе во всей нашей культурѣ принадлежитъ свободѣ университетовъ, въ томъ лишь случаѣ можетъ идти въ разрѣзъ съ факультетомъ, если онъ глубоко убѣжденъ, что въ факультетѣ преобладаетъ исключительное, одностороннее отношеніе, не допускающее выраженія другого мнѣнія, кромѣ господствующаго. Это могло бы повести къ паденію науки. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, выразителемъ которыхъ явился депутатъ фонъ-Цедлицъ, распространена легенда, будто министерство расположено къ монополіи въ прусскихъ университетахъ для одного направленія въ политической экономіи, носящаго кличку катедръ-соціализма. Такая легенда прежде всего основывается на недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ, затѣмъ она еще продуктъ политическихъ страстей и антипатій, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами науки.

Ораторъ въ сжатыхъ чертахъ, но очень вѣрно и мѣтко характеризуетъ переворотъ, который, начиная съ 70-хъ годовъ, совершался во взглядахъ научныхъ представителей политической экономіи въ Германіи. Онъ останавливается на реакціи противъ неограниченнаго господства индивидуализма, связанной съ измѣненіями въ воззрѣніи на роль государства. Нынѣшніе критики катедръ-соціалистовъ, — говоритъ министръ, — забываютъ или не знаютъ, что несимпатичное имъ направленіе, въ сущности, было протестомъ противъ односторонней теоретической мысли, что оно исходило отъ ученыхъ, внимательно присматривавшихся къ практической жизни. Новая школа отличается отъ старой и методами своихъ изслѣдованій, и предметами изученія, и живымъ отношеніемъ къ задачамъ окружающей ее современности. Далеко не однородная съ самаго начала, группа ученыхъ и практиковъ, примкнувшая къ Обществу соціальной политики, имѣла одинъ общій

девизъ: соціальныя реформы на почвѣ существующаго, соотвѣтствующія даннымъ условіямъ общественной жизни и содѣйствующія величію и благополучію отечества. „Я поэтому думаю, — восклицаетъ министръ, — что кличка, данная ей ея противниками (она впервые употреблена была Оппенгеймомъ въ „National-Zeitung"), не только не выражаетъ сущности ея стремленій, но даетъ о нихъ совершенно извращенное понятіе. Не катедръ-соціалистами слѣдовало назвать послѣдователей новой школы, а катедръ-антисоціалистами".

Теперь, по истеченіи 25-ти лѣтъ со дня его основанія, о дѣятельности Общества соціальной политики можно было бы судить безпристрастнѣе, чѣмъ баронъ Цедлицъ и его единомышленники. Предъ нами 70 томовъ трудовъ Общества, относящіеся къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ народнаго хозяйства и во многихъ отношеніяхъ сослужившіе службу законодательству. Къ Verein für Socialpolitik принадлежатъ почти всѣ экономисты Германіи, какъ преподающіе въ университетахъ, такъ и работающіе въ другихъ сферахъ общественной дѣятельности. Среди такъ называемыхъ катедръ-соціалистовъ есть и консерваторы, и рѣшительные либералы, да и по своимъ научнымъ воззрѣніямъ они представляютъ далеко не однородное направленіе: либеральная школа Брентано, рекомендующая рабочіе союзы по англійскому образцу, расходится со сторонниками государственной опеки по старо-прусскимъ традиціямъ, систематики и теоретики съ Ад. Вагнеромъ во главѣ отличаются отъ школы Рошера и Шмоллера, обращающей главное вниманіе на изученіе историческаго развитія хозяйства. Какъ, при такихъ условіяхъ, заявляетъ министръ, можно говорить объ узкихъ доктринерахъ, катедръ-соціалистахъ, и какъ можно упрекать министерство за то, что оно имъ будто бы создастъ монополію?

XLVI.

Берлинъ, 24-го мая 1897 г.

Рѣдко приходится слышать о крупномъ событіи внутренней политики, чтобы не упомянуто было имя заводчика Штумма, получившаго баронство за свои заслуги предъ германской промышленностью. Въ рейхстагѣ онъ говоритъ почти такъ же часто, какъ Рихтеръ и Бебель, и хотя онъ, какъ ораторъ и мыслитель, неизмѣримо ниже того и другого, его слушаютъ со вниманіемъ. Когда со скамьи умѣренныхъ консерваторовъ доносится сухой, немножко уже старческій голосъ, слушатель старается уловить со-

кровенный смыслъ словъ, угадать, не служатъ ли они выраженіемъ болѣе сильной воли. Вліяніе этого умѣреннаго на видъ, не располагающаго большими внѣшними данными старика — огромное, и что̀ удивительнѣе всего —его не могутъ сломить ни несомнѣнная безтактность самого Штумма, ни то впечатлѣніе, которое его совѣты производятъ въ нѣкоторыхъ аристократическихъ кругахъ, гдѣ на него, все-таки, смотрятъ только, какъ на выскочку. Вильгельмъ II, столь мнительный ко всякому выраженію, въ которомъ можно усмотрѣть попытку вліять на его рѣшеніе, спокойно переноситъ заявленіе Штумма, что онъ сдѣлаетъ императора строгимъ (scharf machen, откуда кличка Scharfmacher). Въ печати сотни разъ повторяется острота, что отъ вліянія Штумма „замолкли“ филантропическіе порывы молодого императора, — и это тоже не производитъ никакого впечатлѣнія.

Рихтеръ выразился въ своей знаменитой рѣчи противъ реакціи въ Пруссіи, что Штуммъ уже сегодня знаетъ, о чемъ прусскіе министры будутъ думать завтра. Въ этомъ драгоцѣнномъ умѣніи ставить прогнозъ головамъ министровъ съ барономъ-заводчикомъ никто не можетъ мѣриться. Возможно, что тутъ значеніе личнаго вліянія Штумма нѣсколько преувеличено, но несомнѣнно, что теперь наступаетъ недѣля Штуммовъ, и идеи представителя патріархальнаго режима, въ которомъ черты феодала соединены съ амбиціями буржуа,—уродливая, недолговѣчная смѣсь, но она существуетъ еще, — эти идеи, говорю, теперь пытаются воевать съ пріобрѣтеніями нашего вѣка. Кто знаетъ, что̀ еще предстоитъ Германіи въ самомъ близкомъ будущемъ, при какой борьбѣ мы будемъ присутствовать. Полезно поэтому познакомиться съ фигурой одного изъ дѣятелей, закулисное вліяніе котораго считаютъ чуть ли не рѣшающимъ. Часть своего духовнаго облика Штуммъ показалъ намъ въ преніяхъ объ университетахъ, происходившихъ на-дняхъ въ прусской палатѣ господъ, гдѣ баронъ-заводчикъ выступилъ обличителемъ такъ называемыхъ катедръ-соціалистовъ.

Нынѣшній прусскій министръ народнаго просвѣщенія далеко не принадлежитъ къ смѣльчакамъ, тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ замѣтить, отвѣчая недавно креатурѣ Штумма, барону Цедлицу, что мнѣніе о профессорахъ политической экономіи, распространяемое Штуммомъ и его прислужниками, основывается на „легендѣ“. Болѣе прямой и менѣе осторожный человѣкъ сказалъ бы —на невѣжествѣ или личной ненависти. За это министру достается въ началѣ рѣчи Штумма комплиментъ, что своею защитой катедръ-

соціалистовъ г. Боссе содѣйствуетъ возбужденію умовъ „въ странѣ“. Штуммъ убѣжденъ, что страна—это онъ. Какъ вы можете,—спрашиваетъ сознающій свою власть заводчикъ, — отождествлять Шмоллеровъ, Вагнеровъ и всю ихъ компанію съ дѣятелями соціальной реформы при Бисмаркѣ и Вильгельмѣ I! Если кто дѣйствительно поднялъ знамя реформъ, то это я, Штуммъ, высказывавшійся еще въ 60-хъ годахъ, задолго до учрежденія Общества соціальной политики, за обязательное страхованіе рабочихъ. Вы ставите профессорамъ въ заслугу ихъ протестъ противъ системы laisser faire, ихъ походъ противъ манчестерства? Но манчестерство стояло въ связи съ свободной торговлей, а я—одинъ изъ первыхъ заводчиковъ, выступившихъ съ требованіемъ охранительныхъ пошлинъ. Установивъ съ такою скромностью и объективностью историческія заслуги своей собственной персоны, Штуммъ считаетъ лишнимъ прибавить, что его собственныя предложенія о страхованіи рабочихъ не имѣли никакого практическаго значенія, и что подъ флагомъ соціальной реформы онъ всегда стремился усилить полицейскую опеку надъ рабочими въ то время, какъ большинство соціалъ-политиковъ ненавистнаго ему лагеря стремилось дать рабочему фактическое равенство съ хозяиномъ.

Не стану, однако, прерывать оратора и постараюсь привести наиболѣе существенныя и характерныя мѣста изъ его рѣчи. Въ сущности,—говоритъ онъ,—нельзя сказать, чтобы господа катедръ-соціалисты съ самаго начала стали на ложный путь. Среди нихъ были благоразумные и почтенные люди, какъ Рошеръ или Нассе, о которыхъ можно вспомнить съ благодарностью, какъ о представителяхъ роялистской соціалъ-политики. Это было однако давно, въ 70-хъ годахъ; съ тѣхъ поръ почтенные люди ушли, умерли, а тѣ, которые теперь во главѣ, ступили на путь демагогическаго соціализма, такъ что если министръ по отношенію къ нынѣшнимъ представителямъ этой школы думаетъ, что ихъ скорѣе можно назвать антисоціалистами каѳедры, то онъ тѣмъ обнаруживаетъ прискорбное незнакомство съ фактами. Развѣ Шмоллеры и Вагнеры проповѣдуютъ имущимъ христіанское милосердіе, а неимущимъ довольство своею судьбой, довѣріе къ своимъ хозяевамъ? Нѣтъ, они провозглашаютъ необходимость борьбы классовъ, развиваютъ въ массахъ жадность и натравляютъ ихъ на собственность и капиталъ! Министръ увѣряетъ, что катедръ-соціалисты будто бы задаются цѣлью укрѣпить существующій общественный порядокъ, устраняя изъ него то, что̀ даетъ поводъ къ волненіямъ и жало-

бамъ. Хорошіе укрѣпители, ставящіе вопросительные знаки надъ всѣми основными категоріями нашего экономическаго строя, выдвигающіе требованіе новаго, справедливаго, молъ, распредѣленія богатствъ и не останавливающіеся предъ отрицаніемъ собственности. Кто утверждаетъ теперь, что богатые продолжаютъ богатѣть, тогда какъ бѣдные впадаютъ все въ большую нищету? Вы думаете, соціалъ-демократы? Ошибаетесь! Даже Шенланкъ, въ своей полемикѣ съ Либкнехтомъ, называетъ положеніе объ увеличивающейся пауперизаціи массъ сказкой, не выдерживающей критики практической жизни и не согласующейся съ данными статистики. „Только катедръ-соціалисты,—восклицаетъ Штуммъ, – еще продолжатъ отстаивать ложную теорію Маркса; и что же въ такомъ случаѣ удивительнаго, что замѣчательные умы, какъ, напр., Трейчке, назвали катедръ-соціалистовъ пособниками соціалъ-демократіи, если они покрываютъ и защищаютъ тѣ позиціи, которыя тѣ сами больше не обороняютъ? Ссылались на кн. Бисмарка: великій канцлеръ въ своихъ соціальныхъ реформахъ будто бы проводилъ тѣ же идеи, противъ которыхъ я выступаю. Я, — съ удареніемъ произноситъ Штуммъ,—всего двѣ недѣли тому назадъ бесѣдовалъ съ княземъ въ Фридрихсруэ, и онъ уполномочилъ меня публично заявить, что никто больше его не расходится съ нынѣшними профессорами политической экономіи, такъ что утверждать, будто его соціальная политика гармонируетъ съ идеями катедръ-соціалистовъ, значитъ клеветать на него или смѣшивать его съ его карикатурами.

Министръ народнаго просвѣщенія указалъ, что профессоръ Шмоллеръ неоднократно съ уваженіемъ и благодарностью говорилъ о роли крупныхъ предпринимателей въ германской промышленности и защищалъ ихъ отъ нападокъ соціалистовъ. „Я вамъ прочту,—отвѣчаетъ Штуммъ,—одно мѣсто изъ сочиненій профессора, которое покажетъ вамъ, какой онъ защитникъ“. И Штуммъ цитируетъ извѣстную фразу о томъ, что „милліоновъ не наживаютъ теперь безъ того, чтобы не прикоснуться рукавомъ къ стѣнѣ каторжной тюрьмы“. Онъ, однако, оставляетъ слушателей въ сомнѣніи самъ ли Шмоллеръ такъ разсуждаетъ или это только цитата? Въ дѣйствительности, Шмоллеръ приводитъ изреченіе одного вѣнскаго биржевика, которое профессоръ называетъ цинничнымъ, но, по крайней мѣрѣ, откровеннымъ признаніемъ, тогда какъ тысячи другихъ спекулянтовъ думаютъ точно такъ же, но не такъ наивно пробалтываются. Въ письмѣ къ редактору „National-Zeitung“ Шмоллеръ, впрочемъ, прибавляетъ, что ему нѣтъ надобности исправлять свое

мнѣніе, высказанное болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ, въ ту пору, когда, по словамъ Штумма, катедръ-соціалисты еще не были такъ опасны. Къ этой цитатѣ Штуммъ присоединяетъ другую. Въ статьѣ о жилищной нуждѣ Шмоллеръ выразился, что рабочіе часто живутъ въ квартирахъ, „деградирующихъ своихъ обитателей въ животныхъ или превращающихъ ихъ въ преступниковъ“. Подумайте, какая возмутительная мысль! Шмоллеръ могъ бы сказать, что подобно ему разсуждалъ и нынѣшній министръ финансовъ Микель, любимецъ феодаловъ, разсуждалъ такъ не во времена отдаленной своей молодости, когда онъ еще писалъ письма К. Марксу, а уже будучи оберъ-бургомистромъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ императоръ пришелъ отъ него въ такой восторгъ, что сейчасъ же сказалъ: „Miquel—der ist mein Mann“. Микель не платонически раздѣлялъ мнѣніе Шмоллера о рабочихъ жилищахъ, но и участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ трудахъ по этому вопросу Общества соціальной политики, гдѣ онъ выступилъ съ предложеніемъ о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ въ правѣ собственности. Ужасно, какіе бываютъ теперь министры, и на что Штуммъ сильный человѣкъ, а Микеля ему едва ли удастся устранить. За то онъ позволяетъ себѣ сказать ученому, какъ Шмоллеръ, что онъ вредный агитаторъ, и съ комическимъ паѳосомъ восклицаетъ: „Спрашиваю васъ, когда Бебель или Либкнехтъ съ бо́льшимъ фанатизмомъ, съ большей ненавистью высказывались объ имущихъ, чѣмъ это украшеніе берлинскаго университета?“ Спохватившись, что онъ зашелъ уже черезчуръ далеко, Штуммъ прибавляетъ: Впрочемъ, Шмоллеръ еще относительно осторожный человѣкъ, но выдающагося и талантливаго профессора, какъ онъ, надо судить по его плодамъ, а его плоды—его школа, и тутъ едва ли министръ станетъ отрицать, что наиболѣе радикальные молодые экономисты почти всѣ—ученики школы Шмоллера.

Что касается Ад. Вагнера, то, по мнѣнію Штумма, онъ просто бунтовщикъ, которому правительство обязано закрыть ротъ, иначе трудно поручиться за послѣдствія его вредной агитаціи. Не смотрите на то, что онъ какъ-будто полемизируетъ съ соціалъ-демократіей: Штуммъ навѣрное знаетъ, что полемика съ Бебелемъ въ устахъ проф. Вагнера только ловкій маневръ для отвода глазъ. Если въ каменноугольныхъ копяхъ Вестфаліи произойдетъ возстаніе, то отвѣтственность за него всецѣло падетъ на берлинскаго профессора, возбудившаго своею рѣчью въ Бохумѣ рабочихъ противъ хозяевъ, и на правительство, не призвавшее профессора къ отвѣту. Правда, вставимъ мы отъ себя, послѣ рѣчи Вагнера къ горнорабочимъ въ

Бохумѣ прошло уже три мѣсяца, и съ тѣхъ поръ тамъ все спокойно, но вѣдь никто не гарантируетъ, что черезъ годъ или три года угольщики не вступятъ въ стачку, и навѣрное тогда она произойдетъ только вслѣдствіе рѣчи Вагнера.

Кажется, такихъ образчиковъ достаточно, чтобы фигура вліятельнаго заводчика предстала предъ вами съ достаточной опредѣленностью. Можно поэтому опустить всѣ его другія изліянія, мѣстами переходящія въ доносъ на ученыхъ уже не за то, что они принимаютъ участіе въ борьбѣ современнаго общества, а за то, что они осмѣливаются критически относиться къ Фридриху Великому. Я не шучу. Обрушившись на министра народнаго просвѣщенія по поводу назначенія историка Ганса Дельбрюка на вакантную кафедру Трейчке, Штуммъ сначала еще держался въ предѣлахъ своей спеціальности и находилъ Дельбрюка, подобно Вагнеру, вреднымъ агитаторомъ, превратившимъ нѣкогда почтенный журналъ „Preussische Jahrbücher“, редакторомъ котораго онъ состоитъ, въ „сборникъ революціонныхъ памфлетовъ“. Развѣ министръ не знаетъ, что Дельбрюкъ издѣвался надъ всѣми законодательными попытками противъ „Umsturz“ и возмущалъ народъ противъ реакціи? Да и можно ли ожидать чего-нибудь другого отъ профессора, открыто побратавшагося съ Науманомъ, революціоннымъ пасторомъ, не имѣющимъ себѣ равнаго по дерзости и ненависти ко всему установленному порядку? Боссе на это очень скромно, съ видимымъ почтеніемъ къ человѣку, „который знаетъ раньше, что будутъ думать министры“, возражаетъ, что, вѣдь, Дельбрюкъ—историкъ съ установившейся репутаціей, въ особенности въ области военной исторіи Пруссіи. „Хороша репутація!—перебиваетъ его Штуммъ:—это, что ли, заслуга, что онъ доказываетъ, будто Фридрихъ Великій, какъ стратегъ, ниже всякой критики?“

Вы поймете, каково при такихъ словахъ на душѣ у министра, не знающаго еще, какъ наверху думаютъ о свободѣ науки. Г. Боссе нужно однако отдать справедливость: слишкомъ мягкій и уступчивый, онъ все же далъ зазнавшемуся заводчику нѣсколько заслуженныхъ щелчковъ. Министръ народнаго просвѣщенія не призванъ отвѣчать за каждую фразу каждаго профессора,—замѣтилъ онъ,—да и какіе же мы съ барономъ Штуммомъ судьи во всѣхъ вопросахъ науки? Научны ли идеи Шмоллера или нѣтъ, должны рѣшать компетентныя учрежденія, напр. академія наукъ, избравшая Шмоллера въ свои члены. Свобода науки не абстрактный принципъ только, но старинная прусская традиція, и меньше, чѣмъ

когда-либо, слѣдуетъ теперь разставаться съ такими традиціями. „Научныхъ идей не разрушаютъ пушками“,—замѣтилъ министръ народнаго просвѣщенія: „mit Kanonen können wissenschaftliche Ideen nicht todtgeschossen werden“.

XLVII.

Берлинъ, 13-го іюля 1897 г.

Засѣданіе прусской палаты отъ 12-го іюля принадлежитъ къ выдающимся событіямъ политической жизни, надъ которыми не только сосредоточивается вниманіе современниковъ, но, несомнѣнно, остановится и будущій историкъ Германіи. Парламентъ, о которомъ князь Бисмаркъ выразился какъ о карикатурѣ на истинное народное представительство, нашелъ, все-таки, въ себѣ мудрость отклонить попытку крайней реакціи. Національ-либералы, эта партія компромиссовъ и уступокъ, готовая жертвовать, политической, свободой національной славѣ, остановилась съ ужасомъ предъ пропастью, въ которую, вмѣстѣ съ народнымъ правомъ, обрушивались и культурныя пріобрѣтенія націи. Какъ читателямъ уже извѣстно изъ телеграммъ, прусская палата 209-ю голосами противъ 205-ти окончательно отвергла проектъ о собраніяхъ и союзахъ, въ той формѣ, которая придана ему была палатой господъ. Кончена наконецъ борьба, которую прусскій народъ съ такой настойчивостью велъ противъ нынѣшняго правительства и его феодальныхъ союзниковъ, кончена, по крайней мѣрѣ, на почвѣ закона о собраніяхъ и маленькихъ исключительныхъ законовъ. Если правительство доступно урокамъ жизни и не совсѣмъ потеряло пониманіе національной психологіи, оно такъ скоро не возобновитъ подобныхъ попытокъ, несравненно больше колеблющихъ престижъ власти, чѣмъ самая рѣзкая агитація ея противниковъ.

Несмотря на то, что Берлинъ верхнихъ 10-ти тысячъ теперь отдыхаетъ въ курортахъ и на морскихъ купаньяхъ, физіономія Дёнгофъ-плаца, гдѣ помѣщается прусская палата, сразу указывала на то, что въ ландтагѣ происходитъ нѣчто чрезвычайное. Засѣданіе начинается въ 11 часовъ, но задолго до того движеніе по тротуарамъ затруднялось отъ наплыва прохожихъ, стремившихся къ старому „Дому“. Цѣлый нарядъ полицейскихъ, несмотря на рѣшительныя приглашенія—не останавливаться, съ трудомъ успѣваетъ очищать мѣсто у подъѣзда. Карета за каретой привозятъ депутатовъ, изъ каждаго вагона конки выходятъ новыя группы.

Небо сжалилось надъ прусскими законодателями: стоитъ сѣрый дождливый день, въ тѣни только 15°R., но внутри залы, все-таки, задыхаются отъ жары и тѣсноты. На трибунахъ для журналистовъ, въ небольшой галлереѣ для публики, даже въ придворной ложѣ сидятъ и стоятъ плотной стѣной, ни одного свободнаго мѣста, а между тѣмъ сотни любопытныхъ изъ привилегированной публики еще умоляютъ каждаго входящаго депутата, нельзя ли и ихъ пропустить внутрь. Тщетныя просьбы! Иной народный представитель охотно остался бы тоже на улицѣ, или, еще лучше,—въ томъ уютномъ мѣстечкѣ на Рейнѣ или въ Шварцвальдѣ, откуда пришлось проѣхать всю ночь въ Берлинъ, чтобы подать свой голосъ въ рѣшительномъ засѣданіи; но ничего не подѣлаешь,- долгъ выше всего. Сторонники и противники исключительныхъ законовъ очень хорошо знаютъ, что судьба проекта зависитъ отъ 2-хъ —3-хъ голосовъ. На чьей сторонѣ окажется перевѣсъ? Это трудно предсказать до послѣдней минуты. Національ-либералы остались тверды; однако, кто гарантируетъ, что среди нихъ не найдется нѣсколько человѣкъ,—не перебѣжчиковъ, но индифферентныхъ, предпочитающихъ собственный покой благу отечества.

Звонокъ президента прерываетъ частныя бесѣды въ отдѣльныхъ группахъ; гулъ смолкаетъ, и среди наступающей тишины раздается монотонный и сухой голосъ министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ хочетъ еще разъ мотивировать поступокъ правительства и необходимость чрезвычайныхъ полицейскихъ полномочій. То, что́ предлагаетъ герренгаузъ и съ чѣмъ правительство теперь себя отождествило, не совсѣмъ то, что министръ раньше предлагалъ палатѣ: *тогда* рѣчь шла объ ограниченіи права собраній для всѣхъ, *теперь* палата должна высказаться о законопроектѣ, направленномъ противъ соціалъ-демократовъ, анархистовъ и нѣкоторыхъ анти-національныхъ партій (поляковъ, вельфовъ, эльзасцевъ). Разница, правда, существенная, но министръ, все-таки, думаетъ, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и этотъ новый, хотя и маленькій исключительный законъ, достигаетъ своей цѣли — усилить полномочія власти противъ партій и ученій, отрицающихъ основанія современнаго порядка. Въ особенности нужно опасаться, чтобы лжеученіе не проникло въ сельскіе округа и казармы. Съ каждымъ днемъ агитація по деревнямъ становится опаснѣе, что же касается арміи, то хотя на нее можно положиться, но, все-же, нельзя относиться равнодушно къ тому, что среди резервистовъ попадается такъ много соціалъ-демократовъ.

Министръ фонъ-деръ-Рекке, очевидно, принадлежитъ къ категоріи политиковъ, которые больше полагаются на количество, чѣмъ на качество своихъ аргументовъ. Все уже было исчерпано въ предыдущихъ дебатахъ, но онъ не перестаетъ пережевывать старыя и надоѣвшія положенія, останавливаться на отдѣльныхъ случаяхъ, широко и многословно комментировать совершенно ясные факты. При такой атмосферѣ, въ такомъ собраніи слушатели начинаютъ засыпать, и только изрѣдка до уха долетаетъ какой-нибудь отдѣльный возгласъ справа, вродѣ „очень хорошо“. Но вотъ уже совсѣмъ какъ будто заснувшая аудиторія пробуждается и раздается такой гомерическій хохотъ на лѣвой, что журналисты, которые тоже перестали слушать, вскакиваютъ съ мѣстъ и спрашиваютъ своихъ стенографирующихъ коллегъ: что случилось? Дѣйствительно, случилось нѣчто очень комичное: министръ, рекомендуя палатѣ полицейскіе мѣры, выразился, что проектъ „имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то хорошее, что, когда въ законѣ стремленія соціалъ-демократіи признаны будутъ предосудительными, значительная часть здравомыслящаго народа отъ нихъ отвернется съ негодованіемъ“. Согласитесь, что нужно быть совершенно наивнымъ политикомъ, чтобы произнести подобную сентенцію. Судьба Рекке, какъ оратора, этимъ была предрѣшена: сколько ни апплодировали консерваторы, какъ ни старался самъ министръ поправить свое выраженіе, всякая новая фраза изъ его устъ вызывала на лѣвой и въ центрѣ взрывъ веселья, въ которомъ какъ будто сказывалось предвкушеніе побѣды.

Старикъ Гобрехтъ, одинъ изъ корифеевъ національ-либерализма, очень спокойно, но съ несомнѣннымъ чувствомъ превосходства отвѣчаетъ министру, что такими рѣчами трудно переубѣдить противниковъ. Еслибы министръ не былъ такъ впечатлителенъ, онъ, вѣроятно, самъ замѣтилъ бы, что нельзя такъ скоро переходить отъ однѣхъ идей къ другимъ. „Что касается меня, — не безъ юмора говоритъ Гобрехтъ, — то я удивляюсь вашей скромности, г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Вашъ первоначальный проектъ, право, былъ гораздо лучше, чѣмъ тотъ, который вышелъ изъ герренгауза: вы, по крайней мѣрѣ, оставались на почвѣ общаго права и не создавали для соціалъ-демократовъ ореола мученичества. Мы, національ-либералы, навѣрное не противники авторитета государства и не сторонники соціальныхъ утопій, но намъ кажется, что полицейскими мѣрами вы едва ли достигнете какихъ-либо результатовъ противъ разрушительныхъ ученій. Одного только отъ насилія и

стѣсненія права собраній можно ожидать съ полной увѣренностью, это—пониженія и изуродованія тѣхъ стремленій, которыя при свободной общественной дѣятельности укрѣпляютъ, поддерживаютъ государственный порядокъ. Пожертвовать свободной корпоративной и общественной иниціативой ради сомнительныхъ и озлобляющихъ полицейскихъ мѣръ — не рѣшится ни одинъ благоразумный человѣкъ, если его міровоззрѣніе сколько-нибудь находится въ соприкосновеніи съ развитіемъ цивилизаціи.

Либеръ, говорившій отъ имени центра, очень удачно осмѣялъ опасенія министра относительно соціализма въ арміи. Гдѣ ваши хваленыя прусскія традиціи и гдѣ юнкерская смѣлость?—спрашивалъ ораторъ:—вы, кажется, вездѣ готовы видѣть чорта, и онъ вамъ успѣлъ внушить такой страхъ, что вы безъ всякой надобности кричите: „караулъ“. Если бы мы или свободомыслящіе усомнились въ недоступности арміи вліянію извнѣ, какой бы вы подняли крикъ, вы насъ навѣрное назвали бы vaterlandlose Gesellen *(Смѣхъ)*. Можно позавидовать оптимизму людей, еще теперь уповающихъ на избавленіе Германіи отъ вредныхъ критиковъ, если только издать еще новые исключительные законы. „Гдѣ вы были, г. министръ, когда исключительные законы 1879 г. были отмѣнены при ликованіяхъ всей Германіи?“

Новый вице-президентъ министерства, Іоганъ Микель, чувствуетъ, что отъ такихъ защитниковъ, какъ министръ Рекс, авторитетъ правительства не много выиграетъ, и спѣшитъ загладить промахи своего коллеги. Слишкомъ умный, чтобы, при возможности пораженія, патетически взывать и убѣждать, онъ беретъ совершенно другой тонъ. Микель не ораторъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ въ народныхъ собраніяхъ. Сомнѣваюсь даже, чтобы въ другомъ парламентѣ, у другого народа такое краснорѣчіе въ состояніи было произвести впечатлѣніе, заставляющее противника признать талантливость въ несимпатичномъ человѣкѣ. Нѣмецъ старается сохранить безпристрастіе и любитъ, хотя и человѣкъ неизбалованный, изрѣдка полакомиться изысканнымъ гастрономическимъ блюдомъ. Тонкая интрига—не преобладающая черта въ его національномъ умѣ, а Микель, несомнѣнно, принадлежитъ къ той категоріи умныхъ людей, у которыхъ всегда подозрѣваютъ какую-нибудь заднюю мысль. Можетъ быть, онъ вполнѣ искренно началъ съ того, что у него рѣшительно нѣтъ надежды на осуществленіе правительственнаго проекта, но какъ только онъ это произнесъ, на лицахъ либераловъ можно было прочесть одну и ту же мысль: старая лиса

еще не хочетъ сжечь всѣхъ мостовъ, когда-то связывавшихъ его съ либерализмомъ, а консерваторы шептали другъ другу: слушайте, онъ все-таки попытается укрѣпить нашу позицію.

Я слишкомъ хорошо знаю парламентскую жизнь,—говорилъ между тѣмъ Микель,—чтобы у меня могла быть надежда переубѣдить кого-нибудь. На отдѣльнаго человѣка можно вліять хорошими рѣчами и сильными аргументами, о партійную дисциплину и косность фракціи всѣ доказательства разбиваются, какъ о каменную стѣну. Это не упрекъ, а констатированіе фактовъ. Что изъ того, если я докажу, напр., національ-либераламъ, что въ Баденѣ ихъ собственные друзья провели точь-въ-точь такой же законъ о собраніяхъ, какъ тотъ, который они теперь объявили печадіемъ прусской реакціи? Я поэтому только попытаюсь разсѣять опасенія и исправить искаженія, проникшія въ народъ черезъ газеты и летучіе листки. Можно, въ самомъ дѣлѣ, подумать, будто въ Пруссіи настала эпоха злѣйшаго ретроградства. Кто вѣритъ тому, что написано въ его газетѣ, тотъ повторяетъ фразу о наступленіи господства юнкеровъ и подчиненіи государственной политики интересамъ одного сословія. Спросите такого бюргера, на чемъ основывается его опасеніе, и онъ не въ состояніи будетъ назвать вамъ ни одного факта („Oh! Oh!“ *на лѣвой. Рикертъ*: „*А тотъ проектъ?*“). Господа, вы очень хорошо знаете, что исторія того проекта связана съ обѣщаніемъ, даннымъ рейхстагу по поводу одной стѣснительной статьи дѣйствующаго законодательства о собраніяхъ. Еслибъ правительство намѣрено было круто измѣнить всю систему, оно не ждало бы поводовъ, не стоящихъ въ непосредственномъ отношеніи къ содержанію проекта. Намъ не нужно скрывать своихъ намѣреній! Примете ли вы, или отклоните нынѣшній проектъ, отношеніе наше къ отдѣльнымъ партіямъ отъ того не измѣнится ни на волосъ *(Слушайте, слушайте.)*; мы попрежнему не станемъ ходить на буксирѣ ни у одной фракціи и ни у одного сословія. Государство Гогенцоллерновъ всегда видѣло свою задачу въ томъ, чтобы руководствоваться благомъ цѣлаго, всего государства и общества, не подчиняясь частнымъ выгодамъ и осуществляя тѣ задачи, которыя ставитъ жизнь, на почвѣ примиренія и сближенія отдѣльныхъ классовъ. *(Шумное одобреніе справа, голоса слѣва: „фраза, только фраза!“)*

Противъ чего я въ особенности считаю нужнымъ выступить,—продолжаетъ Микель,—это противъ инсинуаціи, будто правительство, отчаиваясь въ возможности разрѣшить соціальный вопросъ

органическими средствами, намѣрено отнынѣ пользоваться исключительно полицейскими мѣрами, дѣйствовать системой подавленія и произвола. Подобныя предположенія, въ сущности, такъ безсмысленны, до такой степени противорѣчатъ и опыту исторіи, и элементарному благоразумію, котораго нельзя же отрицать у людей, принадлежащихъ къ просвѣщенному народу, что министръ не счолъ бы нужнымъ его опровергать, если бы подъ вліяніемъ корыстной агитаціи населеніе не потеряло умѣнія отличать факты отъ сплетенъ. Никогда государство не станетъ въ Германіи или Пруссіи гоняться за такими химерами, какъ подавленіе идей механическими полицейскими мѣрами. Точно такъ же нынѣшнее правительство не отступитъ отъ проведенія соціальныхъ реформъ въ интересахъ малоимущаго и трудящагося населенія. Идеи, вложенныя въ законы о страхованіи рабочихъ и выраженныя въ рескриптахъ нынѣшняго императора въ первые годы его царствованія, не брошены и не измѣнены. „Наши противники—замѣчаетъ ораторъ,—не хотятъ считаться съ тѣмъ, что въ мѣрахъ, столь существенно вторгающихся въ условія промышленности, какъ постановленія рабочаго законодательства, невозможно держаться одного и того же темпа. Иногда положеніе промышленности столь благопріятно, что на предпринимателей можно возложить новыя обязанности, иногда же приходится ждать, пока наступитъ подходящій моментъ. Назначеніе максимальнаго рабочаго дня для булочныхъ, новыя правила о работницахъ въ Confection и нѣкоторыя другія постановленія доказываютъ, что направленіе нашей соціальной политики не измѣнилось. Къ задачамъ, вызываемымъ положеніемъ фабричныхъ рабочихъ, присоединились новыя, необходимыя въ интересахъ крестьянства и самостоятельнаго ремесла, но и мѣры въ пользу крестьянъ и ремесленниковъ только снова подтверждаютъ, что государство въ Пруссіи и Германіи видитъ свою обязанность въ защитѣ слабыхъ и поддержкѣ тѣхъ, которые отнюдь не обречены ходомъ развитія на гибель, какъ прежде выражались, а только въ данную минуту нуждаются въ опорѣ“.

Въ такомъ случаѣ спросятъ: зачѣмъ же новыя полицейскія стѣсненія? Развѣ прусскій тронъ шатается, общественный порядокъ такъ разстроенъ, что необходимо прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ? Боже сохрани,—отвѣчаетъ Микель,—Пруссія 1897 г.—не Франція 1789 года; у насъ твердая, популярная въ народѣ монархія, безкорыстное чиновничество, гуманное, интеллигентное среднее сословіе и сильная армія. Новый вице-президентъ

министерства даже сейчасъ исправить недоразумѣніе, которое можетъ быть результатомъ словъ министра внутреннихъ дѣлъ, касавшихся агитаціи въ арміи: правительство ни минуты не боится ослабленія дисциплины и проникновенія въ казармы разрушительныхъ идей. Тѣмъ не менѣе, Либеръ напрасно издѣвается надъ трусостью правительства. Осторожность—не трусость и самые сильные столбы могутъ покачнуться; а что еще важнѣе—умно управлять значитъ, какъ Шекспиръ замѣтилъ въ „Юліи Цезарѣ", предусматривать. Принимать заранѣе мѣры противъ возможной опасности еще не означаетъ быть малодушнымъ. Впрочемъ, зачѣмъ терять напрасно слова? Голосуйте,—заканчиваетъ министръ,—какъ вамъ приказываетъ вашъ умъ и ваша совѣсть: отъ исхода нынѣшней борьбы еще не зависитъ существованіе Пруссіи; было бы очень грустно, если бы въ чемъ-нибудь измѣнились добрыя отношенія между тѣми партіями, которыя одинаково желаютъ сохраненія нынѣшняго общественнаго порядка.

Рихтеръ, пришедшій въ палату съ намѣреніемъ только подать свой голосъ, не тратя напрасно словъ, теперь поднимается съ мѣста и обрушивается на новаго вице-президента кабинета со всей силой своего рѣдкаго сарказма, въ которомъ у него нѣтъ соперниковъ въ Германіи. У политическихъ ораторовъ какъ будто есть свое бабье лѣто: уже казалось въ послѣдніе годы, что талантъ и и энергія вождя свободомыслящихъ начинаютъ подчиняться неумолимому року времени, что нѣтъ у него уже той свѣжести мысли и остроумія, которыя приковывали слушателей. И вдругъ эти рѣдкія данныя какъ будто возвратились съ удвоенной силою. Никогда значеніе Рихтера, какъ вождя оппозиціи, не было такъ велико въ Германіи, какъ въ послѣдніе мѣсяцы. Объ его рѣчи и нѣкоторыхъ другихъ подробностяхъ историческаго засѣданія я вамъ сообщу въ слѣдующемъ письмѣ.

XLVIII.

Берлинъ, 14-го іюля 1897 г.

Мнѣніе вождя свободомыслящихъ, высказанное при обсужденіи проекта о собраніяхъ, такъ любопытно съ точки зрѣнія характеристики современнаго политическаго положенія въ Германіи, что на немъ стоитъ остановиться и послѣ того, какъ проектъ отвергнутъ прусской палатой.

„Мои политическіе друзья,—сказалъ Рихтеръ,—всегда были

противниками исключительныхъ законовъ; наша точка зрѣнія по отношенію къ политической системѣ, которую депутатъ Либеръ такъ вѣрно охарактеризовалъ словами: rückwärts, rückwärts, Don Rodrigo! не нуждается въ объясненіяхъ, и мы поэтому спокойно могли бы предоставить національ-либераламъ препираться съ правительствомъ, которое даже на ихъ взглядъ злоупотребляетъ правомъ не понимать потребностей просвѣщеннаго народа. Рѣчь г. Микеля, однако, заставила меня отказаться отъ первоначальнаго намѣренія — не говорить при нынѣшнихъ дебатахъ. Участіе въ нихъ новаго вице-президента прусскаго министерства интересно во многихъ отношеніяхъ. Г. Микель, безспорно, лучше понимаетъ парламентаризмъ, чѣмъ его предшественникъ: тотъ во время второго чтенія нынѣшняго законопроекта тоже присутствовалъ въ палатѣ, но это было только, такъ сказать, тѣлесное присутствіе, тогда какъ Микель сразу понялъ, что силъ его коллеги, министра внутреннихъ дѣлъ, не хватаетъ на то, чтобы сколько-нибудь удержать правительство на высотѣ положенія. Такіе министры, какъ фонъ-деръ-Рекке, не созданы для затруднительныхъ условій *(Бурный смѣхъ)*. Если въ томъ еще могло быть сомнѣніе, то оно устранено классическимъ изреченіемъ этого государственнаго человѣка: когда нынѣшній проектъ станетъ закономъ, значительная часть сторонниковъ соціалъ-демократіи покинетъ ея лагерь... Кто такъ мало понимаетъ свое время, отъ того нельзя ничего другого ожидать, кромѣ вздорныхъ или вредныхъ рецептовъ".

Но вы, г. Микель,—обращается Рихтеръ къ министру финансовъ и вице-президенту кабинета:—вы, вѣдь, не даромъ пользуетесь репутаціей умнаго и осторожнаго человѣка, неужели вы способны отождествлять себя съ такими знахарями? Вы помните, можетъ быть, что на предыдущихъ дебатахъ, когда о васъ шла только рѣчь, какъ о будущемъ руководителѣ внутренней политики, я выразилъ желаніе выслушать ваше мнѣніе объ этомъ законопроектѣ. Меня очень интересовало, какъ вы выгородите себя; я былъ почти увѣренъ, что вы постараетесь дать понять, что такіе эксперименты не по вашему вкусу. Не потому, чтобы я вѣрилъ въ остатокъ либерализма, будто сохранившійся еще у васъ отъ прежняго времени: нѣтъ, либерализмъ депутата Микеля улетучился у министра Микеля безъ всякаго остатка. Но я разсчитывалъ на вашъ умъ. Ваше прошлое не помѣшало вамъ подписать вмѣстѣ съ другими министрами школьный проектъ Цедлица, отдававшій народную школу клерикаламъ и піетистамъ. Какъ умный человѣкъ, вы

видѣли, однако, ясными глазами, что буря, поднявшаяся въ странѣ противъ клерикализаціи школъ, грозитъ очень серьезными послѣдствіями, и вы свободно вздохнули, когда школьный проектъ убрали вмѣстѣ съ его иниціаторомъ. Отъ умнаго, хотя и не либеральнаго Микеля я ожидалъ, что онъ не станетъ напрасно себя компрометтировать и постарается не дать правительству погружаться слишкомъ глубоко въ болото, въ которое толкаютъ сочинители такихъ проектовъ. Допустимъ, что прежде даже неглупые люди еще могли надѣяться на подавленіе новыхъ идей насильственными мѣрами, но теперь, послѣ 12-лѣтняго опыта другого и болѣе суроваго исключительнаго закона, послѣ этого злосчастнаго опыта, снова повторять въ Германіи ту же ошибку значитъ быть такимъ неопытнымъ бюрократомъ, какъ, напр., нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ. Еслибъ у васъ даже не было урока прошлаго, вы, г. министръ, какъ мыслящій человѣкъ, должны были сказать себѣ: никогда не слѣдуетъ аттаковать противника въ его сильнѣйшей позиціи, а область народныхъ собраній, право союзовъ,—именно одинъ изъ сильнѣйшихъ пунктовъ, гдѣ укрѣпленія вашего врага неприступны. Нападая на него съ этой стороны, вы рискуете, что съ тыла и боковъ на васъ нападутъ и тѣ, которые вовсе не симпатизируютъ крайнимъ идеямъ. Министру внутреннихъ дѣлъ или депутату Цедлицу еще простительно думать, что, издавая полицейскіе законы и лишая гражданскаго права взрослыхъ людей, мы, какъ послѣдній выразился, „пробудимъ благонамѣренное населеніе отъ сна и заставимъ его бороться съ опасными стремленіями“; но вы, умный Микель, не можете не понимать той простой истины, что спящихъ не пробуждаютъ, назначая новыхъ ночныхъ сторожей: чѣмъ больше сторожей, тѣмъ плотнѣе сонные бюргеры надвигаютъ ночной колпакъ на голову. *(Браво, очень хорошо! на лѣвой и въ центрѣ.)* А между тѣмъ ученія, съ которыми вы боретесь, дѣйствительно заслуживаютъ энергичнаго отпора, но противъ интеллигентныхъ и убѣжденныхъ противниковъ съ успѣхомъ могутъ выступать не полицейскіе, а убѣжденные и интеллигентные сторонники существующаго порядка“.

Умъ г. Микеля, все-таки, сказался въ манерѣ и отчасти въ содержаніи его рѣчи. Министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ съ простотою человѣка, не задающагося вопросомъ: что будетъ, если наше предложеніе отвергнутъ? Онъ очень хорошо понимаетъ, что, если проектъ будетъ отклоненъ,—а это весьма вѣроятно,—то правительство очутится въ болѣе, чѣмъ неловкомъ положеніи.

Для чего было напрасно волновать страну, къ чему создавать страхъ и озлобленіе, затягивать безъ нужды сессію? И предусмотрительный Микель поэтому говоритъ въ такомъ тонѣ, какъ будто и ему, и правительству въ сущности рѣшительно все равно, примемъ ли мы проектъ или отвергнемъ, пойдемъ ли назадъ, или отстоимъ небольшой запасъ прусской свободы. „Нѣтъ, г. министръ, вы ошибаетесь, когда говорите, что отношенія правительства къ партіямъ отъ этого не измѣнятся; они фактически должны измѣниться, послѣ того какъ вы показали намъ, куда можетъ завести курсъ нынѣшняго правительства! Принципіально же ваше положеніе—отголосокъ государственнаго порядка, существовавшаго у насъ до 48-го года. Правительство, заявляющее, что все остается по-старому, хотя противъ него высказалось большинство парламента, не понимаетъ смысла конституціи". *(Крики справа: у насъ не парламентаризмъ!)* „Внѣ всякаго сомнѣнія, — отвѣчаетъ Рихтеръ, — но и болѣе скромныя конституціонныя требованія не согласуются съ игнорированіемъ народнаго представительства. Что касается г. Микеля, то отъ него меньше всего можно было ожидать противопоставленія абсолютизма фракцій и партій добрымъ намѣреніямъ правительства. Въ добрыхъ намѣреніяхъ мы не сомнѣваемся, но зачѣмъ напрасно возбуждать воспоминанія о томъ, какъ часто поступки съ ними расходились? Существованіе этого прусскаго ландтага, —продуктъ историческихъ обстоятельствъ, убѣдившихъ прусскую націю, что на добрыхъ намѣреніяхъ нельзя основать благополучія государства. Теперь же, не только при болѣе развитыхъ условіяхъ народной жизни, но и при своеобразномъ характерѣ нынѣшняго правительства, призывъ къ довѣрію и стремленіе въ то же время дискредитировать палату въ устахъ человѣка съ такимъ богатымъ опытомъ, какъ Микель, звучитъ ироніей, насмѣшкой. Кому мы станемъ довѣрять, чью программу вы развиваете въ застольныхъ рѣчахъ и здѣсь въ „Домѣ"? Іюньскаго правительства больше нѣтъ, а относительно іюльскаго никто не можетъ сказать, что оно просуществуетъ до зимы. О канцлерѣ Гогенлоэ очень упорно говорятъ, что онъ не продержится долѣе осени. Программы г. Микеля въ томъ лишь случаѣ имѣютъ практическое значеніе, если онъ увѣренъ, что преемникомъ Гогенлоэ будетъ не кто иной, какъ Іоганнъ Микель. *(Бурный хохотъ.)* Однако, и это, говоритъ, еще не совсѣмъ установлено". *(Продолжительный, долго несмолкающій хохотъ.)*

Рихтеръ, тѣмъ не менѣе, считаетъ нужнымъ остановиться на

основныхъ пунктахъ программы Микеля. Въ искусствѣ отвлекать вниманіе отъ главныхъ предметовъ спора у министра, вѣдь, мало соперниковъ, „и по какимъ только полямъ, усѣяннымъ цвѣточками, онъ насъ сегодня не водилъ,—юмористически восклицаетъ ораторъ,—чего онъ не касался! Между прочимъ, министръ говорилъ объ обязанности государства защищать слабыхъ. Чудесныя слова! Но когда мнѣ говорятъ о призваніи защищать слабыхъ въ ту самую минуту, когда этимъ слабымъ готовятся зажать ротъ, чтобы они не кричали, не нарушали покоя, то я отвѣчаю: благодарю покорно, пѣтъ ужъ, знаете, лучше не защищайте, мы какъ-нибудь и безъ васъ обойдемся". *(Смѣхъ и шумное одобреніе.)* Микель, далѣе, замѣтилъ, что каждый производительный классъ, каждая группа населенія должна прійти къ заключенію, что они не могутъ добиться для себя большаго, чѣмъ что допустимо безъ ущерба для цѣлаго государства и общества. Великая истина, совершенно какъ $2 \times 2 = 4$, но что же она доказываетъ на практикѣ? Не правда ли, при данныхъ условіяхъ общественнаго устройства классъ землевладѣльцевъ, въ сущности оказывающій столь ничтожное вліяніе на судьбы и развитіе германской культуры и національнаго могущества, не можетъ ожидать, чтобы ради него, ради какихъ-нибудь нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, пожертвовано было интересами милліоновъ бѣдняковъ? Вотъ на что нужно дать отвѣтъ, а г. Микель, любимецъ аграріевъ, отвѣчаетъ намъ, что дважды-два—четыре и водитъ насъ гулять по полямъ, усѣяннымъ цвѣтами. *(Продолжительный хохотъ.)* И при всей своей осторожности, при всемъ стараніи придать своимъ словамъ общую, хотя и красивую форму, чтобы одинъ понялъ ихъ такъ, другой иначе и каждый, все-таки, сказалъ: шампанское, настоящее шампанское, развѣ не видите пѣны?—при всемъ стараніи, Микель, все-таки, не съумѣлъ скрыть своего чисто механическаго взгляда на государство. Для него государственная мудрость сводится къ компромиссу между сословіями, какъ будто надъ всѣми нами нѣтъ объединяющаго отечества, интересовъ всѣхъ гражданъ, не имѣющихъ ничего общаго съ сложеніемъ и вычитаніемъ. *(Шумное одобреніе, протесты справа.)*

Сколько цѣны можно придавать общимъ фразамъ, лучше всего показываетъ замѣчаніе Микеля, что одна изъ насущнѣйшихъ нуждъ нашего времени—соединеніе всѣхъ здравомыслящихъ гражданъ, сплоченіе группъ и партій, дорожащихъ существующимъ. Мысль не нова, ее Бисмаркъ пытался осуществить въ картелѣ,

печальной памяти. Но что дѣлаетъ Микель, что дѣлаетъ нынѣшнее правительство для осуществленія столь насущной потребности? Оно вырабатываетъ законопроектъ о собраніяхъ, служащій поводомъ къ тому, что націоналъ-либералы оказываются въ оппозиціи! Г. Микель, какъ умный человѣкъ и старый вождь націоналъ-либераловъ, не могъ же не знать, что его прежніе единомышленники не такъ быстро развились, какъ онъ самъ, *(Бурный смѣхъ)* и что такая осторожная партія не совершаетъ самоубійства и не вотируетъ законовъ, стоящихъ въ полномъ противорѣчіи съ принципами самаго скромнаго либерализма. Мало того: вы вторично вносите этотъ проектъ въ формѣ исключительнаго закона, приданнаго ему палатой господъ, въ разсчетѣ, что заводчики и фабриканты пожертвуютъ либерализмомъ ради своихъ сословныхъ интересовъ и разойдутся съ остальными націоналъ-либералами. Что же это такое, какъ не спекуляція на расколъ партіи, принадлежащей къ столпамъ порядка, и кто спекулируетъ на расколъ? Бывшій вождь партіи, умнѣйшій членъ правительства, призывающій къ объединенію сторонниковъ существующаго порядка! *(Громъ апплодисментовъ на лѣвой и въ центрѣ).*

Одно изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ въ рѣчи Рихтера, сильныхъ съ нѣмецкой точки зрѣнія, было то, въ которомъ онъ охарактеризовалъ попытку создать исключительный законъ для Пруссіи, какъ актъ чистѣйшаго партикуляризма. Въ Берлинѣ не безъ тревоги слѣдятъ за усиленіемъ партикуляризма у баварцевъ, швабовъ, даже саксонцевъ, и еще бы не тревожиться, когда положеніе Пруссіи во главѣ Германіи тѣснѣйшимъ образомъ связано съ увлеченіемъ идеей германскаго единства. Быть партикуляристомъ еще не значитъ быть сепаратистомъ. Ни одинъ благоразумный нѣмецъ не думаетъ теперь о возвращеніи къ порядку 63-хъ или 24-хъ различныхъ отечествъ, но можно себѣ представить объединенную Германію и безъ прусской гегемоніи. Вы понимаете, какъ сильно поэтому дѣйствуютъ такіе аргументы, какъ доказательство, что образъ дѣйствій прусскаго правительства, пытающагося провести реакціонные законы черезъ прусскую палату, послѣ того какъ противъ нихъ высказался рейхстагъ, — актъ грубѣйшаго партикуляризма, колеблющій прусскую гегемонію. „Мало вамъ, — спрашиваетъ Рихтеръ, — что мы становимся все болѣе несимпатичными нѣмцамъ-южанамъ вслѣдствіе своихъ юнкерскихъ замашекъ, что они видятъ въ насъ угрозу своимъ болѣе свободнымъ учрежденіямъ? Зачѣмъ же вы имъ создаете еще прецеденты на почвѣ за-

конодательства и мобилизуете Пруссію противъ Германіи? Это вообще опасный прецедентъ, но теперь,—восклицаетъ Рихтеръ, заканчивая свою рѣчь,—вы прямо играете огнемъ, потому что никогда еще, со времени Фридриха-Вильгельма IV, правительство у насъ не было такъ непопулярно и такъ неавторитетно, какъ въ настоящее время".

Лѣвая и центръ горячо привѣтствуютъ оратора. Послѣ короткой реплики Микеля начинается голосованіе, результатъ котораго—209 *противъ*, 205 *за*, — вызываетъ громъ апплодисментовъ на скамьяхъ оппозиціи.

XLIX.

Берлинъ, 7-го Августа 1897 г.

Кому случалось изучать исторію фабричнаго законодательства, тотъ хорошо знаетъ, какую великую службу сослужила и въ этомъ отношеніи нѣмецкому народу обязательная школа. Задаваясь цѣлью провести всеобщую грамотность, школа столкнулась съ эксплоатаціей дѣтей, особенно широко практиковавшейся во всѣхъ промышленныхъ центрахъ. Нельзя было требовать отъ дѣтей, чтобы они были внимательны въ школѣ, если имъ еще приходилось работать остальную часть дня, а иногда и цѣлую ночь. Я не буду излагать здѣсь исторіи этой борьбы противъ жадности, невѣжества и бѣдности, длившейся съ начала нынѣшняго вѣка почти до нашихъ дней; достаточно только отмѣтить, что школа, при помощи другихъ союзниковъ, побѣдила. Дѣти допускаются къ фабричнымъ и заводскимъ работамъ не раньше, какъ по окончаніи курса народныхъ училищъ, т. е. въ небольшой части Баваріи — въ 13, въ Пруссіи и преобладающей части остальной Германіи — только въ 14 лѣтъ.

Теперь школа снова подымаетъ войну противъ изнуренія дѣтей занятіями въ ремеслахъ, сельскомъ хозяйствѣ и мелкихъ городскихъ промыслахъ. Какъ ни развиты фабричныя производства, они далеко не охватываютъ всей области хотя бы только городского труда. Законъ, запрещающій дѣтямъ работать въ школьномъ возрастѣ на фабрикахъ, несомнѣнно былъ благодѣяніемъ для массы школьниковъ, но не для всѣхъ. Тысячи дѣтей все еще трудятся въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и такъ какъ при соединеніи промысловыхъ занятій съ ученіемъ въ школѣ отъ послѣдняго мало толка, то они выходятъ недоучившимися, тупыми, неприспособленными къ жизни.

Въ Рикедорфѣ, рабочемъ предмѣстьѣ Берлина, школьный учитель Агадъ задался цѣлью опредѣлить, насколько профессіональный трудъ мѣшаетъ интересамъ школы? Раньше его другіе народные учителя уже замѣчали, что дѣти, наиболѣе отстающія, оказываются изнуренными не школой, а трудомъ для заработка. Но Агадъ первый систематически изучилъ свою школу по отношенію къ внѣшкольнымъ занятіямъ ея учениковъ. Результаты получились ужасающіе. Правда, дѣтей, приходящихъ въ школу послѣ работъ, или вынужденныхъ трудиться послѣ школы, оказалось меньшинство, но какая, все-таки, страшная картина открылась предъ наблюдателемъ! Малютки 7-ми и 8-ми лѣтъ, прежде чѣмъ прійти въ школу, успѣли уже утомиться; многіе изъ нихъ до поздней ночи сидятъ, согнувъ спину, въ мастерской, или разносятъ товаръ, ложатся спать въ 12, встаютъ въ 5—6 ч. Немудрено, что они засыпаютъ въ школѣ. Притомъ это—дѣти, хуже другихъ питающіяся, на блѣдныхъ личикахъ которыхъ можно уже прочесть слѣды нищеты. Сообщеніе рикедорфскаго учителя произвело сенсацію. Не только прусское, но и баварское министерство поручило учителямъ собрать свѣдѣнія о жизни дѣтей, вынужденныхъ трудиться для заработковъ.

Примѣръ Агада нашелъ подражателей, и теперь инициаторъ этихъ въ высшей степени полезныхъ изслѣдованій можетъ уже привести результаты, собранные его товарищами въ 16-ти другихъ городахъ. Безъ сомнѣнія, на конгрессѣ народныхъ учителей, который въ будущемъ году состоится въ Бреславлѣ, представленъ будетъ еще несравненно болѣе полный матеріалъ, сгруппированный по чрезвычайно толково составленнымъ вопроснымъ листамъ. Но и тѣ данныя, которыя приведены теперь Агадомъ, на основаніи его собственныхъ изслѣдованій и трудовъ его товарищей, уже бросаютъ яркій свѣтъ на условія жизни очень значительной группы городскихъ школьниковъ.

Число дѣтей, занимающихся промысловымъ трудомъ, колеблется между 5 и 41% всѣхъ учащихся. Въ абсолютныхъ числахъ рѣзче, конечно, выступаетъ масса трудящихся дѣтей въ большихъ городахъ. Въ Гамбургѣ, напримѣръ, на почти 65,000 школьниковъ 6,208 трудящихся внѣ школы, въ Тельшовѣ и нѣкоторыхъ другихъ предмѣстьяхъ Берлина промысловыя дѣти составляютъ десятки тысячъ, въ Аахенѣ насчитали болѣе 2,000 дѣтей, имѣющихъ свой заработокъ. Однако не надо думать, чтобы промысловый трудъ дѣтей былъ особенностью только большихъ городовъ.

Въ лежащей предо мною статистикѣ встрѣчается, напр., крошечный городъ въ Тюрингіи, Schmölln, въ которомъ изъ 880 учащихся дѣтей 336, т. е. болѣе 40%, работаютъ внѣ школы, между тѣмъ какъ въ крупномъ промышленномъ центрѣ, какъ Лейпцигъ, процентъ трудящихся школьниковъ еще не превышаетъ 15. Нетрудно найти причины такого различія: во-первыхъ, масса мелкихъ городовъ живетъ кустарными или такъ-называемыми домашними промыслами, надъ которыми нѣтъ надзора; во-вторыхъ, работникамъ мелкихъ промысловъ въ борьбѣ съ фабрикой часто приходится напрягать силы до истощенія, и не только силы отца и матери, но и маленькихъ дѣтей. Ради куска хлѣба съ селедкой и картофелемъ ручной ткачъ работаетъ съ семьею по 14-ти — 15-ти часовъ въ сутки.

Статистика народныхъ учителей, такимъ образомъ, показываетъ, что внѣшкольныя занятія дѣтей — очень распространенное явленіе. Вникая въ детали каждаго отдѣльнаго изслѣдованія, мы замѣчаемъ далѣе, до какой степени эти занятія разрушаютъ физическія силы учащихся и парализуютъ усилія школы. Вотъ, напримѣръ, маленькіе разносчики хлѣба въ Шарлоттенбургѣ. Ихъ всѣхъ 357, старшему 14-й годъ, но они начали разносить уже *съ четырехъ лѣтъ*. Въ школѣ ученіе начинается въ 7 часовъ лѣтомъ и въ 8 часовъ зимою, но дѣти поднимаются гораздо раньше: у 20-ти мальчиковъ трудовой день начинается въ 4 часа утра *(зимой!)*, у 85-ти мальчиковъ и 10 дѣвочекъ между 4 и $4^1/_2$ часами утра, 88 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ начинаютъ разносить въ 5, другіе между 5-ю и 6-ю часами. Въ теченіе 3-хъ часовъ, въ среднемъ, каждый ребенокъ обходитъ 15 — 20 домовъ, а такъ какъ берлинскіе и шарлоттенбургскіе дома, по большей части, въ 5—6 этажей, то дитя къ началу занятій въ школѣ успѣло устать до изнеможенія, карабкаясь съ лѣстницы на лѣстницу. Таково же положеніе маленькихъ разносчиковъ и разносчицъ газетъ, обѣгающихъ не мало лѣстницъ, два раза въ день разнося утреннія и вечернія изданія. Съ точки зрѣнія физическаго напряженія, работа легче у дѣтей, нанимающихся при кегельбанахъ, исполняющихъ порученія на вокзалахъ и т. п., но эта работа, хотя и неправильная, продолжается до 12 час. ночи, и въ особенности интенсивна по воскресеньямъ и праздникамъ. Если печальна участь взрослаго работника, лишеннаго воскреснаго отдыха, то еще печальнѣе,— справедливо замѣчаетъ Агадъ,—участь такихъ дѣтей, по условіямъ физическаго своего развитія нуждающихся въ правиль-

номъ, періодическомъ возстановленіи расходуемыхъ силъ. Нечего говорить, какъ жизнь на улицѣ до 12 час. ночи отражается на нравственности дѣтей. Шарлоттенбургскій учитель почти не встрѣчалъ примѣра, чтобы дѣти этой категоріи, выходя изъ школы, занялись профессіональнымъ трудомъ въ ремеслѣ или на фабрикѣ: они становятся кельнерами, разносчиками, увеличиваютъ ряды самой дурной черни, но не идутъ въ рабочіе. Случайность ли это,— спрашиваетъ Агадъ, — что на 100 несовершеннолѣтнихъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ Плецензее близъ Берлина, 70 занимались промысловымъ трудомъ, находясь въ школѣ?

Дѣло, разумѣется, не только въ работѣ, но и въ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, которую ведутъ такія несчастныя дѣти. Сколько-нибудь хорошо зарабатывающій рабочій или ремесленникъ не посылаетъ своихъ дѣтей въ 4 часа утра разносить хлѣбъ и газеты и не оставляетъ ихъ до 12 час. ночи на улицѣ. Школьники-работники, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, главнымъ образомъ, дѣти вдовъ, незаконнорожденные, или принадлежатъ къ семьямъ, въ которыхъ отецъ пьяница, больной, или не имѣетъ работы. Бѣда еще въ томъ, что для такихъ дѣтей промысловая работа вдвойнѣ опасна: они, по большей части, физически хилы (въ Ганноверѣ, напр., отчетъ называетъ 121 мальчика и 116 дѣвочекъ „болѣзненными и худыми"). Школа была бы для этихъ несчастныхъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ они могли бы услышать не брань и не проклятія; и еслибъ только дѣти приходили въ школу не усталыми и притупленными, она могла бы имъ помочь выбраться изъ ужасныхъ условій семьи. Теперь, къ сожалѣнію, такія дѣти мало чему въ школѣ научаются, кромѣ элементарной грамоты. Въ Рикздорфѣ изъ 496 „промысловыхъ" дѣтей 260 остались на 2-й годъ въ томъ же классѣ; въ Ганноверѣ учитель замѣчаетъ, что болѣе 50% дѣтей этой категоріи „прилежанія и развитія ниже нормальнаго", причемъ на дѣвочкахъ дурныя послѣдствія работы еще болѣе замѣтны, чѣмъ на мальчикахъ.

Всматриваясь въ эту грустную картину, убѣждаешься въ справедливости прекрасныхъ словъ д-ра Якоби на VII международномъ гигіеническомъ конгрессѣ, цитируемыхъ и Агадомъ: „Ранній дѣтскій трудъ означаетъ невѣжество, невѣжество означаетъ безпомощность и нищету, нищета же имѣетъ своими спутниками—рабочій домъ, преступленіе и тюрьму".

L.

Берлинъ, 18-го сентября 1897 г.

Къ ходячему слову „милитаризмъ“, тѣсно связанному съ представленіемъ о современной Германіи, кажется, прибавится новое, которое укажетъ на перемѣщеніе центра тяжести вооруженій изъ военнаго вѣдомства въ морское. Въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ, выраженіе „маринизмъ“ уже въ большомъ употребленіи, появились даже варіанты.

Дѣло, однако, не въ выраженіяхъ, а въ сущности возникшаго спора. Несомнѣнно, что очень серьезные конфликты предстоятъ въ Германіи, и вѣроятно также, что увеличеніе флота дастъ толчекъ къ такому возбужденію страстей, которое обратитъ на себя вниманіе всей страны. Императоръ не даромъ вспоминалъ недавно въ Кобленцѣ о смутномъ періодѣ въ Пруссіи, когда его дѣдъ при помощи Бисмарка сломилъ сопротивленіе парламента. Тогда рѣчь шла о реорганизаціи арміи, теперь на очередь выступаетъ широкая „реформа“ флота. Судя по опубликованнымъ свѣдѣніямъ, новый морской министръ Тирпицъ—Роонъ флота, какъ его называютъ морскіе энтузіасты,—выработалъ планъ увеличенія морскихъ силъ, который потребуетъ въ ближайшія 10 лѣтъ ровно полъ-милліарда марокъ. Императоръ будетъ настойчиво защищать это требованіе, которое въ его глазахъ только минимумъ того, что нужно для поднятія флота на надлежащую высоту. Увѣряютъ даже, что его собственныя желанія далеко не такъ скромны, какъ проектъ адмирала.

Въ сущности, нѣмцу не надо быть радикаломъ, чтобы отклонить новыя посягательства на свой карманъ. Онъ можетъ сослаться на авторитетнаго государственнаго человѣка, рецептами котораго нынѣшнее правительство въ данномъ случаѣ руководится,—на кн. Бисмарка.—Вы хотите повторить мою ловкую тактику во время спора съ прусской палатой, вы помните также, что я избиралъ военные вопросы лозунгомъ на выборахъ въ рейхстагѣ?—спрашиваетъ экс-канцлеръ;—прекрасное желаніе, но нужно и умѣніе, и... зачѣмъ скрывать? нужно и немножко счастья. Вѣдь, что со мною было бы, если бы въ 1864 году насъ не вывезла военная удача, цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ? И когда я спорилъ съ рейхстагомъ изъ-за сентената, то это былъ вопросъ, затрогивающій армію, это каждый гражданинъ видитъ; флотъ же—на водѣ, его не

увидишь изъ Берлина или Лейпцига, да и на что намъ, въ самомъ дѣлѣ, гоняться за англичанами и французами? — Старику попытались зажать ротъ любезностями — окрестили его именемъ одно изъ величайшихъ военныхъ судовъ, но Бисмаркъ не поѣхалъ на празднество, а послалъ вмѣсто себя свою невѣстку: для такихъ пустяковъ, на его взглядъ, достаточно заурядной женщины. Вы читали, вѣроятно, отвѣтъ на привѣтственную телеграмму, которую Вильгельмъ ему прислалъ по этому поводу? Очень почтительно, очень сухо благодаритъ старикъ за высокую честь и ни однимъ словомъ не дастъ въ руки правительства аргумента за морскіе проекты.

Естественно, что когда готовится конфликтъ изъ-за флота, партіи начинаютъ группироваться по своему отношенію къ жгучему вопросу дня. Рихтеръ сейчасъ же поставилъ морской споръ въ центръ своей избирательной тактики. Точно такъ же поступаютъ клерикалы и консерваторы, — одни агитируютъ противъ, другіе за новые проекты. Хуже всего въ такихъ положеніяхъ партіямъ середины и компромиссовъ, тѣмъ, которыя, съ одной стороны, не могутъ не признать, а съ другой не могутъ и не сознаться. Типичными представителями такой дряблой и дряхлой политики являются, конечно, національ-либералы, но они не единственные. Къ нимъ нужно причислить и то правое крыло свободомыслящихъ, которое подъ предводительствомъ Рикерта отдѣлилось отъ прогрессистовъ. Въ шутку прозванные придворными демократами, они хотятъ доказать, что имъ недаромъ дали столь лестную кличку. По ихъ мнѣнію, либерализмъ дѣлаетъ будто-бы непростительную ошибку, сосредоточивая свою оппозицію на военныхъ и морскихъ вопросахъ. Конечно, очень прискорбно, что народъ долженъ нести на своихъ плечахъ бремя военныхъ налоговъ, но что подѣлаешь? Такова ужъ судьба современной Европы, и почему же либералы, демократы и даже нѣкоторые соціалисты въ другихъ странахъ не затрогиваютъ военныхъ вопросовъ? Придворные демократы à la Рикертъ къ тому же еще большіе дипломаты. Императоръ,—говорятъ они,—вовсе не консерваторъ въ душѣ; это — человѣкъ, получившій воспитаніе въ университетѣ, понимающій духъ своего времени. Если онъ отъ поры до времени высказываетъ средневѣковыя симпатіи, то ихъ не надо понимать въ буквальномъ смыслѣ, а скорѣе какъ выраженіе извѣстныхъ художественныхъ вкусовъ, подобно тому, какъ многіе любятъ, напримѣръ, обставлять себя античными или готическими вещами. Предложите такому любителю старины вернуться къ общественнымъ условіямъ его излюбленнаго вѣка, и

онъ разсмѣется вамъ въ лицо. Вотъ точно такъ надо понимать и выраженія императора. Отчего же либерализму не попытаться приблизиться къ нему? Вѣдь, мы его сами толкаемъ въ лагерь реакціонеровъ, лично ему вовсе не симпатичныхъ, но у которыхъ онъ находитъ сочувствіе и поддержку своимъ военнымъ и морскимъ фантазіямъ. Правда, послѣднія довольно дорого обойдутся странѣ, но что значатъ нѣсколько сотъ милліоновъ въ сравненіи съ эрой просвѣщенія, съ союзомъ между либерализмомъ и Гогенцоллернами?

Какіе вы еще наивные люди,—отвѣчаютъ Рикерту и компаніи ихъ прежніе политическіе друзья.—Вы разсуждаете точь-въ-точь, какъ національ-либералы, когда Бисмаркъ главенствовалъ въ Германіи. Тѣмъ тоже приходилось часто приносить, какъ они сами говорили, Opfer des Verstandes, жертвовать разумомъ, и что же вышло? Ихъ толкали со ступеньки на ступеньку, пока они не пали такъ низко, что потеряли всякій стыдъ и заключили продиктованный имъ Бисмаркомъ картель съ консерваторами; вмѣстѣ съ нимъ они создали исключительные законы, подачки юнкерамъ, пошлины на хлѣбъ. Сила всякой политической партіи заключается въ стойкости и упорствѣ, съ которыми она защищаетъ свои идеи. Въ уступкахъ — ея гибель: пойдите навстрѣчу милитаризму, онъ васъ съѣстъ, безъ всякой пользы для свободы и просвѣщенія, которымъ вы хотите служить.

Невольно напрашивается сравненіе отцовъ съ дѣтьми: вѣдь эти дипломатизирующіе либералы, кладущіе палецъ въ ротъ молоху милитаризма — сыновья людей 1848 года, мечтавшихъ о наступленіи Völker-Frühling, весны народовъ, братства людей. Уже приближается 50-ти лѣтіе той замѣчательной эпохи въ исторіи Германіи и Европы. Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ появились первые выпуски юбилейныхъ сочиненій, рисунки, карикатуры, портреты замѣчательныхъ дѣятелей; составился комитетъ, собирающій на памятникъ, который поставленъ будетъ жертвамъ мартовскихъ дней—гражданамъ, павшимъ за внутреннее освобожденіе родины.

Замѣчательное явленіе, повторяющееся почти у всѣхъ западныхъ народовъ и на всѣхъ поприщахъ общественной жизни и научной мысли: люди мельчаютъ, а условія жизни становятся лучше, и не только для меньшинства. Я, конечно, очень далекъ отъ мысли идеализировать настоящее: еще очень долго придется бороться за то, чтобы исчезли наиболѣе вопіющія злоупотребленія, но если

сравнить, напр., Германію наканунѣ 1848 года съ нынѣшней, то окажется, что она прошла порядочную дистанцію впередъ. На дняхъ „Frankfurter Zeitung“ вспомнила, въ какомъ состояніи находилась Силезія, когда тамъ наступилъ голодъ 1847 года: болѣе 20,000 человѣкъ умерло отъ голоднаго тифа, кустари откапывали падаль и, какъ дикіе звѣри, бросались на „лакомый“ кусокъ. Невѣжество было такъ велико, что населеніе приписывало свою бѣду гнѣву неба за то, что, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, перестало пить „даръ Божій—водку“. Вирховъ тогда написалъ свой знаменитый отчетъ о голодномъ тифѣ. Молодой врачъ не идеализировалъ народа, но не щадилъ и тупой бюрократіи. Люди, которыхъ сотни лѣтъ топтали и давили, которые привыкли работать изъ-подъ палки, не могутъ сразу стать истинно-свободными гражданами. Нельзя было и ожидать, чтобы они воспользовались своимъ освобожденіемъ такъ, какъ имъ воспользовался бы человѣкъ, лишенный испытанной раньше свободы и разорвавшій, наконецъ, цѣпи. Крестьянство долго было предоставлено себѣ самому, „вокругъ него нѣтъ ни учителей, ни друзей, которые поддержали бы его на первыхъ шагахъ по новому пути, объяснили бы ему значеніе независимости и научили, что упорнымъ трудомъ и образованіемъ можно войти въ болѣе свѣтлую жизнь“. Съ нескрываемымъ отвращеніемъ Вирховъ говорилъ о чиновничествѣ, видѣвшемъ свои обязанности только во взысканіи податей, изданіи приказовъ, пугавшемъ, но не поддерживавшемъ народъ. Когда вспыхнулъ голодъ, оно оказалось совершенно не подготовленнымъ и такъ же изумленнымъ, какъ министры въ Берлинѣ. Вмѣсто того, чтобы принять быстро мѣры, администрація стала увѣрять, что событіе страшно раздуто демократами, и цензурѣ приказано было задерживать всѣ газеты и брошюры, въ которыхъ упоминалось о голодѣ... Да, о такихъ явленіяхъ современный нѣмецъ можетъ сказать: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Повторяю, я не слишкомъ превозношу пріобрѣтенія послѣдней половины вѣка: еще многое въ нынѣшней Германіи напоминаетъ времена до-мартовской Пруссіи, а порою всплываютъ такія черты холопства, неуваженія къ культурѣ, которыя казались давно похороненными. Или это только атавизмъ? Во всякомъ случаѣ, съ нимъ можно бороться и громко взывать къ лучшимъ сторонамъ человѣка и общества, не боясь шипѣнія злобствующихъ патріотовъ.

LI.

Берлинъ, 3-го октября 1897 г.

Народные учителя въ Берлинѣ и всей остальной Пруссіи сегодня празднуютъ замѣчательный юбилей: 25 лѣтъ тому назадъ произошла отмѣна ненавистныхъ эдиктовъ 1854 года, въ теченіе 18-ти лѣтъ позорившихъ одно изъ величайшихъ пріобрѣтеній нѣмецкаго народа. Въ разгаръ реакціи ненависть піэтистовъ обратилась противъ свѣтской школы, вносящей будто бы смуту въ умы. То, что впослѣдствіи стало гордостью Германіи, изображалось тогда источникомъ заразы, причиной народнаго недовольства, и больному, обнаруживавшему уже признаки душевнаго разстройства королю внушили, что не будь народной школы, не было бы и движенія 48-го года. Фридрихъ-Вильгельмъ IV обратился къ депутаціи директоровъ учительскихъ семинарій съ слѣдующей рѣчью: „Все горе, всѣ несчастія отъ только-что пережитыхъ событій—ваша вина. Да, да, вы распространяли въ народѣ мнимую науку, выдавая ее за чистую истину. И что вышло? Вы только искоренили въ сердцахъ вѣру, лишили меня монхъ вѣрноподданныхъ. Еще наслѣдникомъ я отъ всей души ненавидѣлъ эту разряженную въ павлиныя перья школьную мудрость, которая только портитъ людей. Никакая сила въ мірѣ меня теперь уже не заставитъ прекратить борьбу съ лжеученіями современной нахальной „научности“, именующей себя наукой и вносящей отраву въ народъ“. Разумѣется, нашлись сейчасъ услужливые патріоты, поспѣшившіе переложить слова короля въ дѣло. Результатомъ усилій трехъ министровъ, изъ которыхъ исторія сохранила (чтобы показать устрашающій примѣръ) имя министра народнаго просвѣщенія Раумера,—явились такъ называемые „регулятивы“ 1854 г.

Авторамъ ихъ нужно отдать справедливость: задаваясь цѣлью уничтожить „мнимое“ образованіе, они задачу свою выполнили съ такимъ усердіемъ, что отъ образованія вообще не должно было остаться слѣда. Главный недостатокъ школы, по ихъ мнѣнію, состоялъ въ томъ, что она „гонялась за химерой общечеловѣческаго образованія“. Правда, такіе утописты, какъ Песталоцци, еще въ концѣ прошлаго вѣка вызывали поклоненіе всѣхъ мыслящихъ людей въ Европѣ, среди которыхъ были и коронованныя особы; но темныя личности, окружавшія тронъ Фридриха-Вильгельма IV, считали себя лучшими педагогами и еще лучшими по-

литиками. Первымъ шагомъ новой *„реформы“* было полное подчиненіе школы надзору протестантскаго и католическаго духовенства. Въ программу народнаго образованія отнынѣ должно было входить умѣніе читать, писать и считать и заучиваніе наизусть библейскихъ и другихъ изреченій: все остальное признано было излишнею роскошью. Чтобы, однако, народные учителя не осмѣлились переступать указанныя имъ границы, министерство придумало распространить свою „реформу“ и на учительскія семинаріи. Всеобщая исторія, педагогика, философія были оттуда совершенно изгнаны, и образованіе будущаго учителя, какъ выражалось тогда министерство, не должно было слишкомъ превышать суммы свѣдѣній, необходимыхъ для обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и внушенія имъ почтенія къ обрядамъ церкви и существующему строю.

Если нѣмецкая народная школа за 18 лѣтъ господства такихъ взглядовъ не упала до уровня школъ XVII вѣка, о чемъ мечтали ея разрушители, то это не вина Раумера и его сообщниковъ. Очевидно, идеи, насажденныя въ теченіе полувѣка предъ тѣмъ, пустили слишкомъ глубокіе корни. Еще не исчезло и поколѣніе учителей, вышедшее изъ другихъ семинарій и имѣвшее во главѣ такого замѣчательнаго борца, какъ Дистервегъ, не переставшаго выступать противъ разрушенія народной культуры и пламенными рѣчами въ палатѣ, и смѣлыми брошюрами, которыя жадно прочитывались народными учителями. Не забудемъ еще одного важнаго фактора, сознательно работавшаго противъ удержанія народа въ невѣжествѣ, — нерѣдкій экземпляръ молодого интеллигентнаго пастора, вышедшаго изъ университета и понимавшаго, что на него возлагаютъ задачи обскурантизма, стоящія въ противорѣчіи съ идеями вѣка и всѣмъ ходомъ развитія. Нѣмецкая школа не погибла, но несомнѣнно, что о развитіи народнаго образованія не могло быть больше рѣчи, и достаточно сравненія прусскихъ школъ съ саксонскими или баденскими, чтобы убѣдиться, какъ тяжело отражался клерикальный гнетъ на учителѣ и его призваніи. Недаромъ поэтому всѣ прусскіе граждане, дорожащіе просвѣщеніемъ своей родины, привѣтствовали отмѣну указовъ 1854 года министромъ Фалькомъ, какъ избавленіе школъ отъ тяжкаго ига. Съ тѣхъ поръ уже прошло 25 лѣтъ, но память о пережитыхъ школою страданіяхъ еще не исчезла. Деревенскіе учителя собрали по подпискѣ крупную сумму для учрежденія премій имени своихъ избавителей — Дистервега, Фалька и его ближайшаго помощника въ министерствѣ.

Кстати напомню, что министръ Фалькъ—тотъ самый, имя котораго связано съ культуръ-кампфомъ, не радикалъ и не свободомыслящій, а умѣренный національ-либералъ. Возвращая школѣ ея свѣтскій характеръ, онъ руководился только тѣми традиціями народнаго воспитанія, на которыхъ покоится сила Германіи.

Это было вскорѣ послѣ франко-прусской войны, когда высказывалось мнѣніе, что школьный учитель—истинный побѣдитель французовъ. Немногіе, вѣроятно, знали тогда, съ какими врагами этому скромному труженику приходилось бороться внутри страны, чтобы хоть отчасти отстоять права народа на участіе въ пріобрѣтеніяхъ цивилизаціи. Съ тѣхъ поръ нѣмецкая школа сдѣлала очень большой шагъ впередъ, но плоды просвѣщенія нѣмцы пожинаютъ уже на болѣе мирномъ поприщѣ *международнаго промышленнаго соперничества*. Огромные успѣхи германской промышленности за послѣднія 25 лѣтъ—въ значительной степени продуктъ той упорной работы школы, которая подготовляла фабрикамъ интеллигентныхъ рабочихъ. Конечно, въ созданіи новыхъ отраслей труда, въ примѣненіи великихъ изобрѣтеній техники выдающіеся умы, исключительныя личности имѣютъ большое значеніе, но осуществленіе ихъ идей или инициативы въ широкихъ размѣрахъ требуетъ интеллигентныхъ исполнителей, сознательнаго отношенія къ труду, какое возможно только въ странѣ съ высокимъ уровнемъ просвѣщенія въ народныхъ массахъ.

Вотъ вамъ конкретный примѣръ, — иллюстрація, взятая изъ текущей жизни Берлина. На-дняхъ здѣсь происходило необыкновенное по своимъ размѣрамъ и торжественности празднованіе 50-лѣтняго юбилея Сименса и Гальске. Полвѣка тому назадъ на одной изъ улицъ стараго Берлина, въ заднемъ дворѣ дома по Schöneberger-Strasse, артиллерійскій поручикъ Вернеръ Сименсъ и слесарь Гальске устроили мастерскую телеграфныхъ аппаратовъ, съ 3-мя станками и 10-ю рабочими. Денегъ у обоихъ не было ни гроша, но нашелся добрый человѣкъ, ссудившій молодымъ людямъ нѣсколько тысячъ талеровъ. Изъ маленькой мастерской создалась всемірная фирма, машины и аппараты которой разсѣяны по всему міру, которая построила у насъ въ Россіи сѣть телеграфовъ, проложила кабели на днѣ океана, ввела первые электрическіе трамваи, снабдила желѣзныя дороги сигнальными аппаратами. Можно было бы наполнить цѣлую страницу перечисленіями только тѣхъ предпріятій, которыя основываются на открытіяхъ самого Сименса или его учениковъ и помощниковъ. Теперь фирма

Сименсовъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ располагаетъ штатомъ въ 2,000 инженеровъ и техническихъ служащихъ и арміей въ 15,000 рабочихъ. Рядомъ съ нею возникли и другія колоссальныя предпріятія, какъ Электрическое общество въ Берлинѣ, Общество электрическихъ предпріятій въ Лондонѣ, Брюсселѣ. И послѣ смерти Вернера Сименса предпріятія его не перестаютъ развиваться и двигать впередъ величающую отрасль современной индустріи, подобно пару совершающую переворотъ во всей промышленной жизни,—электротехнику.

Вы, вѣроятно, скажете: все это прекрасно, но вѣдь колоссальные успѣхи созданы великимъ умомъ, который былъ не столько промышленнымъ дѣятелемъ, сколько ученымъ. Вѣдь Сименсъ, прежде чѣмъ приложить на практикѣ свои изобрѣтенія, свои замѣчательныя открытія, уже обогатилъ науку? При чемъ же въ успѣхахъ его дѣла народная школа? Я на это отвѣчу, что говорю объ успѣхахъ не науки, а нѣмецкой промышленности. Безъ сомнѣнія, такіе умы, какъ Сименсъ, при всѣхъ условіяхъ общественной жизни и народнаго образованія могутъ обогащать міръ замѣчательными открытіями, но благопріятныя условія и интеллигентные исполнители нужны для того, чтобы въ столь тѣсно соприкасающихся съ повседневной жизнью изобрѣтеніяхъ сегодняшняя идея завтра стала фактомъ, и принципъ сейчасъ же переложенъ былъ въ дѣйствительную передачу силы, въ реальные вагоны безъ лошадей и пара, въ освѣщеніе улицъ. Вотъ въ этой области, гдѣ мы ежедневно и ежечасно соприкасаемся съ геніемъ человѣческихъ изобрѣтеній, отъ труда, вниманія и пониманія исполнителей зависитъ практическій успѣхъ, и Сименсъ въ правѣ былъ написать въ своихъ мемуарахъ: „Если я могу сказать, что жизнь моя была прекрасна оттого, что она была наполнена трудомъ, и труды мои увѣнчались успѣхомъ, то я долженъ къ этому прибавить еще, что мнѣ суждено было найти хорошихъ сотрудниковъ“. Вмѣстѣ съ Сименсомъ его соотечественники могутъ сказать, что если Германіи въ области электротехники удалось удержать за собою первое мѣсто въ Европѣ, то этимъ она обязана уму и труду десятковъ тысячъ людей, отъ талантливыхъ инженеровъ до простыхъ рабочихъ, сумѣвшихъ безукоризненно осуществить идеи геніальнаго изобрѣтателя.

Я невольно залюбовался въ Зоологическомъ саду, гдѣ происходило празднованіе юбилея, служащими и рабочими фирмы, 11-тысячною толпой, среди которой на каждомъ шагу попадались интеллигентныя лица. Энергичные, сознающіе свое достоинство люди, хо-

рошо одѣтые, многіе въ цилиндрахъ на головахъ. Женщины въ шляпкахъ и такихъ же платьяхъ, какія носятъ жены профессоровъ или чиновниковъ. Спросите, кто этотъ молодой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, съ перчатками и въ пенсне? Слесарь съ жалованьемъ въ 35—40 марокъ въ недѣлю. Такимъ былъ въ свое время и молодой Гальске, когда сошелся съ Сименсомъ и когда въ компаніи, на занятыя деньги, они устроили маленькую мастерскую. Все его образованіе состояло въ свидѣтельствѣ городского училища. Разумѣется, не каждый слесарь — Гальске, и не каждый берлинскій рабочій зарабатываетъ 40 марокъ въ недѣлю. Если бы это было такъ, то не было бы соціальнаго вопроса, вѣрнѣе — не было бы той угрожающей борьбы классовъ, которая заставляетъ содрогаться иныхъ слабонервныхъ людей.

Вернеръ Сименсъ, который отнюдь не былъ соціалъ-демократомъ и оставилъ состояніе въ 70 или 80 милліоновъ, все-таки, живо отзывался на нужды и интересы своихъ рабочихъ. Имъ заведено участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія и устроена пенсіонная касса, настолько богатая благодаря щедрымъ взносамъ владѣльцевъ фирмы, что по истеченіи 30-ти лѣтъ службы каждый рабочій получаетъ пенсію въ $^2/_3$ своего послѣдняго оклада. Въ берлинскихъ мастерскихъ Сименса и Гальске немало служащихъ и рабочихъ, получающихъ пенсію въ 600 — 900 марокъ и, сверхъ того, еще продолжающихъ работать. Что рабочіе ставили еще въ большую заслугу покойному Вернеру Сименсу, это его полное безпристрастіе къ ихъ политическимъ убѣжденіямъ и дѣятельности внѣ завода. На могилахъ „мартовскихъ жертвъ“ всегда красовались вѣнки съ надписью: „Отъ рабочихъ Сименса и Гальске“; большинство рабочихъ принадлежало также къ профессіональному союзу, что никогда не вызывало со стороны старика Сименса никакого противодѣйствія.

LII.

Берлинъ, 15-го ноября 1897 г.

Въ прусскихъ деревняхъ союзъ сельскихъ хозяевъ распространяетъ теперь въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ пробный нумеръ дешевой газеты для крестьянъ, предназначенной служить интересамъ аграріевъ. Передовая статья, озаглавленная: „Деревня будущаго“, Das Dorf der Zukunft, содержитъ въ себѣ слѣдующія прелестныя мѣста: все богатство, которое производитъ трудъ поселянина, стекается въ города, размножающіеся и растущіе съ

ужасающей быстротой. А кто пользуется роскошью и блескомъ городской цивилизаціи? Тупоядцы, очень часто плуты и мошенники, заслуживающіе веревки. Какъ тяжела въ сравненіи съ ихъ существованіемъ жизнь сельскаго жителя! Трудъ его несравненно упорнѣе труда горожанина, но плодами его пользуются другіе. Цѣны на всѣ предметы поднимаются, только не на продукты крестьянскаго хозяйства. Сколько бы крестьянинъ ни выбивался изъ силъ, онъ ни въ чемъ не можетъ успѣть, банки и купцы сдираютъ съ него шкуру, да и что за дѣло золоту до пота и слезъ деревенскихъ труженниковъ? Для горожанъ это вода, какъ всякая другая... Въ будущемъ все, конечно, можетъ измѣниться, если крестьяне пойдутъ на зовъ аграріевъ и станутъ вмѣстѣ съ ними отстаивать сельскіе интересы, т. е. пошлины на хлѣбъ, монополію Каница и другія „большія средства". Крестьяне должны понять, что они даютъ городамъ не только свой трудъ, но и свою свѣжую кровь. Что сталось бы съ городами, если бы прекратился приливъ свѣжей крови изъ деревни? Черезъ три поколѣнія дома опустѣли бы, и улицы заросли бы травою...

Не думайте, что это сочиненіе какого-нибудь аграрнаго журналиста, пишущаго на собственный страхъ и рискъ: газета съ такими статьями тепло рекомендуется комитетомъ, во главѣ котораго находятся баронъ Плецъ, графъ Мирбахъ и другіе столпы юнкерства. А какова любовь юнкера къ крестьянину, это между прочимъ очень наглядно обнаруживается изъ дебатовъ, происходившихъ недавно въ сельскохозяйственной камерѣ западной Пруссіи. На обсужденіе поставленъ былъ вопросъ о Fortbildungsschulen, т. е. о школахъ, имѣющихъ задачей укрѣпить и пополнить образованіе, вынесенное дѣтьми изъ народныхъ училищъ. Референтъ камеры категорически высказался противъ нововведенія: школы портятъ крестьянскихъ дѣтей, вызываютъ недовольство мѣстными заработками и толкаютъ къ переселенію въ города. Ту же мысль горячо поддержалъ бывшій консервативный депутатъ Гольцъ, замѣтившій, что достаточно уже и нынѣшней народной школы, которая тоже даетъ крестьянскимъ дѣтямъ слишкомъ много знаній и возбуждаетъ несбыточныя желанія. Ввести еще Fortbildungsschulen — значитъ разрушить послѣдній остатокъ патріархальныхъ отношеній! Еще лучше говорилъ другой аграрій, членъ камеры, закончившій словами: die Dümmsten sind die besten Arbeiter, самые глупые—лучшіе работники. Предсѣдатель камеры, правда, счелъ своимъ долгомъ протестовать противъ этихъ словъ, замѣтивъ, что

образованіе поднимаетъ и нравственность населенія. Однако камера почти одиногласно приняла резолюцію, высказывающуюся противъ введенія высшихъ дополнительныхъ школъ, „составляющихъ насильственное вторженіе въ естественныя условія и сельскія отношенія“.

Когда вы будете читать эти строки, въ Берлинѣ произойдетъ чествованіе замѣчательнаго старика, имя котораго съ гордостью произноситъ каждый образованный нѣмецъ: Теодору Моммзену, историку Рима, 30-го ноября (нов. ст.) исполнится 80 лѣтъ. Вечернія газеты сообщаютъ, что профессоръ, чтобы избѣгнуть готовящихся ему овацій, уѣхалъ на нѣкоторое время изъ Берлина, что не помѣшаетъ, однако, университетамъ прислать привѣтственные адресы и многочисленнымъ ученымъ обществамъ и почитателямъ историка—выразить юбиляру свое уваженіе и благодарность. Въ Victoriasäle на Лейпцигеръ-штрассе состоится „Коммершъ“ профессоровъ и студентовъ, на которомъ одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ Моммзена, нынѣшній его коллега, проф. Гиршфельдъ, представитъ очеркъ жизни и произведеній своего учителя,—жизни, полной упорнаго труда, въ которой, какъ выражается французскій академикъ Гастонъ Буассье, ни одинъ день, съ тѣхъ поръ какъ началось его сознаніе, не былъ потерянъ для науки и работъ, „наиболѣе глубокихъ и солидныхъ и въ то же время наиболѣе остроумныхъ, какія появились со времени Монтескье“. Когда мы слышимъ о такихъ трудахъ, какъ Corpus inscriptionum latinarum, изслѣдованіе о древнихъ монетахъ и т. п., въ нашемъ воображеніи возникаетъ представленіе о сухомъ, педантическомъ гелертерѣ, ушедшемъ изъ міра живыхъ людей въ область древнихъ развалинъ и могильныхъ надписей. Но какъ непохожъ такой образъ на живого, полнаго мысли и страсти, историка Рима! Вспомните картины изъ Römische Geschichte. Яркія сцены борьбы, характеристики сословій, правовъ и соціальныхъ противорѣчій, написанныя съ такою художественною красотой, съ такимъ сердечнымъ участіемъ, что, на развалинахъ стараго Рима, предъ глазами проходятъ великія событія прошлаго,—какъ будто они не отдѣлены отъ насъ тысячелѣтіями, а мы сами пережили и величіе, и паденіе этого міра! Кто такъ рисуетъ старину, не можетъ быть безучастнымъ зрителемъ въ настоящемъ. Моммзенъ дѣйствительно всегда былъ не только участливымъ зрителемъ, но и активнымъ участникомъ. За судьбами своего отечества онъ слѣдилъ съ волненіемъ; его можно было видѣть и въ парламентѣ, и въ собраніяхъ,

дебатирующимъ, отстаивающимъ идеи культуры и свободнаго развитія. Однажды ему, какъ извѣстно, за это пришлось очутиться предъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго въ процессѣ объ оскорбленіи Бисмарка: самые преданные сторонники экъ-канцлера пришли въ негодованіе, узнавъ о преслѣдованіи, начатомъ противъ историка — гордости своей націи, и свободно вздохнули, когда судъ оправдалъ его.

Всякій разъ какъ на форумѣ подымается буря,—замѣчаетъ одинъ изъ друзей Моммзена,—нашъ старый учитель не можетъ усидѣть въ сумеркахъ и покоѣ своего кабинета; его съ неудержимой силой тянетъ къ борющимся, происходитъ ли борьба за свободу, гуманность или за нѣмецкую національность. Въ послѣднемъ отношеніи историкъ не чуждъ шовинизма, какъ это доказало недавно письмо его къ австрійскимъ нѣмцамъ. Съ такимъ преувеличеніемъ культурной миссіи германцевъ нельзя согласиться и крайне непріятно было прочесть филиппику Моммзена противъ чеховъ, но невольно изумляешься горячности, живучести 80-ти лѣтняго старца, находящаго время писать такія воззванія послѣ цѣлаго дня, проведеннаго за работой. Французы тоже имѣли поводъ быть раздраженными патріотическими рѣчами нѣмецкаго историка, однако, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ ученыхъ, Гастонъ Буассье, пишетъ редактору берлинской „Nation“: „Германія въ особенности имѣетъ право гордиться своимъ Моммзеномъ, но въ нѣкоторомъ отношеніи онъ принадлежитъ всему міру: каждый историкъ, изучающій античный періодъ,—ученикъ Моммзена. Мы всѣ обязаны вспоминать о немъ съ благодарностью и можемъ только пожелать отъ души, чтобы эта жизнь, столь цѣнная для науки, еще долго продолжалась“.

LIII.

Берлинъ, 26-го ноября 1897 г.

Прислушиваясь къ морскимъ дебатамъ, читая отзывы газетъ всѣхъ партій, вы замѣчаете сейчасъ, что на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ не о пьесѣ, а о новыхъ актерахъ. Въ послѣдніе годы при большихъ парламентскихъ дебатахъ правительство было представлено двумя лицами — Маршаллемъ и Беттихеромъ, къ которымъ изрѣдка присоединялся еще прусскій министръ финансовъ Микель. Князь Гогенлоэ—почтенный старецъ и, вѣроятно, очень порядочный дипломатъ, но съ точки зрѣнія парламента онъ—une quantité négligeable: записки, которыя прочитываются канцлеромъ, ни на кого

не производятъ впечатлѣнія. Понятно поэтому всеобщее любопытство относительно ума и ораторскихъ талантовъ новыхъ людей, явившихся ему на помощь. По отношенію къ бар. Бюлову любопытство особенно сильно потому еще, что, по убѣжденію очень многихъ, бывшій посолъ и преемникъ Маршалля, намѣченъ въ преемники князю Гогенлоэ, все еще держащему канцлерское кресло для „другого“.

Бюлову, слѣдовательно, пришлось выступить въ двоякой роли: преемника лучшаго изъ прежнихъ ораторовъ среди германскихъ министровъ и вѣроятнаго кандидата на высшій постъ въ имперіи. Рядомъ съ маленькимъ княземъ Гогенлоэ онъ кажется Геркулесомъ, хотя статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ лишь немного выше средняго роста. Элегантная дипломатическая фигура и неглупое цвѣтущее лицо, хотя и безъ особой печати генія на высокомъ отъ порѣдѣвшихъ уже волосъ челѣ. Глаза смотрятъ спокойно и увѣренно, но безъ наглости; даже закрученные кверху усы не придаютъ новому министру оттѣнка гвардейско-прусской заносчивости. Голосъ громкій, немножко рѣзкаго тембра; манера рѣчи неровная: одну фразу онъ произноситъ слишкомъ медленно, другія быстро срываются, какъ заученный урокъ. Общее впечатлѣніе однако благопріятное для дебютанта. Образованный человѣкъ, вкусы котораго выше конюшенъ и казармъ,—несомнѣнно, уже большое пріобрѣтеніе для правительства, если онъ притомъ еще недурной дипломатъ. Нужно, впрочемъ, и то принять во вниманіе, что почва для дебюта была крайне благопріятная. Бюловъ воспользовался замѣчаніемъ Шенланка о спортѣ на китайщину, чтобы дать рейхстагу разъясненіе относительно внѣшней политики. Упомянувъ въ двухъ словахъ объ эпизодѣ въ Гаити, гдѣ Германія несомнѣнно получитъ удовлетвореніе, статсъ-секретарь перешелъ къ китайскому вопросу. Депутатъ Шенланкъ нашелъ, что нынѣшній образъ дѣйствій Германіи „пахнетъ политикой приключеній“. Неужели,—спрашиваетъ Бюловъ,—имперскій канцлеръ похожъ на авантюриста и мы, его сотрудники, имѣемъ видъ людей, готовыхъ совать пальцы въ чужіе горшки? Кн. Гогенлоэ, дѣйствительно, такъ непохожъ на искателя приключеній, что весь рейхстагъ смѣется. Но если министру въ первый разъ удалось разсмѣшить слушателей умышленной остротой, то во второй разъ они смѣются уже противъ воли оратора, употребившаго сейчасъ же затѣмъ неудачное выраженіе: Мы,—сказалъ онъ,—одушевлены по отношенію къ Китаю „самыми добрыми намѣреніями“. Депутаты только-что узнали о посылкѣ новыхъ 1,200

солдатъ и артиллеріи въ Кіанъ-чау, а до сихъ поръ обыкновенно думали, что добрыя намѣренія не выражаются пушечными выстрѣлами. Бюловъ не смутился и рѣшилъ затронуть національную струну: это обыкновенно очень благодарное средство. Мы желаемъ жить съ китайцами въ мирѣ,—замѣтилъ онъ,—но никогда не позволимъ, чтобы съ нашими соотечественниками обращались иначе, какъ съ гражданами великой націи, и когда мы требуемъ удовлетворенія за такой ужасный поступокъ, какъ избіеніе нѣмецкихъ миссіонеровъ фанатической чернью, то наше желаніе должно быть немедленно исполнено. Обращаясь къ клерикаламъ, министръ съ сильнымъ удареніемъ прибавляетъ: „Это были прекрасные люди, *католическіе* миссіонеры!“ Изъ рядовъ центра слышится одобреніе, что однако не мѣшаетъ немного спустя клерикально-польскому депутату Яжевскому замѣтить иронически: „Прекрасно, что наше правительство такъ заступается за людей, которыхъ оно не впускаетъ въ собственное отечество“... Впрочемъ, министръ самъ спѣшитъ прибавить, что избіеніемъ миссіонеровъ не исчерпаны причины аггрессивной политики Германіи: „Мы имѣемъ еще другіе поводы быть недовольными Китаемъ,—говоритъ онъ,—хотя соображенія внѣшней политики заставляютъ меня быть очень сдержаннымъ въ упоминаніи о нашихъ жалобахъ и желаніяхъ. Наши интересы должны быть настолько же приняты въ разсчетъ, какъ и интересы другихъ націй, *при соперничествѣ съ которыми мы не хотимъ быть поставлены въ неблагопріятныя условія*. Прошли уже времена, когда другіе народы дѣлили между собою землю и воды, а мы, нѣмцы, довольствовались голубымъ небомъ *(Браво, браво!)*. Не желая никого отодвигать въ тѣнь, мы и для себя требуемъ мѣстечка на солнцѣ. Безъ излишней рѣзкости, но и безъ слабости мы будемъ защищать наши интересы въ Восточной Азіи“.

Нѣкоторые министры и депутаты подходятъ пожать руку восходящему свѣтилу, другіе собираются въ группы и обсуждаютъ его шансы на канцлерство. При такомъ настроеніи палаты несчастенъ тотъ ораторъ, которому досталось слово: нуженъ выдающійся талантъ, чтобы заставить себя слушать, и въ особенности необходимо строго продуманное, категорическое отношеніе къ стоящему на очереди вопросу. Теодоръ Бартъ—лидеръ маленькой свободомыслящей группы, отдѣлившейся въ 1893 г. отъ Рихтера; опытный дебатеръ, онъ иногда производитъ впечатлѣніе въ собраніяхъ, но въ рейхстагѣ его значеніе невелико, въ особенности теперь, когда у него нѣтъ опредѣленнаго мнѣнія. Принципіально его друзья

ничего не имѣютъ противъ увеличенія флота, только зачѣмъ правительство настаиваетъ на принятіи проекта почти наканунѣ выборовъ? Не лучше ли дать народу высказаться? „Подумайте,—обращается Бартъ къ правительству,—какъ велика будетъ моральная ваша побѣда, если за флотъ выскажется нація и новый рейхстагъ!“ Правительство, однако, гораздо практичнѣе депутата Барта и всякимъ моральнымъ пріобрѣтеніямъ предпочитаетъ простое согласіе нынѣшней палаты, хотя бы и достигнутое незначительнымъ большинствомъ. Вмѣсто того, чтобы слушать сладкую рѣчь моралиста, канцлеръ и Бюловъ дружески бесѣдуютъ съ вождемъ центра Либеромъ, который и на этотъ разъ о себѣ можетъ сказать, что отъ него зависитъ исходъ парламентской борьбы. Можно заранѣе предвидѣть, что не только министры, но и императоръ употребятъ всѣ усилія, чтобы склонить вождя центра на свою сторону. Удобный случай уже созданъ: депутаты въ субботу будутъ обѣдать съ императоромъ у кн. Гогенлоэ.

Изъ болѣе крупныхъ партій, кромѣ соціалъ-демократовъ, высказались консерваторы. Извѣстный экъ-дипломатъ графъ Лимбургъ надѣется, что рейхстагъ покажетъ иностранцамъ примѣръ единодушія въ вопросахъ, затрогивающихъ безопасность отечества. Какъ бы мы ни воевали другъ съ другомъ во внутренней политикѣ,—замѣчаетъ консервативный ораторъ,—во внѣшней мы всѣ—нѣмцы. Къ своему сожалѣнію, графъ вынужденъ прибавить, что и среди его собственной партіи оказались противники правительственнаго проекта, готовые, правда, увеличить флотъ, но несогласные съ септенатомъ. Въ публикѣ это вызываетъ сенсацію; депутатовъ же и журналистовъ заявленіе Лимбурга нисколько не поражаетъ: изъ рѣчей и статей аграріевъ они давно знаютъ, что въ Союзѣ сельскихъ хозяевъ маринизмъ не популяренъ. Чтобы не оставить ни у кого сомнѣнія, кто эти консервативные фрондеры, ораторъ прибавляетъ, что въ „нѣкоторыхъ кругахъ господствуетъ такое пессимистическое отношеніе къ экономической политикѣ правительства, что насъ не должно удивлять, если „тамъ“ не хотятъ приносить жертвъ, которыя нужнѣе для промышленности, нежели для сельскаго хозяйства“. Онъ, графъ Лимбургъ, конечно, не раздѣляетъ пессимизма аграрныхъ вожаковъ, но сердцемъ онъ имъ сочувствуетъ. Пора, наконецъ, вернуться къ экономическимъ принципамъ великаго Бисмарка, къ защитѣ отечественнаго производства предметовъ питанія, не менѣе важнаго, чѣмъ продукты фабрикъ. Германія не можетъ и не же-

ласть стать исключительно страною фабрикантовъ и фабричныхъ рабочихъ.

Кромѣ канцлера, Бюлова и адмирала Тирпица, въ защиту правительственной политики выступили еще статсъ-секретарь казначейства Тильманъ и графъ Позадовскій. Послѣдній—старый знакомый рейхстага, перемѣнившій только амплуа: изъ шефа германскихъ финансовъ, играющаго второстепенную роль, пока прусскіе финансы находятся въ рукахъ Микеля, графъ Позадовскій превратился въ статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ, которымъ прежде былъ Беттихеръ. Съ перемѣной амплуа, Позадовскій (нѣмецъ, несмотря на польскую фамилію), очевидно, выросъ, если не въ глазахъ другихъ, то въ своихъ собственныхъ. Въ противоположность другимъ министрамъ, не позволившимъ себѣ ни одного рѣзкаго слова, онъ взялъ странный тонъ не только въ отношеніи къ депутату Шепланку, которому онъ возражалъ, но и ко всей парламентской оппозиціи. Шепланкъ замѣтилъ, что политическій курсъ въ Германіи болѣе чѣмъ неустойчивый: онъ прямо неврастеническій. О системѣ не можетъ быть рѣчи, когда нѣкоторыя лица сегодня обуреваемы маніей соціальной реформы, а завтра фантазіей о возвращеніи среднихъ вѣковъ. Во всѣхъ поступкахъ обнаруживается, рядомъ съ разстроенными нервами, „тактика спортсменовъ, но не серьезныхъ дѣятелей“. Вполнѣ понятно, что министръ въ правѣ былъ отвѣтить на такой вызовъ. „Депутатъ Шепланкъ,—заявилъ графъ Позадовскій,—воспользовался случаемъ, чтобы выпустить рядъ стрѣлъ, не только острыхъ, но и отравленныхъ, противъ извѣстнаго высокаго мѣста. Когда депутатъ, однако, резюмируетъ свои нападки въ утвержденіи, будто „наверху“ существуетъ стремленіе къ власти, которое неминуемо приведетъ къ столкновенію и къ попыткѣ уничтожить парламентаризмъ, то я ему отвѣчаю: если бы когда-либо въ этомъ высокомъ домѣ оказалось большинство, стоящее въ великихъ національныхъ вопросахъ на точкѣ зрѣнія соціалъ-демократическаго оратора, то парламента не нужно было бы уничтожать насильственно: онъ самъ рухнулъ бы, потерявъ почву въ націи“. По мнѣнію многихъ либераловъ и клерикаловъ, министръ своимъ замѣчаніемъ вышелъ изъ границъ дозволенной самообороны, потому что оно относилось къ условіямъ, которыя могутъ наступить не черезъ 100 лѣтъ, а черезъ мѣсяцъ. Стоитъ центру не войти въ сдѣлку съ правительствомъ, и „въ великомъ національномъ вопросѣ“, какимъ правительство считаетъ увеличеніе флота, можетъ оказаться большинство, стоящее на точкѣ зрѣнія соціалъ-

демократіи. Рейхстагъ отъ того, однако, не рухнетъ и едва ли потеряетъ опору въ народѣ. Въ извиненіе графу Позадовскому въ парламентѣ говорили, что онъ долженъ былъ говорить рѣзко à tout prix, помня, что его предшественникъ Беттихеръ, der Kleber, какъ его называлъ Бисмаркъ, все-таки, слетѣлъ, когда не отвѣтилъ во-время и грубо на такую же ѣдкую фразу Рихтера.

LIV.

Берлинъ, 27-го ноября 1897 г.

При полномъ вниманіи представителей правительства, всѣхъ депутатовъ и массы публики, Рихтеръ ровно два часа говорилъ противъ „маринизма“. Ораторъ сначала коснулся извѣстнаго мѣста въ тронной рѣчи, въ которомъ Вильгельмъ II напомнилъ о своей клятвѣ — оберегать наслѣдіе дѣда, приглашая рейхстагъ въ свидѣтели и сотрудники. „Да развѣ, — спрашиваетъ вождь свободомыслящихъ, — мы до сихъ поръ не оберегали неприкосновенности, достоинства и чести нашего отечества? Предположимъ даже, что оберегать Германію — значитъ не допускать пониженія ея военнаго могущества, то и тогда мы увидимъ, что сдѣлали не меньше, чѣмъ были въ силахъ. Со смерти Вильгельма I составъ арміи увеличился на 91,000 солдатъ, ординарный военный бюджетъ возросъ съ 363-хъ до 487 милліоновъ, единовременные расходы на армію и флотъ составили почти *2 милліарда*. Что касается „горячо любимаго флота“ въ частности, то обыкновенные расходы по бюджету, въ первые годы имперіи непревышавшіе 12 милліоновъ, а въ годъ смерти Вильгельма I достигавшіе 37 милл., теперь возросли до 59 милл., и на постройку 52 новыхъ военныхъ судовъ въ царствованіе нынѣшняго императора издержано болѣе 300 милліоновъ. Я,—говоритъ Рихтеръ,—принимаю съ 1871 г. постоянное участіе какъ въ преніяхъ рейхстага о бюджетѣ, такъ и въ работахъ бюджетной коммиссіи, и могу засвидѣтельствовать, что почти всѣ партіи, не исключая и моей, до послѣдняго времени съ величайшей предупредительностью относились къ требованіямъ морского вѣдомства. Кн. Гогенлоэ совершенно вѣрно замѣтилъ, что флотъ — избалованное дѣтище демократіи, продуктъ движенія 1848 г. Дѣло въ томъ, что когда стремленія къ объединенію Германіи связывались съ представленіемъ о великомъ и свободномъ народѣ, флотъ былъ какъ бы олицетвореніемъ единой націи. Мы мечтали долго о знамени, гордо

развѣвающемся на нѣмецкихъ судахъ, разносящемъ по всему міру вѣсть о нашемъ единствѣ". Извѣстная доза сентиментальности съ одной, и разсчета—съ другой стороны, въ связи съ умѣренностью и благоразумiемъ правительства, вели къ тому, что въ эпоху Бисмарка, при морскихъ министрахъ Стошѣ и Каприви, почти никогда не возникало серьезной полемики изъ-за флота. Милитаризмъ вызывалъ упорную, страстную борьбу, доводившую до распущенія рейхстага, о маринизмѣ же еще не было рѣчи: „мы отдыхали, — увѣряетъ Рихтеръ, — когда отъ военнаго бюджета можно было, наконецъ, перейти къ морскому".

Обстоятельства круто измѣнились. Кто виноватъ? „Не мы, — отвѣчаетъ ораторъ, — потому что мы и теперь, какъ и прежде, не думаемъ, чтобы Германіи не нужно было флота: онъ необходимъ для защиты береговъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей и, въ скромныхъ предѣлахъ, для охраны интересовъ заатлантической торговли. Чего мы не хотимъ и не можемъ допустить, это игры въ кораблики, затраты милліоновъ на парадныя зрѣлища для удовлетворенія тщеславія. Правительство и шовинисты увѣряютъ, будто достоинство Германіи требуетъ, чтобы нѣмцы за границей всегда находили защиту и опору въ сильномъ флотѣ. Я готовъ поддержать всякое справедливое желаніе соотечественниковъ за границей, но нужно знать мѣру и не требовать, какъ Бисмаркъ однажды уже сказалъ, чтобы каждому нѣмцу, живущему въ заморскихъ странахъ, предоставляли по крейсеру. Міръ слишкомъ великъ, чтобы можно было разставить военныя суда, какъ полицейскихъ на каждомъ углу Фридрихъ-штрассе, да и тамъ ихъ какъ разъ тогда нѣтъ, когда они нужны *(Смѣхъ)*. Маринисты поспѣшили воспользоваться случаемъ въ Гаити, чтобы усмотрѣть въ немъ признакъ морского ничтожества Германіи. Я не хочу входить въ подробности этого дипломатическаго инцидента, но, право, и внутри нашей собственной страны столько случаевъ неправосудія, не получающаго сейчасъ же возмездія, что иной гражданинъ, никогда не покидавшій домашнихъ пенатовъ, съ завистью скажетъ: кабы мнѣ тоже хоть одинъ маленькій крейсеръ — противъ внутреннихъ гангпнъ *(Бурный хохотъ)*. О Китаѣ я не хочу распространяться, пока мы не имѣемъ еще авторитетнаго заявленія министра иностранныхъ дѣлъ, но воля ваша: какъ можно говорить о слабости флота при такихъ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Китаю, подкрѣпленныхъ проявленіемъ силы, какого Германія не обнаруживала съ самаго основанія имперіи? Что касается выходцевъ изъ Германіи

въ отдаленныхъ странахъ, то не нужно забывать, что среди нихъ много элементовъ, вносящихъ съ собою привычки и пріемы прусской солдатчины, и дискредитирующихъ этимъ за границей нѣмецкое имя. Civis germanicus sum—красивая фраза, но ею не нужно злоупотреблять, а меньше всего она можетъ произвести впечатлѣніе, когда вы слышите ее изъ устъ людей, десятки лѣтъ забывавшихъ объ обязанностяхъ предъ собственнымъ отечествомъ и вспомнившихъ, что они—нѣмцы, когда имъ наступили гдѣ-нибудь на ногу, можетъ быть, по ихъ собственной винѣ. Убережемся отъ такого шовинизма!“

Среди доводовъ за нынѣшній проектъ очень большое мѣсто занимаютъ интересы германской торговли. „Простая историческая справка,—возражаетъ Рихтеръ,—докажетъ, что между развитіемъ германской конкуренціи и силой морского флота не существуетъ тѣсной связи. Посмотрите на Англію: развѣ волненіе, вызванное у англичанъ ростомъ германскаго экспорта, сколько-нибудь переносится на ростъ военныхъ судовъ? Въ Англіи изучаютъ нашу коммерческую дѣятельность, наши профессіональныя школы, слѣдятъ за нашими техническими успѣхами, нисколько не обращая вниманія на то, много ли, мало ли у насъ крейсеровъ для охраны торговыхъ сношеній. Меньше всего я понимаю смыслъ словъ графа Позадовскаго, ссылавшагося на ростъ протекціонизма во всѣхъ странахъ. Противъ стѣснительныхъ тарифовъ не посылаются же броненосцы? Я опять напомню слова Бисмарка, справедливо замѣтившаго, что въ иностранномъ экспортѣ не хватаютъ покупателей за полы, какъ когда-то дѣлали торговцы старымъ платьемъ на Mühlendamm въ Берлинѣ. Еслибы аграрно-протекціонистскія идеи графа Позадовскаго и большинства членовъ новой, руководимой имъ таможенной коммиссіи получили осуществленіе, то мы этимъ во сто разъ больше повредили бы германской промышленности и ея экспорту, чѣмъ помогли бы ей крейсерами. Вывозу нѣмецкихъ продуктовъ содѣйствуютъ не ложной военной, а здравой торговой политикой, въ особенности послѣдовательнымъ осуществленіемъ системы торговыхъ трактатовъ!“ *(Очень хорошо! на лѣвой).*

Рядомъ фактическихъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ морскихъ проектовъ за послѣднія 20 лѣтъ, Рихтеръ обнаруживаетъ шаткость и неустойчивость воззрѣній, до сихъ поръ господствовавшихъ по данному предмету у правительства и спеціалистовъ морского дѣла. Неужели рейхстагъ только потому долженъ измѣнить свои взгляды, что нашелся новый „Роонъ флота“, о которомъ

однако нынѣшній канцлеръ кн. Гогенлоэ еще годъ тому назадъ, когда возникли слухи о новыхъ морскихъ проектахъ, заявилъ въ *Имперскомъ Указателѣ:* „Г. Тирпицъ никогда не занималъ такого положенія, которое дало бы поводъ къ столь отвѣтственнымъ порученіямъ“ *(Слушайте, слушайте).*

„Энтузіасты, какъ Лимбургъ, не замѣчаютъ, конечно, противорѣчій и всегда готовы вотировать средства „съ легкимъ сердцемъ“, удивляясь, что мы вообще рѣшаемся имѣть свое мнѣніе въ такихъ спеціальныхъ вопросахъ, какъ военный или морской. Я не хочу нисколько конкурировать съ моряками въ техникѣ военно-морского дѣла, хотя человѣку съ средними способностями, трудолюбивому и много лѣтъ сталкивающемуся съ деталями этихъ вопросовъ, техника ихъ далеко не такъ недоступна, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Но задача парламента совершенно иная: вся парламентская критика имѣетъ въ виду финансовыя средства страны и распредѣленіе ихъ соотвѣтственно потребностямъ народа. Пусть графъ Лимбургъ спроситъ Миколя, дастъ ли онъ средства изъ бюджета по первому требованію каждаго изъ своихъ коллегъ? Добросовѣстный министръ финансовъ тщательно изучаетъ предложенія другихъ министерствъ, пытается ихъ урѣзать, привести въ гармонію съ нуждами и платежными средствами. Тѣмъ болѣе такъ долженъ поступать парламентъ, не знающій никакихъ личныхъ соображеній, не боящійся немилостей и выбранный народомъ для огражденія его жизненныхъ интересовъ *(Громкое одобреніе слѣва).* Всякій порядочный финансистъ скажетъ вамъ, что нельзя заранѣе связать бюджетъ на 7 лѣтъ, не зная, каковы будутъ экономическія условія въ странѣ; въ особенности не слѣдуетъ такъ поступать съ конституціонной точки зрѣнія, такъ-какъ такія предложенія заключаютъ въ себѣ сокращеніе прерогативъ народнаго представительства. Я не говорю о попыткахъ нарушенія конституціи: въ данномъ случаѣ это было бы преувеличеніемъ, и я охотно вѣрю князю Гогенлоэ, что онъ неспособенъ на такіе поступки,—они были бы слишкомъ печальнымъ концомъ для его политической жизни. Канцлеръ самъ, однако, соглашается, что съ нашей стороны требуютъ нѣкотораго самоотреченія, предлагая септенатъ, который для всякаго, знающаго нашу исторію, не септенатъ, а этернатъ (вѣчность). Можемъ ли мы пожертвовать хоть крупицей народныхъ правъ по отношенію къ коронѣ, зорко оберегающей всѣ свои прерогативы и дѣлающей еще попытки выходить изъ предѣловъ, указанныхъ ей закономъ и обычаями страны?

Съ правительственнаго стола ссылались на Англію, гдѣ расходы по флоту не вызываютъ такихъ дебатовъ, гдѣ парламентъ снабжаетъ правительство широкими полномочіями. Но вы забываете, что̀ такое англійское правительство: это точное отраженіе палаты, кость отъ кости ея. А что мы видимъ у насъ? Правительство, зависящее отъ симпатій и случайностей, не имѣющихъ ничего общаго съ волей рейхстага; министерство, представляющее собраніе чиновниковъ, настолько несамостоятельныхъ, что въ извѣстныхъ сферахъ больше интересуются мнѣніями начальниковъ гражданскаго и военнаго кабинета, чѣмъ министровъ. *(Громкое одобреніе. Взоры обращаются на придворную ложу, гдѣ начальникъ гражданскаго кабинета Луканусъ внимательно слушаетъ Рихтера).* Люди, такъ мало себя уважающіе сами, не могутъ требовать довѣрія отъ насъ. Какъ разъ теперь выступили три новыхъ лица, совершенно незнакомыхъ намъ ни по своей дѣятельности, ни по своимъ убѣжденіямъ. Вѣроятно, это очень любезные люди *(Смѣхъ)*; мы тоже любезны *(Бурный смѣхъ)*, но крайней мѣрѣ не желали бы ихъ обижать. Не сомнѣваюсь, что отъ болѣе близкаго знакомства они выиграютъ въ нашихъ глазахъ, но къ чему это? Къ тому времени, когда мы, быть можетъ, начнемъ питать къ нимъ довѣріе,—у меня лично такой процессъ совершается очень медленно,—ихъ опять уже не будетъ за правительственнымъ столомъ, и это произойдетъ безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны. Они, какъ половые цвѣты, исчезаютъ отъ дуновенія вѣтра, не оставивъ слѣда *(Смѣхъ и одобреніе)*. Какъ же вы хотите, чтобы у рейхстага возникъ элементъ субъективнаго довѣрія?

Я спрашиваю далѣе,—продолжаетъ Рихтеръ:—мыслимо ли въ Англіи, чтобы законы и проекты сочинялись въ наказаніе парламенту, исполнившему свой долгъ? Не мы, не оппозиція раздула въ событіе отклоненіе двухъ крейсеровъ въ прошлой сессіи, при чемъ, прибавлю, тогда вмѣстѣ съ лѣвой голосовалъ и центръ и даже нѣкоторые консерваторы: о пораженіи правительства и необходимости проучить рейхстагъ заговорили тѣ политики, которые черпаютъ свое вдохновеніе на обѣдахъ и банкетахъ. Кто передалъ рейхстагу о чести, оказанной ему на прогулкѣ по Тиргартену, гдѣ будто произнесена была фраза: „Если рейхстагъ не приметъ тѣхъ двухъ крейсеровъ, то наступитъ небывалый еще „кладдерадачъ“, и многіе министры „полетятъ къ чорту“? (Намекъ на разговоръ императора съ Штуммомъ. *Сильное движеніе)*. Кн. Гогенлоэ говоритъ, что „прогрессивная оппозиція“ воспользовалась отклоненіемъ крей-

серовъ, чтобы распространять въ народѣ вѣсть о пораженіи правительства. Я четверть вѣка знакомъ съ кн. Гогенлоэ, но въ роли сказочника я его себѣ не представлялъ никогда и считалъ бы невозможнымъ, чтобы можно было такъ... скажемъ: окрашивать новѣйшую исторію, только-что прошедшую передъ нашими глазами. Не оппозиція внесла возбужденіе въ народъ, а такіе разсказы, какъ барона Штумма, и такія слова, какъ Vaterlandlose Gesellen!" *(Шумное одобреніе слѣва)*.

Графъ Лимбургъ замѣтилъ, что нужно считаться съ впечатлѣніемъ, которое произвело бы за границей отклоненіе проекта. Для Рихтера это не аргументъ. „Если мы не импонируемъ Европѣ 4 милліонами солдатъ въ военное время,—говоритъ онъ,—то мы не произведемъ уже навѣрное никакого впечатлѣнія панцырями и крейсерами, которые будутъ готовы черезъ 7 лѣтъ". При напряженномъ вниманіи всей залы ораторъ заканчиваетъ рѣчь слѣдующими словами: „Это—законъ, имѣющій въ виду не укрѣпленіе народнаго могущества, а усиленіе власти правительства противъ собственнаго народа *(Слушайте, слушайте)*. Ничто не можетъ лучше доказать недовѣріе къ народу, какъ попытка въ послѣдней сессіи заручиться полномочіями на много лѣтъ впередъ. При настоящихъ условіяхъ, когда такъ рѣзко ощущаются послѣдствія того, что кн. Бисмаркъ выразилъ въ словахъ: „Я, можетъ быть, слишкомъ укрѣпилъ всадника на сѣдлѣ", съ нашей стороны было бы непростительно и малодушно уступить давленію сверху. Еще не было времени въ Германіи, когда такъ сильно чувствовалась необходимость поднять достоинство и вліяніе рейхстага. Мы не хотимъ жертвовать ни одной частицей своего права, не ради самого права, а ради мирнаго, спокойнаго и твердаго развитія внутренней политики въ нашемъ отечествѣ" *(Долгое и горячее одобреніе слѣва)*.

LV.

Берлинъ, 14-го декабря 1897 г.

Тишина на улицахъ, нарушаемая только гуломъ электрическихъ трамваевъ и конокъ, закрытые магазины, переполненныя картинныя галлереи и музеи, биткомъ набитые театры, кафе и рестораны: таковъ внѣшній видъ берлинскихъ праздниковъ. Недолго отдыхаютъ въ Западной Европѣ, но за-то отъ праздничнаго дня стараются взять максимумъ наслажденія, чтобы со свѣжими силами завтра взяться за обычную работу. Въ общемъ, развлеченія гораздо

культурнѣе: нѣтъ той пропасти, которая отдѣляетъ у насъ народный трактиръ отъ роскошнаго ресторана и балаганы Дѣвичьяго поля отъ Малаго театра и симфоническихъ собраній. Публика, наполняющая театры на дневныхъ спектакляхъ по дешевымъ цѣнамъ, слушаетъ тѣ же пьесы, которыя вечеромъ привлекутъ среднее и высшее общество. Въ огромныхъ „пивныхъ дворцахъ“ вы за сосѣдними столами увидите студентовъ, высшихъ чиновниковъ, купцовъ—и приказчиковъ и мастеровыхъ. Правда, по платью и манерамъ разница тоже очень невелика.

Рождество всегда наводитъ на мирныя мысли. По старой традиціи газеты всѣхъ партій посвящаютъ рождественскія статьи разсужденіямъ объ общности интересовъ націи и даже всего человѣчества, о братствѣ людей, любви и добрѣ. Суровая дѣйствительность съ каждымъ годомъ, однако, дѣлаетъ задачу журналиста, говорящаго о мирѣ на землѣ, все труднѣе и труднѣе. Чувствуя противорѣчіе между фразой и фактами, онъ начинаетъ отодвигать миръ въ будущее, „когда наши дѣти,—какъ пишетъ въ своей газетѣ Рихтеръ, самъ дѣтей не имѣющій,—увидятъ внутреннее объединеніе отечества и умиротворенную Европу, до которыхъ не удалось дожить ихъ отцамъ. Нашъ удѣлъ пока—фразы о мирѣ и трата милліардовъ на вооруженія“.

Въ своихъ письмахъ я часто возвращаюсь къ состоянію народнаго образованія въ Берлинѣ, отмѣчая тѣ стороны обязательной школы, которымъ Германія обязана всеобщей грамотностью, поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня народныхъ массъ. Разумѣется, нѣмецкая школа имѣетъ и свои крупные недостатки,—не всѣ ея педагогическіе пріемы могутъ вызывать сочувствіе, не всегда она отвѣчаетъ запросу на образованіе, предъявляемому интеллигентнѣйшей частью народа,—но въ цѣломъ постановка элементарнаго обученія, съ нашей точки зрѣнія, т.-е. по сравненію съ нашей дѣйствительностью, такъ хороша, что нужно только пожелать, чтобы намъ удалось дойти до нынѣшняго ея уровня въ Германіи. Примѣняя же къ берлинскимъ школамъ масштабъ нѣмецкаго народа, придется сказать, что если для одной его части онѣ недостаточно быстро развиваются, то другую еще приходится принужденіемъ приводить къ сознанію необходимости воспитанія и обученія дѣтей. Чаще всего не тупость и невѣжество, а горькая нужда заставляетъ родителей бороться со школой. Однако, обязательная школа только самымъ настойчивымъ проведеніемъ своихъ требованій спасаетъ дѣтей отъ слишкомъ ранняго изнуренія и въ

то же время снабжаетъ ихъ свѣдѣніями, облегчающими борьбу за кусокъ хлѣба. Какъ сильны препятствія, создаваемыя нуждой, можно судить по тому, что и при настоящихъ условіяхъ, когда дѣти должны посѣщать школу, около 10,000 берлинскихъ школьниковъ съ 5—6 часовъ утра и послѣ обѣда, иногда до поздней ночи, еще занимаются добавочнымъ (къ школьнымъ занятіямъ) промысловымъ трудомъ. Другой печальный симптомъ бѣдности обнаруживается въ сравнительно очень высокой цифрѣ дѣтей, покидающихъ городскую школу до окончанія въ ней полнаго курса. Только 58% всѣхъ дѣтей кончаютъ школу; 30% выходятъ изъ 2-го (предпослѣдняго) и 12% изъ 3-го (средняго) классовъ. Мальчика или дѣвочку, достигшихъ 14-ти лѣтъ, законъ не разрѣшаетъ принуждать къ ученію,—школа обязательна съ 6 до 14-ти лѣтъ,—но хотя программа школъ примѣнена къ этому возрасту, многія дѣти, по физическимъ и умственнымъ недостаткамъ, не успѣваютъ, остаются на второй годъ въ томъ же классѣ. Конечно, особой бѣды отсюда не происходило бы, если бы родители добровольно оставляли дѣтей въ школахъ до окончанія полнаго курса, но въ большинствѣ случаевъ такъ не поступаютъ, потому что въ 14-ть лѣтъ подростокъ можетъ уже зарабатывать и быть поддержкой семьѣ.

Къ счастью, въ Берлинѣ, за-то, есть большой контингентъ дѣтей рабочихъ классовъ, не довольствующихся и полнымъ курсомъ народнаго училища, но продолжающихъ свое образованіе въ профессіональныхъ и дополнительныхъ школахъ. Д-ръ Гиршбергъ даетъ въ интересной, на-дняхъ вышедшей книгѣ „Соціальное положеніе рабочихъ классовъ въ Берлинѣ“ обзоръ всего того, что создано городскимъ самоуправленіемъ и нѣкоторыми частными ферейнами для удовлетворенія потребности въ профессіональномъ образованіи, въ расширеніи знаній, вынесенныхъ изъ народной школы. Въ 18-ти Fortbildungsschulen для юношей 8,500 учениковъ, изъ которыхъ 5,750 работаютъ въ мастерскихъ или служатъ приказчиками. Главные предметы преподаванія этихъ школъ: нѣмецкій, французскій и англійскій языки, математика, физика, химія, рисованіе и стенографія. Женскихъ „дополнительныхъ“ школъ такого типа 13; въ 8-ми изъ нихъ, принадлежащихъ городскому самоуправленію, около 3,000 ученицъ, занимающихся иностранными и роднымъ языками и литературой, математикой, бухгалтеріей, разнообразными женскими работами. Профессіональный характеръ носятъ 20 Fachschulen каменщиковъ, плотниковъ, обойщиковъ, типографовъ, переплетчиковъ и т. д., но

почти во всѣхъ этихъ школахъ, кромѣ обученія ремеслу, введено еще преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ. Всѣхъ учениковъ въ нихъ болѣе 5,000, изъ которыхъ 4,000 работаютъ въ ремесленныхъ мастерскихъ. Еще лучше постановка преподаванія какъ техническаго, такъ и образовательныхъ предметовъ въ двухъ большихъ Handwerkerschulen, содержимыхъ городомъ, который на нихъ тратитъ изъ своего бюджета 170,000 марокъ (около 80 тыс. руб. въ годъ). Цѣль ихъ—дать ремесленному ученику возможность въ свободное отъ работы въ мастерской время дополнить образованіе, пріобрѣсти художественный вкусъ и нѣкоторыя теоретическія знанія, соприкасающіяся съ его ремесломъ. Геометрія, черченіе, рисованіе, электротехника, механика, химія привлекаютъ нѣсколько тысячъ молодыхъ ремесленниковъ и рабочихъ; въ прошломъ году ихъ было болѣе 3,000. Упомянемъ еще о прекрасномъ городскомъ чертежномъ домѣ для слесарей, механиковъ и рабочихъ сходныхъ профессій, въ которомъ, по группамъ, преподаютъ черченіе и моделированіе почти 1,500 молодымъ людямъ. Какъ видите, и въ области техническаго образованія, и въ области дополнительнаго общаго образованія въ Берлинѣ для народа сдѣлано не мало. Городское управленіе на этотъ предметъ тратитъ болѣе 300,000 руб. въ годъ, и большія суммы еще затрачиваютъ частныя общества, ремесленные и рабочіе союзы и филантропическія учрежденія.

LVI.

Берлинъ, 18-го декабря 1897 г.

Берлинская Дума давно уже не видѣла въ своихъ стѣнахъ такого наплыва людей, какъ вчера. Не только въ залѣ почти всѣ гласные на своихъ мѣстахъ, но и галлереи биткомъ набиты. Это не та публика, которая въ „большіе“ дни переполняетъ трибуны рейхстага или прусской палаты: тамъ преобладаютъ офицеры, студенты, представители верхнихъ слоевъ общества; типъ же думскаго посѣтителя—средній бюргеръ, купецъ, учитель. На обыкновенно спокойныхъ, немножко филистерскихъ лицахъ замѣчается сильное возбужденіе, слышатся замѣчанія при появленіи членовъ магистрата, раздаются возгласы по адресу оберъ-бургомистра Целле. „Этотъ“—не Форкенбекъ, отъ него не ждите огражденія достоинства города. Дружественнѣе, съ видимой симпатіей отмѣчаютъ приходъ предсѣдателя Думы, ветерана берлинской демократіи, стараго Лангерганса, открывающаго засѣданіе.

Дума приступаетъ къ обсужденію инцидента, вызвавшаго необыкновенную сенсацію въ печати и во всѣхъ слояхъ населенія. Недѣлю тому назадъ молодая дѣвушка, дочь кучера на конножелѣзной дорогѣ, возвращаясь поздно вечеромъ въ свое предмѣстье, была задержана нахаломъ, приставшимъ къ ней съ цинич-ными предложеніями. Когда дѣвушка, тщетно пытаясь уйти, наконецъ, замахнулась зонтикомъ на своего преслѣдователя, тотъ позвалъ полицейскаго и заявилъ, что она скрывается отъ полиціи нравственности. Несмотря на всѣ ея протесты, дѣвушку повели въ полицейскій участокъ. Тамъ она назвала дежурному вахмистру свое имя, указала адресъ родителей и объяснила причину своего поздняго возвращенія, но такъ какъ,—я повторяю объясненіе полиціи,—телефонъ уже былъ закрытъ на ночь, а посылать справиться было слишкомъ далеко, то арестованную задержали до утра. На слѣдующій день ее однако не выпустили и не наводили справокъ, а отправили въ полицейскомъ, такъ называемомъ „зеленомъ“ экипажѣ, развозящемъ преступниковъ, въ зданіе полицей-президіума. Тамъ несчастную подвергли медицинскому освидѣтельствованію, и такъ какъ обнаружилась ея невинность, то дѣвушку отпустили, извинившись недоразумѣніемъ. Отецъ ея сообщилъ о случаѣ съ его дочерью берлинскимъ газетамъ, и публика пришла въ понятное негодованіе. День за днемъ печать съ тѣхъ поръ возвращается къ „дѣлу Кеппенъ“, какъ къ случаю, обнаружившему наиболѣе ярко отсутствіе защиты личности отъ произвола полиціи. Защита отъ полиціи — Schutz gegen Schutzleute — эти слова служатъ заголовками десятковъ статей въ газетахъ всѣхъ партій и составляютъ содержаніе разговоровъ во всѣхъ кафе и пивныхъ. Президентъ полиціи поспѣшилъ написать письмо отцу дѣвушки, кучеру Кеппену, выражая свое сожалѣніе и прося отъ имени полиціи извиненія; полицейскаго, неправильно задержавшаго дѣвушку, смѣнили,—но общественное мнѣніе не успокаивается. Говорятъ: такіе случаи повторяются часто, но общество о нихъ рѣдко узнаетъ; цитируютъ судебные приговоры, въ которыхъ констатировано, что въ полиціи арестованныхъ били; множество лицъ является въ редакцію газетъ и сообщаетъ о грубости полицейскихъ, которая раньше терпѣлась, какъ нѣчто неизбѣжное. Возбужденіе публики нашло себѣ выраженіе въ двухъ запросахъ, внесенныхъ въ Думу 42 гласными: первый убѣждаетъ магистратъ войти въ переговоры съ президентомъ полиціи о преобразованіи такъ называемой

полиціи нравственности, второй требуетъ гарантіи противъ незаконнаго лишенія свободы и дурного обращенія полицейскихъ.

Во время дебатовъ въ Думѣ одинъ изъ иниціаторовъ запроса замѣтилъ, что практика берлинской полиціи во многихъ случаяхъ обращаетъ въ пустой звукъ постановленіе ст. 5-й прусской конституціи, гарантирующей свободу личности. „Съ ужасомъ спрашиваешь себя: неужели такіе факты, какъ случай съ Кеппенъ, возможны въ правовомъ государствѣ? Населеніе должно быть благодарно печати за то, что она громко и настойчиво обратила вниманіе на опасность такихъ пріемовъ. Нельзя допустить, чтобы дочери и жены нашихъ согражданъ подвергались риску быть задержанными въ полиціи и подвергнутыми медицинскому освидѣтельствованію по доносу перваго негодяя. Сама полиція признаетъ, что освидѣтельствованіе Кеппенъ составляетъ прямое нарушеніе закона, но оправдывается тѣмъ, что оно будто бы произошло съ согласія потерпѣвшей. Но можетъ ли быть рѣчь о свободной волѣ у дѣвушки, находящейся въ оцѣпенѣніи послѣ безсонной ночи въ участкѣ, не имѣющей къ тому же понятія о своихъ правахъ?“ „Мы, наши граждане, несемъ расходы по полиціи,—прибавилъ другой гласный,—и пора внушить полицейскимъ чинамъ отъ высшаго до низшаго, что столица Германіи—не завоеванный непріятельскій городъ, что не мы существуемъ для полиціи, а она существуетъ для огражденія нашей безопасности“. Дума единогласно постановила: назначить коммиссію для разслѣдованія отношенія полиціи къ гражданамъ, поручивъ этой коммиссіи выработать постановленія, оберегающія неприкосновенность личности.

Въ томъ же думскомъ засѣданіи разсматривался вопросъ о постановкѣ памятника берлинскимъ гражданамъ, павшимъ 18-го марта 1848 г. Такъ какъ наступаетъ 50-лѣтіе этого крупнаго событія въ исторіи Пруссіи, то магистратъ, подъ вліяніемъ многочисленныхъ заявленій изъ среды населенія, рѣшилъ приступить къ обсужденію способа чествованія. „Kreuzzeitung“ и другіе органы консерваторовъ заявили протестъ противъ увѣковѣченія памяти „измѣнниковъ и уличной черни, нарушившей порядокъ“. Очень умѣренные представители общества, однако, возразили на это, что берлинскіе граждане, павшіе 50 лѣтъ тому назадъ, положили свои головы за созданіе современнаго государственнаго порядка, признаннаго основными законами страны. Магистратъ, желая угодить и тѣмъ, и другимъ, предлагалъ ограничиться постановкой рѣшетки, но это вызвало бурные протесты въ городѣ и въ засѣданіи Думы. Въ

старомъ своемъ предсѣдателѣ Лангергансѣ бюргеры нашли еще достойнаго хранителя лучшихъ традицій. „Я самъ,—сказалъ онъ,—принадлежу къ тѣмъ, которые боролись 50 лѣтъ тому назадъ за права народа. Не вѣрьте клеветникамъ, утверждающимъ, будто мартовскія событія созданы чернью, поляками и французами; я могъ бы назвать вамъ много еще живущихъ лицъ, занимающихъ высокое положеніе, которыхъ я тогда видѣлъ на улицахъ Берлина въ числѣ борцовъ за свободу. Когда происходили похороны мартовскихъ жертвъ, за ихъ гробами шли представители города, университета и всѣхъ корпорацій: такихъ почестей не оказываютъ „сволочи“,—какъ выражаются теперь потомки тѣхъ, чьи привилегіи тогда были окончательно уничтожены“. Подъ впечатлѣніемъ событій берлинская Дума постановила въ 1848 г. воздвигнуть на одной изъ площадей города памятникъ павшимъ. Наступившая потомъ реакція сдѣлала исполненіе этого плана невозможнымъ, да и теперь Дума не можетъ разсчитывать, что ей разрѣшатъ поставить памятникъ людямъ, о которыхъ такой патріотъ и ученый, какъ Гнейстъ, сказалъ: „Они смертью своей открыли намъ свободное отечество“. Вѣдь, безъ 48 года не было бы объединенной Германіи. Но относительно нашихъ кладбищъ,—заканчиваетъ президентъ Думы,—мы ни у кого не должны спрашивать разрѣшенія, и я думаю, что городъ исполнитъ только свой долгъ, поставивъ на могилѣ въ Фридрихсгайнѣ приличный памятникъ съ надписью: „Городъ Берлинъ—павшимъ 18-го марта 1848 г.“.

Отвергнувъ какъ предложеніе магистрата, такъ и болѣе радикальное требованіе Зингера, Дума большинствомъ 77 голосовъ противъ 18 приняла предложеніе Лангергапса. Среди 77 былъ и старый другъ послѣдняго, вмѣстѣ съ нимъ переживній событія того времени — Рудольфъ Вирховъ. Часъ спустя знаменитый ученый изъ Думы направился въ залу Кайзергофа, гдѣ въ честь его состоялся торжественный банкетъ, привлекшій все, что въ Берлинѣ есть извѣстнаго въ области медицины и антропологіи. Внѣшній поводъ къ торжеству данъ появленіемъ 150-го тома основаннаго Вирховымъ *Архива патологической анатоміи*, закончившаго свое 50-тилѣтіе; въ дѣйствительности же медицинскій міръ Германіи желалъ отпраздновать и 50-тилѣтіе профессорской дѣятельности Вирхова. Чествованіе въ свое время не состоялось, такъ какъ, вслѣдствіе болѣзни, профессоръ долженъ былъ тогда уклониться отъ всѣхъ овацій.

Послѣ привѣтствій Бергмана и Вальдейера, Вирховъ поднялся

съ своего мѣста. Тихимъ, спокойнымъ голосомъ, безъ малѣйшаго признака ритортва, въ ровномъ тонѣ научной бесѣды, знаменитый ученый поблагодарилъ своихъ друзей и товарищей за оказанное ему вниманіе. Когда его попросили отпраздновать юбилей *Архива*, Вирховъ думалъ, что соберется тѣсный кружокъ проживающихъ въ Берлинѣ сотрудниковъ журнала; оглядывая же теперь собраніе, онъ чувствуетъ „нѣчто похожее на гордость и уже навѣрное—искреннѣйшую радость, тѣмъ болѣе простительныя, что едва ли ему еще разъ придется предстать предъ такимъ обществомъ. Если это даже гордость, то она основывается на томъ, что ему удалось создать объективносправедливое, никогда не задаваясь вопросомъ, будетъ ли потомъ чѣмъ гордиться, а также на томъ, что его научный трудъ нашелъ столько сознательныхъ и замѣчательныхъ послѣдователей". Ораторъ вспоминаетъ, въ какомъ примитивномъ состояніи находилась медицинская наука въ Берлинѣ, когда онъ приступилъ къ изданію *Архива*. „Какъ я, такъ и мои друзья, члены новой „берлинской" школы, Бенно Рейнгардтъ и Людвигъ Траубе, не имѣли никакого официальнаго положенія: отъ университета мы держались въ сторонѣ, къ тогдашнимъ авторитетамъ мы проявляли еретическое неуваженіе, нашимъ идеаломъ было создать вольную школу для свободныхъ слушателей". Случилось однако иначе. Вирховъ, по настоянію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Эйхгорна, записался въ приватъ-доценты, его примѣру послѣдовалъ Траубе, и вольная школа перешла въ стѣны университета, изъ котораго основателю ея пришлось вскорѣ удалиться (послѣ событій 48-го года), правда, на непродолжительное время. Вирховъ только вскользь и намекомъ напоминаетъ объ этомъ тяжеломъ для него времени и не безъ юмора замѣчаетъ, что въ своихъ нынѣшнихъ воспоминаніяхъ онъ не можетъ не помянуть добрымъ словомъ *даже* министровъ народнаго просвѣщенія, которыхъ такъ много смѣнилось на его вѣку: почти со всѣми онъ успѣлъ установить порядочныя отношенія, „въ томъ числѣ и съ такими, которые остались у потомства не въ доброй памяти". „Та берлинская школа „еретиковъ", — продолжаетъ ораторъ, — оставила послѣ себя слѣдъ между прочимъ и въ медицинскомъ преподаваніи: отъ нея исходили первые „курсы", въ которыхъ молодые врачи научались наблюдать и научно работать, что̀ для того времени было совсѣмъ новымъ явленіемъ". Переносясь мыслями къ событіямъ конца 40-хъ годовъ, Вирховъ замѣчаетъ, что подъ впечатлѣніемъ голоднаго тифа и холерной эпидеміи положено было еще начало общественной ги-

гіенѣ. „Мои первыя собственныя работы и воззванія по народному здравію относятся къ 1848 году, и я съ удовольствіемъ могу констатировать, что мысли, тогда выраженныя, принесли плоды и послужили, вмѣстѣ съ другими работами той эпохи, къ созданію фундамента для монументальнаго зданія современной гигіены. Не забудьте, что 50 лѣтъ тому назадъ и самаго понятія общественной гигіены еще не существовало: знали только „санитарную полицію", игравшую въ медицинскомъ преподаваніи роль придатка къ судебной медицинѣ". Вирховъ закончилъ выраженіемъ радости, что ему удалось дожить до созданія патологическаго музея, всегда составлявшаго его завѣтную мечту. Онъ представляетъ себѣ музей не только какъ центръ для научныхъ патолого-анатомическихъ работъ, но и какъ источникъ распространенія медицинскихъ знаній въ народѣ. „Ничего равнаго, когда музей будетъ готовъ, вы не найдете во всемъ мірѣ!" — горячо воскликнулъ знаменитый ораторъ и закончилъ тостомъ за дорогую alma mater.

LVII.

Берлинъ, 22-го декабря 1897 г.

Съ 1-го января въ Германіи вступила въ силу та часть новаго торговаго устава, которая опредѣляетъ права и обязанности хозяевъ, приказчиковъ и торговыхъ учениковъ. Хотя реформа эта затрогиваетъ интересы сравнительно ограниченнаго круга лицъ, но къ ней отнеслись съ большимъ вниманіемъ въ остальномъ обществѣ, во-первыхъ, какъ къ прологу къ объединенію всего гражданскаго права Германіи, имѣющему осуществиться въ концѣ нашего вѣка, и, во-вторыхъ, какъ къ чрезвычайно симпатичной попыткѣ законодательства включить въ гражданское право нѣкоторые элементы новой общественной этики. Съ послѣдней точки зрѣнія наиболѣе важно стремленіе закона оградить личность приказчика. До сихъ поръ обыкновенно думали, что пребываніе въ приказчикахъ—только временная стадія для молодого человѣка, которому предстоитъ открыть собственное торговое дѣло. Многіе утверждали, что нѣтъ особенной надобности защищать приказчиковъ отъ хозяина: если ихъ трудъ иногда очень тяжелъ, условія жизни не идеальны, то, вѣдь, все забудется потомъ, когда они сами сдѣлаются хозяевами. Опытъ однако доказалъ, что въ торговыхъ предпріятіяхъ, какъ и на фабри-

кахъ, наемный трудъ—не временная, а постоянная форма работы для сотенъ тысячъ людей. Подобно фабрикамъ многія отрасли торговли концентрируются въ крупныя предпріятія. Для открытія собственнаго дѣла требуется столько капитала и умѣнія, что оно дается только весьма немногимъ. А между тѣмъ обстановка, въ которой совершается приказчичій трудъ, продолжительность послѣдняго, отношенія къ хозяину и прочія условія работы часто не лучше, чѣмъ они были на фабрикахъ до осуществленія фабричнаго законодательства. Единственное крупное улучшеніе въ судьбѣ приказчиковъ создано въ послѣднее десятилѣтіе введеніемъ обязательнаго воскреснаго отдыха. Изслѣдованіе, предпринятое коммиссіей по статистикѣ труда, обнаружило однако, что и будничная работа приказчиковъ превосходитъ нерѣдко норму человѣческихъ силъ, и обнаружило рядъ другихъ злоупотребленій человѣческой жизнью и здоровьемъ. Въ виду этого при реформѣ торговаго права принято было много новыхъ постановленій, имѣющихъ цѣлью, по аналогіи съ фабричными законами, защитить интересы труда. Это тѣмъ важнѣе, что прежнее торговое право всецѣло стояло на почвѣ свободы договора.

Чтобы имѣть возможность пользоваться даровымъ трудомъ мальчиковъ, торговцы набираютъ учениковъ, которые больше исполняютъ частныя хозяйскія порученія и черную работу, чѣмъ учатся дѣлу. Ст. 76—82 новаго устава въ виду этого заключаютъ въ себѣ предписанія, чтобы ученичество дѣйствительно соотвѣтствовало своему назначенію. Самъ хозяинъ или точно имъ обозначенный замѣститель должны заботиться о томъ, чтобы ученикъ или ученица постепенно знакомились съ практикой торговыхъ операцій. Если хозяинъ или его довѣренный опорочены судомъ, они не въ правѣ держать и обучать учениковъ. Мальчика или дѣвушку, желающихъ перейти къ другому занятію, нельзя удерживать дольше одного мѣсяца послѣ заявленія родителей или опекуновъ о намѣреніи перемѣнить профессію. За неисполненіе принятыхъ на себя обязанностей, если по истеченіи срока ученичества обнаружится, что мальчика ничему не учили, или если хозяинъ не заботился о сохраненіи здоровья и нравственности учениковъ, онъ подлежитъ штрафу до 150-ти марокъ за каждое нарушеніе. Не менѣе важны предписанія, касающіяся гигіеническихъ условій въ лавкахъ и устанавливающія отвѣтственность хозяевъ за слишкомъ продолжительную работу, наносящую ущербъ здоровью. Въ рейхстагѣ при обсужденіи торговаго уложенія поднятъ былъ вопросъ о максимальномъ рабочемъ днѣ въ

торговлѣ, а коммиссія по статистикѣ труда высказалась за обязательное закрытіе торговли въ 8 ч. вечера. Эти идеи не нашли еще себѣ выраженія въ законѣ, но парламентъ въ особой резолюціи предложилъ правительству безотлагательно выработать проектъ о распространеніи на торговыя заведенія постановленій фабричнаго закона, касающихся ночного труда, организаціи контроля черезъ особую инспекцію и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ рабочей жизни. Для тѣхъ приказчиковъ, которымъ и при нынѣшнихъ условіяхъ удается стать самостоятельными, очень благодѣтельно постановленіе о правѣ конкуренціи. До сихъ поръ очень многимъ приходилось обязываться подъ страхомъ крупной неустойки не открывать торговли, конкурирующей съ прежнимъ хозяиномъ. Новый уставъ ограничиваетъ такъ называемую Concurrenz-Clausel только тремя годами по оставленіи службы и предоставляетъ суду освободить приказчика отъ всякой отвѣтственности за нарушеніе этого обязательства и до истеченія трехъ лѣтъ, если иначе бывшему приказчику трудно было бы прокормить себя и семью, или же если выгоды отъ прежней службы не соотвѣтствовали величинѣ налагаемой такимъ ограниченіемъ обязанности. Не забыли еще упомянуть о томъ, что хозяинъ обязанъ платить жалованье не позже конца каждаго мѣсяца и что всѣ частные договоры съ цѣлью ограниченія дѣйствія закона не имѣютъ силы.

Подводя итоги истекшему году, германская печать останавливается какъ на одномъ изъ интереснѣйшихъ явленій внутренней жизни—на усиливающемся стремленіи нѣмецкой женщины къ образованію и самостоятельности.

Что значатъ всѣ вздохи о потерѣ идеала des ewig Weiblichen въ сравненіи съ такими фактами, которые представила послѣдняя профессіональная статистика Германіи: съ 1882 по 1895 г. самодѣятельное, т. е. добывающее себѣ средства къ жизни, населеніе увеличилось на 18%; но въ то время какъ самодѣятельныхъ мужчинъ стало больше на 16%, число самодѣятельныхъ женщинъ увеличилось на 24%. Перепись 1895 г. насчитала $5^1/_4$ милліоновъ женщинъ, которыя добываютъ себѣ сами средства къ существованію, но сюда еще не вошли тѣ женщины, которыя, пользуясь поддержкой отцовъ или мужей, кое-что еще добрабатываютъ сами для семейнаго бюджета. Изъ $5^1/_4$ милліоновъ самодѣятельныхъ женщинъ, $2^3/_4$ милліона трудятся въ сельскомъ хозяйствѣ, $1^1/_2$ милліона въ обрабатывающей промышленности, 600 тысячъ занимаются въ торговлѣ и путяхъ сообщенія, 234 ты-

сячи живутъ въ качествѣ домашней прислуги и 177 тысячъ принадлежатъ къ категоріи вольныхъ профессій и служащихъ въ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ. По отношенію къ мужчинамъ, женщинъ особенно много въ сельскомъ хозяйствѣ, среди прислуги и въ торговлѣ. Въ обрабатывающей промышленности онѣ составляютъ только $18^1/_2\%$, и за 12 лѣтъ относительное ихъ участіе увеличилось только на 1%, тогда какъ въ сельскомъ хозяйствѣ ихъ 33% вмѣсто прежнихъ (1882 г.) 30%, въ торговлѣ 25% вмѣсто 19%, а въ высшихъ профессіяхъ 22 вмѣсто 20%.

Обращаясь къ вопросу: что далъ истекшій годъ нѣмецкой женщинѣ, мы должны отвѣтить, что какъ ни малы результаты, они, все же, говорятъ объ успѣхахъ здраваго смысла и уменьшеніи предразсудковъ. Большинство университетовъ и сельскохозяйственная академія въ Берлинѣ допускаютъ женщинъ къ слушанію лекцій, и число слушательницъ за этотъ годъ почти утроилось. Союзъ аптекарей въ первый разъ поднялъ въ Страсбургѣ вопросъ о допущеніи женщинъ къ занятію фармаціей. Новый министръ почтъ проектируетъ привлеченіе женщинъ къ почтовой службѣ. Послѣ того, какъ во многихъ ландтагахъ сочувственно отнеслись къ мысли о назначеніи женщинъ на должности фабричныхъ инспектрисъ, Бавaрія, Гессенъ-Дармштадтъ, Саксенъ-Веймаръ и Мейнингенъ, въ видѣ опыта, пригласили женщинъ помощницами инспекторовъ, выслушивающими жалобы и желанія работницъ и слѣдящими за санитарными условіями въ помѣщеніяхъ, гдѣ трудятся женщины. Каждый фактъ въ отдѣльности не великъ, но въ суммѣ и въ связи съ другими явленіями, — какъ увеличеніе самозащиты трудящихся женщинъ, ихъ организація въ союзы, вліяніе образованныхъ женщинъ въ общественномъ призрѣніи и различныхъ видахъ соціальной помощи, — все указываетъ на несомнѣнный ростъ мысли и пробужденіе общественнаго сознанія.

LVIII.

Берлинъ, 16-го января 1898 г.

Старые члены парламента одинъ за другимъ покидаютъ свои мѣста. Вслѣдъ за Беннигсеномъ „самъ“ баронъ Штуммъ заявилъ, что усталъ бороться и не намѣренъ выставлять больше своей кандидатуры на предстоящихъ выборахъ. Министръ народнаго просвѣщенія, у котораго въ концѣ концовъ таки не хватило гражданскаго мужества,

хочетъ поставить уходящему „королю“ памятникъ въ видѣ закона, подчиняющаго приватъ-доцентовъ прусской дисциплинѣ.

Объ этой новой затѣѣ министра Боссе очень много пишутъ и спорятъ теперь въ Берлинѣ. Его проектъ о приватъ-доцентахъ окрестили lex Arons, по имени берлинскаго физика, бывшаго ассистента и любимаго ученика Гельмгольца. Общественная дѣятельность молодого ученаго, какъ вы знаете, не понравилась Штумму, и одинъ изъ его клевретовъ получилъ порученіе—запросить по этому предмету министра въ прусской палатѣ. Въ результатѣ явился законопроектъ, подчиняющій приватъ-доцентовъ наравнѣ со всѣми чиновниками дисциплинарнымъ взысканіямъ. Первой инстанціей остается факультетъ, но министръ народнаго просвѣщенія можетъ обжаловать рѣшеніе факультета въ совѣтъ министровъ, которому предоставлено лишить приватъ-доцента venia legendi, правда, не иначе, какъ съ согласія административнаго суда, существующаго для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.

Въ обществѣ и печати всѣхъ направленій, кромѣ реакціоннаго, проектъ министра встрѣтилъ крайне враждебный пріемъ. Цитируютъ слова Вирхова, сказавшаго, что приватъ-доцентура — надежда и опора нѣмецкой науки; всякое посягательство на самостоятельность этой корпораціи грозитъ пониженіемъ уровня знанія, непотизмомъ въ университетахъ, проникновеніемъ туда карьеристовъ и прислужниковъ. Національ-либералы ссылаются на проф. Конрада, по мнѣнію котораго приватъ-доценты, ничего не получая отъ университетовъ, приносятъ имъ не меньше пользы, чѣмъ оплачиваемые профессора, и въ то же время больше своихъ старыхъ коллегъ работаютъ для науки. Среди 700 нынѣшнихъ приватъ-доцентовъ немало ученыхъ, уже создавшихъ себѣ имя, безкорыстно двигающихъ науку. Какое право имѣетъ университетъ или министръ вмѣшиваться въ ихъ политическія убѣжденія? Неужели потому только, что они пользуются университетской аудиторіей? Гельмгольцъ,—заявляютъ другіе,—былъ консерваторъ и стоялъ близко ко двору, но это не мѣшало ему взять себѣ въ ассистенты Аронса, изъ-за политическихъ убѣжденій котораго загорѣлся весь сыръборъ. Другой консерваторъ, извѣстный юристъ и профессоръ берлинскаго университета Гирко выступилъ на-дняхъ съ открытымъ протестомъ противъ попытки министерства, плодомъ которой, какъ онъ замѣчаетъ, можетъ быть только уничтоженіе свободы науки и паденіе нѣмецкихъ университетовъ. Институтъ приватъ-доцентовъ необходимо долженъ остаться свободной корпо-

раціей: такъ онъ исторически развился, на этомъ основывается слава университетовъ. Уничтожая свободу и независимость приватъ-доцентуры, мы уничтожаемъ основную гарантію независимости науки и превращаемъ ея служителей въ чиновниковъ. „Я вообще не понимаю,—прибавляетъ проф. Гирке,—для чего могло понадобиться измѣненіе нынѣшнихъ условій". И подобно этому консервативному ученому разсуждаетъ подавляющее большинство всѣхъ германскихъ профессоровъ.

Обозрѣватели внѣшней торговли Германіи за прошлый годъ отмѣчаютъ успѣхи книжной торговли. Нѣмецкій экспортъ книгъ—первый въ мірѣ, что отчасти, конечно, зависитъ отъ того, что нѣмцы разсѣяны по всему міру, но не малую роль въ распространеніи нѣмецкихъ книгъ играетъ и высокое значеніе науки и литературы Германіи. Въ теченіе 1897 года книгъ, нотъ и географическихъ картъ вывезено за границу болѣе 100 тысячъ метрич. центнеровъ, т. е. тысяча вагоновъ по 600 пудовъ, набитыхъ книгами! И въ то же время увеличивается изъ года въ годъ спросъ на книги внутри страны. Нѣмецкіе книгопродавцы жалуются только на плохой сбытъ беллетристическихъ произведеній; говорятъ, что романы и стихи читаются теперь только женщинами. За то съ распространеніемъ образованія въ массахъ чрезвычайно увеличился спросъ на научныя книги. Васъ поражаетъ, какія серьезныя сочиненія теперь появляются у издателей, имѣющихъ дѣло съ рабочими, и какъ поднялся уровень коробейной литературы. Брокгаузъ и Майеръ больше торгуютъ отъ разносчиковъ, отправляющихся со своимъ товаромъ въ деревни и на сельскія фабрики, чѣмъ отъ городскихъ книгопродавцевъ. Изданія Дица можно встрѣтить на столѣ почти всякаго интеллигентнаго рабочаго. Соотвѣтственно спросу увеличивается число издателей и книгопродавцевъ: первыхъ, по большей части не продающихъ непосредственно публикѣ, теперь въ Германіи 3.500, книжныхъ магазиновъ болѣе 5.000. Подобно тому, какъ нельзя встрѣтить въ Германіи большой деревни безъ школы, почты и телеграфа, такъ нѣтъ уже почти села безъ книжной торговли.

LIX.

Берлинъ, 6-го марта 1898 г.

Незадолго предъ мартовскими днями, о которыхъ теперь вспоминаетъ Германія, Александръ Гумбольдъ писалъ Варнагену фонъ-

Энзе: „Сейчасъ отправляюсь въ Санъ-Суси, гдѣ, къ сожалѣнію, отпраздную свое 75-тилѣтнее рожденіе. Да, къ сожалѣнію, потому что въ 1789 году я надѣялся, что міръ разрѣшитъ еще нѣкоторые вопросы. Я много видѣлъ, но по моимъ требованіямъ этого слишкомъ мало, а на ожиданія у меня уже нѣтъ времени. Кажется, нѣмцы еще долго будутъ только *писать* о свободѣ".

Не прошло и пяти лѣтъ, какъ наступили событія, отъ которыхъ современная Пруссія ведетъ свое происхожденіе: въ „безумный" годъ выросли и получили признаніе понятія и учрежденія, которыми одинаково дорожатъ всѣ мыслящіе нѣмцы, какъ бы ни расходились они въ другихъ вопросахъ общественнаго устройства. Консервативная, особенно распространенная въ кругахъ высшаго чиновничества „Tägliche Rundschau" замѣчаетъ сегодня въ статьѣ о полувѣковомъ юбилеѣ мартовскихъ дней: „Бурнымъ ураганомъ движеніе 48-го года прошло по нѣмецкой землѣ, разрушая устарѣвшее, ниспровергая все, что становилось ему на пути, но въ то же время создавая условія для національнаго величія и благополучія. Намъ понятны чувства сторонниковъ стараго режима,— продолжаетъ консервативная газета,—и вмѣстѣ съ ними мы осуждаемъ многія черты той эпохи, вызывающія восторгъ демократовъ. Но почему же пятьдесятъ лѣтъ спустя не быть правдивыми? Отчего теперь не признать, что многое великое и хорошее во второй половинѣ этого вѣка въ Германіи было бы невозможно безъ событій 48-го года? Мы отдаемъ себѣ отчетъ въ послѣдствіяхъ, связанныхъ со всякимъ возмущеніемъ противъ закона и порядка, и вмѣстѣ со всѣми патріотическими гражданами скорбимъ объ униженіи, испытанномъ въ тѣ дни Гогенцоллернами. Сила ихъ всегда состояла въ томъ, что они понимали смыслъ своего времени и пользовались своею властью для осуществленія необходимыхъ реформъ безъ потрясеній. Пруссія имѣла правительство, всегда шедшее въ шагъ со временемъ и народными потребностями, которыя оно умѣло узнавать. Предъ 48-мъ годомъ стало иначе. Фридрихъ-Вильгельмъ IV хотѣлъ идти противъ своего времени, и это неминуемо должно было повести къ кризису". „Забудемъ,—заканчиваетъ консервативная газета,— ненависть и озлобленіе, относящіяся къ безвозвратно ушедшему періоду: споръ о государственномъ устройствѣ давно рѣшенъ, народъ признанъ совершеннолѣтнимъ, этого никто больше не можетъ и не желаетъ измѣнить. Будемъ увѣрены, что повтореніе такихъ катастрофъ невозможно при сильномъ, честномъ и сознающемъ свои

обязанности правительствѣ, и что даже грозный соціальный вопросъ будетъ разрѣшенъ Германіей путемъ мирныхъ реформъ".

Еслибы такъ разсуждали всѣ консерваторы, то едва ли политическая борьба въ наши дни носила бы характеръ взаимнаго неуваженія и ненависти къ личности противниковъ. Къ сожалѣнію, и теперь нѣтъ недостатка въ юнкерской наглости, для которой бойцы 18-го марта—не что иное, какъ „каналья, наемная сволочь, сбродъ поляковъ и французовъ". Публицисты, способные радостно привѣтствовать возстановленіе карлсбадскихъ указовъ и декретовъ Меттерниха, увѣряя въ то же время, что не могутъ и думать о возвращеніи назадъ, совершенно забыли однако, чѣмъ была Пруссія и Германія до мартовскихъ дней. „Холопство и пресмыканіе передъ высшими,—говоритъ князь Каролатъ,—глухое броженіе въ народѣ, трусость до самыхъ верхнихъ ступеней власти, стремленіе скрыть отъ короля настроеніе его подданныхъ—таковъ былъ режимъ 40-хъ годовъ, котораго ни добрыя намѣренія Фридриха-Вильгельма, ни личная честность нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ не могли искупить, потому что на такихъ шаткихъ добродѣтеляхъ не строятъ благополучія народовъ". И вдругъ, какъ выражается одинъ изъ современниковъ тѣхъ событій, „нѣмые заговорили". Сигналъ, данный февральскими днями въ Парижѣ, громкимъ эхо отозвался отъ Рейна до Дуная. То, что 24-е февраля означало для Франціи, 18-е марта означаетъ для Германіи. Въ библіотекѣ берлинской Думы есть особая комната, заключающая въ себѣ около 10-ти тысячъ томовъ книгъ, брошюръ и рисунковъ, относящихся до событій 48-го года. Для историка это истинный кладъ: онъ найдетъ тамъ бездну цѣннаго матеріала къ характеристикѣ замѣчательной эпохи. Прусскій исторіографъ Трейчке, котораго къ объективнымъ историкамъ никакъ нельзя причислить, пользовался лишь незначительной долей матеріала, относящагося до предшествующихъ 48-му году событій, но и Трейчке, бардъ Гогенцоллерновъ, не можетъ не произнести суроваго приговора надъ до-мартовскими порядками вообще и нерѣшительностью и двойственностью правленія Фридриха-Вильгельма IV въ особенности. Будь король не мистикъ, а человѣкъ съ яснымъ умомъ, кто знаетъ, ознаменовалось ли бы 18-е марта пролитіемъ крови, нужны ли были бы человѣческія жертвы для водворенія новаго порядка? Несомнѣнно, что среди жертвъ 18-го марта, могилы которыхъ въ Фридрихсгайнѣ ежегодно покрываются вѣнками, были вѣрноподданные пруссаки, соединявшіе любовь къ свободѣ съ традиціонной привязанностью къ королю. Вѣдь народъ

еще за часъ предъ роковымъ столкновеніемъ оглашалъ Schlossplatz кликами за короля, и Фридрихъ-Вильгельмъ съ балкона принималъ овацін берлинцевъ, кричавшихъ „Hoch lebe unser guter König!“ и благодарившихъ своего „добраго короля“ за только-что опубликованные декреты объ отмѣнѣ цензуры и созывѣ ландтага.

Въ рейхстагѣ на очереди дня стояло обсужденіе проекта военнаго судопроизводства, прежде вызывавшаго много пререканій въ Германіи. Теперь и этотъ проектъ перешелъ въ стадію дѣловой полемики: юристы рейхстага обсуждаютъ статью за статьей и шагъ за шагомъ отвоевываютъ или пытаются отвоевать у военнаго сословія тѣ привилегіи, которыя нарушаютъ права гражданскаго населенія. Сегодня, напримѣръ, первой обсуждается статья 172-я устава, которая въ правительственной редакціи гласитъ такъ: „Личное задержаніе гражданскими властями офицера, подчиненнаго юрисдикціи военныхъ судовъ, допускается лишь въ томъ случаѣ, если офицеръ задержанъ на мѣстѣ *преступленія*“. Коммиссія рейхстага предложила сдѣлать добавленіе: „а также при совершеніи *проступка* (Vergehen, délit), влекущаго за собою потерю гражданскихъ правъ“. Свободомыслящимъ поправка коммиссіи представляется недостаточной, и они предлагаютъ распространить право гражданскихъ властей на всѣ нарушенія уголовнаго закона, преслѣдуемыя ex officio. Наконецъ, депутатъ Ауэръ предлагаетъ просто зачеркнуть постановленіе, по которому офицеръ въ чемъ-либо отличается предъ закономъ отъ прочихъ гражданъ.

Сегодня, однако, въ рейхстагѣ совсѣмъ иная атмосфера, мѣшающая спокойному обсужденію. Тѣни 18-го марта возбуждаютъ старую ненависть. Національ-либералъ Бассерманъ первый даетъ сигналъ къ аттакѣ. Онъ категорически высказывается противъ измѣненій въ правительственномъ проектѣ; даже поправка, предложенная коммиссіей, по его мнѣнію, должна быть отклонена. Долго и пространно излагаетъ онъ свои взгляды и, наконецъ, въ качествѣ послѣдняго аргумента, ссылается на необходимость считаться съ возможностью „страстныхъ, революціонныхъ минутъ, когда темныя личности стремятся къ возбужденію стычекъ на улицахъ, злупотребляя нерасположеніемъ къ офицерству, которое, къ сожалѣнію, замѣчается въ нѣкоторыхъ слояхъ народа“.

Замѣчаніе Бассермана дастъ возможность Бебелю исполнить свое намѣреніе: воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы „почтить съ трибуны рейхстага зарю прусской свободы“. Ораторъ начинаетъ съ полемическаго замѣчанія противъ одного изъ депута-

товъ правой, сказавшаго въ предыдущемъ засѣданіи, что проектъ военнаго судопроизводства съ поправками, внесенными оппозиціей, превратился бы въ законъ *противъ офицеровъ*. „Это — крайне ложное истолкованіе нашихъ намѣреній, — возражаетъ Бебель, — мы хотимъ лишь равнаго права для всѣхъ и не питаемъ къ офицеру враждебныхъ чувствъ; какъ и ко всякому соотечественнику, мы лишь предъявляемъ къ нему требованіе, чтобы онъ уважалъ права другихъ гражданъ". Процитировавъ нѣсколько примѣровъ расправы военныхъ съ бюргерами при столкновеніяхъ на улицѣ, ораторъ категорически протестуетъ противъ утвержденія того же консервативнаго депутата, будто побѣды 1870 — 71 года даютъ офицерству право требовать себѣ особаго привилегированнаго положенія. Офицеры во франко-прусской войнѣ исполнили только свой долгъ, какъ исполнили его и солдаты... Въ войнахъ за освобожденіе не прусское юнкерство и вышедшіе изъ его рядовъ офицеры, а народъ защищалъ свое отечество. „Сегодня, — говоритъ Бебель, повышая голосъ, — исполнилось 50-лѣтіе той великой борьбы, въ которой нѣмецкій народъ добился правового равенства всѣхъ гражданъ. Тѣ, кто теперь защищаетъ понятіе особой офицерской чести, 50 лѣтъ тому назадъ довели народъ до крайности. Кто бы сказалъ, что въ настоящее время еще будутъ возможны такіе предразсудки, такое самомнѣніе привилегированнаго класса? Бюргерство должно очень низко пасть, если не сумѣетъ дать почувствовать, что въ Германіи нѣтъ больше двухъ понятій чести и двухъ различныхъ масштабовъ по отношенію къ одинаковому преступленію."

Военный министръ подымается и заявляетъ, что онъ нисколько не сомнѣвался, что Бебель коснется сегодня событій 48-го года. Онъ, министръ, не станетъ входить съ нимъ въ полемику о значеніи этихъ событій, а ограничится лишь заявленіемъ, что, по его мнѣнію, 18-е марта — одно изъ самыхъ печальныхъ явленій въ исторіи Пруссіи. Вслѣдъ затѣмъ генералъ Госслеръ переходитъ къ предмету преній и убѣдительно проситъ рейхстагъ возстановить статью проекта въ правительственной редакціи. Пусть рейхстагъ не забудетъ, что армія приметъ это за выраженіе довѣрія къ себѣ и, съ своей стороны, сдѣлаетъ, что въ ея силахъ, для сохраненія въ ея средѣ чистоты нравовъ и уваженія къ остальному населенію. Къ военному министру сейчасъ же присоединяется консервативный депутатъ Путткамеръ (nomen et omen!), спѣшащій заявить, что безъ особо развитой чести офицеръ не въ состояніи защищать отечество. „Г. Бебель, — продолжаетъ Путткамеръ, —

сплелъ сегодня лавровый вѣнокъ „героямъ“ мартовскихъ дней. Я бы не обратилъ на это вниманія, если бы онъ не вздумалъ бросить юнкерству упрекъ, будто оно виновато въ возмущеніи народа. Нѣтъ, возстаніе вызвано не юнкерами, а иностранцами, французами, поляками и прочимъ сбродомъ, совратившимъ нашъ честный нѣмецкій народъ (*„Oho!“ и бурный протестъ слѣва; „браво, браво!“ на правой*). Реформы уже въ тотъ день были осуществлены; онѣ всѣ, и конституція, и свобода печати—свободный подарокъ прусскаго короля націи, ихъ не нужно было больше защищать. За такимъ злоупотребленіемъ, какъ возстаніе 18-го марта, должна была наступить реакція“ (*„Нѣтъ, нѣтъ!“ на лѣвой; „да, да!“ на правой*).

Изъ группы свободомыслящихъ подымается Мункель. Знаменитый адвокатъ, защищавшій Арнима противъ Бисмарка,—убѣжденный либералъ, но отнюдь не симпатизирующій радикальнымъ идеямъ. „Путткамеръ не могъ выбрать болѣе неудачнаго мѣста для своихъ нападокъ на 48-й годъ,—отвѣчаетъ Мункель;—этого рейхстага не было бы, какъ не существовала бы и объединенная Германія, еслибы не было 48-го года. День 18-го марта для насъ день траура, потому что грустно всякое зрѣлище междоусобной войны, но это и день радости, потому что отъ него начинается наша новая жизнь. Съ трибуны рейхстага я считаю долгомъ заявить, что пока въ Германіи не исчезнетъ любовь къ родинѣ и стремленіе къ свободному развитію, до тѣхъ поръ нѣмцамъ не придется стыдиться 18-го марта 1848 г.“ (*Бурныя рукоплесканія на лѣвой, шиканье и смѣхъ на правой*).

Въ то время, какъ говорилъ Мункель, баронъ Штуммъ направился къ президенту и попросилъ слова. Всѣ ожидали съ понятнымъ любопытствомъ, что̀ скажетъ „король“-заводчикъ, но вліятельный на верху депутатъ удовольствовался короткимъ заявленіемъ: Мункель и Бебель фальсифицируютъ, по его убѣжденію, исторію, такъ какъ „неопровержимо“ будто доказано, что поляки и французы въ цѣляхъ интриги подняли народъ противъ династіи. „Всякій нѣмецкій патріотъ при воспоминаніи о тѣхъ дняхъ можетъ испытывать одно лишь чувство—*глубочайшаго стыда*“. Эти нѣсколько словъ вызываютъ на лѣвой взрывъ негодованія. Только Мункель сохраняетъ полное хладнокровіе и съ великолѣпнымъ юморомъ, вызывающимъ смѣхъ всей залы, отвѣчаетъ: „Я не хочу мѣшать г. Штумму предаваться столь похвальному и рѣдко обнаруживаемому имъ чувству стыда“...

У Бебеля однако другой темпераментъ. Когда вождь соціалъ-демократіи снова поднялся на трибуну, депутатамъ, членамъ союзнаго совѣта и публикѣ на галлереяхъ сразу стало ясно, что теперь произойдетъ серьезное столкновеніе. „Jetzt geht er los“,— прошепталъ сидѣвшій рядомъ со мною коллега. Нервно, сбиваясь, безпрестанно жестикулируя, Бебель начинаетъ съ того, что слова, произнесенныя военнымъ министромъ и консерваторами, прозвучатъ въ странѣ, и „долго еще эти звуки будутъ дрожать, возбуждая чувство обиды въ тѣхъ, которые боролись, и негодованія—у потомковъ“. „Печальная страница, г. военный министръ, это самопожертвованіе гражданъ, но покажите мнѣ лучшую въ нашей исторіи? Гдѣ была бы Германія безъ тѣхъ мучениковъ? Стояли ли бы вы здѣсь предъ нами? Да, вѣдь, если бы не было послѣдующей реакціи, развѣ нужна была бы кровь, пролитая въ франко-прусской войнѣ, нуженъ былъ бы Бисмаркъ для объединенія Германіи? Раньше и благороднѣе его ту же идею національнаго объединенія провозгласили люди 48-го года, только безъ шовинизма, безъ узкихъ принциповъ въ отношеніи къ народу *(Негодованіе на правой; крикъ: „Это ложь!“)*. Господа, вы, ссылающіеся на исторію, да читали ли вы „Дневникъ императора Фридриха“? Неужели вы не знаете, что Вильгельму I до послѣдней минуты противна была мысль о сліяніи прусскаго короля съ германскимъ императоромъ? О братѣ же его и говорить нечего: для него объединеніе Германіи означало ниспроверженіе всѣхъ основъ. Вы сказали, — восклицаетъ Бебель, обращаясь къ консерваторамъ, —что 18-е марта—дѣло сброда поляковъ и иностранцевъ. Этого безстыднаго выраженія народъ вамъ никогда не забудетъ *(Бурный перерывъ; крики: „Къ порядку!“)*. Я держу въ рукахъ списокъ 185-ти жертвъ, убитыхъ на улицахъ Берлина и покоящихся теперь на кладбищѣ въ Фридрихсгайнѣ, гдѣ въ эту минуту тысячи гражданъ украшаютъ ихъ могилы вѣнками. Вотъ этотъ списокъ, читайте! Ни одного иностранца, ни одного французскаго имени, ни одного поляка!“ И охваченный негодованіемъ, Бебель, забывъ всѣ правила парламентской вѣжливости, кричитъ, обращаясь къ правой: „Вы—фальсификаторы исторіи, осмѣливающіеся клеветать на дорогую память и называть честныхъ гражданъ сбродомъ, вамъ одинъ только отвѣтъ: Pfui, Teufel!“

Вся правая при этихъ словахъ вскакиваетъ съ мѣстъ, негодуя, криками своими заглушая и слова оратора, и звонокъ президента. Наконецъ, раздается медленный и рѣшительный голосъ фонъ-Буоли: „Депутатъ Бебель, я васъ призываю къ порядку!“

Президентъ прибавляетъ, что, насколько онъ понялъ Путткамера и Штумма, они не желали сказать, будто тѣ, которые пали на улицахъ Берлина,—„сбродъ“. Бебель продолжаетъ: „Я ни одного слова не могу взять назадъ, тѣмъ болѣе, что господа на правой должны знать, въ какомъ состояніи тогда находилась Пруссія. Но если консерваторы этого не хотятъ знать, то можетъ быть ихъ не откажутся образумить нѣкоторые изъ другихъ нашихъ товарищей, нынѣшнихъ и бывшихъ, напримѣръ, г. Микель, организовавшій въ то время возстаніе крестьянъ, а теперь—обожаемый министръ прусскихъ аграріевъ?“ (*Хохотъ на лѣвой*).

Во второй разъ президентъ призываетъ Бебеля къ порядку, когда депутатъ, вспомнивъ о не исполненныхъ обѣщаніяхъ Фридриха-Вильгельма IV, позволилъ себѣ выраженіе: „Прусскій король измѣнилъ своему народу“. И опять вся правая, забывъ парламентскіе обычаи, бурно выражала свое негодованіе въ такихъ крикахъ, какъ: „Наглость, долой съ трибуны!“ Къ счастью, въ рейхстагѣ возбужденіе страстей рѣдко выходитъ изъ границъ приличія, нарушеніе парламентскихъ формъ не можетъ стать обычаемъ. Путткамеръ затѣмъ счелъ нужнымъ протестовать противъ приписываемаго ему глумленія надъ жертвами мартовскаго возстанія: онъ назвалъ „Gesindel“ не берлинскихъ гражданъ, а иностранныхъ эмиссаровъ. „Да такихъ вовсе не было; это — старая, давно опровергнутая басня“, — возразилъ барону одинъ изъ умѣреннѣйшихъ депутатовъ. Беннигсенъ, къ которому Бебель прямо обратился съ вопросомъ: „Отчего вы, старый вождь національнаго ферейна, испытавшій преслѣдованія реакціи, теперь молчите, когда юнкеры позорятъ идеалы вашей молодости?“—отвѣтилъ длинной рѣчью. Смыслъ его словъ былъ тотъ, что и онъ видитъ въ 48-мъ годѣ зарю новой жизни для Германіи, хотя во взглядахъ на значеніе 18-го марта, какъ и на роль Бисмарка и Вильгельма I-го въ объединеніи Германіи, онъ съ Бебелемъ, конечно, никогда не сойдется.

LX.

Берлинъ, 14-го марта 1898 г.

Когда президентъ Буоль прочелъ результатъ голосованія: 212 *за*, 139 — *противъ* увеличенія флота, со скамей консерваторовъ послышались аплодисменты, на которые лѣвая отвѣтила громкимъ шиканіемъ. Центръ молчалъ.

Казалось, если кто могъ радоваться, то прежде всего центръ,

который въ эти дни показалъ, что онъ—господствующая партія въ парламентѣ. Какъ сладко министры улыбались главарямъ католиковъ, какъ горячо всѣ власть имущіе пожимали руку Либера и восхваляли патріотизмъ политическаго дѣятеля, еще недавно числившагося имперскимъ врагомъ! Но Либеру и его друзьямъ нелегко досталась эта побѣда, и въ ушахъ ихъ еще звучитъ ироническая фраза Бебеля: помните, что вамъ не миновать участи національ-либераловъ! И, какъ нарочно, вождь падающей партіи при этихъ дебатахъ пропѣлъ свою лебединую пѣснь.

Такъ какъ рѣчь Беннигсена, несомнѣнно, вызоветъ много толковъ, то я вамъ передамъ ее вкратцѣ. Попытка Рихтера придать морскому проекту значеніе угрозы противъ конституціонализма и пролодіи къ военному абсолютизму, на взглядъ Беннигсена, „одно изъ величайшихъ и прискорбнѣйшихъ преувеличеній“. Если кто наноситъ удары конституціонализму, то это тѣ, которые подобно депутату Рихтеру и его друзьямъ избираютъ вопросы національной защиты экзерциръ-плацомъ для парламентской борьбы, чего нѣтъ ни въ какой другой парламентской странѣ. Когда парламентъ упражняется въ оппозиціи при столь серьезныхъ вопросахъ, въ которыхъ не должно быть мѣста партійнымъ соображеніямъ, то нація отъ него отворачивается, и тогда только правительство можетъ разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ противъ парламента. „Депутатъ Рихтеръ знаетъ, что и я считаю такіе пути несчастіемъ для Германіи, но отчего же онъ самъ толкаетъ на этотъ путь правительство? Я увѣренъ, что вождь свободомыслящихъ не произнесъ бы сегодняшней рѣчи, еслибы онъ думалъ, что проектъ можетъ быть отклоненъ *(Рихтеръ*: „Вы черезчуръ увѣрены, коллега!“ *Смѣхъ)*. Развѣ секретъ, что, въ качествѣ пароля на выборахъ, вы не желали бы имѣть дѣло съ морскимъ проектомъ? Въ странѣ иначе, чѣмъ вы, думаютъ объ этомъ проектѣ, и результатомъ распущенія рейхстага было бы уничтоженіе свободомыслящихъ“ *(Голосъ слѣва*: *„Погодите, выборы не за горами“)*.

„Въ Англіи,—продолжаетъ Беннигсенъ,—навѣрное никому въ голову не придетъ покушаться на право парламента, однако и тамъ закономъ 1889 г. принята сумма, не уступающая той, которую теперь требуетъ наше морское вѣдомство, и распредѣленная на пять лѣтъ впередъ. Во Франціи болѣе радикальные политики, чѣмъ Рихтеръ, напримѣръ, бывшій морской министръ Локруа, сами выступали съ предложеніями объ увеличеніи флота, то же самое происходитъ и въ англійской палатѣ. Г. Либкнехтъ, вы не

согласны? *(Либкнехтъ отрицательно качаетъ головой: „Англія не можетъ существовать безъ флота“).* Не можетъ существовать безъ флота? Превосходно; г. Либкнехтъ, очевидно, думаетъ, что Германія можетъ существовать безъ флота! *(Либкнехтъ: „Совершенно вѣрно!“ Хохотъ).* Въ такомъ случаѣ коллега Рихтеръ мнѣ, все-таки, милѣе *(Бурный смѣхъ):* онъ даже съ нѣкоторой гордостью говорилъ о нашемъ внушительномъ флотѣ. Правда, если бы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ имперія, всѣ поправки и сокращенія Рихтера къ морскимъ бюджетамъ были приняты, нашъ флотъ въ настоящее время былъ бы менѣе внушителенъ. Какъ и теперь, Рихтеръ и въ прежніе годы не переставалъ ссылаться на быстрые успѣхи морской техники, вслѣдствіе которыхъ военныя суда черезчуръ скоро переходятъ въ разрядъ „старыхъ сундуковъ“. Но такъ какъ техника прогрессируетъ постоянно, то, по теоріи Рихтера, намъ бы пришлось сидѣть сложа руки и ждать, когда наконецъ наступитъ затишье? Нѣтъ, такъ не защищаютъ отечество! *(„Очень хорошо!“ на правой и у національ-либераловъ).* Я понимаю, что методы судостроенія могутъ измѣниться и въ ближайшіе годы, но я довѣряю компетентнымъ людямъ, стоящимъ во главѣ морского вѣдомства; я увѣренъ, что они зорко будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одинъ грошъ не истраченъ былъ неразсчетливо. Г. Рихтера смущаетъ, что будетъ послѣ принятія проекта, не явятся ли новыя требованія? Меня же, наоборотъ, радуетъ, что съ относительно небольшой затратой *(„Oho!“ на лѣвой.)*—я говорю: съ затратой, не превышающей силъ націи, можно создать для Германіи флотъ, о которомъ наши спеціалисты говорятъ, что онъ въ состояніи будетъ въ случаѣ надобности вступить въ сраженіе съ величайшими морскими противниками, если они войдутъ въ наши воды. Тутъ, на мой взглядъ, столько успокоительнаго, что стоитъ заплатить за такое спокойствіе страховую премію. Примите еще во вниманіе, какъ велики также наши промышленные и торговые интересы, нуждающіеся въ поддержкѣ со стороны флота. Въ 1880 г. Англіи принадлежало $23,_2$ процента во всемірной торговлѣ, Германіи—$9,_7\%$, а теперь доля Англіи понизилась до $17,_5\%$, наша же повысилась до $10,_8\%$ *(„Слушайте!“ на правой; голосъ слѣва: „И это произошло безъ всякихъ морскихъ проектовъ“).* Да, но вы забываете,—отвѣчаетъ Беннигсенъ,—что мы 27-й годъ пользуемся миромъ. Вы не считаетесь съ нашими колоніальными пріобрѣтеніями и съ новѣйшими событіями въ Китаѣ, гдѣ мы стали теперь твердой ногой, возбудивъ противъ себя не только мѣстныхъ

мандариновъ, но и мандариновъ Европы“ (*„Слушайте, слушайте!“ на правой*).

Беннигсенъ считаетъ своимъ долгомъ расшаркаться предъ центромъ и въ особенности предъ Либеромъ, „проявившимъ энергію, знанія и чувство долга, за которыя рейхстагъ ему долженъ быть благодаренъ“. Въ качествѣ стараго культуръ-кемпфера, помнящаго, что когда-то его партія была рѣшающей, тогда какъ теперь все зависитъ отъ клерикаловъ, Беннигсенъ однако не съ легкимъ сердцемъ смотритъ на то, что его прежніе враги теперь стоятъ на такой высотѣ. Онъ напоминаетъ, что Виндгорстъ не могъ примириться съ исключеніемъ католической Австріи изъ германскаго союза и что была пора, когда центръ не принадлежалъ къ защитникамъ единства Германіи. „Однако,—прибавляетъ ораторъ съ кислосладкой улыбкой,—какъ патріотъ я могу только радоваться происшедшей перемѣнѣ во взглядахъ клерикаловъ. Мы съ ними, вѣроятно, еще очень долго не сойдемся во многихъ вопросахъ общественнаго устройства, но тамъ, гдѣ дѣло коснется національной защиты, не будетъ больше спора. Я надѣюсь,—заканчиваетъ Беннигсенъ,—что, когда проектъ будетъ осуществленъ, Германія внушитъ къ себѣ еще больше уваженія не только въ качествѣ величайшаго военнаго государства, но и какъ страна, не останавливающаяся ни предъ какими жертвами для защиты своего достоинства и своихъ интересовъ“.

Беннигсенъ указалъ на примѣръ другихъ парламентовъ, которые никогда не создаютъ изъ военнаго и морского бюджета поводовъ къ войнѣ съ правительствомъ. „Вы забываете, коллега,—отвѣчаетъ ему Бебель,—что въ мірѣ нѣтъ другой палаты, которая такъ мало можетъ сослаться на вниманіе къ себѣ правительства, какъ рейхстагъ. Какая другая палата столько работаетъ для „корзины съ бумагами“ господъ изъ союзнаго совѣта? Нужно удивляться не тому, что мы дорожимъ своимъ бюджетнымъ правомъ, а тому, что мы до сихъ поръ не пользовались имъ, чтобы не разрѣшать правительству никакихъ кредитовъ, пока оно не начнетъ считаться съ голосомъ парламента во всѣхъ вопросахъ внутренней политики. Совершенно вѣрно, что во Франціи радикалы и соціалисты не такіе противники милитаризма, какъ мы и свободомыслящіе, но я знаю причину: мои друзья во французской палатѣ мнѣ не разъ повторяли, что почти всѣ французы убѣждены въ намѣреніи Германіи при первомъ удобномъ случаѣ снова напасть на Францію (*„Oho!“ и бурный протестъ на правой. Голосъ Беннигсена:*

„Отчего же вы ихъ не разубѣдите?“). Вы совершенно вѣрно замѣтили, г. Беннигсенъ, ихъ нужно разубѣдить, и мы это дѣлаемъ, но вы своими постоянными военными и морскими проектами укрѣпляете французовъ въ ихъ ложномъ предположеніи“.

„Какъ ни велико само по себѣ значеніе нынѣшнихъ морскихъ дебатовъ,— продолжаетъ Бебель,—но самая замѣчательная ихъ сторона состоитъ въ томъ, что центръ съ развернутыми знаменами и барабаннымъ боемъ перешелъ въ правительственный лагерь. Заявленія Либера и барона Гертлинга заключаютъ въ себѣ цѣлую программу или, точнѣе, измѣну прежней программѣ *(Ропотъ въ центрѣ, одобреніе слѣва)*. За это г. Беннигсенъ васъ *(къ центру)* уже похвалилъ, но я не знаю бо́льшей иронiи, чѣмъ подобная похвала вашего стараго врага. Въ рейхстагѣ не было партiи, которая бы такъ покорно одобряла все, что исходило отъ правительства, какъ именно національ-либералы, но подумайте, до чего это ихъ довело? Въ 1876 г. Беннигсенъ былъ главнокомандующимъ надъ 140 депутатами, почти надъ половиной рейхстага, а теперь взгляните на своихъ сосѣдей: 50 слабыхъ человѣчковъ *(Бурный смѣхъ)*, идущихъ кто влѣво, кто вправо, несогласныхъ другъ съ другомъ въ самыхъ основныхъ вопросахъ политики и народнаго хозяйства, представляющихъ картину полнаго разгрома, — жалкое зрѣлище! *(Шумный протестъ у національ-либераловъ, громъ апплодисментовъ на лѣвой)*. И вы находите завиднымъ пойти по такимъ слѣдамъ? Да вѣдь это самоубiйство, совершенное непониманiе намѣренiй и убѣжденiй католическаго народа! Вы получите отъ него отвѣтъ на выборахъ; что касается насъ, то мы сдѣлаемъ все, что̀ въ нашихъ силахъ, чтобы разъяснить вашимъ избирателямъ, какъ вы защищали ихъ интересы! Я тоже болѣе 20-ти лѣтъ былъ товарищемъ Виндгорста въ бюджетныхъ коммиссiяхъ; я часто съ нимъ расходился во взглядахъ, но въ огражденiи бюджетныхъ правъ рейхстага мы всегда были солидарны“. Бебель читаетъ по стенографическому протоколу цѣлый рядъ заявленiй Виндгорста, изъ которыхъ самое характерное заключается въ слѣдующихъ словахъ противъ военнаго сентената: „Послѣднiя свои силы я отдамъ защитѣ конституцiи, которою нѣмцы должны дорожить какъ величайшимъ своимъ прiобрѣтенiемъ. Если мы согласимся вотировать сентенатъ для армiи, за нимъ послѣдуютъ сентенаты въ другихъ вѣдомствахъ и о бюджетныхъ правахъ рейхстага больше не будетъ рѣчи“.

„Не зачѣмъ, впрочемъ, — продолжаетъ ораторъ, — тревожить

тѣни умершихъ, когда предъ нами столько живыхъ, говорившихъ и писавшихъ совершенно въ томъ же духѣ. Г. Мюллеръ-Фульда написалъ превосходную брошюру о морскихъ фантазіяхъ, которую мы и теперь готовы распространять въ народѣ, потому что она ясно и съ полнымъ знаніемъ дѣла доказываетъ безплодность такихъ мечтаній. А въ бюджетной коммиссіи тотъ же Мюллеръ-Фульда голосуетъ за правительственный проектъ, за тотъ самый проектъ, въ которомъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не нашелъ ни одной разумной мысли! А г. Либеръ? Развѣ мы забыли тотъ пассусъ, съ которымъ онъ выступалъ здѣсь противъ пропаганды шовинистовъ, толкующихъ о „бо́льшей Германіи и о защитѣ нѣмцевъ, разбросанныхъ по всему свѣту“? Нашего почтеннаго коллегу не сдерживало тогда и то обстоятельство, что эта пропаганда находила поддержку въ очень высокихъ сферахъ; наоборотъ: послѣ одного банкета онъ еще разъ категорически предостерегалъ отъ грандіозныхъ плановъ, не имѣющихъ разумнаго основанія. Обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились, скажетъ Либеръ? Да, въ томъ отношеніи, что тогда говорили о затратахъ на флотъ въ 150—200 милліоновъ, а теперь морское вѣдомство требуетъ почти полмилліарда“. Либеръ таинственно намекалъ, что онъ уже давно былъ посвященъ въ планы правительства и убѣдился въ ихъ необходимости. „Въ такомъ случаѣ я не понимаю,—отвѣчаетъ Бебель,—какъ вы тогда ратовали противъ правительства. Если же вы перемѣнили свои мнѣнія сразу и для васъ наступилъ „день Дамаска“, то покажите намъ ангела, сошедшаго къ вамъ и превратившаго васъ изъ Савла въ Павла. Неужели этотъ ангелъ—адмиралъ Тирпицъ? *(Адмиралъ встаетъ съ мѣста и вытягивается въ струнку. Долго несмолкающій хохотъ).* Я не менѣе внимательно, чѣмъ вы, слушалъ всѣ заявленія, сдѣланныя намъ правительствомъ въ коммиссіи, и не могу понять, что́ на васъ произвело такое сильное впечатлѣніе? Съ военной точки зрѣнія, все, что́ намъ говорили о ростѣ флотовъ, не могло намъ казаться убѣдительнымъ, потому что ни одинъ разумный человѣкъ въ Германіи не можетъ задаваться цѣлью соперничать съ Англіей или Соединенными Штатами въ увеличеніи флота. Всякое увеличеніе военныхъ судовъ съ нашей стороны ведетъ лишь къ увеличенію флотовъ у нашихъ возможныхъ противниковъ; это—скачка съ препятствіями, въ которой мы никогда не возьмемъ призовъ. Что же касается интересовъ торговли, то Германія заняла высокое положеніе на всемірномъ рынкѣ безъ всякаго участія военнаго флота, а одинъ изъ

вождей центра даже доказывалъ, что усиленіе военнаго флота можетъ повредить нашимъ торговымъ задачамъ. Не смѣшно ли, что ораторъ консерваторовъ мотивировалъ интересами торговли поворотъ въ сторону морского проекта, совершенный его партіей? Развѣ можно себѣ представить большее противорѣчіе, какъ эта защита торговли людьми, принадлежащими къ непримиримымъ врагамъ промышленнаго и торговаго усиленія Германіи? Съ одной стороны, наши консерваторы требуютъ самыхъ высокихъ пошлинъ на хлѣбъ и разрыва торговыхъ договоровъ, а съ другой—вотируютъ 500 милліоновъ въ интересахъ торговли. Воля ваша, это логика дома умалишенныхъ *(Бурный смѣхъ на всѣхъ скамьяхъ)*. Вспоминаю случай съ постройкой С.-Готардскаго туннеля: сначала мы вотировали на постройку субсидію въ 33 милліона для облегченія сношеній между Германіей и Италіей, а когда дорога была окончена, мы возвысили пошлины *(Смѣхъ и одобреніе)*. Нѣмецкая промышленность,—заканчиваетъ Бебель,—можетъ положиться на такихъ друзей: они не преминутъ представить ей счетъ за свои услуги; нѣмецкіе же рабочіе знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и хорошо, что въ данномъ случаѣ границы между партіями проведены такъ отчетливо, что на одной сторонѣ стоятъ всѣ, дорожащіе развитіемъ Германіи, а на другой—политики, готовые всѣмъ пожертвовать милитаризму и маринизму, даже своими основными убѣжденіями и прерогативами парламента".

Со стороны центра, разумѣется, послѣдовалъ протестъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ клерикаловъ, вице-президентъ рейхстага Шпанъ, увѣрялъ, что система Виндгорста никогда не основывалась на „слѣпомъ поклоненіи формулѣ". „Черная жемчужина центра" была слишкомъ практична. Однако, не менѣе видный членъ той же партіи, старый судья Реренъ, присоединился къ Бебелю и заявилъ: „я свидѣтель всей политической дѣятельности нашего несравненнаго Виндгорста и считаю своимъ долгомъ защитить его память. Въ вопросахъ тактики онъ никогда не былъ доктринеромъ или фанатикомъ, понимая, что тактика мѣняется съ обстоятельствами. Но въ основныхъ вопросахъ общественнаго устройства онъ былъ непоколебимъ, и Бебель правъ, увѣряя, что при Виндгорстѣ наша партія никогда не пошла бы на уступки въ бюджетномъ правѣ". Реренъ и 27 другихъ клерикаловъ остались послѣдовательны и вотировали противъ правительства.

Вы понимаете теперь, почему клерикалы, стоя на такой высотѣ, видя у своихъ ногъ правительство и слыша со всѣхъ сто-

ронъ, что имъ стоитъ только пожелать, и вожди ихъ будутъ министрами,—молчали, когда Буоль провозгласилъ результатъ голосованія. Но и консерваторы сегодня уже далеко не такъ радостно настроены по поводу побѣды. Вѣдь, въ сущности, и они никогда не были флотскими энтузіастами. Кромѣ того, многихъ лютеранъ изъ консерваторовъ и національ-либераловъ серьезно тревожитъ мысль о вліяніи католическаго центра, какъ правительственной партіи. „Мы хотимъ надѣяться,—пишетъ сегодня одинъ консервативный органъ,—что патріотизмъ нашихъ клерикаловъ дѣйствительно безкорыстенъ и что они не потребуютъ никакой платы за то, что исполнили долгъ патріотовъ; иначе вчерашняя побѣда доставила бы намъ мало радости: за усиленіе своей боевой готовности странѣ пришлось бы расплатиться пониженіемъ духовной силы, и мы, право, затруднямся сказать, что важнѣе? Вѣдь, и военная сила основывается на духовныхъ успѣхахъ народа, а если дать клерикаламъ волю, то они внесутъ въ нашу школу совершенно посторонніе ей начала“.

LXI.

Берлинъ, 29-го іюня 1898 г.

Союзы взаимопомощи служащихъ въ торговлѣ имѣютъ въ Германіи уже длинную исторію и насчитываютъ сотни тысячъ членовъ, но до недавняго времени то были только мужскіе союзы. Женщина за прилавкомъ, правда, — не новое явленіе: въ мелочной торговлѣ жена и дочь почти всегда были сотрудницами и помощницами хозяина, изрѣдка попадались и наемныя приказчицы, однако, въ качествѣ массоваго явленія, женскій торговый трудъ— продуктъ новѣйшаго времени. Послѣдняя профессіональная перепись Германіи подтвердила и точнѣе установила явленіе, которое каждому бросалось въ глаза въ нѣмецкихъ магазинахъ: женскій трудъ здѣсь все болѣе конкурируетъ съ мужскимъ; за короткое время, протекшее отъ предыдущей переписи (13 лѣтъ), число наемныхъ служащихъ-женщинъ болѣе чѣмъ удвоилось.

Исходя отъ мысли, что не женская конкуренція сама по себѣ вредна мужчинѣ, а соперничество женщины, не знающей цѣны своему труду и не умѣющей выгодно утилизировать свои силы, одинъ изъ дѣятелей мужскихъ обществъ, Юлій Мейеръ, въ 1889 г. задумалъ создать Общество взаимопомощи приказчицъ. Учредителемъ при этомъ руководило и сочувствіе къ безпомощности одинокой дѣвушки, работающей часто сверхъ силъ, подвергаю-

щейся опасности въ нравственномъ отношеніи, въ случаѣ болѣзни часто выбрасываемой на мостовую. На призывъ Мейера сначала откликнулись лишь весьма немногія приказчицы: значительнѣйшую часть членовъ-учредителей составили гуманные купцы и женщины интеллигентныхъ круговъ. Очень скоро однако въ Общество, назвавшее себя „Hilfsverein für weibliche Angestellte“, стали записываться и тѣ труженицы, для которыхъ оно предназначалось. Дѣло въ томъ, что съ первыхъ же своихъ шаговъ Hilfsverein обратилъ вниманіе на устройство справочной конторы для указанія работы, и въ двери ея стали стучаться ищущія мѣстъ. Всякая дѣвушка, получивъ черезъ бюро занятія, записывалась въ члены. Организованное Обществомъ посредничество найма уже само по себѣ было очень хорошимъ дѣломъ, потому что раньше приходилось ищущимъ мѣста или тратиться на объявленія въ газетѣ, или по такимъ же объявленіямъ хозяевъ обходить мѣста, получая въ 99-ти случаяхъ изъ 100 отвѣтъ, что должность уже занята. Бюро найма имѣло успѣхъ, и тогда Verein обратилъ свое вниманіе на другія двѣ стороны дѣла: на помощь приказчицамъ во время болѣзни и на развитіе профессіональнаго образованія. До 1892 г. обязательное страхованіе рабочихъ не было еще распространено на приказчиковъ и приказчицъ, а потому Hilfsverein позаботился, чтобы его члены получали даровую медицинскую помощь и лѣкарства, а при полной нуждѣ и нѣкоторое денежное пособіе. Благодаря распространенію страхованія и на коммерческій трудъ, въ этомъ теперь нѣтъ больше надобности, но Общество приказчицъ воспользовалось правомъ устроить свою собственную кассу, въ которой минимумъ обязательной помощи расширенъ еще дополнительнымъ пособіемъ, заключающимъ въ себѣ, сверхъ лѣченія и $^2/_3$ жалованья, пользованіе ваннами, минеральными водами, спеціальными аппаратами и поддержкой въ теченіе не только трехъ мѣсяцевъ болѣзни, но и болѣе продолжительнаго срока. Въ области профессіональнаго образованія дѣятельность Общества выразилась учрежденіемъ „Торговой школы“ для дѣвушекъ, желающихъ посвятить себя службѣ въ конторахъ и магазинахъ, и устройствомъ „Коммерческихъ курсовъ“ (Kaufmännische Fortbildungsschulen) для уже находящихся на службѣ. „Торговая школа“ имѣетъ въ виду дѣвушекъ 16—18-ти лѣтъ, окончившихъ народную школу. Курсъ —годовой; предметы преподаванія—бухгалтерія, стенографія, работа на пишущей машинѣ, каллиграфія, ариѳметика и новые языки. На „Коммерческихъ курсахъ“, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный берлинскій

педагогъ проф. Швальбе,—занятія вечернія, и каждая слушательница выбираетъ себѣ любой изъ преподаваемыхъ предметовъ какъ для профессіональнаго образованія, такъ и для дополненія общаго образованія. Въ подготовительной „Торговой школѣ“ въ прошломъ семестрѣ было 288 ученицъ; „Курсы“ посѣщались 294 дѣвушками.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ однимъ изъ дѣятелей этого Общества, Hilfsverein теперь имѣетъ уже 10,800 членовъ, изъ которыхъ 10,400 — приказчицы, кассирши, конторщицы и т. п., остальные 400 — купцы, женщины высшихъ круговъ и приказчицы, вышедшія замужъ, но пожелавшія, хотя онѣ уже бросили наемную службу, остаться въ ферейнѣ. Членскій взносъ— 3 марки въ годъ и, сверхъ того, приплата въ 5, 12 или 18 марокъ въ кассу страхованія, смотря по разряду и правамъ на пособія. Ежегодный бюджетъ Общества уже превышаетъ 200 тысячъ марокъ въ годъ, оно имѣетъ свою читальню-библіотеку съ 50-ю газетами и нѣсколькими тысячами томовъ книгъ, само издаетъ ежемѣсячникъ, заключающій въ себѣ текущія свѣдѣнія по вопросамъ торговаго труда женщины („Mittheilungen für weibliche Angestellte“), связано съ „Обществомъ народнаго образованія“ и входитъ въ составъ „Центральнаго союза приказчичьихъ Обществъ“. Отсюда вы можете заключить, что отношенія между мужскими и женскимъ Обществами не враждебныя, а дружественныя. Впрочемъ, оно уже не единственное женское приказчичье общество: по его образцу возникли такіе же ферейны въ Гамбургѣ, Мюнхенѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Кенигсбергѣ и въ другихъ большихъ городахъ. По иниціативѣ Hilfsverein'а поднято было движеніе за предоставленіе продавщицамъ возможности присѣсть въ свободное время, тогда какъ до сихъ поръ онѣ весь день проводили на ногахъ. Когда въ рейхстагѣ обсуждался проектъ торговаго устава, женскія Общества обратились съ подробно мотивированной петиціей, указывавшей на желательность включенія въ законъ многихъ постановленій въ пользу служащихъ, и по нѣкоторымъ пунктамъ просьба женщинъ была удовлетворена. Коммисія статистики труда, состоящая изъ членовъ правительства и депутатовъ парламента, запрашивала Общество приказчицъ относительно урегулированія труда, воскреснаго отдыха и т. п. Все это указываетъ, что женское Общество сумѣло занять видное мѣсто среди другихъ обществъ взаимопомощи въ Германіи.

Въ одной магдебургской газетѣ появилось извѣстіе, что въ душевномъ состояніи несчастнаго философа Ницше наступило нѣко-

торое улучшеніе, подающее будто бы надежды на выздоровленіе. Среди многочисленныхъ поклонниковъ Ницше это вызвало естественное желаніе удостовѣриться въ справедливости слуховъ, и многіе изъ нихъ обратились прямо къ г-жѣ Ницше-Ферстеръ, послѣ смерти матери мыслителя ставшей его сидѣлкой и хранительницей его идей. Какъ и слѣдовало думать, отвѣтъ сестры не оставляетъ сомнѣнія, что о выздоровленіи душевно-больного философа не можетъ быть рѣчи. „Вы знаете, — пишетъ она, — какъ безконечно счастлива я была бы, если бы у меня самой могла сохраниться хоть тѣнь надежды, но ея нѣтъ и не можетъ быть. Физически мой братъ чувствуетъ себя лучше съ тѣхъ поръ, какъ мы переѣхали изъ Наумбурга въ Веймаръ, и настроеніе его гораздо спокойнѣе. Онъ охотно слушаетъ, когда я читаю ему вслухъ, особенно по-французски, но едва ли его интересуетъ что-нибудь, кромѣ звука голоса, и я не думаю, чтобы онъ понималъ смыслъ того, что слышитъ. Въ немъ нѣтъ тѣхъ внѣшнихъ чертъ, по которымъ узнаютъ психически больного: глаза по-прежнему чудны и ясны, въ позѣ, выраженіи лица много достоинства, но онъ мало говоритъ, и паралитическое состояніе выражается также въ неувѣренности походки. Я всѣми силами стараюсь развеселить его, что мнѣ иной разъ удается, но когда ему случается замѣтить на моихъ глазахъ слезы, это его огорчаетъ, и онъ мнѣ говоритъ: Отчего ты плачешь, сестра? вѣдь, мы такъ счастливы!“...

LXII.

Берлинъ, 7-го іюля 1898 г.

Къ наступившимъ теперь каникуламъ лейпцигское школьное управленіе опубликовало результаты закончившагося учебнаго года. Отчетъ показываетъ, что всѣхъ учащихся въ городскихъ школахъ было 60,265: изъ нихъ болѣе 41,000 посѣщали обыкновенную народную школу, 15,000 учились въ школахъ нѣсколько высшаго типа, такъ называемыхъ „Bürgerschulen“, и свыше 3,500 были учениками „höhere Bürgerschulen“, уже приближающихся къ среднеучебнымъ заведеніямъ. Замѣтьте, что всѣ эти школы существуютъ на городской счетъ и открыты дѣтямъ всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Преподавательскій персоналъ состоялъ изъ 42 директоровъ, 1,007 штатныхъ учителей, 160 учительницъ и около 300 кандидатовъ на учительскія мѣста и учителей и учительницъ ремесленныхъ классовъ. На содержаніе школъ

Лейпцигъ изъ своего 20-ти-милліоннаго бюджета ассигнуетъ около четырехъ милліоновъ марокъ, т. е. приблизительно 20% всѣхъ городскихъ доходовъ. При нѣкоторыхъ изъ лейпцигскихъ школъ учреждены пріюты для совсѣмъ маленькихъ школьниковъ, родители которыхъ работаютъ внѣ дома: дѣти остаются въ школѣ послѣ ученія, и только вечеромъ отецъ или мать, возвращаясь съ работъ, забираютъ ихъ домой. Такъ какъ среди школьниковъ попадаются совершенно неспособные, задерживающіе ходъ ученія другихъ и сами плохо успѣвающіе, то двѣ лейпцигскія школы подъ названіемъ „Classen für Schwachsinnige“ отведены спеціально для отсталыхъ. Чтобы оцѣнить успѣхи народной школы, вы должны вспомнить, что Лейпцигъ, съ присоединеніемъ къ нему всѣхъ предмѣстій, насчитываетъ только 400 тыс. жителей.

Пруссія, послѣ недавно осуществленныхъ крупныхъ улучшеній въ народной школѣ, энергично взялась и за развитіе профессіональнаго образованія, въ которомъ южная Германія успѣла ее опередить. Изъ общаго прусскаго бюджета на промышленные школы (Gewerbeschulen) въ 1891 г. отпускалось менѣе 2 милліоновъ, въ нынѣшнемъ году эта статья расходовъ уже превышаетъ 5 милліоновъ; но и эта цифра кажется общественному мнѣнію и правительству еще недостаточной. Министръ финансовъ на-дняхъ заявилъ, что „къ концу XIX-го вѣка промышленныя школы поставлены будутъ на высоту, соотвѣтствующую требованіямъ жизни“. Не меньше вниманія удѣляется высшему техническому образованію. У нѣмцевъ въ этомъ отношеніи можно научиться въ особенности умѣнью приспособлять профессіональное образованіе къ практическимъ условіямъ жизни. Прекрасный примѣръ представляетъ организація новаго политехническаго института, открываемаго въ Данцигѣ. Въ виду значенія сельскаго хозяйства для восточныхъ провинцій Пруссіи, одно изъ главныхъ мѣстъ въ химическомъ отдѣленіи новаго института предоставлено будетъ агрикультурной химіи, а въ строительномъ — воднымъ работамъ; для развитія мѣстнаго судостроительства создано будетъ образцовое отдѣленіе судовой техники. О размѣрахъ института можно судить по тому, что въ немъ 40 ординарныхъ профессоровъ. Нечего говорить, что и по машиностроенію, и по электротехникѣ данцигскій институтъ будетъ въ изобиліи снабженъ всѣми необходимыми научно-вспомогательными средствами. Въ такихъ случаяхъ одно нѣмецкое правительство старается перещеголять другое (въ Дрезденѣ, напр., при политехникумѣ теперь строятся новыя лабораторіи и мастерскія,

на которыя ландтагъ ассигновалъ 2 милліона), и отъ этого наука и промышленность только въ выигрышѣ.

Нужно замѣтить, что къ огромнымъ суммамъ, затрачиваемымъ государствомъ и самоуправленіемъ на образованіе во всѣхъ видахъ, присоединяются еще весьма значительныя средства торговыхъ палатъ, обществъ предпринимателей и союзовъ, носящихъ въ Германіи названіе союзовъ общественной пользы. Въ Мюнхенѣ, напр., мѣстнымъ купеческимъ обществомъ содержатся „Курсы для приказчиковъ и учениковъ въ торговлѣ", которые дали до сихъ поръ дополнительное образованіе $7^1/_2$ тысячамъ приказчиковъ и обошлись учредителямъ въ 225 тысячъ марокъ. При затратѣ, слѣдовательно, въ какихъ-нибудь 15 рублей на ученика достигнуто увеличеніе знаній значительнаго числа людей, и, несомнѣнно, такая затрата окупилась и для торговцевъ, давшихъ средства. Нѣмецкое купечество это понимаетъ и цѣнитъ; когда условія сбыта становятся затруднительнѣе, интеллигентные люди ищутъ новыхъ путей; но, чтобы найти ихъ, нужно знать условія своего дѣла и имѣть общее образованіе.

Какъ извѣстно, въ Пруссіи недавно произошли существенныя измѣненія въ гонорарахъ профессоровъ: плата отъ слушателей въ пользу профессора оставлена въ силѣ, но доходъ отъ лекцій, превышающій 3,000 м. въ годъ въ провинціи и 4,500 м. въ берлинскомъ университетѣ, только на половину идетъ въ пользу профессора; вторая половина поступаетъ въ особый фондъ для увеличенія жалованья остальныхъ, менѣе счастливыхъ коллегъ. Такой порядокъ введенъ еще не на всѣхъ факультетахъ и не обязателенъ для преподавателей, которыхъ онъ уже засталъ на службѣ. Издающаяся въ Берлинѣ *Научная Корреспонденція* собрала теперь свѣдѣнія о жалованьѣ профессоровъ въ отдѣльныхъ германскихъ университетахъ, убѣждающія, что распространенное и у насъ мнѣніе, будто нѣмецкій профессоръ получаетъ чрезмѣрно высокое вознагражденіе за свой трудъ, не совсѣмъ правильно. Германская система отличается отъ нашей отсутствіемъ нивеллировки: платятъ не по мѣсту, а по человѣку, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно очень дорого платятъ, особенно когда нужно замѣстить видную каѳедру или отбить у другого университета свѣтило науки. Я знаю примѣры, когда университеты предлагали ученому, получавшему раньше 6—7 тысячъ марокъ, вдвое бо́льшее жалованье. Іерингу въ свое время геттингенскій университетъ, хотя онъ далеко не изъ самыхъ богатыхъ, назначилъ 20,000 марокъ жалованья

и гарантировалъ гонораръ отъ 60 слушателей. Это, однако, блестящія исключенія; большинство, среди котораго немало почтенныхъ и прославившихъ свое имя ученыхъ, довольствуется меньшимъ. Первоначальное „нормальное“ жалованье профессора въ Пруссіи вообще 4,480 марокъ, въ Берлинѣ—5,700; но, какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ государственной службы, оклады увеличиваются съ годами службы, независимо отъ какихъ-либо особыхъ заслугъ, и доходятъ у провинціальнаго профессора до 6,480, у берлинскаго до 8,100. Экстраординарные получаютъ отъ 2,480—3,300 до 4,480—5,700 м. Въ Баваріи оклады выше, чѣмъ въ большинствѣ прусскихъ университетовъ: они не менѣе 3,600 для экстраординарнаго и 5,100 для ординарнаго профессора и, тоже съ зачетомъ лѣтъ службы, достигаютъ 7,100 м. Приблизительно такія же условія въ Баденѣ; въ Саксоніи (Лейпцигъ) нѣсколько лучшія, тогда какъ въ мелкихъ государствахъ,—Мекленбургѣ, Саксенъ-Веймарѣ,—профессора не могутъ пользоваться большимъ достаткомъ: средній окладъ ординарнаго профессора въ Іенѣ, напримѣръ, не превышаетъ 4,500 марокъ. Въ сравненіи съ нѣкоторыми коллегами въ Берлинѣ, Лейпцигѣ или Мюнхенѣ, особенно изъ медицинскаго факультета, іенскіе философы совсѣмъ бѣдняки, но сколько среди нихъ еще чудаковъ, которые не помѣняются ни съ кѣмъ своей долей!

Кстати о медикахъ: на профессоровъ медицинскаго факультета въ Пруссіи новыя гонорарныя правила еще не распространены, и только на-дняхъ министерство обратилось къ нимъ съ запросомъ, желаютъ ли они указать частные источники своихъ доходовъ, чтобы и тѣ причислены были къ категоріи гонораровъ? Запросъ произвелъ сенсацію не только среди профессоровъ медицины, но и въ обществѣ. О немъ спорятъ, пишутъ въ газетахъ. Въ правѣ ли правительство требовать, чтобы при опредѣленіи гонорара профессору приняты были во вниманіе другіе его заработки? Мнѣ лично думается, что такого права нельзя отрицать: вѣдь жалованье профессора, въ сущности,—не плата за опредѣленный трудъ. Вся постановка профессуры такова, что, при соединеніи въ ней научной и преподавательской дѣятельности, большее или меньшее развитіе той или другой совершенно предоставлены свободной волѣ каждаго ученаго. Государство дастъ ему средства къ существованію, чтобы онъ могъ безъ матеріальныхъ заботъ предаваться наукѣ: таковъ идеальный смыслъ профессуры. Между тѣмъ, несомнѣнно, что для значительнаго числа профессоровъ-медиковъ частная практика—

гораздо болѣе крупный источникъ дохода, чѣмъ жалованье отъ университета; больше того: званіе профессора само уже—рекомендація, поднимающая доходы медика надъ уровнемъ среднихъ заработковъ другихъ врачей. Почему же при установленіи вознагражденія въ университетахъ не принять этого во вниманіе? Но справедливо ли, чтобы ученый, посвящающій жизнь изученію археологіи или математики и не имѣющій никакихъ другихъ побочныхъ заработковъ, получалъ больше отъ университета, чѣмъ медикъ, зарабатывающій и частной практикой?

Прусскому министерству приписываютъ еще болѣе оригинальное намѣреніе. Говорятъ, что оно желаетъ предоставить государству часть доходовъ отъ открытій, сдѣланныхъ учеными въ лабораторіяхъ университетовъ и политехническихъ школъ. Свободомыслящая „Vossische Zeitung“ по поводу такого предложенія спрашиваетъ: неужели нѣсколько стклянокъ или ретортъ, разбитыхъ Берингомъ при опытахъ надъ антидифтеритной сывороткой, даютъ государству право на участіе въ прибыляхъ отъ этого изобрѣтенія? Конечно, нѣтъ; но дѣло не въ нѣсколькихъ ретортахъ, а въ томъ, что безъ лабораторій и научныхъ институтовъ Беринги не были бы въ состояніи работать. Было бы еще лучше, если бы открытія ученаго вообще не размѣнивались на звонкую монету, — въ старое время ученые не брали патентовъ.

LXIII.

Берлинъ, 12-го іюля 1898 г.

Въ странѣ, гдѣ такъ развито общеніе между людьми одинаковыхъ профессій, какъ въ Германіи, гдѣ обществъ и союзовъ насчитываютъ десятки тысячъ, было бы удивительно, если бы рядомъ съ общеполезными и невинными союзами не оказывалось и такихъ, которые по своимъ задачамъ направлены противъ интересовъ большинства. Къ этой категоріи, безспорно, надо причислить домовладѣльческіе ферейны, или союзы домовладѣльцевъ. Нѣтъ почти города, въ которомъ не было бы такого ферейна, но, не довольствуясь мѣстной организаціей, домовладѣльцы соединяются еще въ центральный союзъ для всей страны, который періодически собирается на съѣзды и обсуждаетъ „нужды“ своихъ сочленовъ. Если принять во вниманіе, что уже фактически домовладѣльцы имѣютъ большое вліяніе въ мѣстномъ самоуправленіи, то понятна будетъ сила объединенія всѣхъ ихъ стремленій, конечно, направленныхъ противъ нанимателей.

Наглядное представленіе о тенденціяхъ германскихъ обществъ этого рода даетъ программа ихъ нынѣшняго съѣзда въ Висбаденѣ, который состоится въ концѣ будущей недѣли. Первымъ предметомъ сужденій будетъ вопросъ о поддержкѣ строительныхъ обществъ государственными и коммунальными средствами. Заранѣе, конечно, можно было знать, что домовладѣльцамъ невыгодно, чтобы нынѣшней квартирной нуждѣ положенъ былъ конецъ энергичными общественными мѣрами, но такія цинично-откровенныя заявленія, какъ положенія референта по этому вопросу, приложенныя къ программѣ, до сихъ поръ едва ли когда-нибудь высказывались публично. Всякая поддержка строительныхъ предпріятій, задающихся цѣлью создать для небогатыхъ и трудящихся людей лучшія жилища, составляютъ, по мнѣнію соединенныхъ домовладѣльцевъ, „вторженіе въ право собственности, не обѣщающее добра, потому что, нарушая основные принципы существующаго порядка, такъ называемая квартирная филантропія разжигаетъ дурные инстинкты и вызываетъ несбыточныя надежды“. Какъ вамъ нравится такой языкъ, такая инсинуація? Въ другомъ пунктѣ программы мы встрѣчаемъ зато прямое обращеніе къ государственному вмѣшательству—для защиты мелкихъ лавочниковъ, уничтожаемыхъ распространеніемъ большихъ „базаровъ“, по образцу Бонмарше въ Парижѣ и Вертгейма въ Берлинѣ. Впрочемъ, Союзъ и тутъ нисколько не становится на точку зрѣнія излишней филантропіи, но откровенно заявляетъ, что если лавочники плохо торгуютъ, то цѣны на магазины понижаются, а потому государство или община должны вмѣшаться и обложить большіе „базары“ новыми налогами, чтобы тѣ не въ состояніи были вредить мелкимъ торговцамъ своими низкими цѣнами. Верхъ безцеремонности составляютъ „основныя положенія однороднаго контракта найма“, выработанныя коммиссіей нынѣшняго съѣзда. Привести ихъ здѣсь всѣ нѣтъ возможности, ограничусь двумя—тремя примѣрами. Когда квартира не соотвѣтствуетъ требованіямъ, которыя наниматель предъявлялъ при наймѣ, то контрактъ можетъ быть расторгнутъ въ томъ лишь случаѣ, если будетъ доказанъ злой умыселъ домохозяина (умышленное умолчаніе или утвержденіе завѣдомо ложныхъ фактовъ); наниматель же отвѣтствуетъ за всякій вредъ, причиненный хозяину, „независимо отъ того, существуетъ ли законная отвѣтственность за дѣйствія его самого или посторонникъ лицъ“. Въ случаѣ смерти жильца наслѣдники имѣютъ право отказаться отъ контракта не раньше, какъ черезъ полгода и „съ соблюденіемъ обязательныхъ сроковъ предварительнаго заявленія“.

т. е. и черезъ полгода должны еще заплатить за треть или мѣсяцъ впередъ. Въ случаѣ продажи дома хозяинъ въ правѣ потребовать, чтобы жильцы очистили квартиру въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; вознагражденія за убытки нанимателямъ не полагается. Кажется, этихъ примѣровъ достаточно.

Къ счастью, на почвѣ того же союзнаго начала возникаетъ и противоположная организація: въ Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ учредились общества квартиронанимателей, цѣль которыхъ—дать совѣтъ и поддержку въ борьбѣ съ несправедливыми притязаніями домовладѣльцевъ. Благодаря тому, что всякій плательщикъ подоходнаго налога имѣетъ право голоса на выборахъ, въ Думы все больше проникаютъ представители интересовъ большинства населенія, и въ нѣкоторыхъ городахъ имъ уже удалось настолько сломить домовладѣльческую партію, что городское самоуправленіе энергично взялось за улучшеніе квартирныхъ условій. Въ Бреславлѣ талантливый экономистъ, проф. Вернеръ Зомбартъ, попавшій въ гласные, еще тщетно пытается побудить городъ къ строительной дѣятельности въ области рабочихъ домовъ, но поддерживающее его меньшинство очень значительное. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и Штуттгартѣ Думы уже стали на этотъ путь, построивъ дома для своихъ служащихъ. По-истинѣ блестящіе факты приведены на-дняхъ въ „Frankfurter Zeitung“ изъ дѣятельности мѣстнаго самоуправленія въ Ульмѣ, гдѣ въ короткое время при помощи займа изъ сберегательной кассы городомъ построены прекрасные дома для 1,200 душъ рабочаго населенія; при этомъ не тратится, въ сущности, ни одной марки изъ городского бюджета, такъ какъ дома всѣ заняты и расходы вполнѣ окупаются.

Еще разъ я долженъ вернуться къ темѣ о народной школѣ. Въ изданіи прусскаго статистическаго бюро „Statist. Correspondenz“ обнародованы свѣдѣнія о расходахъ на народныя школы въ Пруссіи за періодъ съ 1886 по 1897 гг. Нѣкоторыя изъ сообщенныхъ здѣсь цифръ уже знакомы читателямъ, и потому я ограничусь приведеніемъ интересной параллели между начальными школами въ городахъ и деревняхъ. Въ 1886 г. изъ $116^1/_2$ милліоновъ марокъ, затраченныхъ на начальное образованіе, $50^1/_2$ уходили на городскія и 66 на сельскія школы; десять лѣтъ спустя городскія начальныя школы обходятся странѣ въ 83 и сельскія—въ 103 милліона. При этомъ нужно принять во вниманіе, что въ Пруссіи 40% населенія живетъ въ городахъ, такъ что контрастъ

между городомъ и деревней численно не такъ великъ, какъ у насъ. Что государство и самоуправленіе шли навстрѣчу потребности крестьянскихъ дѣтей въ обученіи, видно уже изъ того, что за 10 лѣтъ расходы на деревенскія школы увеличились на 56%. При всѣхъ новыхъ расходахъ на народное образованіе въ Германіи рѣчи больше нѣтъ о томъ, чтобы создавать школы для уменьшенія безграмотности: грамотны всѣ взрослые и уже давно, а для подрастающихъ дѣтей не нужно было бы бо́льшаго количества школъ, чѣмъ то, которое соотвѣтствуетъ умноженію населенія. Съ перваго взгляда однако ясно, въ 10 лѣтъ населеніе не увеличивается на 56%; слѣдовательно, если въ Пруссіи въ періодъ 1886 — 96 гг. произошло увеличеніе расходовъ на народныя школы съ 116½ до 186 милліоновъ, то главнымъ образомъ оттого, что *школы стали лучше*. Прусская статистика отличаетъ *личные* и *вещные* расходы по народному образованію, причисляя къ первымъ жалованья учителей, а ко вторымъ — издержки на школьныя постройки и пособія. Вознагражденіе учителей требовало 10 лѣтъ тому назадъ 88½ милліоновъ, теперь же оно поглощаетъ 133 милліона; издержки на зданія и пособія увеличились почти вдвое, съ 27 на 52 милліона. Еще нагляднѣе улучшеніе школы выражается въ томъ, что въ 1886 г. каждый школьникъ стоилъ странѣ 24 марки въ годъ, а теперь онъ требуетъ 37 марокъ. Замѣтьте еще, что эта статистика относится къ періоду до изданія закона 1897 г. о вознагражденіи народныхъ учителей, значительно поднявшаго положеніе сельскаго учителя. Безъ всякаго преувеличенія можно предположить, что въ настоящее время Пруссія, со своими 32 милліонами жителей составляющая только четвертую долю нашего отечества, тратитъ на первоначальное народное образованіе (изъ государственнаго и мѣстныхъ бюджетовъ) около 100 милл. руб. въ годъ.

LXIV.

Берлинъ, 10-го сентября 1898 г.

Наступилъ второй сезонъ конгрессовъ, и всѣ тѣ многочисленныя въ Германіи общества ученыхъ, артистовъ, промышленниковъ и др., которыя не успѣли собраться весною, спѣшатъ воспользоваться прекрасными осенними днями, чтобы соединить полезное съ пріятнымъ: расширить свой кругозоръ и отдохнуть отъ будничной жизни. Въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль въ Познани засѣдали

германскіе юристы, въ Дюссельдорфѣ—натуралисты и врачи, въ Виттенбергѣ, старомъ городѣ Лютера, собрались протестантскіе теологи, въ Висбаденѣ происходилъ конгрессъ журналистовъ, въ Мюнхенѣ открывается съѣздъ Обществъ для указанія работъ; я назвалъ только наиболѣе выдающіяся собранія, но сколько еще второстепенныхъ или болѣе спеціальныхъ, представляющихъ интересъ для болѣе тѣснаго круга людей!

На съѣздѣ натуралистовъ и врачей въ Дюссельдорфѣ, общее вниманіе возбудилъ докладъ гёттингенскаго профессора Клейна: „Университеты и высшія техническія школы“. Поразительные успѣхи Германіи въ промышленности объясняются прежде всего успѣхами знанія и тѣсной связью науки съ требованіями практики. Англичанинъ, изучавшій промышленное развитіе Германіи, замѣтилъ, что на одномъ только заводѣ анилиновыхъ красокъ въ Лудвигсгафенѣ больше ученыхъ химиковъ, чѣмъ на всѣхъ такого рода заводахъ въ Англіи. Въ нѣмецкихъ политехникумахъ за послѣднія 10 лѣтъ число студентовъ утроилось, и съ каждымъ годомъ лабораторіи становятся совершеннѣе. Отдавая заслуженную дань похвалы и благодарности высшимъ техническимъ школамъ, представители нѣмецкой науки, однако, съ тревогой замѣчаютъ, что въ стремленіи къ практичности, т. е. къ удовлетворенію ближайшимъ запросамъ практической жизни, высшія техническія школы начинаютъ нарушать свою связь съ чистой наукой, на которой, въ сущности, покоятся ихъ собственные успѣхи. Это всего яснѣе проглядываетъ въ отношеніи къ математикѣ, какъ основанію научной подготовки инженера. Справедливость обязываетъ, впрочемъ, признать, что въ усиленіи антагонизма между теоріей и практикой виновата и косность университетовъ, слишкомъ мало до недавняго времени обращавшихъ вниманіе на требованія жизни. Примиреніе противорѣчія возможно лишь при уступкахъ съ обѣихъ сторонъ, и университеты сдѣлали уже шагъ въ этомъ направленіи, создавъ рядомъ со старымъ способомъ преподаванія при помощи лекцій новую, болѣе практическую форму обученія въ семинаріяхъ и лабораторіяхъ. Не покидая идеальныхъ научныхъ принциповъ, университетское преподаваніе начинаетъ считаться съ практическими условіями жизни, и пониманіе утилитаризма въ этомъ смыслѣ проникаетъ не только въ медицинскіе факультеты, которые волей-неволей всегда должны были имѣть въ виду запросы практики, но и къ филологамъ, историкамъ, юристамъ и даже математикамъ. Въ качествѣ характерныхъ примѣровъ проф. Клейнъ приводитъ изъ

опыта гёттингенскаго университета: расширеніе задачъ физическаго кабинета измѣреніями динамо-машинъ и введеніе такъ-называемыхъ каникулярныхъ курсовъ для учителей гимназій. Въ первомъ случаѣ происходитъ сближеніе физико-математическихъ наукъ съ проблеммами инженернаго искусства, во второмъ же—устанавливается постоянная связь между университетомъ и практикой средней школы. Отъ такого сближенія теорія ничего не теряетъ, а жизнь только можетъ выиграть.

Но какъ университеты, такъ и техническія школы только тогда въ состояніи осуществлять поставленныя имъ задачи, если средняя школа даетъ хорошо подготовленныхъ, умственно и физически здоровыхъ слушателей. Въ тѣсной связи съ сужденіями дюссельдорфскаго конгресса о высшемъ образованіи стоятъ поэтому дебаты одной изъ его секцій о недостаткахъ нынѣшнихъ гимназій. Здѣсь сошлись педагоги и врачи: первые отмѣтили недостатки господствующей системы съ точки зрѣнія односторонности ея программы, врачи касались вопроса о переутомленіи. Многое изъ того, что сказано было на конгрессѣ по этому вопросу, не отличается новизной, но одно заслуживаетъ хоть упоминанія: до сихъ поръ толковали преимущественно о переутомленіи въ гимназіяхъ *учащихся*, на съѣздѣ же врачей обращено было вниманіе также на *учащихъ*. Проф. Данъ сообщилъ результаты статистическаго изслѣдованія, предпринятаго имъ относительно учителей прусскихъ гимназій; оказалось, что изъ 1,300 учителей берлинскихъ и бранденбургскихъ средне-учебныхъ заведеній только 40 достигаютъ 60-тилѣтняго возраста, изъ 1,119 въ провинціи Познань только два были старше 65-ти лѣтъ. По единодушнымъ отзывамъ директоровъ и учителей, преподаватель въ 50—55 лѣтъ становится инвалидомъ. Главную причину переутомленія Данъ видитъ во внѣшкольныхъ занятіяхъ по исправленію ученическихъ работъ и въ экзаменахъ; послѣдніе одинаково вредны и для учителя, и для ученика.

Не менѣе интересна тема „О физическомъ вырожденіи и боевой готовности современнаго человѣчества“, выбранная бонискимъ профессоромъ Крузе. Къ числу распространенныхъ мнѣній, не нуждающихся будто бы въ доказательствѣ, принадлежитъ и то, что въ доброе старое время люди были здоровѣе, сильнѣе, а съ развитіемъ цивилизаціи человѣчество физически мельчаетъ. По словамъ Крузе, это наивная басня, старая, если не какъ свѣтъ, то какъ исторія культуры, и до сихъ поръ ничѣмъ не подтвержденная. Гомеръ уже жаловался, что „въ старину“ люди были крупнѣе. Въ про-

шломъ вѣкѣ и въ наше время неоднократно высказывался взглядъ, что ложный сентиментализмъ, путемъ помощи бѣднымъ и поддержки больныхъ, содѣйствуетъ передачѣ пороковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; сожалѣли даже о борьбѣ съ эпидеміями, которыя избавляютъ-де человѣчество отъ слабосильнаго матеріала. Что́ однако показываютъ данныя исторической антропологіи и статистики? Если не принимать костей мамонтовъ за человѣческія кости, какъ это случалось съ нѣкоторыми археологами, то окажется, что древніе египтяне, напр., судя по сохранившимся мумiямъ, отнюдь не были болѣе сильнымъ народомъ, чѣмъ нынѣшніе люди. Римскіе преторіанцы должны были быть не ниже 1 м. $72^1/_2$ сант., но столько же составляетъ минимумъ роста для прусской гвардіи. Писатели, какъ Тацитъ и др., противоставлявшіе изнѣженнымъ и измельчавшимъ гражданамъ Рима здоровую германскую расу, въ сущности были правы, но это явленіе находитъ себѣ объясненіе не въ состояніи культуры, а въ отличительныхъ чертахъ расы. Романскіе народы и теперь въ общемъ мельче германскихъ и славянскихъ; сравните, напр., дороднаго и рослаго вестфальца или померанца съ испанцемъ или жителемъ Сициліи, и вы убѣдитесь, что отличія тѣ же, что и во времена Тацита.

Полемизируя съ проф. Девартомъ, высказавшимъ противоположные взгляды, Крузе ссылается на данныя рекрутскихъ наборовъ, которыя констатируютъ уменьшеніе числа негодныхъ къ военной службѣ. Во Франціи, гдѣ записи ведутся съ 1817 г., процентъ забракованныхъ понизился съ 52-хъ до 38, и то же явленіе замѣчено въ Италіи, Швейцаріи и Германіи. Проф. Крузе дѣлаетъ при этомъ, однако, крупную ошибку, не принимая во вниманіе, что требованія, которыя предъявляютъ теперь къ рекрутамъ, значительно скромнѣе, чѣмъ они были прежде. Спорный вопросъ представляетъ также вліяніе городской и въ особенности фабричной жизни на здоровье населенія, насколько оно выражается въ результатахъ военныхъ наборовъ. Крузе категорически заявляетъ, что переходъ отъ земледѣльческихъ къ промысловымъ занятіямъ, точно такъ же какъ передвиженіе изъ деревни въ города, не ведетъ къ физическому вырожденію, и при этомъ ссылается на то, что теперь города и фабричные центры поставляютъ въ Германіи больше солдатъ, чѣмъ сельскіе округа. По данному вопросу въ послѣднее время въ Германіи, однако, ведется горячая полемика, и послѣднее слово еще въ ней не сказано. Едва ли, напримѣръ, можно сомнѣваться, что городская жизнь и фабричный трудъ ведутъ къ большему

распространенію нервныхъ заболѣваній, чѣмъ сельскія занятія и тишина деревни.

Мнѣ нужно еще занести въ свою хронику крупную литературную утрату, понесенную Германіей и, въ особенности, Берлиномъ: вчера скончался на 79-мъ году жизни Теодоръ Фонтанъ. Многимъ изъ нашихъ читателей онъ извѣстенъ, вѣроятно, только по имени, да и въ Германіи внѣ Берлина, особенно на югѣ, вы встрѣтите еще образованныхъ нѣмцевъ, которые Фонтана знаютъ только по наслышкѣ, какъ автора не-то патріотическихъ прусскихъ балладъ, не-то романовъ реалистическаго характера. Одно какъ будто не совсѣмъ вяжется съ другимъ, но и то, и другое совершенно вѣрно: Фонтанъ, писавшій баллады, которыя заучиваютъ наизусть берлинскіе школьники, и авторъ Irrungen und Wirrungen и Jenny Treibel—одно и то же лицо, но въ различные періоды своей жизни. Что всего удивительнѣе, это—что романистомъ Фонтанъ сдѣлался, будучи почти 70-ти-лѣтнимъ старикомъ, и обнаружилъ при этомъ такую свѣжесть мысли, такую живость наблюденія, что его подняла на щитъ, въ качествѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ представителей, молодая литературная школа, стремящаяся къ правдѣ въ искусствѣ и литературѣ. Вы услышите восторженные отзывы о Фонтанѣ отъ тѣхъ же беллетристовъ, критиковъ и образованныхъ берлинцевъ вообще, которые радуются успѣхамъ Гауптмана и превозносятъ крошечные талантики вродѣ Гиршфельда. Талантъ же Фонтана какъ разсказчика и психолога, дѣйствительно, не заурядный; нужно только знать особую прусскую или даже берлинскую среду, чтобы оцѣнить его по заслугамъ. Читатель, который преодолѣетъ первыя 20 страницъ Женни Трайбель и освоится съ манерой автора, дочитаетъ романъ до конца не только съ интересомъ, но и съ несомнѣнной пользой. Въ Берлинѣ Фонтанъ былъ къ тому еще одной изъ интереснѣйшихъ фигуръ журнальнаго міра. Почти 20 лѣтъ онъ состоялъ театральнымъ критикомъ „Vossische Zeitung“, и сужденія его о театрѣ всегда отличались мѣткостью и безпристрастіемъ; онъ не былъ грозой для авторовъ и актеровъ, но къ голосу его прислушивались, какъ къ голосу добраго учителя. Консерваторъ и русскій патріотъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Фонтанъ имѣлъ друзей преимущественно среди либеральной и даже ультра-радикальной молодежи; вмѣстѣ съ Бисмаркомъ онъ считалъ, что консерваторы—слишкомъ скучный народъ. Самъ онъ принадлежалъ къ тому, уже рѣдкому и въ Германіи типу консерваторовъ, которые никого не преслѣдуютъ и уважаютъ свободу слова и совѣсти даже у крайняго противника.

LXV.

Берлинъ, 17-го сентября 1898 г.

Недавно въ одномъ изъ фабричныхъ центровъ, Ремшейдѣ, мѣстные врачи устроили стачку. Когда я въ первый разъ прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ „Der Aerztestreik in Remscheid“, оно меня заинтриговало оригинальностью явленія. Чего же хотѣли забастовавшіе эскулапы, кто тѣ недруги, съ которыми они воевали? Разобравшись въ массѣ матеріала за и противъ врачей, появившагося затѣмъ въ печати, я получилъ впечатлѣніе, что случай въ Ремшейдѣ представляетъ интересную иллюстрацію къ современному положенію медицинской практики въ Германіи и по своему общественному значенію заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Дѣло вотъ въ чемъ. Законы объ обязательномъ страхованіи рабочихъ требуютъ отъ страховыхъ кассъ, существующихъ въ каждомъ городѣ и при каждой общинѣ, чтобы заболѣвшему немедленно предоставлена была медицинская помощь, и не только въ тяжелыхъ случаяхъ, но и при всякомъ заболѣваніи. Большинство мѣстныхъ кассъ вслѣдствіе этого вошло съ врачами въ соглашеніе, по которому заболѣвшій рабочій можетъ обратиться къ нимъ за помощью за опредѣленную, скромную плату, выплачиваемую изъ кассъ въ опредѣленные сроки. Такса, установленная кассами, по соглашенію съ докторами, колеблется отъ 25-ти пф. до 1 марки за совѣтъ; но какъ эта такса ни скромна, для средняго врача рабочая практика стала чуть ли не главнымъ рессурсомъ существованія. При переполненіи медицинскаго сословія, молодой врачъ, знающій, что у него въ среднемъ перебываетъ 20— 30 паціентовъ въ день, тогда какъ раньше ему мѣсяцами приходилось дожидаться визита, считаетъ уже свою судьбу завидной; для всѣхъ же врачей, вмѣстѣ взятыхъ, созданіе страховыхъ кассъ означало огромное увеличеніе дохода. Подумайте только, что кассы всей Германіи тратятъ въ годъ не менѣе 20-ти милліоновъ марокъ на врачей. Разумѣется, законодательство о страхованіи имѣетъ въ виду пользу больныхъ, однако и для врачей оно открыло новую эру въ ихъ практической дѣятельности.

Какъ и почти всякое новое учрежденіе, кассы и отношенія между ихъ управленіемъ и врачами на первыхъ порахъ кое-гдѣ подали поводъ къ недоразумѣніямъ и жалобамъ. Такъ, нѣкоторые старые врачи ворчатъ, что ихъ практика „опростилась“ и ихъ коллеги будто бы слишкомъ „демократизируются“. Но больше всего

столкновеній вызвала до сихъ поръ попытка нѣкоторыхъ кассъ обзавостись собственными врачами, отдающими свой трудъ въ исключительное распоряженіе паціентовъ-рабочихъ. Это и есть истинная причина „стачки“ въ Ремшейдѣ, которой, впрочемъ, предшествовали аналогичныя столкновенія въ Мангеймѣ, Эльберфельдѣ, Берлинѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ: ремшейдскіе врачи обидѣлись или испугались, что мѣстная касса пригласила извнѣ двухъ постоянныхъ врачей, и отказались лѣчить рабочихъ. Характеръ стачки ихъ поступокъ принялъ какъ потому, что они столковались между собою, такъ и потому, что прекращеніе ихъ отношеній къ кассѣ произошло съ нарушеніемъ обычнаго или выговореннаго срока предупрежденія. Ремшейдскіе эскулапы получали отъ кассы около 50 тысячъ марокъ въ годъ, теперь же касса пригласила восемь постоянныхъ докторовъ съ жалованьемъ по 6,000 марокъ въ годъ, такъ что расходы ея не увеличились.

Васъ, можетъ-быть, заинтересуетъ въ этомъ инцидентѣ еще принципіальный вопросъ, который онъ возбуждаетъ,—о современномъ состояніи медицинской практики вообще. Наше нравственное чувство возмущается часто оттого, что бѣднякъ не смѣетъ итти за совѣтомъ къ медицинской знаменитости; за услугу человѣка, возвратившаго намъ здоровье, мы суемъ ему въ руку бумажку; тысячи врачей стремятся въ столицы, а въ деревнѣ нѣтъ помощи,—и сколько еще такихъ ненормальныхъ чертъ въ отношеніяхъ между паціентомъ и врачемъ. Ловкіе дѣльцы умудряются выжать изъ зажиточнаго паціента крупныя суммы, добросовѣстный же и свѣдущій медикъ, но не умѣющій показать свой товаръ лицомъ, часто терпитъ величайшую нужду. Такого рода недостатки вызвали требованіе объ „огосударствленіи“ медицины, противъ чего возражаютъ, что равенство въ вознагражденіи будто неминуемо понизитъ уровень медицины. Не думаю, чтобы наши земскіе врачи, въ общемъ, были хуже, чѣмъ средній вольно-практикующій врачъ въ столицѣ, но не будемъ спорить, а констатируемъ лишь, что движеніе, связанное съ германскими законами объ обязательномъ страхованіи, заключаетъ въ себѣ элементы новой постановки врачебной помощи, гдѣ устраненъ бюрократизмъ и въ то же время оставлено поприще для соревнованія. Замѣтьте, что даже тѣ кассы, которыя стремятся имѣть постоянныхъ врачей, лѣчащихъ только ихъ членовъ-рабочихъ, вознаграждаютъ медицинскій трудъ весьма прилично: 6,000 марокъ въ годъ для врача въ среднемъ городѣ, какъ Ремшейдъ,—очень хорошее жалованье, не уступающее окладу ди-

ректора гимназіи или члена судебной палаты. Жалованье въ такомъ размѣрѣ назначили рабочіе, завѣдующіе кассой, сами зарабатывающіе, вѣроятно, только 1,500, много 1,800 марокъ въ годъ,—говорите послѣ этого, что народъ не умѣетъ цѣнить умственный трудъ! Въ значительнѣйшемъ же большинствѣ кассъ сохранено и начало конкуренціи: застрахованные рабочіе могутъ обращаться ко всѣмъ практикующимъ докторамъ, согласившимся лѣчить членовъ кассы по условленному тарифу. Въ Лейпцигѣ, напримѣръ, рабочіе имѣютъ выборъ между 225-ю мѣстными врачами, которымъ въ прошломъ году уплачено изъ кассы 540,000 марокъ (около 250-ти тыс. рублей), причемъ три врача получили изъ кассы отъ 8,000 до 11,000 марокъ, 19 — отъ 5-ти до 8-ми тысячъ; въ среднемъ на лейпцигскаго врача отъ рабочей практики, не мѣшавшей лѣчить и другихъ гражданъ, пришлось почти по 2,500 марокъ въ годъ.

Въ Мюнхенѣ теперь засѣдаютъ представители „общественныхъ бюро найма“, собравшіеся для обсужденія вопроса, какъ объединить организацію учрежденій найма на работы во всей Германіи. Въ попыткахъ избавить бѣдняка, ищущаго работы, отъ эксплоатаціи посредниковъ, въ родѣ устроителей всевозможныхъ справочныхъ конторъ, никогда не было недостатка, но частная филантропія и даже профессіональныя общества не могли осилить трудной задачи. Въ началѣ 90-хъ годовъ изъ Штуттгарта данъ былъ толчекъ новому движенію за *общественную* организацію указанія работъ: тамъ, по иниціативѣ промышленнаго суда, при городскомъ самоуправленіи учреждено было бюро, завѣдываніе которымъ поручено коммиссіи изъ представителей предпринимателей и рабочихъ подъ предсѣдательствомъ члена суда или депутата отъ магистрата. Теперь въ Германіи нѣтъ почти большого города, гдѣ не существовало бы въ той или другой формѣ, но по большей части въ тѣсной связи съ общественнымъ самоуправленіемъ, особыхъ бюро найма, носящихъ названія „бюро труда“, „отдѣленія управы для посредничества“ и т. п. Общая черта всѣхъ такихъ учрежденій—организація посредничества на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ въ справочныхъ конторахъ. Въ большинствѣ случаевъ указаніе работы дѣлается безвозмездно. Расходы по содержанію бюро покрываются изъ средствъ городскихъ или земскихъ бюджетовъ, и въ управленіи дѣломъ участвуютъ въ одинаковомъ числѣ представители нанимателей и нанимающихся. Общественныя учрежденія, съ равнымъ участіемъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, являются компромис-

сомъ, способнымъ удовлетворить и хозяина, и рабочаго. Для предпринимателя важно, чтобы онъ всегда могъ найти нужныя „руки", для рабочаго же необходимо избавленіе отъ эксплоатаціи посредниковъ и отъ униженія, съ которымъ связаны поиски работъ, съ мѣста на мѣсто или по газетнымъ объявленіямъ. Никогда не забуду тяжелаго впечатлѣнія, испытаннаго въ первый разъ въ Берлинѣ, когда мнѣ пришлось предъ вечеромъ проѣхать мимо редакціи одной мелкой газеты, спеціальность которой — объявленія нанимателей. Улица была запружена народомъ, и въ первую минуту можно было подумать, что произошла какая-нибудь катастрофа. Спутникъ мой однако спокойно разъяснилъ мнѣ, что это только ищущіе работъ, ждущіе появленія вечеромъ нумера съ объявленіями. Мнѣ потомъ уже часто приходилось видѣть повтореніе такихъ сценъ и всматриваться въ тревожныя лица на которыхъ нетрудно было прочесть страхъ ожиданія: удастся ли найти кусокъ хлѣба? Понятно, что при организаціи, избавляющей работника отъ обиванія десятка пороговъ, дающей ему возможность ждать не на улицѣ или въ кабакѣ, а въ приличномъ помѣщеніи бюро найма, которымъ завѣдуютъ и его собственные товарищи, а главное, устраняющей напрасную потерю времени, — „рынокъ труда" становится лучше, приличнѣе, порядочнѣе. Баварскій министръ-президентъ, баронъ Феличъ, недаромъ поэтому явился на съѣздъ делегатовъ отъ бюро найма и, отвѣчая на привѣтствіе ихъ предсѣдателя, заявилъ, что всѣ правительства должны видѣть въ общественныхъ учрежденіяхъ для указанія работъ союзниковъ, а не противниковъ. Министръ могъ сослаться на то, что баварское правительство содѣйствуетъ цѣли новыхъ учрежденій субсидіями и удешевленіемъ проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ для рабочихъ, получающихъ новыя мѣста. Бюро найма начинаютъ стремиться также къ правильному распредѣленію рабочихъ силъ между городомъ и деревней и къ борьбѣ съ безработицей, насколько послѣдняя зависитъ отъ незнакомства съ условіями рынка труда. На первыхъ порахъ, впрочемъ, у новыхъ учрежденій еще имѣется широкое поле дѣятельности въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ одного и того же города. Достаточно вспомнить, что въ Берлинѣ, напр., ежегодно около 700,000 рабочихъ и домашней прислуги мѣняютъ мѣста или ищутъ новыхъ занятій, и только $^1/_8$ всѣхъ мѣстъ замѣщается черезъ общественныя и другія не-спекулятивныя учрежденія.

LXVI.

Берлинъ, 15-го февраля 1899 г.

Недавно всѣ берлинскія газеты обошла замѣтка, прочитанная бюргерами съ наивнымъ удивленіемъ и вызвавшая улыбки въ посвященныхъ кругахъ. На какой-то силезской станціи къ поѣзду подошелъ почтенный старикъ и попросилъ мѣста въ вагонѣ 1-го класса. Кондукторъ извинился, что единственное купэ 1-го класса держатъ наготовѣ для министра финансовъ. „Это я“,—скромно замѣтилъ пассажиръ. Его поспѣшили съ соотвѣтствующими поклонами проводить къ приготовленному купэ, и поѣздъ двинулся. „Бummельцугъ“, т. е. медленный пассажирскій поѣздъ, съ которымъ въ этотъ разъ ѣхалъ министръ, останавливается почти на каждой станціи, но высокопоставленный путешественникъ, очевидно, не торопился. На одной изъ послѣднихъ станцій онъ подозвалъ услужливаго кондуктора и вручилъ ему пакетикъ, завернутый въ бумагу. Путешествующіе сановники часто дѣлаютъ подарки поѣздной прислугѣ, и кондукторъ съ сіяющимъ лицомъ, поблагодаривъ за неизвѣстный еще ему сюрпризъ, направился въ свой багажный вагонъ. Тамъ онъ развернулъ бумагу: въ ней оказалась булочка съ масломъ, даже безъ „обложенія“, какъ говорятъ въ Германіи, т. е. безъ мяса или колбасы. Просто прелесть,—повторяли въ рейхстагѣ на галлереѣ журналистовъ: Микель—какъ живой, съ его скупостью въ личной и общественной жизни! Сразу, конечно, поняли, что это насмѣшка надъ реформой окладовъ низшихъ и среднихъ чиновниковъ, предпринятой, наконецъ, министромъ финансовъ послѣ настойчивыхъ требованій въ палатѣ, печати и собраніяхъ.

Чтобы показать, что надъ министромъ по этому случаю не даромъ посмѣялись, нѣкоторые газеты приводятъ яркіе примѣры того, что даетъ преобразованіе штатовъ. До сихъ поръ мелкіе канцелярскіе служители въ министерствахъ получали отъ 1,100 до 1,800 марокъ: Микель имъ сдѣлалъ прибавку—для начала они будутъ получать 1,200 марокъ; развѣ же это „реформа“? Или другой примѣръ: всякій путешествующій по Германіи, вѣроятно, обратилъ вниманіе на станціоннаго служителя заходящаго въ залы для пассажировъ и выкрикивающаго время отхода поѣздовъ. До сихъ поръ эта служба оплачивалась 800—1,200 марками въ годъ, отнынѣ же низшій окладъ—900 марокъ. На такія деньги, говорятъ, не то что въ Берлинѣ, но и въ глухой провинціи нельзя жить по-человѣчески. Что особенно интересно въ данномъ слу-

чаѣ для постороннягo наблюдателя, это—масштабъ „человѣческой“ жизни, хорошо выраженный въ баснѣ о булочкѣ съ масломъ, но безъ мяса: этого, по понятіямъ современнаго нѣмецкаго рабочаго и по сознанію окружающаго общества, для человѣка недостаточно, и не въ буквальномъ только смыслѣ: люди хотятъ и ѣсть, и жить, имѣть досугъ, быть въ состояніи выписать газету и купить книжку. Понятно, что есть еще очень значительныя массы народа, которыя не имѣютъ хлѣба, мяса и денегъ на книгу, но онѣ и не считаютъ себя живущими „по-человѣчески“. Почтальонъ, получающій 50 рублей въ мѣсяцъ, считаетъ свой трудъ скудно оплачиваемымъ; онъ слышалъ, что его коллеги въ Англіи получаютъ больше, и стремится къ тому же; точно такъ же разсуждаетъ кондукторъ на конкѣ и рабочій на фабрикѣ. Вмѣстѣ съ повышеніемъ требованій идетъ развитіе массъ, онѣ лучше, сознательнѣе работаютъ, и посмотрите на результаты: страна въ цѣломъ богатѣетъ, завоевываетъ рынки, и внутри, при всемъ антагонизмѣ классовъ и интересовъ, нѣтъ уже той страшной пропасти между верхушкой и базисомъ, которая раньше раздѣляла страну на два совершенно различныхъ, не понимавшихъ другъ друга народа.

Возвращаясь, однако, къ Микелю, я долженъ сказать, что его булка съ масломъ—не совсѣмъ такой пустякъ, какъ это кажется его критикамъ: въ нынѣшнемъ бюджетѣ онъ отдалъ на улучшеніе жалованій $11^1/_2$ милліоновъ марокъ, а для страны, какъ Пруссія, $5^1/_2$ милл. рублей добавочнаго содержанія—довольно круглая цифра. Я не намѣренъ писать апологіи прусскому министру и отлично сознаю, что, по условіямъ своего развитія, нѣмцы совершенно въ правѣ требовать бо́льшаго; но для чужого, который смотритъ глазами, привыкшими къ иной обстановкѣ, даже то, что сдѣлано до сихъ поръ для культурныхъ цѣлей,—для школы, университетовъ, техническаго образованія, общественнаго призрѣнія, поднятія положенія маленькихъ людей на государственной и общественной службѣ и т. д.,—производитъ впечатлѣніе колоссальнаго прогресса. Нѣкоторыя стороны этой жизни васъ не тѣшатъ, но въ цѣломъ она свидѣтельствуетъ объ умѣніи приспособляться къ требованіямъ высшаго развитія, и чѣмъ больше вы всматриваетесь въ эту жизнь, тѣмъ меньше удивляетесь побѣдѣ Германіи на главныхъ поприщахъ экономической и духовной жизни. Та же методичность, которую мы замѣчаемъ въ нѣмецкомъ учителѣ и ремесленникѣ, видна и во всѣхъ другихъ сферахъ. Разсудочность, характеризующая народъ, ведетъ къ тому, что необходимыя требованія

правильной финансовой политики, напримѣръ, принимаются какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Французскій буржуа до сихъ поръ сумѣлъ отклонить подоходный налогъ, какъ вторженіе въ его личную свободу, а пруссакъ платитъ безъ разговора, понимая, что сопротивляться такимъ требованіямъ безсмысленно, что это значитъ или озлоблять народъ, или потерять шансы въ конкуренціи. И въ результатѣ оказывается, что все населеніе въ выигрышѣ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, изъ стомилліоннаго бюджета едва десятая часть уплачивается бѣднымъ населеніемъ, $^{9}/_{10}$ покрываются подоходнымъ налогомъ, собственными городскими предпріятіями и т. п. И тѣмъ не менѣе Борзиги и Шварцкопфы безропотно платятъ десятки тысячъ налоговъ, потому что сознаютъ, что имъ взамѣнъ даютъ хорошо обученныхъ рабочихъ, толковыхъ и смышленыхъ, освобождаютъ ихъ отъ нищихъ, предохраняютъ отъ эпидемій.

Вчера здѣсь праздновали 70-лѣтіе Фридриха Шпильгагена. Въ залѣ „Филармоніи“ состоялся банкетъ въ честь заслуженнаго романиста, привлекшій массу участниковъ, среди которыхъ были корифеи науки, литературы и искусства. Было и много,—на мой вкусъ даже слишкомъ много,—тѣхъ элементовъ „верхнихъ десяти тысячъ“, которые обязательно присутствуютъ вездѣ, гдѣ можно себя показать; но это, повидимому, неизбѣжное зло при всякомъ публичномъ торжествѣ. Въ превосходной рѣчи, непохожей на шаблонные тосты „за маститаго юбиляра“ и одинаково чуждой дифирамбическаго, какъ и некрологическаго тона, проф. Эрихъ Шмидтъ очертилъ заслуги и значеніе Шпильгагена. Талантливый историкъ литературы видитъ въ Шпильгагенѣ посредника между классическимъ и современнымъ романомъ и прямого продолжателя идей и формъ, завѣщанныхъ литературѣ Гете и Гутцковымъ. Больше своихъ предшественниковъ, Шпильгагенъ отражаетъ волненія своей эпохи; его романы въ художественной формѣ воспроизводятъ борьбу идей и поколѣній. Не все одинаково цѣнно въ его произведеніяхъ для исторіи литературы, но историку отрадно констатировать, что очень многое сохранится и для потомковъ, у которыхъ кромѣ сухого матеріала фактовъ будетъ живое воспроизведеніе людей и среды замѣчательнымъ разсказчикомъ. Упомянувъ о добросовѣстности и тщательности въ отдѣлкѣ, характеризующей романы Шпильгагена, объ его упорной работѣ надъ самимъ собою и почти универсальномъ литературно-философскомъ его образованіи, проф. Э. Шмидтъ отдалъ дань уваженія глубокой терпимости этого 70-тилѣтняго старика, отстаивающаго свои убѣжденія, но

никогда не забывающаго, что отцы и дѣти не могутъ всегда идти одними и тѣми же путями. „Въ жизни писателя, — отвѣтилъ на это Шпильгагенъ, — очень часто случается то, что Густавъ Швабъ прелестно изобразилъ въ своей балладѣ „Der Ritter und der Bodensee“: только къ концу пути мы сознаемъ, что двигались не по равнинѣ, а по опасному озеру, окруженные со всѣхъ сторонъ препятствіями. Хорошо ли или только посредственно я прошелъ этотъ путь,—но, отдавая себѣ теперь отчетъ, сколько было преградъ, я могу поставить самъ себѣ отмѣтку, которую когда-то учитель словесности поставилъ мнѣ подъ сочиненіемъ: въ общемъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворительно и свидѣтельствуетъ о трудолюбіи... Мой пегасъ не всегда былъ кровнымъ скакуномъ, очень часто то была кляча Россинантъ, и я подпрыгивалъ на ней, какъ рыцарь печальнаго образа; но, подобно рыцарю изъ Ламанча, я въ правѣ сказать, что всегда смотрѣлъ впередъ и желалъ исполнить свой долгъ. Рабомъ я никогда не былъ и только одному велѣнію покорно повиновался: зову музы, великой вдохновительницы людей, которой и недосягаемый до сихъ поръ Гомеръ посылалъ свой привѣтъ. За нее, за чистую, любящую правду и добро, мы поднимемъ теперь наши бокалы!“ Членъ кассаціоннаго суда и извѣстный патріотическій драматургъ Вихертъ провозгласилъ тостъ за гостей, присутствующихъ и—отсутствующихъ. Кресло министра народнаго просвѣщенія пусто: онъ занятъ государственными дѣлами; по той же причинѣ,—обремененію государственными занятіями,— не вспомнили, что замѣчательному писателю минуло 70 лѣтъ, хотя въ другихъ случаяхъ и по отношенію къ менѣе выдающимся людямъ память оказывалась болѣе „реальной“. „Не ради Шпильгагена я объ этомъ упоминаю,—замѣтилъ Вихертъ:— онъ въ орденахъ не нуждается, одобренія сверху — не его идеалъ: но я и многіе другіе сожалѣемъ о томъ, что оффиціальное вѣдомство германскаго „духа“ заставило насъ краснѣть предъ иностранцами“. Слова стараго судьи и литератора, извѣстнаго своимъ пламеннымъ патріотизмомъ и преданностью Гогенцоллернамъ, встрѣчены были продолжительными рукоплесканіями всей залы. Только самъ юбиляръ укоризненно покачалъ головой: незачѣмъ касаться такихъ внѣшнихъ мелочей!

Вечеръ закончился живыми картинами изъ „Загадочныхъ натуръ“, „Между молотомъ и наковальней“ и другихъ произведеній писателя. Гости на память получили „Альбомъ въ честь Шпильгагена“, изданный къ его юбилею и заключающій въ себѣ массу

экспромтовъ, посвященій и маленькихъ статей его друзей и поклонниковъ, а также прекрасныя иллюстраціи и рисунки карандашемъ Менцеля, Скарбины, Антона Вернера, Мейергейма и др. Людвигъ Бюхнеръ, тоже уже ветеранъ, воспѣваетъ въ звучныхъ стихахъ работу мысли и увѣряетъ, что подобно тому, какъ наука не старѣетъ, такъ остается тотъ вѣчно молодъ и свободенъ, кто черпаетъ свои вдохновенія въ ея кладезѣ. Отто Брамъ, восхищаясь бодростью Шпильгагена, отдастъ дань уваженія „не только его техникѣ романа, но и его техникѣ жизни". Густавъ Шмоллеръ посвящаетъ цѣлый этюдъ параллели между „соціальными и политическими проблемами въ рукахъ ученаго и художника". Максъ Нордау считаетъ величайшей заслугой Шпильгагена поднятіе нѣмецкаго романа изъ узкой сферы мелкаго мѣщанства, Kleinbürgerlichkeit, на высоту, гдѣ дѣйствующія лица, оставаясь индивидуумами, отражаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ и думахъ величайшее содержаніе своего времени. Георгъ Брандесъ заявляетъ, что когда въ 70-хъ годахъ въ Скандинавіи начался подъемъ въ общественной жизни и литературѣ, Фридрихъ Шпильгагенъ „былъ одной изъ нашихъ звѣздъ, особенно благодаря роману „Одинъ въ полѣ не воинъ", который въ Даніи и Норвегіи, какъ и въ Россіи, произвелъ глубокое впечатлѣніе". Феликсъ Данъ, съ яснымъ намекомъ на независимость Шпильгагена, говоритъ, что побѣждаютъ тѣ, которые скорѣе дадутъ себя сокрушить, чѣмъ согнуть—brechen eh', als biegen!

Но довольно, всего не перечислишь. Старые и молодые, безусловные поклонники и критики сходятся въ признаніи таланта и честной мысли Шпильгагена, во всѣхъ посвященіяхъ слышится вмѣстѣ съ благодарностью и элегическая нотка, какъ будто съ этимъ чествованіемъ связано воспоминаніе о молодости въ собственной и общественной жизни, молодости, которая уже не вернется!..

LXVII.

Берлинъ, 26-го февраля 1899 г.

Нынѣшній прусскій министръ общественныхъ работъ никогда, вѣроятно, не думалъ, что ему, скромному спеціалисту желѣзнодорожнаго дѣла, не занимавшемуся широкими вопросами государственной жизни, придется давать отвѣты на самые щекотливые вопросы общаго свойства, въ родѣ того: хорошо или дурно, что Германія изъ аграрной страны превращается въ промышленнаго

колосса, или на еще болѣе далекій отъ вѣдомства путей сообщенія вопросъ: слѣдуетъ ли чествовать нѣкоторыхъ дѣятелей историческаго прошлаго Германіи? Посторонній человѣкъ, который зашелъ бы впервые въ прусскую палату, не мало былъ бы удивленъ, услыхавъ, что бурные дебаты, волненіе, охватившее всю залу, негодующіе клики на одной сторонѣ и горячее одобреніе на другой, — все это относится къ вѣдомству общественныхъ работъ и вызвано маленькимъ запросомъ о 6,500 маркахъ для устройства желѣзной ограды на одномъ изъ берлинскихъ кладбищъ, и притомъ даже не изъ средствъ вѣдомства, бюджетъ котораго теперь стоитъ на очереди, а изъ собственныхъ средствъ города Берлина...

Депутатъ Мункель, виновникъ этой бури, похожей съ перваго взгляда на бурю въ стаканѣ воды, разъяснилъ въ своей рѣчи, почему 6,500 марокъ на могильную ограду превратились въ поводъ къ столь серьезному конфликту между самоуправленіемъ Берлина и прусскимъ правительствомъ, что изъ-за нихъ не утверждаютъ до сихъ поръ новаго оберъ-бургомистра. Когда 18-го марта прошлаго года исполнилось пятидесятилѣтіе событія, отъ котораго, какъ бы въ отдѣльности ни смотрѣли на него потомки, ведетъ свое начало современный правовой порядокъ въ Пруссіи, — берлинская дума пожелала чѣмъ-нибудь ознаменовать памятную годовщину. Сначала предположено было воздвигнуть обелискъ берлинцамъ, покоящимся на кладбищѣ Фридрихсгайнъ, но управа съ городскимъ головой во главѣ настояла, чтобы дума воздержалась отъ постановленія, которое могутъ принять за демонстрацію; вмѣсто памятника рѣшили устроить желѣзную рѣшетку съ воротами посреди, на которыхъ будетъ лаконическая надпись: „den Märzgefallenen“. Вотъ это и есть та „строительная мелочь“, изъ-за которой загорѣлся сыръ-боръ. По закону, всякій планъ постройки или передѣлки нуждается въ одобреніи строительной коммиссіи, находящейся въ вѣдѣніи президента полиціи. Управа поручила своему архитектору составить эскизъ рѣшетки и затѣмъ препроводила этотъ эскизъ въ строительную коммиссію. Прошло 8 мѣсяцевъ — нѣтъ отвѣта! Наконецъ, на 9-мъ мѣсяцѣ президентъ полиціи увѣдомляетъ управу, что планъ не утвержденъ, но не въ виду его несогласованія со строительнымъ уставомъ, а изъ соображеній „безопасности въ смыслѣ возбужденія страстей“. Дума, убѣжденная, что администрація превысила свои полномочія и нарушила законъ, обжаловала это постановленіе въ судъ по административнымъ дѣламъ, гдѣ дѣло еще не раз-

биралось. Пока же Мункель, въ качествѣ депутата, рѣшилъ сдѣлать запросъ: на какомъ основаніи органы строительной полиціи нарушаютъ постановленія законовъ? Самъ по себѣ такой запросъ не привелъ бы еще правую стороны палаты въ такое негодованіе, если бы Мункель не счелъ своимъ долгомъ заявить, что „безъ тѣхъ мартовскихъ дней не было бы ни этой палаты, ни объединенной Германіи“. Эти слова вызвали бурю: зала огласилась негодующими криками юнкеровъ, и по адресу оратора посыпались такіе эпитеты, какъ „фальсификаторъ исторіи“, „апологетъ бунта“ и т. п., заставившіе президента призвать протестующихъ къ порядку. Барона Цедлица и одного изъ сидящихъ на правой Путткамеровъ огорчаетъ то, что Мункель ведетъ происхожденіе объединенной Германіи отъ „тѣхъ постыдныхъ событій, которыя берлинская Дума осмѣлилась окружить ореоломъ“. Имперія 1871 г., по мнѣнію Путткамера, исключительно создана великой арміей, противъ которой либералы возставали всѣми силами. Свободомыслящій депутатъ спокойно и со свойственной ему тонкой ироніей отвѣчаетъ своимъ оппонентамъ, что самъ Бисмаркъ не отрицалъ огромнаго вліянія либеральныхъ идей на объединеніе Германіи, тогда какъ для прусскихъ ретроградовъ такое объединеніе представлялось всегда опаснымъ экспериментомъ и нарушеніемъ принципа легитимитета. „Правда,—прибавляетъ Мункель,—нашему идеалу имперія, созданная „кровью и желѣзомъ“, не вполнѣ удовлетворяетъ, и еще въ современной нашей общественной жизни слишкомъ много чертъ прошлаго, мало гармонирующихъ со всѣми понятіями правового государства. Какое право, однако, имѣете вы (консерваторы) негодовать на поступки, отъ которыхъ насъ отдѣляетъ уже полвѣка, когда, по признанію государственныхъ людей изъ вашего собственнаго лагеря, исторія возвеличенія Германіи была сплошнымъ рядомъ нарушеній прежняго государственнаго строя?“

По старинному обычаю, студенты „города музъ“, прекраснаго Гейдельберга, привѣтствовали новаго ректора, проф. Остгофа, факельцугомъ, и по этому случаю заслуженный ученый обратился къ молодежи съ рѣчью, которую академическая мюнхенская „Allgemeine Zeitung“ напечатала подъ заглавіемъ: „Золотыя слова“. „Ваше привѣтствіе для меня такъ же дорого, какъ довѣріе товарищей, поручившихъ мнѣ отвѣтственный постъ во главѣ нашего славнаго университета,—сказалъ ректоръ:—при свѣтѣ факеловъ вы подтверждаете, что „старики“ не избрали недостойнаго. Я отвѣчу вамъ довѣріемъ за довѣріе и не скрою отъ васъ, что не съ легкимъ сердцемъ

беру на себя эту службу; службу я понимаю не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это недавно хотѣли истолковать, по аналогіи съ обязанностями чиновника (намекъ на дѣло проф. Дельбрюка въ Берлинѣ). Кто же отрицаетъ, что профессоръ не только учитель, но и слуга своей страны, обязанный отдать свои силы добросовѣстному служенію народу и государству?.. Рядомъ съ чувствомъ долга и любовью къ законности нѣмецкаго профессора всегда, даже въ темныя эпохи нашей исторіи отличала независимость мысли, глубокая приверженность къ правдѣ, все равно, совпадали ли его идеи съ господствующими или противорѣчили имъ. Философъ Паульсенъ, другъ моей молодости, недавно напомнилъ, что professor происходитъ отъ profiteri: свободно высказывать свои мысли... Познать истину—дѣло разсудка, но высказать ее, бороться за нее — для этого нуженъ характеръ. Пусть приписываемое Галилею восклицаніе подъ пытками инквизиціи: „Она (земля), все-таки, движется“—только легенда, но эта легенда выражаетъ все, что человѣчество въ правѣ требовать отъ достойнаго ученаго: умѣніе искать истину и мужество высказать ее. Пока существуютъ нѣмецкіе университеты, до тѣхъ поръ имена братьевъ Гриммъ, Гервинуса, Альбрехта, Дальмана, Эвальда и Вебера будутъ жить въ сердцахъ профессоровъ и студентовъ. Какъ охотно я сказалъ бы, что никогда не было и не будетъ учителей юношества, которые иначе станутъ понимать свое высокое назначеніе профессора! Но я могу только выразить надежду, что нѣкоторыя печальныя явленія въ жизни германскихъ университетовъ—случайное заблужденіе, и что исключенія подтверждаютъ правило. Кому дорого просвѣщеніе, кто гордится прошлыми заслугами нашей родины и желаетъ ихъ умноженія, тотъ далеко отъ себя отстранитъ мысль, что возможны условія, при которыхъ внѣшнія преимущества, чины, ордена и т. п. въ состояніи будутъ заставить профессора уклониться отъ того, что подсказываетъ ему долгъ представителя независимой научной мысли. Когда боятся истины,—это уже деморализація, а мы считаемъ себя сильнымъ народомъ и призваннымъ къ великимъ дѣламъ“.

Обращаясь къ молодежи, ректоръ въ искреннихъ, теплыхъ выраженіяхъ предостерегаетъ и ее отъ высокомѣрія по отношенію къ низшимъ и прислужничества предъ высшими, отъ нетерпимости къ чужому мнѣнію и уродливаго шовинизма, ведущаго къ непониманію общности задачъ культуры. „Стремитесь къ истинѣ, къ умноженію своего знанія, пользуйтесь богатыми сокровищами университета для умственнаго и нравственнаго совершенствованія, но ни-

когда не создавайте культа личностей, не избирайте себѣ девизомъ — jurare in verba magistri. Любить и уважать своего профессора, кто же изъ насъ этого не дѣлалъ? Но не бойтесь самостоятельности мысли, избѣгайте раболѣпія... Не дай Богъ, чтобы нѣмецкое студенчество стало настолько практичнымъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, чтобы уже на университетской скамьѣ искать связей и протекціи для будущей карьеры или оцѣнивать вниманіе учителя и дружбу товарища съ точки зрѣнія будущихъ благъ! Всѣ мнѣнія одинаково порядочны, если ихъ источникъ —честное убѣжденіе; какъ бы парадоксаленъ образъ мыслей вашего товарища ни былъ, не пугайтесь его, если въ основѣ его мыслей—честная душа. Старайтесь вдуматься въ мысль противника, не бросайте вокругъ себя кличками, какъ „патріотъ“ или „врагъ отечества“, „здоровый и вредный“ образъ мыслей и т. п.: всѣ мы любимъ свое отечество, но не одна только дорога ведетъ къ его благому будущему. Мнѣ больно сказать вамъ, что и въ нашей дорогой alma mater не все такъ обстоитъ, какъ слѣдовало бы: молодежь не должна раздѣляться по происхожденію, товарищъ къ товарищу не въ правѣ относиться съ недовѣріемъ или высокомѣріемъ изъ-за того, что они принадлежатъ къ разнымъ исповѣданіямъ, племенамъ или классамъ. Вы видите, друзья мои, — закончилъ ректоръ, — что я ничего отъ васъ не утаиваю и не замалчиваю дурныхъ чертъ ни въ жизни современнаго профессора, ни въ характерѣ студента. Эти темныя черты тѣсно связаны съ оборотной стороной нашей эпохи, но я глубоко убѣжденъ, что изъ мрака мы выйдемъ къ свѣту, и будущій вѣкъ справится со многими задачами, которыя намъ показались слишкомъ трудными. Ни въ чемъ я такъ не увѣренъ, какъ въ томъ, что человѣчество и наша родина черезъ много препятствій придутъ къ свѣтлому будущему. Пожелаемъ же, чтобы нашъ чудный университетъ, наша дорогая Ruperto Carola, такъ часто въ теченіе 500 слишкомъ лѣтъ своего существованія стоявшая во главѣ движенія мысли, не находилась и въ будущей борьбѣ духа позади. Одушевленный этой надеждой, я восклицаю: да здравствуетъ университетъ, ура!“ Молодые голоса дружно поддержали своего ректора.

LXVIII.

Берлинъ, 20-го марта 1899 г.

Недавно въ прусской палатѣ происходили дебаты, вызванные запросомъ консерваторовъ и такъ характерно обрисовывающія усло-

вія жизни сельскаго населенія, что къ нимъ слѣдуетъ прислушаться всякому интересующемуся внутренними дѣлами Германіи.

Одинъ изъ вождей аграріевъ, фонъ-Мендель, поставилъ вопросъ прямо и опредѣленно. „Мы каждую минуту, — сказалъ онъ, — можемъ погибнуть отъ недостатка въ рабочихъ, являющагося, при прочихъ стѣснительныхъ условіяхъ въ хозяйствѣ, величайшимъ бѣдствіемъ для деревни. Радикальное средство одно: принять мѣры, чтобы задержать рабочія силы въ деревнѣ.“ Кромѣ безпрепятственнаго допущенія иностранныхъ рабочихъ, хотя бы даже и кули, нѣкоторую пользу, по мнѣнію оратора, принесутъ измѣненія въ области школы и дисциплина несовершеннолѣтнихъ. При тѣхъ простыхъ условіяхъ жизни, которыя характеризуютъ деревню, задачи народнаго образованія осуществимы съ меньшей затратой времени. Достаточно, если дѣти будутъ обучаться зимой, а лѣтомъ, особенно въ страдную пору, станутъ помогать родителямъ. Другое серьезное мѣропріятіе — сокращеніе общественныхъ работъ по постройкѣ каналовъ, шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Мало ограничить эти работы во время уборки хлѣбовъ, ихъ вообще слѣдуетъ предпринимать съ осторожностью, отдавая себѣ постоянно отчетъ, въ томъ, что онѣ отвлекаютъ сельскаго рабочаго отъ его постояннаго занятія и возбуждаютъ въ немъ дурные инстинкты — разгулъ и бродяжничество. Въ этомъ отношеніи тяжкій грѣхъ падаетъ и на желѣзнодорожное вѣдомство, дешевыми тарифами содѣйствующее передвиженію изъ деревни въ городъ. Кто разъ попалъ въ сѣти большихъ городовъ, тотъ уже потерянъ для сельскаго хозяйства.

Подъ запросомъ аграріевъ рядомъ съ консервативными баронами подписались и нѣкоторые клерикальные депутаты. Одинъ изъ ораторовъ, депутатъ Шмула, распространился въ своей рѣчи о похвальныхъ особенностяхъ нашихъ и галиційскихъ рабочихъ: какъ можно, спрашивается, бояться подобныхъ иностранцевъ! Это — честнѣйшіе люди въ мірѣ, трудолюбивые, трезвые. Итальянцы тоже нетребовательны, но лѣнивѣе и нѣженки, прячущіеся въ дождь подъ зонтики; шведы — лѣнтяи и нахалы. „Русскіе и австрійцы, — говоритъ ораторъ, — имѣютъ только одинъ маленькій недостатокъ — неряшливость, полное пренебреженіе ко всякому комфорту. Мы, помѣщики, чтобы привязать ихъ и не дать возникнуть толкамъ объ эксплоатаціи рабочихъ, попробовали завести приличныя жилища, но они превратили ихъ въ хлѣвы, потому что не только сами не обращали вниманія на чистоту, но еще забирали въ свои помѣщенія собакъ и свиней. Все-таки, они очень полезные и поря-

дочные люди. Экономическіе мотивы говорятъ за допущеніе иностранцевъ, иначе, восточныя провинціи Пруссіи превратятся въ страну лѣсовъ и пастбищъ, деревни исчезнутъ, и на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ моргеновъ будутъ жить только владѣлецъ латифундіи и его лѣсничіе".

Отъ имени свободомыслящихъ, являющихся въ палатѣ представителями крайней оппозиціи, выступилъ Максъ Гиршъ со спокойной, но рѣшительной отповѣдью притязаніямъ аграріевъ. „Ваши жалобы произвели бы больше впечатлѣнія, еслибы вы были умѣреннѣе, способнѣе понимать нужды другихъ, — говоритъ онъ консерваторамъ. —Условія производства мы оставимъ въ сторонѣ, хотя для пониманія вашихъ (аграрныхъ) требованій очень существенно, что вы уже десятый годъ все повторяете: сельское хозяйство погибаетъ. оно даетъ одинъ убытокъ,—и тѣмъ не менѣе все тѣ же помѣщики и въ палатѣ, и на аграрныхъ собраніяхъ своимъ присутствіемъ свидѣтельствуютъ о томъ, что о погибели еще пѣтъ рѣчи. Не отрицаю существованія затрудненій, особенно для тѣхъ владѣльцевъ, которые получили подготовку къ веденію хозяйства въ кавалерійскихъ полкахъ: но гдѣ же,—спрашиваетъ ораторъ,—борьба за существованіе легка? Только тотъ классъ можетъ разсчитывать на успѣхъ, который умѣетъ связать свои интересы съ благомъ государства, не требуя для себя ничего такого, что̀ идетъ въ разрѣзъ съ развитіемъ и нуждами другихъ. Такъ ли поступаютъ наши аграріи? Васъ возмущаетъ нужда въ рабочихъ,—продолжаетъ депутатъ,—но скажите, положа руку на сердце, не вы ли, допустимъ, хотя бы отчасти, виноваты въ томъ, что сельскіе пролетаріи толпами покидаютъ деревню? Еще недавно была пора когда о Leutenoth (нуждѣ въ людяхъ) не слыхали, но много видѣли Noth der Leute (нужды у людей). Предприняли ли земледѣльцы Пруссіи что-нибудь существенное для того, чтобы у сельскихъ рабочихъ было занятіе въ зимніе мѣсяцы, чтобы заработная плата была удовлетворительна, жилища сносны и обращеніе съ людьми соотвѣтствовало понятіямъ о свободномъ, равномъ человѣкѣ? Общество соціальной политики, во главѣ котораго стоятъ люди всѣхъ партій, но преимущественно консерваторы и національ-либералы, обнародовало въ началѣ 90-хъ годовъ изслѣдованіе о положеніи сельскихъ рабочихъ въ Пруссіи. Анкета подтвердила, что въ восточно-прусскихъ округахъ встрѣчаются поденные заработки мужчинъ въ 90, а женщинъ въ 50 пфенниговъ. Я вамъ вѣрю, что теперь за такую плату нельзя уже найти рабочаго; но

развѣ 90 пфенниговъ не мизерное вознагражденіе за 12—15-тичасовой трудъ, можно ли на такія деньги жить по человѣчески? Характерно, что въ то время, какъ теперь выставляется требованіе о допущеніи иностранныхъ рабочихъ, мы въ цитированномъ изслѣдованіи встрѣчаемъ указанія на то, что ужо въ 80-хъ годахъ восточно-прусскіе помѣщики стали выписывать рабочихъ изъ Россіи и Австріи — не потому, чтобы мѣстныхъ рукъ не хватало, но оттого, что иностранцы согласны работать дешевле. Это въ то время, когда о дороговизнѣ мѣстныхъ рабочихъ еще не могло быть рѣчи. Не только плохіе заработки гонятъ пролетарія изъ деревни: его возмущаетъ грубое обращеніе со стороны хозяевъ и ихъ управляющихъ. Наконецъ, не забудьте, что въ деревнѣ рабочіе не имѣютъ ни защиты закона, которую фабричное законодательство даетъ ихъ собратьямъ въ городѣ, ни права соединяться для огражденія своихъ интересовъ. Возмущаться тѣмъ, что люди ищутъ лучшихъ условій существованія, мы не въ правѣ *(Голосъ справа: „Это только стремленіе къ разврату“)*. „Разврата нечего искать въ городѣ, — отвѣчаетъ ораторъ,—ваша бѣда, что вы мало читаете, иначе вы знали бы, что въ изслѣдованіи, предпринятомъ консервативнымъ пасторомъ „о нравственности въ деревнѣ“, нынѣшняя деревня рисуется въ такомъ свѣтѣ, что противопоставлять сельскую чистоту городской испорченности совершенно немыслимо. Значительная доля вины падаетъ на интеллигентныхъ и зажиточныхъ владѣльцевъ, въ большинствѣ, какъ выразился одинъ изъ изслѣдователей, „обнаруживающихъ полную индифферентность къ крестьянскому населенію, по крайней мѣрѣ къ мужской его половинѣ“ *(„Pfui“ и шумъ на правой)*. Господа, это не мои слова, а мнѣніе консервативнаго автора. Я вмѣстѣ съ вами готовъ скорбѣть о паденіи нравственности у молодежи, о распаденіи семейной связи; но какое разумное развлеченіе вы противоставили у себя искушенію вина и разврата? Вѣдь, по вашей теоріи, чѣмъ сельскій рабочій глупѣе, тѣмъ онъ лучше; не удивляйтесь же, что умные стремятся въ городъ, гдѣ не только лучшіе заработки и больше свободы, но гдѣ еще создано очень много культурныхъ учрежденій для народа. Вы же предлагаете теперь понизить уровень школьнаго образованія *(Перерывы и протесты)*,— развѣ не ясно, что отъ такихъ мѣръ, какъ прекращеніе ученія лѣтомъ и введеніе полушколъ, внутреннее содержаніе школы можетъ только понизиться? Мало того: сегодня здѣсь громко высказано было требованіе, которое раньше произно-

сили только шопотомъ,—требованіе розогъ для строптивыхъ мальчиковъ, не подчиняющихся авторитету отца и хозяина. Какой позоръ! *(Шумное одобреніе слѣва, „oho!“ справа).* Да, позорно и ноумно пытаться поднять нравственность пониженіемъ образованія и введеніемъ унизительныхъ наказаній! На ребенка, какъ на взрослаго, тѣлесное наказаніе вліяетъ развращающимъ и притупляющимъ образомъ; отъ этого люди не исправляются, а дичаютъ. Мы тоже хотимъ бороться съ паденіемъ нравственности въ деревнѣ, и запустѣніе полей не нашъ идеалъ, но у насъ другія средства: школа, развитіе человѣческаго достоинства и любви къ высшимъ культурнымъ интересамъ, предоставленіе возможности когда-нибудь самому стать хозяиномъ. Позаботимся о томъ, чтобы сельскіе рабочіе имѣли надежду выбиться изъ состоянія вѣчнаго батрачества, вспомнимъ о требованіяхъ права и справедливости,— и вопросъ о сельскихъ рабочихъ потеряетъ свой острый характеръ“.

Говорившій отъ имени правительства министръ финансовъ Микель „съ самой юности питаетъ слабость къ деревнѣ.“ Теперь онъ сочувствуетъ отъ всей души умѣренному землевладѣнію и „не можетъ не задуматься надъ судьбой страны“, если нынѣшняя нужда продлится еще десятокъ лѣтъ. Размышленія на эту тему приводятъ, однако, министра къ оптимистическимъ выводамъ: тучи на горизонтѣ деревни начинаютъ уже расходиться, нынѣшній кризисъ не такого рода, чтобы изъ него не было другого выхода, кромѣ гибели сельскаго хозяйства или поворота назадъ; вовсе нѣтъ—промышленность и сельское хозяйство могутъ отлично уживаться другъ подлѣ друга. Нужно только, чтобы внутренній рынокъ былъ болѣе обезпеченъ для продуктовъ деревни, другими словами—нужна усиленная таможенная защита, и Микель даетъ своимъ друзьямъ понять, что это не за горами. Тогда и сельскихъ рабочихъ можно будетъ удержать лучшей платой, а главное— открытъ будетъ путь для интенсивнаго хозяйства и примѣненія къ земледѣлію самыхъ дорогихъ машинъ. „Въ промышленности нужда въ рабочихъ повела къ распространенію машиннаго производства, и то же самое произойдетъ въ сельскомъ трудѣ“. Привлеченіе иностранныхъ рабочихъ Микелю несимпатично не только по національнымъ, но и по экономическимъ соображеніямъ: какъ-никакъ, пусть нѣмецкіе рабочіе и требовательны, но не годится „впрягать съ ними въ одну телѣгу иностранныхъ конкурентовъ, стоящихъ на болѣе низкой культурной ступени“. О суровыхъ

наказаніяхъ за нарушеніе договора министръ тоже не хочетъ слышать, потому что о такихъ мѣрахъ можно говорить при общественномъ бѣдствіи, но не при столкновеніи частныхъ интересовъ. Какъ ни отрицательно такое отношеніе Микеля къ аграрнымъ предложеніямъ, но магическое слово: „пошлины на хлѣбъ“ привлекаетъ къ нему всѣ юнкерскія сердца, и правая искренно и бурно выражаетъ свой восторгъ умному министру. „Это единица ко всѣмъ нулямъ въ нашемъ министерствѣ, Микель—ist ein ganzer Mann“, — говорятъ другъ другу прусскіе помѣщики.

Самымъ замѣчательнымъ моментомъ въ дебатахъ былъ тотъ, когда представитель министерства народнаго просвѣщенія попросилъ слова, чтобы въ сдержанныхъ, но очень недвусмысленныхъ выраженіяхъ защитить интересы школы отъ покушеній аграріевъ и „добрыхъ совѣтовъ“ министра сельскаго хозяйства. Въ прусской палатѣ давно уже не запомнятъ случая, чтобы одно вѣдомство стало во время дебатовъ въ открытую оппозицію къ другому. Инцидентъ вышелъ тѣмъ интереснѣе, что министръ народнаго просвѣщенія Боссе „по болѣзни“ отсутствовалъ и вмѣсто себя послалъ директора департамента Кюглера, имѣвшаго порученіе говорить отъ имени своего шефа. Когда одинъ изъ десяти или двѣнадцати аграрныхъ депутатовъ рѣзче еще, чѣмъ его соратники, задѣлъ народную школу, которая будто наполняетъ головы крестьянскихъ дѣтей „ненужнымъ и даже опаснымъ балластомъ“, вмѣсто того, чтобы „воспитывать ихъ въ страхѣ и скромности и снабжать полезными свѣдѣніями для домашняго хозяйства“, Кюглеръ поднялся и заявилъ: „Къ сожалѣнію, я долженъ замѣтить, что предыдущій ораторъ бросаетъ школѣ ничѣмъ не заслуженные упреки, удивительные въ устахъ человѣка, утверждающаго, что онъ знаетъ деревенскую жизнь по собственному опыту. Кто дѣйствительно знаетъ сельскія условія въ восточныхъ провинціяхъ, долженъ будетъ подтвердить, что если школа не вполнѣ еще удовлетворяетъ тамъ своему назначенію, то это происходитъ оттого, что она слишкомъ считается съ требованіями бѣдности и профессіональной работы и дѣлаетъ больше уступокъ окружающей жизни, чѣмъ это слѣдуетъ дѣлать. Нигдѣ въ городахъ и въ западной части монархіи нѣтъ столько изъятій отъ школы, полузанятій, нигдѣ школы такъ не переполнены вслѣдствіе недостатка въ помѣщеніяхъ, какъ въ аграрныхъ провинціяхъ Пруссіи. Что вы собственно требуете отъ учителя? Чтобы онъ не училъ дѣтей и не старался сдѣлать доступными элементы знанія, а вмѣсто того отправлялся съ ними въ поле работать? Такъ

можетъ разсуждать лишь тотъ, кто не понимаетъ задачъ школы. Теперь нельзя ограничиться тѣмъ, чтобы научить дѣтей читать и писать: этого было достаточно сто лѣтъ тому назадъ, въ наше же время крестьяне предъявляютъ бо́льшій спросъ на знаніе! Я не могу согласиться съ вами и въ томъ, — будто учитель не исполняетъ своей нравственной миссіи, если не вліяетъ уже въ школѣ на дѣтей, съ цѣлью удержать ихъ въ деревнѣ и предостеречь отъ городского соблазна. Вліять на нравственность дѣтей дѣйствительно обязанность учителя, и ее онъ исполняетъ вполнѣ добросовѣстно, внушая дѣтямъ любовь къ правдѣ, уваженіе къ закону: но неужели отъ него можно требовать, чтобы онъ нарисовалъ дѣтямъ ложную картину города, какъ исчадія дьявола и вертепа разврата? Это было бы нарушеніемъ элементарнѣйшаго правила педагогики: учитель никогда не долженъ лгать. Въ наше время всеобщей воинской повинности и желѣзныхъ дорогъ подобное поведеніе учителя было бы чистѣйшимъ абсурдомъ: дѣти и взрослые потеряли бы къ нему всякое уваженіе. Или вы хотите, чтобы онъ говорилъ школьникамъ, что въ городѣ меньше зарабатываютъ, чѣмъ въ деревнѣ? Но вѣдь это ложь, которая очевидна самому наивному уму *(Шиканіе и протесты справа)*. Господа, я не разбираю причинъ, почему въ деревнѣ заработки хуже, но отрицать этого ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не можетъ, и нельзя допустить, чтобы учитель сталъ орудіемъ для проведенія какихъ-либо частныхъ интересовъ“.

LXIX.

Берлинъ, 24-го марта 1899 г

По присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи правительство не стѣснялось ломать въ этихъ областяхъ старыя учрежденія, въ какомъ-либо отношеніи стѣснявшія новыхъ завоевателей. Многіе изъ прежнихъ французскихъ законовъ, однако, остались въ силѣ и въ томъ числѣ одинъ изъ самыхъ стѣснительныхъ: законъ о печати, дополненный цѣлымъ рядомъ административныхъ распоряженій изъ эпохи бонапартизма. Нѣмцы, какъ выражается одинъ берлинскій публицистъ, „германизировали присоединенныя провинціи при помощи антикварныхъ беззаконій, вышедшихъ изъ употребленія на ихъ прежней (французской) родинѣ“. Эльзассцы очутились въ необычайно тяжеломъ положеніи: при законахъ о печати наполеоновской Франціи, примѣняемыхъ съ прусской послѣдовательностью пришлыми властителями, можно было задушить не только

всякую попытку къ національному протесту, но и вообще всякое свободное выраженіе мнѣній. Нѣмцы затѣмъ еще покопались въ архивахъ и отыскали даже „ордонансы“ изъ Ancien régime, формально не отмѣненные впослѣдствіи, хотя давно забытые даже Наполеономъ III. Чтобы дать понятіе объ исключительномъ положеніи печати въ Эльзасѣ сравнительно съ остальной Германіей, достаточно сказать, что газетамъ запрещена „критика дѣйствій властей, противорѣчащая должному уваженію къ государственнымъ учрежденіямъ“, а также помѣщеніе отчетовъ о процессахъ по дѣламъ печати. Для открытія типографіи требуется особое разрѣшеніе и принесеніе присяги „не печатать ничего, нарушающаго обязанности предъ правителемъ страны и государствомъ“.

Не только сами эльзассцы, но и большинство благоразумныхъ нѣмцевъ давно указывали на вредъ такого порядка, возбуждающаго въ населеніи злобу и ведущаго къ тому, что всякаго публициста, умѣющаго ладить съ властями при нынѣшнихъ условіяхъ, его соотечественники считаютъ продажнымъ писакой. Во всей Германіи, не говоря уже о присоединенныхъ провинціяхъ, съ радостью поэтому привѣтствовали сообщеніе, что правительство наконецъ рѣшилось отказаться отъ своихъ исключительныхъ прерогативъ и распространить на Эльзасъ и Лотарингію дѣйствующій во всей остальной Германіи законъ о печати 1874 года. Правда, изъ только-что опубликованнаго законопроекта видно, что общій для всей Германіи законъ распространенъ будетъ на присоединенныя провинціи съ нѣкоторыми существенными ограниченіями. Такъ, напримѣръ, для газетъ остается въ силѣ представленіе залога, не существующаго въ другихъ частяхъ страны; изданія, печатающіяся за границей или на иностранномъ языкѣ, могутъ быть запрещены администраціей и не допускаются безъ особаго разрѣшенія въ разносной торговлѣ. Законъ 1874 г., хотя тоже допускаетъ запрещеніе иностранныхъ періодическихъ изданій, но только въ томъ случаѣ, если за распространеніе ихъ въ теченіе года дважды возбуждено было судебное преслѣдованіе въ Германіи на основаніи статей уголовнаго уложенія, охраняющихъ безопасность государства и достоинство императора. Во всякомъ случаѣ, эльзассцы будутъ въ выигрышѣ отъ предстоящей перемѣны. Германскій законъ о печати не принадлежитъ къ числу самыхъ либеральныхъ, но онъ все-же не исходитъ изъ взгляда на печать какъ на зло, которое по возможности надо уничтожать. Статья въ томъ лишь случаѣ считается недозволенной, если она прямо нарушаетъ законы страны, и рѣ-

шать, что дозволено, предоставлено не администраціи, а суду, въ южной Германіи (Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ) даже суду присяжныхъ. О концессіяхъ, прошеніяхъ о правѣ издавать газету нѣтъ рѣчи: каждый можетъ печатать, что хочетъ; законъ отъ него требуетъ только, чтобы имена редактора, издателя и типографа были обозначены на всякомъ періодическомъ изданіи и чтобы одновременно съ разсылкой газеты одинъ экземпляръ былъ доставленъ полиціи. Для научныхъ, художественныхъ и промышленныхъ изданій не существуетъ и этого требованія. Конфискація – крайне рѣдкое явленіе въ Германіи; чаще бываютъ судебные процессы по вздорнымъ поводамъ, но въ нихъ администрація играетъ роль лишь при возбужденіи обвиненія; самостоятельной же власти у нея нѣтъ. Нечего и говорить, что въ Германіи давно отмѣнены всѣ такъ называемыя мѣры предупрежденія: выговоры, предостереженія, существовавшія еще въ 50-хъ годахъ по наполеоновскому образцу. Кромѣ того, законъ признаетъ, что періодическое изданіе—собственность, которую государство точно такъ же не должно нарушать, какъ всякую другую движимую и недвижимую собственность. Поэтому германскій законъ постановляетъ, что никто не можетъ быть лишенъ права издавать газету, содержать типографію или заниматься всякимъ другимъ печатнымъ дѣломъ и что этого права нельзя потерять не только по распоряженію администраціи, но даже по судебному приговору: судъ можетъ приговаривать къ опредѣленному наказанію, но не можетъ отнять у человѣка ни его имущества, ни его права зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Рѣшеніе германскаго правительства распространить этотъ законъ на Эльзасъ съ приведенными ограниченіями, но оставляющими однако въ силѣ ни предостереженій, ни многочисленныхъ полномочій административной власти по отношенію къ мѣстнымъ изданіямъ, ясно показываетъ, что 25-лѣтній опытъ закона 1874 г. вполнѣ оправдалъ ожиданія правительства. Оно избавилось отъ непосильной отвѣтственности и нашло въ печати не столько врага, сколько чуткаго стража общественныхъ интересовъ, очень часто оказывающаго существенныя услуги государству. Въ Эльзасѣ и Лотарингіи никто не можетъ принудить государственную власть къ измѣненіямъ законовъ, и если законы о печати теперь будутъ измѣнены, если въ покоренномъ и не совсѣмъ еще разставшемся со старыми симпатіями краѣ печать ставится въ независимое положеніе отъ администраціи, то, очевидно, что это не грозитъ безопасности, порядку и основнымъ учрежденіямъ страны. Будьте увѣрены, что

если бы дѣло обстояло иначе, никто не могъ бы заставить нѣмецкое правительство отказаться отъ своихъ полномочій. Что касается общественнаго мнѣнія, то оно съ рѣдкимъ единодушіемъ привѣтствуетъ новую мѣру, способную внушить эльзасскому населенію уваженіе и симпатію къ нѣмецкой культурѣ и являющуюся лучшимъ средствомъ германизаціи. Такъ разсуждаютъ въ Берлинѣ и консерваторы, которые по собственному опыту знаютъ, что при другомъ режимѣ и консервативная печать попадаетъ въ руки не искреннихъ, честныхъ и убѣжденныхъ защитниковъ консервативныхъ принциповъ, а проходимцевъ и невѣжественныхъ прислужниковъ, готовыхъ раболѣпствовать предъ какой угодно властью и дискредитирующихъ своими безнравственными пріемами всякое дѣло, которому они яко бы преданы.

Въ pendant къ освобожденію печати въ Эльзасѣ позволю себѣ привести любопытную справку изъ прошлаго Германіи.

Историкъ нѣмецкой литературы, проф. Людвигъ Гейгеръ въ истекшемъ зимнемъ семестрѣ читалъ въ берлинскомъ университетѣ спеціальный курсъ о молодой Германіи (Das junge Deutschland). Не довольствуясь существующей литературой по этой замѣчательной эпохѣ, профессоръ обратился къ правительству съ просьбой— разрѣшить ему доступъ въ тайный государственный архивъ, гдѣ хранятся еще не изданные документы къ характеристикѣ общественныхъ и литературныхъ движеній 30-хъ и 40-хъ годовъ. Разрѣшеніе было дано, и проф. Гейгеръ теперь началъ печатать обзоръ сдѣланныхъ имъ находокъ. Первая статья Гейгера, озаглавленная „Генрихъ Гейне и прусская цензура“, заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся судьбой поэта. Больше того: она, въ связи съ другими новыми фактами, немало содѣйствуетъ пониманію исторіи Германіи въ дореформенный ея періодъ.

Внимательные читатели Гейне, вѣроятно, вспомнятъ, съ какимъ безпощаднымъ сарказмомъ поэтъ бичуетъ въ предисловіи къ Französische Zustände довольно извѣстнаго историка Фридриха фонъ-Раумера. Въ Атта-Тролѣ онъ приписываетъ медвѣдю такой же талантъ къ танцамъ, какой отличалъ берлинскаго профессора, а въ „Зимней сказкѣ“ Гейне доходитъ въ своей ненависти до того, что мечтая, какъ выглядѣла бы Германія, если бы римляне не были побиты херусками, восклицаетъ:

Der Raumer wär kein deutscher Lump,
Er wär ein römischer Lumpacius.

Ненависть поэта становится намъ понятной, когда мы читаемъ теперь въ статьѣ проф. Гейера, что „первый признакъ вниманія, которое прусская цензура оказала Гейне, заключается, по лежащимъ предо мной актамъ государственнаго архива, въ письмѣ Раумера къ коллегіи по дѣламъ печати, состоявшей изъ трехъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ и народнаго просвѣщенія". Раумеръ въ то время былъ предсѣдателемъ главнаго цензурнаго управленія, находившагося въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Какъ только въ Гамбургѣ вышла вторая часть Reisebilder, онъ, не дожидаясь даже постановленія главнаго цензурнаго управленія, спѣшитъ извѣстить комитетъ министровъ, что новая книга Гейне „превосходитъ по дерзости и кощунству все, что когда-либо печаталось. Печально, что такія безсовѣстныя книги могутъ появляться въ Гамбургѣ, и нужно найти средства, чтобы положить конецъ этому безобразію". Одинъ изъ министровъ нашелъ, что предсѣдатель цензурнаго управленія проявляетъ неумѣстное усердіе и не долженъ обращаться къ комитету министровъ, не узнавши предварительно мнѣнія остальныхъ членовъ цензуры, но другіе два министра указали, какъ замѣчаетъ проф. Гейгеръ, на благонамѣренное направленіе Раумера, и цензурѣ поручено было составить оффиціальный докладъ. Она пришла къ заключенію, что книга Гейне „возмутительна по содержанію и тенденціи, оскорбительна для добрыхъ нравовъ и способна внушить неуваженіе къ высшимъ учрежденіямъ и лицамъ въ странѣ". Вѣроятно, — прибавляетъ берлинская цензура, — книга прошла только потому, что авторъ умудрился напечатать ее на 326-ти страничкахъ миніатюрнаго формата и, какъ произведеніе, занимающее болѣе 20-ти листовъ, она не подлежала предварительной цензурѣ. Догадаться было, впрочемъ, нетрудно: самъ авторъ въ концѣ книги сравнивалъ себя съ Бенвенуто Челлини, бросившимъ въ огонь, когда у него не хватило металла для наполненія формы Персея, всю металлическую посуду, какая у него нашлась въ домѣ. „Мнѣ недостаетъ еще нѣсколько страничекъ in 8°",— поясняетъ Гейне и разсказываетъ исторію шута и Карла V.

Что сталось бы съ нѣмецкой литературой, если бы на ея счастье въ тогдашней, не объединенной и не опрусаченной еще Германіи не было такихъ уголковъ для свободной мысли, какъ Гамбургъ, Веймаръ, Лейпцигъ, Франкфуртъ! Я говорю, конечно, не объ одномъ Гейне: въ такомъ же положеніи, какъ онъ, находились Гуцковъ, Лаубе и десятки другихъ талантливыхъ людей, не исключая патріотовъ, какъ Арндтъ или Гоффманъ фонъ-Фа-

лерслебенъ. Ихъ не выручало то, что у Гейне пугало или подкупало даже цензоровъ: изъ страха предъ его безпощаднымъ сарказмомъ, а можетъ-быть, и изъ удивленія предъ огромнымъ талантомъ нѣкоторые его оффиціальные преслѣдователи иногда, съ осторожностью чиновниковъ, стараются его ограждать. Такъ, напр., тайный гофратъ Іонъ, берлинскій цензоръ, которому пришлось давать отзывъ о Buch der Lieder, не можетъ удержаться, чтобы не отдать дани уваженія „чудному поэтическому таланту автора". „Конечно,— спѣшитъ онъ оговориться:—у Гейне, по его собственному признанію, поэтическія, политическія и философскія писанія вытекаютъ изъ одного источника и проникнуты одинаковымъ неуваженіемъ ко всему, что составляетъ основу нашихъ учрежденій и вѣрованій, но въ виду поэтическаго значенія этихъ пѣсенъ было бы тяжело ихъ уничтожать, да это и ни къ чему не повело бы, потому что запрещенныя цензурой сочиненія этого писателя все-таки тайкомъ проникаютъ во всѣ круги образованнаго общества". Однако война прусской цензуры съ произведеніями Гейне прекратилась только послѣ предоставленія дѣятельности литератора и публициста прочныхъ гарантій закона и судебной защиты.

LXX.

Берлинъ, 15-го апрѣля 1899.

По установившемуся обычаю, одинъ день въ недѣлю рейхстагъ посвящаетъ обсужденію предложеній, носящихъ названіе Initiativanträgo, т. е. возникающихъ по иниціативѣ членовъ парламента. Во вчерашнемъ очередномъ спискѣ значилась цѣлая серія предложеній, связанныхъ общимъ характеромъ „соціально-политическихъ" мѣръ: тутъ и проектъ статистическаго бюро о трудѣ, и рабочія камеры, и предложеніе объ освобожденіи профессіональныхъ союзовъ отъ чрезмѣрной опеки. Такія темы для большинства публики, посѣщающей рейхстагъ, не особенно заманчивы, такъ какъ онѣ рѣдко даютъ поводъ къ сенсаціи: спорятъ жестоко, но полемика вращается вокругъ спеціальныхъ вопросовъ, не всякому доступныхъ.

Неожиданно даже для habitués парламентской галлереи, засѣданіе, однако, получило выдающійся интересъ: въ рейхстагѣ произошло низверженіе могущественнаго политическаго дѣятеля, если и не крупнаго по своимъ личнымъ достоинствамъ, то чрезвычайно замѣтнаго по своему вліянію на отношеніе государства къ самому жгучему вопросу конца нашего вѣка. Павшій владыка — „король

Штуммъ", котораго низвергли не постоянные его враги съ крайней лѣвой, а скромные національ-либералы. Какъ почти всякій переворотъ, и нынѣшній былъ неожиданнымъ для потерпѣвшаго, тогда какъ внимательные наблюдатели уже нѣсколько времени замѣчали, что готовятся любопытныя перемѣны. Разскажу, однако, все по порядку.

Изъ предложеній, стоявшихъ на очереди, самое безобидное относилось къ учрежденію новаго статистическаго бюро для изслѣдованія положенія труда. „Мы не имѣемъ пока въ виду опредѣленныхъ законодательныхъ актовъ,—замѣчаетъ одинъ изъ иниціаторовъ этого предложенія, либералъ Пахнике, — а желаемъ лишь, чтобы для теоретическихъ разсужденій и экономической практики собраны были данныя, чтобы безъ предвзятаго мнѣнія освѣщены были всѣ закоулки народной жизни". Соціальныя идеи господствуютъ надъ всѣми вопросами, но тѣмъ не менѣе государство и общество еще очень мало освѣдомлены о томъ, какъ живутъ рабочіе классы. Развѣ можно назвать нормальнымъ явленіемъ такой, напримѣръ, фактъ, случайно обнаруженный усиліями частнаго лица, что изъ $14^1/_2$ милліоновъ нѣмецкихъ рабочихъ только у 500 тысячъ есть прочный рынокъ труда, тогда какъ 14 милліоновъ зависятъ отъ случайныхъ посредниковъ и ищутъ себѣ занятій при помощи газетныхъ объявленій или странствованія съ фабрики на фабрику, съ постройки на постройку? То, что добыто частными средствами издателя журнала „Arbeitsmarkt" (д-ра Ястрова), давно должно было быть предметомъ общественнаго изслѣдованія. Такихъ примѣровъ много; вѣдь только годъ тому назадъ сдѣланъ первый опытъ оффиціальной статистики стачекъ. Между тѣмъ боязнь изученія дѣйствительной жизни—признакъ умственнаго убожества, не соотвѣтствующій нынѣшнему состоянію культуры. „Я понимаю,—замѣчаетъ Пахнике,— что померанскій землевладѣлецъ, платящій 1 м. 25 пф. въ день взрослому рабочему и оговаривающій при этомъ въ контрактѣ, что „всѣ споры разрѣшаются нанимателемъ", не можетъ быть поклонникомъ статистики; но даже юнкерство, какъ цѣлое, не имѣетъ права возражать противъ изученія жизни сельскихъ рабочихъ, такъ какъ юнкеры не перестаютъ утверждать, что у нихъ рабочіе благоденствуютъ. Чего же бояться факела истины, да еще въ рукахъ безпристрастнаго статистическаго бюро? Каждый изъ насъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, исходитъ изъ предположенія, что его точка зрѣнія соотвѣтствуетъ благу страны и народа. Что же можетъ быть желательнѣе изученія дѣйствительности для провѣрки нашихъ теоретическихъ и соціально-практическихъ мнѣній?"

Ораторъ указываетъ на сближеніе, происшедшее за послѣднее время во взглядахъ экономическихъ школъ. Старый антагонизмъ между манчестерцами и катедръ-соціалистами исчезаетъ, и даже кардинальное различіе между индивидуализмомъ и соціализмомъ, повидимому, не образуетъ уже такой пропасти, черезъ которую нельзя было бы перебросить мостъ. По крайней мѣрѣ, новѣйшій трудъ Бернштейна, „самаго выдающагося представителя научнаго соціализма послѣ смерти Маркса и Энгельса", служитъ признакомъ кризиса въ марксизмѣ: вслѣдъ за теоріей растущаго обѣдненія массъ теперь „выбрасываютъ за бортъ и ученіе о прибавочной цѣнности, и представленіе объ исчезновеніи средняго класса, и надежды на быстрое превращеніе всѣхъ предпріятій въ колоссальные общественные институты". Бернштейнъ иронизируетъ надъ ученіемъ о неминуемости катастрофы въ современномъ народномъ хозяйствѣ, доказывая, что основаніе его прочнѣе, чѣмъ это думали 50 лѣтъ тому назадъ; ученикъ Маркса и другъ Энгельса, оставаясь вѣрнымъ демократическимъ принципамъ своей партіи, признаетъ однако, что у буржуазіи и пролетаріата есть еще очень много общихъ интересовъ и приглашаетъ своихъ друзей перестать, наконецъ, относиться съ неумѣстнымъ высокомѣріемъ къ „буржуазной" экономіи въ то время, какъ „мы $^{9}/_{10}$ своего знанія черпаемъ у тѣхъ же буржуазныхъ экономистовъ". „Изъ этихъ примѣровъ вы видите,— заявляетъ депутатъ Пахнике,—что уже подготовлена почва для безпристрастнаго изученія дѣйствительной жизни, гдѣ индивидуалистъ и соціалистъ, націоналъ-либералъ и соціалъ-демократъ могутъ дружно работать надъ выясненіемъ какъ теоріи, такъ и мѣропріятій законодательства по отношенію къ кореннымъ вопросамъ народной жизни. Вмѣсто того, чтобы слѣпо итти за фанатиками, подобными барону Штумму, который знаетъ лишь одно универсальное средство—механическое принужденіе или наказаніе, будемъ осмотрительными, спокойными изслѣдователями, которые, прежде чѣмъ предлагать принудительныя средства, спрашиваютъ себя: соотвѣтствуетъ ли это условіямъ жизни, принесетъ ли оно пользу? Иначе законодатель похожъ на раздраженнаго человѣка, размахивающаго палкой во всѣ стороны, но больше задѣвающаго друзей, чѣмъ враговъ"... Ораторъ въ заключеніе ссылается на опытъ Англіи, Швейцаріи и другихъ странъ и высказываетъ надежду, что, съ учрежденіемъ бюро труда въ главныхъ странахъ, возможно будетъ и возникновеніе международнаго института рабочаго законодательства, который въ будущемъ могъ бы сослужить великую службу дѣлу прогресса и мира въ человѣчествѣ.

Присоединяясь къ предложенію либеральныхъ депутатовъ, партія центра, съ своей стороны, выступаетъ съ самостоятельнымъ предложеніемъ объ образованіи рабочихъ камеръ, назначеніе которыхъ уже чисто практическое: въ нихъ должна найти себѣ выраженіе идея солидарности интересовъ предпріятія и труда. Клерикалъ Гитце, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ положенія рабочаго класса въ Германіи, понимаетъ, что если бы „гармонія интересовъ“ была полная, то никакихъ соціальныхъ вопросовъ не могло бы существовать. Гитце поэтому оговаривается, что для осуществленія тѣхъ своихъ требованій, которыя идутъ противъ выгодъ капиталиста, рабочій классъ нуждается въ самостоятельной организаціи, подобно тому, какъ предприниматели организованы въ картеляхъ, союзахъ горнозаводчиковъ, центральномъ Обществѣ промышленниковъ и т. п. Задача камеръ, въ сущности, только тогда будетъ осуществлена, если обѣ стороны получатъ предварительно возможность организоваться для представительства своихъ отдѣльныхъ нуждъ. Поэтому проф. Гитце горячо поддерживаетъ также требованіе, внесенное деп. Резике и княземъ Каролатомъ объ устраненіи существующихъ препятствій для дѣятельности рабочихъ союзовъ. Въ камерахъ же представители хозяевъ и рабочихъ должны сойтись для обсужденія общихъ нуждъ и устраненія недоразумѣній, часто возникающихъ оттого, что рабочіе не знаютъ истиннаго положенія дѣла, а хозяева не посвящены въ жизнь рабочихъ. Кромѣ ближайшихъ требованій, вытекающихъ изъ условій труда на фабрикѣ, есть еще обширное поле для совмѣстной дѣятельности въ области гигіены, народныхъ жилищъ, коммунальной политики. Гитце убѣжденъ, что если представители народныхъ массъ увидятъ, что на нихъ смотрятъ какъ на равныхъ гражданъ, отношенія между классами станутъ миролюбивѣе и найдены будутъ пути къ „соціальному миру“.

Можно не соглашаться съ мнѣніями клерикальнаго депутата; вѣроятно, и среди сторонниковъ энергичной соціальной политики найдется немало такихъ, которымъ предложенія Гитце покажутся недостаточно практичными; въ благонамѣренности проекта рабочихъ камеръ однако не сомнѣвается ни одинъ безпристрастный человѣкъ въ рейхстагѣ. Только для фанатиковъ капитализма, какъ Штуммъ, это—опасная идеологія, и баронъ-заводчикъ спѣшитъ причислить Гитце къ разрушителямъ порядка. Впрочемъ, не одинъ Гитце, но и Пахнике, и проф. Брентано, и кн. Шенайхъ-Каролатъ, всѣ, однимъ словомъ, которые выступаютъ съ предложеніями въ пользу

труда и въ духѣ реформъ, обѣщанныхъ при отставкѣ Бисмарка,— дилеттанты филантропіи, играющіе на руку соціалъ-демократамъ. Штуммъ еще не теряетъ надежды, что правительство „не дастъ себя увлечь на путь опасныхъ экспериментовъ“ и что „вожди промышленности, уже теперь несущіе почти непосильное бремя всевозможныхъ налоговъ“, не допустятъ подобныхъ фантазій.

Тогда встаетъ баронъ фонъ-Гейль и дѣлаетъ возбуждающее огромную сенсацію заявленіе, что онъ самъ и многіе изъ представителей германской промышленности разувѣрились въ „системѣ механическаго подавленія“, столько лѣтъ уже проповѣдуемой Штуммомъ. Если бы можно было надѣяться уничтожить рабочее движеніе суровыми мѣрами, то стоило бы еще временно пожертвовать справедливостью. Опытъ однако убѣдилъ болѣе объективныхъ предпринимателей, что система Штумма „только разжигаетъ ненависть и укрѣпляетъ шансы соціалъ-демократіи“. Еще не поздно сознаться въ ошибкѣ и вернуться къ реформамъ, которыя, по замѣчательному выраженію Вильгельма II, внушатъ рабочимъ надежду, что въ нихъ видятъ не враговъ, а согражданъ и сотрудниковъ. Штумму, Круппу и стоящему подъ ихъ командой „Центральному союзу германскихъ предпринимателей“ фонъ-Гейль дѣлаетъ упрекъ, что они систематически преслѣдуютъ всякую честную попытку умиротворить отношенія между капиталомъ и трудомъ. „Нетерпимостью и близорукостью, которыя вы проявляете въ огражденіи мнимыхъ правъ хозяевъ, вы дискредитировали нѣмецкаго предпринимателя не только въ глазахъ народныхъ массъ, но и въ мнѣніи всѣхъ искреннихъ нашихъ друзей, — восклицаетъ бывшій союзникъ Штумма. — Не давая исхода законному стремленію народа къ самостоятельности, отталкивая представителей науки, желавшихъ дѣйствовать примиряющимъ образомъ, поднимая крикъ о нарушеніи нашихъ правъ, когда ни о какихъ правахъ рѣчи не могло быть, вы обострили антагонизмъ до того, что сотни тысячъ людей, стоящихъ на почвѣ современнаго общественнаго порядка, неминуемо должны были перейти въ ряды нашихъ противниковъ. Я не вижу никакой бѣды въ томъ,—прибавляетъ Гейль,—что въ камерахъ и другихъ представительныхъ учрежденіяхъ окажутся и соціалъ-демократы, точно такъ же какъ не будетъ ничего дурного въ томъ, если мы согласимся на нѣкоторыя требованія нашихъ рабочихъ, хотя бы они предъявлены были соціалъ-демократами. По нашему мнѣнію, истинная соціальная политика проявляется не въ борьбѣ противъ всего, что исходитъ отъ крайней лѣвой, но въ признаніи справедливости тѣхъ требованій, которыя осуществимы“.

Неудивительно, что органы „Союза предпринимателей“ мечутъ громы противъ фонъ-Гейля, но въ публикѣ ихъ выходки и патетическія фразы возбуждаютъ лишь насмѣшки. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть комичнѣе обвиненія одного изъ крупнѣйшихъ германскихъ фабрикантовъ въ намѣреніи побрататься съ Бебелемъ? Искать популярности фонъ-Гейлю, навѣрное, не нужно: онъ у себя въ Вормсѣ тоже „король“, и къ какой бы партіи Гейль ни приписался, избраніе его въ рейхстагъ всегда обезпечено. Не проще ли объяснить нынѣшнюю метаморфозу искреннимъ убѣжденіемъ человѣка, много лѣтъ пытавшагося держаться патріархальнаго режима и убѣдившагося теперь, что онъ не ведетъ къ миру? Въ Вормсѣ Гейль создалъ не меньше добрыхъ учрежденій для своихъ рабочихъ, чѣмъ Штуммъ въ Нейкирхенѣ и Круппъ въ Эссенѣ; но въ то время какъ Штуммъ и Круппъ продолжаютъ думать, что рабочіе за это должны быть вѣчно благодарны и ходить на помочахъ у хозяина-благодѣтеля, Гейль пришелъ къ заключенію, что взрослые люди ни за какую цѣну не продадутъ своей свободы.

Пренія о соціально-политическихъ проектахъ отложены до слѣдующей среды, и мы къ нимъ еще успѣемъ вернуться, сегодня же я хотѣлъ бы еще подѣлиться съ вами извѣстіемъ, радующимъ всѣхъ нѣмецкихъ женщинъ: обѣщанное прусскимъ министромъ объединеніе правилъ о допущеніи женщинъ къ занятію медициной въ германскихъ университетахъ совершилось, и ничто больше не стоитъ по пути къ тому, чтобы женщины получили право на медицинскую практику. Студентками слушательницы медицины пока не будутъ называться, но что̀ въ имени? Важно то, что „посѣтительницамъ“ число прослушанныхъ семестровъ зачтутъ, какъ студентамъ, ихъ допустятъ къ государственному экзамену и врачебной дѣятельности. На практикѣ затрудненія встрѣтятся еще при анатомическихъ и клиническихъ занятіяхъ, которыя не во всѣхъ университетахъ открыты женщинамъ; но вѣроятнѣе всего, что профессора, не соглашающіеся на совмѣстныя занятія женщинъ съ мужчинами, откроютъ для слушательницъ особые курсы. Очень важно также, что кромѣ медицины женщинамъ данъ доступъ и къ фармацевтической дѣятельности: ихъ будутъ допускать къ экзаменамъ на провизора и къ занятіямъ въ аптекахъ. При сравнительной легкости этой профессіи, не требующей продолжительной подготовки, сотнямъ, если не тысячамъ женщинъ этимъ дана возможность зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.

LXXI.

Берлинъ, 20-го апрѣля 1899 г.

Изыскивая средства для борьбы съ недостаткомъ въ сельскихъ рабочихъ, аграріи внесли въ прусскую палату предложеніе ограничить лѣтомъ занятія въ сельскихъ школахъ двумя часами въ день, для того чтобы дѣти могли работать въ полѣ. Въ палатѣ есть два депутата изъ народныхъ учителей, и понятно, что они больше другихъ призваны были дать на это отвѣтъ. Одинъ изъ нихъ, учитель Эрнстъ, принадлежитъ къ свободомыслящей партіи женской или рикертовской линіи, и при всей кротости права онъ не можетъ удержаться отъ негодованія, видя, „на что бароны готовы пойти ради увеличенія ренты“. „Если бы еще, — говоритъ онъ, — тутъ дѣйствительно былъ разумно понятый интересъ, но вѣдь и этого нѣтъ: въ сущности, землевладѣльцы готовы поступить, какъ хищники, не думающіе о томъ, что будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ съ землей и крестьянствомъ. Умные люди, изучавшіе жизнь деревни, пришли къ заключенію, что сельское хозяйство падаетъ не потому, чтобы веденіе хозяйства было само по себѣ невыгодно, а потому, что интеллигентныя силы идутъ въ городъ. Если васъ что можетъ спасти, — заявляетъ депутатъ юнкерамъ, — то лишь поднятіе развитія сельскаго населенія, а вмѣсто того вы подкапываетесь подъ нынѣшнюю школу, т. е. готовите себѣ болѣе невѣжественныхъ рабочихъ. Ни одинъ народный учитель не возьмется выполнить болѣе чѣмъ скромную программу школъ, если въ продолженіе полугодія дѣти будутъ заниматься лишь два часа по утрамъ. Принятіе консервативнаго предложенія только обострить нужду въ рабочихъ, усилитъ кризисъ и будетъ тяжкимъ грѣхомъ предъ нашимъ народомъ“.

Еще рѣшительнѣе противъ притязаній юнкеровъ выступилъ „ректоръ“ Копшъ, прежде самъ сельскій учитель, теперь директоръ городской школы въ Берлинѣ. По его убѣжденію, если „перевести предложеніе аграріевъ на правильный нѣмецкій языкъ, освободивъ внесенную ими резолюцію отъ всѣхъ декоративныхъ фразъ“, то получится ясное требованіе: отдайте намъ дѣтей сельскаго рабочаго и бѣднаго крестьянина, потому что онѣ намъ нужны какъ дешевыя рабочія силы! Вмѣсто того однако, чтобы говорить прямо и честно, землевладѣльцы, по старой привычкѣ, распространяются о нуждахъ самихъ крестьянъ, которые будто не могутъ обойтись лѣтомъ безъ помощи дѣтей. Не отрицаю, — отвѣчаетъ имъ Копшъ, — что при уборкѣ полей крестьянамъ часто нужны дѣти, чтобы при-

смотрѣть дома за хозяйствомъ или принести обѣдъ взрослымъ въ поле, но съ этими условіями деревенская школа и теперь вполнѣ считается. Что не нужно крестьянину и чего школа не можетъ допустить, если она исполняетъ свою культурную миссію, это—чтобы крестьянскія дѣти работали по найму при уборкѣ свекловицы, копаніи картофеля и т. п.; послѣ такого труда ребенокъ такъ же мало въ состояніи слѣдить за уроками, какъ измученный разноской газеты городской мальчикъ — хорошо учиться въ городской школѣ. Въ городѣ всѣ сознаютъ, что это—эксплоатація дѣтей, и народные учителя, общество и правительство вступили съ нею въ борьбу; консерваторы же хотятъ, чтобы совершенно такія условія были санкціонированы для деревни, чтобы школа не защищала дѣтей, а выдавала ихъ головой на изнуреніе и одичаніе *(Бурный протестъ справа; крики: „Фразы! Что этотъ „шульмейстеръ“ понимаетъ!“)* „Господа,—отвѣчаетъ Копшъ, обращаясь къ правой—меня радуетъ, что вы такъ откровенны: въ странѣ прочтутъ, какъ консерваторы относятся къ судьбѣ народнаго образованія. Духъ, которымъ проникнуто ваше школьное предложеніе, ясно обнаруживается изъ соединенія съ другими требованіями, цѣль которыхъ низвести сельскаго рабочаго до степени парія, отнять у него гражданскіе права. Нѣмецкіе учителя всегда считали своимъ долгомъ отстаивать нравственные интересы народа, и мы это дѣлаемъ теперь, защищая неприкосновенность образованія. Если бы знали, какъ ничтожны заработки дѣтей, занятыхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ странѣ ваши предложенія вызвали бы бурю, противъ которой вы не могли бы устоять. Не будетъ преувеличеніемъ если я скажу, что за чечевичную похлебку хотятъ лишить дѣтей права на школу *(Баронъ Паппенгеймъ: „Вы говорите, какъ агитаторы на народныхъ собраніяхъ!“)*. Очень жаль, что вы даете агитаторамъ слишкомъ много благодарнаго матеріала. Цифры дѣтскихъ заработковъ, собираемыя теперь въ восточно-прусскихъ деревняхъ, покажутъ, кто правъ. Даже консервативный журналъ „Grenzboten“ по поводу нынѣшняго предложенія пишетъ: „Въ мотивахъ его трудно найти что-нибудь другое, кромѣ купеческаго разсчета; мы предполагали у нашихъ дворянъ больше благородства и человѣколюбія“ *(Возгласы и смѣхъ справа)*. Я, съ своей стороны, посовѣтовалъ бы тѣмъ, которые теперь смѣются, серьезно подумать объ участи ихъ собственныхъ дѣтей: какъ тяжело будетъ дѣтямъ, если отцы не позаботятся, чтобы школа сохранила свое гуманизирующее вліяніе на народъ!

Пора, наконецъ, понять, что не существуетъ права землевладѣльца на дѣтскій трудъ, а есть только право всѣхъ дѣтей на то, чтобы школа сдѣлала изъ нихъ полезныхъ членовъ общества".

Президентъ Союза сельскихъ хозяевъ отвѣчаетъ народному учителю, что если посмотрѣть на дѣтей, возвращающихся съ полевыхъ работъ, то сердце радуется: такъ дѣти веселы и здоровы. Противъ школы не высказывается ни одинъ землевладѣлецъ, но что́ мѣшаетъ принять во вниманіе особыя условія сельскаго труда? *(Голосъ слѣва: „Дѣтямъ надо учиться!").* Развѣ я отрицаю, что имъ нужно учиться! Пусть только деревенскіе педагоги не увлекаются философскими и соціальными теоріями и не вбиваютъ крестьянскимъ дѣтямъ въ головы лишняго балласта *(Голосъ слѣва: „Для васъ школа лишняя!").*

Берлинскій университетъ на этой недѣлѣ хоронилъ одного изъ тѣхъ „старыхъ профессоровъ", о которыхъ съ сожалѣніемъ говорятъ, что ихъ становится все меньше. При жизни надъ ними иногда посмѣиваются какъ надъ чудаками, но безъ этихъ чудаковъ не было бы славы нѣмецкой науки. Я говорю о Генрихѣ Киппертѣ, знаменитомъ картографѣ, скончавшемся на 81-мъ году жизни, полной упорнаго и полезнаго труда. Любимый ученикъ К. Риттера, перваго нѣмецкаго ученаго, поднявшаго географію на высоту самостоятельной университетской науки, Киппертъ соединялъ фономальныя знанія по своей спеціальности съ обширнѣйшими историческими и филологическими свѣдѣніями. Говорятъ, что онъ владѣлъ 17 языками, и если ему нужно было установить точное обозначеніе какого-нибудь итальянскаго городка, то онъ не останавливался предъ изученіемъ мѣстной исторіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Для своего атласа Эллады и греческихъ колоній онъ нѣсколько лѣтъ провелъ надъ археологіей Греціи, въ знакомствѣ съ которой могъ соперничать съ Курціусомъ. Моммзенъ же увѣрялъ, что у Кипперта онъ еще можетъ многому научиться по римской исторіи. Имя покойнаго географа тѣснѣе всего связано съ Малой Азіей, картографія которой—дѣло его рукъ, результатъ личныхъ наблюденій, съемокъ и неустаннаго изученія историческихъ источниковъ. Киппертъ уже было 70 лѣтъ, когда онъ предпринялъ четвертое путешествіе въ Малую Азію, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ старикъ проводилъ по 10-ти часовъ въ день верхомъ на лошади по убійственнымъ дорогамъ, съ картой и карандашемъ въ рукѣ. Въ этомъ ученомъ географѣ и археологѣ жилъ еще замѣчательный художникъ, и набрасывая на сѣдлѣ лошади

рельефы изслѣдованной мѣстности, онъ чертилъ такъ, какъ будто работалъ за удобнымъ чертежнымъ столомъ. Страстно любя свою науку, Киппертъ не покидалъ работы въ 80 лѣтъ, несмотря на то, что и его не пощадили обычные спутники старости—хроническія болѣзни, упадокъ слуха и зрѣнія. Еще въ прошломъ году онъ читалъ въ берлинскомъ университетѣ предъ небольшимъ кружкомъ слушателей свой обычный курсъ, появлялся въ академіи наукъ, и когда друзья заходили къ нему, его находили за географическими картами и книгами. Его наука далеко уже вышла за тѣсные предѣлы, указанные ей Риттеромъ и Киппертомъ, но виднѣйшіе современные географы Германіи съ глубокой благодарностью отзываются о старомъ учителѣ и несравненномъ картографѣ.

Я уже заканчивалъ это письмо, когда телеграфъ принесъ изъ Дармштадта извѣстіе о смерти другого интереснаго нѣмецкаго старика: въ наукѣ онъ едва ли оставилъ прочный слѣдъ, но за-то сумѣлъ однажды обратить вниманіе десятковъ тысячъ образованныхъ людей на величайшія проблемы человѣческаго ума. Кто не слыхалъ про Людвига Бюхнера? Авторъ „Kraft und Stoff“ не былъ оригинальнымъ мыслителемъ, его матеріализмъ—только популярное изложеніе, смѣсь идей французской философіи XVIII вѣка и первыхъ результатовъ естественно-научной эпохи: но тѣмъ не менѣе была пора, когда имя Бюхнера называли рядомъ съ именами Фохта, Молешотта и его земляка Давида Штрауса. Ученый физіологъ Молешоттъ и замѣчательный зоологъ Фохтъ обладали несравненно большимъ научнымъ багажомъ и болѣе строгой логикой. Что́ однако отличало автора „Kraft und Stoff“, это—даръ популяризатора и неустрашимость бойца, доходившаго, правда, до явныхъ преувеличеній, но содѣйствовавшаго легкому пониманію основныхъ мыслей новаго міровоззрѣнія. Бюхнеръ всю жизнь оставался только авторомъ „Kraft und Stoff“, несмотря на то, что за 44 года отъ выхода этой книги до своей смерти написалъ массу другихъ книгъ и статей, отзывался на политическіе вопросы, участвовалъ на всѣхъ конгрессахъ свободныхъ мыслителей и агитировалъ за разоруженіе и идею всеобщаго мира. Послѣднее его сочиненіе, озаглавленное „У смертнаго одра нашего вѣка“ (Am Sterbelager des Jahrhunderts), отличается всѣми достоинствами и недостатками первой работы: свободой отъ всякихъ предразсудковъ, любовью къ правдѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поверхностными обобщеніями и парадоксами. Бюхнеру было 75 лѣтъ: почти всю свою жизнь онъ провелъ въ родномъ Дармштадтѣ.

LXXII.

Берлинъ, 24-го апрѣля 1899 г.

Рейхстагъ посвятилъ полныхъ три засѣданія преніямъ о соціально-политическихъ проектахъ, коротко отмѣченныхъ мною въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ. Интереснѣйшей чертой преній было то, что вся ненависть фабричныхъ феодаловъ обрушилась не на соціалъ-демократовъ, а на патріотическихъ, умѣренно-либеральныхъ фабрикантовъ, которые покинули знамя Штумма и, по понятіямъ этого заводчика, измѣнили своему сословію. Вормскій патрицій фонъ-Гойль аттестуется утопистомъ, ослѣпленнымъ фразеромъ, подобно нѣкоторымъ аристократамъ Ancien Regime, конспирирующимъ съ краснымъ призракомъ; прислужники Штумма въ прессѣ называютъ архимилліонера и одного изъ крупнѣйшихъ предпринимателей—скучающимъ барономъ, для котораго соціалъ-политика своего рода спортъ. Еще съ бо́льшимъ озлобленіемъ въ кругахъ, примыкающихъ къ депосседированному оракулу заводчиковъ, нападаютъ на коммерціи совѣтника Резике, перваго берлинскаго пивовара, давно уже отвернувшагося отъ политики обузданія. Когда Резике вчера поднялся, чтобы отвѣтить Штумму и Кардорфу, „король“ и его свита демонстративно стали выходить изъ залы; по примѣру Рихтера, когда-то крикнувшаго Бисмарку въ аналогичномъ случаѣ: „Это меня не смущаетъ: вы прочтете мою рѣчь завтра утромъ за чаемъ“, берлинскій коммерціи совѣтникъ бросилъ вдогонку своему коллегѣ: „Вашъ уходъ, г. Штуммъ, не измѣняетъ дѣла; я, все-таки, скажу, что считаю нужнымъ!“ И Резике затѣмъ въ превосходныхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ какъ сущность патріархальной системы, такъ и причины ея непопулярности въ народѣ.

Было бы грѣшно, — заявилъ депутатъ, — не признать за Круппомъ, Штуммомъ и ихъ единомышленниками много хорошаго въ области благотворенія и попеченія: они, безспорно, не тѣ черствые торговцы человѣческимъ трудомъ, которые способны выжать изъ рабочаго всѣ его силы и потомъ бросить его на произволъ судьбы. Въ Эссенѣ у Круппа и въ Нейкирхенѣ у Штумма созданы прекрасныя рабочія жилища, гигіеническія условія образцовыя, продолжительность труда умѣренная, заработная плата добросовѣстная, о больныхъ, увѣчныхъ, старикахъ, вдовахъ заботятся многочисленныя кассы, которымъ предпріятіе пожертвовало сотни тысячъ, у Круппа—даже милліоны. Кажется, чего же еще желать? И тѣмъ

*

не менѣе интеллигентные рабочіе съ негодованіемъ говорятъ, что всѣ эти благодѣянія—только новый видъ рабства. Дѣло въ томъ, что Круппы и Штуммы, давая деньги, унижаютъ человѣка характеромъ своей заботливости: она имѣетъ видъ милости, благодѣянія, связана съ требованіемъ, чтобы рабочіе даже въ своей частной жизни подчинялись вкусамъ и взглядамъ хозяина. Имъ предписываютъ, что̀ читать, какъ развлекаться, какъ выбирать въ рейхстагъ, въ какомъ возрастѣ слѣдуетъ жениться. При нынѣшнемъ уровнѣ образованія и развитія нѣмецкихъ рабочихъ подобное отношеніе вызываетъ, вмѣсто благодарности, только ропотъ и сопротивленіе, и коммерціи совѣтникъ Резике не слишкомъ преувеличиваетъ, увѣряя, что никто больше не содѣйствовалъ росту соціалъ-демократіи, чѣмъ представители этой патріархальной системы, тѣмъ болѣе, что и въ своихъ личныхъ отношеніяхъ фабричные феодалы отличаются чрезвычайной нетерпимостью и властностью. „Штуммъ мнѣ здѣсь бросилъ въ лицо инсинуацію, будто я ищу популярности у рабочихъ. Не стану оправдываться въ обвиненіи, которое, въ сущности, выходитъ изъ предѣловъ парламентски дозволеннаго, такъ какъ искаціе популярности въ такомъ дѣлѣ означаетъ неискренность, отсутствіе убѣжденій. Соціалъ-демократы первые могутъ посмѣяться надъ такимъ предположеніемъ; они вѣдь знаютъ, какъ часто намъ другъ съ другомъ приходилось воевать. Во время такъ называемаго „пивного бойкота“ мы стояли во главѣ враждующихъ сторонъ. Но что дѣйствительно отличаетъ меня и многихъ моихъ друзей отъ феодаловъ, это—то, что, выступая противъ соціалъ-демократіи, не раздѣляя ея вѣры въ коллективизмъ и отклоняя тѣ ея требованія, которыя намъ кажутся неосуществимыми, мы не перестаемъ видѣть въ рабочихъ равныхъ съ нами людей, обращаемся съ противникомъ какъ съ взрослымъ и честнымъ человѣкомъ. Почему ему, въ самомъ дѣлѣ, не отстаивать своихъ интересовъ, когда мы, предприниматели, всѣми средствами защищаемъ свои? Отчего фабриканты-купцы имѣютъ право организоваться въ синдикаты или профессіональныя общества, а рабочіе должны оставаться изолированными?“

Вы понимаете, какъ такія рѣчи коммерціи совѣтника возмущаютъ сердца людей, привыкшихъ благодѣтельствовать, но требовать подчиненія, одной рукой, какъ нѣмецкіе рабочіе говорятъ, давать сладкій хлѣбъ, а другой, грозить кнутомъ. Тщетно Кардорфъ пытается вызвать тѣнь Бисмарка противъ еретическихъ идей національно-либеральныхъ реформаторовъ: „ни объ одномъ вопросѣ

мнѣ столько не приходилось бесѣдовать съ великимъ канцлеромъ,— увѣряетъ онъ, — и всегда великій человѣкъ выражалъ сочувствіе идеямъ моего друга Штумма!“ Національ-либералы остаются глухи, а бывшій придворный проповѣдникъ Штекеръ отвѣчаетъ, что Бисмаркъ былъ великій дипломатъ и патріотъ, но въ соціальномъ вопросѣ онъ принесъ своему отечеству больше вреда, чѣмъ пользы.

Если бы въ рейхстагѣ произвели перекличку: кто за Штумма, кто противъ него, то подавляющее большинство оказалось бы противъ непримиримой эгоистической политики принужденія. Недаромъ поэтому Бебель говорилъ, что дебаты о соціальной политикѣ были для всесильнаго до сихъ поръ заводчика тѣмъ, чѣмъ Іена для Пруссіи Фридриха-Вильгельма III. „Послѣ всего, что произошло въ теченіе послѣдняго времени, я считаю совершенно невѣроятнымъ, чтобы правительство пошло на зовъ такихъ комическихъ фигуръ, какъ Штуммъ и фон-Кардофъ“,—замѣтилъ вождь соціалъ-демократовъ. Президентъ отвѣчаетъ, при бурномъ хохотѣ всей залы, что не дозволено называть депутатовъ рейхстага комическими фигурами; въ другое время графъ Баллестремъ не былъ бы такъ милостивъ и навѣрное призвалъ бы оратора къ порядку, но сегодня Бебель вообще очень спокойно обсуждаетъ положеніе своихъ противниковъ, и президентъ склоненъ не слишкомъ строго взвѣшивать каждое выраженіе.

Отвѣчая на упрекъ консерваторовъ, будто его партія всегда относилась отрицательно къ фабричному законодательству, страхованію рабочихъ и другимъ мѣропріятіямъ въ пользу труда, ораторъ тоже ссылается на авторитетъ Бисмарка. „Покойный канцлеръ прямо заявилъ, что если бы не было нашей партіи и людей, которые насъ боятся, то государству никогда не удалось бы ограничить трудъ женщинъ и дѣтей или возложить на промышленность крупные налоги въ видѣ премій въ страховыя кассы“. Еще задолго до изданія нынѣшнихъ фабричныхъ законовъ представители рабочихъ вносили конкретныя предложенія, формулированныя въ законопроекты, и если соціалъ-демократія по большей части голосовала противъ правительственныхъ предложеній, ставшихъ законами, то лишь потому, что послѣдніе были недостаточно хороши. Камеры, которыя партія центра теперь предлагаетъ въ качествѣ панацеи противъ радикализма, уже 14 лѣтъ тому назадъ были проектированы ораторомъ, но встрѣтили мало сочувствія въ рейхстагѣ. „Я закончилъ тогда свою рѣчь словами: вы, отклоняющіе теперь нашъ проектъ какъ несбы-

точный, сами вынуждены будете вернуться къ нему. Въ томъ или иномъ видѣ, подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, но вы примете основныя его положенія, потому что безъ организаціи, и съ вашей точки зрѣнія, немыслимы правильныя отношенія между капиталомъ и трудомъ". Понятно, что Бебель теперь радъ, что его предсказаніе оправдалось. „Противорѣчій, вытекающихъ изъ антагонизма классовъ, вы не уничтожите, — говоритъ онъ, — но чѣмъ меньше кредита у васъ получатъ рецепты знахарей, не признающихъ ничего другого, кромѣ механической силы, тѣмъ больше будетъ увѣренности въ сохраненіи легальныхъ способовъ борьбы. Если бы народъ благоденствовалъ, то при всѣхъ усиліяхъ съ нашей стороны не удалось бы его сдѣлать противникомъ существующаго порядка. Есть еще, очевидно, достаточно поводовъ для стремленія массъ поднять свое положеніе, но нѣтъ надобности, чтобы эти стремленія были насильственными, особенно, если поведеніе правящихъ партій будетъ такимъ, какъ оно обнаружилось въ настоящихъ дебатахъ... Меня искренне радуетъ, что вы теперь находите справедливымъ хоть часть нашихъ старыхъ требованій; быть-можетъ, найдутся еще и другія, о которыхъ вы впослѣдствіи отзоветесь благопріятнѣе, чѣмъ теперь".

„Партія г. Бебеля колоссально измѣнилась: громкія фразы исчезли, и одинъ камень за другимъ отрывается отъ нѣкогда грознаго зданія марксизма",—замѣчаетъ консервативный депутатъ Кропачекъ, редакторъ „Kreuzzeitung".—„У меня нѣтъ охоты поднимать здѣсь споръ объ основныхъ положеніяхъ теоріи,—отвѣчаетъ Бебель:—это вопросъ, который достаточно обсуждается (по поводу книги Бернштейна) и въ нашей періодической печати, и на собраніяхъ, и въ научной литературѣ. Подобно моему другу Молькенбуру я тоже не сторонникъ смѣшенія теоріи съ политикой. Мы вообще не догматики и не перестаемъ прилагать критическій масштабъ къ основнымъ положеніямъ нашей научной теоріи. Если въ своемъ развитіи мы отказались отъ нѣкоторыхъ ученій марксизма, то это еще не значитъ, что весь марксизмъ уничтоженъ. Быть-можетъ, мы откажемся еще отъ другихъ. Но и въ такомъ случаѣ еще не можетъ быть рѣчи объ уничтоженіи нашей политической партіи, существовавшей задолго до того, какъ марксизмъ получилъ въ ней господствующее значеніе. Рабочая партія—продуктъ экономическихъ и политическихъ условій, которыя не измѣняются ни отъ того, что та или другая теорія оказалась несостоятельной, ни отъ того, что Штуммамъ удастся,—чего теперь, къ счастью, нельзя

думать,—воздвигнуть гоненія. Съ точки зрѣнія успѣховъ промышленности,—заканчиваетъ Бебель,—я могу только посовѣтовать вамъ не возвращаться на путь Zuchthaus-Vorlage и подобныхъ мѣръ. Штуммъ говоритъ, что мы подрываемъ дисциплину на фабрикахъ, которой Германія обязана своими безпримѣрными промышленными успѣхами. Я не отрицаю значенія дисциплины, которая нужна во всякомъ общемъ дѣлѣ; но спросите любого фабриканта: къ какой политической партіи принадлежатъ его лучшіе и наиболѣе способные рабочіе? Изъ десяти, навѣрное, девять отвѣтятъ, что лучшіе работники—мои единомышленники. Успѣхи германской промышленности—продуктъ не столько дисциплины, сколько интеллигентности, развитія и способности понимать сложныя задачи, характеризующихъ нашихъ рабочихъ. И потому, если бы я хотѣлъ быть нескромнымъ, я сказалъ бы фабрикантамъ, что они своими успѣхами въ международномъ соперничествѣ обязаны прежде всего мнѣ и моимъ друзьямъ". *(Смѣхъ и одобреніе).*

Надежды депосседированнаго фабричнаго короля и его прислужниковъ сосредоточиваются пока на правительствѣ, блиставшемъ во время дебатовъ своимъ отсутствіемъ: на скамьѣ министровъ тщетно искали графа Позадовскаго, который обыкновенно изображаетъ въ такихъ случаяхъ представителя оффиціальной политики. Кто знаетъ однако, какъ затруднительно въ Германіи положеніе отвѣтственнаго министра, когда онъ не вполнѣ освѣдомленъ, какой теперь курсъ пользуется вліятельными симпатіями, для того отсутствіе правительства еще не доказываетъ, что дебаты рейхстага пройдутъ безслѣдно.

LXXIII.

Берлинъ, 20-го мая 1899 г.

Всѣ вопросы внутренней и внѣшней политики отодвинуты въ сторону только-что опубликованнымъ „законопроектомъ о защитѣ промысловаго труда", получившимъ еще задолго до его появленія знаменитую кличку: Die Zuchthaus-Vorlage („Каторжный законопроектъ"). Разносчики выкрикиваютъ это некрасивое слово на Фридрихштрассе, и публика спѣшитъ запастись нумеромъ вечерней газеты. На первой страницѣ уже бросаются въ глаза напечатанныя жирнымъ шрифтомъ слова, возвѣщающія, что давно ожидавшееся событіе, наконецъ, свершилось: проектъ внесенъ въ рейхстагъ.

Напомню въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого проекта, со-

держаніе котораго непонятно, если не знать ближе внутреннихъ условій Германіи. Когда восемь лѣтъ назадъ здѣсь предпринята была серьезная реформа фабричнаго законодательства, правительство Вильгельма II, желая примирить фабрикантовъ съ нѣкоторыми новыми и непріятными имъ мѣропріятіями въ пользу рабочихъ, попыталось сдѣлать имъ уступку въ области свободы коалиціи и предложило усилить наказанія за побужденіе къ прекращенію работъ. Это вызвало однако въ рейхстагѣ столь рѣшительный отпоръ, что правительство не сочло возможнымъ тогда настаивать на своемъ предложеніи, и результатомъ продолжительныхъ переговоровъ съ вождями большинства было принятіе постановленія, не очень существенно расходившагося съ прежнимъ порядкомъ. Свобода коалиціи и право сговариваться, отказывать и отказываться отъ работъ были сохранены для хозяевъ, какъ и для рабочихъ, но въ промышленный уставъ включили статью (153), по которой прямое физическое насиліе, угрозы и моральное давленіе, путемъ провозглашенія безчестными тѣхъ изъ товарищей, которые желаютъ работать во время стачки, могутъ быть признаны наказуемыми дѣяніями, и виновники подлежать тюремному заключенію до 3-хъ мѣсяцевъ. Суды въ этихъ предѣлахъ неоднократно примѣняли наказанія, иногда даже выражая готовность усмотрѣть незаконное моральное давленіе тамъ, гдѣ его трудно было уловить, но настоятельнаго общественнаго интереса къ усиленію наказанія въ Германіи не замѣчалось. Само собою разумѣется, что заинтересованная сторона, когда возникали столкновенія изъ-за условій труда или величины заработковъ, всегда находила предъявляемыя къ ней требованія незаконными и кричала о злостныхъ продѣлкахъ противниковъ. Какъ только однако наступалъ миръ, страсти успокаивались, и многіе заводчики и фабриканты сами соглашались, что въ борьбѣ они плохіе судьи. Безпристрастныя же авторитетныя лица, публицисты, ученые и политики, полагали, что если со стороны массъ иногда и бываютъ попытки къ незаконнымъ поступкамъ, то лишь потому, что свобода коалиціи еще встрѣчаетъ на своемъ пути устарѣлыя преграды, мѣшающія распространенію въ Германіи столь же прочной организаціи труда, какой располагаетъ Англія въ своихъ трэдъ-юніонахъ. На такой точкѣ зрѣнія стоятъ и теперь не только кабинетные ученые, но и просвѣщенные администраторы и болѣе дальновидные фабриканты.

Прислушиваясь къ толкамъ о представленномъ только-что законопроектѣ, нельзя не замѣтить извѣстнаго смущенія въ рядахъ

защитниковъ существующаго порядка, даже тѣхъ изъ нихъ, которые отнюдь не отличаются сантиментальностью и отъ поры до времени заявляютъ о своей готовности пойти и на репрессивныя мѣры... Не произошла ли здѣсь обмолвка? — спрашивали они, прочитавъ содержаніе проекта, который за поступки, по дѣйствующему закону или вовсе ненаказуемые, или въ худшемъ случаѣ наказуемые трехъ-мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, грозилъ каторжной тюрьмой. Мыслимо ли, чтобы подобная мѣра допущена была союзнымъ совѣтомъ, и гдѣ тотъ рейхстагъ, который далъ бы ей свою санкцію?

Эта „Zuchthaus-Vorlage“ составляла уже ранѣе предметъ самыхъ оживленныхъ дебатовъ въ печати и народныхъ собраніяхъ. Прошло однако полгода съ открытія сессіи, никакихъ предложеній правительство не вносило, какъ вдругъ, къ самому концу занятій, на сцену выступаетъ проектъ въ 11 статей, снабженный довольно жидкими мотивами, и успокоившіяся страсти снова разгараются, вся политическая жизнь получаетъ необыкновенно бурный характеръ.

Одна вечерняя газета національ-либеральнаго направленія замѣтила, что, пробѣгая статьи новаго проекта, вы съ трудомъ находите, наконецъ, ту статью, отъ которой онъ получилъ свою кличку „каторжнаго законопроекта“. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 11-ти параграфовъ только въ одномъ встрѣчается страшная угроза цухтгаузомъ, и если вы внимательнѣе прочтете эту 8-ю статью, то должны будете согласиться съ тѣмъ же публицистомъ, что ее какъ-будто „за волосы“ притянули въ проектъ. Статья гласитъ, что „если вслѣдствіе стачки или массоваго удаленія рабочихъ (замѣчу мимоходомъ, что съ формальной стороны проектъ такъ составленъ, чтобы угрозы одинаково относились и къ рабочимъ, и къ хозяевамъ) нарушена будетъ безопасность имперіи или одного изъ союзныхъ государствъ, или наступитъ всеобщая опасность для человѣческой жизни и собственности, то виновные подвергаются наказанію до 5-ти лѣтъ каторжной тюрьмы“. Подобныхъ случаевъ однако въ дѣйствительности до сихъ поръ не было, да, наконецъ, въ общемъ уголовномъ уложеніи находится еще болѣе строгое наказаніе за попытки къ насильственному ниспроверженію существующаго порядка и за возмущеніе противъ государства, такъ что для такихъ чрезвычайныхъ случаевъ въ особой карѣ рѣшительно не было надобности.

Между тѣмъ, не будь совершенно безцѣльной угрозы каторгой,

весь проектъ не получилъ бы своего сенсаціоннаго значенія. Я не говорю, чтобы другія статьи были хороши, но онѣ далеко не такъ расходятся съ существующими законами: такъ, основная (1-я) статья предусматриваетъ за насильственныя мѣры противъ желающихъ работать тюремное заключеніе до одного года, вмѣсто нынѣшнихъ 3-хъ мѣсяцевъ, но допускаетъ замѣну, при смягчающихъ обстоятельствахъ, тюремнаго заключенія денежнымъ штрафомъ, чего нынѣшній законъ не разрѣшаетъ. Нѣкоторыя другія постановленія могутъ вызвать улыбку юриста: такова, напримѣръ, статья, причисляющая къ категоріи наказуемыхъ дѣяній выставленіе сторожевыхъ постовъ для предупрежденія пришлыхъ рабочихъ, что на данной фабрикѣ не работаютъ: юристы находятъ, что такая статья подводитъ подъ категорію преступленій дѣяніе, не заключающее въ себѣ ни малѣйшаго признака насилія, мотивы же къ проекту торжественно заявляютъ, что мирное соглашеніе прекратить работы—право всякаго нѣмецкаго гражданина. Я еще вернусь къ отдѣльнымъ постановленіямъ проекта, но пока скажу, что если все содержаніе его, за исключеніемъ 8-й статьи, производитъ впечатлѣніе, что гора родила мышь, то духъ, которымъ онъ проникнутъ, такъ рѣзко противорѣчитъ взглядамъ большинства парламента, что друзья правительства съ сокрушеніемъ предвидятъ повтореніе того же напраснаго возбужденія общества, какое Германія пережила уже раньше по сходному поводу.

LXXIV.

Берлинъ, 8-го іюня 1899 г.

У старыхъ журналистовъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, вкусъ къ парламентскимъ дѣламъ притупляется, они смотрятъ на дебаты часто такими же глазами, какъ театральный рецензентъ, которому изъ-за маленькой перемѣны въ инсценировкѣ, приходится видѣть старую и падоѣвшую пьесу. Каждый жестъ оратора знакомъ, и что̀ еще больше понижаетъ вниманіе, — зритель знаетъ финалъ борьбы, для него рѣдко бываютъ неожиданные драматическіе повороты и исходы. Я эгоистически радуюсь всякій разъ, когда замѣчаю у себя все еще не угасающій интересъ къ происходящимъ почти уже 10 лѣтъ на моихъ глазахъ турнирамъ въ рейхстагѣ, и въ наивномъ страхѣ или радости чувствую себя за-одно съ этими молодыми лицами на трибунѣ для публики, жадно ловящими каждое слово оратора. Не дай Богъ дожить до равнодушія, хотя это и заботы чужого народа.

Вопросъ, стоящій сегодня на очереди и привлекшій такую массу депутатовъ и публики, имѣетъ, кромѣ своего ближайшаго практическаго вліянія, еще высоко принципіальное значеніе для политика и экономиста. Чего добивается законодатель, выдвигая суровыя наказанія за проступки, которые онъ называетъ злоупотребленіемъ свободой коалиціи? Наказаній за насиліе, котораго никакое организованное общество не можетъ допустить? Но всякое насиліе уже карается уголовнымъ кодексомъ, и въ новыхъ угрозахъ не было надобности, тѣмъ болѣе, что германскіе суды, какъ признаютъ даже многіе юристы, въ подобныхъ вопросахъ проявляютъ больше суровости, чѣмъ нужно. Неудивительно, что въ обществѣ проектъ вызвалъ такое рѣзкое неодобреніе: не только „пролетаріи“, но и люди, какъ проф. Брентано, пасторъ Науманъ и сотни другихъ представителей „привилегированнаго“ класса, возстаютъ противъ проекта.

Президентъ произнесъ: „Мы переходимъ къ первому чтенію проекта „объ отношеніяхъ въ промысловомъ трудѣ“. Слово принадлежитъ имперскому канцлеру“. Глухимъ старческимъ голосомъ, кн. Гогенлоэ не-то произноситъ наизусть, не-то читаетъ необыкновенно длинный для него спичъ. Канцлеръ удивляется, отчего правительственное предложеніе вызвало столько возбужденія въ печати и обществѣ: вѣдь, оно, въ сущности, только повторяетъ попытку, сдѣланную восемь лѣтъ тому назадъ министромъ Берлепшемъ, который теперь, какъ извѣстно, въ большомъ фаворѣ у друзей прогрессивной соціальной политики... Терроризмъ стачечниковъ и агитаторовъ не имѣетъ ничего общаго съ защитою свободы, наоборотъ: задача правительства въ данномъ случаѣ именно и сводится къ огражденію свободной воли каждаго, не желающаго подчиняться профессіональнымъ пропагандистамъ. Если соціалъ-демократы подняли крикъ, то это ему, канцлеру, понятно и показываетъ только, что они предвидятъ отъ принятія строгихъ постановленій въ защиту свободы труда опасность для своихъ идей и своего успѣха у массъ; чего кн. Гогенлоэ однако не въ состояніи себѣ объяснить, это — безусловно отрицательной критики, встрѣченной проектомъ у нѣкоторыхъ партій, „не стремящихся ни къ республиканской формѣ правленія, ни къ коллективизму“.

Ораторъ останавливается, понуривъ голову и всѣмъ своимъ скорбнымъ видомъ свидѣтельствуя, что не легко, въ его годы, выдержать парламентскую атаку. До сихъ поръ всѣ, не исключая и крайней лѣвой, щадили безукоризненно приличнаго старца, но

тутъ страсти слишкомъ разгорѣлись, каждое слово вызываетъ протестъ, хотя присутствующіе и понимаютъ, что этому старику приходится нести отвѣтственность за другихъ... „Господа, — продолжаетъ кн. Гогенлоэ, когда въ залѣ стало тише,—будьте увѣрены, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія ограничить свободу коалицій, обѣимъ договаривающимся сторонамъ при наймѣ на работы и пріостановленіи ихъ дается попрежнему полная возможность сговариваться съ товарищами и соединяться. Коллективныя дѣйствія, если они не сопровождаются насиліемъ, попрежнему остаются правомъ нѣмецкихъ гражданъ... Я, все-таки, надѣюсь, что *если не теперь*, то въ близкомъ будущемъ правительству удастся добиться соглашенія съ рейхстагомъ относительно основныхъ положеній нынѣшняго проекта, имѣющихъ въ виду огражденіе свободы и интересовъ рабочаго класса“,—заканчиваетъ канцлеръ и съ тѣмъ же удрученнымъ видомъ опускается въ кресло.

Слѣдующій ораторъ, статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ графъ Позадовскій, лѣтъ на 25 моложе своего шефа и, очевидно, обладаетъ болѣе крѣпкими нервами. Его не смущаетъ ни ироническій смѣхъ противниковъ, ни вялость друзей, ни слабость нѣкоторыхъ аргументовъ, подготовленныхъ для него не очень бойкими чиновниками: громко и отчетливо раздается его голосъ по всей залѣ. Остановлюсь только на руководящихъ мысляхъ оратора. Что такое,— спрашиваетъ онъ,—свобода коалиціи, что такое свобода вообще? „Свобода, — поясняетъ ораторъ докторальнымъ тономъ,— это—не только право дѣлать что-нибудь, но и право не дѣлать чего-нибудь, и такъ какъ мы хотимъ оградить самостоятельное распоряженіе каждаго своимъ трудомъ и дать ему возможность не подчиняться терроризму, то мы, въ сущности, ограждаемъ народъ отъ вашего (обращаясь съ соціалъ-демократамъ) полицейскаго насилія!“ Министръ затѣмъ пространно объясняетъ, что онъ понимаетъ подъ полицейскимъ гнетомъ соціалъ-демократіи. Послѣдняя, по его мнѣнію, составляетъ теперь почти государство въ государствѣ и стремится овладѣть всѣми прерогативами власти, чтобы быть наготовѣ, когда государство будущаго „вростетъ въ настоящее“; у нея превосходно организованные союзы, отличная печать, собственная полиція, проникающая даже въ кабинеты министровъ: „мнѣ самому приходилось съ этимъ считаться, когда вы опубликовали одинъ изъ моихъ секретныхъ циркуляровъ,“—прибавляетъ Позадовскій. У нея и своя система налоговъ для кассы партій; теперь она желаетъ еще взять въ руки исполнительную власть, угрозами заставляя другихъ дѣ-

лать одно и не дѣлать другого, но это уже, во всякомъ случаѣ, привилегія государства.

Длинными цитатами, взятыми отчасти изъ соціалистической прессы, графъ Позадовскій стремится доказать, что въ предлагаемомъ правительственномъ проектѣ нѣтъ ничего чрезмѣрно грознаго. Знаменитый параграфъ, въ которомъ встрѣчаются слова „каторжная тюрьма“, онъ считаетъ, очевидно, не заслуживающимъ вниманія. Въ концѣ своей рѣчи министръ иронизируетъ надъ бюргерствомъ „громко кричавшемъ раньше о защитѣ, а теперь умоляющимъ не защищать его“, и выражаетъ надежду, что „серьезныя условія создадутъ и мужественныхъ гражданъ“.

„Слово принадлежитъ депутату Бебелю“,—заявляетъ президентъ. Сознаніе ли предстоящей легкой побѣды, когда имѣешь дѣло съ противникомъ, заранѣе отказавшимся отъ всякой надежды на успѣхъ, или это тоже вліяніе неумолимаго возраста, смягчающаго и самыя сильныя страсти, но Бебель сегодня не тотъ неистовый Роландъ, какимъ мы его видали въ прежніе годы. Въ противоположность Рихтеру, сила котораго—въ ѣдкой сатирѣ, Бебель прежде всего патетическій ораторъ: чѣмъ менѣе онъ подготовляется къ рѣчи, чѣмъ рѣже въ его рѣчахъ попадаются цифры и статьи законовъ, тѣмъ сильнѣе обыкновенно дѣйствіе его словъ на слушателей. Онъ имѣетъ предъ собой теперь огромный матеріалъ фактовъ, слишкомъ большой для того, чтобы двухчасовая рѣчь вся, сначала до конца, была конденсированнымъ „крикомъ возмущенія милліоновъ“, какими иногда бывали его филиппики въ рейхстагѣ.

Въ одномъ пунктѣ нельзя не согласиться съ княземъ Гогенлоэ,—такъ приблизительно началъ ораторъ: — мы дѣйствительно не были поражены этимъ проектомъ. Мы его ждали почти два года, съ тѣхъ поръ, какъ съ того мѣста, откуда исходитъ инициатива Zuchthaus-Vorlage, произнесена была фраза о „защитѣ желающихъ продолжать занятія“. Насъ скорѣе удивляло, что такъ долго пришлось ждать возвѣщенной защиты, но сегодня канцлеръ разъяснилъ, что это произошло вслѣдствіе „затрудненій“, которыя правительство встрѣтило при составленіи своего проекта. Подъ затрудненіями здѣсь можно понимать только сопротивленіе, встрѣченное Пруссіею со стороны нѣкоторыхъ союзныхъ правительствъ, которыя проявили больше благоразумія и самостоятельности, нежели отъ нихъ ожидали (*„Очень хорошо!“ — на лѣвой. Гр. Позадовскій отрицательно качаетъ головой.*) Безразлично, мы вѣдь во всемъ такъ существенно расходимся, что отношеніе того или другого правительства въ союзномъ

совѣтѣ мало мѣняетъ дѣло, и замѣтьте: расходимся не мы, крайніе, съ нынѣшнимъ обществомъ, а расходится все общество, весь народъ съ нынѣшнимъ правительствомъ. Если бы кн. Гогенлоэ имѣлъ лучшихъ совѣтниковъ, они не ввели бы его въ заблужденіе, будто моя партія страшится проекта, изъ чего канцлеръ заключаетъ, что правительство на вѣрномъ пути:—мнѣ за всю мою долгую политическую дѣятельность не приходилось встрѣчать такого единодушнаго протеста во всѣхъ слояхъ народа, какъ по поводу этого вашего проекта, для котораго слѣдовало бы предложить названіе: законопроектъ о содѣйствіи и поощреніи соціалъ-демократіи *(Смѣхъ и продолжительное „браво“)*. Сотни тысячъ трудящихся, не принадлежащихъ къ моимъ сторонникамъ,—клерикальные, либеральные, христіанско-евангелическіе и прочіе несоціалистическіе рабочіе—вотировали резолюціи, какъ двѣ капли воды похожія на тѣ, которыя мы принимали на нашихъ собраніяхъ. Меня нисколько не удивитъ, если благодаря нынѣшней попыткѣ моя партія пріобрѣтетъ массу новыхъ адептовъ“.

Остальная часть рѣчи Бебеля была посвящена ѣдкой критикѣ законопроекта и доказательствамъ его нецѣлесообразности съ точки зрѣнія интересовъ какъ промышленныхъ классовъ, такъ и вообще мирнаго внутренняго развитія страны.

„Два міровоззрѣнія стоятъ здѣсь другъ противъ друга: одно видитъ въ движеніи массъ только опасность, другое же смотритъ съ довѣріемъ на развитіе человѣчества, почерпнувъ изъ исторіи тотъ урокъ, что крайности у интеллигентнаго народа всегда исчезнутъ и молодое перебродитъ, было бы въ немъ только содержаніе. Я лично и большинство моихъ друзей ни въ чемъ такъ не убѣждены, какъ въ томъ, что для разумной борьбы съ ложными ученіями необходимо не закрывать глаза передъ дѣйствительными недостатками общественнаго порядка, не игнорировать причинъ, заставившихъ пролетаріатъ искать спасенія въ отрицаніи всего существующаго. Есть еще богатый капиталъ любви къ родинѣ и довѣрія къ монархіи, котораго не слѣдуетъ уничтожать драконовскими законами, вызывающими у неимущихъ представленіе, что государство создано только для того, чтобы не дать имъ подняться на высшую ступень. Вотъ почему мы высказываемся противъ принятія правительственнаго проекта и противъ передачи его въ коммиссію“...

Этотъ финалъ рѣчи одного изъ вождей національ-либераловъ, депутата Бассермана изъ Мангейма, даетъ понятіе о высотѣ, на

которую сегодня поднялись пренія по поводу Zuchthaus-Vorlage. Судьба проекта уже рѣшена, и передадутъ ли его въ коммиссію, или отвергнутъ въ общемъ засѣданіи—второстепенное дѣло, только споръ о похоронахъ; несравненно важнѣе, что на томъ отношеніи къ соціальному вопросу, которое Бассерманъ противопоставилъ политикѣ механическихъ мѣръ, сошлись партіи, въ другихъ вопросахъ общественной жизни имѣющія такъ мало точекъ соприкосновенія, какъ—націоналъ-либералы, свободомыслящіе и клерикалы. Здѣсь сказалась здоровая разсудочность народа, привыкшаго смотрѣть вещамъ прямо въ лицо, не судить по личнымъ вкусамъ, а считаться съ необходимостью.

„Вы видите правительственное предложеніе въ ложномъ свѣтѣ,—пытается возразить консерваторъ Левецовъ,—свободы коалиціи и мы не хотимъ трогать, но нельзя допустить насилія и принужденія, съ какой бы стороны они ни исходили,—отъ хозяевъ ли, или рабочихъ. Въ этомъ отношеніи правительство руководствовалось сознаніемъ равенства тѣхъ и другихъ и такъ формулировало наказанія, что ихъ одинаково должны примѣнять къ стачечникамъ-рабочимъ, прибѣгающимъ къ недозволенному терроризму, и къ непримиримымъ предпринимателямъ, оказывающимъ давленіе путемъ угрозъ на рабочихъ или другихъ хозяевъ. Какое же общество можетъ терпѣть произволъ?—спрашиваетъ ораторъ.—Я не говорю, что законъ весь хорошъ: отдѣльныя его статьи могутъ быть измѣнены или отвергнуты, но не отвергайте его en bloc, попытайтесь сговориться съ нами; можетъ-быть, окажется возможность согласовать наши взгляды, если вы только считаете нужнымъ принять мѣры противъ выходокъ, нарушающихъ свободу воли.“

Изъ консерваторовъ Левецовъ чуть не единственный, къ которому съ искреннимъ уваженіемъ относятся во всѣхъ партіяхъ, и даже соціалъ-демократы говорятъ о немъ, какъ о благородной и безукоризненно-честной натурѣ. Сегодня однако и ему, подобно старому канцлеру, приходится выслушать массу колкихъ замѣчаній: почти каждую фразу сопровождаютъ ироническимъ смѣхомъ и шумнымъ протестомъ. „Мы желали бы видѣть васъ въ лучшемъ обществѣ,“—кричатъ ему съ лѣвой, и въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ, завернутыхъ, по обыкновенію, въ цвѣты и комплименты, то же самое повторяетъ вождь центра, взошедшій на трибуну послѣ бывшаго президента. „Я прежде всего долженъ замѣтить нашему высоко-уважаемому Левецову, что высказываться противъ новыхъ наказаній за принужденія и угрозы при коалиціи и за-

щищать насиліе и угрозы—не одно и то же. Какъ ни грустно намъ вызвать у столь симпатичнаго коллеги представленіе о недостаточномъ развитіи у насъ чувства законности, но мы сумѣемъ нести эту грусть съ достоинствомъ и не откажемся вслѣдствіе того отъ своихъ убѣжденій. Кто, подобно Левецову и мнѣ, такъ долго принимаетъ участіе въ политической жизни, тому уже случалось выслушивать не одно злое обвиненіе, и онъ къ нимъ становится не скажу нечувствителенъ, но болѣе терпѣливъ. Я увѣренъ, что не только моя партія, но и всѣ партіи этого „высокаго дома“ одинаково осуждаютъ принужденія и угрозы, но развѣ у насъ нѣтъ уголовнаго уложенія? Зачѣмъ создавать спеціальныя и исключительныя наказанія, на практикѣ сводящіяся къ уничтоженію небольшой дозы свободы сговариваться, которую мы имѣемъ въ Германіи? Существующихъ законовъ, отвѣчаютъ правительство и консерваторы, недостаточно, что доказывается значительнымъ числомъ правонарушеній и наказаній при коалиціяхъ, „но вѣдь такимъ образомъ можно доказать, что девять десятыхъ всѣхъ статей уголовнаго уложенія нуждаются въ усиленіи болѣе суровыми карами потому, что ежедневно въ судахъ оказываются подсудимые, которые ихъ нарушили *(Смѣхъ и „браво!“ въ центрѣ и на лѣвой)*. Хуже всего,—продолжаетъ Либеръ,—что проектъ этотъ дѣйствительно носитъ всѣ черты исключительнаго закона противъ рабочихъ, хотя правительство и старалось внѣшнимъ образомъ соблюсти приличіе и упоминаетъ отъ поры до времени о возможныхъ прегрѣшеніяхъ хозяевъ. Это равенство, если бы мы приняли проектъ, останется только на бумагѣ, особенно въ виду склонности нашихъ судовъ примѣнять мягкія наказанія, почти исключительно денежные штрафы, къ провинившимся хозяевамъ и сурово карать за тѣ же правонарушенія бѣдняковъ. Мы видѣли въ послѣдніе годы приговоры, вопіющіе къ небу *(Бурное одобреніе на лѣвой. Звонокъ президента)*.

Президентъ, графъ Баллестремъ: Г. депутатъ, вы позволили себѣ обвинить германскіе суды въ вопіющей партійности. Я приглашаю васъ за это къ порядку!—Слова президента вызываютъ сенсацію и движеніе во всей залѣ, понятныя если вспомнимъ, что графъ Баллестремъ—членъ партіи, признающей въ Либерѣ своего перваго вождя. Вождь однако нисколько не обиженъ, и по окончаніи своей рѣчи онъ поднимается къ Баллестрему и жметъ ему руку. Президентъ рейхстага въ эти два бурные дня вообще пріобрѣлъ популярность своимъ тактомъ, безпристрастіемъ и юморомъ—послѣдняго у него совсѣмъ ужъ не подозрѣвали. Когда, напр., не-

смотря на всѣ звонки, соціалъ-демократы не переставали прерывать и осмѣивать министра Позадовскаго, президентъ произнесъ, обращаясь въ сторону крайней лѣвой: „Я требую, чтобы вы не прерывали министра, но обѣщаю, что, если министры или члены союзнаго совѣта станутъ прерывать васъ во время вашихъ рѣчей, я ихъ также приглашу вести себя тихо". Легко понять, въ какое веселое настроеніе привело всю залу мало вѣроятное предположеніе, что министры станутъ шумѣть. Недурна была и другая сентенція Баллестрема. Кто-то изъ депутатовъ позволилъ себѣ крикнуть „Pfui",—выраженіе, понятно, крайне не парламентское. Президентъ, однако, самъ много лѣтъ тому назадъ, сидя на скамьѣ центра, крикнулъ „Pfui" Бисмарку, требовавшему исключительныхъ законовъ противъ католиковъ, и вызвалъ тогда бурю, о которой старые парламентаріи и теперь еще вспоминаютъ. какъ объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ сценъ въ рейхстагѣ. Баллестремъ понимаетъ, что призывъ къ порядку съ его стороны теперь вызоветъ ироническіе возгласы, и потому встаетъ, звонитъ въ колокольчикъ и заявляетъ: „Pfui", какъ это установлено однимъ изъ моихъ предшественниковъ, не согласуется съ порядкомъ „высокаго дома".

Вернемся къ Либеру. „О принятіи проекта моей партіей,—продолжаетъ онъ,—не можетъ быть рѣчи, но было бы жаль оставить вопросъ о свободѣ коалицій не рѣшеннымъ, разъ его коснулись, правда, съ другой стороны": вы (къ правительству) взялись взнуздать лошадь, но сдѣлали это съ хвоста, мы попробуемъ взнуздать ее спереди. Насилія, давленіе на совѣсть и тому подобные поступки рабочихъ и хозяевъ, сопровождающіе у насъ всякую коалицію, дѣйствительно печальное явленіе, но оно происходитъ преимущественно отъ того, что ложное и устарѣлое законодательство о союзахъ и обществахъ не даетъ германскимъ рабочимъ возможности такъ прочно организоваться, какъ организованы, напр., англійскіе трэдъ-юніонисты. Постараемся создать дѣйствительную свободу коалиціи, а потомъ уже подумаемъ какъ устранить злоупотребленія ею". Вотъ почему ораторъ ничего не имѣетъ противъ передачи проекта въ коммиссію и обѣщаетъ представить свой проектъ, который скорѣе достигнетъ цѣли, потому что въ немъ не будетъ уродливаго хвоста каторги и напрасныхъ угрозъ.

Я уже указалъ на заявленіе національ-либерала Бассермана, что въ борьбѣ между интересами капитала и труда германская интеллигенція, хотя она и тѣсно связана по традиціямъ и личнымъ отношеніямъ съ предпринимателями, не желаетъ, однако, стать на почву

насилія и несправедливости. Кто видѣлъ сегодня представителя этой группы, уже по внѣшности ничего общаго не имѣющаго съ пролетаріемъ, безукоризненно корректнаго, избѣгающаго всякаго рѣзкаго слова, выросшаго въ привычкахъ и взглядахъ высшаго общества, — тому не нужно объяснять, что передъ нами политическій дѣятель, дорожащій не только пріобрѣтеніями культуры, но и всѣми основаніями существующаго порядка, не исключая арміи и флота.

„Имперскій канцлеръ выразилъ вчера удивленіе, что представленный правительствомъ проектъ вызвалъ энергическій отпоръ со стороны партій, стоящихъ за монархію и существующія государственныя учрежденія,—такъ началъ Бассерманъ. Если я сегодня, однако, заявлю наше полное несогласіе съ этимъ проектомъ, настолько полное, что большинство моихъ друзей выскажется за отклоненіе его a limine, безъ передачи въ коммиссію, то кн. Гогенлоэ можетъ быть увѣренъ, что мы отъ этого не стали ни менѣе убѣжденными монархистами, ни менѣе искренними противниками всякихъ коренныхъ измѣненій въ основахъ современнаго государственнаго и общественнаго порядка. Кн. Гогенлоэ самъ слишкомъ просвѣщенный человѣкъ, чтобы не допустить, что можно любить свое отечество и не соглашаться съ мѣрами, которыя стремятся яко бы къ его благу. Именно потому, что руководящимъ началомъ нашей дѣятельности служитъ желаніе видѣть Германію великой и счастливой, мы обязаны всѣми силами бороться противъ законодательныхъ попытокъ, подкапывающихся, по нашему искреннему убѣжденію, подъ корни національнаго благосостоянія, вносящихъ недовѣріе къ государству въ широкія массы народа и толкающихъ его на поступки, которые могутъ быть роковыми не только для того или другого класса населенія, но и для всей страны. Если бы мы уже не явились въ рейхстагъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ ложности предлагаемыхъ правительственныхъ мѣръ, наше отрицательное отношеніе къ проекту должно было бы окрѣпнуть при видѣ того, какъ слабы аргументы, представленные канцлеромъ и его помощникомъ. Отъ графа Позадовскаго можно было ожидать въ такихъ дебатахъ болѣе широкаго полета мысли, бо́льшаго воодушевленія. На меня онъ вчера произвелъ впечатлѣніе усталаго человѣка, потерявшаго надежду и выступающаго за проектъ, относительно котораго его собственное честное сердце и умъ, дисциплинированный соціально-политическимъ опытомъ, говорятъ ему: ты защищаешь неправое дѣло! *(Громкое одобреніе).*

„Во всей правительственной запискѣ и рѣчахъ, которыя мы слышали здѣсь въ защиту проекта, звучитъ въ разныхъ варіантахъ одинъ и тотъ же мотивъ: нужны мѣры противъ терроризма агитаторовъ и злоупотребленій свободой коалиціи. Я съ вами согласенъ, что нельзя допустить злоупотребленій, но это никогда не побудитъ меня одобрить мѣры, которыя, какъ у насъ выражаются, выбрасываютъ дитя вмѣстѣ съ грязной водой изъ ванны. И потомъ, что это за тактика, что это за политическая мудрость, которая для того, чтобы избавить рабочихъ отъ терроризма соціалъ-демократическихъ вождей, бросаетъ ихъ въ объятія соціалъ-демократіи? (*„Браво“ и громкое одобреніе на лѣвой; шумъ на правой*). Да, въ данномъ случаѣ я вынужденъ согласиться съ Бебелемъ, какъ ни противоположны наши идеи и какъ я ни убѣжденъ, что доля вины за подобные ошибочные эксперименты падаетъ на соціалъ-демократію: всякій мыслящій рабочій видитъ и долженъ видѣть въ свободѣ коалиціи драгоцѣннѣйшее свое право, и заставить его подумать что нынѣшнее общество и государство желаютъ отнять у него это право, значитъ — толкнуть милліоны рабочихъ, которые, слава Богу, еще не всѣ соціалъ-демократы, въ лагерь непримиримыхъ противниковъ нынѣшняго общества и государства (*Громкія одобренія у національ-либераловъ и въ центрѣ*). Вмѣсто того, чтобы, какъ нашъ вождь Беннигсенъ когда-то совѣтовалъ вамъ, отвести воду отъ соціалъ-демократической мельницы, направивъ теченіе разумными реформами въ спокойное русло, вы, напротивъ, прибавляете ей воды, вызывая у евангелическихъ, католическихъ и другихъ не-соціалистическихъ рабочихъ солидарность съ соціалъ-демократами въ ненависти и недовѣріи къ нашимъ учрежденіямъ. Одинъ такой проектъ больше содѣйствуетъ сплоченію радикальной рабочей партіи и преобладанію въ ней крайнихъ взглядовъ, чѣмъ тысячи брошюръ и рѣчей агитаторовъ. Мы съ радостью наблюдали, какъ въ послѣднее время фантазіи о государствѣ будущаго стали смѣняться идеями постепеннаго и медленнаго развитія существующаго, какъ старые лозунги, въ родѣ желѣзнаго закона заработной платы, теоріи обѣдненія массъ, даже основныя положенія ортодоксальнаго маркизма стали подвергаться критикѣ со стороны выдающихся представителей этой партіи. Всякій разъ однако, когда можно было ожидать практическихъ послѣдствій теоретическаго спора, наше правительство являлось съ какимъ-нибудь предложеніемъ, направленнымъ противъ интересовъ трудящихся. Одинъ разъ — то былъ исключительный законъ, Umsturz-Vorlage,

въ другой — у народа хотѣли отнять право собраній, теперь ему грозятъ упразднить свободу коалицій. Г. Бебель, у васъ дѣйствительно чертовское счастье! *(Смѣхъ и одобреніе).* Я не отрицаю, — продолжаетъ Бассерманъ, — что есть извѣстные круги предпринимателей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія этого проекта. Это—тѣ же круги, которымъ хотѣлось бы отнять у народа всеобщее избирательное право, и изъ которыхъ не перестаютъ натравливать и науськивать власть на злоумышленниковъ, не признающихъ стараго патріархальнаго порядка вѣнцомъ человѣческаго развитія. Печальныя идеи, печальное ремесло! Въ нашей партіи тоже сидятъ фабриканты и заводчики, и всѣ они солидарны со мной въ осужденіи этого проекта. Не забывайте, какое время мы переживаемъ: промышленность организуется въ картели и синдикаты, обладающіе огромными средствами, это—колоссальная сила. Присмотритесь, напримѣръ, къ возникшей теперь борьбѣ въ строительномъ производствѣ, гдѣ на стачку каменщиковъ хозяева отвѣтили прекращеніемъ всѣхъ работъ въ Берлинѣ,—говорятъ даже о предстоящемъ пріостановленіи построекъ во всей Германіи, чтобы сломить упорство рабочихъ,—какая здѣсь видна огромная власть, умѣющая коллективно отстаивать свои интересы! Какъ же вы хотите, чтобы мы связали руки тѣмъ бѣднякамъ, все богатство которыхъ въ этихъ рукахъ, которые въ одиночку совершенно безсильны? На два милліона соціалъ-демократовъ, — заканчиваетъ депутатъ, — есть еще 5 милліоновъ другихъ, не потерявшихъ къ намъ и нашимъ учрежденіямъ довѣрія. Если бы правительство знало настроеніе народа, оно поняло бы, что играетъ въ опасную игру; и чѣмъ скорѣе этотъ проектъ будетъ забытъ, тѣмъ лучше для порядка, который всѣ мы хотимъ ограждать". *(Долгіе и горячіе аплодисменты).*

LXXV.

Берлинъ, 10-го іюня 1899 г.

Въ статсъ-секретарѣ Бюловѣ, только-что возведенномъ императоромъ въ графское достоинство, правительство имѣетъ не только министра съ счастливой рукой, какъ выразился о немъ вчера Гербертъ Бисмаркъ, но и человѣка съ счастливымъ юморомъ, способнаго утѣшить своихъ коллегъ послѣ всѣхъ неудачъ въ злосчастной Zuchthaus-Vorlage. Люди, заботящіеся о престижѣ власти, свободнѣе вздохнули, когда въ промежуткѣ между дебатами о внутреннихъ дѣлахъ произошло обсужденіе новаго колоніальнаго договора съ Испаніей.

Насколько тамъ перевѣсъ былъ на сторонѣ рѣшительной оппозиціи, настолько здѣсь правительство стояло выше своихъ противниковъ. По существу оппозиція, можетъ быть, права и въ колоніальныхъ дебатахъ, но, во-первыхъ, она тутъ въ крайнемъ меньшинствѣ, и, во-вторыхъ, представителями ея были политики, не обладающіе ни особенной находчивостью, ни умѣньемъ приковывать вниманіе слушателей. Либкнехтъ дряхлъ и въ такихъ вопросахъ невѣроятно одностороненъ; Рихтеръ же, самый опасный врагъ правительства и въ колоніальныхъ дѣлахъ, лѣчитъ больное сердце въ Висбаденѣ. Сторонники замѣчательнаго вождя свободомыслящихъ опасаются, чтобы состояніе его не ухудшилось, когда онъ прочтетъ, какъ неудачно замѣнилъ его одинъ изъ его адъютантовъ, депутатъ Вимеръ, молодой человѣкъ, не безъ свѣдѣній и усердія, но совершенно непригодный для отвѣтственныхъ порученій. Бюлову нетрудно было справиться съ такимъ противникомъ. „Все, что вы сказали противъ пріобрѣтенія Каролинъ, такъ убѣдительно,—замѣтилъ министръ послѣ рѣчи Вимера,—что я еще раньше, чѣмъ вы произнесли свою сегодняшнюю рѣчь, протелеграфировалъ ее или, что одно и то же, ваши статьи изъ „Freisinnige Zeitung“ *(Смѣхъ)*, въ Мадридъ. Тамъ вы произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на кортесы, которые поспѣшили принять предложеніе объ уступкѣ намъ Каролинъ и Маріанъ, что только и требовалось *(Общій смѣхъ)*. Наша цѣль достигнута, зачѣмъ теперь напрасно тратить время и силы?“

Надо, однако, вернуться къ внутреннимъ дѣламъ. Такихъ оживленныхъ сценъ, столько огня и мысли я уже давно не запомню въ рейхстагѣ. „И это ваши флегматичные, спокойные нѣмцы?—спрашивалъ меня одинъ почтенный соотечественникъ, попавшій какъразъ теперь въ Берлинъ и котораго я взялъ съ собой на трибуну журналистовъ:—посмотрите, какое возбужденіе“... Гость мой, все же, потомъ согласился, что и охваченные волненіемъ нѣмецкіе парламентаріи прибѣгаютъ рѣже къ патетическимъ фразамъ, чѣмъ къ дѣйствительнымъ аргументамъ: здѣсь міровоззрѣнія ищутъ себѣ выраженія и идеи служатъ руководительницами въ практическихъ поступкахъ.

Читатель, слѣдившій за моими отчетами, можетъ быть, спроситъ: но гдѣ же защитники правительства, неужели всѣ доводы за проектъ почерпнуты въ рѣчахъ графа Позадовскаго и краткомъ заявленіи Левецова? Въ томъ-то, — отвѣчу я, — и замѣчательная сторона этихъ дебатовъ, что столь различныя политическія партіи, какъ клерикалы, націоналъ-либералы, свободомыслящіе, поляки,

вельфы, эльзасцы, южно-германскіе демократы, — о соціалъ-демократахъ, конечно, и говорить нечего,—всѣ сошлись на томъ, что правительство сдѣлало величайшій промахъ, представивши предъ рейхстагомъ съ подобными предложеніями, противорѣчащими правовому сознанію народа, несправедливыми и неумѣстными. Консерваторы устами Левецова выразили принципіальную готовность поддержать всякую полицейскую мѣру, но въ данномъ случаѣ они тоже хотѣли бы, чтобы ихъ лучше оставили въ покоѣ. Кто отъ всей души готовъ былъ защищать „каторжный“ проектъ, это—баронъ Штуммъ, но его, какъ и Рихтера, доктора услали лѣчиться. Въ отсутствіе Донъ-Кихота умирающаго патріархальнаго режима, роль его взялся исполнить Санхо-Панчо, какъ мѣтко назвалъ депутатъ крайней лѣвой Гейне биметаллиста и вольнаго консерватора Отто Арендта. Но что это была за буффонада! Каждая фраза невозможнаго оратора сопровождалась такимъ искреннимъ весельемъ залы, что подъ конецъ даже президентъ махнулъ рукой и не останавливалъ прерывающихъ. Сущность же рѣчи Арендта состояла въ томъ, что во всѣхъ нынѣшнихъ бѣдахъ виноватъ Каприви, не возобновившій исключительнаго закона 1878 г. и заключившій торговые трактаты.

Симпатичный контрастъ Арендту представляетъ умѣренно-либеральный, не принадлежащій ни къ какой партіи депутатъ Резике (такихъ outsiders въ рейхстагѣ, какъ извѣстно, называютъ „дикими“), уже давно защищающій въ парламентѣ тѣ идеи, къ которымъ теперь склоняются національ-либералы. Онъ самъ предприниматель и не какая-нибудь мелюзга, а тоже своего рода „король“ — первый берлинскій пивоваръ, мнѣніе котораго такъ же цѣнится его товарищами по профессіи, какъ и коллегами въ рейхстагѣ. Вы видите, это—уже не идеалистъ, которому Штуммъ и компанія могутъ бросить упрекъ, что онъ судитъ о промышленныхъ отношеніяхъ изъ окна своего кабинета. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда разгорѣлся знаменитый пивной бойкотъ, Резике стоялъ во главѣ пивоваренныхъ заводчиковъ: онъ тогда отстаивалъ всѣми законными средствами интересы своего сословія, но не забывалъ и въ борьбѣ, что его противники такіе же люди и такіе же граждане, какъ онъ и его союзники. „Опытъ жизни убѣдилъ меня, — говоритъ онъ,—что лучше имѣть дѣло съ разумными самостоятельными рабочими, стремящимися впередъ, чѣмъ съ тупой массой. Мы должны считаться съ пробудившимся чувствомъ самосознанія въ народѣ... Всякій добросовѣстный человѣкъ, знающій условія германской про-

мышленности, долженъ придти къ заключенію, что если мы сдѣлали въ послѣднее время колоссальные успѣхи, то улучшенія въ заработной платѣ не соотвѣтствуютъ, однако, увеличенію предпринимательской прибыли. Безспорно, что наши „руки“ имѣютъ право на участіе въ общемъ благосостояніи страны, и потому я смотрю на всякую мѣру, ставящую препятствія ихъ законнымъ требованіямъ, какъ на несправедливую и нарушающую гарантированное равенство всѣхъ предъ закономъ... Мы хотимъ защищать личную свободу,—увѣряетъ графъ Позадовскій. Но какая это защита свободы, которая для предупрежденія давленія и принужденія запрастъ въ тюрьму людей, пользующихся своимъ правомъ? Составители такихъ постановленій—ученики Штумма и заводчиковъ изъ Центральнаго союза. Я стыдился бы состоять депутатомъ, если бы рейхстагъ принялъ подобные жестокіе и ненужные законы“, — заявляетъ Резике при бурномъ одобреніи всей лѣвой и центра. Депутатъ коснулся происхожденія проекта и какъ тысячи другихъ, говорившихъ и писавшихъ о немъ, упомянулъ объ извѣстной рѣчи въ Эйнгаузенѣ. Президентъ останавливаетъ оратора замѣчаніемъ, что нельзя касаться такихъ рѣчей, точность которыхъ не удостовѣрена. „Г. президентъ,—отвѣчаетъ Резике,—рѣчь напечатана въ *Имперскомъ Указателѣ*“. „Въ такомъ случаѣ я беру свое замѣчаніе назадъ“,—заявляетъ графъ Баллестремъ, и Резике затѣмъ высказываетъ пожеланіе, чтобы совѣтники, отвѣтственные предъ парламентомъ, не забывали о конституціонныхъ обычаяхъ и находили въ себѣ мужество предупреждать и остерегать. Послѣ этихъ словъ министръ торговли и промышленности Брефельдъ, бюрократъ, всегда отличавшійся большой корректностью и скромностью, почувствовалъ потребность энергически протестовать противъ вовлеченія въ дебаты другихъ лицъ, кромѣ министровъ, чего не дѣлаютъ ни въ какомъ другомъ парламентѣ и что противорѣчитъ обычаямъ цивилизованной націи. По существу вопроса министръ заявляетъ, что центръ тяжести правительственной дѣятельности по-прежнему лежитъ въ мѣрахъ, направленныхъ ко благу рабочихъ. „Я не могу понять, что такого ужаснаго въ предписаніяхъ проекта, если даже согласиться, что онъ имѣетъ въ виду преимущественно прегрѣшенія, совершаемыя не хозяевами, а рабочими? Вѣдь нельзя же отрицать, что произвольныя и легкомысленныя пріостановки занятій вредятъ всему государству и обществу. Свобода коалицій — важная статья, но еще важнѣе—свобода личности. Та часть рабочаго населенія, ко-

торая негодуетъ на всякую попытку ввести наказанія за злоупотребленія и насилія, стремится не къ равенству: она хочетъ господства, осуществленія извѣстной формулы — „всѣ колеса останавливаются, если того желаетъ твоя сильная рука“. Министръ все-таки надѣется, что рейхстагъ выскажется за передачу проекта въ коммиссію.

Президентъ далъ Брефельду договорить до конца, останавливая лишь отъ поры до времени крайнюю лѣвую, когда та прерывала оратора. Едва однако министръ кончилъ, какъ раздался звонъ колокольчика; графъ Баллестремъ поднялся съ своего кресла, и при наступившей тишинѣ голосъ его громко и отчетливо раздается по всей залѣ: „Г. министръ въ началѣ своей рѣчи счелъ умѣстнымъ сдѣлать замѣчаніе депутату, слова котораго уже дали поводъ къ моему замѣчанію. Поступокъ г. министра не соотвѣтствуетъ тому, что до сихъ поръ имѣло мѣсто въ отношеніяхъ высокоуважаемыхъ членовъ союзнаго совѣта къ рейхстагу, и вызываетъ у меня чувство живѣйшаго сожалѣнія, такъ какъ подобный образъ дѣйствій способенъ затруднить обязанности президента и понизить его положеніе въ Высокомъ Домѣ“. Этотъ короткій спичъ, въ которомъ каждое слово было замѣчательно подобрано, вызываетъ сенсацію; депутаты вскакиваютъ съ мѣстъ и направляются къ президенту, и черезъ нѣсколько секундъ рейхстагъ оглашается бурными, долго несмолкающими кликами сочувствія и одобренія. Даже соціалъ-демократы, одно время очень раздраженные строгостью Баллестрема, заявляютъ, что въ такихъ рукахъ достоинство рейхстага не пострадаетъ. Министръ Брефельдъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ. Роль Роона, ударившаго въ 60-хъ годахъ кулакомъ по столу и крикнувшаго президенту: „я не позволю вамъ дѣлать мнѣ замѣчанія, ваша власть прекращается у этого стола“, — Брефельду не по плечу. Наконецъ, онъ проситъ слова, и заявляетъ, что онъ далекъ былъ отъ мысли — коснуться прерогативъ президента, и еще менѣе онъ желалъ унизить его положеніе. „Я считаю себя однако въ правѣ выразить сожалѣніе по поводу отклоненія отъ обычаевъ, принятыхъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ“,—прибавляетъ министръ. Графъ Баллестремъ снова встаетъ, звонитъ и провозглашаетъ сухо и коротко: „Остаемся при томъ, что я уже сказалъ г. министру“... И снова зала оглашается бурными криками: „браво, президентъ!“ Одни консерваторы угрюмо молчатъ, что однако не мѣшаетъ потомъ Левецову выразить отъ имени всего рейхстага, какъ это принято передъ вакаціями, благодарность графу

Баллестрему, такъ „умѣло, достойно и энергично руководившему занятіями парламента".

Министру возражалъ депутатъ Гейне — одинъ изъ лучшихъ ораторовъ рѣшительной оппозиціи, въ средѣ которой его когда-то за патріотическіе и военные аллюры звали der Kanonen-Heine (пушечнымъ); теперь онъ у своей партіи въ большомъ фаворѣ, и недаромъ: какъ защитникъ въ громкихъ процессахъ и какъ ораторъ въ рейхстагѣ онъ настолько выдвинулся, что даже статсъ-секретарь юстиціи, возражая ему, счелъ нужнымъ сдѣлать комплиментъ выдающимся юридическимъ познаніямъ и таланту своего противника. Наиболѣе сильное впечатлѣніе произвелъ его анализъ содержанія объяснительной записки къ проекту, въ которой, дѣйствительно, много вздора; напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, въ числѣ прегрѣшеній при коалиціяхъ, приводится сообщеніе изъ какого-то фабричнаго города, что стачечники не желали танцовать съ дочерьми не примкнувшихъ къ нимъ товарищей. „Въ 1813 г., когда нѣмецкій народъ поднялся противъ Наполеона, Кернеръ совѣтовалъ нѣмецкимъ дѣвушкамъ не цѣловать молодыхъ людей, забывающихъ о долгѣ предъ отечествомъ. А теперь нѣмецкій юноша, — иронизируетъ Гейне, — который не хочетъ цѣловать дѣвушки изъ семьи, нарушающей интересы его класса, подлежитъ уголовному преслѣдованію.

Однако надо кончить. Какъ вы уже знаете изъ телеграммъ, проектъ правительства не удостоился даже приличныхъ похоронъ: рейхстагъ отклонилъ подавляющимъ большинствомъ предложеніе о передачѣ его въ коммиссію; очевидно, большинство желало устранить всякую мысль о возможности компромисса на почвѣ механическихъ мѣръ. Сессія формально не закрыта, она отсрочена до 14-го ноября, но фактически законодательный періодъ кончился, и ему уже подводятъ итоги. Несмотря на массу отрицательной работы, заключающейся въ отклоненіи неудачныхъ проектовъ, у парламента въ балансѣ окажется немало и положительнаго.

LXXVI.

Берлинъ, 24-го іюня 1899 г.

Когда въ политикѣ наступаетъ затишье: рейхстагъ закрываетъ свои двери, министры разъѣзжаются и императоръ плаваетъ у норвежскихъ береговъ, — въ Берлинъ на нѣсколько дней съѣзжается сотня почтенныхъ старцевъ, одушевленныхъ самыми чистыми намѣреніями. Они хотятъ спасти государство. Всю зиму эти пред-

ставители старой Пруссіи сидѣли въ своихъ помѣстьяхъ и грустно качали головами, читая въ „Kreuzzeitung“ парламентскіе отчеты. Несомнѣнно, свѣтъ идетъ на-выворотъ, ядъ демократіи проникаетъ во всѣ учрежденія, и дерзость плебеевъ не знаетъ уже границъ. Пора положить этому конецъ.

Вы догадываетесь, что я говорю о прусской палатѣ господъ, извѣстной подъ непочтительнымъ прозвищемъ „музея политическихъ реликвій.“ Непочтительны не только демократы: есть много политиковъ и публицистовъ самаго умѣреннаго направленія, считающихъ прусскую верхнюю палату—лишней спицей въ государственной колесницѣ. Историкъ Трейчке, безукоризненный патріотъ, замѣтилъ однажды, что происхожденіе палаты связано съ воспоминаніями, отъ которыхъ всякому истинному патріоту становится стыдно до боли: „Это дряхлое учрежденіе, въ которомъ напрасно было бы пытаться что-нибудь поправить, потому что оно насквозь гнило, оскорбляетъ гордость нашей націи и бьетъ въ лицо всѣмъ правовымъ воззрѣніямъ нашего вѣка. Никогда еще, съ тѣхъ поръ какъ Пруссія стала великой державой, торжествующая реакція не воспользовалась такъ недобросовѣстно своей силой, какъ въ 1854 г., при организаціи герренъ-гауза на принципѣ сословныхъ привилегій помѣстнаго юнкерства“. И такимъ герренъ-гаузъ остался до сихъ поръ.

Большого практическаго значенія демонстраціи пэровъ не имѣютъ, тѣмъ не менѣе они не устаютъ протестовать. Однажды верхняя палата выразила свое негодованіе рейхстагу за отклоненіе военнаго септената Бисмарка, въ другой разъ она высказалась за отмѣну всеобщаго избирательнаго права, въ третій—противъ свободы науки вообще и политической экономіи въ особенности. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что теперь пэры ощутили потребность выразить свое сочувствіе иниціаторамъ извѣстнаго проекта о коаліціяхъ, отвергнутаго рейхстагомъ. Само правительство однако такъ мало возлагаетъ надеждъ на поддержку палаты господъ, что послало туда лишь министра торговли Брефельда, ограничившагося нѣсколькими благодарственными фразами за добрыя чувства. Я не упоминалъ бы вовсе объ этомъ эпизодѣ, если бы ему не придало интересъ появленіе на трибунѣ новаго пэра — проф. Шмоллера, только-что назначеннаго представителемъ отъ берлинскаго университета въ палатѣ. Городскіе головы и профессора составляютъ еще оазисы въ этой умственной пустынѣ.

„Состоя всего нѣсколько дней членомъ этого высокаго собра-

нія, я бы по другому поводу не позволилъ себѣ утруждать васъ изложеніемъ своихъ мнѣній,—такъ началъ Шмоллеръ свою „дѣвственную“ рѣчь въ палатѣ господъ,—но молчаніе въ такомъ вопросѣ было бы съ моей стороны равносильно измѣнѣ. Кто около 30-ти лѣтъ принимаетъ столь дѣятельное участіе въ экономической и соціально-политической борьбѣ, тотъ теперь не въ правѣ скрывать своего мнѣнія. Прибавлю для лицъ, которые меня не знаютъ, что мѣсто мое среди соціалъ-политиковъ—на правой сторонѣ: въ вопросѣ о коалиціяхъ я вполнѣ раздѣляю взглядъ Родбертуса, замѣтившаго, что черезъ сто лѣтъ, вѣроятно, признаютъ безумнымъ то государство, которое пассивно относиться къ пріостановленію работъ на продолжительное время, что равносильно потерѣ производительныхъ силъ и богатства страны. И тѣмъ не менѣе,—спросите вы,—я все-таки высказываюсь противъ правительственнаго проекта? Да, я стою на точкѣ зрѣнія большинства рейхстага, противъ котораго графъ Мирбахъ предлагаетъ палатѣ господъ высказаться; я стою на ней, увѣренный, что она согласуется съ консерватизмомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, съ преданностью монархіи и желаніемъ оградить нашъ порядокъ отъ потрясеній. Вы поймете это, когда вспомните, кому мы главнымъ образомъ обязаны провозглашеніемъ свободы коалицій? Прежде всего консерваторамъ, наиболѣе дальновидные политики которыхъ, какъ Бланкенбургъ и Германъ Вагенеръ, въ 60-хъ годахъ поняли, что государство не должно быть пристрастнымъ. Хороша или не хороша свобода коалицій, но въ странѣ съ развитой промышленностью, основанной на свободѣ конкуренціи, нельзя предоставлять просторъ всѣмъ торговцамъ и связывать въ то же время руки продавцамъ одного только товара—труда. Консерваторы 60-хъ и 70-хъ годовъ оставались послѣдователями традицій прусской монархіи, той народной политики, которая создала славу Гогенцоллерновъ и геніальнымъ представителемъ которой былъ Фридрихъ Великій. Я знаю акты изъ эпохи Фридриха,—прибавляетъ ораторъ,—чуть ли не отъ перваго до послѣдняго, и могу васъ увѣрить, что ничто такъ не заботило короля, какъ укрѣпленіе въ массахъ убѣжденія, что государство въ такой же мѣрѣ заботится о низшихъ, какъ о высшихъ, о бѣдныхъ не менѣе, чѣмъ о богатыхъ. Фридрихъ для этого не останавливался предъ явной несправедливостью; напримѣръ, въ извѣстномъ процессѣ фонъ-Гердорфа съ мельникомъ Арнольдомъ баронъ былъ безусловно правъ, но король высказался за мельника“. Что касается сущности постановленій проекта, то о нихъ можно ска-

рить, съ нѣкоторыми, пожалуй, даже согласиться, если бы весь проектъ, не носилъ чисто репрессивнаго характера и не направленъ былъ противъ одной изъ договаривающихся сторонъ. Шмоллеръ присоединяется къ мнѣнію вождя центра Либера: прежде всего нужны положительныя мѣры, содѣйствующія организаціи труда, а потомъ только можно будетъ бесѣдовать о наказаніяхъ за злоупотребленія коалиціей.

Баронъ Мантейфель отвѣчалъ знаменитому экономисту въ томъ пронческомъ и слегка-пренебрежительномъ тонѣ, въ какомъ старые гвардейскіе полковники говорятъ съ гелертерами. Впрочемъ, исхода голосованія не измѣнили бы и самыя пламенныя и рѣшительныя рѣчи. Любопытно, что изъ наслѣдственныхъ членовъ палаты противъ правительства голосовали ландграфъ Гессенскій, графъ Гутенъ-Чапскій и графъ Бернсторфъ; къ нимъ присоединились президентъ имперскаго банка Кохъ, оберъ-бургомистры городовъ и представители университетовъ и высшихъ техническихъ школъ.

Черезъ мѣсяцъ комитету изъ политиковъ и кооператоровъ, который уже много лѣтъ тому назадъ основался подъ предсѣдательствомъ Вирхова, удастся наконецъ осуществить свою задачу: поставить памятникъ отцу ассоціаціоннаго движенія въ Германіи, Герману Шульце изъ Делича. Въ центрѣ ремесленнаго и торговаго Берлина, сравнительно далеко отъ фешенебельныхъ улицъ столицы, нашлось мѣстечко для бронзоваго изображенія добродушнаго Шульце.

У всѣхъ въ памяти саркастическая и пренебрежительная характеристика Шульце-Делича, сдѣланная Лассалемъ въ „Herr Bastiat“. Чего однако не говорятъ и не пишутъ въ періодъ горячихъ схватокъ! Правда, экономическимъ геніемъ, которому бы удалось „разрѣшить соціальный вопросъ“, Шульце былъ такъ же мало, какъ и великимъ политикомъ; но тѣмъ не менѣе это былъ честный защитникъ народныхъ интересовъ и въ парламентѣ, и въ сначала невидной, а затѣмъ все болѣе разроставшейся организаціи товариществъ, которая составляетъ величайшую его заслугу. Въ прусской палатѣ 1848 г. молодой судья изъ Делича добросовѣстно отстаивалъ права народа на участіе въ законодательствѣ, и, когда правительство Фридриха-Вильгельма IV произвольно нарушило конституцію, Шульце подписалъ извѣстное воззваніе объ отказѣ уплачивать налоги, за которое его и 42-хъ товарищей-депутатовъ предали суду. Присяжные оправдали депутатовъ, но министерство

юстиціи стало преслѣдовать Шульце домашними средствами и добилось-таки его выхода въ отставку. Впослѣдствіи, когда онъ уже прославился въ качествѣ организатора ассоціацій, Шульце-Деличъ сталъ однимъ изъ учредителей прогрессистской партіи, въ комитетѣ которой онъ засѣдалъ много лѣтъ вмѣстѣ съ Вирховымъ, Моммзеномъ, Вернеромъ Сименсомъ, Евгеніемъ Рихтеромъ. Въ эпоху конфликта Бисмарка съ парламентомъ 60-хъ годовъ Шульце принадлежалъ къ рѣшительной оппозиціи и въ рейхстагѣ объединенной имперіи оставался человѣкомъ 40-хъ годовъ. Реакціонеры не безъ основанія отказывались отвести Шульце видную берлинскую площадь, но совсѣмъ запретить постановку памятника и они не рѣшились. Министры даже пошлютъ своихъ директоровъ департаментовъ на торжество открытія. Будутъ присутствовать на торжествѣ и представители радикальныхъ рабочихъ: въ числѣ депутатовъ на юбилейномъ съѣздѣ кооператоровъ по случаю постановки памятника, находится и депутатъ Эльмъ, сидящій въ рейхстагѣ на одной скамьѣ съ Бебелемъ. Это самая яркая иллюстрація перемѣны въ воззрѣніяхъ, совершившейся за 35 лѣтъ, которыя прошли со времени полемики Лассаля съ Шульце-Деличемъ. Само-собою разумѣется, что и теперь крайняя лѣвая не считаетъ Шульце геніемъ и его ассоціацій—альфой и омегой соціальной политики, но опытъ жизни научилъ цѣнить огромное значеніе товарищескаго взаимодѣйствія и самопомощи. Органъ, во главѣ котораго стоитъ старикъ Либкнехтъ, считаетъ даже рабочихъ болѣе прямыми наслѣдниками Шульце, чѣмъ мѣщанъ и ремесленниковъ-хозяевъ, до сихъ поръ извлекавшихъ наибольшую выгоду отъ товарищескаго кредита, устраненія купцовъ-посредниковъ, совмѣстной закупки сырья, общей продажи продуктовъ и т. п.

Переворотъ во взглядахъ вождей промышленнаго пролетаріата стоитъ въ связи со сложными внутренними условіями народнаго хозяйства и общественной жизни; отчасти его можно себѣ объяснить, увидѣвши, какую живую силу представляютъ теперь ассоціаціи въ Германіи. Въ 1849 г., на первомъ съѣздѣ товариществъ, который долженъ былъ состояться въ Веймарѣ, потому что въ Дрезденѣ, гдѣ Шульце-Деличъ предполагалъ собрать делегатовъ, саксонское правительство нашло его затѣю опасной, — на этомъ первомъ съѣздѣ нѣмецкій апостолъ ассоціацій съ гордостью заявилъ, что союзъ насчитываетъ уже *сто* товариществъ. Теперь ихъ *семнадцать тысячъ*... Правда, не всѣ примыкаютъ къ учрежденному Шульце Verband'у (союзу), но всѣ болѣе или менѣе обязаны

ему своимъ возникновеніемъ, организаціей, лежащей въ ихъ идеѣ. Изъ чисто шульце-деличевскихъ товариществъ 862 кредитныхъ ассоціаціи владѣютъ собственнымъ капиталомъ въ 160 милліоновъ и, при полумилліонѣ членовъ, выдали изъ своихъ и полученныхъ по дешевому проценту чужихъ денегъ въ 1898 г. почти *два милліарда* ссудъ. Подумайте, что это за колоссальная цифра для союзовъ, участники которыхъ — ремесленники, мѣщане, крестьяне, сколько тутъ сбереженнаго труда бѣдняковъ и спасенныхъ грошей почти нищихъ. Въ другихъ сферахъ ассоціаціи не дали тѣхъ результатовъ, какихъ ожидалъ ихъ основатель, мечтавшій о производительныхъ товариществахъ, какъ о завершеніи своего дѣла: въ этомъ случаѣ онъ былъ вѣрнымъ ученикомъ своихъ англійскихъ учителей. Даже потребительныя товарищества, хотя имѣли 431,000 членовъ, 92 милліона оборотовъ и 10 милліоновъ барыша, не стоятъ на высотѣ, которая соотвѣтствовала бы умственному развитію народа; еще менѣе можно считать успѣшной дѣятельность строительныхъ товариществъ, соорудившихъ въ истекшемъ году 182 дома съ 1,400 квартирами. Это — капля въ морѣ для страны съ 52-мя милліонами населенія и гдѣ нѣтъ неграмотныхъ. Но что не удалось до сихъ поръ, еще можетъ быть осуществлено въ будущемъ.

LXXVII.

Берлинъ, 16-го августа 1899 г.

„У меня съ самаго начала сердце не лежало къ этимъ празднествамъ. Развѣ можно испытывать чистую радость при столь удручающихъ общественныхъ условіяхъ, вызывающихъ настроеніе отнюдь не праздничное? Утѣшаетъ меня только надежда, что дѣти наши будутъ чествовать память Гёте при иномъ строѣ, когда на нынѣшнія наши страданія уже можно будетъ смотрѣть со спокойной улыбкой“...

Это писалъ 50 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Гёте и горячій его поклонникъ, Фарнагенъ фонъ-Энзе. Самъ уже старикъ, свидѣтель войны за освобожденіе и участникъ вѣнскаго конгресса, Фарнагенъ вмѣстѣ съ молодой Германіей пережилъ эпоху меттерниховскаго произвола, преслѣдованія печати, попытки задушить самостоятельныя стремленія научной и общественной мысли, однимъ словомъ — всю массу глупости и недобросовѣстности, которая заставляла умнаго нѣмецкаго патріота усомниться, есть ли у его родины будущее. Многіе не утѣшались даже

надеждой, что когда-нибудь кончится страшная ночь, что возможенъ разсвѣтъ. Но вотъ наступили февральскіе дни въ Парижѣ, и весь западный міръ былъ сотрясенъ въ своихъ основаніяхъ. Могучимъ эхо призывъ къ братству и солидарности отозвался въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Меттерниховскій строй рухнулъ, какъ карточный домикъ. Нѣмцы сами изумились, какъ въ сущности пуста и гнила была та сила, которой они подчинялись. Только читая литературу того времени, вы получаете ясное представленіе о радости, охватившей общество, но понимаете также, что за отчаяніе должно было наступить затѣмъ, когда „весна народовъ“ оказалась только преходящимъ моментомъ и реакція снова подняла голову. Всѣ надежды представлялись неисполнимыми мечтами, внутри страны дѣятели только-что пережитыхъ событій подвергались гоненіямъ, а слуги стараго порядка возвращались на насиженныя мѣста. И въ это время, послѣ распущенія франкфуртскаго парламента, подавленія движенія въ Баденѣ и жестокаго осужденія выдающихся патріотовъ, въ родѣ Готфрида Кинкеля, появляется воззваніе—чествовать столѣтіе великаго писателя. Самая мысль о празднествѣ казалась насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ, оно было еще тѣмъ антипатичнѣе, что инціаторы воззванія какъ-будто обращались къ тѣни Гёте, чтобы его олимпійское величіе смирило духъ строптивости и санкціонировало торжество стараго надъ порывами „безумнаго“ года. Если у наблюдателей, какъ Фарнагенъ или Гумбольдтъ, сердце не лежало къ юбилеямъ, то у страстныхъ и измученныхъ бойцовъ новаго поколѣнія сама гармоничность и универсальность въ поэзіи Гёте вызывали злобное чувство. Бываютъ періоды въ жизни людей и народовъ, когда уравновѣшенное спокойствіе кажется несноснымъ. Другое дѣло Шиллеръ, съ его патетическимъ призывомъ къ свободѣ и ненавистью къ рабству: 10 лѣтъ спустя то же поколѣніе нѣмцевъ съ восторгомъ праздновало столѣтіе его рожденія; это былъ такой взрывъ энтузіазма, какого на литературномъ празднествѣ не видали въ Германіи. Правда, въ шиллеровскомъ юбилеѣ сказался могущественный политическій элементъ, обнаружились національныя и общественныя стремленія народа, понявшаго смыслъ весны 48-го года.

Полвѣка прошло недаромъ для литературнаго и соціальнаго развитія Германіи. Черты феодализма, попадающіяся еще въ государственной жизни, не мѣшаютъ гражданину громко выражать свои мнѣнія и въ союзѣ съ другими, при помощи печати, собраній

и парламента, добиваться осуществленія своихъ идеаловъ. Но нужно больше прибѣгать къ юбилеямъ писателей, чтобы высказать свободное слово, дать выходъ накопившимся въ душѣ мукамъ. Чѣмъ больше страна прогрессируетъ въ культурѣ и самодѣятельности, тѣмъ чище и свободнѣе отъ тенденціозныхъ мотивовъ становится и отношеніе ея къ литературнымъ заслугамъ. Это съ особенной силою испыталъ на себѣ Гёте: сознаніе его истинной геніальности съ каждымъ годомъ растетъ въ Германіи, захватывая большіе круги націи, которымъ не только „Фаустъ“ былъ раньше слишкомъ глубокъ, но и самъ поэтъ казался холоднымъ пѣвцомъ красоты и представителемъ культуры меньшинства. Аристократизмъ Гёте не мѣшаетъ больше демократіи черпать высокое наслажденіе въ его образахъ и чувствовать себя за одно съ нимъ въ исканіи правды.

Казалось естественнымъ, что нѣмцы конца вѣка, который многіе даже называютъ вѣкомъ Гёте, захотятъ загладить невольный грѣхъ отцовъ и создадутъ изъ 150-ти-лѣтія, хотя это и не настоящій юбилейный годъ, всенародное торжество. Въ дѣйствительности такой характеръ приняли празднества только во Франкфуртѣ-на-Майнѣ: въ остальной Германіи ограничились чтеніями въ школахъ, собраніями, украшеніемъ цвѣтами памятниковъ поэта. Слишкомъ мало, — повторяютъ поклонники его музы, — и въ десяткахъ статей, посвященныхъ юбилею (кажется, не было газеты, которая не посвятила бы описанію жизни великаго поэта и характеристикѣ его значенія большей части воскреснаго нумера), высказываются упреки государству, общественному самоуправленію и литературнымъ обществамъ за то, что они не сумѣли достойно почтить дорогую память. Я вспоминаю однако о своемъ первомъ посѣщеніи Веймара, гдѣ каждый камень говоритъ, что это—городъ Гёте; предъ глазами у меня домъ на Фрауэнъ-плацѣ, оберегаемый какъ національная святыня, и этотъ великолѣпный „архивъ Гёте и Шиллера“, въ которомъ собрано почти все, что имѣетъ отношеніе къ творчеству и эпохѣ великихъ писателей Германіи. Съ какимъ благоговѣніемъ интеллигентные нѣмцы присутствуютъ на годичныхъ собраніяхъ Общества Гёте, сколько тысячъ томовъ посвящено изслѣдованіямъ о поэтѣ и объ его твореніяхъ! Много тутъ посредственной работы кропотливыхъ Вагнеровъ, но и масса цѣнныхъ мыслей. Во всякомъ случаѣ, жаловаться на недостатокъ вниманія къ памяти Гёте, если даже 150-тилѣтіе его рожденія не стало всеобщимъ праздникомъ, не приходится. Когда вы видите въ Веймарѣ и Франкфуртѣ, что безъ всякихъ юбилеевъ изо дня въ день хра-

нять, чтутъ и умножаютъ всѣ реликвіи Гёте, начиная съ дома, гдѣ онъ родился, и кончая занавѣской, которую онъ просилъ поднять передъ смертью, желая „больше свѣта“, вамъ становится смѣшнымъ кичливое самодовольство нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ: мы на славу отпраздновали столѣтіе нашего Пушкина,— сегодня при мнѣ хвасталъ проѣзжій россіянинъ, — а нѣмцы ахъ какъ мизерно чествуютъ Гёте!...

Если бы нашего довольнаго соотечественника послать на день во Франкфуртъ, онъ, вѣроятно, широко раскрылъ бы глаза: *такъ* устраивать праздники у насъ вообще не умѣютъ. Весь городъ, начиная съ вокзала, на которомъ среди флаговъ и растеній красовался транспарантъ съ инціалами Гёте и годами: 1749—1899, и кончая отдаленнѣйшими рабочими кварталами, превратился въ сплошной садъ. Не было дома, на которомъ не появилось бы гирляндъ, ковровъ, флаговъ, лампіоновъ. Площадь Гёте представляла необыкновенно красивую картину: надъ памятникомъ своему величайшему сыну городъ воздвигъ огромную бесѣдку съ куполомъ, куда проведены были электрическія лампочки, такъ что вечеромъ, когда площадь, убранная золочеными канделябрами, перевитыми цвѣтами, залилась свѣтомъ, статуя предстала въ сіяніи тысячи разноцвѣтныхъ огней. Все населеніе было на ногахъ, чтобы видѣть факель-цугъ, въ которомъ участвовали представители нѣмецкихъ университетовъ, школъ, ремесленныхъ союзовъ, рабочихъ ферейновъ, множества обществъ и корпорацій. Церковь св. Павла, гдѣ когда-то засѣдалъ первый германскій парламентъ, заблистала въ разноцвѣтныхъ огняхъ, и электрическія лампочки засвѣтились во всѣхъ окнахъ. Въ воскресенье днемъ величественная процессія съ бургомистромъ во главѣ направилась къ памятнику поэта; болѣе 300 депутацій клали вѣнки, соединенные хоры пѣвческихъ обществъ и городскихъ оркестровъ исполняли кантаты въ честь Гёте и десятки тысячъ народа, запрудившіе площадь и прилегающія къ ней улицы, бурно привѣтствовали делегатовъ. Я не говорю уже о парадныхъ спектакляхъ, торжествахъ въ школахъ, музыкальномъ утрѣ въ ипподромѣ, гдѣ нашлось мѣсто для 5,000 человѣкъ всѣхъ сословій, благоговѣйно слушавшихъ музыку Бетховена, Мендельсона и Вагнера на слова Гёте. Франкфуртъ не пожалѣлъ средствъ и усилій, чтобы показать себя достойнымъ своего славнаго прошлаго, и проф. Эрихъ Шмидтъ, главный ораторъ на литературномъ утрѣ, устроенномъ Hochstift'омъ (хранителемъ дома, гдѣ Гёте родился), имѣлъ право сказать, что Гейне теперь

не повторилъ бы своихъ словъ о франкфуртцахъ: „Гёте принадлежалъ имъ только въ пеленкахъ, теперь его отъ нихъ отдѣляетъ цѣлая пропасть“.

Едва ли не самымъ замѣчательнымъ моментомъ въ этихъ празднествахъ было чествованіе памяти Гёте организованными франкфуртскими рабочими. Народъ здѣсь явился не въ роли тысячеголовой толпы, падкой на зрѣлища, и не въ образѣ бѣднаго Михеля, которому гуманный интеллигентъ старается популярно разсказать, что существовалъ писатель Гёте, написавшій „Фауста“ и другія великія произведенія: нѣтъ, здѣсь предъ нами были лучшіе представители рабочаго класса, въ часы досуга, послѣ упорной работы на фабрикѣ, сами поздно ночью засиживающіеся надъ „Фаустомъ“, подобно тому, какъ они собственнымъ умомъ стараются проникнуть въ истины политической экономіи и исторіи. Для милліоновъ бѣдняковъ Гёте, о которомъ Гельмгольцъ сказалъ, что онъ доводитъ насъ до послѣднихъ границъ познанія, доступнаго человѣческому уму въ его поэтическомъ вдохновеніи, гдѣ уже прекращается разрѣшеніе проблемы точными научными методами,—этотъ Гёте имъ чужой. Они слышали, правда, его имя въ народной школѣ, потому что и послѣдній нищій учился въ школѣ, можетъ-быть, заучивали наизусть одно—два изъ его стихотвореній: глубокая психологія человѣческой души и геніальное выраженіе сложныхъ проблемъ жизни имъ недоступны. Но развѣ уже не счастье, что изъ той же массы пролетаріевъ начинаютъ выдѣляться тысячи интеллигентныхъ работниковъ, живущихъ нашими умственными интересами, испытывающихъ тѣ же духовныя наслажденія? Не обезпечиваетъ ли это странѣ, имѣющей такіе народные элементы, мирное развитіе, не уменьшается развѣ пропасть между меньшинствомъ и массами?.

Посмотрите на эти 2,000 человѣкъ, собравшихся въ роскошномъ зданіи Saalbau чествовать *своего* Гёте. Мужчины въ черныхъ сюртукахъ, женщины въ небогатыхъ, но хорошо сшитыхъ, иногда даже изящныхъ платьяхъ, съ шляпками на головѣ и розами въ корсажѣ, вся эта публика—рабочіе, что̀ легко замѣтить по ихъ мозолистымъ рукамъ; рабочіе—и пѣвцы въ хорѣ, чествующіе чудными мендельсоновскими звуками память великаго согражданина. Даже авторъ поэтическаго пролога, депутатъ Шмидтъ,—тоже бывшій рабочій. Представителями интеллигенціи, живущей умственнымъ трудомъ, но признающей себя солидарной со стремленіями массъ, въ той же залѣ являются старикъ Либкнехтъ и писатель Больше.

Послѣднему поручено охарактеризовать передъ слушателями личность Гёте и объяснить значеніе его поэзіи для человѣчества. Онъ это исполняетъ серьезно, умно и говоритъ такимъ языкомъ, какъ-будто предъ нимъ не люди изъ народа, а аудиторія, въ родѣ той, которая съ императрицей Фридрихъ во главѣ, — принимавшей, вставлю кстати, самое близкое участіе во франкфуртскомъ праздникѣ, — собралась послушать Эриха Шмидта. И слушатели Больше слѣдятъ за его рѣчью съ величайшимъ вниманіемъ, имъ понятно каждое слово.

„Если бы Гёте дожилъ до сегодняшняго дня, — говорилъ ораторъ, — и явился посмотрѣть, какъ его чествуютъ во Франкфуртѣ, онъ больше всего изумился бы при видѣ нашего собранія. Что это за люди? Я ихъ не знаю, при мнѣ такихъ не было, — сказалъ бы онъ. При всемъ своемъ геніи поэтъ не могъ предвидѣть, что наступитъ день, когда пролетарій употребитъ всѣ усилія, чтобы подняться къ культурѣ своей эпохи. Гёте насъ не знаетъ, но мы его знаемъ, мы въ состояніи оцѣнить великія мысли и красоты, заключающіяся въ его произведеніяхъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ сотую годовщину рожденія поэта, это было бы немыслимо: тогда только возникали общественныя отношенія, при которыхъ народъ могъ протянуть руку къ сокровищамъ цивилизаціи“. Нарисовавъ въ крупныхъ штрихахъ картину Европы и Германіи ко времени рожденія Гёте, прослѣдивъ измѣненія въ государственной и общественной жизни, созданныя событіями конца прошлаго и нынѣшняго вѣка, Больше подробно останавливается на одной изъ основныхъ идей Гёте, — идеѣ развитія, противопоставляя ее господствовавшему до того теологическому взгляду: въ природѣ и въ человѣкѣ, въ искусствѣ и дѣйствительности Гёте видитъ вѣчное движеніе и стремленіе впередъ. Замѣчательно, — прибавляетъ лекторъ, — что въ томъ же Франкфуртѣ жилъ и умеръ величайшій пессимистъ — Шопенгауэръ, и родился величайшій оптимистъ — нашъ Гёте. „Этотъ оптимизмъ, въ связи съ идеей развитія, долженъ былъ вызвать и въ насъ энергію въ стремленіи къ счастью и справедливости, дать намъ силы бороться за наше право“. Было бы смѣшно утверждать, что Гёте раздѣлялъ взгляды современнаго пролетаріата на его политическое и соціальное назначеніе; можно привести десятки мѣстъ изъ его произведеній, доказывающихъ если не противоположное, то во всякомъ случаѣ другое міровоззрѣніе, но что же удивительнаго, что и великій умъ оставался сыномъ своего времени? Гораздо важнѣе та внутренняя свобода Гёте отъ

предразсудковъ, которая могущественно повліяла на судьбы народа. Еще въ одномъ отношеніи нѣмецкій рабочій можетъ назвать Гёте „своимъ“: столь неутомимыхъ работниковъ, какъ Гёте, человѣчество не часто создавало. „Мы не считаемъ постановку памятника достойнымъ способомъ чествованія такихъ великихъ людей, — заканчиваетъ Больше, — кому ни ставили статуй изъ бронзы и мрамора, и много ли памятники говорятъ уму? Несравненно лучшій способъ чествованія—изданіе дешеваго и снабженнаго необходимыми разъясненіями полнаго собранія сочиненій Гёте, чтобы его можно было найти въ домѣ каждаго нѣмца, чтобы то огромное большинство, для котораго лучшія и глубочайшія творенія Гёте еще запечатаны семью печатями, „могло наслаждаться и учиться“...

Я только-что прошелъ мимо памятника Гёте въ Тиргартенѣ, недалеко отъ Бранденбургскихъ воротъ. Оффиціальнаго торжества здѣсь не было, но подножіе великолѣпной статуи изъ бѣлаго мрамора усыпано цвѣтами и вѣнками. Сотни маленькихъ грошевыхъ букетовъ, очевидно, положенныхъ благоговѣйною рукою поклонника или поклонницы, и нѣсколько великолѣпныхъ, роскошныхъ вѣнковъ съ лентами и надписями. Берлинская Дума написала на лентахъ вѣнка изъ лавровъ и розъ: „Столица Германіи королю поэтовъ“. Рядомъ съ этимъ вѣнкомъ цвѣты отъ мѣстнаго отдѣленія Общества Гёте, отъ Союза печати и чудный вѣнокъ отъ Arbeiterbildungs-Schule, школы для расширенія образованія, устроенной организованными рабочими. На лентахъ золотыми буквами вышиты слова изъ второй части „Фауста“:

Nur der verdient sich Freiheit, wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss...
Solch ein Gewimmel möcht'ich sehen,
Auf freiem Grund mit freiem Volke stehen.

LXXVIII.

Берлинъ, 10-го сентября 1899 г.

Въ „красномъ домѣ“, какъ именуютъ здѣшнюю думу по цвѣту ея фасада, сегодня необыкновенно много посѣтителей. На очереди стоитъ вопросъ не мѣстнаго только характера: обсуждается предложеніе о защитѣ дѣтей отъ эксплоатаціи въ уличной торговлѣ,

разноскѣ газетъ и съѣстныхъ припасовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ видахъ промысловаго труда, не подчиненныхъ, подобно фабрикамъ, рабочему законодательству.

Мнѣ уже приходилось писать на эту тему по поводу движенія, поднятаго народными учителями. Вы, можетъ быть, вспомните, какая грустная картина дѣтскаго горя обрисовалась изъ статистическихъ цифръ и сообщеній экспертовъ. Если уже не изъ состраданія къ дѣтямъ, то въ интересахъ самаго общества нужно было положить конецъ этой, какъ выразился сегодня въ думѣ гласный Зингеръ, „partie honteuse“ городской жизни. И дѣйствительно, сейчасъ послѣ обнародованія возмутительныхъ подробностей дѣтской эксплоатаціи какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ берлинской думѣ поднятъ былъ вопросъ о средствахъ къ искорененію зла. Ближе всего ведетъ къ цѣли, конечно, законодательное запрещеніе всякаго промысловаго занятія дѣтямъ школьнаго возраста подобно тому, какъ законъ запрещаетъ нанимать школьниковъ на фабрики. Правительство однако до сихъ поръ не рѣшилось взять прямо быка за рога, боясь лишить бѣдняковъ добавочнаго заработка. Какъ вы хотите,— спрашивалъ депутатовъ статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ,— чтобы мы сказали несчастной вдовѣ, выбивающейся изъ силъ: „Не смѣй брать себѣ въ помощь при разноскѣ газетъ здороваго мальчугана, потому что ему еще нѣтъ 14-ти лѣтъ?“ Какъ видите, это—та же ложная сентиментальность, которой руководились 50 лѣтъ тому назадъ, когда нужно было оградить дѣтей отъ эксплоатаціи фабрики, и которую одинаково пускали въ ходъ во всѣхъ странахъ съ развивающейся промышленностью. Кто станетъ отрицать, что иногда законъ можетъ оказаться суровымъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ будетъ благодѣтельнымъ, такъ-какъ избавитъ массу малютокъ отъ непосильнаго труда и въ то же время дастъ заработокъ взрослымъ. Кто присматривался здѣсь къ дѣтямъ, приносящимъ утромъ хлѣбъ и по вечерамъ газету, тотъ не могъ не болѣть душой за этихъ блѣдныхъ и худенькихъ работниковъ, которымъ такъ рано уже приходится узнать оборотную сторону жизни; каждый учитель скажетъ вамъ, что краснощекіе и здоровые среди нихъ—исключенія, и весьма рѣдко такія дѣти успѣваютъ въ школѣ. Директоръ берлинскихъ городскихъ училищъ подтвердилъ въ сегодняшнемъ засѣданіи, что изъ 25,000 учениковъ и учениць, занимающихся до и послѣ ученія промысловой работой, болѣе 4,000 моложе 9-ти лѣтъ и что они поднимаются часто въ четыре часа утра, чтобы разносить хлѣбъ. Всѣхъ учащихся въ

народныхъ школахъ, правда, 220,000, такъ что около 88% дѣтей, принадлежащихъ преимущественно къ рабочему классу, живутъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но и 25,000 изнуренныхъ, лишенныхъ сна и возможности учиться дѣтей—колоссальная цифра: не забудемъ, что это только въ одномъ Берлинѣ. Къ стыду берлинской печати нужно сказать, что она, послѣ булочниковъ, главный эксплоататоръ дѣтей: 3,669 дѣтей школьнаго возраста занимаются разноской газетъ. Конечно, этого можно было бы избѣгнуть, и есть даже нѣсколько газетъ, принципіально не принимающихъ маленькихъ разносчиковъ, но большинство отдѣлывается формальнымъ отвѣтомъ, что это ихъ не касается, такъ какъ разноска газетъ, по здѣшнему обычаю, производится не изъ экспедиціи каждой газеты, а особыми конторами, принимающими подписку на всѣ изданія. Понятно, что при желаніи можно было бы искоренить зло; дѣло только въ томъ, что газета старается пріобрѣтать подписчиковъ дешевизной, а благодаря арміи малютокъ-разносчиковъ издержки на доставку можно довести до минимума. Многіе говорятъ, что если бы всѣ согласились не брать дѣтей, шансы конкуренціи были бы равны, но гдѣ же тѣ конкуренты, которые склонны добиваться соглашенія, если рѣчь идетъ не о повышеніи цѣнъ на товаръ? Мелкая пресса притомъ еще можетъ сослаться на то обстоятельство,—что для нея „сбереженіе“ 10 коп. за доставку имѣетъ больше значенія, чѣмъ для крупной: при подписной платѣ въ 30 марокъ въ годъ издержки по экспедиціи составляютъ менѣе 10%, тогда какъ дешевыя газеты тратятъ на доставку отъ 20-ти до 30%. Конечно, это не аргументъ въ пользу эксплоатаціи дѣтей.

Интересно, что въ данномъ вопросѣ прежніе манчестерцы оказались солидарными съ коллективистами: значительная часть свободомыслящихъ бюргеровъ присоединилась къ предложенію Зингера, требовавшаго, чтобы магистратъ побудилъ президента полиціи запретить школьникамъ заниматься какою-либо разноской или торговлей до начала ученія и послѣ 6-ти часовъ вечера. Такія административныя запрещенія по закону возможны и изданы уже нѣкоторыми городами, въ которыхъ полиція находится въ вѣдѣніи магистрата (явленіе, замѣчу въ скобкахъ, далеко не рѣдкое въ Германіи). Такъ какъ берлинская городская управа въ принципѣ соглашалась съ предложеніемъ Зингера, но желала смягчить отдѣльные пункты въ пользу родителей промысловыхъ дѣтей, допустивъ, напр., работы съ $6^1/_2$ до 8 ч. утра и послѣ обѣда до 8 ч. веч., то предложеніе передано въ коммиссію; но нѣтъ сомнѣнія, что въ

самомъ близкомъ будущемъ наступитъ существенное облегченіе участи и тѣхъ 25,000 изъ 220,000 берлинскихъ дѣтей, которыя теперь такъ рано сами должны зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.

Къ предстоящему въ Ганноверѣ съѣзду крайней лѣвой только-что обнародованъ отчетъ ея парламентскихъ представителей. Министръ, графъ Позадовскій недавно замѣтилъ въ рейхстагѣ, что партія эта представляетъ государство въ государствѣ: у нея своя администрація, своя печать и даже своя собственная податная система, облагающая адептовъ спеціальными налогами. Въ словахъ графа безспорно большая доза преувеличенія, потому что для государства бюджетъ крайней лѣвой слишкомъ скромный,—онъ „балансируетъ“ въ приходѣ и расходѣ 346,712 марками, а на такія деньги еще нельзя не только войны вести, но и выдѣлиться изъ общей организаціи страны. Очень обременительными этихъ добровольныхъ податей тоже нельзя считать, потому что при двухъ слишкомъ милліонахъ сторонниковъ на душу приходится какихъ-нибудь 18 пфенниговъ въ годъ, а за исключеніемъ взносовъ богатыхъ членовъ и доходовъ отъ собственныхъ изданій на избирателя придется не больше того, что стоитъ кружка простого берлинскаго пива. Правда, профессіональные союзы (Gewerkschaften), примыкающіе къ рабочей партіи, имѣютъ свои бюджеты въ нѣсколько милліоновъ, но за-то и назначеніе ихъ другое: союзы почти ничего не тратятъ на политическую агитацію и очень много отдаютъ на помощь безработнымъ, оплачиваютъ путевыя издержки, содержатъ семейства рабочихъ при коалиціяхъ, однимъ словомъ, имѣютъ приблизительно тотъ же кругъ дѣятельности, что и англійскіе трэдъ-юніоны и другія не-политическія организаціи труда. „Въ нынѣшнемъ году,— читаемъ мы въ отчетѣ партіи,— профессіональные союзы получили въ Германіи небывалое развитіе; ростъ профессіональной солидарности въ значительной степени объясняется благопріятной почти для всей промышленности конъюнктурой, вызвавшей естественное стремленіе труда къ полученію своей въ ней доли, и стоитъ отмѣтить, что въ большинствѣ случаевъ возвышеніе заработковъ было достигнуто безъ массовыхъ столкновеній: фабрики и заводы такъ завалены заказами, что предпочитали худой для нихъ миръ доброй ссорѣ“. Отчетъ, впрочемъ, увѣряетъ, что, затаивъ въ душѣ злобу, фабриканты и заводчики чрезъ своихъ представителей въ правительствѣ и парламентѣ подготовляютъ новыя попытки къ уничтоженію свободы коалицій. Мнѣ кажется, что было бы справедливѣе говорить въ такихъ случаяхъ объ извѣстной части фабрикантовъ, потому что мы видѣли въ рейх-

стагѣ такихъ выдающихся предпринимателей, какъ Резике, баронъ Гейль и др., которые отстаивали свободу коалицій и отвергали всякія наказанія за защиту правъ труда съ неменьшей рѣшительностью, чѣмъ Бебель или Ауэръ. Лица, хорошо знакомыя съ настроеніемъ промышленныхъ сферъ, увѣряютъ, что политическій кредитъ Штумма сильно упалъ.

Изъ обширнаго отчета извлеку еще одно интересное мѣсто, касающееся партійной прессы. Не только во всѣхъ большихъ городахъ крайняя лѣвая имѣетъ теперь свои собственныя ежедневныя газеты, но даже въ такихъ незначительныхъ мѣстахъ, какъ Заалфельдъ или Альтенбургъ; правда, на первыхъ порахъ газеты не всегда могутъ существовать собственными силами, и изъ Берлина имъ высылаютъ и статьи, и наличныя деньги; страсбургская „Freie Presse“ потребовала, напримѣръ, субсидію въ 6,000 марокъ, „Volksfreund“ въ Карлсруэ—2,000 и т. п.; за-то центральный органъ въ Берлинѣ даетъ чистой прибыли 65,000 въ годъ, поступающихъ въ агитаціонный фондъ. Ростъ мѣстной печати, и при томъ не только защищающей идеи крайней лѣвой, выражается въ томъ, что на двѣнадцать подписчиковъ „Vorwärts'a“ въ Берлинѣ приходится лишь одинъ въ остальной Германіи: по отчету конторы этой газеты доходъ ея отъ городскихъ подписчиковъ равнялся 443,000, отъ иногородныхъ же—только 37,000 марокъ въ годъ. Изданіе расходится въ 53,000 экземплярахъ, что̀ вовсе не много: печатаетъ же, яко бы безпартійный, „Lokalanzeiger“ саженными буквами на всѣхъ берлинскихъ столбахъ, что по удостовѣренію нотаріуса у него 213,000 подписчиковъ. Даже въ провинціальныхъ городахъ попадаются газеты съ 70-ю—80-ю тысячами абонентовъ. Хотя рабочая партія располагаетъ 73-мя газетами, но нѣтъ сомнѣнія, что значительнѣйшая часть рабочихъ, подающихъ на выборахъ свои голоса за Бебеля или Фольмара, подписывается все-таки не на органъ собственной партіи, а на одинъ изъ многочисленныхъ локалъ-анцейгеровъ! Это можно было бы замѣтить прошлой зимой, когда берлинскій органъ этого сорта, тотъ самый, о которомъ я только-что упомянулъ, имѣлъ столкновеніе со своими наборщиками: угроза бойкотировать его въ рабочихъ кварталахъ произвела столь сильное впечатлѣніе на издателя, что миръ сейчасъ же былъ заключенъ. Не трудно догадаться, почему даже въ столь дисциплинированной партіи, несмотря на всѣ убѣжденія вождей, узкокапиталистическіе листки, для которыхъ нѣтъ ничего святого, кромѣ прибыли издателя, пользуются широ-

кимъ распространеніемъ: партійныя изданія, хорошо ли или дурно ихъ направленіе, все же задаются воспитательными задачами,— это одинаково относится къ серьезнымъ газетамъ всѣхъ партій, отъ консервативной до соціалъ-демократической,—локалъ-анцейгеры же прежде всего стараются увеселять и развлекать читателя, льстятъ его слабостямъ, спекулируютъ на любопытство толпы. „Kreuzzeitung", „Vossische Zeitung" или „Vorwärts" сообщаютъ въ мѣстной хроникѣ объ убійствѣ итальянца на Вильгельмъ-штрассе въ 40—50 сухихъ строкахъ, а „Lokalanzeiger" посвятилъ такому событію половину нумера. Цѣлый штабъ его репортеровъ былъ на мѣстѣ преступленія: одинъ описываетъ обстановку, другой успѣлъ снять фотографію съ убитаго и снабдить ее біографіей, третій передастъ толки сосѣдей, и въ общемъ, при помощи ловкой техники, заголовковъ, разныхъ шрифтовъ и т. п. получается чуть ли не романъ въ родѣ тѣхъ, которыми увлекаются въ Парижѣ читатели „Petit Journal". Благодаря значительному распространенію и массѣ объявленій такая газета въ состояніи все купить, и вы встрѣчаете на столбцахъ безпартійной прессы очень громкія имена. Не всѣ они руководствуются даже корыстью. „Вы же какъ попали въ подобное общество?"—спросили недавно одного ученаго съ европейской репутаціей, помѣстившаго статью въ „Lokalanzeiger'ѣ". — „Очень просто,—отвѣтилъ профессоръ,—въ аудиторіи у меня 50 человѣкъ, а здѣсь я говорю къ народу въ истинномъ значеніи слова: 213,000 подписчиковъ, это—почти милліонъ читателей!"

Нельзя не признать, что безпринципная, гоняющаяся за новостями печать имѣетъ ту заслугу, что благодаря дешевизнѣ (здѣшній локалъ-анцейгеръ, выходящій утромъ и вечеромъ и дающій въ день 24—36 страницъ, изъ которыхъ 12—текста, стоитъ съ доставкой на домъ 45 коп. въ мѣсяцъ) вообще расширяетъ кругъ читающихъ. Нѣтъ почти крестьянскаго дома и рабочей квартиры, гдѣ бы не получалась газета. Исключеніе составляютъ развѣ восточныя провинціи Пруссіи. Эта печать содѣйствуетъ индифферентизму въ нравственныхъ понятіяхъ, равнодушію къ добру и злу, и все-таки было бы ошибочно считать, что „доброе" старое время, когда нѣмецкій Михель, у котораго пробуждалась жажда знанія, утолялъ ее въ книгахъ и энциклопедическихъ словаряхъ, было лучше. Можно сожалѣть, что распространеніе свѣдѣній теперь не идетъ рука объ руку съ благородной проповѣдью добра, но съ расширеніемъ образованія и съ улучшеніемъ условій жизни массъ поднимется и вкусъ читателя, и онъ будетъ предъявлять къ

газетѣ другія требованія. Михелей, прежде искавшихъ свѣта въ книгѣ, была сотня—другая, но Михелей, читающихъ газету и знакомыхъ по ней съ главными вопросами европейской жизни, науки, литературы, теперь милліоны. Это—большая разница.

LXXIX.

Берлинъ, 1-го октября 1899 г.

На банкетѣ въ Ганноверѣ, состоявшемся по поводу открытія новаго ветеринарнаго института, прусскій министръ финансовъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, изъ которой газеты особенно подчеркнули одну фразу: „Старое,—сказалъ Микель,—принадлежитъ исторіи; мы же, люди практическаго и сильнаго вѣка, привыкли смотрѣть впередъ, а не назадъ!“ Въ этихъ словахъ, кажется, нѣтъ ничего двусмысленнаго, но такова уже участь остроумныхъ людей, что каждому ихъ выраженію стараются придать какой-то тайный смыслъ. Министръ говорилъ къ ганноверцамъ, и среди его слушателей были еще старики, преданные вельфамъ, не забывшіе узурпаціи 1866 г., которая сдѣлала ихъ пруссаками поневолѣ. Что можетъ быть естественнѣе желанія министра сказать, что со стороны монархіи Гогенцоллерновъ Ганноверъ тоже пользуется вниманіемъ и покровительствомъ? Такъ нѣтъ же, это слишкомъ просто: однимъ фраза министра представляется расшаркиваніемъ предъ либералами, а другіе видятъ въ ней чуть ли не заигрываніе съ соціалъ-демократами. Къ представителямъ политическихъ партій, имѣющихъ основаніе не довѣрять коварному политикану Микелю, въ послѣдніе дни присоединились еще прислужники Круппа, Штумма и другихъ патріархальныхъ заводчиковъ, крайне возмущенныхъ тѣмъ, что Микель съ благодарностью принялъ избраніе въ распорядительный комитетъ Общества соціальной политики. Эти заводчики только-что громили Шмоллера и особенно Брентано за ихъ рѣшительный протестъ противъ системы обузданія труда, и вдругъ министръ финансовъ, душа прусскаго правительства, заявляетъ, что считаетъ для себя честью сидѣть рядомъ съ людьми, которыхъ, по мнѣнію Штумма, надо изгнать изъ университетовъ. Согласитесь, что это непріятно. Какъ не вспомнить, что Микель въ молодости былъ поклонникомъ К. Маркса!

По оригинальной игрѣ случая министръ финансовъ произносилъ свою рѣчь въ тотъ день, когда въ томъ же Ганноверѣ собрался партійный съѣздъ политической партіи, стремящейся до сихъ

поръ осуществить на практикѣ идеи, которыя когда-то вдохновляли молодого Микеля. И кто знаетъ, можетъ быть, убѣленнаго сѣдинами и осыпаннаго почестями государственнаго человѣка дебаты конгресса заинтересовали бы и теперь въ большей степени, чѣмъ рѣчи аграріевъ въ прусской палатѣ. Недаромъ вся Германія безъ различія партій съ живѣйшимъ вниманіемъ прислушивается къ ганноверскому съѣзду. Консервативныя, національ-либеральныя и клерикальныя газеты посвящаютъ ему десятки столбцовъ. Вѣдь происходящій тамъ споръ касается не обычныхъ партійныхъ вопросовъ, кассы, выборовъ: нѣтъ, рѣчь идетъ объ основныхъ положеніяхъ политической экономіи и философіи исторіи, затронутыхъ критикой Бернштейна. Позволительно, конечно, усомниться, компетентный ли для такихъ предметовъ ареопагъ—съѣздъ изъ 200 делегатовъ, три четверти которыхъ честные ремесленники, но не экономисты и не философы. Дѣло однако въ томъ, что критика основныхъ положеній марксизма прямо ведетъ къ практическимъ послѣдствіямъ, смыслъ которыхъ коротко можно формулировать такъ: остается ли соціалъ-демократія непримиримымъ врагомъ существующаго порядка, стремясь къ осуществленію коллективизма, или же она обѣими ногами становится на путь практическихъ реформъ, отодвигая конечную цѣль въ туманныя перспективы? Еще тѣснѣе къ спору о достоинствахъ теоріи трудовой цѣнности и кризисовъ, или ученія о растущей концентраціи производства и пауперизаціи массъ, — ученія, категорически отрицаемаго Бернштейномъ, а вслѣдъ за нимъ и другими видными соціалъ-демократами, какъ Шиппель, Фольмаръ, Гейне,—примыкаетъ то практическое правоученіе, что нынѣшняя тактика рабочей партіи, стремящейся захватить политическую власть, сама по себѣ не ведетъ къ цѣли и должна быть дополнена развитіемъ ассоціацій и профессіональныхъ союзовъ. Иначе,—увѣряетъ ученикъ-критикъ Маркса и Энгельса,— вы ничего своимъ политическимъ могуществомъ не достигнете: основанія нынѣшняго экономическаго порядка не такъ шатки, какъ вы думаете, и сами мы еще неспособны замѣнить старый порядокъ новымъ.

Противъ этихъ идей и выступилъ на съѣздѣ Бебель въ замѣчательной рѣчи, длившейся болѣе *шести* часовъ. Бебель обращается къ фактическому матеріалу, представленному Бернштейномъ противъ ученій о концентраціи производства и растущаго будто бы обѣдненія массъ. Если бы критикъ ортодоксальнаго марксизма сумѣлъ доказать свои положенія, то ему, по мнѣнію Бебеля, дѣйствительно

удалось бы отодвинуть конечную цѣль коллективизма на цѣлыя столѣтія. Доказателенъ ли однако фактическій матеріалъ профессіональныхъ переписей и подоходнаго налога? Да,—отвѣчаетъ вождь соціалъ-демократіи,—если имъ пользоваться такъ односторонне и произвольно, какъ это дѣлаетъ нашъ критикъ: но вѣдь такими пріемами все можно доказать! Профессіональная перепись 1895 г. обнаружила, что въ то время какъ населеніе за предшествовавшія ей 12 лѣтъ *увеличилось* на $14^1/_2$ процентовъ, число предпріятій уменьшилось на $5^1/_2$ процентовъ и, что всего важнѣе, уменьшеніе исключительно вызвано сокращеніемъ контингента мелкихъ ремесленниковъ и кустарей (на 20%), тогда какъ предпріятія съ 50-ю и болѣе рабочими возрасли чрезвычайно и по числу, и въ особенности по составу рабочихъ. Увеличеніе въ отдѣльныхъ категоріяхъ крупной промышленности составляетъ 58, даже 93%, причемъ опять-таки можно привести десятки примѣровъ, гдѣ концентрація ясно выражается *уменьшеніемъ* числа предпріятій и *увеличеніемъ* числа рабочихъ. Вмѣсто того однако, чтобы увидѣть въ этой статистикѣ подтвержденіе теоріи поглощенія мелкихъ производствъ крупными, Бернштейнъ тычетъ намъ въ глаза двумя милліонами мелкихъ ремесленниковъ и кустарей: вотъ-де ихъ еще сколько,—значитъ живучи мелкіе промыслы! Какъ будто двѣ трети изъ такъ называемыхъ „самостоятельныхъ ремесленниковъ“ лучше поставлены, чѣмъ пролетаріи! Буржуазные экономисты, какъ Карлъ Бюхеръ или Зомбартъ, въ данномъ отношеніи оказываются радикальнѣе соціалиста Бернштейна: Бюхеръ доказалъ, что изъ 5,600 лейпцигскихъ ремесленниковъ 3,400 имѣли дохода не свыше 1,250 марокъ въ годъ, т. е. менѣе того, что получаетъ порядочный рабочій на фабрикѣ, а Зомбартъ выступилъ на-дняхъ въ Бреславлѣ противъ попытокъ искусственно поддержать мелкое мѣщанство и купечество, въ которомъ Бернштейнъ видитъ живучій элементъ. Хороша живучесть, если люди мечтаютъ поддержать свое существованіе цеховыми привилегіями, нападками на евреевъ и т. п. средствами, характеризующими, по своей отсталости и узости, взгляды падающаго, умирающаго класса. Если мы обратимся къ той же профессіональной переписи, то окажется, что въ торговлѣ и транспортной промышленности съ 1882 по 1895 годъ дѣйствительно произошло увеличеніе числа хозяевъ на 20%, но за-то увеличился составъ ихъ служащихъ и рабочихъ на 71—85%, такъ что на 100 всѣхъ занимающихся торговлей и транспортированіемъ теперь не 45 самостоятельныхъ, какъ въ 1882 г., а только 36.

Всмотритесь внимательнѣе въ перепись, и вы еще найдете, что къ самостоятельнымъ хозяевамъ она причислила 36,500 агентовъ, 33,000 разносчиковъ, 7,100 посыльныхъ и тому подобный бѣдный народъ. При помощи такихъ данныхъ не колеблютъ теорій столь могучаго ума, какъ Марксъ, не опровергаютъ положеній о поглощеніи мелкихъ производствъ крупными и о неизбѣжности обобществленія орудій производства, какъ естественномъ послѣдствіи банкротства индивидуализма въ народномъ хозяйствѣ.

Различіе мнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ не заставляетъ еще людей расходиться, если у нихъ есть общая почва подъ ногами. Общество, въ которомъ всѣ во всемъ другъ съ другомъ согласны, было бы скучно до тошноты. Другое дѣло, когда все, что̀ насъ объединяло, что создавало нашу идейную связь, подвергается сомнѣнію, а это и происходитъ теперь по поводу критики Бернштейна. „Мы не чинимъ суда надъ еретиками,—восклицаетъ Бебель,—но когда Бернштейнъ намъ предлагаетъ выбросить за бортъ все, что составляло наше убѣжденіе и наше упованіе, когда онъ намъ изображаетъ силу противниковъ въ преувеличенномъ масштабѣ и на столько же умаляетъ нашу собственную, не считаясь съ дѣйствительнымъ значеніемъ воодушевленія и въ погонѣ за реализмомъ „сводя на нѣтъ“ все, чего нельзя ощупать руками, я не вижу въ немъ болыпе товарища. Вѣдь этимъ же языкомъ съ нами говорили и противники. Какъ будто мнѣ не извѣстно, что и въ буржуазіи есть порядочные элементы, но значитъ ли это, что самое понятіе противорѣчія между буржуазными интересами и пролетаріатомъ—атавизмъ? Или отъ того, что въ нашихъ рядахъ есть представители другихъ классовъ, намъ слѣдуетъ вычеркнуть изъ программы слова: освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ? Вѣдь среди присутствующихъ въ этой залѣ делегатовъ есть два владѣльца латифундій, но едва ли они скажутъ вамъ, что интересы аграріевъ и пролетаріевъ солидарны. (*Смѣхъ и одобреніе*). Бернштейнъ не перестаетъ напоминать, что мы незрѣлы, неспособны взять на себя гигантскую задачу обобществленія экономическаго строя, какъ будто я, Либкнехтъ или Каутскій проповѣдуемъ внезапное и насильственное разрушеніе! Буржуазія въ 1848 г. для осуществленія своихъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ была еще менѣе подготовлена, чѣмъ мы теперь, и никто изъ ея тогдашнихъ вождей не ставилъ ей на видъ, какъ силенъ юнкеръ и какъ слабъ бюргеръ. Оппортунисты мы всѣ, но есть предѣлъ компромиссамъ съ дѣйствитель-

ностью, дальше котораго не идетъ ни одинъ сознательный коллективистъ: считаясь съ дѣйствительностью и стараясь добиться всего, что только достижимо, для настоящаго поколѣнія, онъ употребитъ однако всѣ усилія для того, чтобы сдѣлать возможно большій шагъ впередъ къ осуществленію своей конечной цѣли. Ни своего имени, ни основныхъ положеній программы, ни политической тактики мы не измѣнимъ,—заканчиваетъ Бебель при бурныхъ аплодисментахъ большинства делегатовъ; — Бернштейнъ можетъ быть спокоенъ: когда власть очутится въ нашихъ рукахъ, у насъ не будетъ недостатка въ интеллигентныхъ людяхъ. За хорошую плату къ намъ перейдутъ и инженеры, и тайные совѣтники, а кто знаетъ, можетъ быть, и иные изъ нынѣшнихъ министровъ."

Роль защитника и комментатора идей Бернштейна досталась молодому гессенскому депутату, д-ру Давиду, обратившему на себя вниманіе своими статьями и рѣчами по аграрному вопросу, въ которыхъ онъ отстаивалъ жизненность мелкой крестьянской собственности. Сынъ сельскаго священника, Давидъ знаетъ хорошо по собственнымъ наблюденіямъ жизнь мелкихъ крестьянъ Южной Германіи и пользуется въ деревнѣ большой популярностью, какъ человѣкъ свѣдущій отзывчивый на практическія нужды своихъ земляковъ. Едва ли многіе, однако, подозрѣвали въ немъ такого талантливаго оратора и остроумнаго теоретика: подумайте, какая задача— говорить вслѣдъ за любимымъ вождемъ,—говорить въ противоположномъ смыслѣ, не боясь парировать рѣзкіе удары столь же рѣшительно, какъ ихъ наносили, имѣя при томъ противъ себя большинство слушателей и не располагая и десятой долей того авторитета, который и въ рабочемъ парламентѣ заранѣе обезпечиваетъ успѣхъ всякой рѣчи не только Бебеля, но даже старика Либкнехта, Ауера или Фольмара.

Вы спросите: но отчего Бернштейнъ самъ не явился, чтобы дать отвѣтъ противникамъ? Оттого, что онъ до сихъ поръ изгнанникъ, не имѣющій права въѣзда въ Германію. „Это должно было бы заставить васъ воздержаться отъ всякой рѣзкой личной полемики,—съ упрекомъ обращается гессенскій депутатъ къ Бебелю;— разъ вы однако не сочли нужнымъ церемониться, для меня и тѣхъ изъ нашихъ друзей, которые раздѣляютъ главныя положенія Бернштейна, хотя сохраняютъ за собой право критики въ деталяхъ, возникаетъ необходимость „подставить свои спины" и заявить себя во всемъ солидарными съ вашимъ оппонентомъ. Это для насъ тѣмъ легче, чѣмъ искреннѣе мы убѣждены, что критика

нашей программы не вредна, а полезна защищаемому всѣми нами дѣлу поднятія пролетаріата. Бебель показалъ вамъ только отрицательнаго или отрицающаго Бернштейна; я вамъ покажу положительнаго. Вѣдь невыгодность положенія Бернштейна, какъ всякаго честнаго мыслителя, выступающаго противъ укоренившихся мнѣній и предразсудковъ, въ томъ и состоитъ, что у его читателей прежде всего составляется мнѣніе: это - врагъ, онъ хочетъ у насъ отнять то, съ чѣмъ мы освоились и что намъ дорого. Только нѣкоторое время спустя болѣе дальновидные начинаютъ замѣчать, что критикъ не только у насъ кое-что отнялъ, но и кое-что далъ. Я говорю не только о толпѣ, но и о выдающихся дѣятеляхъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ шатко и противорѣчиво было на первыхъ порахъ отношеніе къ идеямъ Бернштейна со стороны нашихъ талантливѣйшихъ товарищей. Штернъ въ Штуттгартѣ послѣ появленія книги Бернштейна нашелъ, что авторъ не оставляетъ камня на камнѣ въ зданіи марксизма, сознательно поджигая старый храмъ. На это Либкнехтъ отвѣтилъ: вздоръ, ни о какомъ разрушеніи не можетъ быть рѣчи, — вѣдь, Бернштейнъ не трогаетъ фундамента и конечной цѣли, т. е. перехода всѣхъ орудій производства въ общественную собственность. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Бернштейнъ разъясняетъ свои мысли въ статьяхъ „Vorwärts'a“ и „Neue Zeit“, и Бебель говоритъ, что „наконецъ-то Бернштейнъ призналъ принципъ классовой борьбы“, Либкнехтъ же изъ этихъ статей убѣдился, что Штернъ былъ правъ: Бернштейнъ дѣйствительно „пытается разрушить основанія нашего міровоззрѣнія“, а въ это самое время Штернъ приходитъ къ заключенію, что онъ прежде ошибался: поджога храма марксизма вовсе не было *(Бурный смѣхъ)*. Вы видите, товарищи, какъ осторожно надо относиться къ сложнымъ теоретическимъ вопросамъ. Блаженны только тѣ, которые никогда ничего не измѣняютъ въ усвоенномъ мнѣніи, какъ, напримѣръ, нашъ Parvus: для него и столь же рѣшительныхъ его единомышленниковъ Бернштейнъ былъ и есть отщепенецъ, отступникъ, но вѣдь это — идеи и выраженія, заимствованныя отъ среднихъ вѣковъ“ *(Очень хорошо и многочисленныя возраженія)*.

Мнѣ и въ голову не приходитъ, конечно, передавать вамъ даже вкратцѣ всю сущность возраженій Давида: помимо другихъ причинъ, на это, какъ и для рѣчи Бебеля, мнѣ потребовался бы десятокъ столбцовъ. Отмѣчу только 2 — 3 главныхъ пункта, которые вмѣстѣ съ приведенными полемическими образцами да-

дутъ нѣкоторое представленіе о характерѣ дебатовъ. Бебель привелъ массу цифръ въ доказательство, что нужда и нищета очень велики. „Развѣ мы это отрицаемъ, — спрашиваетъ Давидъ? Но можно ли оперировать такими аргументами, разсчитанными только на чувство? Бернштейнъ и я не менѣе васъ знаемъ нищету и хотимъ ее уничтожить, но развѣ это говоритъ за вѣрность теоріи, которую мы приняли въ свою программу, будто съ ростомъ капиталистическаго хозяйства положеніе рабочаго класса становится все хуже? Мы не рисуемъ ничего въ розовыхъ краскахъ, но если факты и цифры констатируютъ улучшеніе, а не ухудшеніе, то нельзя же защищать теорію обнищанія! Каутскій прибѣгаетъ къ казуистическому пріему, толкуя Verelendungstheorie не въ физическомъ, а соціальномъ смыслѣ. Какая игра словами! Остроумнѣе попытка представить пониженіе уровня жизни массъ не какъ *фактъ*, а только какъ *тенденцію* капиталистическаго хозяйства: противъ этого, я думаю, Бернштейнъ ничего не можетъ имѣть; но не изображайте въ такомъ случаѣ возможности, въ дѣйствительности не воплотившейся, какъ уже наступившій фактъ! Не менѣе слабы аргументы, выставленные противъ критики Бернштейна, относящейся къ теоріи кризисовъ и ученію о неминуемой катастрофѣ, къ которой они будто должны вести. Бернштейнъ, по моему мнѣнію, доказалъ съ полной очевидностью, что мы тутъ имѣемъ дѣло не съ научной истиной, а съ гипотезой, изъ которой не дѣлаютъ никакихъ практическихъ заключеній и еще меньше— предсказаній, въ родѣ извѣстнаго пророчества Энгельса и Бебеля о „катастрофѣ“, имѣвшей наступить въ 1898 г.“ Давидъ подробнѣе останавливается на условіяхъ сельскаго хозяйства, говорящихъ противъ положенія о концентраціи всѣхъ формъ производства въ большихъ предпріятіяхъ, и энергично защищаетъ мысль Бернштейна о необходимости параллелизма въ политической, ассоціаціонной и профессіональной дѣятельностяхъ.

„Бернштейнъ,—заканчиваетъ Давидъ,— отнялъ у насъ предразсудки и гипотезы и даетъ вмѣсто нихъ умные совѣты, какъ и при нынѣшнемъ порядкѣ поднять положеніе рабочаго класса, не уклоняясь отъ конечной цѣли.“

Одинъ изъ тѣхъ двухъ крупныхъ помѣщиковъ, о которыхъ Бебель упомянулъ въ своемъ рефератѣ, попросилъ слова, чтобы высказаться противъ идей Бернштейна съ точки зрѣнія сельскаго хозяина. Въ рѣчи помѣщика соціалъ-демократа не было ничего замѣчательнаго, и Гоферъ, — такъ зовутъ оратора, — не мастеръ

слова, но тѣмъ не менѣе его слушали съ живѣйшимъ вниманіемъ. Вѣроятно, онъ лично симпатиченъ своимъ новымъ товарищамъ, иначе они не такъ благодушно отнеслись бы къ нѣкоторымъ его аграрнымъ слабостямъ, къ его утвержденію, напримѣръ, что иностранная конкуренція вредна и для мелкаго землевладѣнія, или къ замѣчанію: не вѣрьте либеральнымъ газетчикамъ, пишущимъ о насъ, аграріяхъ, будто мы питаемся только устрицами и шампанскимъ. Что нравилось, очевидно, Бебелю и заставляло его повторять каждый разъ: *слушайте, слушайте*, это то, что землевладѣлецъ, слѣдовательно спеціалистъ-практикъ въ сельскомъ хозяйствѣ, высказался за крупное хозяйство, какъ за технически и даже соціально болѣе выгодное, хотя, конечно, не въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ: выносливость мелкаго землевладѣнія и его устойчивость покупаются будто цѣной такого пониженія уровня жизни, что многимъ сельскимъ рабочимъ живется лучше, чѣмъ крестьянину-собственнику. Когда-то Бебель считалъ такія рѣчи вздоромъ (вспомнимъ, напримѣръ, объ его защитѣ мелкой собственности на конгрессѣ въ Бреславлѣ), но теперь онѣ ему очень симпатичны, потому что подкрѣпляютъ Verelendungstheorie и не ставятъ преградъ теоріи концентраціи.

LXXX.

Берлинъ, 2-го октября 1899 г.

При всемъ различіи въ общественномъ положеніи, воспитаніи, взглядахъ и идеалахъ, люди одной эпохи и одной націи все-таки очень похожи другъ на друга. Я невольно разсмѣялся сегодня, прочитавъ въ оффиціальномъ органѣ министерства финансовъ и въ главномъ органѣ соціалъ-демократіи статьи, удивительно совпадавшія по основной тенденціи: первая находитъ, что сомнѣнія въ устойчивости государства Гогенцоллерновъ лучше всего опровергаются тѣмъ фактомъ, что цѣлую недѣлю можно открыто громить основы общественнаго порядка безъ всякаго вреда для общественнаго спокойствія, а вторая видитъ силу противниковъ этого порядка въ возможности вести на партейтагѣ страстные дебаты объ основныхъ вопросахъ теоріи и тактики и все-таки разойтись „братьями“. Идеи обѣихъ статей, конечно, различны, но въ нихъ одинаково выражается умѣнье нѣмцевъ „дѣлать изъ нужды добродѣтель“. Газета министерства пишется людьми, которые проповѣдуютъ исключительные законы, но пока ихъ нельзя провести,

отчего не воспользоваться случаемъ показать силу фатерланда? Органъ партіи отлично знаетъ, что такіе дебаты ничуть не содѣйствуютъ гармоніи и братству ихъ участниковъ, но разъ ихъ нельзя было устранить, то какъ же не похвастать: вотъ мы какіе сильные, никакая другая партія такъ открыто не стираетъ свое грязное бѣлье!

Для посторонняго наблюдателя, видящаго въ германскомъ рабочемъ движеніи одно изъ любопытнѣйшихъ явленій западно-европейской жизни, которое заслуживаетъ внимательнаго изученія уже потому, что оно тѣсно связано съ внутреннимъ и внѣшнимъ положеніемъ Германіи,—дебаты ганноверскаго конгресса представляютъ, разумѣется, нѣчто бо́льшее, чѣмъ столкновеніе между отдѣльными вождями и личныя препирательства. Когда появится стенографическій отчетъ, въ немъ окажется масса поучительнаго и для экономиста-теоретика, и для историка общественныхъ теченій. Здѣсь не мѣсто приводить теоретическія разсужденія защитниковъ и противниковъ „чистаго“ марксизма, превосходно, съ поразительной ясностью формулированныя Каутскимъ и Давидомъ. Бо́льшій интересъ для широкаго круга читателей представляетъ практическій результатъ спора. Тѣ, которые думали, что ересь Бернштейна поведетъ къ расколу въ рабочей партіи, ошиблись и на этотъ разъ, какъ ошибались они уже раньше, когда дебатировались вопросы объ аграрномъ строѣ и тактикѣ поссибилистовъ съ Фольмаромъ во главѣ. Никого изъ партіи не изгнали, никого не предали анаоемѣ, и въ концѣ-концовъ приняли резолюцію Бебеля подавляющимъ большинствомъ. Но вотъ что́ изумительно: за эту резолюцію, смыслъ которой тотъ, что партія не находитъ нужнымъ измѣнять свое названіе, свою тактику и свои конечныя стремленія, голосовали и Ауэръ, и Давидъ, и Фольмаръ. Какъ это понять? Мнѣ кажется, только въ томъ смыслѣ, что пока еще не время перейти къ оффиціальному измѣненію программы, да и нѣтъ особенной надобности спѣшить: вѣдь въ сущности эта программа не мѣшала и до сихъ поръ сосредоточиться преимущественно на практическихъ задачахъ текущей жизни! Таковъ смыслъ и двухъ наиболѣе замѣчательныхъ рѣчей на съѣздѣ—Ауэра и Фольмара. Особенно ярко рисуетъ измѣненія, происшедшія въ германскомъ рабочемъ движеніи рѣчь Ауэра, талантливѣйшаго представителя практическаго соціализма.

„Мы выйдемъ отсюда совершенно такими, какъ пришли,—говорилъ Ауэръ,—т. е. товарищами, которыхъ объединяетъ желаніе улучшить судьбу народа, въ остальныхъ же отношеніяхъ, и особенно

въ вопросахъ теоріи, отличающимися другъ отъ друга настолько, насколько различны темпераментъ, складъ ума, условія, въ которыхъ каждый выросъ. Теоретическіе вопросы вообще не моя спеціальность, но я все-же настолько понимаю и цѣню отвлеченныя проблемы, что не думаю, чтобы ихъ можно было рѣшать поднятіемъ рукъ *(Смѣхъ)*. Я самъ не марксистъ и не „бернштейніанецъ“: я не принадлежу къ марксистамъ въ узкомъ смыслѣ, къ которымъ до недавняго времени причисляли и Бернштейна; я и не „бернштейніанецъ“, потому что при всей дружбѣ съ Бернштейномъ,—мы еще съ 70-хъ годовъ закадычные друзья,—не могу раздѣлять его практическихъ предложеній. Профессіональные союзы, по-моему, очень полезны и заслуживаютъ всяческаго поощренія, но сосредоточиться на нихъ въ видахъ спеціализаціи учрежденій и умовъ—напрасный трудъ: если мы подвинемся такъ далеко, что въ наши руки попадетъ распоряженіе производствомъ, то мы точно такъ же найдемъ для себя умѣлыхъ людей, какъ ихъ находятъ теперь Круппъ или Штуммъ. Еще менѣе я схожусь съ Бернштейномъ въ отношеніи къ ассоціаціямъ: тутъ онъ прямо наивенъ. Подумаешь, какая хитрая комбинація: соорудить за спиной буржуа въ маленькомъ масштабѣ государство будущаго и въ одинъ прекрасный день поднять вдругъ занавѣсъ и произнести: вотъ тебѣ, мы готовы! Вы думаете, что буржуа такъ глупъ и не замѣтитъ вашей хитрости? *(Бурный смѣхъ)*. И тѣмъ не менѣе во всемъ почти, что Бернштейнъ сказалъ, много здраваго смысла и глубокой честности человѣка, не умѣющаго игнорировать фактовъ жизни, не довольствующагося повтореніемъ шаблонныхъ формулъ и не останавливающагося предъ авторитетомъ хотя бы очень крупныхъ мыслителей, но формулировавшихъ свои положенія на основаніи другихъ явленій дѣйствительности. Можно глубоко уважать Маркса и Энгельса, но вѣдь и сильный умъ дѣлаетъ выводы только изъ суммы явленій своей эпохи, а за сорокъ лѣтъ условія мѣняются. Мы всегда такъ гордимся своей независимостью и неустрашимостью, почему же наша критика должна остановиться предъ противорѣчіями между теоріей и дѣйствительностью? Что касается меня, то я всегда питалъ искреннѣйшее отвращеніе къ апологетамъ и педантамъ; можетъ быть, этотъ недостатокъ — результатъ моего плебейскаго воспитанія и отсутствія философской жилки, но когда ко мнѣ приставали съ діалектическимъ методомъ, я пугался его, какъ чудовища, въ которое нужно вѣрить, потому что ничего не понимаешь *(Бурный смѣхъ)*. И вотъ эти-то хра-

нители чистоты вѣры, изъ которыхъ многіе понимаютъ не больше меня, обрушились на честнаго Бернштейна, смѣющаго думать, что ученикъ долженъ не только повторять учителя, но и поправлять его. Когда я прочелъ книгу Бернштейна, я ему написалъ: „Милый Эдя (Эдуардъ), ты оселъ: такихъ вещей не *говорятъ*, такъ только *поступаютъ*“ *(Бурный смѣхъ)*.

Переходя отъ сарказма къ тону глубочайшаго негодованія, Ауэръ бичуетъ тѣхъ задорныхъ противниковъ новизны, которые до конгресса разыгрывали роль инквизиторовъ, а здѣсь въ залѣ вдругъ открыли въ себѣ терпимость и великодушіе. „Я тебя, Бебель,—обращается Ауэръ къ своему старому другу,—не причисляю къ этой компаніи, но мнѣ досадно, что и ты не удержался отъ неприличныхъ выходокъ противъ товарища, десятки лѣтъ славно и безкорыстно для насъ потрудившагося. Если послушать тебя, то онъ—невѣжда и нахалъ *(Протестъ Бебеля)*; ты этого не думаешь, ты слишкомъ честенъ и не такъ глупъ, чтобы сказать, что человѣкъ, которому Марксъ и Энгельсъ поручили заботу объ ихъ литературномъ наслѣдіи, ничего не понимаетъ въ экономіи и исторіи, однако ты считаешь нужнымъ учить его азбукѣ и бросать тѣнь на его познанія. Вспомни, какъ тебѣ самому случалось ошибаться, хотя бы съ твоимъ знаменитымъ предсказаніемъ наступленія „катастрофы“? Когда ты мнѣ въ первый разъ указалъ точный срокъ, я, Ѳома невѣрующій, усомнился, и за это ты меня назвалъ филистеромъ, у котораго нѣтъ ни капли революціоннаго жара *(Смѣхъ)*. И во второй, и въ третій разъ я тебѣ повторялъ: Мы еще подождемъ, дружище, дѣло не къ спѣху. *(Хохотъ)*. Гдѣ теперь твоя вѣра, твоя революціонная жилка? Каутскій вчера здѣсь назвалъ всѣ такія прорицанія очень невѣжливымъ словомъ; кажется, онъ говорилъ объ идіотизмѣ? И я потомъ спросилъ его: что, Бебель еще не послалъ вамъ секундантовъ? *(Смѣхъ)*. Я говорю это тебѣ не въ обиду: ты сердишься, но мы все-таки останемся друзьями, и идіотомъ я тебя не считаю, а только вижу на твоемъ примѣрѣ, что умный человѣкъ можетъ сдѣлать глупость, увлекаясь темпераментомъ, вмѣсто того, чтобы считаться съ фактами. За то, что стремленіемъ Бернштейна было вернуть насъ изъ облаковъ въ реальный міръ, я и считаю его попытку не вредной, а полезной. Чинить надъ нимъ за это судъ и отказать ему въ товарищескомъ уваженіи было бы возмутительно. Въ резолюціи, предложенной Бебелемъ,—заканчиваетъ Ауэръ,—нѣтъ ничего инквизиціоннаго, и потому, и я, и многіе другіе, стоящіе за

полную свободу критики, можемъ ее принять, тѣмъ болѣе, что и самъ Бернштейнъ противъ нея ничего не имѣетъ. „Ты можешь сообщить конгрессу,—пишетъ онъ мнѣ,—что я принимаю резолюцію Бебеля съ обычной въ такихъ случаяхъ крупицей соли“.

Замѣтьте, что такъ говорилъ одинъ изъ вождей партіи, главная ея рабочая сила, и никто изъ его слушателей, хотя были и недовольные его грубостью, не пришелъ въ ужасъ. Десять лѣтъ тому назадъ немыслимо было бы заявить въ подобномъ собраніи: я не марксистъ...

Фольмаръ, попросившій слова къ концу дебатовъ, началъ съ полемическаго замѣчанія противъ Шепланка, выступающаго въ послѣднее время противникомъ всякихъ компромиссовъ, осуждающаго баварцевъ за ихъ выборный картель съ клерикалами и взявшаго подъ свое покровительство ярко-красную Розу Люксембургъ, которая учитъ уму-разуму политическихъ дѣятелей, какъ Ауэръ или онъ, Фольмаръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Шепланкъ принадлежалъ къ крайней правой своей партіи и увѣрялъ, что баварцы—люди съ практическимъ смысломъ, дѣлающіе свое дѣло спокойно и не смущаясь глупыми выходками доктринеровъ. Тогда, правда, Каутскій былъ для Шепланка „великимъ инквизиторомъ догматизма“. „Я могу поэтому спокойно отнестись и къ нынѣшней метаморфозѣ во взглядахъ Шепланка,—говоритъ Фольмаръ:—подобно тому, какъ онъ одобрялъ насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ, можетъ-быть, станетъ хвалить насъ нѣсколько лѣтъ спустя. И точно также, вѣроятно, не мы одни, баварцы, постепеновцы, оппортунисты или какъ насъ тамъ еще называютъ, но вообще многіе изъ товарищей, посѣдѣвшихъ въ борьбѣ за интересы пролетаріата, отнесутся вполнѣ спокойно къ ярлыку, который имъ наклеятъ строгіе хранители чистоты программы и принциповъ. Вѣдь, собственно говоря, весь этотъ споръ не столько вызванъ книгой Бернштейна, сколько цѣлымъ рядомъ поступковъ, съ которыми и хранители догмы мирились на практикѣ просто уже потому, что эти поступки были необходимы и вели отъ побѣды къ побѣдѣ. Для Бернштейна большая честь, что могущественная партія посвящаетъ больше половины засѣданій своего конгресса разсмотрѣнію его взглядовъ, но онъ вѣдь только систематизировалъ еретическіе взгляды, которые уже существовали въ нашей партіи, такъ что я, Ауэръ и многіе другіе пожалуй могли бы обидѣться, что насъ, прочихъ еретиковъ, какъ-будто совсѣмъ игнорируютъ“ *(Смѣхъ и одобреніе).*

„Это имѣетъ, впрочемъ, ту хорошую сторону,—иронизируетъ

Фольмаръ,—что, оставаясь посторонними слушателями, мы можемъ объективнѣе, не подчиняясь страстному настроенію борющихся, подвести итогъ дебатамъ. И знаете, къ какому я прихожу выводу? Что, по нѣмецкой пословицѣ, и въ этотъ разъ супъ съѣденъ не такимъ горячимъ, какъ его варили. Чего только не писали въ нашей прессѣ и не говорили на рабочихъ собраніяхъ объ отступничествѣ Бернштейна, о „кликѣ", къ нему примыкающей,—со мною, грѣшнымъ, въ томъ числѣ, потому что, когда чистые доктринеры говорятъ объ отступникахъ, они меня никогда не забываютъ: „всѣ мы должны вылетѣть", „быть выброшенными за бортъ", какъ враги или по крайней мѣрѣ какъ недостойные называться Genossen. Кто меньше моего привыкъ къ такимъ комплиментамъ, тотъ испытывалъ жуткое чувство человѣка, для котораго готовится костеръ *(Шумныя возраженія)*. Развѣ это не такъ? Развѣ Бернштейну и тѣмъ, которые съ нимъ болѣе или менѣе солидарны, не предлагали уйти вонъ, если они не хотятъ, чтобы ихъ съ позоромъ выгнали? Да, товарищи, костеръ уже былъ разложенъ, недоставало только спичекъ и сильныхъ рукъ, которыя бы насъ потащили въ огонь. Я зналъ, что инквизиторы сильны только фразами, но мнѣ все-таки пріятно было убѣдиться на конгрессѣ, что большинство товарищей, какъ ни значительны между нами индивидуальныя различія, не одобряетъ нелѣпыхъ попытокъ зажать ротъ всякому самостоятельному мнѣнію *(Одобреніе и протестъ)*. Тѣ, которые меня перебиваютъ, кажется, уже забыли, что одна изъ писательницъ, стоявшая во главѣ непримиримыхъ, заявила, что свобода научнаго изслѣдованія не должна заводить такъ далеко, чтобы оспаривать основныя положенія партіи. Развѣ это не тотъ же клерикализмъ? На конгрессѣ, повторяю, съ такими реакціонными требованіями не осмѣлились выступить даже тѣ, которымъ принадлежитъ честь ихъ авторства. Я былъ пораженъ, какъ скромно себя здѣсь держала г-жа Люксембургъ: куда дѣвалась ея прыть, ея фанатическое желаніе выбрасывать насъ? Мы даже теперь имѣемъ возможность продолжать свою скромную практическую дѣятельность съ ея благосклоннаго разрѣшенія, что, конечно, доставитъ намъ большое нравственное удовлетвореніе: пріятно знать, что дѣлаешь дѣло, одобряемое умомъ столь выдающимся и столь компетентнымъ въ вопросахъ тактики *(Смѣхъ)*. Я только спрашиваю себя: изъ-за чего же раньше такъ раскудахтались?" *(Президентъ Зингеръ призываетъ оратора къ порядку за это не-парламентское выраженіе)*.

„Не подъ каждымъ словомъ Бернштейна я подпишусь, — продолжаетъ Фольмаръ, — въ частности я, напримѣръ, не согласенъ съ нимъ во взглядахъ на достоинства нѣмецкаго либерализма: авторъ, вынужденный нести тягость изгнанія, смотритъ въ этомъ случаѣ, какъ, впрочемъ, и многіе другіе замѣчательные эмигранты, сквозь англійскія очки. Я понимаю, что можно соглашаться или не соглашаться съ идеями Бернштейна, но дѣлать ихъ предметомъ суда, вообще ставить такіе вопросы на партійныхъ съѣздахъ—на мой взглядъ нелѣпо. Вы знаете, что я самъ не вышелъ изъ пролетаріата и высоко цѣню научное изслѣдованіе, но увѣряю васъ, что споръ жрецовъ о чистотѣ догмы подъ конецъ только внушитъ рабочимъ недовѣріе къ наукѣ. Бернштейну можно сказать спасибо за то, что его произведенія возбуждаютъ работу мысли,—не трогайте же его, дайте каждому право высказываться въ научныхъ кружкахъ и въ печати, а здѣсь у насъ довольно практической работы. Пора бросить привычку обращать партійные съѣзды въ кружки для научныхъ дебатовъ“.

Заключительное слово принадлежало Бебелю. Что его резолюція будетъ принята подавляющимъ большинствомъ,—уже не подлежало сомнѣнію, но въ тонѣ популярнаго вождя нѣтъ ничего торжествующаго и ликующаго. Онъ вообще далекъ былъ отъ пріемовъ прямолинейныхъ хранителей догмы и самъ сознается, что еще по дорогѣ въ Ганноверъ приблизительно такъ представлялъ себѣ исходъ дебатовъ, что возможно будетъ соглашеніе, не подвергающее риску единство партіи. Развѣ онъ самъ—не поссибилистъ? Вотъ, напримѣръ, старый другъ его Либкнехтъ, бросаетъ камнями въ баварцевъ за ихъ компромиссъ съ клерикалами, тогда какъ онъ, Бебель, только радуется, если въ той или другой палатѣ однимъ представителемъ рабочихъ больше. Ничего нѣтъ зазорнаго въ томъ, что партія вступаетъ въ соглашеніе съ сосѣдями, выбирая изъ двухъ золъ меньшее. Развѣ онъ когда-либо отрицалъ необходимость реформъ, пользу законодательной работы, имѣющей въ виду интересы нынѣ живущихъ людей? Но работать для настоящаго можно, „не отказываясь отъ своей великой исторической миссіи и не обезличиваясь до неузнаваемости“. То, что предлагаетъ Бернштейнъ, повело бы къ превращенію рабочей партіи въ радикальную гражданскую демократію въ родѣ группы Зонненмана. Но все равно, выдвигать ли, какъ до сихъ поръ, стремленіе къ политической власти, или же затормазить движеніе впередъ къ пріобрѣтенію большинства въ парламентѣ юніонистскими и ассоціаціонными

диверсіями. Прежде организуйтесь и научитесь соціализировать въ жизни, — говоритъ критикъ марксизма. „Я не отрицаю, что профессіональные союзы и товарищества всѣхъ видовъ очень полезны,— отвѣчаетъ Бебель,—но они вообще должны стоять внѣ политики. Уходя цѣликомъ въ профессіональные союзы, мы теряемъ сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ, теряемъ энтузіазмъ и погружаемся въ будничныя мелочи. Въ теоріи я допускаю полную свободу мнѣній, но въ тактикѣ нельзя расходиться очень далеко, иначе теряется единство дѣйствій, безъ котораго немыслимы успѣхи въ политической борьбѣ".

Въ негодующихъ выраженіяхъ Бебель протестуетъ противъ попытки Ауэра сдѣлать его смѣшнымъ за неудачныя пророчества. Развѣ онъ отрицаетъ свои ошибки? Ему казалось, что кризисъ 80-хъ годовъ поведетъ къ банкротству капиталистическаго хозяйства; то было заблужденіе, которое онъ раздѣлялъ съ Энгельсомъ. Блаженны трезвые люди, никогда не увлекающіеся и никогда не ошибающіеся! Скептикамъ, какъ Ауэръ, это всегда было смѣшно, „но развѣ я мало перенесъ насмѣшекъ за свою ошибку, и слѣдуетъ ли теперь унижать меня въ глазахъ товарищей, цитируя еще частные разговоры, бывшіе десять и болѣе лѣтъ тому назадъ? До сихъ поръ я смотрѣлъ на Ауэра какъ на друга, теперь я буду осторожнѣе въ бесѣдахъ съ нимъ". Бебель однако не можетъ скрыть своего удовольствія, что Ауэръ по крайней мѣрѣ высказался наконецъ о своемъ отношеніи къ ученіямъ Маркса и Энгельса, признавая ихъ заслуживающими уваженія и изученія. Раньше Ауэръ любилъ выражаться о Марксѣ и Энгельсѣ какъ о папахъ соціализма. Можетъ быть, онъ теперь и Каутскаго перестанетъ титуловать отцомъ нашей церкви...

„Ты правъ, Августъ,— отвѣтилъ ему потомъ Ауэръ,— что нехорошо было съ моей стороны цитировать выраженія нашихъ частныхъ бесѣдъ, но зачѣмъ ты мнѣ подражаешь? Публично я ни Маркса, ни Энгельса такъ не величалъ".

Какъ ни желательно вождямъ соціалъ-демократіи, чтобы противники ихъ въ другихъ партіяхъ не ликовали по поводу раскола, но это полное единодушіе послѣ такой бури смущаетъ Бебеля. Ясно, что если самъ Бернштейнъ, не говоря уже о Фольмарѣ, Давидѣ и другихъ, присоединяется къ его резолюціи, то споръ не прекращенъ, выясненіе его не достигнуто. А между тѣмъ разногласія такъ существенны, что оставить ихъ невыясненными чуть ли не хуже, чѣмъ разойтись врагами. „Я не понимаю

Бернштейна, — восклицаетъ Бебель: — какъ онъ можетъ считать безразличнымъ постановленіе, категорически отрицающее то, что онъ утверждаетъ? Или онъ беретъ назадъ свои предложенія? Точка зрѣнія, на которой онъ стоялъ до сихъ поръ, такъ не согласуется съ идеями Маркса, что, будучи вмѣстѣ съ нимъ душеприказчикомъ Энгельса, я счелъ долгомъ написать Бернштейну: любезный Эдуардъ, послѣ того какъ твои взгляды измѣнились, ты долженъ сложить съ себя обязанность распорядителя литературнымъ наслѣдствомъ Энгельса, потому что въ духѣ нашего покойника ты теперь не въ состояніи распоряжаться". Понятна поэтому элегическая нотка во всемъ заключительномъ словѣ Бебеля, хотя онъ увѣряетъ, что „если полная гармонія взглядовъ и для насъ нѣчто недосягаемое, то въ основныхъ вопросахъ міровоззрѣнія мы солидарны". А развѣ тѣ положенія которыя оспаривалъ Бернштейнъ, не принадлежатъ къ основнымъ вопросамъ міровоззрѣнія?

LXXXI.

Берлинъ, 14-го февраля 1900 г.

Въ былое время, напримѣръ, при императорѣ Фридрихѣ, въ Германіи немыслимо было бы, чтобы совѣтъ министровъ, вопреки постановленію университета, удалилъ приватъ-доцента за принадлежность къ извѣстной политической партіи. Предоставьте судить его товарищамъ по факультету, — сказалъ бы покойный императоръ,—достоинъ ли онъ оставаться на каѳедрѣ, или нѣтъ. Теперь не то, судя по пресловутому дѣлу физика Аронса. Въ Берлинѣ одно время думали, что изъ благодарности къ такъ называемымъ флотскимъ профессорамъ—Шмоллеру, Ад. Вагнеру, Дельбрюку и др.—правительство не рѣшится пойти противъ единодушно выраженнаго мнѣнія факультета. Но оптимистамъ скоро пришлось разочароваться: оправдалось предсказаніе Рихтера, что либеральныхъ идей не проводятъ пушками и крейсерами. Приватъ-доцентъ Аронсъ отрѣшенъ отъ должности постановленіемъ совѣта министровъ, признавшаго его „недостойнымъ довѣрія, которое необходимо для преподавателя университета".

Молодой ученый, который читалъ до сихъ поръ спеціальные курсы по электричеству и интегральнымъ исчисленіямъ, утѣшится, вѣроятно, сознаніемъ, что его учителя Гельмгольцъ и Кундтъ,— болѣе компетентные судьи въ такихъ вопросахъ, чѣмъ Гогенлоэ и Микель,—считали его однимъ изъ достойнѣйшихъ своихъ учениковъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Deutsche Rundschau“ напечатана біографія недавно умершей вдовы Гельмгольца. Эта выдающаяся женщина, дочь Роберта фонъ-Моля и внучка Мозера, незадолго предъ смертью была на одномъ парадномъ обѣдѣ, и сосѣдъ ея, крупный бюрократъ, обратился къ ней съ замѣчаніемъ по поводу нашумѣвшаго уже тогда дѣла Аронса: „Не правда ли, сударыня, возмутительно, что встрѣчаются такіе молодые ученые?“ Вдова Гельмгольца съ негодованіемъ возразила: „Это вы говорите мнѣ, женѣ Гельмгольца и дочери профессора, потерявшаго свою каѳедру «за вредныя идеи»!“ Десятки тысячъ интеллигентныхъ и вполнѣ благонадежныхъ нѣмцевъ отнесутся не иначе къ поступку министерства, чѣмъ г-жа Гельмгольцъ къ словамъ своего сосѣда. „Подумаешь, отечество спасли отъ опасности! — иронизируетъ степенная Фоссова газета, постоянно воюющая съ партіей, къ которой принадлежитъ Аронсъ. — До сихъ поръ молодой ученый дѣлилъ свое время между занятіями интегралами и политическими собраніями, теперь же ему предоставлена возможность всецѣло посвящать себя политической дѣятельности“. Это, положимъ,—только шутка, потому что человѣкъ, любящій свою науку и принадлежащій къ видными ея работникамъ, не заброситъ книгъ и инструментовъ только оттого, что у него отняли право читать лекціи въ прусскихъ университетахъ, но она указываетъ на весь абсурдъ рѣшенія министерства. Даже ультра-патріотическіе органы какъ National-Zeitung и Tägliche Rundschau, считаютъ постановленіе совѣта министровъ прискорбной ошибкой, сдѣланной не столько изъ желанія преслѣдовать свободу науки, сколько изъ ложнаго предположенія, будто преподаватели университета такіе же чиновники, какъ и должностныя лица администраціи. Хорошо, что въ Германіи существуютъ другіе университеты, кромѣ прусскихъ. Въ Берлинѣ увѣрены, что пострадавшему приватъ-доценту открытъ любой изъ баварскихъ или баденскихъ университетовъ. Еще въ прошломъ году передавали, что Рентгенъ, покидающій Вюрцбургъ, рекомендовалъ Аронса въ преемники себѣ. Это была бы недурная иллюстраціа къ извѣстной поговоркѣ Бисмарка: „мы для южанъ слишкомъ либеральны“.

Даже въ области защиты труда, составлявшей когда-то прерогативу Пруссіи, южные нѣмцы начинаютъ обнаруживать болѣе просвѣщенные и здравые взгляды. Большинствомъ 82-хъ голосовъ противъ 39-ти въ баварской палатѣ прошелъ на-дняхъ законъ о горнозаводскихъ рабочихъ, имѣющій, помимо своего прямого

благотворнаго вліянія, еще огромное принципіальное значеніе: въ первый разъ парламентъ германской страны санкціонируетъ начало восьмичасового рабочаго дня для взрослыхъ рудокоповъ. Недаромъ дебаты въ мюнхенской палатѣ приняли страстный, порою бурный характеръ: какъ сторонники широкой государственной иниціативы въ защиту труда, такъ и противники государственнаго вмѣшательства хорошо понимали, что рѣчь идетъ о высокомъ принципѣ, а не о частномъ случаѣ. „Я не отрицаю, что горная промышленность, въ виду ея особыхъ условій, нуждается въ урегулированіи,—говорилъ министръ Феличъ,—но если мы сегодня провозгласимъ восьмичасовой максимальный день для рудокоповъ, то завтра его потребуютъ и фабричные рабочіе". Министръ затѣмъ сталъ доказывать, что восьмичасовымъ днемъ не ограничатся требованія труда: стоитъ только проявить въ этомъ случаѣ уступчивость,—и рабочіе поставятъ на своемъ знамени шестичасовой день, а потомъ и вовсе не захотятъ работать. Противъ столь наивныхъ и не новыхъ „аргументовъ" сторонникамъ проекта нетрудно было привести разумныя возраженія, основанныя на характерѣ рабочаго движенія Германіи. Мы не выступаемъ съ дѣтскими капризами, — говорили они, — а базируемъ свои требованія на изученіи условій рынка, дивидендовъ акціонерныхъ предпріятій и отношенія производительности труда къ продолжительности рабочаго дня. Клерикальная партія, поддерживавшая требованія вождей рабочихъ въ палатѣ, Фольмара и Зегица, указала на массу матеріала, разсмотрѣннаго въ коммиссіи, которая послѣ 14-ти засѣданій пришла къ заключенію, что сокращеніе труда рудокоповъ до восьми часовъ вполнѣ осуществимо. Единственная уступка, сдѣланная центромъ, состояла въ томъ, что время на спускъ въ шахты и подъемъ не было включено въ рабочій день, и затѣмъ допущены сверхурочныя работы, но не болѣе, какъ 52 раза въ годъ, по два часа въ день. Баварское правительство, конечно, можетъ наложить veto на постановленіе палаты, но пожелаетъ ли оно выступить противъ рѣшенія, принятаго большинствомъ двухъ третей голосовъ? Въ Мюнхенѣ этого не думаютъ, тѣмъ болѣе, что баварское правительство само считало крайне необходимымъ дополнить и измѣнить устарѣвшій горный уставъ 1869 года.

LXXXII.

Берлинъ, 22-го февраля 1900 г.

Мы въ большой залѣ ремесленнаго ферейна на Софіенштрассе, въ центрѣ торговаго и рабочаго Берлина. Въ праздничные дни здѣсь бываютъ литературныя утра, лекціи и сходки; но такого собранія, какое состоялось 20-го февраля, стѣны честнаго Handwerkerverein'a еще не видѣли: почти все, что̀ есть выдающагося въ литературно-артистическомъ мірѣ столицы, стеклось сюда изъ западныхъ предмѣстій и другихъ тихихъ окраинъ, гдѣ любятъ селиться работники пера и кисти. Конки и омнибусы высаживаютъ у Софіенштрассе все новыхъ и новыхъ паломниковъ; многіе подъѣзжаютъ въ каретахъ; еще больше подходятъ пѣшкомъ. Это берлинскіе литераторы, художники, артисты спѣшатъ на зовъ нѣкоторыхъ корифеевъ парламента и печати, устроившихъ митингъ для протеста противъ „законопроекта Гейнце".

Законопроектъ, какъ извѣстно, получилъ такое прозвище отъ нѣкоего Гейнце, очень нашумѣвшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ своимъ процессомъ, въ которомъ раскрылись отвратительныя черты берлинскихъ трущобъ, жизни падшихъ женщинъ и нравовъ подонковъ общества, именуемыхъ въ Парижѣ souteneurs, а въ Берлинѣ—Zuhalter. Вслѣдъ за процессомъ Гейнце появился указъ Вильгельма II, требовавшій энергичныхъ мѣръ противъ публичной безнравственности и обращавшій вниманіе на необходимость оградить подростающее поколѣніе отъ всѣхъ видовъ соблазна большого города. Министерство поспѣшило выработать проектъ: съ субъектами въ родѣ Гейнце предлагалось бороться драконовскими наказаніями, а кстати уже, но какъ бы мимоходомъ, усиливались постановленія уголовнаго кодекса о порнографіи. Изъ всѣхъ этихъ благихъ намѣреній ничего до сихъ поръ не вышло, и правительство вѣроятно успокоилось бы въ сознаніи, что его совѣсть чиста, если бы клерикалы и консерваторы, съ своей стороны, не подхватили симпатичной имъ мысли — обуздать современную литературу и искусство. То, что̀ только между прочимъ пристегнуто было къ lex Heinze, теперь выдвинуто на первое мѣсто, и основными постановленіями проекта оказались двѣ статьи, направленныя противъ „порчи добрыхъ нравовъ" произведеніями литературы и искусства. Къ существующему параграфу уголовнаго уложенія, наказывающему за распространеніе произведеній, явно расчитанныхъ на возбужде-

ніе чувственности и заключающихъ въ себѣ всѣ признаки порнографіи, предлагаютъ присоединить еще два параграфа слѣдующаго содержанія. Ст. 184*a*: „Кто продаетъ или предлагаетъ лицамъ моложе 18-ти лѣтъ произведенія литературы или искусства, которыя, сами по себѣ не будучи безправственными, однако грубо оскорбляютъ *чувство стыдливости*, подвергается наказанію тюремнымъ заключеніемъ до шести мѣсяцевъ или денежному штрафу до 600 марокъ. Тому же наказанію подлежитъ выставленіе такихъ произведеній на показъ въ окнахъ и во всѣхъ мѣстахъ, доступныхъ публикѣ“. По буквальному смыслу этой статьи, выставка въ витринѣ художественнаго магазина Аполлона Бельведерскаго или Венеры Медиційской можетъ повлечь за собой наказаніе тюрьмой, а кто не знаетъ склонности нѣмецкихъ судей держаться буквы закона? Сатирическіе листки изобразили на-дняхъ одно полезное животное, не отличающееся однако художественнымъ чутьемъ, въ раздумьи предъ Венерой, съ укоризненнымъ замѣчаніемъ: „совсѣмъ неприкрыта, какъ же можно показываться публично безъ щетины?“ Если ст. 184*a* получитъ силу закона, то книгопродавца, продавшаго гимназисту 7-го класса „Римскія элегіи Гёте“ можно привлечь къ отвѣтственности за продажу сочиненія, которое „не будучи само по себѣ безправственнымъ, можетъ однако оскорбить чувство стыдливости въ юношѣ, не достигшемъ еще 18-ти лѣтъ“. Слѣдующая статья 184*b*, — еще болѣе суровая и возвышаетъ уровень наказанія до цѣлаго года тюрьмы за то же „преступленіе“, совершенное на театральныхъ подмосткахъ, причемъ угроза относится не только къ директору театра и автору, но и ко всѣмъ актерамъ, которые только „станутъ вести себя на сценѣ такъ, что нравственное чувство зрителя будетъ возмущено“. Достаточно, слѣдовательно, старому ханжѣ заявить дежурному блюстителю порядка, что его чувство стыдливости оскорблено, — и директора, автора или актера можно привлечь къ суду. Само собою разумѣется, что въ нынѣшнихъ кафе-шантанахъ и такъ-называемыхъ Specialitäten-Theater дѣйствительно много грязи, развращающей подростковъ; но развѣ теперь мало средствъ, чтобы бороться съ порнографіей?

Большая зала и хоры уже съ 11-ти часовъ утра такъ переполнены, что всякому вновь входящему съ трудомъ можно протиснуться. Всѣ сословія и всѣ возрасты имѣютъ здѣсь своихъ представителей, отъ безусаго студентика до старика-художника, отъ молоденькой ученицы консерваторіи до степенной матроны-бел-

летристки. На эстрадѣ возлѣ предсѣдателя сидитъ 82-хъ лѣтній Теодоръ Моммзенъ. Лицо великаго историка Рима похоже на слоновую кость, отъ долгаго употребленія начинающую просвѣчивать; съ черепа спускаются пряди какъ-будто тонкаго бѣлаго шелка, но глаза еще зажигаются огнемъ, движенія быстры, какъ у человѣка, которому нельзя терять времени, и руки, высохшія отъ 60-тилѣтней работы перомъ, еще умѣютъ громко апплодировать, когда изъ устъ оратора раздается мѣткое слово. Особенно горячо старый историкъ рукоплещетъ своему сосѣду Зудерману, котораго одинъ изъ клерикаловъ рейхстага недавно цитировалъ въ качествѣ типичнаго совратителя и отравителя въ современной литературѣ.

Первымъ говорилъ свободомыслящій депутатъ Шрадеръ. Онъ взялъ на себя задачу охарактеризовать сущность предлагаемыхъ мѣръ съ юридической точки зрѣнія. Познакомивъ слушателей съ дѣйствующимъ законодательствомъ, депутатъ приходитъ къ выводу, что противъ истинной безнравственности, разсчитанной на дурные инстинкты и промышляющей грязью, есть достаточно средствъ и безъ всякихъ „проектовъ Гейнце“. Нужно только не увлекаться иллюзіей, будто наказаніями мы въ состояніи создать идеальныхъ людей. „Если мы протестуемъ противъ попытки клерикаловъ, то навѣрное уже не потому, что меньше, чѣмъ они, цѣнимъ чистоту нравовъ: мы не хотимъ,—говоритъ депутатъ,—чтобы подъ покровомъ нравственности проводились идеи, являющіяся насмѣшкой надъ свободой слова и искусства; мы не хотимъ введенія въ нашу правовую жизнь такихъ растяжимыхъ понятій, какъ чувство стыдливости, открывающихъ „двери и ворота“ личнымъ вкусамъ судей, т. е. произволу“.

Гвоздемъ собранія была рѣчь Зудермана, хотя авторъ „Чести“ и не выдающійся ораторъ. Высказанныя имъ мысли можно кратко формулировать такъ: Проектъ направленъ не противъ современной литературы, а противъ идей цѣлаго поколѣнія. Люди, переставшіе понимать идеи новаго времени, всегда считаютъ ихъ превратными; и такъ какъ они не въ силахъ бороться съ ними, то обрушиваются на зеркало—литературу. Она, будто, совращаетъ и извращаетъ, — но чѣмъ? Тѣмъ, что вѣрно отражаетъ дѣйствительность. „Я здѣсь въ правѣ говорить только отъ имени драматической литературы,—обращается Зудерманъ къ слушателямъ,—но она еще больше другихъ въ этомъ проектѣ является въ образѣ Prügelknabe,—мальчика, котораго бьютъ, чтобы другіе были благонравны. Современные драматурги стремятся уничтожить понятія

добра и зла? Подумаешь, какъ это легко, съ какимъ наслажденіемъ демоны-авторы обрушиваются на добродѣтель чистыхъ слушателей! Но на чемъ основано такое обвиненіе? Только на томъ, что современный драматургъ не признаетъ пошлаго морализированія, не допускаетъ, чтобы на одной сторонѣ были только ангелы, а на другой — только черти, и это свое убѣжденіе, являющееся выраженіемъ старой философской истины: все въ движеніи, все измѣняется во времени и въ пространствѣ,—писатель старается воплотить въ образахъ, которые, конечно, не могутъ быть чистыми типами добра и зла. Чѣмъ образы жизненнѣе, тѣмъ больше будетъ соединенія въ насъ добра и зла! „Признаюсь, это очень грустно,—иронизируетъ Зудерманъ,—особенно когда придется примѣнять новый законъ, морализующій нашъ испорченный вѣкъ: прежде, когда на сценѣ были только злые и только добродѣтельные люди, наблюденіе за литературой и театромъ было доступнѣе полицейскимъ. Теперь имъ задаютъ трудную проблему. Съ точки зрѣнія закона, конечно, великимъ благодѣяніемъ будетъ уже то, что изъ страха предъ тюрьмой не появится больше вредныхъ пьесъ. На сценѣ все будетъ чинно и благородно, чувства будутъ возбуждены патріотическими фразами, цѣлыя галлереи предковъ пройдутъ предъ нашими глазами, и сколько династій въ Германіи, столько героевъ и добродѣтельныхъ княгинь будетъ изображено истинными поэтами. А соціальная драма? Ну, совсѣмъ ее игнорировать нельзя, но буйные вспышки толпы будутъ устранены проповѣдью мѣстнаго пастора и энергіей благороднаго ландрата. За что, для чего вообще хотятъ содрать кожу съ нѣмецкаго писателя-драматурга? Чтобы бороться кнутомъ съ безнравственностью? Но вѣдь неправда, что нравственность падаетъ“. Немножко театрально, à la Зола, Зудерманъ заканчиваетъ обѣщаніемъ бороться до послѣдняго издыханія за святыя права мысли: „Насъ заставляютъ покинуть тихій рабочій кабинетъ для агитаціи,—хорошо же, мы станемъ агитаторами“.

„Постановленія lex Heinze, — гласитъ единогласно принятая затѣмъ резолюція собранія,—содержатъ въ себѣ угрозу развитію нѣмецкой литературы и искусства и недостойны великой культуры нашего народа. Собраніе высказываетъ увѣренность, что представители народа въ окончательномъ голосованіи отвергнутъ эти растяжимыя, допускающія самое произвольное толкованіе, статьи уголовнаго проекта, унизительныя для дѣятелей литературы и искусства, и безсмысленныя съ точки зрѣнія поднятія нравственности“.

LXXXIII.

Берлинъ, 16-го іюня 1900 г.

Предъ редакціей бойкаго „Localanzeiger'а“ съ утра до вечера масса любопытныхъ, поджидающихъ послѣднихъ извѣстій изъ Китая. Каждые полчаса вывѣшиваютъ свѣжіе листки, сообщающіе то о распространеніи возстанія боксеровъ, то о попыткахъ державъ къ освобожденію пословъ, то объ отчаянномъ положеніи окруженныхъ фанатиками европейцевъ. Но, странное дѣло: хотя рѣчь идетъ и о соотечественникахъ, вы не замѣчаете въ толпѣ того напряженнаго вниманія, того страстнаго интереса, съ которымъ мѣсяцъ тому назадъ еще ждали у тѣхъ же оконъ телеграммъ изъ Трансвааля. Ни капли ненависти къ врагу, такъ что проживающіе здѣсь китайцы могутъ спокойно прогуливаться Подъ Липами, не вызывая даже насмѣшекъ мальчишекъ. Если бы и не существовало фикціи, будто державы воюютъ не съ Китаемъ, а съ мятежниками, желтокожихъ людей все таки не трогали бы. „За что съ нихъ взыскивать,—добродушно замѣтилъ мнѣ кондукторъ на конкѣ.—Безсловесный народъ, не имѣющій никакихъ правъ и не повинный въ томъ, что дѣлаетъ ихъ императрица-мать. Сказать по совѣсти, и боксеровъ особенно винить нельзя: если мы говоримъ, что Германія для нѣмцевъ, то почему же имъ не думать, что Китай для китайцевъ, а не для „блѣднолицыхъ чертей“?

Мой собесѣдникъ, очевидно, вычиталъ это въ своей газетѣ, и я не спрашиваю въ какой. Во всей берлинской печати нашлась только одна, рѣшившаяся держать открыто сторону Китая, вызывая градъ насмѣшекъ и остротъ на-счетъ страннаго союза радикализма и китайской косы. Не-то, чтобы преобладающая здѣсь свободомыслящая печать очень восхищалась перспективой кровопролитной войны, въ которой немало нѣмцевъ положатъ свои молодыя головы, но какъ же Германія останется въ роли спокойнаго зрителя, если другіе начнутъ дѣлить? Фраза Бюлова: мы хотимъ имѣть свое мѣсто на солнцѣ, пришлась такъ по вкусу, что всякій разъ, какъ въ Азіи или Африкѣ пахнетъ добычей, въ Берлинѣ начинаютъ бить въ барабанъ. Китай же не какой-нибудь маленькій объектъ дѣлежа, да и торговые интересы тамъ исчисляются десятками милліоновъ. Рихтеръ и его сторонники, разумѣется, не проповѣдуютъ крестоваго похода противъ азіатскаго варварства: это они предоставляютъ здѣшнимъ консерваторамъ, органъ кото-

рыхъ, „Kreuz-Zeitung“, не перестаетъ доказывать нравственнаго права Европы вообще и Германіи въ особенности „водворять европейскую культуру въ странѣ, разлагающейся отъ недостатка свѣжаго воздуха“. Однако ни свободомыслящіе, ни либералы другихъ оттѣнковъ не рѣшаются теперь заявлять, какъ это происходило раньше въ рейхстагѣ по поводу другихъ колоніальныхъ приключеній, что самое благоразумное—не совать пальцевъ въ чужіе горшки, а ограничиться лишь защитой жизни своихъ согражданъ, если она подвергается опасности. Теперь еще трудно представить себѣ, что̀ будетъ, когда въ китайскихъ водахъ очутится сто тысячъ европейскихъ, американскихъ и японскихъ солдатъ, но этимъ вопросомъ здѣсь задаются, и онъ не меньше тревожитъ предусмотрительныхъ людей, чѣмъ участь посланниковъ.

За событіями на дальнемъ Востокѣ въ Берлинѣ почти исчезъ интересъ къ вопросамъ внутренней жизни. Правда, рейхстагъ и прусская палата уже закрыты, острыхъ столкновеній нѣтъ, новыхъ законодательныхъ темъ пока еще не выдвинуто, но и въ періодъ затишья развѣ мало содержанія въ жизни культурной націи? Мнѣ хочется сказать хоть нѣсколько словъ „о гутенбергскихъ дняхъ“, отпразднованныхъ только-что въ Майнцѣ и Страсбургѣ. Родился ли отецъ современной типографіи въ 1500 году, дѣйствительно ли ему первому принадлежитъ изобрѣтеніе подвижныхъ буквъ, напечатана ли первая книга на его станкахъ въ Майнцѣ, — это все спорно, но развѣ не симпатична вамъ гордость майнцскихъ бюргеровъ, что человѣкъ, съ именемъ котораго связано величайшее открытіе, знаменующее переходъ отъ Среднихъ вѣковъ къ Новой исторіи,— ихъ соотечественникъ, что по улицамъ этого стараго города когда-то ступала его нога? Писатели, журналисты, книгопродавцы, студенты и просто интеллигентные люди всякаго званія откликнулись на приглашенія магистрата, и въ продолженіе трехъ дней все жило воспоминаніями о Гутенбергѣ. Серьезныя засѣданія и посѣщенія образцовой выставки книгопечатанія смѣнялись народными празднествами, банкетами, прогулками по Рейну. Въ Германіи трудно представить себѣ народное торжество безъ факельцуга или фестцуга. У жителей Майнца это выходитъ всегда особенно ярко и живописно. Шествіе открыла группа учениковъ Гутенберга, за ними слѣдовали рыцари, ландскнехты, мейстеръ-зингеры. Въ роскошно убранномъ экипажѣ возсѣдала Могунція, олицетвореніе родины Гутенберга, и за нею группами двигались свѣтила и типичные представители слѣдующихъ за его открытіемъ вѣковъ.

Въ удачной инсценировкѣ студентовъ и художниковъ ожили Гутенбергъ, Зиккингенъ, Дюреръ и Гольбейнъ, Спиноза и Кантъ. Великіе дѣятели литературы и искусства, отъ Аріосто, Тассо, Мольера и Шекспира до представителей нашего времени, нашли себѣ изображеніе и славили того, кому мысль ученаго и геній поэта обязаны своимъ распространеніемъ въ умахъ и сердцахъ милліоновъ людей. Мы на веселомъ Рейнѣ,—пишетъ одинъ изъ участниковъ торжества,—и очень естественно, что въ майнцскомъ фестцугѣ должна была найти мѣсто и шутка. Одна изъ группъ представляла несчастныхъ газетчиковъ, редакторовъ и публицистовъ „добраго стараго времени“, связанныхъ по рукамъ и ногамъ и окруженныхъ цензорами... „Глядя на этихъ жалкихъ нашихъ предшественниковъ, мы не могли не славить бойцовъ за свободу печати, давшихъ намъ возможность не испытывать тѣхъ мукъ, которыя соединены были съ ремесломъ журналиста еще 50 лѣтъ тому назадъ“. Эти слова напомнили мнѣ, что одинъ изъ берлинскихъ книгопродавцевъ, украсивъ свое окно произведеніями типографскаго искусства „Zur Guttenbergfeier“, въ центрѣ выставки помѣстилъ скромную книжку—текстъ закона о печати отъ 7-го мая 1873 г., избавившаго газеты отъ прежнихъ стѣсненій, концессій, залоговъ и т. п. гарантій порядка.

На долю лейпцигскаго профессора Костера выпала честь охарактеризовать у подножія памятника Гутенберга значеніе его великаго открытія. Набросавъ въ нѣсколькихъ крупныхъ штрихахъ фигуру „искателя свѣта“, его мучительныя сомнѣнія и короткія радости, ораторъ остановился на измѣненіяхъ въ культурѣ, созданныхъ книгопечатаніемъ: изъ кельи монаха и кабинета ученаго мысль широкой волной разлилась въ народѣ, будя спящихъ, разрушая предразсудки и вызывая къ дѣятельности производительныя силы человѣчества. Реформацію трудно представить себѣ безъ типографскаго станка; точно также нельзя назвать другого столь же могучаго средства къ истинному національному объединенію. Послѣ открытія подвижнаго набора въ Германіи стали писать на одинаковомъ нѣмецкомъ языкѣ и интересоваться одними и тѣми же духовными вопросами. Лютеръ и его противники, мыслители и фантазеры, агитаторы и хранители традицій—всѣ взывали къ свободному уму своихъ согражданъ, мѣсто механическаго усвоенія заняло самостоятельное мышленіе. Въ прекрасныхъ, дышащихъ любовью къ истинѣ словахъ проф. Кестеръ проводитъ предъ слушателями параллель между аристократическимъ идеаломъ образова-

нія, доступнымъ меньшинству, и идеями современной демократіи, съ осуществленіемъ которыхъ связано благополучіе государства, мирное развитіе народа и сближеніе людей на почвѣ общихъ стремленій къ правдѣ и счастью. Мыслимо ли безъ книгопечатанія такое всеобщее распространеніе народнаго образованія, какимъ гордится истекающій вѣкъ? Можно ли себѣ представить безъ открытія Гутенберга единство національной и европейской жизни, выражающееся въ томъ, что отъ столицы до глухой деревни, новое открытіе, тяжелый или радостный случай въ судьбѣ страны, религіозное или политическое движеніе волнуютъ и радуютъ весь народъ? „Мы еще не достигли такой полной гармоніи даже въ цивилизованныхъ странахъ, но мы на пути къ ней,—замѣчаетъ проф. Кестеръ, заканчивая свою рѣчь гимномъ прессѣ, „перебросившей мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую отъ насъ четвертое сословіе“. Ораторъ не слѣпъ по отношенію къ недостаткамъ современныхъ газетъ, къ духу торгашества и нетерпимости, проникающимъ черезъ нихъ въ народъ, но какой объективный ученый станетъ отрицать, что свѣтлыя стороны печати преобладаютъ надъ темными? Не нужно только гнаться за призракомъ „полезной“ прессы, какъ ее представляютъ себѣ руководители общественной власти: слово на помочахъ теряетъ свое вліяніе на умы. Обращаясь къ памятнику Гутенберга, Кестеръ говорилъ: „Подобно тебѣ, глядѣвшему впередъ, а не назадъ, мы не хотимъ довольствоваться сознаніемъ великой заслуги въ прошедшемъ, но поработаемъ надъ тѣмъ, чтобы свѣтлое будущее соединило въ одну семью всѣхъ людей, которымъ твое открытіе дало доступъ къ знанію и взаимному пониманію“.

Закончу мелочью, характерной для нѣмецкихъ нравовъ. На-дняхъ я прочелъ, что съ персидскаго шаха, проѣхавшаго въ экстренномъ поѣздѣ черезъ всю Германію, желѣзнодорожное управленіе потребовало уплаты за проѣздъ авансомъ, такъ какъ его предшественникъ Насеръ-Эддинъ нѣсколько лѣтъ не платилъ по счету, посланному въ Тегеранъ. Многіе скажутъ: какая мелочность! хорошее представленіе шахъ получитъ о нѣмецкомъ гостепріимствѣ! Нѣмцы однако находятъ, что это въ порядкѣ вещей: платитъ же императоръ Вильгельмъ въ собственной странѣ за каждую свою поѣздку. Мнѣ вспоминается характерная сцена въ прусской палатѣ: обсуждалось требованіе одного депутата о пониженіи пассажирскихъ тарифовъ, и министръ путей сообщенія высказался противъ предложенія. „Министру трудно понять нужды населенія,—замѣтилъ на это депутатъ,—потому что на свои поѣздки ему не приходится тратиться“.—

„Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ министръ путей сообщенія:—всякій разъ, когда мнѣ нужно ѣхать по желѣзной дорогѣ, я отправляюсь въ кассу и плачу за билетъ“...

LXXXIV.

Берлинъ, 26-го іюля 1900 г.

По оригинальному парадоксу исторіи въ Германіи только крайняя лѣвая рѣшительно высказываетъ тѣ взгляды на значеніе нынѣшнихъ китайскихъ неурядицъ и отношеніе Европы къ Востоку, которые у насъ можно назвать преобладающими даже въ консервативной печати. Убѣжденнѣйшимъ противникомъ политики мести и формулы „пощады не давать“, въ особенности былъ скончавшійся третьяго дня Вильгельмъ Либкнехтъ, „министръ иностранныхъ дѣлъ своей партіи“, какъ въ шутку называла его „National Zeitung“, ссылаясь не только на то, что въ руководимой имъ газетѣ онъ самъ писалъ статьи объ иностранной политикѣ, но и на то, что въ парламентѣ, на конгрессахъ ветеранъ соціалъ-демократіи любилъ касаться иностранной политики и оставался тутъ человѣкомъ 48-го года. Для него не существовало правила, что человѣчество и справедливость къ чужимъ стоятъ лишь на второмъ планѣ. Въ многочисленныхъ некрологахъ, уже появившихся въ берлинскихъ газетахъ, не забыли отмѣтить, что онъ въ 1870 г., во главѣ тогда еще незначительной парламентской группы, отказался вотировать средства на войну съ Франціей и послѣ заключенія мира протестовалъ противъ присоединенія Эльзасса и Лотарингіи. Непримиримый противникъ Бисмарка, разоблачившій фальсификацію знаменитой эмской депеши, Либкнехтъ не признавалъ геніальности желѣзнаго канцлера даже во внѣшней политикѣ, расходясь въ этомъ отношеніи со многими изъ своихъ ближайшихъ друзей, особенно изъ молодого поколѣнія.

Большинство политическихъ противниковъ покойнаго настолько безпристрастны, что признаютъ его выдающіяся нравственныя качества, его знанія и безкорыстіе. Это одно уже ясно показываетъ, что значеніе Либкнехта опредѣляется не только его взглядами на политическіе вопросы прожитаго имъ вѣка. Безъ большого преувеличенія органъ, во главѣ котораго онъ стоялъ послѣднія 10 лѣтъ, могъ написать спустя нѣсколько часовъ послѣ его смерти: „Что онъ былъ для нашей партіи? Либкнехтъ былъ сама партія“. *Былъ*, въ прошедшемъ времени, потому что на старости

лѣтъ ему уже приходилось сталкиваться съ новыми вѣяніями, на которыя непреклонный ригористъ и хранитель марксистской догмы не могъ смотрѣть иначе, какъ на ересь. „Кто не подчиняется — вылетаетъ вонъ“, — неоднократно повторялъ упорный старикъ, но не подчинявшіеся не выбрасывались за бортъ, Фольмаръ и Бернштейнъ оставались невредимыми, и даже ближайшій его другъ и ученикъ Бебель, тотъ, котораго онъ воспиталъ для борьбы и ввелъ въ міръ идей своихъ учителей, неоднократно отказывался слѣдовать за старикомъ. Либкнехта однако щадили, помня его заслуги въ прошломъ, сознавая, что если онъ не былъ творческимъ умомъ, подобно Марксу и Лассалю, то въ практической дѣятельности никто больше его не поработалъ для организаціи партіи и для размѣна крупныхъ идей Маркса и Энгельса на мелкую монету. Притомъ этотъ упорный до фанатизма, суровый и непреклонный въ принципіальныхъ вопросахъ человѣкъ бывалъ въ личной жизни мягокъ до сантиментальности, во всякую минуту готовый принести какія-угодно жертвы. Въ глазахъ массъ его окружали ореоломъ годы изгнанія и страданій, которыя начались для него еще болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ и не совсѣмъ прекратились и въ старости. Еще недавно его процессъ вызвалъ сенсацію какъ въ обществѣ, такъ и среди нѣмецкихъ юристовъ; отпраздновавъ свое 70-тилѣтіе, престарѣлый депутатъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ уединеніи прусской тюрьмы, подшучивая надъ заботами жены и дѣтей (два старшихъ сына его — присяжные повѣренные, одинъ изъ нихъ—офицеръ запаса). Нѣмецкимъ рабочимъ лестно было и то, что ихъ старый вождь „все знаетъ“, и нужно было видѣть, съ какой гордостью делегаты на конгрессахъ, по бо́льшей части мастеровые и мелкіе лавочники, кивали другъ-другу, когда Либкнехтъ вставалъ, чтобы привѣтствовать иностранцевъ на ихъ родномъ языкѣ. Говорилъ онъ, правда, съ убійственнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, особенно по-французски, но кто же это замѣчалъ? Въ дѣйствительности онъ былъ кладеземъ всякихъ знаній, однимъ изъ тѣхъ старыхъ нѣмцевъ, которые не перестаютъ до гроба пополнять свое образованіе. Недоступный больше убѣжденію противника, онъ терялъ вслѣдствіе этого въ парламентѣ, гдѣ у него былъ огромный недостатокъ—ни въ чемъ не соглашаться съ представителями другихъ взглядовъ. Онъ казался типичнѣйшимъ нѣмецкимъ профессоромъ маленькаго университета, считающимъ сторонниковъ другого взгляда на мельчайшій вопросъ науки—неучами и шарлатанами. Кто знаетъ, не умеръ ли бы Либкнехтъ

тайнымъ совѣтникомъ и ординарнымъ профессоромъ въ Гиссенѣ или Марбургѣ, если бы 50 лѣтъ тому назадъ ему за юношескіе грѣхи не отказано было въ утвержденіи приватъ-доцентомъ?

Теперь онъ мирно покоится на центральномъ кладбищѣ въ Фридрихсфельдѣ, гдѣ не спорятъ о милитаризмѣ, маринизмѣ или государствѣ будущаго. Изъ телеграммъ вы знаете, что подобныхъ похоронъ Берлинъ не видѣлъ уже давно. Трудно сказать, было ли на нихъ 100, 200 или даже болѣе тысячъ человѣкъ: въ такихъ массовыхъ процессіяхъ нельзя положиться на глазъ, и притомъ кого считать,—только дѣйствительно шедшихъ за гробомъ или толпы стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ улицъ, наполнявшихъ балконы и взобравшихся даже на деревья и крыши? Для знакомыхъ съ топографіей Берлина колоссальные размѣры процессіи будутъ понятны, если я скажу, что когда колесница съ останками Либкнехта достигла Потсдамерштрассе, послѣдніе ряды еще находились на Кантштрассе: это—разстояніе около двухъ верстъ. На улицу и на балконы многихъ привлекло простое любопытство, за гробомъ несомнѣнно шли друзья и сторонники покойнаго. Впрочемъ, что удивительнаго въ томъ, что „старика“ пришли проводить сотни тысячъ: вѣдь въ Берлинѣ за него и его партію на послѣднихъ выборахъ подано было болѣе 200 тысячъ голосовъ. А между тѣмъ въ процессіи находились не одни берлинцы: не было города, который не послалъ бы депутаціи; масса делегатовъ прибыли изъ-за границы, изъ Парижа, Вѣны, Брюсселя, отъ англичанъ, голландцевъ, чеховъ и пр. Огромное большинство, конечно, составляли рабочіе, хотя въ мужчинахъ въ черныхъ сюртукахъ и съ цилиндрами на головахъ и въ женщинахъ, одѣтыхъ по модѣ, не всякій узналъ бы людей, проводящихъ всю недѣлю за станками и машиной. Одинъ изъ моихъ здѣшнихъ коллегъ, корреспондентъ „Figaro“, подъ впечатлѣніемъ этого зрѣлища телеграфировалъ въ свою газету: Теперь я понимаю, что Германія—дѣйствительно страна порядка, въ которой даже крайняя партія умѣетъ строго воздерживаться отъ всякаго незаконнаго поступка. Дѣйствительно, трудно повѣрить, какъ безпрекословно вся эта толпа подчинялась указаніямъ 1,400 распорядителей, которыхъ можно было узнать по лентѣ на рукавѣ. Полиціи, безукоризненно вѣжливой и предупредительной, не приходилось не то, что вмѣшиваться для водворенія порядка, но даже дважды повторять просьбу посторониться или не двигаться впередъ. Консервативная „Täglicho Rundschau“ не безъ основанія замѣчаетъ, что всѣ эти противники

милитаризма безсознательно проявляютъ черты народа, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній прошедшаго черезъ школу всеобщей воинской повинности. „Мы откровенно признаемся, что видѣть эти безчисленные ряды людей, двигавшихся молча, безъ малѣйшаго задора и желанія кого-либо оскорбить, съ сознаніемъ: тотъ, кого мы предаемъ землѣ, можетъ быть, имѣлъ свои недостатки и чудачества, надъ которыми мы при жизни сами подсмѣивались, но онъ жилъ для насъ и готовъ былъ всегда за наши нужды положить душу, это,—замѣчаетъ консервативная газета,—намъ импонировало, это насъ трогало; какъ бы мы ни расходились во взглядахъ съ лежащимъ въ гробу старикомъ, но его намѣренія были чисты. Можетъ быть, если бы онъ могъ встать изъ гроба, то гнѣвно крикнулъ бы провожающимъ: „Зачѣмъ эти колесницы, полныя цвѣтовъ, къ чему культъ героевъ, который я всегда при жизни порицалъ?“

На кладбищѣ говорили ближайшіе друзья покойнаго и иностранные делегаты, но рѣчи не отличались оригинальностью. Газета, редакторомъ которой былъ Либкнехтъ, посвятила его похоронамъ отдѣльный нумеръ, гдѣ слишкомъ много громкихъ словъ и не все гармонируетъ съ дѣйствительностью; напримѣръ, описаніе квартиры покойнаго на Кантштрассе должно вызвать представленіе о жилищѣ пролетарія, тогда какъ въ дѣйствительности такъ, какъ жилъ Либкнехтъ, живутъ десятки профессоровъ и чиновниковъ средней руки. Изъ деталей о симпатіяхъ и привычкахъ покойнаго депутата приведу только одну, очень характерную: рядомъ съ портретами Маркса и Энгельса у него въ кабинетѣ висѣла фотографія Дизраэли-Биконсфильда. Вождь нѣмецкой соціалъ-демократіи преклонялся предъ умомъ консервативнаго государственнаго человѣка Англіи, цѣня въ немъ и замѣчательнаго политика, и выдающагося писателя.

LXXXV.

Берлинъ, 22-го августа 1900 г.

На нашей тихой улицѣ только мой сосѣдъ—профессоръ, превосходный юристъ, съ европейскимъ именемъ, но завзятый тевтонъ,—вывѣсилъ флагъ на балконѣ. На всей улицѣ это единственный признакъ, что сегодня тридцатая годовщина Седана. Въ центрѣ города немного замѣтнѣе національный праздникъ, но огромное большинство берлинцевъ все-таки предпочло слѣдовать умному примѣру думы и отказалось отъ всякаго ликованія, въ сущности давно уже неискренняго. Если въ первые годы

послѣ побѣдъ милліоны нѣмцевъ еще не могли придти въ себя отъ головокружительной перемѣны въ судьбахъ отечества, то теперь, когда побѣдители при Седанѣ уже старики, а молодое поколѣніе выросло въ высокихъ хоромахъ, постоянное повтореніе: „ахъ, какая чудная перемѣна!“ — становится просто смѣшнымъ. Въ немъ какъ-будто сказывается чувство парвеню, боящагося, что его богатство и сила—только мимолетный сонъ.

Вы знаете, что есть еще другіе международные мотивы, заставляющіе людей съ тактомъ и вкусомъ напрасно не вызывать грустныхъ воспоминаній. Правда, въ послѣдніе дни политическая картина настолько измѣнилась и перспектива „братскаго“ единенія французовъ съ нѣмцами подъ командой прусскаго фельдмаршала такъ далеко отодвинулась, что спекулировать на франко-германскую дружбу болѣе чѣмъ рискованно. Тѣмъ не менѣе даже въ школахъ, для которыхъ „День Седана“ остается однимъ изъ немногихъ дней свободныхъ отъ занятій, дѣтямъ накануѣ разъясняли, что празднуютъ не побѣду, но годовщину битвы, а событіе, отъ котораго беретъ начало объединеніе Германіи. Нѣкоторые директоры придали торжественному акту характеръ литературнаго утра, не имѣющаго ничего общаго съ восхваленіемъ войны. Въ одной женской школѣ, напримѣръ, рѣчь посвящена была памяти Луизы Отто-Патерсъ, „жаворонка весны народовъ“, основательницы Всеобщаго союза нѣмецкихъ женщинъ. Лекторъ познакомилъ молодыхъ слушательницъ съ жизнью проповѣдницы человѣческихъ правъ женщины и объяснилъ, что можно остаться хорошей нѣмкой, примѣрной женой и матерью, стремясь къ высшему знанію, участію въ общественной жизни и сближенію съ другими народами. Противъ такого рода празднованія седанской годовщины едва ли что-нибудь можно возразить, кромѣ того, что оно одинаково умѣстно и въ сентябрѣ, и въ маѣ, такъ что незачѣмъ его пріурочивать ко дню кровавой битвы.

Кому, вѣроятно, безъ всякихъ принципіальныхъ соображеній не приходило въ голову праздновать національный праздникъ, это — сельскимъ рабочимъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, о которыхъ на этой недѣлѣ говорили въ Берлинѣ почти столько же, какъ и о китайцахъ. Талантливому публицисту фонъ-Герлаху, потомку тѣхъ Герлаховъ, которые были олицетвореніемъ піетизма и реакціи при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV, удалось обратить вниманіе общества на участь нѣмецкихъ кули, и чѣмъ бы вы думали? Оглашеніемъ меню рабочихъ въ имѣніяхъ государственной колонизаціонной коммиссіи въ Познани. Это то учрежденіе, которое при помощи

стомилліоннаго фонда, ассигнованнаго прусской палатой, занимается германизаціей польскихъ окраинъ, скупая имѣнія поляковъ-помѣщиковъ и разбивая ихъ на крестьянскіе дворы, заселяемые нѣмецкими выходцами изъ остальной Германіи. Мнѣ приходилось не разъ писать объ этой колонизаціи, и если оставить въ сторонѣ ея національно-нѣмецкую окраску, то ничего кромѣ хорошаго нельзя было о ней сказать: дѣло ведется умѣло, систематически, со вниманіемъ къ интересамъ переселенцевъ, съ заботой о томъ, чтобы дѣти нашли хорошую школу, семья чувствовала себя счастливой въ здоровыхъ и просторныхъ домахъ, участки земли давали полное приложеніе труду, однимъ словомъ это—колонизація, какъ ее съ точки зрѣнія крестьянина лучше трудно себѣ представить. Кромѣ 100 тыс. гектаровъ земли, уже перешедшей въ руки переселенцевъ, коммиссія однако владѣетъ еще около 60-ти тыс. гектаровъ, которые только устраиваются, приводятся въ порядокъ, и вотъ тутъ-то обнаружились тѣ условія жизни кули, которыми такъ возмутилось все общество: для прокормленія наемныхъ рабочихъ, подготовляющихъ усадьбы здоровымъ крестьянамъ будущаго, коммиссія ассигнуетъ по 40 пфенниговъ (около 20 к.) въ день! Въ Германіи изъ разоблаченій Герлаха узнали, что въ государственномъ имѣніи, по распоряженію прусскихъ чиновниковъ, столъ сельскаго рабочаго состоитъ изъ трехъ фунтовъ хлѣба, картофеля, капусты или бобовъ, жидкаго кофе и селедки, замѣняемой два — три раза въ недѣлю говядиной, по $^1/_4$ фунта на рабочаго.

Да этого быть не можетъ! — говорили нѣмецкіе читатели, для которыхъ такая пища—признакъ первобытнаго состоянія, величайшей нищеты или каторжной тюрьмы. Дѣйствительно, только въ прусскихъ „цухтъ-гаузахъ“ прокормленіе арестантовъ такого рода, какъ познанскихъ сельскихъ рабочихъ и обходится тоже приблизительно въ 40 пфенниговъ. Въ берлинскихъ тюрьмахъ столъ уже значительно лучше; въ казармахъ военное вѣдомство считаетъ на прокормленіе солдата по 80 пф. въ день, причемъ количество мяса втрое больше и весь образъ жизни другой. Прочитавъ Küchenzettel познанской коммиссіи, не только помѣщики, но и крестьяне изъ Шлезвига, Ганновера, Рейнской провинціи и другихъ мѣстъ засыпали редакціи газетъ письмами, прося не обобщать „уродливыхъ“ условій Познани и не возводить ихъ въ типичныя для всего рабочаго населенія германской деревни. „Вы можете разсмотрѣть мои приходо-расходныя книги, — пишетъ мелкій помѣщикъ изъ Гольштиніи,—и убѣдитесь, что у насъ харчи сельскаго рабо-

чаго обходятся въ 1 м. въ день, часто въ 1 м. 25 пф. (50—60 коп.). Если бы я вздумалъ такъ кормить своего работника, какъ познанская колонизаціонная коммиссія, онъ бы у меня часа не остался, и былъ бы правъ, потому-что, работая 10—12 часовъ въ сутки, а въ горячее время уборки еще и больше, человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы ему давали сытную и возстановляющую силы пищу, а мыслимо ли это при питаніи почти однимъ хлѣбомъ?" Къ чести аграріевъ нужно сказать, что и они открыто заявили: подобное меню больше насъ дискредитируетъ предъ народомъ, чѣмъ всѣ рѣчи соціалъ-демократическихъ агитаторовъ. Какъ однако примирить такіе факты съ увѣреніемъ юнкеровъ, что сельскому рабочему въ восточно-прусской деревнѣ не житье, а рай, и если онъ все-таки предпочитаетъ уходить на фабрику, то только вслѣдствіе соблазновъ большого города? Не только въ Берлинѣ, но и въ любомъ изъ нѣмецкихъ городовъ пищей познанскаго рабочаго не удовлетворится послѣдній поденщикъ, носильщикъ угля, считающій свою судьбу несчастной, если онъ зарабатываетъ менѣе трехъ марокъ въ день. Не говорю уже о томъ, что въ городѣ силезскій или познанскій пролетарій чувствуетъ себя сразу гражданиномъ, котораго нельзя „тыкать", заставлять ломать шапку и посылать баллотировать за кандидата-хозяина.

Другіе интересы и другое настроеніе, чѣмъ у тѣхъ прозаическихъ натуръ, которые возмущаются жалкимъ меню прусскаго сельскаго рабочаго, привели вчера вечеромъ нѣсколько сотъ слушателей въ Бетховенскую залу Филармоніи на собраніе, названное въ пригласительныхъ билетахъ „міровоззрительнымъ" (Anschauungsversammlung) собраніемъ новой общины. На возвышеніи, среди зелени и цвѣтовъ, стоятъ бюсты философовъ стараго и новаго міра; звуки невидимаго зрителямъ гармоніума, пѣніе спрятанныхъ за кулисами пѣвцовъ настраиваютъ на чувствительный ладъ, и торжественъ видъ собравшихся. Большинство принадлежитъ къ тому кругу молодой интеллигенціи и литературной богемы, съ оригинальностью въ прическѣ и вдохновеніемъ во взорѣ, которыя обѣщаютъ открыть наукѣ и искусству новые пути. Въ аудиторіи много знакомыхъ лицъ, бросавшихся въ глаза на собраніяхъ Бебеля, премьерахъ Гауптмана и дневныхъ спектакляхъ свободной сцены; теперь эта молодежь поклоняется новымъ богамъ, съ сожалѣніемъ говоритъ о старикахъ, все еще мечтающихъ о поднятіи четвертаго сословія, и пишетъ брошюры, приглашающія освободиться отъ вліянія автора „Ткачей", отрѣшиться отъ узкихъ соціальныхъ взглядовъ и по-

грузиться въ наслажденіе свободной, сбросившей съ себя всѣ сомнѣнія и всѣ заботы „истинной человѣчностью“.

Вашими бы устами да медъ пить, новые люди,—но какъ это сдѣлать, какъ найти счастье? Человѣкъ, если захочетъ, можетъ самъ создать себѣ жизнь, полную величайшей красоты и гармоніи,— отвѣчаетъ на это одинъ изъ двухъ братьевъ Гартъ, которые являются первосвященниками новой общины, носящей имя „Ордена истинной жизни“. Мы полны лжи и условностей, мы не умѣемъ цѣнить непосредственную красоту окружающаго, и когда начинаемъ искать причины явленій, то теряемся въ сомнѣніяхъ; отрѣшитесь отъ погони за призраками, живите,—и вы найдете въ себѣ самихъ и въ природѣ источникъ величайшаго счастья. Другой братъ, Генрихъ Гартъ, мелодекламируетъ: изъ теплыхъ волнъ выдѣляются очертанія острова, восходящее солнце озаритъ его, я слышу голосъ, призывающій: жить—цѣль и вѣнецъ жизни, бросьте заботы и страхъ, все въ васъ самихъ, вы можете наполнить свѣтомъ свое существованіе и осуществить высокое назначеніе человѣка, ищите Бога въ себѣ и создайте рай на землѣ. Одинъ изъ приближенныхъ братьевъ-первосвященниковъ, добродушнѣйшій и кроткій какъ ребенокъ Густавъ Ландауэръ, сначала соціалъ-демократъ, потомъ анархистъ, теперь членъ новаго ордена, заявляетъ на собраніи общины, что стремленіе освободить пролетаріатъ—продуктъ недомыслія, истинная же мудрость — возвращеніе къ природѣ. Менѣе поэтическая натура, чѣмъ братья Гартъ, онъ даетъ ихъ идеямъ нѣсколько вульгарное выраженіе: вернемся къ мундиру первыхъ людей, долой условность въ одеждѣ... Это немножко шокируетъ слушателей, но неудавшійся романистъ Голлэндеръ успокаиваетъ публику увѣреніемъ, что всѣ тонкія художественныя проявленія прежней цивилизаціи не только не отмѣняются, но, наоборотъ, возводятся въ аттрибуты культа, особенно музыка и поэзія: Бетховену и Гёте въ новой общинѣ отведены мѣста рядомъ съ Ницше, Штирнеромъ, Ибсеномъ и Дюрингомъ (!)

Я не хотѣлъ бы однако, чтобы вы отнеслись къ новому движенію только какъ къ курьезу: въ немъ, несомнѣнно, выражается чистое стремленіе личности, мятущейся, ищущей просвѣта. Къ искателямъ свѣта уже примазываются болѣе грубые элементы, комедіанты и болтуны, но инициатива принадлежитъ чистымъ людямъ, у которыхъ только сердечное беретъ перевѣсъ надъ умственнымъ и мысль спотыкается въ лабиринтѣ сложныхъ проблемъ. Особенно молодежь ищетъ правды, не удовлетворенная ни грубымъ реализмомъ господствующихъ отношеній, ни прямолинейно-матеріалистическимъ

объясненіемъ нравственныхъ задачъ. Въ поискахъ разумнаго существованія, въ которомъ должно быть гармоничное сочетаніе свободы личности съ требованіями общественности, новое поколѣніе стучится въ дверь природы, ищетъ свѣта у „обще-человѣковъ“, въ поэзіи и философіи.

LXXXVI.

Берлинъ, 23-го августа 1900 г.

Пока извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій напоминаютъ знаменитую депешу: „L'ordre règne à Varsovie“, а дипломатія всего міра занята починкой разстроившихся инструментовъ, мы перенесемся изъ шумной столицы въ маленькій университетскій городъ. Боннъ-на-Рейнѣ славится своимъ чуднымъ мѣстоположеніемъ, университетомъ, прекраснымъ виномъ и тѣмъ, что тамъ воспитываются будущіе германскіе императоры. Пріѣзжіе обыкновенно прежде всего отправляются на поклоненіе къ дому Бетховена и, осмотрѣвъ соборъ, университетъ, иногда и кладбище, возвращаются въ одинъ изъ многочисленныхъ ресторанчиковъ на набережной, любуясь въ ожиданіи парохода въ Кёльнъ чудной панорамой, открывающейся на рѣку и Siebengebirge. Все здѣсь полно историческихъ воспоминаній, и каждый клочекъ земли говоритъ объ упорномъ трудѣ человѣка.

Если вы однако теперь ищете въ Боннѣ отдыха и тишины,— вы будете разочарованы. Тихо течетъ только Рейнъ; изящный же городокъ неузнаваемъ: улицы, которыя въ обычное время оживляются только университетской молодежью, превратились въ муравейникъ, не лучше берлинской Фридрихштрассе у Центральнаго вокзала. Картина только ярче, толпа пестрѣе и живѣе, и вблизи нѣтъ внушительныхъ берлинскихъ полицейскихъ, при видѣ которыхъ стихаютъ громкая пѣсня, шумъ и хохотъ. На всѣхъ домахъ—флаги и гирлянды; по тѣснымъ переулкамъ почти безпрерывно тянутся процессіи съ знаменами и музыкой, масса священническихъ рясъ, цвѣтныхъ студенческихъ шапочекъ, значковъ корпорацій. Въ Боннѣ теперь происходитъ годичный съѣздъ католической партіи, и все населеніе, среди котораго немало протестантовъ, только и занято этимъ событіемъ. Китай для него не существуетъ, заботы Бюлова, какъ бы Германія не очутилась въ одиночествѣ, тоже мало кого безпокоятъ, но за-то каждый хочетъ видѣть Либера, словно чудомъ оставшагося въ живыхъ; на улицѣ и въ собраніяхъ другъ-

другу показываютъ свѣтила рейхстага, католической прессы, духовенства. Въ этомъ ежегодномъ общеніи могущественной политической партіи съ ея сторонниками, присылающими сюда изъ всей Германіи пять—шесть тысячъ делегатовъ, заключается одно изъ средствъ къ сплоченію; это ея „большіе маневры“,—какъ выразился однажды Виндгорстъ; преемникъ же его на одномъ изъ предыдущихъ конгрессовъ патетически воскликнулъ: „Подобно Антею мы въ общеніи съ народомъ молодѣемъ и набираемъ силы для борьбы“.

Въ собраніяхъ клерикаловъ есть темы, которыя можно назвать ихъ желѣзнымъ инвентаремъ: онѣ повторяются изъ года въ годъ, не вызывая однако у слушателей нетерпѣнія или скуки. Вы заранѣе знаете, что Katholikentag начнетъ съ выраженія скорби о плѣненіи святаго отца и выскажетъ увѣренность, что если не Левъ XIII, „папа бѣдныхъ, соціальный папа“, то его преемникъ будетъ владѣть Римомъ. Новымъ варіантомъ въ этомъ году было замѣчаніе депутата Бахема, что протестъ противъ плѣненія Ватикана не составляетъ неумѣстнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Италіи; „но если бы даже и такъ,—прибавилъ ораторъ,—то не германскому правительству насъ за это укорять. Развѣ оно не вмѣшивается во внутреннія дѣла Китая?“ Умѣстность такой аналогіи весьма сомнительна, но она имѣетъ большое значеніе въ устахъ одного изъ вождей правящей группы рейхстага. Еще больше значенія придаютъ безповоротному переходу центра въ лагерь аграріевъ, совершившемуся на съѣздѣ въ Боннѣ и выразившемуся въ принятіи резолюціи, которая объявляетъ возвышеніе пошлинъ на хлѣбъ conditio sine qua non будущихъ торговыхъ трактатовъ.

Въ тѣсной связи съ католическимъ конгрессомъ стоятъ общества взаимопомощи и союзы рабочихъ, студентовъ, учителей, устраивающіе всегда свои годичныя собранія тамъ же, гдѣ засѣдаетъ общекатолическій конгрессъ. Среди этихъ многочисленныхъ ферейновъ первое мѣсто принадлежитъ „Народному Обществу католической Германіи“, являющемуся практическимъ выразителемъ соціально-политическихъ идей. Работая рука-объ-руку съ реформаторами другихъ партій при обсужденіи законодательства о трудѣ, представители католицизма придаютъ огромное значеніе самодѣятельности и корпоративной организаціи всѣхъ видовъ труда, начиная съ ссудной кассы крестьянъ и кончая профессіональными союзами. Клерикализмъ не былъ бы такой силой, если бы не умѣлъ подмѣчать народныя нужды и пользоваться настроеніемъ, лавируя между противоположными интересами своихъ сторонниковъ; каждый

разъ, какъ онъ склоняется въ сторону однихъ, у него уже наготовѣ какая-нибудь приманка для другихъ.

У вождей клерикаловъ въ рукахъ цѣлый букетъ симпатичныхъ ремесленнику и рабочему мѣръ: освобожденіе профессіональной организаціи отъ административнаго гнета, борьба съ безработицей, сокращеніе женскаго труда, государственная и коммунальная помощь въ жилищномъ вопросѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно искренно, уже безъ всякихъ задныхъ мыслей, тысячи интеллигентовъ во имя католицизма содѣйствуютъ основанію и процвѣтанію крестьянскихъ товариществъ для продажи продуктовъ, горнозаводскихъ Gewerkverein'овъ для борьбы съ желѣзными и угольными баронами, обществъ мелкихъ лавочниковъ для совмѣстныхъ покупокъ и продажъ,—и весь этотъ маленькій людъ прощаетъ центру тѣ или другіе промахи, дорожа его поддержкой и защитой.

Чтобы дать представленіе о роли „Народнаго Общества католической Германіи“, достаточно привести нѣсколько фактовъ изъ его послѣдняго отчета. Въ 1899 г. имъ устроено болѣе 500 собраній, роздано три милліона брошюръ, организованы соціально-политическіе курсы для учителей и священниковъ (послѣдній курсъ—въ Кельнѣ, предыдущіе — въ Страсбургѣ, Крефельдѣ) съ болѣе 1,000 слушателей. Нѣкоторые студенты теологіи за счетъ Volksvereiu'a посвящали одинъ — два семестра изученію политической экономіи. Въ 25-ти народныхъ бюро, основанныхъ для подачи юридическихъ совѣтовъ и защиты интересовъ рабочаго, перебывало болѣе 100 тыс. кліентовъ. Столько же участниковъ насчитываетъ Союзъ христіанскихъ рабочихъ, учрежденный при ближайшемъ содѣйствіи Народнаго Общества, воюющій за поднятіе положенія своихъ членовъ съ такими могущественными предпринимателями, какъ Круппъ и Штуммъ. Нѣтъ на Рейнѣ и въ Вестфаліи фабричнаго центра, гдѣ Volksverein не устроилъ бы библіотеки-читальни, комитета народныхъ развлеченій, публичныхъ лекцій; не говоря уже объ обществахъ попеченія о больныхъ и бѣдныхъ, строительныхъ ферейнахъ и т. п., въ которыхъ вездѣ почти можно встрѣтиться съ энергичной дѣятельностью католицизма.

Служа народу, католицизмъ думаетъ удержать его въ подчиненіи Риму, затруднить доступъ другихъ идей, предупредить кризисъ въ религіозныхъ взглядахъ. До сихъ поръ цѣль достигалась, но въ послѣдніе два—три года люди, знающіе хорошо бытъ юга, увѣряютъ, что въ клерикализмѣ начинается упадокъ демократическаго элемента: партія не уменьшается, но и не растетъ,

молодежь прислушивается къ другимъ идеямъ. Это однако еще „музыка будущаго“, въ настоящее время съ центромъ еще надо считаться какъ съ сильнымъ факторомъ германской общественной жизни и законодательства.

На этой подѣлѣ въ берлинскомъ обществѣ снова упоминалось имя уже почти забытаго стараго учителя, о которомъ десять лѣтъ тому назадъ однако много говорили какъ о близкомъ совѣтникѣ только-что вступившаго тогда на престолъ молодого императора. Д-ръ Георгъ Гинцпетеръ доживаетъ свои дни въ родномъ городѣ Билефельдѣ, не вмѣшиваясь въ политику и не пользуясь больше тѣмъ вліяніемъ, которое ему сначала давало его положеніе бывшаго воспитателя Вильгельма II. И вспомнили-то о немъ теперь по чисто личному поводу, повторяющемуся въ Германіи въ жизни каждаго университетски образованнаго человѣка, которому удается дожить до глубокой старости. По истеченіи 50-ти лѣтъ alma mater посылаетъ своему питомцу новый докторскій дипломъ, сопровождая его теплымъ пожеланіемъ счастливаго заката жизни. Если это выдающійся дѣятель науки, литературы, политики, то ректоръ и сенатъ университета являются лично поздравить юбиляра и восхваляютъ его заслуги. У Гинцпетера нѣтъ ни крупныхъ ученыхъ трудовъ, ни большой общественной славы:—это скромный филологъ, хорошо и широко образованный, жившій уроками и воспитаніемъ дѣтей прусскихъ помѣщиковъ, пока на него не обратилъ вниманія покойный императоръ Фридрихъ и не пригласилъ его гувернеромъ къ своимъ двумъ старшимъ сыновьямъ. Гинцпетеръ подготовилъ ихъ въ гимназію и потомъ руководилъ ихъ занятіями въ Касселѣ, до поступленія принца Вильгельма въ университетъ, а Генриха во флотъ. Учитель сумѣлъ привязать къ себѣ питомцевъ. Въ брошюрѣ, изданной имъ послѣ вступленія на престолъ Вильгельма II, Гинцпетеръ не безъ гордости замѣчаетъ, что если императоръ отъ матери унаслѣдовалъ любовь къ искусству и отъ отца свободу отъ традиціонныхъ взглядовъ касты, то „философски резонирующій учитель развилъ въ немъ извѣстную склонность къ спору и способность аргументировать“. Характеристика молодого императора, представленная учителемъ, въ то время возбуждала чрезвычайный интересъ, потому что личность Вильгельма II представлялась еще загадкой. Теперь она настолько выяснилась, что уже нетрудно замѣтить, въ чемъ біографъ ошибался; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ учитель дѣйствительно лучше другихъ зналъ характеръ императора: онъ особенно подчеркивалъ, съ одной стороны, его сильно развитую волю, насколько она еще у ребенка вы-

ражалась въ преодолѣніи физическихъ препятствій, стоявшихъ по пути наслѣднику прусскаго престола, и съ другой—вѣрно замѣтилъ, что всѣ художественные и культурные интересы не сумѣли оттѣснить врожденнаго военнаго инстинкта. Это у Гогенцоллерновъ „въ крови“,—повторялъ Гинцпетеръ и удивлялся только одному, что у императора Фридриха „солдатъ“ все-таки всегда отступалъ на задній планъ, вѣроятно, благодаря вліянію и постоянному противовѣсу высоко-образованной супруги. Изъ своего пребыванія въ домѣ кронпринца учитель его дѣтей вынесъ глубокое уваженіе къ господствовавшей тамъ атмосферѣ терпимости, интереса ко всему, что̀ знаменуетъ собою прогрессъ въ мірѣ и уваженіе къ человѣческой свободѣ. Гельмгольцъ, Дюбуа-Реймонъ, Моммзенъ, Целлеръ были въ этомъ домѣ желанные гости, но и въ тѣсномъ семейномъ кругу мужъ съ женой часами вели бесѣды объ интересныхъ научныхъ и общественныхъ вопросахъ. Гинцпетеръ передаетъ, что въ годы его пребыванія въ ихъ семьѣ кронпринцъ Фридрихъ и кронпринцесса чаще всего бесѣдовали и даже горячо спорили объ экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ. „Экономическія реформы, въ которыхъ политика сходится съ гуманностью, привлекали ихъ вниманіе до того, что они могли о нихъ часами говорить, дополняя другъ-друга, но часто и сталкиваясь въ мнѣніяхъ“. Кронпринцесса цитировала Ад. Смита, Торнтона, Милля и Спенсера, мысли которыхъ ей были ближе и симпатичнѣе идей Родбертуса и Шеффле, одно время увлекавшихъ ея супруга. Шульце-Делича они, впрочемъ, оба очень цѣнили за его безкорыстную и неутомимую дѣятельность къ поднятію положенія ремесленниковъ.

Многое изъ того, что̀ обсуждалось въ семьѣ кронпринца Фридриха, производило впечатлѣніе и на филолога-учителя. Изъ строгаго классика онъ превратился въ сторонника гимназической реформы, и когда воспитанникъ его сталъ императоромъ, учитель успѣлъ въ этомъ отношеніи оказать благотворное вліяніе: школьная коммиссія 1890 г., въ которой Вильгельмъ II высказался за сближеніе воспитанія съ жизнью и отмѣну старой схоластики,—дѣло рукъ Гинцпетера. Бисмаркъ и многіе другіе въ Германіи приписывали также Гинцпетеру большое участіе въ знаменитыхъ соціальныхъ рескриптахъ. Когда вспыхнула грандіозная стачка рудокоповъ, императоръ пригласилъ къ себѣ учителя, жившаго тогда въ центрѣ рабочаго движенія, и результатомъ бесѣды было заявленіе Вильгельма II владѣльцамъ копей, что рабочіе существуютъ не только для того, чтобы увеличивать ренту хозяевъ. Объ

этомъ не мѣшаетъ вспомнить какъ-разъ теперь, когда угольный кризисъ волнуетъ нѣмецкое населеніе, хотя уже не вслѣдствіе требованій углекоповъ, а изъ-за дороговизны топлива.

Заговоривъ о Гинцпетерѣ, сообщу въ заключеніе, что въ школьномъ дѣлѣ его совѣты все-таки не прошли безслѣдно: не подлежитъ сомнѣнію, что школьная коммиссія, засѣдавшая недавно въ Берлинѣ, санкціонировала уравненіе правъ реальныхъ училищъ съ правами классическихъ гимназій. О человѣкѣ, содѣйствовавшемъ такому исходу, стоило упомянуть.

LXXXVII.

Берлинъ, 22-го сентября 1900 г.

Въ „Красномъ домѣ“ повѣяло новымъ духомъ. Если бы публика, наполнившая вчера вечеромъ галлерею думской залы, не была такъ хорошо дисциплинирована, она навѣрное устроила бы новому избраннику столицы шумную манифестацію.

Вы, можетъ-быть, вспомните, что послѣ непріятнаго столкновенія съ городскимъ самоуправленіемъ Кёнигсберга прусское правительство, желая показать свое безпристрастіе, поспѣшило утвердить свободомыслящаго Бринкмана вторымъ бургомистромъ Берлина. Новому товарищу городского головы предшествовала репутація не только стойкаго либерала, но также и человѣка, проникнутаго новыми взглядами на соціальныя задачи самоуправленія. Это именно то, чего недоставало до сихъ поръ Берлину. Городское хозяйство берлинцевъ справедливо пользуется безупречной репутаціей; благоустройство города, школы, коммунальные финансы безусловно заслуживаютъ похвалы, но сложныя условія жизни большихъ городовъ выдвигаютъ еще цѣлый рядъ другихъ требованій, къ которымъ прежніе дѣятели относились черезчуръ сдержанно, какъ сытые, плохо понимающіе голодныхъ. Сколько труда, напримѣръ, стоило убѣдить магистратъ, что народныя библіотеки — такая же необходимость для взрослаго населенія, какъ школы для дѣтей, или что при возобновленіи договора съ Обществомъ трамваевъ городъ обязанъ позаботиться объ участи людей, служащихъ въ этомъ предпріятіи. Либеральные бюргеры утверждали, что дѣло частнаго соглашенія не касается города; кондукторы и кучера — взрослые люди, въ свободу которыхъ не слѣдуетъ вмѣшиваться. Въ квартирномъ вопросѣ берлинская дума до сихъ поръ гораздо меньше выступала съ серьезными реформами,

разсчитанными на облегченіе нужды, чѣмъ многіе другіе нѣмецкіе города, напримѣръ, Франкфуртъ или Штуттгартъ, и это уже результатъ не только ложной доктрины, но и некрасивыхъ партійныхъ побужденій: отцы города не хотѣли портить отношеній съ сильной домовладѣльческой группою.

По установившемуся обычаю, новый членъ магистрата (къ магистрату принадлежатъ оберъ-бургомистръ, бургомистръ и члены управы) „вводится“ въ думу, которая привѣтствуетъ его какъ товарища и выслушиваетъ его благодарственный отвѣтъ. Обыкновенно это — простая форма, лишенная серьезнаго содержанія, но въ нынѣшній разъ вышло иначе. Уже привѣтствіе предсѣдателя думскихъ собраній Лангерганса, друга и соратника Вирхова въ борьбѣ за гражданскую независимость, не было обычнымъ наборомъ красивыхъ фразъ. Этотъ 80-тилѣтній старикъ отзывчивѣе многихъ молодыхъ и искренно радуется, когда на службу самоуправленію являются свѣжіе и независимые люди, не оглядывающіеся по сторонамъ. „Добро пожаловать, бургомистръ Бринкманъ,— сказалъ онъ, обращаясь къ дебютанту.—Привѣтствую васъ тѣмъ сердечнѣе, что васъ ждутъ здѣсь не только почести, но и упорный трудъ и, кто знаетъ, быть-можетъ и борьба. Вамъ предшествуетъ однако репутація коммунальнаго дѣятеля, соединяющаго съ большимъ опытомъ и большую независимость, а что можетъ быть плодотворнѣе свободнаго служенія своимъ согражданамъ? Вы имѣли случай видѣть практическіе результаты живой общинной дѣятельности и вмѣстѣ съ нами вы убѣждены, что широкое развитіе самоуправленія ведетъ къ благу города, къ благу гражданъ и къ благу государства. Мы здѣсь старались привлекать какъ можно больше общественныхъ силъ къ участію во всѣхъ сферахъ городского хозяйства, правильная постановка которыхъ требуетъ сочетанія работы профессіональныхъ, исключительно отдающихъ себя извѣстной спеціальности дѣятелей съ добровольнымъ служеніемъ интеллигентныхъ людей, могущихъ также дать городу часть своего времени. Эта дѣятельность на пользу своей общинѣ — хорошая школа, развивающая пониманіе общественнаго долга и дающая государству благоразумныхъ, умѣющихъ служить своему отечеству гражданъ. Мы также убѣждены, что откуда бы нашему самоуправленію ни грозила опасность, мы найдемъ васъ настражѣ коммунальныхъ интересовъ, готоваго вмѣстѣ съ нами отстаивать права города и его населенія“.

„Повѣрьте мнѣ,—отвѣтилъ на это новый бургомистръ,—что я вступаю въ свою должность съ сознаніемъ отвѣтственности,

которая лежитъ на всякомъ вашемъ избранникѣ. Я убѣжденъ, однако, что нѣтъ большей радости, какъ удовлетвореніе отъ разумной и полезной работы, а какое широкое поле открывается тому, кто понимаетъ, что съ каждымъ днемъ расширяется сфера общественной дѣятельности и что усилія наши должны быть направлены на то, чтобы населенію было легче жить. Изъ массы новыхъ городскихъ задачъ я позволю себѣ назвать двѣ—три ближайшихъ: городъ Берлинъ уже создалъ обезпеченіе служащихъ въ общественномъ самоуправленіи и ихъ семействъ, но на очереди стоитъ вопросъ объ аналогичныхъ учрежденіяхъ и гарантіяхъ для цѣлой арміи работниковъ, состоящихъ на службѣ въ городскихъ предпріятіяхъ. Другой вопросъ—квартирная нужда, давно уже стучащаяся въ двери ратуши и настойчиво требующая, чтобы мы на нее обратили вниманіе. Въ области передвиженія городъ не только долженъ остаться хозяиномъ своихъ улицъ, не только обязанъ заботиться, чтобы населеніе пользовалось дешевыми и безопасными путями сообщенія, но и имѣетъ полное основаніе употребить свое вліяніе на улучшеніе участи многочисленнаго персонала, находящаго себѣ кусокъ хлѣба на службѣ въ конкахъ, трамваяхъ и омнибусахъ. Это—десятки тысячъ семействъ, поднять положеніе которыхъ мы можемъ безъ ущерба для другихъ. Не касаюсь другихъ областей нашей дѣятельности, какъ напр. общественнаго призрѣнія или заботы о воспитаніи сиротъ: здѣсь не мѣсто входить во всѣ сферы и задачи городской дѣятельности. Дума можетъ быть увѣрена, что и въ хорошія, и въ дурныя минуты нашей коммунальной жизни она будетъ имѣть во мнѣ слугу, для котораго предписанія нашей конституціи, гарантіи самоуправленія и законность — высшіе принципы"... Слова новаго бургомистра мѣстами вызывали оппозицію, но большинство думы проводило его горячими рукоплесканіями.

По случайности, не имѣющей никакого отношенія къ дѣятельности новаго избранника, вчера же вечеромъ дума въ закрытомъ засѣданіи приняла постановленіе, вызывающее не меньше толковъ, чѣмъ рѣчь Бринкмана: подавляющее большинство высказалось за то, чтобы, вопреки традиціонному обычаю, въ нынѣшнемъ году не посылать поздравленія императрицѣ ко дню ея рожденія. Само собою разумѣется, что этотъ поступокъ имѣетъ свои особые мотивы. Въ прошломъ году на сердечное поздравленіе берлинской думы послѣдовалъ не непосредственный отвѣтъ отъ императрицы Августы-Викторіи, а отъ ея гофмаршала, позволившаго себѣ въ неслыхан-

ныхъ выраженіяхъ критиковать поведеніе гласныхъ и упрекать думу за невниманіе къ церковнымъ интересамъ, которое будто выражается въ томъ, что дума отказывается дѣлать взносы въ церковно-строительный фондъ, во главѣ котораго стоитъ императрица. Письмо вызвало бурю въ собраніи, и только съ большимъ трудомъ предсѣдателю Лангергансу удалось успокоить думу заявленіемъ, что дума съ почтеніемъ относится къ словамъ супруги императора, но придворнымъ гофмаршаламъ и кому бы то ни было, не имѣющему права голоса въ этой залѣ, онъ не позволитъ учить представителей города. Нынѣшнее постановленіе, очевидно, принято для того, чтобы не вызывать повторенія такихъ прискорбныхъ сценъ. Любопытно, что та же дума сердечно поздравляетъ съ днемъ рожденія императрицу Фридрихъ, которая безъ посредничества придворныхъ чиновъ прямо и сердечно благодаритъ представителей города, присоединяя къ своей благодарности выраженіе сочувствія филантропическимъ и культурнымъ успѣхамъ столицы. Впрочемъ, даже безусловно лояльная пресса, какъ монархическія „Neueste Nachrichten“ пушечнаго короля Круппа, выражая прискорбіе по поводу случившагося, приписываютъ вину въ этомъ конфликтѣ графу Мирбаху и замѣчаютъ, что берлинской думѣ не осталось другого выхода, если она не желала снова выслушивать отеческія внушенія гофмаршала.

На основаніи постановленія рейхстага, принятаго правительствомъ, съ 1-го октября нов. ст. всѣ магазины должны быть закрыты не позже 9-ти час. веч. Лавочники, конечно, подняли вопль, увѣряя, что этимъ предписаніемъ не только разорена будетъ торговля, но и Берлинъ деградированъ въ провинціальный городъ. Что скажутъ о Германіи многочисленные иностранцы, когда съ 9-ти час. веч. городъ будетъ погруженъ въ эѳіопскую тьму, тогда какъ до сихъ поръ ярко освѣщенныя окна магазиновъ и роскошныя выставки придавали столицѣ видъ Weltstadt? Однако вотъ уже четыре дня, какъ законъ вступилъ въ силу, и ничего ужаснаго не произошло: толпы гуляющихъ по-прежнему наполняютъ Фридрихштрассе и Липы, освѣщеніе не столь ярко, но электрическія лампы и ауэровскія горѣлки, къ которымъ присоединяется еще на каждомъ шагу свѣтъ изъ оконъ кафе и „пивныхъ дворцовъ“, и теперь еще даютъ возможность читать на улицѣ. Маленькія же неудобства, возникающія изъ того, что послѣ 9-ти час. нельзя купить сигару или пару перчатокъ, забытыхъ второпяхъ дома, конечно, ничтожны въ сравненіи съ увеличеніемъ отдыха де-

сятковъ тысячъ приказчиковъ и приказчицъ. На моихъ глазахъ за эти десять лѣтъ бытъ служащихъ въ торговлѣ вообще такъ замѣтно улучшился, что когда вспоминаешь прежніе порядки и сравниваешь здѣшнія условія съ господствующими въ нашей торговлѣ, то нельзя не вѣрить, что земля хотя и медленно, но движется. До 1892 г. въ Берлинѣ, какъ и въ Москвѣ, только въ часы богослуженія не торговали по праздникамъ; теперь двѣ трети магазиновъ вовсе не открываются, остальные торгуютъ только три-четыре часа. Новое законодательство ограждаетъ дѣтей, предоставляетъ всѣмъ приказчикамъ возможность работать въ гигіенической обстановкѣ, охраняетъ ихъ человѣческую личность, даетъ имъ обязательный отдыхъ въ часы обѣда, гарантируетъ достаточное время для сна. Новѣйшій шагъ, только-что сдѣланный въ томъ же направленіи, это— законопроектъ о правѣ приказчиковъ и приказчицъ сидѣть, а не стоять на ногахъ, когда не нужно показывать товары покупателю. Починъ принадлежитъ женскимъ обществамъ, побудившимъ коммиссію по статистикѣ труда и имперское бюро народнаго здравія произвести изслѣдованіе о вліяніи продолжительнаго стоянія на заболѣваемость. Результаты получились настолько грустные, что правительство поспѣшило внести въ рейхстагъ предложеніе обязать всѣхъ владѣльцевъ магазиновъ, чтобы они предоставили служащимъ право и возможность сидѣть, и притомъ не только женщинамъ, но и мужчинамъ. Какъ видите, агитація, поднятая женщинами, сослужила службу всѣмъ трудящимся безъ различія пола.

LXXXVIII.

Берлинъ, 6-го ноября 1900 г.

Часы пробили семь. Военный министръ еще въ послѣднюю минуту поспѣшилъ отвѣтить на обвиненія вождя рабочей партіи. Президентъ гр. Баллестремъ, страшно усталый, но довольный, что ему только одинъ разъ за все засѣданіе пришлось призвать Бебеля къ порядку, объявляетъ, что пренія откладываются на завтра. Канцлеръ, министры, депутаты, журналисты и публика, биткомъ набившая галлерею, начинаютъ расходиться. Прислушиваясь къ толкамъ въ фойэ, присматриваясь къ оживленнымъ, несмотря на продолжительное засѣданіе, лицамъ, вы замѣчаете, что почти всѣ выносятъ впечатлѣніе, что день дѣйствительно былъ выдающійся. Черезъ нѣсколько минутъ огромное зданіе погрузится во мракъ, но много свѣта во всѣ концы страны эти дебаты уже разнесли, милліоны

людей завтра переживутъ тѣ же впечатлѣнія, читая отчетъ въ газетахъ. Я хорошо знаю всѣ недостатки нѣмецкаго парламентаризма, но всякій разъ, какъ происходятъ такія событія, постороннему зрителю все яснѣе становится значеніе рейхстага для націи, его огромное моральное вліяніе на правящихъ и управляемыхъ.

Изъ телеграммъ вы знаете, что дебютъ новаго канцлера былъ удачный, но если спросить, чему гр. Бюловъ обязанъ своимъ успѣхомъ, то всѣ отвѣтятъ вамъ: тому, что онъ сталъ на конституціонную точку зрѣнія. „Все почетное прошлое моего предшественника,— сказалъ онъ,— служитъ порукой, что мы не желали вторгаться въ права парламента; что же касается меня, то я также не свяжу своего имени съ попытками умалить значеніе рейхстага. Правительство не имѣетъ ничего противъ требованія большинства, чтобы вотированіе дополнительныхъ кредитовъ на китайскую экспедицію поставлено было въ зависимость отъ испрошенія формальнаго „индемнитета“.—Смыслъ этихъ словъ и одобреніе, которое они встрѣтили на всѣхъ почти скамьяхъ, вамъ будутъ понятнѣе, если вы вспомните, что никто не сомнѣвался въ разрѣшеніи правительству средствъ, которыя оно употребило и еще употребитъ на войну: принципіальный споръ относился къ нежеланію правительства признать, что дѣйствія его были противны конституціи. Сверхъбюджетные расходы, правда, не рѣдкое явленіе во всѣхъ парламентскихъ странахъ; они случаются въ Германіи и въ нормальное время, и тогда правительство обыкновенно проситъ принять дополнительный бюджетъ. Такъ оно желало поступить съ 153 милліонами, изъ которыхъ большая половина уже израсходована. Рейхстагъ же требовалъ, чтобы по примѣру англійскихъ Indemnity-Bills, имѣющихъ характеръ напоминанія о правѣ парламента предать министровъ суду, бюджетъ по китайскимъ дѣламъ представленъ былъ вмѣстѣ съ прошеніемъ объ узаконеніи поступковъ, которые безъ согласія парламента незаконны. Въ политической жизни форма играетъ очень большую роль, для рейхстага же она имѣла тѣмъ большую цѣну, что всѣмъ извѣстна антипатія императора къ формуламъ, заключающимъ въ себѣ признаніе зависимости короны отъ народнаго представительства. Если Бюлову удалось въ этомъ отношеніи устранить личныя предубѣжденія Вильгельма II, то это— благопріятный прецедентъ, дающій право надѣяться, что и въ другихъ серьезныхъ случаяхъ отвѣтственность канцлера не останется одной только фикціей.

Впрочемъ, не всѣ такіе оптимисты, какъ добродушный Рикертъ, пришедшій въ совершенный восторгъ отъ новаго канцлера и считающій, что Германія въ его лицѣ нашла второго Каприви. Вождь центра Либеръ, говорившій послѣ Бюлова, правда, расшаркался предъ „лояльностью и благоразуміемъ“ главы министерства, значительно облегчающими рейхстагу его задачу, но... увѣренъ ли канцлеръ, что въ будущемъ не повторятся такіе сюрпризы, какъ въ прошедшее лѣто? Цвѣты, овиціи отъѣзжавшему маршалу, безконечныя рѣчи, — это мелочи въ сравненіи съ все больше и больше замѣчающимися и выдвигающимися впередъ пріемами личнаго правленія, несовмѣстимыми съ государственнымъ строемъ Германіи. „Я питаю довѣріе къ гр. Бюлову,—увѣряетъ Либеръ,—но онъ еще усилитъ хорошее впечатлѣніе сегодняшняго дня, если употребитъ все свое вліяніе, чтобы разъяснить, гдѣ нужно, что безъ рейхстага нельзя управлять Германіей *(Громкое одобреніе)*. Мы будемъ также безконечно признательны гр. Бюлову, если онъ постарается, чтобы истинное мнѣніе нѣмецкаго народа было услышано на томъ же высокомъ мѣстѣ, съ котораго патріотъ и христіанинъ привыкъ ждать иного, чѣмъ призывъ къ мести и отказъ въ пощадѣ. Про „гуннов“ я не упоминаю: о нихъ нѣтъ ничего въ *Имперскомъ Указателѣ (Schuh)*. Можно, подобно намъ, признавать, что эта экспедиція была необходимой, что за пролитую кровь посланника нужно удовлетвореніе, и въ то же время оставаться въ границахъ, предписанныхъ намъ религіей и культурой. Я увѣренъ также, что новый канцлеръ понимаетъ всю опасность политики, ставящей своимъ лозунгомъ: безъ Германіи и безъ германскаго императора ничто въ мірѣ не должно совершаться. Такими идеями не увлечется ни одинъ благоразумный государственный человѣкъ, и это никогда не будетъ убѣжденіемъ германскаго рейхстага“. Либеръ обѣщаетъ Бюлову отнестись „благожелательно“ къ требованію индемнитета и военныхъ кредитовъ, насколько послѣдніе дѣйствительно обоснованы.

Вся масса раздраженія и возмущенія, которая накопилась противъ поступковъ, оскорбляющихъ совѣсть культурнаго человѣка, нашла выраженіе въ пламенной рѣчи Бебеля. Голосъ оратора поднимается до самыхъ высокихъ нотъ, въ то время какъ руки то судорожно жестикулируютъ въ воздухѣ, то механически ударяютъ по столу. Канцлеръ, министры, вся зала не пропускаютъ ни одного слова. Отъ поры до времени раздаются бурные протесты, на

которые крайняя лѣвая отвѣчаетъ громомъ одобренія. Даже журналисты, эти профессіональные скептики, у которыхъ уже притупился интересъ къ красивымъ рѣчамъ, столпились на галлереѣ и не острятъ. „Онъ сегодня опять въ ударѣ“, — слышу я вокругъ себя.

Бебель находитъ заявленіе канцлера только пересказомъ нотъ и телеграммъ, которыя всѣмъ уже были извѣстны. Тонъ новаго шефа правительства очень любезенъ. Бюловъ вообще очень привѣтливый господинъ, когда это ему ничего не стоитъ. Вся зала, за исключеніемъ друзей оратора, пришла въ восторгъ отъ согласія канцлера формально испросить индемнитетъ, но это показываетъ только, что канцлеръ расчетливъ, а рейхстагъ черезчуръ скроменъ и нетребователенъ. Бюловъ очень хорошо зналъ, что такая уступка — необходимое условіе принятія военнаго кредита, зачѣмъ же ему было упорствовать? Особенно, когда имѣешь дѣло съ такимъ незлобивымъ парламентомъ, готовымъ удовлетвориться ничего не значущими комплиментами и забыть, что, предпринявъ китайскую экспедицію безъ его согласія, правительство оскорбило и опозорило его... *(Звонокъ президента)*. Гр. Баллестремъ: — „Г. депутатъ, я не могу вамъ позволить этого выраженія и призываю васъ къ порядку“. Въ такомъ случаѣ я только констатирую, что правительство нарушило конституцію, и если бы у насъ было сознаніе своихъ правъ и дѣйствительная, а не бумажная отвѣтственность министровъ, мы не должны были бы вообще входить въ разсмотрѣніе требуемыхъ кредитовъ. Послѣ словъ Либера я не могу больше сомнѣваться, что большинство не обладаетъ достаточно тонкимъ конституціоннымъ чутьемъ, чтобы замѣтить, что рѣчь идетъ не только о временныхъ нарушеніяхъ въ бюджетѣ, но еще о созданіи постоянной колоніальной арміи, противъ которой недавно высказался весь центръ. Когда намъ представятъ роспись на 1901 годъ, вы убѣдитесь, что это такъ, но все-таки поступите по примѣру прошлаго. Прежде вы были и противъ морскихъ утопій, а теперь клерикалы—завзятые маринисты. Каждый разъ правительство ставитъ васъ предъ новымъ Родосомъ: hic Rhodus, hic salta, и вамъ поневолѣ съ каждымъ разомъ приходится прыгать все выше и выше *(Бурный смѣхъ на лѣвой)*. Отъ насъ вы этого не ждите, мы очень хладнокровно относимся къ тому, проситъ ли правительство индемнитета или нѣтъ. Оно ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ его не заслуживаетъ“.

Бебель говоритъ о причинахъ китайскихъ волненій, о непро-

стительномъ легкомыслiи тѣхъ, которые думаютъ, что по рецепту гунновъ можно потушить такiя народныя движенiя. Провокацiи миссiонеровъ съ одной стороны, искателей золота, угля и концессiй съ другой, цѣлый рядъ поступковъ, въ которыхъ европейская культура являлась въ самомъ грубомъ своемъ извращенiи, — все это должно было вызвать представленiе, что готовится раздѣлъ Китая, и народъ поднялся, чтобы защитить свою неприкосновенность. Канцлеръ приписываетъ толки о виновности Германiи недружелюбiю иностранной печати. „Будто вы сами въ этомъ такъ увѣрены, графъ Бюловъ? — спрашиваетъ Бебель. Не одни нѣмцы, — всѣ хотѣли отломить приглянувшiйся имъ кусокъ китайскаго пирога, но нѣмцы при этомъ были первыми и наиболѣе безцеремонными лакомками, набросившимися съ жадностью людей, которые боятся, что ихъ отодвинутъ въ сторону. Читайте отчеты миссiонера Фабра, письма изъ Китая Гольдмана, труды Брандта и въ особенности превосходную, только-что появившуюся статью сэра Роберта Гардта въ „Fortn. Review“, и если у васъ сохранилась капля безпристрастiя, вы должны будете признать, что на всѣ униженiя и оскорбленiя, на всѣ издѣвательства надъ ихъ правами и святѣйшими чувствами китайцы не могли не отвѣтить попыткой прогнать этихъ блѣднолицыхъ чертей. Мы въ Европѣ видѣли китайскихъ пословъ и ученыхъ, стоящихъ на высотѣ современной цивилизацiи и ни въ чемъ не уступающихъ нашимъ министрамъ и даже г. имперскому канцлеру *(Смѣхъ)*. Но это не мѣшаетъ всякому пошляку, отправляющемуся на Востокъ, смотрѣть съ высоты своего европейскаго величiя на весь китайскiй народъ“. Бебель не хотѣлъ бы бросать камнями въ умершихъ, но, „когда читаешь, напримѣръ, какъ держалъ себя посланникъ Кеттелеръ по отношенiю къ окружающимъ, то удивляешься только одному: какъ это все раньше не случилось. Г. Кропачекъ, графъ Мирбахъ, — обращается ораторъ къ перебивающимъ его депутатамъ правой, — я васъ считаю настолько искренними патрiотами, что убѣжденъ, если бы у насъ въ Германiи французы или русскiе вздумали такъ обращаться съ нѣмцами, какъ мы вели себя въ Китаѣ, вы первые записались бы въ боксеры *(Бурный смѣхъ)*. Смѣшно, когда читаешь, что въ числѣ условiй мира, выработанныхъ посланниками, заключается требованiе запрещенiя тайныхъ союзовъ, какъ будто это по силамъ какому-либо правительству! Точно такъ Наполеонъ I требовалъ отъ нѣмецкихъ правительствъ, чтобы они запретили Tugendbund, который въ его глазахъ тоже былъ только сборищемъ негодяевъ и

разбойниковъ. Я знаю, что боксеры совершаютъ теперь злодѣйства, но спросите, кто ихъ толкнулъ на этотъ путь, кто началъ?“

Бебель приводитъ рядъ случаевъ, доказывающихъ, что, прежде чѣмъ китайцы позволили себѣ какое-либо насиліе надъ нѣмцами, охрана, явившаяся въ Пекинъ, уже распоряжалась на правахъ завоевателей. Вотъ одинъ примѣръ изъ десятка: Кордесъ, нѣмецкій драгоманъ, самъ разсказываетъ, что еще до осады, нѣмецкіе солдаты, замѣтивъ недалеко отъ посольства кучку людей, посреди которой „агитаторъ“ что-то проповѣдывалъ, прицѣлились и дали залпъ: проповѣдникъ и шесть изъ слушателей были убиты, остальные разбѣжались. Что это такое, какъ не возмутительное нарушеніе международнаго права? „Я спрашиваю васъ, — восклицаетъ Бебель, — что произошло бы у насъ, если бы нѣчто подобное совершено было китайцами Подъ Липами? Оставили ли бы мы камень на камнѣ въ китайскомъ посольствѣ? Еще разъ спрашиваю, кто въ правѣ говорить о мести, о священной войнѣ? Война и — священная, я вообще не понимаю, какъ можно связывать эти слова! У насъ же пошли еще дальше и, приказывая солдатамъ избивать врага безъ пощады, назвали это внесеніемъ свѣта христіанства. Вамъ извѣстны мои религіозныя воззрѣнія, но я никогда бы не позволилъ себѣ такого издѣвательства, такого кощунства. Если бы вы были христіанами, вы не только помнили бы слова Евангелія: Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ, но вы бы поняли, сколько лжи въ политикѣ, соединяющей крестъ съ мечомъ и задающейся въ одно и то же время прозелитизмомъ и эксплоатаціей. Правда, если бы вы все это сознавали, то не нужно было бы доказывать, что китаецъ — тоже человѣкъ, на котораго нельзя устраивать облавы, какъ на хищнаго звѣря, и заставлять его копать себѣ самому яму, пока наши солдаты зарядятъ ружья и подстрѣлятъ беззащитнаго. Десятки, сотни писемъ нашихъ солдатъ рисуютъ ужасы въ обращеніи съ плѣнными, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ. Вы (обращаясь къ центру) дорожите трудами миссіонеровъ, но подумайте, что за эти нѣсколько мѣсяцевъ уничтожены всѣ результаты столѣтія, что никогда уже не удастся вашимъ іезуитамъ устранить въ душѣ китайца представленія объ ужасахъ христіанскаго нашествія! Нашъ всемірный маршалъ превратился въ экзекуціоннаго маршала, и наша цивилизація, наша гуманность потерпѣла такой ударъ, отъ котораго она долго не оправится“. Ораторъ кончаетъ словами: „Не отъ имени партіи, а во имя права и человѣчности мы протестуемъ противъ поведенія нашего правительства въ Китаѣ, дискреди-

тирующаго нѣмецкое имя. Такому правительству и на такую политику честные люди не вотируютъ ни одного гроша и ни одного солдата".

При упоминаніи о солдатѣ подымается военный министръ. Генералъ Госслеръ не можетъ допустить, чтобы дисциплинированная армія способна была на такія варварства, какія описаны въ „письмахъ гунновъ" (подъ этимъ наименованіемъ въ Германіи извѣстны солдатскія письма изъ китайской экспедиціи). Впрочемъ генералъ и не за то, чтобы съ боксерами воевали „въ лайковыхъ перчаткахъ".

LXXXIX.

Берлинъ, 18-го ноября 1900 г.

Императоръ Вильгельмъ приказомъ по кабинету предписалъ министру народнаго просвѣщенія приступить къ осуществленію реформы средняго образованія, которую императоръ называетъ „продолженіемъ преобразованій, начатыхъ въ 1892 г.". Между началомъ и продолженіемъ прошелъ, какъ видите, порядочный промежутокъ времени, и многіе уже опасались, что противникамъ монополіи классическихъ гимназій суждены лишь благіе порывы. То, что теперь совершено, правда, еще не составляетъ реформы въ томъ широкомъ объемѣ, который намѣченъ былъ самимъ императоромъ въ словахъ: „Мы хотимъ воспитывать не римлянъ и не грековъ, а людей, подготовленныхъ къ современнымъ требованіямъ жизни", но это все-таки большой шагъ впередъ.

Самая существенная черта новаго порядка въ школьномъ дѣлѣ, это — уничтоженіе привилегій гимназій: реальныя училища уравнены съ ними въ правахъ. „Относительно правъ, предоставляемыхъ средне-учебными заведеніями, — заявляетъ императоръ въ указѣ министру, — нужно исходить изъ того, что классическія и реальныя гимназіи и реальныя училища—учрежденія одинаковаго ранга и значенія". Дополненіе нужно лишь настолько, насколько нѣкоторые спеціальные отдѣлы знанія и нѣкоторыя профессіи требуютъ предварительной подготовки въ предметахъ, которые не одинаково преподаются въ каждомъ изъ этихъ видовъ средне-учебныхъ заведеній. Императоръ поэтому желаетъ расширенія правъ реальныхъ школъ и считаетъ это лучшимъ путемъ „къ поднятію репутаціи реальныхъ училищъ, усиленному посѣщенію ихъ и всеобщему распространенію реальныхъ знаній". Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый типъ школы можетъ самостоятельно развиваться, не рискуя вызвать упрекъ въ односторонности и

чрезмѣрности своихъ требованій. Въ классическихъ гимназіяхъ, напр., возможно даже увеличеніе программы латинскаго языка, такъ какъ тотъ контингентъ учащихся, которому это не нужно или не по силамъ, ничего не потеряетъ, переходя въ другія училища. Тѣмъ не менѣе и для гимназій императоръ, согласно выработаннымъ министерствомъ предложеніямъ, предусматриваетъ *замѣну до 6-го класса греческаго языка англійскимъ*. Въ виду все усиливающагося значенія англійскаго языка имѣется въ виду сдѣлать его обязательнымъ, тогда какъ до сихъ поръ онъ преподавался только для желающихъ. Императоръ и министерство въ своемъ предпочтеніи англійскаго языка идутъ такъ далеко, что предполагаютъ предоставить ему преимущество предъ французскимъ, такъ что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя настаивать на изученіи въ школѣ французскаго и англійскаго, послѣдній будетъ обязательнымъ, первый — факультативнымъ. Въ реальныхъ училищахъ особое вниманіе будетъ обращено на естественныя науки и географію, преподаваніе которыхъ больше, чѣмъ до сихъ поръ, должно быть соединено съ опытами и экскурсіями. Спеціально упомянуто о необходимости изученія техники и прикладныхъ отдѣловъ химіи и физики. Рядомъ съ этими перемѣнами въ учебныхъ планахъ должна быть осуществлена въ болѣе широкихъ размѣрахъ система физическаго воспитанія учащихся, которой въ Германіи въ послѣднія десять лѣтъ уже удѣлено довольно видное мѣсто. Въ особенности указъ императора подчеркиваетъ желательность распредѣленія часовъ занятій соотвѣтственно силамъ и возрасту дѣтей и необходимость удлиненія рекреацій. Одно изъ золъ старой школьной системы,—экзамены,—въ германскихъ гимназіяхъ и теперь уже менѣе чувствительно, чѣмъ у насъ, такъ какъ они сохранены лишь для полученія правъ по воинской повинности и на аттестатъ зрѣлости. Въ будущемъ, однако, останется только окончательное испытаніе, для льготъ же по военной службѣ достаточно будетъ простого свидѣтельства о прохожденіи 6-ти классовъ гимназіи или реальнаго училища, которое получается безъ всякаго экзамена.

Въ заключеніе императоръ сочувственно высказывается о стремленіи къ созданію *единой* школы и находитъ опытъ по такъ-называемой франкфуртской программѣ вполнѣ удачнымъ. Сущность этихъ единыхъ школъ состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что до среднихъ классовъ онѣ не знаютъ раздѣленія на классиковъ и реалистовъ и только послѣ того, какъ способности дѣтей уже болѣе

или менѣе опредѣлились, наступаетъ спеціализація системы. Несмотря на то, что преподаваніе греческаго языка начинается только съ 6-го класса, тогда какъ въ классическихъ гимназіяхъ оно уже обязательно съ 3-го, воспитанники единыхъ школъ блистательно выдержали состязаніе съ классиками.

Не входя пока въ оцѣнку этихъ реформъ, я только замѣчу, что къ исполненію ихъ приступлено будетъ уже въ слѣдующемъ учебномъ году. Такъ какъ народное образованіе не объединено для Германіи, то императоръ не въ правѣ измѣнять гимназическую систему во всей странѣ, и его распоряженіе имѣетъ обязательную силу только для прусскихъ средне-учебныхъ заведеній. Васъ можетъ-быть удивитъ, что такія реформы совершаются путемъ приказа по кабинету безъ участія прусской палаты? Это объясняется, однако, тѣмъ, что измѣненіе учебныхъ плановъ имѣетъ характеръ административной, а не законодательной мѣры, участіе же палаты необходимо только при измѣненіи законовъ. Отмѣну монополіи гимназій привѣтствуютъ самые завзятые классики. Вслѣдствіе того, что гимназіи одни только давали до сихъ поръ право на поступленіе во всѣ факультеты университетовъ, ихъ привыкли считать привилегированными, болѣе аристократическими и болѣе выгодными учебными заведеніями, что чрезвычайно неблагопріятно отражалось на ихъ воспитательныхъ результатахъ. Классикъ, высоко цѣнящій античную культуру, можетъ только радоваться, что изъ гимназіи исчезнетъ тотъ элементъ учениковъ, которыхъ притягивали не нравственныя, научныя и педагогическія достоинства классицизма, а его матеріальныя выгоды и преимущества.

XC.

Берлинъ, 21-го ноября 1900.

Какъ и въ 1890 г., послѣ созыва школьной коммиссіи, въ которой принималъ участіе императоръ, мы присутствуемъ теперь при очень крупномъ событіи въ исторіи средней школы. Правда, всѣ его участники, и Вильгельмъ II въ томъ числѣ, стали на 10 лѣтъ старше: юношескій пылъ, съ которымъ тогда готовились выбросить за бортъ устарѣлые методы образованія, замѣнился спокойнымъ, можетъ-быть даже черезчуръ осторожнымъ отношеніемъ къ вѣками сложившемуся учрежденію. Не забудьте, однако, что въ Германіи классицизмъ дѣйствительно составляетъ элементъ культуры, о которомъ по примѣняемой у насъ уродливой копіи

нельзя себѣ составить яснаго представленія. Недаромъ же такой ученый, какъ Гельмгольцъ, генію котораго человѣчество обязано многими изъ пріобрѣтеній нашего „естественно-научнаго" вѣка, отстаивалъ въ коммиссіи 1890 г. достоинства классическихъ гимназій. Тысячи широко-образованныхъ нѣмцевъ, вполнѣ понимающихъ потребности новой эпохи, стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. Классицизмъ, — говорятъ они, — не долженъ быть монопольною системой образованія, и требованія реформы вполнѣ понятны и справедливы, если имѣть въ виду практическія нужды большинства, но зачѣмъ же уничтожать созданіе прошлаго? Поставьте новое рядомъ съ нимъ, устраните привилегіи и дайте каждому, какъ Фридрихъ Великій говорилъ о религіи, „получать блаженство на свой манеръ".

Эти соображенія приняты во вниманіе при установленіи теперь въ Прусеіи новыхъ отношеній между гимназіями и университетомъ и при измѣненіи школьныхъ плановъ. Указъ Вильгельма II министру народнаго просвѣщенія намѣтилъ главные пункты, но при осуществленіи потребуются еще болѣе точныя указанія. Въ печати и обществѣ, напр., замѣчается разногласіе относительно толкованія одного изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній — равенства всѣхъ среднеучебныхъ заведеній. Большинство понимаетъ это такъ, что при поступленіи въ университетъ аттестаты гимназіи и реальнаго училища имѣютъ одинаковое значеніе, но на вопросъ, какъ же быть съ реалистами, желающими, напр., изучать богословіе, отвѣты уже получаются разные. Во всякомъ случаѣ съ большою увѣренностью можно сказать, что главные, хлѣбные факультеты—юридическій, медицинскій и отдѣленіе естественныхъ наукъ — реалистамъ будутъ доступны. Въ какой формѣ устроятъ повѣрочные экзамены для тѣхъ факультетовъ, которые предъявляютъ какъ къ реалисту, такъ и къ гимназисту требованіе дополнительныхъ свѣдѣній, — это еще не выяснено, но очевидно, что требованія будутъ умѣренныя и экзамены не будутъ затруднены крючковатыми экстемпораліями, филологическими тонкостями и т. п. Судя по предложеніямъ, сдѣланнымъ въ совѣщаніи при министерствѣ народнаго просвѣщенія, повѣрочныя испытанія даже не будутъ условіемъ принятія въ студенты, а будутъ происходить въ промежуткѣ между имматрикуляціей и сдачей государственныхъ экзаменовъ.

Въ указѣ императора послѣднія строки посвящены учебнымъ заведеніямъ съ общимъ базисомъ, mit gemeinsamem Unterbau, „по альтонской и франкфуртской программамъ". Опытъ съ такими

школами, не знающими съ первыхъ же шаговъ спеціализаціи на реальныя и классическія, Вильгельмъ II называетъ *удачнымъ* и высказываетъ желаніе, чтобы его продолжали въ болѣе широкомъ объемѣ, такъ какъ онъ имѣетъ не только педагогическое, но и большое соціальное значеніе. Императоръ рѣшительно становится такимъ образомъ на сторону школьныхъ реформаторовъ, не ограничивающихся отмѣной привилегій, но требующихъ *единства* школы и народнаго образованія. Подъ единствомъ, разумѣется, не надо понимать полное уничтоженіе всѣхъ различій, нивеллированіе, исключающее дифференціацію по способностямъ, вкусамъ и будущей профессіи учащихся. На собраніи сторонниковъ Einheitsschule, требовали сближенія образовательныхъ идеаловъ и на почвѣ нынѣшней средней школы приблизительно до 14-ти лѣтъ. До этого возраста по закону объ обязательномъ ученіи всѣ дѣти остаются въ школѣ, но въ то время какъ 90—95% дѣтей посѣщаютъ народную школу, остальные 5 или 10% уже съ 9-ти лѣтъ вступаютъ въ училища, программа которыхъ разсчитана на очень продолжительное пребываніе; слѣдовательно, ученики, оставившіе школу съ 14 лѣтъ, уходятъ, безъ законченныхъ свѣдѣній, аналогичныхъ тѣмъ, которыя даютъ народныя училища. Коротко идеалъ друзей единой школы можно поэтому резюмировать такъ: одинаковое воспитаніе всѣхъ дѣтей, пока они только дѣти,— все равно, посѣщаютъ ли они гимназію, реальное училище или народную школу,— сближеніе образованія народа и зажиточныхъ классовъ и, наконецъ, возможно поздняя спеціализація какъ по системѣ воспитанія, такъ и по роли въ ней древнихъ языковъ. Соціальное значеніе такихъ школъ, о которыхъ упоминаетъ императоръ, состоитъ въ томъ, что сынъ министра и сынъ швейцара могутъ быть товарищами и сидѣть на одной скамьѣ хотя бы до 13—14-ти лѣтъ. Нѣчто подобное существуетъ въ южной Германіи, гдѣ зажиточные классы и даже аристократія посылаютъ дѣтей во всеобщую народную школу, но только на одинъ—два года, съ 9-ти же лѣтъ дѣти уже переходятъ въ средне-учебныя заведенія.

Не въ столь широкихъ размѣрахъ идея сближенія образованія осуществлена въ гимназіяхъ „по альтонской и франкфуртской программамъ“. Пріоритетъ принадлежитъ городу Альтонѣ, прусскому предмѣстью вольнаго Гамбурга. Иниціаторы первой единой школы, открытой въ Альтонѣ въ 1878 г., руководствовались не столько соціальными, сколько педагогическими мотивами: Остендорфъ и Шлее, отцы альтонской школы, были глубоко убѣждены въ необхо-

димости гармоническаго воспитанія, имѣющаго своимъ девизомъ „non multa, sed multum“, и твердо помнили наставленіе Коменскаго, что, прежде чѣмъ учить ребенка ѣздить верхомъ, ему надо дать научиться твердо ходить на собственныхъ ногахъ. Вслѣдствіе этого въ альтонской гимназіи программа составлена была такъ, что въ низшихъ классахъ давали округленное образованіе, соотвѣтствующее городской школѣ, и только съ 4-го класса происходило дѣленіе учениковъ на „реалистовъ“ и „реальныхъ гимназистовъ“. Это вамъ не совсѣмъ будетъ понятно, если вы не вспомните, что въ Германіи не два типа средне-учебныхъ заведеній, какъ у насъ, а три: гимназіи съ обоими древними языками, реальныя гимназіи только съ латинскимъ, но съ бо́льшимъ объемомъ математики и новыхъ языковъ, и реальныя училища, какъ наши, совсѣмъ безъ древнихъ языковъ. Альтонская школа—реальная гимназія, соединенная съ реальнымъ училищемъ. Такъ какъ спеціализація начинается тамъ только съ 4-го класса, то ученики первые три года, которые въ другихъ реальныхъ гимназіяхъ посвящаютъ усиленному долбленію латинской грамматики, сохраняютъ для общаго образованія, доступнаго дѣтямъ. Первый удачный результатъ состоялъ уже въ томъ, что хотя латинскому языку въ Альтонѣ посвящаютъ пять, а не восемь лѣтъ, какъ въ остальныхъ реальныхъ гимназіяхъ, и требованія для окончательнаго экзамена остались прежнія,—выпускные ученики въ Альтонѣ сдали экзаменъ блистательно. Родители получили возможность принимать рѣшеніе относительно дальнѣйшаго воспитанія дѣтей только по переводѣ ихъ въ 4-й классъ, слѣдовательно, когда уже способности и вѣроятные шансы на успѣхъ въ томъ или другомъ отношеніи болѣе или менѣе опредѣляются. Скажу еще, что по даннымъ прусской статистики средне-учебныхъ заведеній только 20% всѣхъ гимназистовъ доходятъ до конца и сдаютъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, тогда какъ 40% доходятъ только до 6-го класса и другіе 40 должны быть удалены или сами уходятъ еще изъ низшихъ классовъ. Не большой ли уже успѣхъ, что выборъ типа школы можетъ быть сдѣланъ по крайней мѣрѣ съ 4-го класса?

Не стану однако больше распространяться объ Альтонѣ,—для насъ еще важнѣе болѣе широкое примѣненіе того же принципа въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ къ полной классической гимназіи. Въ 1890 г. вмѣсто Микеля, назначеннаго министромъ финансовъ, Франкфуртъ избралъ себѣ городскимъ головою Адикоса, раньше состоявшаго бургомистромъ въ Альтонѣ, и новый хозяинъ города, убѣдившись по прежней своей дѣятельности въ справедливости идеи Einheitsschule,

рѣшилъ ее осуществить въ большемъ масштабѣ. Городскому головѣ такое вмѣшательство въ дѣла средней школы возможно было потому, что въ Германіи гимназіи и реальныя училища преимущественно содержатся на средства городскихъ бюджетовъ. Въ 1892 г. двѣ реальныя гимназіи и классическая гимназія имени Гёте получили характеръ „реформированныхъ школъ“. Во главѣ Goethegymnasium сталъ прекрасный педагогъ, д-ръ Рейнгардтъ, отнюдь не врагъ классицизма, но глубоко убѣжденный, во-первыхъ, что мы ломаемъ природу ребенка, заставляя его съ 9—10 лѣтъ долбить грамматику мертваго языка, во-вторыхъ, что съ меньшей тратой времени могутъ быть достигнуты лучшіе результаты даже съ точки зрѣнія классика, и, въ-третьихъ, наконецъ, что не имѣетъ смысла предрѣшать для ученика 1-го класса, быть ли ему классикомъ или реалистомъ. Какъ хорошіе педагоги, Рейнгардтъ и его сотрудники исходятъ изъ мысли, что нужно прежде развить интересъ у ребенка, и тогда онъ съ меньшими усиліями преодолѣетъ формальныя трудности изученія языковъ. Вѣдь и гуманизмъ нашихъ предковъ,— заявляютъ они,—возникъ изъ интереса къ людямъ и учрежденіямъ античнаго міра, а не къ прелестямъ латинской и греческой грамматики. Порядокъ преподаванія, котораго держатся во франкфуртской гимназіи, поэтому слѣдующій: въ первыхъ трехъ классахъ, при сохраненіи обычныхъ предметовъ гимназическаго преподаванія, кромѣ древнихъ языковъ, усиленное вниманіе обращено на французскій языкъ, греческую миѳологію и изученіе жизни римлянъ, насколько это доступно дѣтямъ. Переходя въ 4-й классъ, франкфуртскіе гимназисты понимаютъ разговорный французскій языкъ, свободно читаютъ по французски и имѣютъ большой запасъ свѣдѣній объ античномъ мірѣ. Вотъ тутъ только начинаются уроки латинскаго языка, и нѣмецкіе филологи съ удивленіемъ констатируютъ, что благодаря знанію французскаго языка и болѣе сознательному отношенію къ дѣлу ученики франкфуртской гимназіи въ 4-мъ и 5-мъ классахъ успѣваютъ пройти курсъ пяти классовъ остальныхъ гимназій и свободно читаютъ тѣхъ же авторовъ: Цезаря, Овидія. Только съ 6-го класса приступаютъ къ греческому языку, и такъ какъ франкфуртская система и тутъ держится правила, что главное—пріобрѣтеніе знанія культуры и пониманія древнихъ авторовъ, то она и въ греческомъ языкѣ не только не отстаетъ, но даже обгоняетъ другія нѣмецкія гимназіи.

Какъ видите, это отнюдь не экспериментъ *противъ* классицизма, а скорѣе умная попытка придать ему жизнеспособность. Благодаря тому, что до 6-го класса нѣтъ чрезмѣрнаго груза схоластики,

учащіеся лучше и охотнѣе учатся. Тѣ изъ нихъ, которымъ классическая система не по силамъ или не по склонностямъ, выходятъ не недоучками, а съ очень порядочнымъ запасомъ знаній и переходятъ къ практической профессіи или въ профессіональныя училища. Въ городахъ, не располагающихъ гимназіей и реальнымъ училищемъ, реформенная гимназія представляетъ еще и то большое преимущество, что дастъ возможность родителямъ удержать при себѣ дѣтей, въ то время какъ иначе пришлось бы ихъ отсылать къ чужимъ. Содержаніе „единой школы" обходится государству и городу дешевле, чѣмъ гимназіи и реальнаго училища въ отдѣльности. Всѣ эти и многія другія преимущества, о которыхъ слишкомъ долго пришлось бы распространяться, повели къ тому, что до сихъ поръ при господствѣ монополіи классицизма успѣли возникнуть 20 гимназій по франкфуртской системѣ и 11 реальныхъ гимназій—по альтонской. Нѣтъ еще 10-ти лѣтъ, какъ основана реформированная гимназія имени Гете, а точно такія же средне-учебныя заведенія уже существуютъ въ Ганноверѣ, Карлсруэ, Бреславлѣ, Шарлоттенбургѣ и т. д., и отовсюду мы слышимъ одинаковые похвальные отзывы, ясно доказывающіе, что причина успѣха не въ исключительно благопріятномъ личномъ составѣ франкфуртской гимназіи, а въ преимуществахъ системы.

Послѣ рескрипта Вильгельма II развитіе ихъ пойдетъ быстрымъ темпомъ, хотя съ предоставленіемъ реалистамъ права поступать въ университеты должно еще больше увеличиться число реальныхъ училищъ. Въ настоящее время въ Пруссіи 287 классическихъ гимназій, 79 реальныхъ гимназій и 123 реальныхъ училища. Въ ближайшемъ будущемъ отношеніе между классическими и реальными гимназіями станетъ, вѣроятно обратное, и классическія гимназіи будутъ тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало давно быть: однимъ изъ видовъ средней школы, не высшимъ и не привилегированнымъ.

XCI.

Берлинъ, 13-го марта 1901 г.

Какъ всѣ почти программатическія заявленія Вильгельма II, и его послѣдняя рѣчь къ президенту прусской палаты вызываетъ живѣйшіе толки въ обществѣ. Въ особенности спорятъ о значеніи жалобы императора на упадокъ авторитета въ послѣднее десятилѣтіе, совпадающее съ его правленіемъ. Многихъ даже это изумляетъ: при чрезвычайно развитомъ у него сознаніи своей собствен-

ной инициативы, отъ высокаго оратора не ожидали столь пессимистическаго отношенія къ ея результатамъ. Въ данномъ случаѣ, однако, есть немало объективныхъ и умѣренныхъ гражданъ, которые оказываются plus royalistes que le roi, утверждая, что императоръ недостаточно справедливъ къ самому себѣ. Въ чемъ,— спрашиваютъ они, — можно усмотрѣть паденіе авторитета Вильгельма II? Конечно, не въ томъ, что теперь чаще раздаются возраженія противъ правительственныхъ мѣропріятій или противъ личныхъ взглядовъ представителя національнаго единства: первое — необходимое явленіе во всякой странѣ съ сильно пульсирующей общественной жизнью, второе вытекаетъ изъ извѣстной формулы, что императоръ — свой собственный канцлеръ. Въ эпоху Вильгельма I тоже былъ періодъ, когда критика не ограничивалась дѣйствіями министерства, но обращалась выше: вспомнимъ только, какое возбужденіе Пруссія пережила во время конфликта изъ-за реорганизаціи арміи, которую Вильгельмъ I называлъ „своимъ собственнымъ дѣломъ“. Съ тѣхъ поръ, правда, ничего подобнаго не происходило до конца жизни стараго императора, но только потому, что онъ тщательно избѣгалъ спускаться на арену политической борьбы, предоставляя это отвѣтственнымъ министрамъ.

Въ чемъ можно вообще видѣть масштабъ бо́льшаго или меньшаго уваженія къ авторитету? Только въ степени уваженія къ порядку и законности. Знаменитое изреченіе Сталя: „авторитетъ, а не майоритетъ“, ставшее лозунгомъ консерватизма, даже нынѣшними прусскими юнкерами не истолковывается больше въ смыслѣ подчиненія и рабскаго одобренія всего, что исходитъ отъ правительства. Чѣмъ сильнѣе въ народѣ любовь къ родинѣ, чѣмъ дальше страна ушла отъ примитивнаго взгляда на молчаніе какъ на обязанность управляемыхъ —взгляда, лишающаго правительство сотрудничества лучшихъ силъ народа,— тѣмъ внимательнѣе отношеніе гражданъ къ каждому шагу законодательства и администраціи. Другое представленіе объ авторитетѣ повело бы къ господству грубыхъ и своекорыстныхъ инстинктовъ, пагубныхъ для государства. Было бы весьма прискорбно, если бы пониженіе авторитета выражалось въ нарушеніи законности, но объ этомъ и рѣчи не можетъ быть. Статистика преступности въ Германіи показываетъ, напримѣръ, что преступленія противъ государства и общественнаго порядка за послѣднія двѣнадцать лѣтъ не увеличились, а уменьшились (съ 18-ти на 17 на тысячу всѣхъ преступленій).

Но что, въ такомъ случаѣ, могло подать поводъ къ жалобамъ

императора? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и чтобы узнать преобладающее въ обществѣ, т. е. въ среднихъ кругахъ интеллигентнаго и зажиточнаго населенія, мнѣніе, лучше всего прислушаться къ отзывамъ не радикаловъ справа и слѣва, а національно-либеральной печати: она въ сдержанной и почтительной формѣ высказываетъ взгляды, отъ которыхъ не можетъ отрѣшиться самый лояльный и убѣжденный нѣмецкій монархистъ, выросшій въ уваженіи къ авторитетамъ, но въ то же время не потерявшій сознаніе своей человѣческой личности. Я выбираю двѣ очень распространенныя въ этихъ кругахъ газеты, имѣющія для нашей цѣли еще то достоинство, что обѣ онѣ отъ поры до времени служатъ правительственнымъ цѣлямъ, играютъ роль оффиціозовъ. „Гамбургскій Корреспондентъ“, органъ ганзейскихъ патриціевъ и берлинскихъ чиновниковъ, убѣжденъ, что прискорбный случай въ Бременѣ былъ только внѣшнимъ поводомъ къ жалобамъ Вильгельма II на демораліацію нравовъ и ростъ критицизма. Изъ бесѣды съ судебнымъ слѣдователемъ, явившимся въ Берлинъ для протоколированія его показанія (императоръ самъ пожелалъ быть спрошеннымъ въ качествѣ свидѣтеля), Вильгельмъ II знаетъ, что виновникъ причиненнаго ему страданія—больной, дѣйствовавшій безсознательно, въ припадочномъ состояніи, и притомъ совершенно неразвитой человѣкъ, не имѣющій даже понятія о какихъ-либо политическихъ идеяхъ. Нужно думать, что заявленія о потерѣ авторитета и рѣзкости критики относятся къ сознательнымъ поступкамъ. Вѣроятнѣе всего, императоръ имѣлъ въ виду тѣ нападки, которымъ его дѣйствія и слова (поѣздка въ Англію, отношеніе къ Крюгеру) подверглись въ населеніи, отличавшемся раньше особенною лояльностью или по крайней мѣрѣ громче другихъ заявлявшемъ о своей преданности. Это дѣйствительно прискорбно, но мы не можемъ отрицать, что при импульсивности, при быстрой отзывчивости монарха, имѣющей свои очень большія достоинства, такія послѣдствія неминуемы. Императоръ положительно несправедливъ къ самому себѣ, говоря, что онъ менѣе авторитетенъ у своихъ соотечественниковъ, чѣмъ его дѣдъ, у котораго былъ такой замѣчательный канцлеръ. Во всякомъ случаѣ хорошо, что страна знаетъ мнѣнія императора, но желательно бы сообщеніе ихъ въ формѣ, соотвѣтствующей конституціоннымъ обычаямъ, дающей возможность обсуждать ихъ. Протестъ Рихтера въ парламентѣ былъ вполнѣ мотивированъ: молча такихъ вещей не выслушиваетъ ни одна палата въ мірѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ соображеній повторяются совершенно самостоятельно въ „Ганноверскомъ Курьерѣ“, газетѣ Беннигсена, состоявшаго до недавняго времени генералъ-губернаторомъ въ Ганноверѣ. Редакторы газеты и теперь находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ правительствомъ. Въ статьѣ подъ заглавіемъ „Эпизодъ въ палатѣ“ высказывается сначала сожалѣніе по поводу пессимистическаго настроенія, которымъ проникнуто обращеніе Вильгельма II къ слушателямъ. Нельзя, конечно, отрицать, что оно не вполнѣ лишено основанія: въ послѣдніе годы борьба матеріальныхъ интересовъ заслоняетъ идеальныя задачи и придаетъ политической критикѣ болѣе грубый и рѣзкій оттѣнокъ; но что же дѣлать, если мы живемъ въ эпоху броженія и возникновенія новыхъ формъ жизни? Всякая такая стадія связана съ односторонностью, но несчастья въ этомъ еще видѣть нельзя. Императоръ правъ, говоря, что всѣ мы несемъ за это отвѣтственность. Едва ли, однако, изъ словъ, произнесенныхъ на пріемѣ депутаціи палаты, можно вывести заключеніе, что въ будущемъ станетъ лучше, если мы будемъ вообще воздерживаться отъ критики: это было бы спокойствіе кладбища, которое несравненно хуже и опаснѣе, чѣмъ всякая, даже самая несправедливая и односторонняя критика. Каждый нѣмецкій патріотъ долженъ только желать, чтобы внѣ полемики оставалось то высшее мѣсто, которое служитъ символомъ единства націи. Если со смерти Вильгельма I въ этомъ отношеніи произошло умаленіе авторитета, то только потому, что Вильгельмъ I избѣгалъ выступать безъ крайней надобности со своими личными мнѣніями и инструкціями, и, вѣроятно, не только вслѣдствіе преклоннаго возраста, но и по рѣдкому умѣнію сдерживать себя. Потому недовольство мѣрами правительства почти никогда не выражалось въ формѣ нападокъ на то, что дорого всякому патріоту. Будучи человѣкомъ совершенно другой эпохи, Вильгельмъ I, однако, сумѣлъ понять, что „конституціонныя теоріи защищаютъ не только права народа, но и прерогативы и авторитетъ короны“.

Главный оффиціозъ Бюлова „Kölnische Zeitung“ выражается въ томъ-же духѣ „Нужно много злой воли и мало разсудка,—увѣряетъ вліятельная газета,—чтобы отыскать въ словахъ императора утвержденіе, будто повтореніе мартовскихъ дней 1848 г. возможно или даже только вѣроятно. Есть, конечно, политическіе проходимцы, которымъ выгодно внушать страхъ, но такими пугалами теперь и маленькихъ дѣтей не устрашишь“. Само собою разумѣется, что оффиціозная газета не питаетъ ни малѣйшаго сочувствія къ рабочей

партіи, но это не мѣшаетъ ей признать, что Бебель и его друзья — не заговорщики, думающіе днемъ и ночью о ниспровержении монархіи. Пора же, наконецъ, понять, что прошло полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ придворные Фридриха-Вильгельма IV повторяли: gegen Demokraten helfen nur Soldaten. Внуки и тѣхъ аристократовъ, и тѣхъ демократовъ ведутъ борьбу въ рейхстагѣ, на выборахъ и въ печати, хорошо понимая, что ихъ политическіе конфликты разрѣшаются теперь совершенно иначе, чѣмъ въ эпоху вынужденнаго молчанія и тайныхъ заговоровъ. Когда каждый день можно высказать свои требованія и жалобы, нѣтъ повода для внезапныхъ вспышекъ. Вполнѣ лояльные органы задаются вопросомъ: когда монархія въ Пруссіи была прочнѣе, — теперь или 50 лѣтъ тому назадъ? Отвѣтъ гласитъ, что Вильгельмъ II спокойнѣе Фридриха-Вильгельма IV могъ бы положить голову на грудь каждаго изъ своихъ подданныхъ, потому что, за исключеніемъ помѣшанныхъ и слѣдовательно невмѣняемыхъ, каждый гражданинъ понимаетъ, что вопросы государственнаго быта и общественнаго блага рѣшаются теперь при взаимодѣйствіи короны и народа, такъ что о личной отвѣтственности за тѣ или другіе недостатки законодательства рѣчи быть не можетъ.

Довольно, однако, о толкахъ дня: мнѣ нужно еще помянуть добрымъ словомъ хорошаго нѣмецкаго старика, котораго недавно похоронили въ Роштокѣ. Юліусъ Виггерсъ былъ профессоромъ богословія въ роштокскомъ университетѣ, когда наступили событія 1848 г., и кабинетный ученый, теологъ, погруженный въ изученіе исторіи церкви, сталъ борцомъ. Вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ, Морицемъ, Юліусъ Виггерсъ принялъ ближайшее участіе въ движеніи противъ средневѣкового строя Мекленбурга, съ его рыцарскими привилегіями, обезземеленнымъ крестьянствомъ и отсутствіемъ гарантій свободы личности. Движеніе имѣло успѣхъ. Виггерсы были избраны сначала въ учредительное собраніе, а потомъ въ ландтагъ; послѣдовательные и энергичные люди, они стояли впереди другихъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не былъ радикаломъ, но оба выступали строгими хранителями законности, зная по опыту, что̀ такое произволъ. Эта методичность и стойкость вѣроятно и вызвали противъ нихъ ненависть привилегированныхъ сословій. Когда франкфуртское національное собраніе было распущено и возстаніе въ Баденѣ подавлено, реакція, поднявшая голову въ Берлинѣ, распространилась и на Мекленбургъ. Всѣ торжественныя обѣщанія были забыты, и въ іюлѣ 1850 г. правительство закрыло

просуществовавшій болъ году недѣлю парламентъ, подавивъ попытку Морица Виггерса созвать депутатовъ на засѣданіе: зданіе ландтага окружили солдатами и никого туда не впускали.

Затѣмъ начинается преслѣдованіе демагоговъ, и вотъ тутъ оба Виггерса становятся героями, на которыхъ обращено вниманіе всей Германіи. То, что Юліуса Виггерса удалили изъ университета, а Морица лишили (составлявшей тогда монополію) адвокатской практики, — еще не Богъ знаетъ что̀: такія явленія были тогда „на очереди дня“, и изъ одного маленькаго университета въ Роштокѣ въ 1852 г. удалили пять профессоровъ. Всеобщую сенсацію, однако, вызвалъ процессъ обоихъ братьевъ: не удовольствовавшись причиненными имъ лишеніями и боясь ихъ вліянія, мекленбургское правительство создало дѣло о заговорѣ противъ государственнаго порядка, при чемъ во главѣ заговора будто стояли Виггерсы. Нужно было спасти государство, а для этого тогда существовалъ стереотипный пріемъ: находились классическіе свидѣтели изъ раскаявшихся, утверждавшіе, что въ такомъ-то мѣстѣ приготовлены всѣ принадлежности для заговора, въ которомъ участвуютъ такія-то лица. Принадлежности находились, поименованныя лица подвергались преслѣдованію, а много лѣтъ спустя случаю удавалось разъяснить, что и заговоръ, и всѣ детали о дѣятельности агитаторовъ предварительно составлялись въ полицейскомъ учрежденіи, желавшемъ показать свое рвеніе.

Такъ было и съ дѣломъ Виггерсовъ, которыхъ осудили на нѣсколько лѣтъ смирительной тюрьмы на основаніи показаній негодяя, потомъ награжденнаго теплымъ мѣсточкомъ, на которомъ онъ совершилъ столько подлоговъ и мошенничествъ, что (уже при другихъ условіяхъ юстиціи) вполнѣ заслуженно попалъ въ цухтгаузъ. Но беззаконій въ процессѣ Виггерсовъ не оберетесь: онъ сталъ классическимъ примѣромъ, на которомъ молодымъ юристамъ демонстрируютъ прелести стараго суда и патріархальнаго режима. Подсудимыхъ $3^1/_2$ года продержали въ предварительномъ заключеніи, сначала почти-что въ клѣткахъ для звѣрей; семь мѣсяцевъ ихъ не допрашивали у судебнаго слѣдователя. Лаской и угрозой, обѣщаніемъ амнистіи и указаніями на послѣдовавшее будто сознаніе соучастниковъ, у нихъ пытались вырвать сознаніе вины. Уголовное судопроизводство было спеціально для этого измѣнено; составъ короннаго суда, когда, наконецъ, нельзя было больше оттянуть процессъ, усиленъ надежными судьями. Только послѣ всѣхъ этихъ измѣненій удалось наконецъ добиться осужденія, и то боль-

шинствомъ одного голоса, который принадлежалъ пріобрѣвшему печальную знаменитость судьѣ Шпангенбергу, бывшему революціонеру, награжденному мѣстомъ члена судьи за свое ренегатство. Даже въ ту страшную пору преслѣдованія общественнаго мнѣнія взрывъ негодованія раздался во всей Германіи, и владѣтельный герцогъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ „помиловалъ“ обоихъ братьевъ.

Когда въ 1867 г. созванъ былъ первый рейхстагъ Сѣверогерманскаго союза, мекленбуржцы послали въ него своими депутатами обоихъ Виггерсовъ, и эти страшные демагоги заняли мѣста на скамьѣ умѣренныхъ прогрессистовъ! Мекленбургское правительство попыталось еще тогда протестовать противъ дѣйствительности ихъ полномочій, такъ какъ въ качествѣ бывшихъ каторжанъ они будто не имѣли право быть избранными. Рейхстагъ, однако, отклонилъ протестъ, противъ котораго, хотя формально онъ былъ обоснованъ, высказались прусскій министръ юстиціи и депутатъ принцъ Фридрихъ-Карлъ. Вся зала устроила овацію жертвамъ произвола. Кто бы сказалъ, что послѣ столькихъ испытаній одинъ изъ нихъ проживетъ до 84, а другой до 90 лѣтъ? Бываютъ же такія живучія, выносливыя натуры! Умершій теперь Юліусъ Виггерсъ уже не возвращался больше къ богословію, а зарабатывалъ себѣ кусокъ хлѣба перомъ журналиста, посвящая свои досуги научной работѣ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ: по исторіи мекленбургскаго государственнаго права, статистикѣ, въ особенности же неофилологіи. Онъ между прочимъ —авторъ двухъ прекрасныхъ грамматикъ итальянскаго и испанскаго языковъ. Весь Роштокъ, отъ профессоровъ и студентовъ университета до рабочихъ, пришелъ отдать послѣдній долгъ замѣчательному гражданину, смерть котораго напомнила о прелестяхъ „добраго стараго времени“. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Подумать, что эти порядки существовали здѣсь какихъ-нибудь 40 лѣтъ тому назадъ...

XCII.

Берлинъ, 19-го марта 1901 г.

Вопросъ о реформѣ гимназій изъ Нижней палаты попалъ въ Верхнюю; и какъ это ни странно покажется всякому, знающему, что̀ такое прусскій „Герренъ-Хаузъ“, здѣсь высказаны были болѣе любопытныя мысли, чѣмъ въ первомъ собраніи. Вы вспомните, можетъ-быть, что въ палатѣ господъ есть небольшая,

но интеллигентная группа городскихъ головъ и представителей университетовъ. Ей иногда удается внести свѣжій воздухъ въ затхлую атмосферу этой пародіи на парламентъ. Давно, однако, прусскіе лорды не испытали такого сильнаго испуга какъ въ послѣднее засѣданіе, когда одинъ изъ младшихъ ихъ коллегъ, проф. Ридлеръ (делегатъ шарлоттенбургскаго политехникума) выступилъ противъ классиковъ и юристовъ. Это былъ уже не свѣжій вѣтерокъ, а настоящій вихрь, отъ котораго старички тщетно пытались защититься, затыкая уши. „Такихъ рѣчей я не ожидалъ услышать здѣсь,—воскликнулъ и министръ юстиціи Шенштедтъ:— никогда бы я не повѣрилъ, чтобы членъ этого высокаго дома, назначенный монархомъ, сталъ выражаться какъ противникъ прусскихъ учрежденій".

Между тѣмъ проф. Ридлеръ—большой поклонникъ Вильгельма II и въ свою очередь пользуется симпатіями императора. Рѣчь его заслуживаетъ серьезнаго вниманія, потому что она резюмируетъ мысли большой группы интеллигенціи.

Цѣль борьбы противъ монополіи классицизма совершенно ясна,— заявляетъ ораторъ: въ высокомъ идеалѣ воспитанія мы не хотимъ ничего убавить, но вмѣсто того, чтобы повторять эксперименты искусственнаго созданія грековъ и римлянъ, мы находимъ нужнымъ открыть молодежи доступъ къ современной культурной жизни. Задачи человѣка XX вѣка—не тѣ, что людей древности, міръ совершенно измѣнилъ свою физіономію, — что же удивительнаго, если мы хотимъ измѣнить содержаніе и средства воспитанія и привести ихъ въ согласіе съ потребностями нашего времени? Въ 1890 г. императоръ сталъ во главѣ движенія за новую школу, но его добрыя намѣренія были похоронены въ школьной коммиссіи филологами; въ 1900 г. онъ снова беретъ на себя инициативу реформы, и филологи уже не сопротивляются, по крайней мѣрѣ ничего не имѣютъ противъ уравненія правъ реалистовъ, но на сцену выступаютъ юристы, и объ ихъ сопротивленіе идеалы воспитанія снова могутъ разбиться. Изощрившись въ казуистикѣ, юристы говорятъ, что школьный рескриптъ провозгласилъ „равноцѣнность" всѣхъ типовъ средней школы: съ этимъ они вполнѣ согласны, но это не значитъ еще, чтобы всѣ школы имѣли одинаковыя права. Отъ такой игры словами реформа легко можетъ превратиться въ пустую передѣлку второстепенныхъ мелочей. Каждому ясно, что если не дать школамъ одинаковыхъ правъ, все останется по старому. Медики, которые въ сущности ничего не могли бы

возразить противъ допущенія реалистовъ, переносятъ педагогическій споръ на почву сословныхъ преимуществъ и заявляютъ, что если реалистовъ не станутъ пускать на юридическіе факультеты и откроютъ имъ доступъ къ медицинѣ, то званіе врача будетъ унижено. Они въ сущности откровеннѣе своихъ юридическихъ коллегъ и назвали вещь собственнымъ именемъ. „Будемъ же и мы откровенны,—восклицаетъ проф. Ридлеръ,—и скажемъ прямо, что и у юристовъ истинный мотивъ защиты классицизма — исключительность, стремленіе сохранить господствующее положеніе своей касты въ обществѣ и государствѣ“. Говоря объ юристахъ, ораторъ имѣетъ въ виду не только судей и адвокатовъ: весь государственный механизмъ, всѣ высшія административныя должности въ рукахъ людей, прошедшихъ чрезъ юридическій факультетъ университетовъ и усвоившихъ себѣ формальное отношеніе къ практическимъ задачамъ жизни, вполнѣ гармонирующее съ искусственнымъ воспитаніемъ на гимназической скамьѣ. Если мы не выйдемъ изъ этого узкаго кругозора людей, не знающихъ истиннаго смысла управленія, то мы дѣйствительно предоставимъ міръ англичанамъ и американцамъ, а сами станемъ обрабатывать землю, унаслѣдованную отъ предковъ. Но въ такомъ случаѣ пусть уже гг. юристы постараются найти дѣйствительныя средства, чтобы населеніе не умножалось и бѣдность не грозила Германіи пониженіемъ ея могущества и достоинства... „Я признаю авторитетъ людей, именемъ націи и короны судящихъ насъ и управляющихъ, но для того, чтобы судъ не впадалъ въ противорѣчіе съ народной совѣстью и администрація не игнорировала своей существенной обязанности,—умѣнія предугадать и предупреждать, — странѣ нужны не бюрократы и педанты, а живые люди, видящіе, что происходитъ вокругъ нихъ“.

Была пора, когда государственныя должности пріобрѣтались рожденіемъ и привилегіями, теперь это иначе, но посмотрите, — кто составляетъ правящій элементъ во всѣхъ вѣдомствахъ, на всѣхъ общественныхъ постахъ? Юристы и юристы, т. е. при нынѣшнихъ условіяхъ люди, не имѣющіе понятія о главномъ содержаніи своей дѣятельности. Что теперь дипломатъ безъ свѣдѣній въ народномъ хозяйствѣ? На что министру финансовъ или промышленности и торговли чиновники, голова которыхъ набита статьями законовъ и тонкостями пандектъ, тогда какъ имъ нужно было бы знать жизнь и практическіе вопросы? Микель—очень хорошій министръ финансовъ, но гдѣ онъ пріобрѣлъ свои свѣдѣнія? Не у

юристовъ, а въ мірѣ банковъ, состоя директоромъ Disconto, и на опытѣ самоуправленія въ бытность городскимъ головою во Франкфуртѣ. Судебная практика все чаще проявляетъ такія уродливыя стороны, такое полное непониманіе и отсутствіе здраваго смысла, что не удивительно, если въ народѣ довѣріе къ суду падаетъ. Право, однако,—сторона общественной жизни, которой нельзя безнаказанно колебать, и потому гг. юристы вмѣсто того, чтобы отстаивать свои привилегіи, поступили бы въ собственномъ интересѣ умнѣе, освѣживъ свою среду новыми элементами, молодыми силами, не прошедшими сквозь строй классицизма.

На нашихъ глазахъ совершается огромный переворотъ въ техникѣ и производительныхъ силахъ; вѣроятнѣе всего, что мы только стоимъ въ началѣ новыхъ великихъ измѣненій; умъ человѣка не останавливается предъ самыми грандіозными задачами, — а въ школьномъ вопросѣ мы станемъ консервировать старье и бояться всякаго смѣлаго шага? „Да по моему,—восклицаетъ Ридлеръ,—самые рѣшительные педагоги и реформаторы не только не черезчуръ смѣлы, но черезчуръ трусливы. Я считаю своимъ долгомъ громко заявить, что нашей странѣ грозитъ величайшая опасность,—духовное оскудѣніе и матеріальное униженіе, и что виновниками его будутъ тѣ, которые безъ всякаго разумнаго основанія, только изъ сословныхъ предразсудковъ и эгоистическихъ побужденій, тормозятъ реформу воспитанія".

Немножко меньше горячности было бы лучше,—говорятъ и сторонники реформы по поводу дебюта Ридлера въ прусской палатѣ господъ, но всѣ согласны, что устами шарлоттенбургскаго профессора говоритъ большая часть общества. Шмоллеръ, тоже сидящій въ палатѣ господъ, счелъ нужнымъ заступиться за юристовъ: правда, для государственной и общественной службы на нынѣшнихъ юридическихъ факультетахъ черезчуръ мало готовятъ студентовъ, и побольше политической экономіи, финансовъ, практическаго опыта въ промышленности и технологіи и т. д. было бы не вредно, но Ридлеръ уже черезчуръ густо наложилъ на юристовъ черныя краски.

XCIII.

Берлинъ, 22-го іюля 1901 г.

Скоро уже прекратятся страданія выдающейся женщины, долго привлекавшей симпатіи истинно культурныхъ нѣмцевъ. Императрица Фридрихъ умираетъ отъ той же страшной болѣзни, которая прежде-

временно свела въ могилу ея мужа; поразительная сила воли, отличавшая ее въ счастливые годы жизни, помогала вдовѣ Фридриха долго бороться съ недугомъ, но теперь силы истощены. Императоръ прервалъ свое плаваніе, отказался отъ участія въ гамбургскихъ торжествахъ въ честь Вальдерзее, имъ же самимъ задуманныхъ, и находится теперь у постели умирающей. Въ идеяхъ сына и матери, въ ихъ взглядахъ на задачи жизни, обязанности управленія, отношенія между монархомъ и народомъ—мало общаго, но императрица сумѣла внушить къ себѣ уваженіе всѣмъ окружающимъ, въ томъ числѣ и тѣмъ изъ своихъ дѣтей, которыя не были очень близки ея сердцу.

Образованныя, сердобольныя и миротворящія женщины не рѣдкое явленіе въ германскихъ правящихъ домахъ, но во вдовѣ Фридриха современный человѣкъ цѣнитъ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ обычныя дѣла благотворенія или меценатства: онъ цѣнитъ въ ней полную свободу отъ предразсудковъ изолированнаго высокаго положенія, умѣніе понимать идеи своего времени, отрѣшаться отъ взгляда на общество и народъ какъ на подчиненную массу, для которой существуютъ подраздѣленія по сословіямъ, табели о рангахъ. Уже съ первыхъ своихъ шаговъ при берлинскомъ дворѣ принцесса Викторія ясно показала, какъ далека она отъ узкихъ традицій касты. Она не искала и не нашла друзей среди напыщенной прусской аристократіи, но зато сразу сумѣла оцѣнить то, что было лучшаго и истинно благороднаго въ ея новомъ отечествѣ: величіе ума и таланта, ореолъ великихъ научныхъ заслугъ. Предъ ними она открыто преклонялась, стремясь извлечь изъ дружбы съ выдающимися людьми пониманіе жизни, знаніе, наслажденіе красотой. Не только для себя, но и для своего мужа и дѣтей она создала культурную обстановку, о которой можно было сказать, что въ ней сосредоточено высшее духовное содержаніе истекшаго вѣка. Гельмгольцъ, Моммзенъ, Вирховъ, Ауэрбахъ, Менцель и цѣлый рядъ другихъ корифеевъ науки, литературы и искусства были друзьями дома; въ салонѣ принцессы всѣ чувствовали себя какъ у интеллигентной, умѣющей внимательно слушать и направлять разговоръ женщины. Сама она не стѣснялась въ выраженіяхъ, и никто изъ ея гостей не считалъ нужнымъ скрывать свои мысли. Засѣданіе парламента, новая книга, споръ теологовъ, выдающееся открытіе вызывали обмѣнъ мыслей, даже споры. Либералы въ родѣ Бунзена, Форкенбека или Шрадера могли высказываться о правительственномъ режимѣ. Характеризовать политиче-

ское значеніе императрицы значитъ въ сущности рисовать фигуру императора Фридриха, который сталъ такимъ, какъ его сохранитъ исторія, только благодаря вліянію своей болѣе умной и болѣе образованной жены. Она воспитала своего мужа, отучила его отъ прусскихъ привычекъ, открыла ему глаза на красоту искусства, заставила думать о границахъ собственной воли и потребностяхъ образованной націи. Бисмаркъ уже съ первыхъ своихъ шаговъ во главѣ правительства зналъ, что въ женѣ кронпринца онъ имѣетъ не только самаго опаснаго, но и самаго умнаго критика. Ею продиктована была знаменитая рѣчь кронпринца въ Данцигѣ, произнесенная въ эпоху конфликта короны съ палатой и произведшая колоссальное впечатлѣніе, такъ какъ наслѣдникъ престола открыто заявлялъ, что министры его отца, выступая противъ палаты и преслѣдуя свободное слово въ печати, толкаютъ монархію въ пропасть. Не знаю, оправдалъ ли бы Фридрихъ надежды, которыя возлагали на него прогрессивные нѣмцы, но въ его женѣ свободомыслящая Германія имѣла убѣжденную и твердую союзницу.

Пройдетъ еще нѣсколько дней, ее похоронятъ и забудутъ, потому что въ дѣйствительности она уже при жизни „ушла въ сторону“, какъ пережилъ себя впрочемъ и ея замѣчательнѣйшій политическій антагонистъ. Во вдовьей долѣ императрицы, кажется, единственнымъ свѣтлымъ событіемъ было паденіе ея антипода — Бисмарка, о которомъ она однажды сказала, держа наполненный до краевъ стаканъ воды: „Сколько капель въ этомъ стаканѣ, столькихъ слезъ онъ мнѣ стоилъ“.

Между тѣмъ она вовсе не принадлежала къ сентиментальнымъ или нервнымъ натурамъ, плачущимъ при всякомъ сопротивленіи. На нѣмецкій взглядъ Kaiserin Friedrich даже черезчуръ мало женственна, потому что голосъ сердца у нея не подавлялъ разсудка; во всѣхъ своихъ поступкахъ она была послѣдовательна и логична и не было умственныхъ интересовъ, которые она считала бы недоступными женщинѣ. „Англичанка“,—повторялъ средній бюргеръ, не находя болѣе разумнаго объясненія для такого страннаго явленія, и эта кличка такъ и осталась за императрицей. Одно время на „англичанку“ предпринята была буквально травля, якобы оттого, что кронпринцесса пыталась осуществить бракъ своей дочери съ Баттенбергомъ, въ дѣйствительности же потому, что Бисмаркъ всѣми средствами домогался устранить свою соперницу отъ престола. Всѣ англійскія симпатіи вмѣнялись ей тогда въ преступленіе, а при-

глашеніе англійскаго врача къ безнадежно больному Фридриху пытались представить чуть ли не покушеніемъ на жизнь кронпринца. Это было грубо, возмутительно, и немало горькихъ часовъ ей доставляли нападки оффиціозовъ канцлера. „Люди въ скромныхъ матеріальныхъ и соціальныхъ условіяхъ,—писала она вскорѣ послѣ той травли, склонны думать, что борьба и страданія только имъ выпали на долю. Но если бы они знали, какъ мало иногда такъ называемыя наслажденія жизни даютъ радости и сколько горя бываетъ въ высокихъ хоромахъ". Тѣмъ не менѣе ее трудно было сломить, и въ Германіи не секретъ, что если умирающій Фридрихъ сталъ императоромъ хоть на 99 дней, то только благодаря желѣзной энергіи своей жены, сумѣвшей устранить всѣ интриги и въ томъ числѣ попытку Бисмарка назначить регентство. Врачи, которые должны были констатировать неспособность Фридриха къ управленію, не были допущены къ больному. Этимъ объясняется и предпочтеніе, которое кронпринцесса оказывала англичанину Мэкензи предъ нѣмецкими хирургами.

Несомнѣнно, что до конца жизни у нея остались привычки и вкусы старой родины, но это — не привязанности къ мелочамъ внѣшней жизни, а упорное сохраненіе взглядовъ и симпатій, стоявшихъ выше казарменно-феодальныхъ традицій прусскаго двора. Ея простота въ обращеніи, прямота и умѣніе называть вещи собственными именами раздражали прусскихъ аристократовъ, и они мстили ей по своему: булавочными уколами, сплетнями, камергерскими анекдотами. Образчикомъ свободнаго отношенія императрицы къ свѣтскимъ условностямъ можетъ служить разговоръ за придворнымъ обѣдомъ, записанный Бисмаркомъ въ его мемуарахъ. Въ шутливой формѣ кронпринцесса спрашиваетъ канцлера, какъ онъ представляетъ себѣ будущій строй Германіи, и не боится ставить вопроса о прочности монархическаго режима. „Я всю жизнь былъ монархистомъ и работалъ для Гогенцоллерновъ, — отвѣчалъ Бисмаркъ,—но не поручусь за далекое будущее, если сверху проникнутъ въ массу скептическіе взгляды на отношенія короны къ народу". Она тоже монархистка, уже ради своихъ дѣтей, но для ихъ блага она желала бы, чтобы монархія всегда чутко прислушивалась къ настроенію страны. Правленіе, девизъ котораго — принужденіе, не можетъ быть прочнымъ. Это—ея глубокое убѣжденіе, почерпнутое изъ исторіи, уроковъ отца, изъ знакомства съ англійскимъ конституціонализмомъ. Недаромъ она въ эпоху конфликта внушила мужу знаменитый протестъ противъ декретовъ о печати: она

не желала бы, чтобы ея сыну или внуку выпала участь послѣдняго Стюарта...

Вы понимаете, что женщину съ такими взглядами прусскій консерваторъ не можетъ оплакивать. Приличія ради „Kreuz-Zeitung“ и родственныя ей газеты вышли въ траурной каймѣ, но прочтите ихъ некрологи и вы сейчасъ почувствуете, что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ набора банальныхъ фразъ: „Страна принимаетъ живѣйшее участіе въ горѣ монарха“; „Германія оплакиваетъ кончину мудрой женщины, облегчавшей страданія раненыхъ, утѣшавшей больныхъ, помогавшей бѣднымъ“, и еще много такихъ же, ничего не говорящихъ сердцу словъ. Все, что выдѣляло эту женщину изъ ея круга, что заставило такого человѣка, какъ Ренанъ, послѣ двухчасовой бесѣды съ нею назвать ее une nature supérieure, тщательно замалчивается. Еще бы имъ, пietистамъ и реакціонерамъ, хвалить императрицу за то, что она совершенно свободна была отъ предразсудковъ и преклонялась предъ пытливой мыслью, даже если мысль разрушала традиціи! Честнѣе ужъ поступаютъ органы антисемитовъ, пангерманцевъ и аграріевъ, ограничивающіеся передачей оффиціальныхъ депешъ и прибавляющіе отъ себя, что покойная имъ была всегда чужда, какъ человѣкъ другой націи и другихъ убѣжденій.

Императрица Фридрихъ остается еще въ доброй памяти среди художниковъ, артистовъ, учительницъ, дѣятелей въ пользу народнаго просвѣщенія и народныхъ развлеченій. Рѣдкое предпріятіе въ области искусства и народнаго образованія не пользовалось ея поддержкою и покровительствомъ. Она сама была разносторонняя художественная натура, и въ этомъ отношеніи старшій сынъ кое-что отъ нея унаслѣдовалъ. Разница только въ томъ, что императрица Фридрихъ, несмотря на восторженныя похвалы ея рисункамъ Антона Вернера, отлично понимала, что она только дилетантка; точно такъ же она относилась къ своимъ экскурсіямъ въ область литературы: онѣ доставляли ей удовольствіе, но она не считала себя ни художникомъ, ни литераторомъ и во всякомъ случаѣ не требовала, чтобы признавали непогрѣшимыми ея взгляды на вопросы, принадлежащіе къ области свободнаго творчества. Точно такимъ же образомъ она относилась къ проблемамъ воспитанія и профессіональной дѣятельности женщины: не будучи Frauenrechtlerin, сторонницей полнаго равенства между мужчиной и женщиной, она, однако, никогда не отказывала въ своемъ содѣйствіи учрежденіямъ, задававшимся цѣлью

поднять положеніе нѣмецкой женщины, снабдить ее знаніями и профессіональнымъ умѣніемъ.

Изъ всего этого вы вынесете впечатлѣніе, что императрица Фридрихъ принадлежала къ той категоріи людей, которые оставляютъ послѣ себя память не потому только, что судьбѣ угодно было поставить ихъ на верхнюю ступень общественной лѣстницы. У нея, можетъ-быть, были свои слабости и недостатки, но заурядной женщиной ее не назовутъ и враги.